ЖИЗНЬ ВО ДВОРЦЕ
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

XXVIII ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«ЦАРСКОЕ СЕЛО»

ЖИЗНЬ ВО ДВОРЦЕ
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
XXVIII ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

издательство
РУССКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Санкт-Петербург
2022

УДК 93:394.012(470+571)(082)
ББК 63.3(2)5-7я43
Ж71

Печатается по решению Ученого совета
Государственного музея-заповедника «Царское Село»

Оргкомитет конференции:
И. К. Ботт, М. П. Лебединская, А. В. Тоесева

Жизнь во дворце. Взгляд изнутри : сборник научных статей XXVIII Царскосельской конференции / Государственный музей-заповедник «Царское Село». – Санкт-Петербург : Русская коллекция, 2022. – 688 с. : ил., портр.

Библиогр. в конце ст. – 450 экз. – ISBN 978-5-00067-117-7.
Текст (визуальный) : непосредственный.
I. «Царское Село», государственный музей-заповедник (Пушкин, Санкт-Петербург). Научная конференция (28; 2022) II. «Царское Село», государственный музей-заповедник (Пушкин, Санкт-Петербург)

Научные статьи сборника XXVIII Царскосельской конференции «Жизнь во дворце. Взгляд изнутри» посвящены вопросам дворцовой «повседневности», отражающим бытовую сторону дворцовой жизни: структуре и истории появления различных служб, организации служебных и хозяйственных помещений, подготовке и проведению дворцовых церемониалов и празднеств, а также личным отношениям, связывавшим правителей государства и членов их семей со служителями двора.

Сборник адресован сотрудникам музеев, искусствоведам, историкам, краеведам, всем, кто интересуется отечественной историей и культурой.

Государственный музей-заповедник «Царское Село»
выражает благодарность членам Клуба друзей музея-заповедника
за финансовую поддержку конференции:
Негосударственному образовательному учреждению
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов»,
Типографии «Эпиграф»

© ГМЗ «Царское Село», 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Русская коллекция СПб», 2022

ISBN 978-5-00067-117-7

Уважаемые коллеги!

Продолжающаяся реставрация памятников архитектуры, воссоздание исторических объектов, в первую очередь, дворцовых комплексов, живущих в новых музейных реалиях, ставит в наши дни перед исследователями задачу всестороннего историко-культурологического изучения повседневной дворцовой жизни.

Тема проходивших во дворцах светских и церковных церемоний, парадов, балов и приемов, свидетельствовавших о характере каждого царствования, как и частная жизнь владельцев дворцов, изучены довольно хорошо. Именно поэтому мы решили посвятить XXVIII Царскосельскую научную конференцию «Жизнь во дворце. Взгляд изнутри» вопросам дворцовой «повседневности», отражающим бытовую сторону дворцовой жизни.

Доклады, представленные на обсуждение исследователями из Москвы и Санкт-Петербурга, посвящены дворцовой жизни не только в России, но во Франции и даже в Японии. Авторы рассматривают структуру и историю появления различных дворцовых служб, состав и иерархию дворцовых должностей, права и преимущества, связанные со званием придворнослужителя, формирование династий служащих, правила жизни и обязанности многочисленного дворцового окружения — свиты, охраны, учителей, врачей, музыкантов, арапов, комнатных девушек, персонала кухни, конюшни и др. Ряд сообщений посвящены тому, что происходило «за кулисами» дворцовых церемониалов и празднеств: кто и как готовил официальные и семейные действия и отвечал за их проведение, а также техническому наполнению, привносившему комфорт в хозяйственный механизм зданий и условия проживания, оборудование многочисленных служебных и хозяйственных помещений.

Рассмотрение темы придворной прислуги невозможно без обращения к личным отношениям, связывавшим правителей государства и членов их семей со служителями двора, их неизбежному участию в запутанных сетях придворных интриг, наградам и опале, являвшимся неотъемлемой частью жизни при дворе.

Сведения, предложенные к обсуждению на конференции, несомненно дополнят наши знания и представления о судьбах императорских и великокняжеских дворцов в различные исторические периоды их жизни.

Оргкомитет

Андреева Татьяна Сергеевна,
Кудряшова Александра Анатольевна

ПРИДВОРНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ДВОРЦА: ДОЛЖНОСТЬ АРАБА

«Служивая» и бытовая жизнь придворной челяди всегда представляла интерес для историков, поскольку эта группа людей была очень «закрытой»[1], далеко не каждый мог служить при императоре. Источников о жизни придворнослужителей осталось крайне мало: известно, что чаще всего должность передавалась из поколения в поколение, знание об обязанностях «на посту» тоже получали устно, и только к середине XIX в. открылось специальное училище для детей служителей при дворе[2].

Несмотря на возросший интерес к данной теме среди российских исследователей в конце XX в., до сегодняшнего дня количество работ о придворных служителях исчисляется скромной цифрой. Часто в научных работах рассматриваются лишь объемы содержания каждого подданного и стремительно увеличивающееся количество должностей. Это объясняется тем, что источников о служителях почти не осталось, а из того, что есть, трудно сделать выводы об их роли и конкретных обязанностях[3].

Л. В. Выскочков в монографии «Будни и праздники императорского двора»[4] описывает положение каждого слуги при дворе императора Николая I, дает им определения и «ищет» упоминания о них в мемуарах, но ни разу не упоминает об арабах[5]. Наибольшее внимание непосредственно арабам уделено в работах И. В. Зимина. В его книге «Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение» есть отдельный раздел «Арабы» в большой главе про придворнослужителей[6].

Значительный вклад в изучение придворных арабов был внесен Н. И. Тарасовой[7]: в 2014 г. был издан каталог выставки ливрейного костюма[8] с информацией, важной для понимания уклада жизни и быта арабов, а также именами придворных арабов, служивших при Николае II.

Источником для настоящей статьи является комплекс материалов, хранящихся в РГИА[9]. Среди архивных материалов особенно

стоит отметить кондуитные списки, в которых содержатся сведения о придворных служителях[10]. Списки составлялись, переписывались и исправлялись каждые полгода: с 1 января по 31 июня и с 1 июля до 31 декабря. В этих списках арабы оказались в разделе «Главная половина» — в нем в соответствии с рангом были расписаны имена и должности всех служителей нижних чинов (камерлакеи — лакеи — скороходы — арабы старшие — арабы младшие). Список состоял из следующих разделов (столбцов): Имя. Возраст. Год начала службы. Был ли под следствием? Как ведет себя на службе? Какие способности? Есть ли пристрастия к питью и игре? Где хозяйствует и опрятен ли?

Ил. 1. И. Адольский. Портрет императрицы Екатерины I с арапчонком. 1725–1726
ГМЗ «Царское Село»

Карьерная лестница араба выглядела очень просто: от младшего араба служитель переходил в ранг старшего исключительно по отставке или смерти последнего. От оценки способностей и хозяйствования мало что зависело. Поведение и способности этих служителей оценивались невысоко, чаще всего их служение и хозяйствование оценивали «хорошо» или «удовлетворительно», изредка можно увидеть оценку «очень хорошо» — ее могли удостоиться только старшие арабы.

Среди большого числа должностей придворных служителей были, к примеру, лакеи, которые могли быть «закреплены» за определенным дворцом. Однако штат придворных арабов, регламентированный при Николае I, насчитывал 8 единиц (четыре старших и четыре младших араба) и с тех пор более не расширялся, поэтому экзотические служители, выполнявшие преимущественно репрезентативную функцию, перемещались вместе с императором по резиденциям. Таким образом, Александровский дворец отдельного

штата придворных арабов не имел, однако можно предположить, что в XIX столетии, во время пребывания Николая I с семьей в Царском Селе, и в начале XX в. они перемещались на временное жительство в Александровский дворец одновременно с императорами, проводившими в летней резиденции значительное время.

В Российской империи, следуя европейскому примеру, арабы появляются при первых Романовых. Однако эти арабы не имели какого-либо официального положения при дворе. Вероятно, со временем эта ситуация изменилась, и самым важным документом для регламентации должности придворного араба в конце XVIII — начале XIX в. являлось Клятвенное обещание, подписываемое при поступлении на службу. Самая ранняя из обнаруженных клятв была найдена среди документов о поступлении на службу к Екатерине Великой араба Александра Алексеева, датированная 1786 г.[11] (о вероисповедании и его смене при поступлении на службу будет сказано далее). Документ прекрасно сохранился: помимо печатного текста самой клятвы легко разобрать рукописный текст (вероятнее всего, писался он двумя разными людьми; сам араб Алексеев поставил только подпись). Текст клятвы содержит отдельные формулировки канонических православных текстов и, в целом, напоминает молитву-восхваление императрицы. Клятвенное обещание адаптировалось к имени монарха и его детей, однако сам текст клятвы никак не изменялся и был одинаков для всей придворной челяди[12]. Вероятнее всего, официально должность придворного араба была утверждена к 1830-м гг., когда в Полном своде законов Российской империи начали регламентировать различные должности при дворе[13]. Арабы становятся неотъемлемой частью российского монаршего двора, демонстрируя роскошь его церемоний и быта, а также масштабы Российской империи, протянувшейся от Европы до стран Ближнего Востока.

Поскольку придворные служители передавали знания о своей должности устно, сложно найти в документах официальную регламентацию функций араба. Тем не менее некоторую информацию можно почерпнуть в архивных материалах (приказах и рапортах Конторы Е. И. В.), в периодических изданиях и мемуарах придворных.

В воспоминаниях приближенных к императорской фамилии встречаются упоминания о придворных служителях, в том числе арабах. Так, В. И. Гедройц, приглашенная в Александровский дворец

Ил. 2. Неизвестный художник по оригиналу Г. Гроота. Елизавета Петровна с арапчонком XVIII в. ГМЗ «Царское Село»

для чтения лекций Александре Федоровне и великим княжнам, вспоминала арабов: «Его самого я увидала, как только вошла в обширную переднюю с камином, стены которой были убраны рогами убитых на охоте лосей. И арап был как раз соответствовавший моему детскому представлению, очень черный, с темными губами, в яркой алой куртке и таких же панталонах, с длинным ятаганом у пояса»[14]. По этим воспоминаниям можно предположить, что задачи араба были не только открывать двери в комнаты, но и украшать своими одеяниями дворцовые интерьеры. Помимо этого, арабы

были неотъемлемой частью церемоний венчания на престол императоров, где они шли в парадной форме в колонне служителей и эффектно выделялись на их фоне. Репортеры газет очень любили описывать причудливые одежды арабов, восхищались ими и постоянно подчеркивали стоимость их нарядов [15].

Можно предположить, что со времени своего появления при русском дворе арабы несли немаловажную представительскую функцию, демонстрировавшую могущество и размах империи, проявляющиеся в том числе в штате придворнослужителей и их одеянии — в «русских» нарядах кормилиц, костюмах лакеев, швейцаров, официантов, соответствовавших европейским аналогам, и в экзотических облачениях арабов.

Восточные наряды арабов значительно выделялись на фоне привычных глазу европейских одежд посетителей и служителей дворцов. Помимо парадной ливреи арабы обязательно имели повседневный комплект и траурный костюм. Любой комплект состоял из верхнего и нижнего бамбета, кушака (пояса), штанов, шапочки и башмаков. К парадному костюму прибавлялись шаровары, жилет и штиблеты. Отличительная черта любого араба — это головной убор восточного образца. Изготовить один комплект такой формы стоило около трех тысяч рублей, при этом каждому служителю дополнительно выдавалась определенная сумма для того, чтобы купить себе обычную повседневную одежду европейского покроя [16].

В эпоху правления Екатерины II арабы часто оказывались на службе при дворе по причине военных кампаний на юге страны. Так, к примеру, во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в плен попал арабчонок по имени Абдул. Князь А. П. Щербатов его освободил, привез в Россию, крестил под именем упоминавшегося выше Александра Алексеева и просил императрицу лично (не через Контору) взять на должность придворного араба [17]. Императрица согласилась и взяла Александра в штат из восьми арабов.

Известны случаи, когда будущие придворные арабы попадали в Россию в виде дипломатического подарка императору, как персидский поданный Чаур Азы, подаренный послом Персии Николаю I. Ко времени прибытия Чаур Азы в Санкт-Петербург был уволен младший араб Лоренцо «по неблагополучному поведению», и освободилась вакансия младшего араба [18], однако наследник престола великий князь Александр Николаевич не изъявил желания брать Чаур Азы к себе в штат арабов.

Ил. 3. Ф. Крюгер. Российская гвардия в Царском Селе в 1832 году
Фрагмент. 1841. ГМЗ «Царское Село»

Ил. 4. Э. Гау. Уборная великого князя Александра Николаевича в Зубовском флигеле Екатерининского дворца
Фрагмент. 1850. ГМЗ «Царское Село»

До поступления на службу в Придворную контору арабы могли служить у министров или чиновников. Так, например, было с будущим служителем императорского двора Мустой Багременским, который три года служил у князя П. П. Щербатова. Павел Петрович расхваливал и активно рекомендовал Мусту к службе, даже выдал ему аттестат, в котором сам придумал, за что и какие оценки поставить [19]. И Мусту приняли на службу при дворе.

Отказывали арабам в назначении ко двору чаще всего по причине нежелания самого императора, а также в том случае, когда штат был укомплектован полностью. Так произошло с Альфредо, уроженцем острова Санпьера-Мартиники, прослужившим полгода у А. П. Шувалова. У претендента на должность были все данные: квартира на Каменноостровском проспекте, знание русского и французского языков, аттестат и даже некий «опыт работы»,

однако ему не нашлось места в штате придворных служителей Е. И. В.[20]

Бытует мнение, что арабам при поступлении в штат автоматически давали служебное жилье, однако, как можно видеть из документов[21], это не всегда было так. Случалось, что арабам действительно выделяли место в «общежитии квартирного типа», но значительно чаще приходилось подолгу ожидать, пока освободится квартира (то есть кто-то из служителей уйдет со службы, женится или умрет). Также служебные квартиры передавались не по наследству от отца к сыну, а просто следующему пришедшему на должность арабу[22]. По причине трудностей с получением служебного жилья многие служители, прибывшие с Востока, снимали жилье, но предпочитали квартировать недалеко от дворца. Так, араб Николая I Жан-Луи Робинзон после своей смерти оставил большой долг за проживание в квартире вдовы «фершельного мастера» Шарлоты Сары, находившейся на Васильевском острове. Разбирался с его долгами старший араб, которому пришлось изрядно похлопотать, чтобы получить сумму, необходимую для покрытия долга, от Министерства императорского двора[23].

Еще один араб по имени Марианн Фрейптах в кондуитных списках ошибочно был записан как проживающий в общежитии, а на самом деле в 1881 г. он жил в «военной квартире» (жилье, предназначенное для проживания военных за казенный счет) на Рыночной улице, д. 10, кв. 7 (сейчас — Гангутская)[24].

В дни дежурства во дворце арабы ночевали в специально отведенных помещениях для служителей. Так, например, согласно материалам из книги И. В. Зимина, арабы Николая II, переехавшие с императорской семьей в Царское Село в начале XX в., проживали в Александровском дворце в комнате № 35, находившейся в подвале рядом с входом в тоннель к Кухонному флигелю, под Угловой гостиной императрицы[25].

Дошедшие до нас живописные произведения свидетельствуют, что при дворе служили не только взрослые арабы, но и их дети, так называемые арабчата — заморские служители совсем юного возраста, от восьми лет. Точно невозможно установить, какие у них были обязанности, однако можно сказать, что дети крайне редко работали наравне со взрослыми. Например, при Екатерине II араб Яну прибыл на службу вместе с сыном Алмазом, и в Придворной конторе очень долго решали, что делать с юным арабчонком. В итоге императрица

Ил. 5. Костюм придворного араба Н. Апти (?). Начало XX в. ГМЗ «Царское Село»

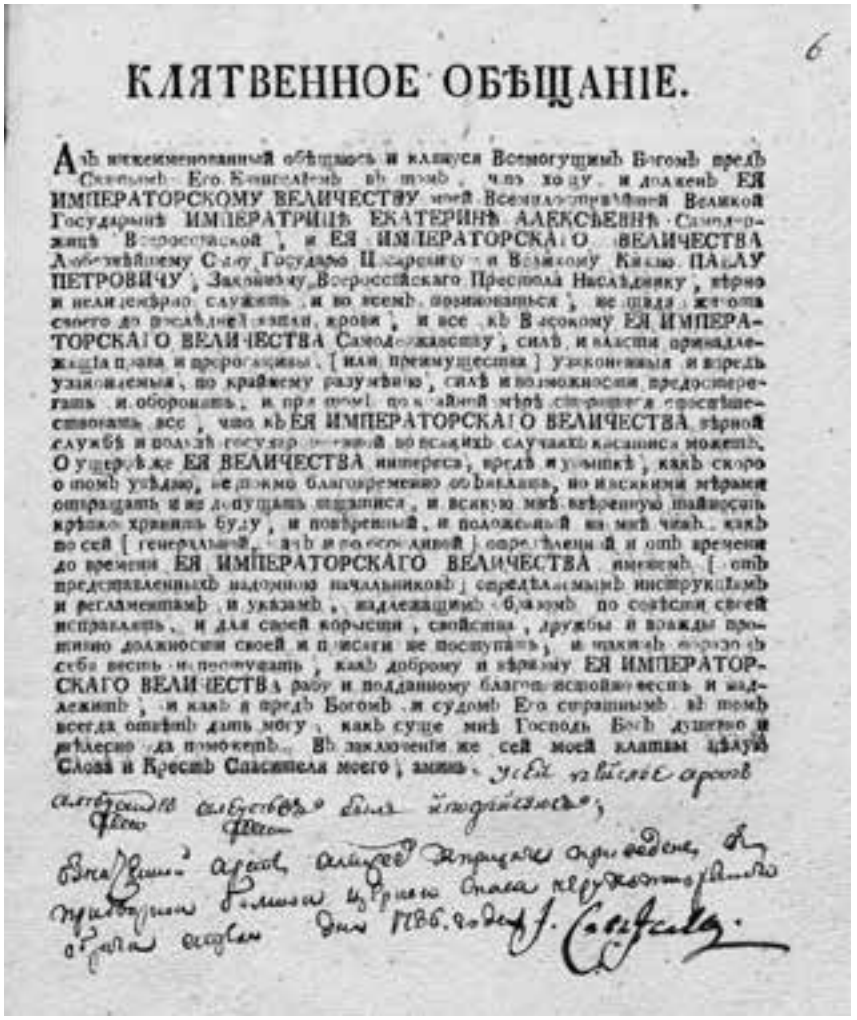
сама изъявила желание взять мальчика на службу на особых условиях и изготовить ему полный комплект формы[26].

Поскольку обязанностью арабов было украшать вход в покои, то можно предположить, что араб должен был быть молодым, в расцвете сил, однако это было далеко не так: известно, что самому старшему арабу при дворе Николая I было 64 года. Ограничений по возрасту должность явно не имела, потому что некоторые старшие арабы приступили на службу в возрасте 20 лет и служили вплоть до своей смерти. Так, скороход-араб Мартин Докманский умер чуть ли не на посту[27]. Все расходы на похороны служителей

выделялись из казны, то есть из фондов Гофмаршальской конторы Министерства императорского двора [28].

Существенным отличием арабов от других придворных служителей являлся тот факт, что прибывающий на службу выходец из европейских колоний мог не менять подданство. Поэтому вопрос об организации жизни и быта араба в России был непростым. Так, например, прежде чем получить служебное жилье, чужеземцу приходилось снимать квартиру, а собственники с недоверием относились к такому жильцу. Дипломы об образовании арабов часто содержали дисциплины, которые не существовали при российском императорском дворе, а подлинность их аттестатов часто ставилась под сомнение. Часто арабы, их дети и жены испытывали сложности при поступлении на службу, если пытались поступить в какое-либо ведомство или учебное заведение помимо Министерства императорского двора. Так, сын старшего араба при дворе Николая I Александр Бернард не смог устроиться в Департамент народного просвещения только потому, что в формуляре ошибочно записали, что он был уволен со службы, в то время как со службы был уволен (ушел в отставку) его отец [29]. К примеру, у младшего араба Александра II Октава Афреля в личном деле был найден аттестат на французском языке [30], в то время как у других арабов все аттестаты были либо переведены, либо впервые были выданы по итогам службы в России. Кроме того, Гофмаршальской конторе пришлось заплатить французскому посольству пошлину в размере 3 руб. за пересылку паспорта Альфредо из Франции на территорию России [31]. Появился ли паспорт в России и помогло ли это организовать придворному арабу жизнь в стране — неизвестно.

Во многих популярных статьях утверждается, что каждый араб должен был поменять свое вероисповедание на православное, однако это не совсем так. Исходя из текста Клятвенного обещания, описанного выше, арабы действительно должны были быть юношами православного вероисповедания. Однако архивные документы свидетельствуют, что арабов хоронили на соответствующих их вере кладбищах. Так, Жан-Луи Робинзон был католиком [32]. Жена Ниро Принца после его смерти в 65 лет уехала на родину, однако просила отпеть его в английской церкви, что подтверждается письмами-разрешениями из американской церкви, которые были прикреплены к делу об отставке мужа [33].

КЛЯТВЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ.

Ил. 6. Клятвенное обещание араба Александра Алексеева. 1786. РГИА

«Заработная плата» придворных арабов была выше, чем у всех остальных служителей. Для сравнения: камер-лакеи получали 592 руб. в год, официанты 888 руб., а арабы 1700 руб. (300 руб. жалование, 730 — хлебные, 300 — квартирные и 370 — на «домашнюю» одежду, так как вне службы они должны были одеваться подобающе подданным Российской империи)[34]. «Сии возвышенные оклады определены для них сколько потому, что они приехавшие из разных отдаленных частей света, столько и потому, чтобы достаточным

содержанием привлечь их остаться в таком климате, к коему они сначала были непривычны»[35]. То есть повышенная оплата труда полагались арабам за то, что они сменили место жительства и климат.

Но далеко не всех экзотических служителей привлекали высокие оклады. Араб Джемс Мусса[36], прослужив при дворе чуть больше года, «…изъявил желание избрать другой род жизни на родине за границей» по причине того, что очень сильно соскучился по жене и детям. Поскольку арабы были преимущественно поданными других империй, то официально не существовало препятствий для их удержания на службе в России.

Помимо самих арабов, особым положением пользовались и их дети. После смерти араба Николая I Жана Бабтиста Замора у него осталось две дочери: 13-летняя Анна и 20-летняя Мария. Девушки просили Придворную контору о выдаче им паспортов и жалований за отца в размере годового оклада, а также денег на его погребение и выплат за его выслугу лет[37]. Таким образом, девушки получили от конторы около 1600 руб., сверх положенных 5000 руб., и каждой был выдан паспорт для «свободного жительства». Даже после смерти Анны и Марии их родственники получат некую сумму от государства ввиду того, что они какое-то время (от смерти отца до выдачи паспортов и денег) жили под покровительством старшего араба Ивана Джугарсабара. Таким образом, можно считать, что не только арабы были «особенными» служителями во дворцах, но и их дети могли извлечь из их службы ощутимую пользу.

Наказывали арабов с особой осторожностью, так как они были «лично свободными людьми, а не беглыми крепостными или за что-то судимыми в своей стране», о чем они свидетельствовали в Конторе[38]. В рапортах нашлось дело о Егоре Дмитриеве, которого сослали «за худое поведение» в Государственную военную коллегию[39]. Разбирательством о проступках арабов сначала занимался Кабинет Министерства императорского двора, а потом дело могло быть передано в более высокопоставленные ведомства[40]. Например, жена араба Николая Бернарда Амалия подала жалобу на своего мужа, но дело было настолько серьезным, что Кабинет Министерства императорского двора, ссылаясь на Полный свод законов, не смог разрешить это дело своими силами и отправил жалобу в другие ведомства.

Приведенные в статье факты и истории заимствованы из личных дел арабов, документов придворных ведомств, обнаруженных

в РГИА. Жизнь такой «закрытой касты», как придворные служители, не изучена, и потребуются еще значительное время и усилия исследователей, чтобы описать и понять все детали их службы и ее иерархию.

Приложение

ПРИДВОРНЫЕ АРАБЫ КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ РГИА)

При ком служил	Имя араба	Должность	Даты службы	Источник
Екатерина II (1762–1796)	Александр Герасимов			РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 56. Об определении араба Александра Алексеева.
	Иван Петухов Людвиг Сатир			РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 56. Об определении араба Александра Алексеева.
	Петр Александров			РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 56. Об определении араба Александра Алексеева.
	Иван Люних			РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 56. Об определении араба Александра Алексеева.
	Аким			РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 56. Об определении араба Александра Алексеева.
	Иоганн			РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 56. Об определении араба Александра Алексеева.
	Федор Алексеев		1786–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 46. Об определении ко двору араба уроженца Арабского столичного города Барно, Федора Алексеева.
	Яну		1786–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 52. Об определении вновь ко двору араба Яну и арабчика Алмаза.
	Алмаз	малолетний	1786–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 52. Объ определении вновь ко двору араба Яну и арабчика Алмаза.
	Александр Алексеев		1786–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 56. Об определении араба Александра Алексеева
	Александр Григорьев	малолетний	?–1792	РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 52. Об определении вновь ко двору араба Яну и арабчика Алмаза.

При ком служил	Имя араба	Должность	Даты службы	Источник
Екатерина II (1762–1796)	Егор Дмитриев		1790–1791	РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 894. По ведению о находящемся при Дворе Ея Величества араб Егор Дмитриев.
	Мартин Докманский		?–1782	РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 598. О выдаче заслуженного скороходом арабом Мартином Докманским по день его смерти.
Павел I (1796–1801)	Самоил Рамзой		1797–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 358. Об определении в службу ко двору араба Самоила Рамзой.
	Пьер			РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 493. Об определении отставного араба Пьера по прежнему ко Двору в службу.
Александр I (1801–1825)	Павел Барновский		?–1827	РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 377. Об исключении из списка умершего араба Павла Барновского.
Николай I (1825–1855)	Иван Александров	старший араб	1805–1849	РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги.
	Иван Бернард 1ый	старший араб	1810–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги.
	Джемс Даниэль	старший араб	1816–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги.
	Джемс Геребриков	старший араб	1821–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги.
	Иоганн Бернард	младший араб	1823–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги.
	Жан Баптист Артуа	младший араб	1824–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги.
	Николай Бернард	младший араб	1836–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги.

При ком служил	Имя араба	Должность	Даты службы	Источник
Николай I (1825–1855)	Павел ди Аригед	младший араб	1846–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги.
	Петр Сейд	младший араб	1848–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги.
	Александр Фатлала	младший араб	1849–?	РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги.
	Жан Луи-Робинзон		1816–1836	РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 823. Об исключении из списка умершего араба Жан Луи-Робинзон.
	Альфредо			РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 10. Об определении французского подданого Альфредо, младшим арабом.
	Мусса			РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 7. Об увольнении со службы араба Мусса.
	Жан Бабтист Замора		?–1833	РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 460. Об исключении из списка умершего араба Жана Бабтиста Замора.
	Принц Тамерик		?–1834	РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 582. Об исключении из списка умершего араба Принца Тамерика.
	Ниро Принц		?–1836	РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 801. Об исключении из списка умершего араба Ниро Принца.
Александр II (1856–1881)	Лоренцо	младший араб	?–1855	РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 1279. Об отказе персидскому подданому Чаур Азы в определении к Высочайшему двору в число арабов.
	Октав Альфредо Афрель	младший араб		РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 10. Об определении французского подданого Альфредо, младшим арабом.
Александр III (1881–1894)	Марианн Фрейптах			РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 1478. О лицах просящих к определению на службу в придворнослужители.

При ком служил	Имя араба	Должность	Даты службы	Источник
Николай II (1894–1917)	Жорж Мариа	старший араб		РГИА. Ф. 485. Оп. 4. Д. 377. Фотографии придворнослужителей при императорском поезде.
	Константин Апти	старший араб		РГИА. Ф. 485. Оп. 4. Д. 377. Фотографии придворнослужителей при императорском поезде.
	Борис Бадааса	старший араб		РГИА. Ф. 485. Оп. 4. Д. 377. Фотографии придворнослужителей при императорском поезде.
	Сергей Мариа	младший араб		РГИА. Ф. 485. Оп. 4. Д. 377. Фотографии придворнослужителей при императорском поезде.

[1] *Бенуа А. Н.* Дневник. 1916–1918 гг. М., 2016. С. 196.
[2] В 1839 г. в соответствии с Полным собранием законов Российской Империи. (2-е изд. Т. 14 (1839). № 12052. 25 февраля).
[3] *Богданов С. В.* Придворный штат императора Николая II // Вестник Пермского университета. 2017. № 4 (39). С. 65–77; В. М. Глинка: воспоминания, архивы, письма / [авт.-сост. М. С. Глинка]. СПб., 2006.
[4] *Выскочков Л. В.* Будни и праздники императорского двора. СПб., 2021.
[5] Написание «араб»/«арап» зависит от времени употребления слова: в источниках до середины XVIII в. чаще всего встречается написание «арап», а в XIX в. в личных делах придворных служителей их именовали исключительно «Араб Высочайшего Двора». В формулярных и кондуитных списках, в обращениях и прошениях всегда арабы записывались как «араб». В словарях XIX и XX вв. тоже можно найти различное написание, при этом «арап» — это служитель, а «араб» — темнокожий человек, представитель африканских или восточных стран.
[6] *Зимин И. В.* Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011.
[7] Авторы благодарят за консультации заведующую сектором прикладного искусства Отдела русской культуры Государственного Эрмитажа Н. И. Тарасову.
[8] *Тарасова Н. И.* Высочайшего Двора служители. Ливрейный костюм конца XIX — начала XX века в собрании Эрмитажа. СПб., 2014.
[9] РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 46, 52, 56, 94, 228, 358, 493, 598, 894; Оп. 5. Д. 377, 460, 582, 801, 823, 1035, 2468, 2914; Оп. 6. Д. 1279; Оп. 7. Д. 7, 10, 35, 1478; Ф. 485. Оп. 4. Д. 377; Ф. 487. Оп. 5. Д. 1941.
[10] РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1300–1310. Опись кондуитным спискам Официантов и придворнослужителей, переплетенным в книги. 1842–1846 гг.
[11] РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 56. 1786 г. Л. 6.
[12] Судя по хранящимся в РГИА Клятвенным обещаниям арабов и других придворных служителей.
[13] Точной даты учреждения должности в Полном собрании законов Российской Империи не найдено.
[14] Цит. по: *Зимин И. В.* Детский мир императорских резиденций… С. 413.

[15] Коронование Их Императорских Величеств Александра Александровича и Марии Федоровны в 1883 г. СПб., 1883. С. 12.
[16] *Тарасова Н. И.* Высочайшего Двора служители… С. 212–220.
[17] РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 56. 1785–1786 гг.
[18] РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 1279. 1855 г.
[19] РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 228. 1796 г. Л. 5.
[20] РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 35. 1862 г. Л. 23, 24.
[21] РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1302. 1847–1850 гг. Л. 124.
[22] РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 598. 1782 г. Л. 2.
[23] РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 823. 1837 г. Л. 6.
[24] РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 1480. Л. 6.
[25] *Зимин И. В.* Детский мир императорских резиденций… С. 416.
[26] РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 52. 1786 г.
[27] РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 598. 1782 г.
[28] Во всех выявленных делах РГИА о смертях арабов и других служителей любых чинов средства на организацию похорон выделялись Гофмаршальской частью Министерства императорского двора.
[29] РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 40, 41. 1862 г.
[30] РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 10. 1862 г. Л. 1.
[31] Там же. Л. 12.
[32] РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 823. 1837 г.
[33] РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 801. 1836 г. Л. 5.
[34] РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 1035. 1836 г. Л. 3.
[35] Там же. Л. 1.
[36] РГИА. Ф. 469. Оп. 7. Д. 7. 1862 г.
[37] РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 460. 1833 г. Л. 1–3.
[38] РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 46. 1786 г. Л. 3.
[39] РГИА. Ф. 469. Оп. 4. Д. 94. 1790 г. Л. 1.
[40] РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 2468. 1841 г. Л. 1, 2.

Аронова Алла Александровна

ЦАРСКИЕ ДВОРЦЫ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ДВОРА ПЕТРА I

Многочисленные дворцы Петра I можно разделить на две группы: те, что он унаследовал от своих предшественников, и те, что построил.

Первая строительная инициатива юного царя относится к 1685 г., тогда началось возведение потешного городка Прешбург в государевом селе Преображенском[1]. Обустройство городка длилось несколько лет и постепенно перешло в значительное переустройство любимого его отцом дворцового комплекса. Из места соколиной охоты и путевого дворца[2] он превратился в военный городок с административным центром (съезжей избой и церковью) в виде регулярно распланированного поселения для подполковников, капитанов и стрельцов (избы и амбары). В этой военной слободе был устроен государев двор («новые хоромы»)[3]. Так возник первый Ново-Преображенский дворец и первый личный дворец Петра I. В марте 1691 г. он представлял собой комнату с двумя сенями, мыленкой и нужником[4]. Годом позже «государские новые хоромы» состояли из трех светлиц и имели три круглые изразцовые печи[5].

В ноябре 1691 г. был обнародован заказ на строительство еще одного «государева двора» — в Переславле-Залесском. Дворец, готовый к августу 1692 г., имел большие размеры, так как в нем предполагалось разместить царицу Евдокию Федоровну и царевича Алексея Петровича. Здание украшали расписные слюдяные окна, 1000 балясин, 25 слюдяных фонарей и часовая башня. Кроме того, в комплекс входили конюшенный, деловой и потешный дворы[6].

Следующим стал дворец для генерала Ф. Лефорта, который по инициативе Петра строился в 1697–1699 гг. в Немецкой слободе[7]. Дворец был кирпичным, двухэтажным, имел симметричный план с парадным залом в центре, фронтально выстроенные фасады были обращены к Яузе и застройке Немецкой слободы.

Дальнейшие инициативы государя по строительству дворцов в течение ближайших двух десятилетий были связаны

с Санкт-Петербургом, где первыми появились в 1703 г. Красные хоромцы на Березовом острове — маленький деревянный домик из трех комнат с сенями[8], который сменили в 1708 г. деревянные «маленькие хоромы» — одноэтажный домик с мезонином на Адмиралтейском острове[9] и, наконец, кирпичный двухэтажный зимний дворец, менявший свое местоположение, внешний облик и размеры с 1711 по 1723 г.[10] В это же двадцатилетие масштабное дворцовое строительство происходило в окрестностях Санкт-Петербурга и во многих городах, которые посещал русский царь.

Наряду с новыми постройками, именовавшимися дворцами или домами его царского или императорского величества, Петр владел дворцами, доставшимися ему от предшественников: царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, а через них и более давних представителей российского царского и великокняжеского дома. Это, прежде всего, обширный комплекс кремлевской резиденции, где царский дворец занимал одну треть площади Кремля. А также подмосковные усадьбы Коломенское, Измайлово, Воробьево, Преображенское, Покровское, Воскресенское на Пресне; путевые дворцы-усадьбы на дороге в Троице-Сергиев монастырь в Алексеевском, Братовщине, Воздвиженском.

Большая часть этих дворцовых комплексов к концу 1680-х гг. имела весьма внушительные размеры и состояла из нескольких жилых строений, предназначенных для проживания многочисленной царской семьи (женская и мужская половины), церквей, связанных с жилыми помещениями переходами, самостоятельной хозяйственной части, обслуживавшей царский быт. В ряде случаев существовала еще парадная часть, предназначенная для официальных церемониалов.

Наглядными примерами полноценной структуры «государева двора» были Кремлевский и Коломенский дворцы. Однако прежде чем Коломенский дворец обрел свои окончательные размеры в конце 1660-х гг. и превратился в загородный аналог Кремлевского[11], он, как и большинство царских резиденций, был местом отдыха и охоты. Это назначение дворцов вне города точно описал личный врач царя С. Коллинз: «Ежегодно под исход Мая Царь отправляется за 3 мили от Москвы в увеселительный дворец, который называется Преображенским <…> у Царя есть три великолепные палатки. Собственно, его палатка сделана из золотой материи и украшена соболями; Царицына из серебряной материи и украшена горностаями;

палатки князей соответствуют их степеням. Палатки Царя, Царицы, одиннадцати детей и пяти сестер их составляют круг, середину которого занимает церковная палатка. Вид на них так величествен, что я не видывал ничего подобного в этом роде. Впереди поставлены рогатки и стражи на ружейный выстрел от палаток, и никто не может пройти эту ограду без повеления, потому что Царь не хочет, чтобы простой народ видел, как он забавляется»[12]. Коллинз находился в России в 1659–1666 гг. и застал двор царя Алексея Михайловича в тот момент, когда он еще не достиг полноты своего церемониального оформления. В первую половину 1670-х гг. произошли такие важные изменения в царских подмосковных резиденциях, как появление в Преображенском двухэтажного деревянного дворца из четырех протяженных корпусов и церкви Вознесения[13], начало строительства каменного Покровского собора, Мостовой башни и двухэтажного деревянного дворца в Измайлове[14], ремонт дворца в Воробьеве[15], расширение дворца в Алексеевском[16].

После смерти царя Алексея Михайловича его сын, царь Федор Алексеевич, продолжил обустраивать и расширять Воробьевский дворец, сделав его своей главной подмосковной резиденцией. Дочь Алексея Михайловича, царевна Софья, в период регентства провела реконструкцию этого здания: деревянный дворец подняли на каменный подклет, он обрел фронтальную композицию и симметричную планировку[17].

Двухэтажный Измайловский дворец был отстроен заново при царе Федоре и завершен при Софье. По ее инициативе перестраивался дворцовый каменный храм Иоасафа царевича Индийского[18].

Кремлевский дворец имел для церемониальных событий и административных мероприятий специальные помещения: переднюю, столовую, казенную, ответную (посольскую) и ряд других палат[19]. Загородные дворцы, увеличиваясь в размерах, дополнялись комплексом помещений, предназначенных для церемониальных действий, то есть переставали быть просто местом отдыха и развлечений. Так, начиная с 1669 г., Коломенский дворец почти ежегодно посещался иностранцами и стал местом приема послов наряду с Кремлевским дворцом. Здесь в 1668 г. побывали вселенские патриархи Макарий и Паисий[20], в 1671 г. — польские послы Я. Гнинский и К. Бжостовский[21], в 1670–1673 гг. — путешественник и дипломат Я. Рейтенфельс[22], в 1673 г. — персидский торговый посланник

Г. Лусиков[23], в 1675 г. — австрийские послы А. Ф. де Боттони и И. К. Т. де Гусман[24], в 1676 г. — голландский посол К. ван Кленк[25].

Все царские дворцы были в обиходе юного Петра с его рождения и формально в его полном распоряжении с момента венчания на царство. Официальная хроника придворной жизни «Дворцовые разряды»[26], дополненная сведениями из личного дневника генерала П. Гордона[27], свидетельствует, что вплоть до смерти матери, царицы Натальи Кирилловны, жизнь Петра происходила в Кремлевском дворце и подмосковных царских резиденциях: Воробьеве, Преображенском, Коломенском, Измайлове.

С 1685 г. Петр перестал ездить в Воробьево (именно тогда, когда оно активно реконструировалось царевной Софьей), а после 1694 г. (года смерти матери) Петр потерял интерес к Коломенскому и Измайлову. На этом фоне неизменным и все чаще им посещаемым местом оставалось Преображенское, где во второй половине 1680-х гг. была возведена потешная крепость Прешбург, о которой ни разу не упоминает П. Гордон, а в 1691 г. появился собственный дворец царя — маленький непримечательный домик[28]. Однако старый Преображенский дворец, насчитывавший более 100 жилых и нежилых помещений[29], продолжали использовать вплоть до смерти царицы Натальи Кирилловны. Сюда семья Петра выезжала ежегодно с 1690 по 1693 г. При этом празднование дня рождения царя 30 мая в 1690 г. происходило в шатрах в окрестностях Преображенского[30], а именины жены, 4 августа, и матери, 27 августа, — в старом большом дворце. Именины матери были устроены в присутствии царя Ивана, патриарха Адриана и митрополитов, которых Петр встречал на дворцовой лестнице. В этот день в царской усадьбе был торжественный обед, оружейный салют и фейерверк, и только вечером празднество продолжилось в столовой палате Потешной крепости: «После обеда 4 раза выпалили из 21 орудия, и дано столько же залпов мелкими зарядами. Вечером у нас был фейерверк с отличным успехом, чем младший царь был так доволен, что удержал большинство бояр, советников, спальников и нас, и мы кутили целую ночь в большой зале форта»[31].

На следующий год день рождения Петра и именины двух цариц также праздновались в старом Преображенском дворце, здесь же 3 октября родился второй сын Петра Александр. Поздравляя государя, генерал Гордон провел через дворцовый двор свой Бутырский регимент. Ситуация не менялась и в 1692 г., когда начались поездки

в Переславль[32], а в 1693 г. Гордон фиксировал присутствие двора в Преображенском вплоть до декабря[33].

Начиная с 1694 г. упоминаний о каких-либо мероприятиях в старом царском дворце нет, как нет и свидетельств участия Петра в обычных придворных кремлевских церемониях, праздновании иконы Казанской Божьей Матери и Новолетии. Он провел в Кремле январь 1694 г. и больше туда не возвращался, за исключением нескольких дней в декабре. В следующий раз Петр оказался здесь только 30 января 1696 г. на погребении царя Ивана Алексеевича[34]. Дальнейшие события в жизни государя — Азовские походы, отъезд в Великое посольство, усмирение стрельцов — прошли на фоне исключительного пребывания Петра в Преображенском, причем это был его маленький дом-дворец. С этим домом будет связана вся дальнейшая московская жизнь Петра. Наблюдательный английский посланник Ч. Уитворт, находившийся в Москве во время празднования Полтавской победы, дал зданию точную характеристику: «…царь живет очень скромно. Будучи в Москве, никогда не располагается во дворце, а поселяется в маленьком деревянном доме, построенном для него в окрестностях [столицы] как полковника его гвардии. Он не держит ни двора, ни выезда, ни чего-либо иного, отличающего его от обычного офицера, кроме тех случаев, когда появляется на публичных торжествах»[35].

Итак, первые личные дворцы русского царя появились, когда он стал полноправным правителем Российского государства. Дворец в Преображенском и дворец (Красные хоромцы) в Санкт-Петербурге схожи своей пространственной концепцией — три жилые комнаты и сени — которая свидетельствует о сугубо частном характере этих зданий и полном отсутствии в них возможностей для проведения церемониальных действий. Данная черта построек была отмечена секретарем австрийского посольства И. Г. Корбом, описавшем возвращение Петра в Москву после Великого посольства: «По прибытии сюда государь не поехал в свой замок, Кремль, обширнейшее пребывание царей, но, посетив с княжеской вежливостью некоторые дома тех, которых отличил перед прочими многими знаками своей милости, поспешил в Преображенское соснуть и отдохнуть среди своих солдат»[36].

Изучение бытования этих маленьких дворцов показывает, что для различных презентационных действий Петр продолжал использовать старые царские дворцы или новые дворцы бóльших

размеров, принадлежавшие его ближайшему окружению. Так, награждение участников Азовского похода 26 декабря 1696 г. происходило в Кремлевском дворце «наверху»[37], а прием австрийского посла 3 сентября 1698 г. в только что отстроенном в Немецкой слободе дворце Лефорта[38].

Данная традиция сохранялась и на берегах Невы. После 1703 г. рядом с Красными хоромцами Петра появились первые дома его приближенных, среди которых выделялся дом А. Д. Меншикова, получивший название Посольского дома, поскольку использовался как место официальных приемов. Это предназначение за собой сохраняли и более поздние дома Меншикова: фахверковый[39] и кирпичный дворцы[40] на Васильевском острове, пока в 1714 г. на Троицкой площади не появилось мазанковое здание коллегий. В нем до конца правления Петра проходили главные церемонии придворной жизни: приемы послов, торжественные обеды.

Появление маленьких дворцов в виде обывательских домиков незамысловатой архитектуры отразило сформировавшийся у Петра к его 20-летию комплекс «простого человека»[41], совершенно новый тип само- и мироощущения царственной особы, который позволил ему очень быстро освободиться от тяжелых оков средневековых ритуалов и традиций. Именно с 1690 г. Петр начал активно посещать Немецкую слободу, ходить в гости к ее жителям, участвовать в званых обедах, ужинах и свадьбах, оставаться там ночевать. Вскоре аналогичным образом он стал вести себя и по отношению к своему русскому окружению, пируя и развлекаясь в московских и загородных домах Л. К. Нарышкина, Б. А. Голицына, Т. Н. Стрешнева и многих других. Образ недоступного всем государя в золотых одеждах, обитающего «наверху» Кремлевского дворца и в обширных подмосковных резиденциях, каждый выезд которого за пределы Кремля — «царский поход» — превращался в заметное церемониальное шествие и городское событие, был отвергнут царем Петром Алексеевичем, превратившимся в 1690-е гг. в бомбардира[42] и шкипера[43]. Датский посланник Ю. Юль, искавший встречи с русским царем в Москве после полтавского триумфа, был принят Петром 31 декабря 1709 г. в Преображенском дворце, который ему показался «напоминающим священнический двор в Норвегии», где его встретил Петр — частный человек. Он «стоял полуодетый, в ночном колпаке, ибо о церемониях он не заботится и не придает им никакого значения или по меньшей мере делает вид, что не обращает

на них внимания. Вообще в числе его придворных нет ни маршала, ни церемониймейстера, ни камер-юнкеров, и аудиенция моя скорее походила на (простое) посещение, нежели на аудиенцию»[44].

Архитектура дворцов Петра, их планировка и убранство менялись вместе с их хозяином, продвигавшимся по военной служебной лестнице от бомбардира и шкипера до генерала и адмирала. Становилось иным самоощущение российского государя, и, как император, он хотел иметь соответствующие статусу репрезентативные дворцовые пространства, в частности — свой Версаль. Однако маленький обывательский домик так и остался в его обиходе, позволяя в определенных ситуациях оставаться простым человеком Петром Алексеевым сыном Михайловым[45].

[1] [*Есипов Г. В.*] Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом / сост. под руководством зав. Московскими дворцовыми архивами Г. В. Есипова. Т. 1. М., 1872. С. 345.
[2] Так Преображенский дворец назывался в правление царя Федора Алексеевича (см.: *Бугров А. В.* Преображенское и окрестности. М., 2004. С. 24).
[3] [*Есипов Г. В.*] Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 345–368.
[4] Там же. С. 357.
[5] Там же. С. 361; *Забелин И. Е.* Преображенское или Преображенск. Московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. М., 1883. С. 38; *Желудков Д. Г.* Дворцовое строительство в Преображенском в 1720-е годы // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. М., 1998. С. 503.
[6] [*Есипов Г. В.*] Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 371–380.
[7] *Подольский Р. П.* Петровский дворец на Яузе // Архитектурное наследство. 1951. № 1. С. 14–55.
[8] *Яранцев В. Н.* Санкт-Петербург // Дома и Домики Петра I. СПб., 2015. С. 389, 390.
[9] *Михайлов Г. В.* Зимние дворцы Петра I. СПб., 2002. С. 161.
[10] Там же. С. 161–163.
[11] К 1670 г. были закончены все отделочные работы (см.: *Суздалев В. Е.* Русское чудо. Царский дворец в Коломенском — шедевр русского деревянного зодчества второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М., 2005. С. 38).
[12] Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / соч. Самуила Коллинса; пер. с англ., [предисл.] П. Киреевский. М., 1846. С. 35.
[13] *Забелин И. Е.* Преображенское или Преображенск. Московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого. М., 1883. С. 15.
[14] *Датиева Н. С.* Государев двор на Измайловском острове // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М., 1997. С. 87–92.
[15] *Бугров А. В.* Воробьевский дворец // Там же. С. 108–110.
[16] *Желудков Д. Г.* Царские путевые дворцы на Троицкой дороге // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 414, 415.
[17] *Бугров А. В.* Воробьевский дворец. С. 110–112.
[18] *Датиева Н. С.* Государев двор на Измайловском острове. С. 92.
[19] *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 2000. С. 302–306.

[20] *Пимен [Благово Д. Д.]* Угреша. Историческое описание Николаевского Угрешского общежительного монастыря. М., 1905. С. 105.
[21] *Корсаков А. Н.* Село Коломенское. М., 1870. С. 12, 13.
[22] Он оставил краткое, но весьма наглядное описание известных ему царских резиденций, свидетельствующее, что внутрь дворцов он не попал: «В небольших расстояниях от города виднеются несколько летних дворцов, назначенных для отдохновения царей, куда они имеют обыкновение по временам удаляться, дабы собраться с новыми душевными силами. Среди них не последнее место принадлежит селу Измайлову, обладающему знаменитым обширным садом с четырьмя высочайшими, широко раскрытыми воротами, со многими извивающимися дорожками. В расстоянии приблизительно полумили от него находится богатейший звериец или, лучше сказать, лес, обнесенный забором и наполненный стадами разных животных, а близ него — изящное здание для приготовления лекарств с садом врачебных растений. Таков же и Коломенский загородный дворец, который, кроме прочих украшений, представляет достойнейший обозрения род постройки, хотя и деревянной, так что весь он кажется точно только что вынутым из ларца, благодаря удивительным образом искусно исполненным резным украшениям, блистающим позолотою. Не буду уже ничего здесь еще присовокуплять о Преображенском, тоже величавом и живописном летнем местопребывании» (*Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 305).
[23] *Желудков Д. Г.* Усадьба царя Алексея Михайловича в Коломенском по описанию персидского торгового посланника // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 411–413.
[24] Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу, в 1675 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 11. С. 351–355.
[25] *Койет, Б.* Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 515, 516.
[26] Дворцовые разряды. Т. 4. СПб., 1855.
[27] Дневник Патрика Гордона. 1684–1689 / Пер. с англ., статья и примеч. Д. Г. Федосова. М., 2009; Дневник Патрика Гордона. 1690–1695. М., 2014; Дневник Патрика Гордона. 1696–1698. М., 2018.
[28] [*Есипов Г. В.*] Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. С. 357–359.
[29] *Желудков Д. Г.* Дворцовое строительство в Преображенском в 1720-е годы. С. 509–512.
[30] Дневник Патрика Гордона. 1690–1695. С. 17.
[31] Это единственный случай, когда Гордон упоминает потешную крепость. Возможно, устройство этой крепости не соответствовало правилам современной фортификационной науки, в которой шотландский офицер был весьма искушен (см.: Дневник Патрика Гордона. 1690–1695. С. 26, 27).
[32] Хотя для того, чтобы провести обязательную церемонию принятия персидского посла в Кремле, Л. К. Нарышкину и Б. А. Голицыну пришлось ездить в Переславль и уговаривать Петра вернуться в Москву (см.: Дневник Патрика Гордона. 1690–1695. С. 126–130).
[33] Там же. С. 235.
[34] Дневник Патрика Гордона. 1696–1698. С. 8.
[35] *Уитворт, Ч.* О России, какой она была в 1710 году (пер. Н. Г. Беспятых) // Россия в начале XVIII в. М., 1988. С. 74.
[36] *Корб, И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997. С. 86.
[37] Дневник Патрика Гордона. 1696–1698. С. 68.
[38] *Корб, И. Г.* Дневник путешествия в Московское государство. С. 88, 89.

[39] Здесь прошла 31 октября 1710 г. свадьба царевны Анны Иоанновны и герцога Курляндии Фридриха Вильгельма.
[40] В кирпичном доме князя в 1720-е гг. регулярно праздновался кавалерский день Св. Андрея Первозванного.
[41] Отмеченное явление опровергает устойчивое утверждение, что русский царь любил маленькие комнаты и низкие потолки, потому что у него была боязнь больших пространств.
[42] Гордон впервые назвал бомбардиром Петра 18 апреля 1693 г., неоднократно — в 1695 г. (см.: Дневник Патрика Гордона. 1690–1695. С. 205, 333, 337, 357, 361, 364). В описании Кожуховского потешного сражения царь фигурирует как бомбардир Петр Алексеев (см.: Кожуховский поход. 1694 // Военный сборник. СПб., 1860. № 1. С. 6).
[43] Гордон назвал Петра великим шкипером в своем дневнике 1 мая 1694 г., отправляясь к нему в Архангельск (см.: Дневник Патрика Гордона. 1690–1695. С. 259).
[44] *Юль, Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 127.
[45] Об использовании русским царем Петром роли простого человека см.: *Аронова А. А.* Самодержец Российский или волонтер посольский: парадокс об одном актере // XVIII век: Ассамблея искусств. Взаимодействия искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 194–203.

Астаховская Светлана Анатольевна

МЕБЕЛЬ СТОЛЯРНОГО МАСТЕРА А. Ф. ВУНША В ГАТЧИНСКОМ ДВОРЦЕ

Вторая половина XIX в. — благодатное время для развития мебельной отрасли. В Санкт-Петербурге и Москве шло бурное строительство частных домов и дворцов, проводилась масштабная реконструкция старинных особняков, строились и обустраивались учебные и общественные здания. Все эти разнообразные постройки нуждались в соответствующей их назначению меблировке.

В Российской империи в это время работало множество иностранных подданных, развивающих свое дело в разных областях, в том числе и в мебельном искусстве. Одним из них был германский (прусский[1]) подданный Адольф Федорович Вунш. В фонде мебели ГМЗ «Гатчина» хранится несколько предметов в «стиле жакоб» из исторической коллекции дворца, на которых имеются этикетки и штампы мастерской Вунша. В основном это предметы из обстановки комнат старших детей Александра III, располагавшихся в антресольном этаже Арсенального каре Гатчинского дворца: 1. Два одинаковых больших стола[2] (ил. 1) из кабинетов великих князей Николая и Георгия; на тыльной стороне выдвижных ящиков имеются штампы мебельно-столярной мастерской А. Ф. Вунша. 2. Большой стол (ил. 3) и шахматный столик[3] (ил. 2) из кабинета цесаревича Николая Александровича имеют на подстолье бумажную этикетку мастерской (ил. 5). 3. На письменном столе[4] из этого же интерьера никаких опознавательных знаков мастерской нет, возможно, они просто не сохранились, но по всем стилистическим признакам (материал, декоративная отделка) можно сделать предположение, что он вышел из этой же мастерской Вунша. 4. Горка[5] (ил. 4), купленная в одном из антикварных магазинов Санкт-Петербурга, является точным аналогом утраченной горки из кабинета великой княжны Ксении Александровны; на тыльной стороне выдвижного ящика стоит штамп мастерской (ил. 6).

В коллекции музея сохранилось еще несколько предметов, по внешнему виду и декору напоминающих мебель Вунша, но на них, к сожалению, не сохранилось штампов и этикеток, подтверждающих производителя.

Ил. 1. Стол в «стиле жакоб» с выдвижными ящиками из кабинета великого князя Георгия Александровича в Гатчинском дворце. Санкт-Петербург. Мастерская А. Ф. Вунша. 1880-е. ГМЗ «Гатчина»

Ил. 2. Столик шахматный в «стиле жакоб» из кабинета великого князя Николая Александровича в Гатчинском дворце Санкт-Петербург. Мастерская А. Ф. Вунша 1880-е. ГМЗ «Гатчина»

Ил. 3. Стол в «стиле жакоб» из кабинета великого князя Николая Александровича в Гатчинском дворце. Санкт-Петербург. Мастерская А. Ф. Вунша. 1880-е. ГМЗ «Гатчина»

Ил. 4. Горка в «стиле жакоб» Санкт-Петербург. Мастерская А. Ф. Вунша 1880-е. ГМЗ «Гатчина»

Ил. 5. Этикетка мебельно-столярной мастерской А. Ф. Вунша

Ил. 6. Штамп мебельно-столярной мастерской А. Ф. Вунша

Благодаря информации на этих этикетках и архивным документам удалось собрать некоторые сведения о столярном мастере и его фирме.

А. Ф. Вунш владел мебельно-столярной мастерской в Санкт-Петербурге с 1854 г., располагалась она на 1-й линии Васильевского острова, и работали там 16 человек[6]. Эти сведения почерпнуты из указателя Всероссийской мануфактурной выставки 1870 г., проходившей в Северной столице. При представлении изделий на всероссийские выставки экспонент обязан был представить сведения о состоянии своего заведения, количестве машин, рабочих и т. п. Согласно опубликованным данным[7], мебельное заведение Вунша было представлено на выставке в двух разделах: «Мебельное дело» (класс 12) и «Шкатулочные, токарные, футлярные и тому подобные мелкие изделия из разных материалов» (класс 13). Экспонировались изделия из чинарового дерева — мебель (письменный стол, кресло, стулья двух типов и плевательницы) и счеты.

В 1871 г. Вунш был приглашен для производства работ по меблировке дворца великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной. В статье, посвященной строительству дворца, Н. И. Иванова отмечает, что строительными и отделочными работами, а также оформлением интерьеров занимались преимущественно немцы[8]. «Столярных дел мастер Адольф Вунш» дал подписку конторе по постройке дома его высочеству великому князю Владимиру Александровичу, в том, что принимает на себя изготовление и установку на места мебели для некоторых покоев[9]. Мебель выполнялась разного назначения и из разных пород дерева. В вестибюль — из темного дуба с отделкой под воск и обивкой шагреневой кожей; в баню, переднюю и раздевалку — из полированного светлого дуба с обивкой шерстяным репсом; в кухню — из соснового и березового дерева; в малые буфеты, сервизную и скатерную — из ясеневого светлого полированного дерева. Интересно, что буфетные шкафы — типовые утилитарные изделия — измерялись погонными аршинами! В документе отмечено изготовление 42 погонных аршин буфетных шкафов (около 30 м)! Мастером была выполнена и резная дверь с зеркальными стеклами[10].

30 мая 1872 г. в Москве открылась Политехническая выставка — одна из крупнейших в России, отразившая достижения в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, военного дела, науки, техники и культуры XIX в. Выставка была приурочена к 200-летию со дня рождения императора Петра I. В этой выставке мастерская А. Ф. Вунша также принимала участие, судя по изображению на этикетке мастерской медали, присуждаемой экспонентам.

Еще одна изображенная на этикетке медаль свидетельствует о том, что в 1876 г. мастерская была экспонентом всемирной международной выставки, впервые проводившейся за пределами Европы, в Филадельфии (США). Официальное название выставки — «Международная выставка искусств, промышленных изделий и продуктов почв и шахт» («International Exhibition of Arts, Manufactures and Products of the Soil and Mine»).

При императоре Александре III, в 1882 г. вышло предписание о надзоре за фабриками и заводами и были учреждены специальные временные «Комиссии по фабрично-заводским делам», проводившие осмотры всех зарегистрированных предприятий. 25 февраля 1885 г. состоялся осмотр «Столярной мастерской Вунша, состоящей в „2“ участке Василеостровской части, по наб[ережной] р[еки] М[алой] Невки, № 12–17»[11]. Из протокола осмотра становятся известны подробности о мастерской на 1885 г.: ей управлял сам владелец, прусский подданный, знавший русский язык. На фабрике работали 25 мужчин, живших на вольных квартирах и, поскольку при предприятии не было столовой, питавшихся «по своему усмотрению». По сравнению с первыми известными данными мы видим, что число рабочих увеличилось, а адрес фабрики изменился.

Дела на фабрике шли неплохо, мастера занимались столярной работой и производством мебели. В документах Гатчинского дворцового правления упоминается, что в 1889 г., после ремонта в личных комнатах семьи императора Александра III, «мастером Вунш изготовлена мебель красного дерева»[12]. Вероятно, к этому времени и относится появление предметов, сохранившихся в коллекции музея.

На этикетке мастерской расписано ее местоположение: «Васильевский остров, по набережной малой Невы, между Тучковым мостом и Средним проспектом дом № 12/17». В адресных книгах Санкт-Петербурга с 1893 по 1897 г. столярная мастерская упоминается именно по этому адресу.

Еще одной знаменательной работой мастерской была работа в здании музея Центрального училища технического рисования в Соляном переулке, спроектированном и построенном архитектором М. Е. Месмахером.

«Ряд работ в помещениях Музея исполнила Паровая мебельно-столярная фабрика А. Вунша. К заказам фабрики А. Вунша следует отнести ряд сложных деревянных изделий, в том числе „двухстворчатую дверь орехового дерева“ в зале Фарнезе и „две двери с инкрустациями“ для зала Людовика XIV»[13]. В Зале совета в 1896 г. Вуншем были выполнены «панели стеновые (дуб) в нижней части стен по периметру помещения, с разъемами на дверные и оконные проемы, разделены каннелированными пилястрами с резными капителями. Между пилястрами филенки в профилированных рамах, декорированные резным рельефом растительного характера. Над филенками люнеты с профилем и замковым камнем из волютообразного листа аканта, поле люнета с рельефом имитирующим раковину. Фриз с рельефом растительного характера. Карниз с выносом, профилированный. Рядом с оконными проемами в стеновых панелях две полуциркульные ниши; стеновые по периметру помещения дубовые десять скамей встроенных в стеновые панели

(дуб) на резных волютообразных консолях. Сиденье жесткое, филенчатое. Задняя стенка под скамьей между консолями обработана филенкой. Спинка скамьи с филенками в профилированных рамах, декорированными резным рельефом растительного характера, завершена полочкой со скругленным профилем, по периметру помещения с разъемами на дверные проемы»[14].

В РГИА хранится еще один протокол осмотра «мебельно-столярной фабрики, устроенной Германским подданным Адольфом Вунш», проведенного в октябре 1897 г.[15] Осмотр проводился в связи с ходатайством мастера о разрешении «открыть мебельно-столярную мастерскую, переведенную из дома № 12 по Тучковой набережной в дом № 3 по Петровскому просп. „2“ участка Петербургской части»[16]. Из протокола известно, что мастерские были расположены в каменном четырехэтажном здании старой постройки, в котором «два полуэтажа заняты квартирой владельца фабрики, а в остальной части расположены четыре мастерских и сушильня»[17]; на фабрике в это время работало до 80 человек рабочих, живших на вольных квартирах. В качестве двигателя на производстве использовалась «горизонтальная паровая машина в 12 сил, при горизонтальном котле с внутренней топкой в 20 сил»[18], на фабрике применялись также ленточная и круглая пилы, станки: строгальный, фрезерный, долбежный, калевочный и станок для отрезки торцов.

В конце XIX — начале XX в., чтобы удержаться «на плаву» в столичном городе, мастер должен был иметь хорошую репутацию. Учитывая известные изделия мастерской, становится понятным, что в ней выполнялись все виды мебельных работ квалифицированными столярами, резчиками, краснодеревцами и обойщиками. Вунш не являлся поставщиком императорского двора, но среди его заказчиков, как мы видим, был и сам император, и члены императорской семьи, а это означает, что мастерство Вунша было по достоинству оценено обществом.

[1] Прусским подданным А. Ф. Вунш назван только в одном документе — ЦГИА СПб. Ф. 338. Оп. 1. Д. 446. 1885 г. Л. 1 об.
[2] Инв. № ГДМ-145-V и ГДМ-147-V.
[3] Инв. № ГДМ-459-V, ГДМ-458-V.
[4] Инв. № ГДМ-77-V.
[5] Инв. № ГДМ-359-V.

[6] Указатель Всероссийской Мануфактурной выставки 1870 года в С.-Петербурге. СПб., 1870. С. 160.
[7] Там же. С. 160, 165.
[8] *Иванова Н. И.* Немцы на строительстве дворца великого князя Владимира Александровича // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. Вып. 6. СПб., 2011. С. 257. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-176-3/978-5-88431-176-3_16.pdf (дата обращения 15.03.2022).
[9] РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 800. 1871 г. Л. 1–1 об., 2–2 об.
[10] *Иванова Н. И.* Немцы на строительстве дворца великого князя Владимира Александровича. С. 259.
[11] ЦГИА СПб. Ф. 338. Оп. 1. Д. 446. 1885 г. Л. 4–8 об.
[12] РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1308. 1896 г. Л. 4.
[13] Акт по результатам государственной историко-культурной экспертизы проектной документации («Научно-проектная документация на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия федерального значения „Центральное училище технического рисования и музей Штиглица А. Л.“ по адресу: Санкт-Петербург, Соляной пер., д. 13–15, реставрация и приспособление Помещения 288-Н (Зал Людовика XIV), оконные заполнения, включая фурнитуру, откосы и живопись, помещения 4-Н (ком. 4–9, 145), помещение 1-Н (каб. 60, 51, 52, 53, 90)»), разработанной ООО «АЛЬКОР-2» в 2020 г. С. 38 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.kgiop.gov.spb.ru/media/uploads/user-files/2021/04/29/%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C1.pdf (дата обращения 15.03.2022).
[14] Приложение к распоряжению КГИОП от 30.09.2014 № 10-619. Предмет охраны объекта культурного наследия федерального значения «Центральное училище технического рисования и музей Штиглица А. Л.» по адресу: Санкт-Петербург, Соляной пер., д. 13–15. С. 86, 87.
[15] РГИА. Ф. 24. Оп. 26. Ф. 45. 1897 г. Л. 2–4 об.
[16] Там же. Л. 2.
[17] Там же. Л. 2 об.
[18] Там же.

Баженова Ольга Константиновна

ПОДАРКИ ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДОРОВНЕ ОТ ФРЕЙЛИН В СОБРАНИИ ГМЗ «ПАВЛОВСК»

Английская писательница Дж. Остин в своем знаменитом романе «Гордость и предубеждение», увидевшем свет в 1813 г., вложила следующие слова в уста одного из главных героев мистера Бингли: «Меня удивляет, — сказал Бингли, — как это у всех молодых леди хватает терпения, чтобы стать образованными… Все они рисуют пейзажи, раскрашивают экраны и вяжут кошельки. Я не знаю, наверно, ни одной девицы, которая не умела бы этого делать»[1].

Это наблюдение справедливо и относительно представительниц прекрасного пола русских дворянских семей. Многие из них добротно рисовали, вышивали и создавали своими руками предметы повседневного быта. Однако большинство подобных вещиц, дошедших до нашего времени, не имеют авторских подписей и атрибутируются лишь на основе визуально-стилистического анализа. Исключения составляют предметы, ведущие свое происхождение из дворцовых собраний членов императорской фамилии или знатных аристократических семей, историю которых помогают проследить архивные документы. Одно из таких собраний находилось в Большом дворце в Павловске, первой владелицей которого была императрица Мария Федоровна.

Мария Федоровна получала большое количество подношений в день своего рождения — 14 октября, который она обычно справляла в Гатчине, и в день тезоименитства — 22 июля, в честь которого устраивались большие празднества в Петергофе. Через несколько дней после этих дат часть подарков отправлялась в Павловск. Среди лиц, делавших подношения императрице, были ее фрейлины, как состоявшие в штате, так и уже выбывшие по случаю замужества. Традиционно эти предметы были украшены вышитыми или рисованными вставками, сделанными ими собственноручно. Такие вставки применялись для декора предметов мебели — стульев, кресел, подножных скамеек, ширм, каминных экранов и предметов обихода — настольных экранов, портфелей, шкатулок, подставок для писем.

Примером использования подобных вставок может служить рапорт гоф-фурьера Сельдякова в Павловское городовое правление

от 24 июля 1820 г.: «Получены из комнаты Ея Величества разные вещи, а именно… экран красного дерева с позолотою, в щите оного вставлено с обеих сторон картины, писанные сухими красками за стеклом и внизу обтянуто зеленой тафтой от г-жи Плещеевой, экран из дерева папли щит оного шитый по канве по белому грунту Арфа с цветами за стеклом от г-жи Нелидовой, креслы красного дерева с позолотою обиты цветным шитьем по канве по белому грунту от г-жи Донауровой… скамеечка красного дерева с позолотою обита белым бархатом с цветною живописью от фрейлины графини Самойловой и еще скамеечка такая же от фрейлины княжны Хилковой»[2].

В документе упоминаются пять женских персон, две из которых обозначены как действующие фрейлины императрицы. На самом деле, все лица, названные в данном документе, в разное время являлись фрейлинами великой княгини, а потом императрицы Марии Федоровны.

Наталья Федотовна Плещеева, урожденная Веригина (1768–1855), дочь генерал-майора и прокурора военной коллегии Ф. М. Веригина (1722–1783), была назначена фрейлиной великой княгини после окончания Смольного института в 1791 г. В 1796 г. она вышла замуж за С. И. Плещеева (1752–1802), одного из ближайших сподвижников Павла I. Ее младшая сестра, Мария (1774–1848), также выпускница Смольного и фрейлина великой княгини, в 1795 г. была выдана замуж за надворного советника М. И. Донаурова (1757–1817), ставшего при Павле I управляющим Кабинетом Е. И. В.

Из представленных имен самой известной фрейлиной, безусловно, была Екатерина Ивановна Нелидова (1756–1839), выпускница первого набора Смольного института. Биография ее хорошо известна. В качестве фрейлины она прошла путь от фаворитки императора Павла I до верной и преданной подруги вдовствующей императрицы, которую пережила на 10 лет. Так и не обретя личного семейного счастья, Нелидова перешла в статус камер-фрейлины и проживала в конце жизни в Смольном институте.

За многолетнюю придворную службу Нелидова преподнесла множество подарков императрице, часть из которых зафиксирована в рапортах гоф-фурьеров Павловского городового правления. Так, в рапорте от 28 июля 1811 г. от Нелидовой значится «шкатунка черного дерева с золоченым украшением на крышке вышит по канве пукет цветов»[3], в августе 1812 г. — «ширма из дерева папли зделанная

из четырех половинок и в каждой половинке шитье по канве розовые ветки за стеклами, а с другой стороны обиты белою тафтою», поступившая в Пилястровый кабинет [4], в 1817 г. — «2 корзинки из дерева папли оклеенные кругом шитьем по канве»[5], в 1821 г. — «в Розовый павильон шкап из дерева папли в дверцах вставлено шитье по канве по белому грунту вышита ваза с цветами за стеклом»[6].

Аналогичные предметы в большом количестве были в Гатчинском дворце. Неслучайно императрица Мария Федоровна в сентябре 1814 г. писала своей камер-фрейлине: «Мой кабинет меня очаровывает, ваша прелестная мебель его очень украшает, и вправду, однажды здесь в Гатчине я не захочу из него выходить»[7].

Кроме предметов, украшенных вышивками, Нелидова дарила подарки с собственными рисунками. 31 декабря 1812 г. секретарь Г. И. Вилламов передавал следующую просьбу вдовствующей императрицы директору Павловска Ф. К. Гревеницу: «Ея Императорское Величество ищет небольшой экран, который ставят перед подсвечником и для которого м-ль Нелидова в подарок выполнила рисунок, украшающий его по центру и представляющий амура на шаре. Рамка экрана из красного дерева, а рисунок исполнен карандашом по атласу. Ея Императорское Величество просит вас хорошенько поискать, где этот экран может находиться в Павловске»[8]. Судя по всему, на тот момент данного предмета во дворце не было. Но именно этот экран узнается в описании предмета, доставленного в Павловск уже в начале 1813 г.: «Сего января 30 дня привезен из Зимнего дворца из комнаты Ея Величества ездовым Аникентьевым экран красного дерева по местам с бронзою и в середине онаго рисованный тушью на бумаги на шару стоячий купидон за стеклом, а с другой стороны обит зеленой тафтой»[9]. К сожалению, все перечисленные выше предметы не сохранились.

До настоящего времени с именем Нелидовой в собрании ГМЗ «Павловск» связывали лишь один экспонат — ширму красного дерева, находящуюся в Пилястровом кабинете [10]. Каждая из четырех створок ширмы по центру украшена вышитыми аллегорическими композициями, подчеркивающими различные достоинства императрицы Марии Федоровны, значение которых подкрепляется надписями на французском языке: «SAGESSE» (мудрость), «LES ARTS» (искусства), «LA PIÉTÉ» (благочестие) и «BIENFAISANCE» (благотворительность). Основанием для атрибуции ширмы как подарка от Нелидовой стал документ 1804 г.: «Октября 18 дня присланы

из Гатчины от Его же Превосходительства (С. С. Ланского, директора Павловска и Гатчины. — *О. Б.*) ширмы красного дерева поднесенные от Екатерины Ивановны Нелидовой у которых посередине пояс шитый по канве»[11].

Благодаря архивным описям удалось выявить еще один экспонат в собрании музея, подаренный императрице ее камер-фрейлиной. Это шкатулка с фанеровкой из ясеня, украшенная по углам накладками золоченой бронзы. В центре откидной крышки — восьмиугольная вставка-вышивка с изображением цветов, выполненная по серебряной канве и окантованная бронзовой рамкой с растительным орнаментом под стеклом [12] (ил. 1).

Из рапорта гоф-фурьера Сельдякова от 16 сентября 1820 г. известно, что среди вещей, оставленных после «Высочайшего отсутствия» из Павловска, была «от Екатерины Ивановны Нелидовой — шкатунка карельской березы с бронзою в верху на крышке вставлено шитье по серебреной канве цветное за стеклом», которая находилась в кабинете «Фонарик» в жилых комнатах императрицы [13]. В 1822 г. шкатулка была перемещена в комнаты левого флигеля, где обустраивались апартаменты для семьи императора Александра I [14]. В этих же комнатах она значится и по передаточной описи 1849 г.[15] Пометка в описи указывает, что впоследствии она была перенесена в кладовые, где зафиксирована описью 1908 г. под № 503 [16]. Наклейка

Ил. 1. Шкатулка. Россия, Санкт-Петербург. 1820
Вышивка выполнена камер-фрейлиной Е. И. Нелидовой. ГМЗ «Павловск»

с этим номером, сохранившаяся на дне рассматриваемой шкатулки, подтверждает, что небольшая вставка-вышивка, хоть и сильно выцветшая от времени, была выполнена Е. И. Нелидовой. Отметим, что после музеефикации дворца шкатулка снова экспонируется в кабинете «Фонарик».

Софья Самойлова и Прасковья Хилкова, обозначенные в рапорте от 24 июля 1822 г. как действующие фрейлины, были воспитанницами Екатерининского института, состоявшего под покровительством Марии Федоровны с момента его основания в 1798 г.

Софья Александровна Самойлова (1797–1866) была младшей дочерью графа А. Н. Самойлова (1744–1814), племянника всесильного князя Г. А. Потемкина. В возрасте 13 лет она была зачислена в Екатерининский институт, который окончила в 1814 г. с золотым шифром малой величины[17] и в 1816 г. стала фрейлиной императрицы Марии Федоровны. Отметим, что когда в 1817 г. весь двор на продолжительное время переехал в Москву, ее мать, графиня Е. С. Самойлова, не позволила дочери туда ехать, ссылаясь на то, что «шумная жизнь в первопрестольной прервет ее занятия пением, музыкой и рисованием»[18]. Однако уже в следующем 1818 г. она вошла в число лиц, сопровождавших вдовствующую императрицу в поездке по Европе.

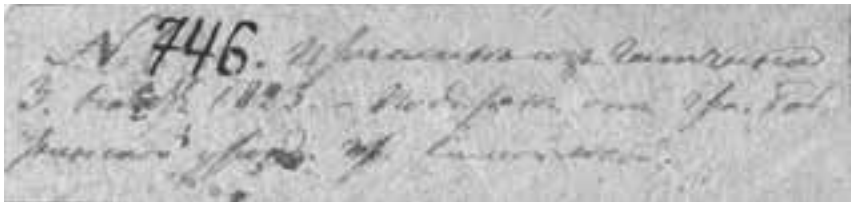
В апреле 1821 г. С. А. Самойлова вышла замуж за А. А. Бобринского (1800–1868), внука Екатерины II по линии графа Г. Г. Орлова, с которым, по свидетельству современников, она была счастлива. Князь П. А. Вяземский оставил о ней очень благожелательный отзыв: «Графиня Софья Александровна Бобринская, урожденная графиня Самойлова, была женщиной редкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности… Ей равно покорялись мужчины и женщины. Она была кроткой, миловидной, пленительной наружности. В глазах и улыбке ее были чувство, мысль и доброжелательная приветливость. Ясный, свежий, совершенно женственный ум ее был развит и освещен необыкновенной образованностью. Европейские литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковский, встретивший ее еще у Двора императрицы Марии Федоровны, при которой она была фрейлиной, узнал ее, оценил, воспевал и остался с нею навсегда в самых дружеских сношениях»[19].

Бобринская и после замужества продолжала делать подношения императрице, причем эти предметы, как правило, были украшены ее рисунками. 24 октября 1822 г. «от графини Бобринской, урожденной Самойловой» в кабинет «Фонарик» поступил «миракуль бронзовый о трех трубках для свеч с живописным зонтиком на хрустальном поддонке с бронзою»[20], 25 июля 1823 г. в Туалетную — «стол круглый карельской березы дикой с бронзою и позолоченною резьбою на трех косых ножках сверху рисунок рисованный карандашом за стеклом»[21], 3 ноября 1823 г. в Почивальню — «миракуль бронзовый на малахитовом пьедестале, на нем бронзовый купидон, держащий зонтик, писанный сухим красками»[22]. В сентябре 1824 г. оставлена после «Высочайшего отсутствия» в Почивальной «шкатунка хрустальная граненая с крышкою и бронзою на ножках и верху маленький рисунок»[23], в 1826 г. — «ящичек оклеен тисненым сафьяном, внутри в крышке вставлен рисованный портрет за стеклом», отправленный впоследствии в Гатчину[24].

Два из перечисленных подношений от «молодой графини Бобринской» сохранились до наших дней. Миракль с золоченой бронзовой фигурой амура, установленной на малахитовом пьедестале, также стоит в Спальне императрицы на жилой половине. В поднятой руке амур держит шток с закрепленным экраном, куда вставлен акварельный рисунок, изображающий источник с четырьмя женскими фигурами на фоне горного пейзажа[25] (ил. 2). На дне пьедестала сохранилась бумажная наклейка: «№ 746. Присланъ изъ Гатчина.

Ил. 2. Миракль. Россия, Санкт-Петербург 1823. Рисунок на экране выполнен графиней С. А. Бобринской. ГМЗ «Павловск»

Ил. 3. Наклейка на миракле. ГМЗ «Павловск»

3. ноября 1823 — Подарокъ отъ Гра. Бобринской урожд. Гр. Самойловой» (ил. 3). Хрустальная граненая шкатулка в оправе золоченой бронзы, с ножками в виде фигурок лебедей находится со времен музеефикации дворца в Туалетной. Крышка шкатулки украшена круглым медальоном с карандашным рисунком, представляющим оплечное изображение девочки с голубем [26]. Внутри сохранилась записка: «От гр. Бобринской, урож. Самойловой июля 22 1824». Из записки следует, что шкатулка также была поднесена ко дню тезоименитства Марии Федоровны.

Прасковья Александровна Хилкова (1803–1843), дочь князя А. Я. Хилкова (1755–1819), окончила Екатерининский институт с золотым шифром большой величины в 1820 г. и вскоре была пожалована во фрейлины [27]. В письме к дочери от 16 августа 1822 г. Мария Федоровна характеризовала княжну Хилкову как приятную девушку, очень милую и хорошо воспитанную [28]. По свидетельству барона Корфа, она стала «одною из любимых фрейлин имп[ератри]цы Марии Ф[едоров]ны. Красота ее и приятный ум обворожили весь двор, и одним из ревностнейших поклонников ее явился холостой и молодой еще тогда вел[икий] князь Михаил П[авлови]ч. Сперва это было обыкновенное увлечение молодого человека, но скоро оно приняло весь характер пылкой страсти до такой степени, что вел[икий] князь решился формально просить руки Хилковой» [29]. Положение осложнялось тем, что великий князь Михаил Павлович (1898–1849) на тот момент уже был формально обручен с принцессой Шарлоттой Вюртембергской. Только вмешательство императрицы-матери помогло разрешить возникшую ситуацию, в результате чего великий князь все же женился в феврале 1824 г. на принцессе Шарлотте, получившей в православии имя великой княгини Елены Павловны (1807–1873), а Хилкова в 1826 г. вышла замуж за молодого и богатого гвардейского офицера графа А. И. Гендрикова (1807–1881).

Ил. 4. Портфель настольный. Россия, Санкт-Петербург. 1822
Роспись по бархату выполнена фрейлиной П. А. Хилковой. ГМЗ «Павловск»

Сегодня в собрании ГМЗ «Павловск» есть два экспоната, в создании которых принимала участие княжна Хилкова. Первый предмет — настольный портфель из желтого сафьяна и верхней крышкой из темно-коричневого дерева, декорированной накладками золоченой бронзы. Посередине крышки в бронзовой рамке под стеклом — прямоугольная бархатная вставка с изображением цветов на светлом фоне, выполненная в технике росписи [30] (ил. 4). На дне портфеля сохранилась бумажная наклейка с надписью «№ 7. Отъ фрейл. Княж: Хилковой поднесен июля 22 ч. 1822 года».

Информация на бумажной наклейке подкрепляется рапортом гоф-фурьера Апарина, из которого известно, что 27 июля 1822 г. из Петергофа с ездовым Филипповым в Главный дворец среди разных вещей был привезен «портфель из желтого сафьяну с рамкою из карельской березы в середине за стеклом рисованные по белому бумажному бархату цветы» [31]. А приписка в списке вещей указывала, что он подарен фрейлиной княжной Хилковой.

Портфель украшен вставкой с росписью цветов на белом бархате — очень популярным видом дамского рукоделия в 1820-е гг. В «Рассказах бабушки», записанных Д. Благово со слов его бабушки Е. П. Яньковой, есть следующие воспоминания про зиму 1822 г.: «В то время была большая мода рисовать по дереву цветы гуашью и по белому бархату… Рисованье по бархату было в большом употреблении, и английский бумажный бархат от того очень вздорожал. Тогда рисовали по бархату экраны для каминов, ширмы, подушки для диванов, а у некоторых богатых людей, бывало, и вся мебель на целую комнату; делали рисованные мешки для платков или „ридикюли“, которые стали употреблять после того, как вышли из моды карманы»[32]. Как рассказывала сама Янькова, для того, чтобы ее дочери овладели этой модной техникой росписи, она пригласила двух учителей, в результате чего ее «девицы кой чему понаучились».

Вслед за Яньковой можно утверждать, что роспись по бархату на портфеле также выполнена княжной Хилковой. Отметим, что в этой же модной технике «росписи по английскому бархату» были выполнены и две подножные скамеечки от фрейлин Самойловой и Хилковой, фигурировавшие в рапорте Сельдякова от 24 июля 1820 г.

Второй предмет от княжны Хилковой — небольшая шкатулка из березы прямоугольной формы с откидной крышкой, на четырех стальных ножках-шариках (ил. 5).

Крышка шкатулки украшена росписью цветов в технике гуаши прямо по деревянной основе (ил. 6). Об этом распространенном виде декора предметов также упоминала Янькова в вышеприведенной цитате. Историю этого экспоната можно проследить только по архивным документам. Так, среди разных вещей, привезенных в Павловск из Петергофа 25 июля 1823 г., фигурирует «шкатунка маленькая березовая с крышкою на ней живописные цветы от фрейлины К. Хилковой — 1»[33]. Летом 1824 г. по желанию Марии Федоровны эта шкатулка была отправлена в Гатчину, где находилась в Маленьком кабинете императрицы в Арсенальном каре. Здесь она зафиксирована описью 1840-х гг.: «Шкатулочка белой березы с рисованным сверху букетом цветов»[34]. После реконструкции Арсенального каре в конце 1840-х гг. она вошла в убранство Башенного кабинета Марии Федоровны в Центральном корпусе: «Шкатулка 4-хугольная березового дерева под лак с рисованным на крышке букетом цветов

Ил. 5. Шкатулка. Россия, Санкт-Петербург. 1823
Роспись по дереву выполнена фрейлиной П. А. Хилковой. ГМЗ «Павловск»

Ил. 6. П. А. Хилкова. Роспись на шкатулке. 1823. ГМЗ «Павловск»

на 4-х стальных шариках»[35]. С послевоенного времени шкатулка находится в ГМЗ «Павловск» и экспонируется в кабинете «Фонарик» Марии Федоровны.

Дополнительным аргументом в пользу авторства росписи Хилковой служит цветочная композиция, центральная часть которой из двух роз и цветка шиповника повторяет композицию росписи на портфеле. Вероятно, княжна Хилкова при помощи учителей рисования хорошо освоила одну цветочную композицию и в дальнейшем вносила в нее незначительные изменения.

Подводя итоги, можно констатировать, что сохранилась лишь малая толика подарков, полученных Марией Федоровной в дни ее рождения и тезоименитства. Тем ценнее становятся выявленные предметы, за которыми стоит не только личность императрицы, но и ее придворных дам, принимавших участие в их создании.

[1] *Остин, Д.* Гордость и предубеждение. М., 2008. С. 39.
[2] РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 9344. 1820 г. Л. 46.
[3] РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 6617. 1811 г. Л. 3.
[4] РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 6852. 1812 г. Л. 76.
[5] РГИА. Ф. 493. Оп. 7. Д. 255. 1817 г. Л. 4.
[6] РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 9678. 1821 г. Л. 39.
[7] Correspondance de S. M. l'impératrice Marie Feodorovna avec Mlle de Nélidoff, sa demoiselle d'honneur (1797–1801) suivie des lettres de Mlle de Nélidoff au prince A. Kourakine, publiée par la princesse Lise Troubetzkoï. Paris, 1896. P. 147.
[8] РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 7111. Л. 122.
[9] РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 7170. Л. 3.
[10] *Вершинина Н. М.* Декоративные вышивки // ГМЗ «Павловск». Полный каталог коллекций. Т. 4. Вып. 2. СПб., 2012. С. 13, 14; Инв. № ПМКП-41299; ЦХ-368-V.
[11] РГИА. Ф. 493. Оп. 1. Д. 3061. 1802–1804 гг. Л. 116.
[12] ГМЗ «Павловск». Инв. № ПМКП-40896, ЦХ-36-Х.
[13] РГИА. Ф. 493. Оп. 7. Д. 285. 1817 г. Л. 31 об.
[14] РГИА. Ф. 493. Оп. 7. Д. 278. 1822 г. Л. 32.
[15] Архив ГМЗ «Павловск». ЦХ-1610/2-XIII. 1849: «1841. Шкатулка волнистой березы с бронзовым украшением, сверху на крышке вставлено шитье по серебряной канве шелками за стеклом, одна».
[16] РГИА. Ф. 493. Оп. 4. Д. 19663. 1908 г. Л. 35 об.: «503, 1841 Шкатулка волнистой березы с бронзовым украшением, сверху на крышке вставлено шитье по серебряной канве (1841 по стар. описи Главного дворца)».
[17] *Карцов Н. С.* Несколько фактов из жизни С.-Петербургского училища ордена Св. Екатерины. СПб., 1898. С. 51.
[18] *Данилова А. М.* Ожерелье светлейшего. Племянницы князя Потемкина. М., 2007. С. 407.
[19] Цит. по: Дневник А. С. Пушкина, 1833–1835 / С комментариями Б. Л. Модзалеского, В. Ф. Садовника, М. Н. Сперанского. М., 1997. С. 69.
[20] РГИА. Ф. 493. Оп. 7. Д. 320. 1821–1825 гг. Л. 15.

[21] РГИА. Ф. 493. Оп. 7. Д. 344. 1823 г. Л. 3 об.
[22] Там же. Л. 6 об.
[23] РГИА. Ф. 493. Оп. 7. Д. 320. 1821–1825 гг. Л. 29.
[24] РГИА. Ф. 493. Оп. 7. Д. 360. 1826 г. Л. 9.
[25] ГМЗ «Павловск». Инв. № ПМ КП-39731; ЦХ-1292-IV.
[26] ГМЗ «Павловск». Инв. № ПМ КП-51003; ЦХ-9859-I.
[27] *Карцов Н. С.* Несколько фактов из жизни С.-Петербургского училища ордена Св. Екатерины. С. 52.
[28] Chère Annette. Letters from Russia. 1820–1828. The Correspondence of the Empress Maria Feodorovna of Russia to her daughter the Grand Duchess Anna Pavlovna, the Princess of Orange / Edited by S. W. Jackman. Bath, 1994. P. 67.
[29] *Корф М. А.* Дневник. Год 1843-й. М., 2004. С. 136.
[30] ГМЗ «Павловск». Инв. № ПМ КП-41149; ЦХ-846-Х.
[31] РГИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 9963. 1822 г. Л. 56.
[32] Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 261.
[33] РГИА. Ф. 493. Оп. 7. Д. 344. 1823 г. Л. 3 об.
[34] РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1501. 1840-е гг. Л. 88.
[35] РГИА. Ф. 469. Оп. 15. Д. 56. 1862 г. Л. 52 об.

Бахарева Наталья Юрьевна

АННА ПАЛИКУЧИ — КАМЕР-ЮНГФЕРА ЕКАТЕРИНЫ II. РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ

О Екатерине II написано множество исследований. Казалось бы, о ее повседневной жизни, окружающих ее людях известно достаточно хорошо. Сохранились официальные документы, донесения иностранных посланников, мемуары. Императрица и сама в письмах не раз раскрывала подробности своего времяпрепровождения, упоминая иногда в рассказах слуг. И все же многое остается малоизвестным. В частности, весьма скудны сведения о камер-юнгферах императрицы.

Как лица, допущенные в самую приватную часть монаршей резиденции, пользовавшиеся расположением и покровительством государыни, камер-юнгферы имели определенное влияние при дворе. Они могли замолвить слово за того или иного человека, были в курсе многих событий, а скорее всего и дворцовых тайн. Составляя «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой», П. Сумароков замечал, что он использовал сведения о домашней жизни, нраве и анекдотах императрицы, полученные от М. С. Перекусихиной, М. С. Алексеевой, А. А. Палекучи, М. П. Смирницкой[1]. Это весьма красноречиво характеризует степень осведомленности камер-юнгфер и отношение к ним в обществе. Вот, например, что писал статс-секретарь императрицы А. М. Грибовский, говоря о Д. П. Трощинском: «Он никогда не изменял прежнему своему начальнику и имел вместе с ним в комнатах государыни сильную партию, состоявшую из Марьи Савишны, ее племянницы Тарсуковой, Марьи Степановны Алексеевой, камердинера Зотова и некоторых других, которых дни рождений и именин граф твердо помнил, и никогда без хороших подарков в сии дни не оставлял. Люди сии, несмотря на запрещение говорить государыне о ком бы то ни было, находили средства внушать ей благоволительное мнение о прежнем ее министре и его партии, и самое неблагоприятное на счет служащих при П. А. Зубове, самого ж его они не смели коснуться»[2].

Ил. 1. Неизвестный художник. Портрет М. С. Перекусихиной. Конец XVIII в. ГЭ

Ил. 2. А. А. Паликучи. Портрет графа А. Г. Орлова-Чесменского. 1784. ГЭ

Единственной служанкой Екатерины II, о которой имеются достаточно подробные сведения, является М. С. Перекусихина (1739–1824) (ил. 1), что объясняется ее исключительной ролью в жизни августейшей хозяйки. В течение многих лет Марья Саввишна постоянно находилась при государыне, сопровождала на прогулках и в путешествиях, всегда занимала комнаты рядом с личными покоями монархини. Влияние ее при дворе было значительно. А. Т. Болотов писал о ней так: «Госпожа Перекусихина, Марья Саввишна, была наипервая фаворитка и любимица императрицына; она удостоивала ее своей дружбой и доверенностью во всем; и госпожа сия производила многие дела, и самые лучшие вельможи добивались ее дружбы и приятства»[3]. Нет сомнения, что Перекусихина знала многие секреты приватной жизни государыни. Она даже стала одним из трех свидетелей тайного венчания Екатерины II и Г. А. Потемкина.

Вновь обнаруженные архивные документы и литературные источники позволяют реконструировать биографию еще одной камер-юнгферы Екатерины II — гречанки Анны Александровны Паликучи. И, что немаловажно, раскрыть обстоятельства ее появления при дворе, связанные с масштабными политическими проектами императрицы.

Имя Паликучи ранее было известно, в основном, из «Записок» статс-секретаря Грибовского, в которых он описывает утренний туалет императрицы: «Государыня занималась делами до 12 часов. После во внутренней уборной старый ее парикмахер Козлов убирал ей волосы по старинной моде с небольшими назади ушей буклями: прическа невысокая и очень простая. Потом выходила в уборную, где мы все дожидались, чтоб еще ее увидеть; и в это время общество наше прибавлялось четырьмя пожилыми девицами, которые приходили для служения Государыне при туалете (здесь и далее в цитатах выделено нами. — *Н. Б.*). Одна из них, М. С. Алексеева, подавала лед, которым Государыня терла лицо, может быть, в доказательство, что она других притираний не любила; другая, А. А. Полекучи, накалывала ей на голове флеровую наколку, а две сестры Зверевы подавали ей булавки. Туалет сей продолжался не более десяти минут, в которое время Государыня разговаривала с кем-нибудь из присутствовавших тут, в числе коих нередко бывал обер-шталмейстер Лев Ал. Нарышкин, а иногда граф Ал. Сергеевич Строганов, всегдашние ее собеседники. Раскланявшись с предстоявшими господами, возвращалась с камер-юнгферами в спальню, где, при помощи их и Марьи Савишны одевалась для выхода к обеду; а мы все во-свояси отправлялись»[4]. В другой части записок Грибовский пишет: «В 12 часов слушание дел прекращалось; Государыня выходила в малый кабинет для прически волос, которые тогда довольно еще были густы; прическа оканчивалась не более как с четверть часа. В сие время приходили оба великие князя, а иногда и великие княжны для поздравления с добрым днем; после Государыня выходила в уборную для наколки головного убора, что также не более четверти часа продолжалось; при сем присутствовать могли все те, кои имели в уборную вход, и несколько камер-юнгфер. Чепчик накладывала А. А. Палекучи Гречанка, пожилая девица и глухая; булавки держали две Зверевы, девицы зрелых лет, которые в молодости слыли красавицами; лед на блюде и полотенце держала Марья Степановна Алексеева, также девица не молодая, собою видная, густо нарумяненная, но не красивая; во время наколки чепца Государыня обтирала лицо льдом и разговаривала с некоторыми из присутствовавших, в числе коих нередко бывали у туалета ее шталмейстер Лев Алекс. Нарышкин и Алекс. Сергеевич Строганов; с ними охотно Государыня любила разговаривать. По окончании туалета Государыня возвращалась в спальню одна, а камер-юнгферы выходили другою дверью вперед, в уборную комнату и после входили в спальню для одевания, при чем находилась уже и Марья Савишна»[5].

Итак, из этих отрывков мы знаем, что А. А. Паликучи (Полекучи, Палекучи) была одной из прислуживавших в 1790-е гг. императрице четырех камер-юнгфер, ее обязанностью было подавать государыне флеровую наколку (чепчик) и помогать при одевании. И еще, что она была гречанкой, «пожилой девицей», к тому же глухой. Все последующие авторы в своих сочинениях повторяли данные, приводимые Грибовским, не добавляя к ним ничего нового.

Интерес к ее личности возник у нас в связи с изучением хранящегося в Эрмитаже портрета А. Г. Орлова-Чесменского, явно исполненного художником-любителем (ил. 2)[6]. Согласно инвентарным данным, ранее на обороте картины имелась надпись, скрытая позже дублировочным холстом: «Первая копія писала Анна Александровна Пал… Ея Величества камерюнгфера в Санктпетербургѣ 1784 года…». Выбор персонажа для картины гречанки Анны Паликучи определил направление поисков сведений о ее биографии в материалах, связанных с историей Архипелагской экспедиции и «Греческим проектом» Екатерины II.

Одним из важнейших направлений внешнеполитической деятельности Екатерины II являлось Средиземноморье, населенное христианскими народами, находившимися под властью Турции. Историческая миссия России, как наследницы Греции и Византии, виделась в сохранении веры и культуры, защите и освобождении единоверцев от ига османов. В ходе Архипелагской экспедиции 1769–1774 гг. российские эскадры, общее командование которыми осуществлял А. Г. Орлов, были направлены в Средиземное море с целью содействовать восстанию греков и славян против турецкого владычества и отвлечь часть сил османов с театра военных действий начавшейся в 1768 г. Русско-турецкой войны. Первая эскадра под командованием Г. А. Спиридова в начале 1770 г. вошла в Эгейское море. 18 февраля корабли приблизились к полуострову Морея (Пелопоннес) и в Витуло высадили десант, двинувшийся вместе с присоединившимися к нему восставшими греками к турецким укреплениям. Помимо обитателей Мореи, к повстанцам примкнули прибывшие на Пелопоннес греки из Македонии и с островов, принадлежавших Венецианской республике[7]. Греческие корабли поднимали Андреевский флаг и переходили на сторону российского флота. Были среди них и подданные Венеции, в том числе

А. И. Поликути. Вице-адмирал С. К. Грейг, командовавший одной из эскадр, отправленных в Архипелаг, писал: «В порте Витулии стоял на якоре купеческой под Венецианским флагом корабль, коего Капитан родом из Славонцов, по приглашению Графа Орлова, вступил в службу и отправлен был в порт Витулию ожидать прибытия туда флота. Сей корабль имел 20 пушек. Он равномерно салютовал флоту, и Адмирал произвел его Шкипера в Лейтенанты. Шкипер сей назывался Паликути, судно же его Св. Николай подняло на другой день Российский флаг»[8].

Александр Иванович Поликути (Поликутти, Паликути)[9], как удалось установить, являлся отцом будущей камер-юнгферы, хотя в документах их фамилии и имеют отличия. Но и Анна Александровна в разных источниках именуется по-разному. Так, в издании «Записок» Грибовского 1864 г. она названа Палакучи[10], а в публикации этого же сочинения в 1899 г., сделанного, как следует из предисловия, с подлинных рукописей[11], — Полекучи и Палекучи[12]. Сама она в документах подписывалась «Анна Паликучи»[13] или «Anna Polekuczi»[14].

Переход на русскую службу капитана Поликути послужил причиной конфликта между Россией и Венецией, старавшейся сохранять нейтралитет в Русско-турецкой войне. Этот исторический эпизод был подробно изложен авторами монографии «Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой»[15]. Согласно приведенным исследователями сведениям, А. Поликути был венецианским подданным, происходил из Кастельнуово (сейчас это город Херцег-Нови, Черногория), расположенной близ города Каттаро (сейчас — город Котор, Черногория). В октябре 1769 г. купец Капитанаки отправил принадлежавшее ему судно «Atta» под командованием Поликути на остров Крит. Капитан тайно пробил на корабле амбразуры, погрузил на него пушки и бочки с порохом, превратив тем самым торговое судно в боевое. Приобретя при посредничестве российского агента П. Маруцци продовольствие и боеприпасы, он направился в Черногорию, к Бокка ди Каттаро (Которской бухте). Там Поликути набрал команду из православных моряков и отплыл в Левант. 21 февраля 1770 г. он сменил венецианский флаг на мачте на российский и направился в Морею, где в начале апреля 1770 г. присоединился к русской эскадре. Фрегат, получивший название «Св. Николай», был включен в состав эскадры. Авторы монографии приводят слова тосканского посланника

в Венеции Коттини о том, что «Поликутти считался одним из самых опытных греческих штурманов на венецианской службе, но при этом и одним из самых своенравных: он часто получал от русских деньги, в обмен обещая участие в греческом восстании, командовал гордым и многочисленным экипажем, был ловок в навигации и в бою. Поликутти был предан православной вере и лелеял надежды на скорейшее освобождение греков из-под власти турок»[16]. Поступок Поликути вынудил власти Венеции отправить курьера в Константинополь для оправдания перед султаном. Военному командованию в Леванте был отдан приказ арестовать капитана, потребовав того же от России и проинформировав об инциденте европейские дворы. Русское командование отказалось выдать Поликути венецианским властям, объясняя это тем, что, благодаря своим заслугам и отваге в Наваринском сражении, он получил чин лейтенанта русской службы. В донесении говорилось, что он присоединился к своим соотечественникам, чтобы способствовать славе и возрождению Греции, и что честь русской императрицы и невозможность свободного судебного процесса запрещали его выдачу[17].

Так началась служба капитана А. И. Поликути на фрегате «Св. Николай» под Андреевским флагом. Он принимал участие в Наваринском, Хиосском, Чесменском, Патрасском и других сражениях. 12 марта 1771 г. ему пожалован чин капитан-лейтенанта. 5 октября того же 1771 г. он скончался, находясь на своем фрегате[18].

Венецианские власти не простили мятежного шкипера. Его имущество конфисковали, а дом в Кастельнуово уничтожили выстрелом с венецианского корабля[19]. Члены семьи Поликути должны были покинуть пределы Венецианской республики. Неизвестно, когда и каким образом они перебрались в Россию. Скорее всего, они прибыли на одном из кораблей, возвращавшихся из Архипелага в 1774 г.

В РГИА нами был обнаружен документ, подтверждающий предположение о родстве камер-юнгферы со знаменитым греческим капитаном и содержащий описание обстоятельств, вынудивших семью перебраться в Россию. Это прошение Анны Паликучи, поданное в 1796 г. вступившему на престол императору Павлу I: «Всеавгустейший Монарх Всемилостивейший Государь! При открытии предпоследней с портою Отоманскою войны, отец мой, побуждаем по единоверию усердием к России вступил в службу Вашего Императорскаго Величества, употребя не малую часть своего имения

на вооружении тридцати шести пушечнаго фрегата, имянуемаго святый Николай, на коем ревностно подвизаясь против неприятеля удостоен был чина флота Капитан-Лейтенанта. Неоднократно имела я щастие слышать из уст блаженныя памяти Государыни Родительницы Вашего Императорскаго Величества коль услуги его были благоугодны Ея Величеству. Но, Всемилостивейший Государь, приверженность его к Пресветлейшему Дому Вашего Императорскаго Величества, сочтена со стороны венецианской Республики, преступлением, за которое он, хотя и в отлучке, был приговорен к смерти, имение ево все захвачено и ссрыв до основания дом бедное его семейство навсегда выгнано из отечества. Таковым произшествием приведены будучи в самобеднейшее состояние мы принуждены были искать убежища в России, где имели щастие снискать величайшее горести нашей услаждение под особенным покровом и в великодушном Ея Императорскаго Величества обещании вознаградить нашу потерю и доставить нам завидное состояние. В сем ожидании предпроводила я век мой; и наконец видя себя забвенною в тех случаях, в коих иноземцы щедрое получали воздаяние за потери подобныя нашим, я начинала лишаться надежды, когда всерадостное Вашего Императорскаго Величества на прародительской Престол возшествие исполняющее надеждою сердца всех Ваших верноподданных возобновило и во мне сие сладостное чувствование.

Всемилостивейший Государь! Не заслуги отца моего, ниже потеря имения, но безприкладное милосердие и щедроты ознаменовавшия уже царствование Ваше подают мне дерзновение упасть к освященным стопам Вашего Императорскаго Величества, моля всеподданнейше богоподобное правосудие Ваше о составлении двум сиротам моим братьям, какое либо состояние. И тем могли бы мы купно посвятить остаток жизней наших на излияние теплейших молений пред всех благ подателем, да умножит он вожделеннейшия дни царствования Вашего Императорскаго Величества возведше оное на верх славы и благополучия. / Всеавгустейший Монарх Всемилостивейший Государь / Вашего Императорскаго Величества / Всеподданнейшая услужница Анна Паликучи»[20].

Сведения о нынешнем тяжелом положении были явно преувеличены Анной и объяснялись желанием добиться у нового монарха положительного решения вопроса об обеспечении состоянием братьев. На самом деле, после переезда в Россию судьба ее

складывалась успешно. Она оказалась под покровительством самой Екатерины II, взявшей ее на службу.

Можно предположить, что дочь умершего капитана привез в Санкт-Петербург и рекомендовал монархине сам А. Г. Орлов-Чесменский. Приблизить к себе гречанку-сироту, чей отец одним из первых перешел на русскую службу, вызвав такой переполох в Венеции, а семья подверглась преследованиям, было очень символично. Это был наглядный пример заботы Екатерины о единоверцах, проявление ее милосердия, которое «…восхищает сердца своих подданных и бессмертным остается во всей Европе»[21]. Такой поступок идеально вписывался в сценарий разрабатывавшегося императрицей знаменитого «Греческого проекта».

Впервые имя камер-юнгферы А. А. Паликути (так она упомянута в источнике) появляется в Придворном месяцеслове за 1776 г.[22] Согласно именному указу от 28 ноября 1775 г. императрица «Всемилостивейше соизволила пожаловать находящихся при дворе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА в должности камер юнфорской девицу Марью Алексееву да гречанку Анну Александрову камер юнфорами ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА жалованья с нынешнего время производить им от придворной канторы против протчих камер юнфор по сту рублев в год каждой»[23]. Упомянутая здесь Анна Александрова и есть А. А. Паликучи. Как следует из текста, она какое-то время уже находилась при исполнении этой должности, возможно, в качестве «испытательного срока». По сведениям, приводимым в «Записках» Грибовского, Анна прислуживала Екатерине при утреннем туалете. Но этим ее обязанности явно не ограничивались, и она находилась в услужении государыни на протяжении всего дня.

После восшествия на престол Павла I придворная служба А. А. Паликучи завершилась. 17 декабря 1796 г., в награждение долговременной и усердной службы находившихся при Екатерине II лиц, монарх повелел ее камер-юнгферам, в том числе и Полекучи, «…остаться во дворце на определенном им содержании, вместо же получаемых ими при жизни блаженныя памяти ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ выдач под разными именованиями, производить из Кабинета камер-юнгферам и девице княжне Яшвеловой по три ста по пятидесяти рублей каждой, девице Балш по двести по пятидесяти рублей, а камер-медхинам по сту по осьмидесяти рублей каждой на год; сверх того в течении будущаго 1797го года выдать

им единовременно из Кабинета же <…> Анне Полекучи восемь тысяч…»[24]. Император повелел камер-юнгферам и камер-метхинам покойной государыни «…давать столы и содержание…»[25]. Анна Александровна осталась при дворе, получала содержание, хотя и не состояла на службе. Она проживала в «Боурском доме» на углу набережных рек Невы и Фонтанки[26], с 1784 г. использовавшемся для размещения придворных служителей[27].

Паликучи поддерживала связь с жившими в России греками. Интересное указание на это нашлось в примечаниях В. А. Бильбасова к изданию архива графов Мордвиновых. В них сообщается, что 14 марта 1797 г. состоялся указ Таврического областного правления об отмежевании сада Аннинского в Козах помещице Анне Александровне Палекучи; а 11 августа 1798 г. она продала сад Ламбро Качиони[28]. Качиони (Ламброс Кацонис) был одним из греков-добровольцев, находившихся в эскадре Спиридова и принимавших участие в военных действиях в Архипелаге в 1770–1774 гг. То есть он служил вместе с отцом Анны, а в 1790-е гг. часто бывал при императорском дворе.

Паликучи скончалась 21 июля 1831 г. Своим душеприказчиком она назначила генерал-лейтенанта сенатора И. С. Горголи, грека по происхождению. Ему удалось найти у покойной лишь 167 руб. Этого было недостаточно для погребения ее с должным приличием. Свойственницы ее и другие лица собрали нужную сумму, которая затем была возвращена им из Кабинета по повелению Николая I[29]. Причина смерти А. А. Паликучи в документах не указывается. Летом 1831 г. в столице была эпидемия холеры, жертвой которой могла стать бывшая придворная служительница. Но она могла умереть и от других болезней или в силу своего преклонного возраста. Место ее погребения определить не удалось.

[1] *Сумароков П. И.* Обозрение царствования и свойств Екатерины Великия. Ч. 1. СПб., 1832. С. [I].

[2] *Грибовский А. М.* Записки о императрице Екатерине Великой полковника, состоявшего при Ея особе статс-секретарем Адриана Моисеевича Грибовского. М., 1864. С. 23.

[3] *Болотов А. Т.* Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах // Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796. Т. 2. Тула, 1988. С. 399.

[4] *Грибовский А. М.* Воспоминания и дневники статс-секретаря Екатерины Великой А. М. Грибовского // Русский Архив. 1899. Т. 1. С. 18, 19.

[5] Там же. С. 34.

[6] А. А. Паликучи. Портрет графа А. Г. Орлова-Чесменского. Россия. 1784. Холст, масло. Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-77.

[7] *Велижев М. Б., Смилянская Е. Б., Смилянская И. М.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11084020 (дата обращения 23.04.2020).

[8] *Грейг С. К.* Первый поход российского флота в Архипелаг, описанный Адмиралом Грейгом (Из собственной его рукописи) // Отечественные записки. Ч. 14. № 37. 1823. Май. С. 177.

[9] Отчество Александра Поликути указано в издании: Общий Морской список. Ч. IV. Царствование Екатерины II. К — С. СПб., 1890. С. 593.

[10] *Грибовский А. М.* Записки о императрице… С. 29, 51.

[11] *Грибовский А. М.* Воспоминания и дневники… Предисловие к запискам.

[12] Там же. С. 19, 34.

[13] РГИА. Ф. 938. Оп. 1. Д. 306. 1796 г. Л. 2; Ф. 1374. Оп. 1. Д. 348. Л. 6.

[14] РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 348. Л. 21 об.

[15] *Велижев М. Б., Смилянская Е. Б., Смилянская И. М.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11084020 (дата обращения 23.04.2020).

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 149. [после 1770 г.] Л. 158, 159. Такая же дата кончины А. И. Поликути (во время нахождения корабля в Архипелаге) указана в «Общем морском списке» (см.: Общий Морской список. Ч. IV. Царствование Екатерины II. К — С. СПб., 1890. С. 593).

[19] *Велижев М. Б., Смилянская Е. Б., Смилянская И. М.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11084020 (дата обращения 23.04.2020).

[20] РГИА. Ф. 938. Оп. 1. Д. 306. 1796 г. Л. 1, 2.

[21] *Мордвинов М. И.* План об учреждении при Артиллерийском и Инженерном Шляхетном кадетском корпусе гимназии для чужестранных одноверцов, конфирмованной от Ея Императорскаго Величества в 1775 году. СПб., 1776. С. 2.

[22] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1776. СПб., 1776. С. 14. В последующие годы в месяцесловах она будет упоминаться как Полекучи (см., например: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1777. СПб., 1777. С. 14; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1778. СПб., 1778. С. 13; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., 1796. С. 8).

[23] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 138. 1775 г. Л. 38.

[24] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 187. 1796–1797 гг. Л. 120–122.

[25] Там же. Л. 162, 162 об.

[26] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 44. 1831 г. Л. 1.

[27] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 154. 1782–1784 гг. Л. 54, 55, 73.

[28] Архив графов Мордвиновых. Т. 1. СПб., 1901. С. 514.

[29] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 44. 1831 г. Л. 1–3.

Белковская Валентина Михайловна

МРАМОРНЫЙ ДОМ КНЯЗЯ ГРИГОРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ОРЛОВА. 1768–1783

Мраморный дворец, занимающий целый квартал Дворцовой набережной Санкт-Петербурга, стал известен современникам в конце XVIII в. как императорское владение. Примечательное здание столицы одним из первых описал И.-Г. Георги: «Императорский Мраморный дворец на берегу Невы пониже Фонтанки строился по повелению Екатерины II в 1770–1783 гг. Над входом сделана надпись: „Здание благодарности“. Ее Величество подарило оный князю Орлову, но он скончался, не переехав еще в сей дворец, который и куплен опять в казну у наследников князя»[1].

Здание перешло к Екатерине II через два месяца после кончины владельца, в июне 1783 г., и на восточном фасаде установили памятную надпись, отметив, как и на Орловских воротах в Царском Селе, заслуги князя Г. Г. Орлова.

В истории правления Екатерины II первых десятилетий ее царствования Григорий Григорьевич Орлов (1734–1783) представляется одной из самых ярких фигур. Биография его известна только в общих чертах, но в крупнейших российских музеях находятся многочисленные живописные и скульптурные портреты, запечатлевшие образ Орлова в различных ипостасях. Память о нем сохраняют медали и произведения декоративно-прикладного искусства: жалованный серебряный сервиз, фарфоровый туалетный прибор в собрании Эрмитажа, Охотничий сервиз, изготовленный для Гатчинской мызы. Орлов занимал важный пост, и его городской дом также подчеркивал статус владельца.

Историю возведения здания сохраняют архивные документы и детали архитектурной и художественной отделки Мраморного дворца, она связана с событиями того времени и участием владельца и видных его современников.

Г. Г. Орлов — генерал-фельдцейхмейстер и директор фортификаций, служил в Военной коллегии Сената. Вплоть до своей кончины он исполнял должностные обязанности, получая несколько раз отпуск по указам императрицы. Его служебная деятельность охватывала события первой Русско-турецкой войны 1769–1774 гг., подавление восстания Пугачева, реорганизацию производства Сестрорецких оружейных заводов, создание бронзового монумента Петру I — Медного всадника и пр.

Военные инженеры ведомства, имея специальное образование, занимались сооружением крепостей и дорог, при Канцелярии от строений существовали «строительные батальоны мастеровых военной команды». Орлов сообщал императрице: «…в тех же батальонах в каждом сверх военных быть по одной роте мастеровых и работных; всего по строевым ротам 1451 человек»[2].

Возведение Мраморного дома на средства Кабинета Е. И. В. начали по указу Екатерины II. Императрица писала 15 апреля 1768 г.: «Как дом у Троицкой пристани готов будет, то, убрав его, как я намерена была, ему же гр. Г. Г. Орлову отдам вечно и потомственно»[3].

Дом возводили быстро, и граф Орлов стал его владельцем в сентябре 1772 г. В это же время Сенат получил указ «О дозволении Г. Г. Орлову принять диплом и именовать князем Римской империи». В аттик здания вписаны картуши с княжеской короной. В картуше южного фасада к Миллионной улице помещался вензель Г. Г. Орлова, северный фасад к Неве украшал герб с девизом: «Верностью и постоянством».

Владельческие знаки, вырубленные в камне, оставались на императорском дворце до 1796 г., когда их стесали и заменили изображением двуглавого орла.

Строили Мраморный дом «под смотрением» генерал-инженера М. И. Мордвинова, имевшего штат служащих. «В 1768–1769 возводили стены здания, шла теска сибирского и финляндского мрамора. У шлифовки мрамора каждый день находилось по 169 человек фузелеров двух артиллерийских фузелерных полков»[4]. Смотрителя непременно уведомляли об отъезде владельца[5].

Проект и модели Мраморного дома, его отдельных апартаментов и детали внутреннего убранства создавались по замыслу придворного архитектора А. Ринальди, построившего также загородный дом Г. Г. Орлова в Гатчине. В интерьерах этих зданий по желанию владельца были установлены мраморные рельефы с портретом архитектора. В связи с этим Ринальди писал императрице: «Его Сиятельство граф Орлов подумал о помещении моего портрета с надписью на одном из каминов дома, который я имею честь ему строить, есть милость, которая удивила бы не только меня, знающего ей цену, и которую, как я понимаю, я мало заслуживаю, но равно

Ил. 1. Н. Х. Портрет Антонио Ринальди. Рельеф до 1785. Фотография. 1997. Архив автора

и человека самого честолюбивого и самокритичного. Но то, что Ваше Императорское Величество соблаговолило удостоить меня немедленным собственноручным уведомлением и присоединить свою настоятельную просьбу о том, чтобы я выбрал для него (портрета), место, есть милость настолько замечательная, что мне необходимо все мое здравомыслие, чтобы самолюбие не ослепило меня, и чтобы я не забыл, что я есть на самом деле»[6].

В Мраморном дворце портрет архитектора расположен на стене против входа. Первоначально беломраморный рельеф установили на этой же стене, но в нише, от которой уцелели мраморные пилястры. Перекрытие ниши образовали полуциркульные металлические конструкции, разобранные в середине XIX в. при реконструкции дворца. Ниша была отделана искусственным мрамором. Портрет Ринальди под лестницей показал на рисунке 1845 г. «Разрез лестницы Мраморного дворца» архитектурного помощника А. Угрюмова[7]. На клапане этого рисунка схематично намечена ниша и расположение рельефного портрета до реконструкции.

Мраморный дом среди современных ему строений в отделке фасадов отличал не только камень, но также металл. В 1771–1773 гг. начинают возводить кровлю дворца с покрытием медными листами. Исторические конструкции частично сохранились на чердаке. Медная кровля на металлических стропилах и решетнике была одной из первых не только в России, но в европейской архитектуре. Такое покрытие существовало полтора века. В 1932 г. листы красной меди и часть железных стропил демонтировали и переплавили.

Уникальная стропильная система и медное покрытие были изготовлены на Сестрорецких оружейных заводах, находящихся в непосредственном подчинении Г. Г. Орлова. Предприятия, основанные Петром I, «…в 1756 препоручены генерал-фельдцейхмейстеру,

в 1774 заводы отданы в ведомство Канцелярии главной артиллерии и фортификации»[8].

Листы красной меди, называемой артиллерийским металлом, выплавляли из руды, закупленной у частных заводчиков, в значительной части для покрытия использовали молдавскую медную монету, появившуюся в Русско-турецкую войну 1768–1774 гг. Медные деньги разного достоинства чеканили непосредственно на занятых территориях Молдавии и Валахии из трофейных турецких пушек. Княжества получили автономию в составе Порты, и началось обесценивание медных денег. На Сестрорецкие заводы поступали десятки тысяч пудов невостребованных медных денег вплоть до 1780 г.[9]

Мраморный дом отличали металлические оконные рамы и большие бронзовые балконные двери, с накладными украшениями с внутренней стороны. Позолоченные бронзовые заполнения проемов, произведенные на Сестрорецких оружейных заводах, сохранились на среднем этаже. «В 1771 году слесарь Иван Гольде сделал пробную оконную раму в 10 пудов 36 фунтов за 600 рублей»[10]. Позолоту выполняли так называемым огневым способом, с применением ртутной амальгамы, создавая долговечное антикоррозийное покрытие.

Дом для князя имеет три этажа. Нижний этаж занимали кухни, оборудованные хлебопекарной и кондитерской печами. В северо-восточной части нижнего этажа располагался бассейн, обеспечивающий здание водой. В Мраморном доме Орлова впервые в Санкт-Петербурге появилась водопроводная система. Осуществлялась подачи воды в ванну, расположенную на втором этаже, и промывка «мест нужных». Специальная машина была устроена для работы фонтана в висячем саду. Уникальный водопровод в жилом доме сконструировал Ф. В. Бауэр — автор Таицкого водовода в Царском Селе и Мытищинского — в Москве.

Фридрих Вильгельм Бауэр (1734–1783) поступил на Российскую службу по рекомендации и при участии Г. Г. Орлова. Инженер-гидротехник, архитектор, картограф, он служил с 1769 г. в должности генерал-квартирмейстера и являлся постоянным другом и доверенным лицом князя[11].

В нижнем этаже также располагалась церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Сведений об освящении домовой церкви нет, поскольку богослужения в таких церквях обычно проводили после выдачи Санкт-Петербургской Духовной консисторией

на престол Антиминса. Сведений о выдаче антиминса также нет, но выявлено дело «О крещении у Его сиятельства графа Григория Григорьевича Орлова»[12]: священник Т. Васильев доносил в Духовную консисторию, что им совершено крещение «полоненного крымского татарина Мурзы Керима» с именем Феодор. Восприемником при крещении был сам граф.

Этот эпизод напоминает о причастности Орлова к событиям Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., завершившейся присоединением Крыма. Также известно о венчании в домовой церкви адъютанта князя Г. Г. Орлова Ф. Ф. Буксгевдена с Н. А. Алексеевой, состоявшемся в январе 1777 г.[13]

Верхний и средний этажи занимали различные жилые покои. Их назначение можно представить благодаря описанию убранства — гостиные с ломберными столами или бильярдом, диванная в восточном стиле, шкафы в библиотеке и пр. Этажи объединяли вертикальные связи по каменным винтовым лестницам, устроенным внутри стен. Это создавало удобство в обслуживании всех комнат.

Покои владельца располагались в среднем этаже. Отделка интерьеров началась в середине 1770-х гг. Свидетель придворной жизни Екатерининской эпохи Шевалье де Корберон записал в дневнике: «Уверяют, что князь Григорий (Орлов) отделывает свой (новый) здешний дом. Это плохо вяжется с намерением его путешествовать»[14].

Отправляясь за границу в 1775 г., князь Орлов заказал оформление одного из главных парадных апартаментов, отметив годовщину празднования Кючук-Кайнарджийского мира. Художник С. Торелли написал для этого зала плафон «Слава России, относящуюся на бессмертные нашей августейшей императрицы дела». Стены были затянуты «бархатом с вензелями Ея Императорского величества», и «на передней стене поставлен портрет Ея императорского Величества живописный, а над оным балдахин деревянный с короною вызолоченные»[15].

Главным апартаментом дома являлся Мраморный зал с уникальной каменной отделкой стен, создавать которую начали в 1774 г. Описание покоя, обозначенного № 1, начинается фразой «Стены между пилястрами одеты ляписом лазурем»[16]. Лазуритовые панно на стенах Мраморного зала являются первыми произведениями, созданными из этого российского самоцвета, выполненными в технике «русской мозаики».

Ил. 2. Западная стена Мраморного зала, отделанная лазуритом
Фотография. 1997. Архив автора

Месторождение ляпис-лазури у озера Байкал открыл в 1768 г. Э. Г. Лаксман, он описал российский камень и организовал его отправку в Санкт-Петербург. По приезде в столицу в 1769 г. ученый стал членом Вольного экономического общества, которое возглавлял Г. Г. Орлов, и был избран в ординарные академики «по экономии и химии». К разработке открытого Лаксманом месторождения «Слюдянка» приступили только спустя двадцать лет.

Панно из лазурита для стен начали создавать мастера Императорской Петергофской гранильной фабрики в 1774 г. «Находящимся при петергофской шлифовальной мельнице служителям и мастерам, также и мозаичных работ мастеру и подмастерью, и ученикам по требованию тайного советника Бецкого 7785 р.»[17].

Всю декоративную отделку и убранство зала — живописный плафон и мраморные рельефы — проектировал архитектор. Но сюжеты произведений выбирал владелец дома.

Мраморный зал по периметру украшают четырнадцать круглых мраморных барельефов со сценами жертвоприношений, которые объединяются в цикл «Римский брак»[18]. В каждой из композиций представлены эпизоды римского свадебного обряда. Жрецы на алтарях, посвященных различным богам, производят священнодействия о благополучии предстоящего брака. Обряды совершаются отдельно для жениха и для невесты. Завершает цикл композиция «Брачный союз» — юноша и девушка в венке соединили руки у алтаря, жрец скрепляет их брак.

Круглые рельефы, вероятно, создавали в 1778 г., одновременно с композициями «Игры амуров», расположенными над дверьми зала. Прямоугольные мраморные композиции, изображающие резвящихся амуров, исполнили скульпторы А. Валли и Ф. И. Шубин. Автором круглых рельефов мог быть скульптор с многогранным дарованием Ж. Д. Рашетт (1744–1809). Он в эти годы начал службу в Санкт-Петербурге, получил должность модельера Императорского фарфорового завода и много работал не только в декоративной, но и в монументальной пластике, создавая портреты и сюжетные композиции. Сохранились рельефы этого времени в гостиных Екатерининского корпуса Нижнего парка Петергофа. Исполненные Рашеттом круглые рельефы Мраморного дворца некоторые исследователи считают утраченными: «Среди исчезнувших работ скульптора находятся барельефы для зала общих собраний Сената… пропали также и медальоны, созданные скульптором для парадного зала Мраморного дворца»[19].

Тема рельефов с обрядами бракосочетания находит завершение в живописном плафоне зала «Свадьба Амура и Психеи, празднуемая первыми божествами язычества», написанным С. Торелли. В композиции плафона Мраморного зала отдельные детали связаны с должностью заказчика: у центральной смысловой группы перед фигурой Амура, обнимающего Психею, художник изобразил пушку, увитую гирляндой цветов.

Убранство зала владелец посвятил своей супруге Е. Зиновьевой, ставшей княгиней Орловой в июне 1776 г. Брак с двоюродной сестрой противоречил закону и обычаям, но супруги, несмотря на разницу в возрасте, были чрезвычайно счастливы [20].

Мраморный дом Орлова становился достопримечательностью Санкт-Петербурга. В дневнике 1779 г. барон М. Д. Корберон записал: «11 мая, пятница. Сегодня я нарочно остался в городе чтобы осмотреть Манежный двор и Мраморный Дворец, построенный князем Орловым, которому, кажется, не привелось в нем жить. Этот дворец снаружи очень красив. Главная лестница не дурна, но кажется очень тяжелою благодаря узости ступеней и тесной клетке. В стенах последней сделаны ниши, в которых размещены весьма плохие мраморные статуи, работы француза Фаландэ (Phalandes), ученика Фальконе, и немца Фукса. Первая несколько получше. Рамы в окнах медные, весом по девяносто пудов, а каждое стекло стоит 28 рублей»[21].

Ил. 3. Ж. Д. Рашетт (?). Заключение брака. Рельеф 1779. Фотография. 1997. Архив автора

Ил. 4. С. Торелли. «Свадьба Амура и Психеи». Фрагмент плафона
Фотография. 2004. Архив автора

Ил. 5. Двери балкона. Бронза, золочение
Фотография. 2015. Архив автора

Записи дневников всегда субъективны, но, возможно, содержат и достоверные сведения. Вероятно, дипломат видел на лестнице скульптуры весталок, впоследствии переместившиеся в покои дворца и в настоящее время находящиеся в собрании ГМЗ «Царское Село».

Аллегорические скульптуры «Утро», «День», «Вечер», «Ночь», расположенные в нишах парадной лестницы, созданы Ф. И. Шубиным в 1782 г., после отъезда супругов Орловых заграницу.

Фигуры весталок изображены на чертеже 1830 г. Они располагались по сторонам дверного проема Чесменской галереи, оформленной рельефами с сюжетами о великодушных действиях А. Г. Орлова-Чесменского и бюстами четырех братьев владельца [22].

Фигуры весталок для Орлова могли создать в мастерской Э. М. Фальконе, генерал-фельдцейхмейстеру был подчинен «Литейный двор», на котором отливали конную статую Петра I. По окончании работ в 1778 г. в одном из зданий экспонировали этот памятник [23].

Украшением многих интерьеров Мраморного дома являлось наборное дерево. Путешественники, посещавшие дворец, восторженно описывали Лаковое зало, стены которого сплошь укрывали наборные панно. Во дворце было много мебели с наборным орнаментом — ломберные столы с цветочным узором или «наподобие шахматов», кресла и канапе из разноцветных дерев с бронзовыми украшениями.

Во всех залах среднего, парадного этажа и многих комнатах третьего имелись наборные паркетные полы, созданные по проектам А. Ринальди.

Уникальные наборные двери с золочеными бронзовыми петлями, замками и с накладными металлическими украшениями

сохранились во дворце до настоящего времени. «Опись Мраморного дома покоям их уборам и вещам», составленная в 1785 г., неоднократно представляет: «Двери створчатые из заморского цветного дерева, при них по три пары петель бронза золоченого и при одной замок черной вороненой с шпанголетом, с бронзовым золоченым убором» [24].

Все произведения с «набором из разноцветных дерев» для Мраморного дома выполнили в мастерской Х. Мейера. Первые восемь пар наборных дверей он установил в 1777 г. Мейер работал в Мраморном дворце на протяжении десяти лет, с 1774 по 1785 г. Этот мастер уже в императорском Мраморном дворце выполнял починку ранее созданных «штучных полов». Исправление или обновление отделки в интерьерах богатого дома производили каждые пять лет.

Мраморный дом имел лучшее техническое оборудование и замечательные работы живописцев и скульпторов своего времени. Все строительные работы и убранство дома оплачивали из средств Кабинета. Это ведомство также ежегодно, до 1785 г., выплачивало жалование «…разным чинам и служителям, находившимся при оном доме покойного его светлости господина генерала фельдцейхмейстера людям графа Г. Орлова» [25].

В истории строительства Мраморного дома ясно прослеживается влияние личности заказчика и владельца на творчество архитектора. В течение двух веков многое изменялось во дворце. Остались замечательные произведения екатерининской эпохи, декоративные элементы отделки интерьеров — лазуритовые панно стен, мраморные рельефы, живописные плафоны, двери из «цветных дерев».

Неизменны фасады Мраморного дворца, оформленные камнем и металлом. Восточный фасад над главным входом украшают два мраморных рельефа, символически изображающие военные трофеи. Они созданы Ф. И. Шубиным в 1775 г. и напоминают о деятельности первого владельца генерал-фельдцейхмейстера Г. Г. Орлова.

---

[1] *Георги И. И.* Описание Российско-Императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 71.
[2] Научный архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2287. 1765 г. Л. 465.
[3] Из бумаг Храповицкого А. В. // Русский архив. 1866. С. 67.
[4] *Успенский А. И.* Императорские дворцы. Т. 1. СПб., 1913. С. 330.
[5] Научный архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 3. Оп. Арс. Ед. хр. 987. 1774 г. Л. 3.

[6] АВПРИ. Ф. 14/1. Ед. хр. R-92. 1767 г.
[7] ГРМ. Инв. № Рб-12938.
[8] Научный архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. сборная ШГФ. Д. 2316. 1780 г. Л. 1.
[9] Там же. Л. 20.
[10] *Успенский А. И.* Императорские дворцы. Т. 1. С. 331.
[11] *Гминодецкий Н. П.* История Русского генерального штаба. СПб., 1883.
[12] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 7981. 1778 г.
[13] Старые годы. 1908. Октябрь-декабрь. С. 770.
[14] Интимный дневник шевалье де-Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II: (Из Парижского издания). СПб., 1907. С. 55.
[15] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 284. 1785 г. Л. 8 об.
[16] Там же. Л. 2.
[17] Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911. С. 380.
[18] Установлено кандидатом исторических наук Г. С. Самохиной.
[19] Портреты русских правителей из художественных собраний Эстонии. Каталог выставки в Кадриоргском художественном музее / сост. М. Левин, А. Мурре. Таллин, 2006. С. 53.
[20] В связи женитьбой в доме перестраивали интерьеры. Помещение «жедепома» — зала, служившего для игры в мяч, — по модели архитектора Ринальди переделывали в бальный зал.
[21] Интимный дневник шевалье де-Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. С. 201.
[22] Научный архив КГИОП. Шифр 164–1/Г-28. Инв. № 10839; с 1990 в ГМЗ «Царское Село». «Весталка», инв. № ЕД-228; «Весталка», инв. № ЕД-229; ранее Государственный Русский музей, поступили из Мраморного дворца.
[23] Записки Якоба Штейлина об изящных искусствах в России. Т. 1. М., 1990. С. 433.
[24] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 284. 1785 г. Л. 20 об.
[25] РГИА. Ф. 468. Оп. 32 (493/2134). Д. 1282. 1785 г. Л. 86.

Борушко Елена Александровна

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ЦАРСКОГО СЕЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ДВОРЦОВОЙ ПОЛИЦИИ

Первая мировая война началась 28 июля 1914 г., а спустя несколько дней, 1 августа, в войну вступила Россия. Однако, еще до официального вступления, жизнь в Царском Селе начинает меняться. По Царскосельскому дворцовому управлению (ЦДУ) 21 июля 1914 г. издается приказ (№ 97), в котором говорится: «Вследствие объявленного военного положения и отбытия многих служащих Дворцового Управления и его учреждений по призыву на действительную службу и в предвидении неизбежности в военное время самых срочных и безотлагательных дел, считаю обязанностью напомнить моим сослуживцам о необходимости напрячь все силы к тому, чтобы дружною работою восполнить пробел, образовавшейся за уходом части служащих в строй. В виду сего с настоящего числа установленные по летнему времени льготные дни отменяются, в Управлении, помимо обычного дежурства чиновников учреждается постоянное дежурство старших помощников Делопроизводителя с соответственным числом младших служащих, по указаниям Делопроизводителя и подтверждается к неуклонному исполнению, чтобы все служащие отлучались от мест своих занятий не иначе, как с разрешения ближайшего начальства и при условии, что в Дворцовом Управлении во всякое время дня и ночи было известно место нахождения, что совершенно соответствует условию и обстановке военного положения»[1]. Приказ был подписан начальником ЦДУ, генерал-майором князем М. С. Путятиным, и объявлен во всех частях вверенного ему управления.

В августе выходят еще два приказа (№ 106 и 109), в соответствии с которыми из списков служащих были исключены те, кого с 1 августа 1914 г. призвали на действительную службу: в первые дни войны на фронт ушло 48 человек, а их обязанности были распределены между оставшимися служащими[2].

В 1915 г. экономическое положение в стране резко ухудшается. Фронту нужны оружие и боеприпасы. В военную промышленность вкладываются большие деньги, другие же отрасли промышленности

и хозяйства, не связанные с военными поставками, переживали глубокий кризис. Тяжелая экономическая ситуация отразилась и на жителях Царского Села. 28 сентября 1915 г. датируется письмо, адресованное дворцовому коменданту, инициированное группой царскоселов. В письме отмечалось: «Группа нижеперечисленных лиц, желая облегчить для населения Царского Села создавшееся тяжелое экономическое положение вследствие отсутствия и дороговизны продуктов первой необходимости и дров, предлагает организовать для указанной цели особый комитет из обывателей. <…> Так как необходимость снабжения населения продуктами и дровами стала ощущаться в последнее время особенно остро, то представляется крайне желательным приступить к разрешению поставленной задачи безотлагательно»[3]. Это письмо было подписано действительным статским советником Ковалевым, а также членом Совета представителей казенных железных дорог Н. С. Балашовым, супругой генерал-майора Гвардейской артиллерии Вешнякова, супругой полковника лейб-гвардии Гусарского полка Звегинцева, проректором Т. С. Тимоновым, действительным статским советником В. Н. Латкиным, директором Императорской Николаевской Царскосельской гимназии К. А. Ивановым, директором Царскосельского реального училища императора Николая II Э. П. Цытовичем, чиновником особых поручений Министерства внутренних дел Б. Н. Буличем. Дворцовый комендант В. Н. Воейков отказал в организации особого комитета, ответив, что «продовольственное и благотворительное дело уже ведется в Царском Селе», а «…умножение числа учреждений, преследующих одни и те же цели, едва ли для дела полезно, <…> потому им лучше вступить в состав продовольственного Комитета и благотворительных учреждений города»[4].

11 ноября 1915 г. на имя начальника ЦДУ от начальника технической службы Управления, инженера Л. Р. Шведе, был подан рапорт о проблемах, возникающих с отоплением резиденции и города: «Доношу Вашему Сиятельству, что с 1-го Ноября сего года доставлено в Царское Село всего 8 вагонов с грузом, всего 7883 пудов, тогда как с 1-го Ноября по 10-е необходимо иметь не менее 20–22 000 пудов, т. е. получено значительно меньше половины потребного количества. Вследствие сего и принимая в соображение дальнейшую неисправную поставку угля для отопления, я позволяю себе просить ходатайства Вашего Сиятельства перед Кабинетом Его Величества о командировании официального представителя МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА, с соответствующими

полномочиями для содействия успешной подачи вне очереди достаточного числа вагонов к каменноугольным копям и для наблюдения за перевозкой без задержки таких вагонов в пути. Полагая, что благополучие Царской Резиденции, а также снабжение электрической энергией воздушной обороны и освещение Дворцов, казарм и лазаретов для раненных, суть потребности, которые вероятно могут быть признаны относящиеся к разряду „военной надобности“, а поэтому и должны подлежать одинаковому с последними удовлетворению. К сему считаю долгом доложить Вашему Сиятельству, что крайне медленная доставка угля за последнее время и даже 4-х дневный полный перерыв доставки (с 6-го Ноября не получено ни одного вагона) грозит в случае наступления морозов не только прекращением света, но и прекращением центральных отоплений живых помещений и Дворцовых оранжерейных теплиц»[5].

Спустя несколько дней, 15 ноября, на имя министра императорского двора барона В. П. Фредерикса приходит рапорт от начальника ЦДУ М. С. Путятина, в котором говорится: «…в Царском Селе каменный уголь служит для отопления: некоторых дворцовых зданий, фруктовых теплиц, и цветочных оранжерей, Дворцового Госпиталя и опытной станции, а также: для освещения всех Дворцов, ныне Высочайшим Двором обитаемых, и Дворцовых зданий, улиц, площадей, вокзалов, казарм, лазаретов общественных и частных домов всего города с 35-тысячным населением и, наконец, что самое главное, — при помощи электрической энергии осуществляется охрана в ночное время дворцового района с парками и воздушная оборона императорской резиденции. Отсюда ясно, что прекращения хотя бы и кратковременное действие электрической станции неминуемо парализует службу охраны, вызовет справедливое негодование населения города, внесет расстройство в правильную жизнь 60-ти лазаретов под покровительством Ея Величества Императрицы и вероятно повлекло за собой переезд в другую резиденцию, т. к. уголь для нужд Царского Села заготавливается и доставляется распоряжением кабинета Его Императорского Величества, а уполномоченный по сему углю техник кабинета Его Величества Попов предупредил, что уголь в потребном количестве в центральный склад не поступает и необходимое количество угля в Царское Село доставлено не может быть. Прошу в Донецк отправить несколько офицеров Морского ведомства»[6].

Это ходатайство поддержал генерал-майор В. Н. Воейков, который в письме министру императорского двора подчеркнул, что

«…запас каменного угля обеспечивает… мощность и достаточность электрической энергии, которые дают возможность выполнять световую охрану Царского Села, связанную с воздушной обороной Императорской резиденции. Столь серьезное обстоятельство побуждает меня всецело присоединиться к ходатайству начальника Царскосельского Дворцового Управления»[7].

Путятин просил командировать в пределы каменноугольных районов своего помощника, полковника В. Н. Добровольского, уполномоченным от кабинета Е. И. В. Из дальнейшей переписки между князем Путятиным и помощником дворцового коменданта Д. И. Ростовцовым становится известно, что предлагалось загружать уголь не отдельными вагонами, а поездами в 40 вагонов, для чего целесообразно было назначить специально для Царского Села отдельные маршрутные поезда — по одному поезду каждую неделю, которыми уголь доставляется в центральный склад Министерства императорского двора в Петрограде. Ростовцов просит снабдить полковника Добровольского «открытым листком», чтобы он мог без затруднения получить поддержку местных властей для выполнения возложенной на него и его группу офицеров задачи. По распоряжению министра двора вместо «открытого листка» Добровольскому было выдано удостоверение. Полковник получил полномочия от Кабинета Е. И. В., а также средства на покупку угля в случае надобности и право выступать от имени Министерства императорского двора, обращаться к военным и путейским начальникам, испрашивать для погрузки угля наряды военных команд.

Дворцовый город остро нуждался в угле[8]. Из центрального склада Министерства императорского двора поставка топлива задерживалась, и даже встал вопрос о том, что императорская семья должна покинуть Царское Село и переехать в другую резиденцию. Поэтому начальник ЦДУ просит у дворцового коменданта содействия в организации движения маршрутного поезда «…с назначением оного от места погрузки угля прямо в Царском Селе» [9].

К решению данного вопроса было подключено Морское ведомство, поскольку несколько морских офицеров были уже командированы в пределы угольного района. В докладе князя Путятина читаем: «…Вследствие высказанного И. д. командира Петроградского Порта соображения о возможности возложить на г. г. офицеров Морского Ведомства, находящихся ныне в командировках в пределах угольного района, забот об успешном снабжении углем также и Установлений

Министерства Императорского Двора, усердно ходотайствуется о сношении по сему делу Его Сиятельства Министра Императорского Двора с Его Высокопревосходительством Генерал-Адъютантом Иваном Константиновичем Григоровичем; не признает ли Его Высокопревосходительство возможность выше упомянутым г. г. офицерам, наблюдающими ныне на местах за работами по погрузке, отправке и по правильной доставке по путям сообщения угольных грузов Морского Ведомства, взять на себя труд временно быть представителями интересов в сем деле также и Министерства Императорского Двора»[10].

17 ноября помощник начальника ЦДУ Добровольский выехал в Донецк. Чинами Министерства путей сообщения полностью оказывалась помощь в доставке угля со станции Мандрыкино Екатерининской дороги на станцию Царское Село Московско-Виндаво-Рыбинской дороги.

Насколько тяжелым стало положение в городе из-за нехватки каменного угля осенью 1915 г. становится понятно из приказа по ЦДУ от 3 ноября этого года (№ 105)[11]. Из Канцелярии Дворцовой полиции на имя князя Путятина поступило письмо, в котором сообщалось, что в здания, охраняемые полицией, необходимо допустить служащих электростанции для «снятия ламп», без которых можно обойтись, оставляя лишь необходимые светильники. В связи с принятым решением, что электрическая энергия будет подаваться до 3 часов ночи и после 3 часов дня[12], требовалось прислать в Дворцовую полицию для замены электрического освещения необходимое количество свечей. Однако, благодаря своевременно организованной доставки каменного угля из Донецка, в дальнейшем удалось избежать ухудшения положения с подачей тепла и электричества в городе и обеспечить полноценную охрану императорской резиденции.

Вместе с тем резко подорожали продукты питания и их попросту не хватало, поэтому в большинстве районов империи в 1916 г. была введена продразверстка[13].

Осенью 1916 г. в Ярославскую, Рязанскую и Тульскую губернии из Царского Села был командирован городовой Е. Герасимов для закупки овощей для чинов Дворцовой полиции. Ему было выдано удостоверение[14]. Из донесений Герасимова известны цены на овощи в это время: «…стоимость одного пуда капусты в Ярославской губ. 1 руб. 30 коп. — 1 руб. 60 коп, одного пуда картофеля 80–90 коп. и одного пуда лука — 1 руб. 50 коп. — 2 руб. В Тульской же и Рязанской губ. картофель и капусту можно приобрести

около 50 коп. за пуд, а лук за 1 руб. 25–1 руб. 50 коп; при чем вывоз [овощей] из выше упомянутых губерний без особого разрешения уполномоченных Министерства Земледелия, по заготовлении овощей для нужд Действующей Армии воспрещен»[15].

До войны русская армия сама заготавливала для себя продовольствие и фураж. Этим занималось Главное интендантское управление (ГИнтУ) Военного министерства. После объявления мобилизации численность действующей армии достигла более 5 млн человек. В начале войны войска получали продукты из заблаговременно подготовленных армейских продовольственных складов. Для дальнейших заготовок следовало организовать специальный закупочно-распределительный аппарат. На заседании Совета министров было принято решение о немедленной закупке хлеба и другого продовольствия для нужд армии напрямую у производителей. Помощь ГИнтУ должно было оказывать Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), которое 27 октября 1915 г. было преобразовано в Министерство земледелия. Совет министров определил, каким будет продовольственный аппарат. Главноуправляющий ГУЗиЗ назначал на местах окружных полномочных, которые руководили операциями по закупкам и заготовкам продовольствия. Сами закупки-заготовки осуществляли губернские уполномоченные, приглашенные из числа местных общественных деятелей или должностных лиц ведомств. Ходатайства об отпуске и заготовке продуктов для населения в первое время были редкими и незначительными и удовлетворялись из военных запасов. Со временем эти ходатайства стали постоянными. Раздробленность государственных усилий требовала создания единой продовольственной политики, поэтому 19 мая 1915 г. создается Главный продовольственный комитет под председательством министра торговли и промышленности. 17 августа комитет был преобразован в Особое совещание по продовольственному делу, во главе которого встал министр земледелия А. В. Кривошеин. Теперь заготовки продовольствия подчинялись Министерству земледелия, приостановить решения главы Особого совещания по продовольствию мог только военный министр, который был председателем Особого совещания по обороне государства. В случае когда не удавалось достичь согласия между двумя министрами, вопрос передавался на рассмотрение Совета министров. В пределах войсковых районов, подведомственных Военному министерству, приоритетное право заготовок оставалось за ГИнтУ и армиями.

В связи с тем, что все закупки продовольствия проходили через Особое совещание, губернатор Рязанской губернии Давыдов отказывает Е. Герасимову, прибывшему из Царского Села, в закупке овощей. Губернатор ссылается «…на основании п. п. 9 и 19 ст. 10 закона 17 Августа 1915-го года и телеграфного распоряжения Министерства Земледелия от 28-го Августа сего 1916-го года за № 32090, объявляется, во всеобщее сведение, что впредь до особого объявления из пределов Рязанской губернии воспрещается вывоз капусты, свеклы, моркови, лука, огурцов, петрушки и пастернака без особого на то разрешения Уполномоченного Министерства Земледелия по заготовлению овощей Рязанской губернией для нужд Действующей Армии»[16].

Из Канцелярии Дворцовой полиции направляется в отдел заготовок продовольствия и фуража для действующей армии Министерства земледелия письмо, где говорится: «Озабочиваясь своевременным заготовлением разных пищевых продуктов — овощей для чинов Управления Дворцового Коменданта, несущих службу по охране Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Августейшей семьи, Канцелярия по поручению г. Дворцового Коменданта покорнейше простит Отдел сделать распоряжение о беспрепятственном вывозе из Рязанской губернии со станции „Михайлов“ Рязанско-Уральской железной дороги до станции Царское Село, или из Тульской губернии со станции „Кашира“ той же железной дороги трех вагонов картофеля и трех вагонов капусты, лука и других овощей, причем покупка означенного количества продуктов, может состоятся и в одной из указанных губерний. <…> Будет нарочно командирован в указанные губернии чин Дворцовой Полиции, и что груз имеет быть отправлен в Царское Село на имя Дворцовой Полиции»[17]. Из Министерства земледелия немедленно было направлено письменное распоряжение уполномоченному по Рязанской губернии Н. С. Китлову и по Тульской губернии — Т. А. Лебединскому об оказании помощи командированному Герасимову в закупке и вывозе овощей.

Основная часть капусты и лука были приобретены у огородника Б. Д. Пашутина при станции Михайлов Рязанско-Уральской железной дороги. Для чинов Дворцовой полиции было отпущено два вагона капусты по 65 коп. за пуд и 180 пудов луку по 1 руб. 67½ коп. за пуд. Не хватало еще 65 пудов капусты и не был закуплен картофель, когда испортилась погода и размыло дороги. В ответ на сообщение о ситуации с закупками и отправкой груза Герасимов получил ответ из Царского Села: лук и капусту отправить скорым

поездом, а картофель, если нельзя отправить малой скоростью, то не закупать.

Погода улучшилась, Герасимов смог закупить картофель и отправить овощи со станции Кашира. В архиве сохранился документ «Сведения о покупке, доставке и раздаче чинам Дворцовой полиции капусты, картофеля и лука»[18], из которого известно, что после прибытия груза в Царское Село, 50 т 794 кг овощей были распределены между служащими полиции. Так, полковник Б. А. Герарди закупил 163,8 кг капусты, 245,71 кг картофеля и 49,14 кг лука, а полковник С. Н. Вильчковский — 247,34 кг капусты, 245,7 кг картофеля и 49,14 кг лука. Овощи, естественно, закупали и нижние чины Дворцовой полиции.

Рассмотренные документы о жизни Дворцовой полиции и Царскосельского дворцового управления в годы войны свидетельствуют о том, что Первая мировая война не прошла мимо императорской резиденции и привилегированного города Царское Село, а напрямую повлияла на быт горожан и чинов Дворцовой полиции, охранявших резиденцию вплоть до 7 марта 1917 г., когда Временное правительство постановило признать отречение императора Николая II.

[1] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2352. 1914–1915 гг. Л. 86.

[2] Там же. Л. 89. Лакеи 2-го разряда П. Самсонов, И. Аболинг, В. Лаврентьев, А. Яковлев, А. Афанасьев, П. Бродливец, И. Поляков; лакеи 3-го разряда С. Мотренко, А. Демченко, М. Калита и И. Дьячков; «вахтер служительской команды» Ю. Хоружий; унтер-офицеры охранной команды Т. Степанов и Т. Осадчий; полотер царскосельских дворцов У. Павлов; садовник «при фруктовых теплицах верхнего сада» А. Вершинин, садовый рабочий И. Кабоне; истопник И. Сорока; сторож при садах и парках С. Гагин; «при конторе комнатного имущества» А. Латышев; при Дворцовом управлении Н. Шендель; дворники Н. Васильев, И. Кайянен, Г. Солодухин, И. Иванов, Д. Зверев, В. Архипов, А. Палатников, М. Фирсенков, Ф. Климойц; скотник при ферме М. Ярице; плотник при дворцовых работах Ф. Козлов; при «дворцовом электрическом освещении» помощник машиниста А. Александров, «установщики» К. Турин и И. Ноздрин; по «дворцовому водопроводу кочегары» А. Титов, П. Катрич и при городском водопроводе К. Журобский; «установщик при постоянном ремонте и звонковой сигнализации» Р. Ярошевич, «установщик по капитальным работам» В. Сметанин; служащие при очистной станции смазчик П. Яковлев, старший рабочий по сети П. Поздняков, загрузчик К. Береговой и обозный М. Шабанов; служители при госпитале С. Иванов, З. Куркин, И. Чистяков, П. Казакевич и конюх при госпитале В. Михайлов.

[3] РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 736. 1915 г. Л. 239.

[4] Там же. Л. 239, 241.

[5] Там же. Л. 300 об. Шведе Леопольд Романович (1864–1950) — корабельный инженер, капитан Корпуса инженер-механиков флота, начальник технической службы ЦДУ, действительный статский советник.

[6] Там же. Л. 299.

[7] Там же. Л. 301.

[8] В сутки потребление угля в Царском Селе было 2222 пуда (36 т 397 кг), в месяц — 66 666 пудов (1091 т 990 кг), а в год — 800 000 пудов (13 104 т).

[9] РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 736. 1915 г. Л. 303, 304, 304 об., 309.

[10] Там же.

[11] «Приказ. Вследствие вызванной обстоятельствами военного времени задержки в доставке каменного угля в Царское Село, Дворцовое Управление может оказаться вынужденным прибегнуть к полному прекращению электрического освещения. Желая по возможности избегнуть или по крайне мере отдалить применение такой меры, я предписал технику Дворцового Управления распорядится снятием в зданиях Дворцового ведомства всех ламп накаливания, без которых можно временно обойтись, оставляя на местах лишь лампы, безусловно, необходимые. Объявляя о сем по вверенному мне Дворцовому Управлению, предлагаю, Полицмейстеру г. Царского Села, Архитекторам и Технику Управления, Инженеру по канализации, смотрителям, Заведующему Дворцовыми мастерскими, Главным садоводам и Гоф-фурьерам и вообще Заведующим отдельными отраслями Дворцового хозяйства, оказать в этом деле содействие допуском служащих Дворцовой электростанции во все помещения, занимаемые подведомственными им лицами в зданиях Дворцового ведомства и разъяснением этим лицам о настоятельной необходимости соблюдения крайней экономии в пользовании электрическим освещением. Генерал-Майор Кн. М. Путятин» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2525. 1915 г. Л. 2).

[12] РГИА. Ф. 1289. Оп. 6. Д. 1264. 1902 г. Л. 17. Расписание времени, в продолжении которого воспрещается производить какие-бы то ни было работы на крышах домов.

В Январе месяце	с 2 ч. дня до 9 ч. 45 мин. утра
— Февраль —	с 3 ч. 15 мин. дня до 8 ч. 15 мин утра
— Март —	с 4 ч. 30 мин. дня до 7 ч. утра
— Апрель —	с 5 ч. 45 мин. дня до 6 ч. утра
— Май —	с 7 ч. дня до 4 ч. 30 мин. утра
— Июнь —	с 7 ч. 45 мин. вечера до 4 ч. утра
— Июль —	с 6 ч. 30 мин. вечера до 4 ч. 30 мин. утра
— Август —	с 5 ч. дня до 6 ч. утра
— Сентябрь —	с 3 ч. 30 мин. дня до 7 ч. 45 мин. утра
— Октябрь —	с 2 ч. 15 мин. дня до 9 ч. утра
— Ноябрь —	с 1 ч. 30 мин. дня до 10 ч. утра
— Декабрь —	С 1 ч. 15 мин. дня до 10 ч. утра

[13] *Оськин М. В.* Продовольственная политика Министерства Земледелия в период Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 2. С. 190–209. [Электронный ресурс]. URL: http://journals.rudn.ru/russian-history (дата обращения 29.07.2022).

[14] В удостоверении, выданном Герасимову, отмечалось: «Предъявитель сего состоящий на службе в Дворцовой Полиции Ефим Герасимов командирован по делам службы во все города Российской Империи, что подписью и казенной печатью свидетельствуется. За начальника Дворцовой Полиции Яковкин» (РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2605. 1916 г. Л. 1).

[15] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2605. 1916 г. Л. 2.

[16] Там же. Л. 3; Россия. Законы и постановления. Закон об особых совещаниях: [утвержден 17 августа 1915 года]. М., 1915.

[17] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2605. 1916 г. Л. 4.

[18] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2609. 1916 г. Л. 1.

Ботт Ираида Куртовна

ПЬЕР ЖИЛЬЯР И СЕМЬЯ НИКОЛАЯ II

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ Г. ЛОЗАННЫ, ШВЕЙЦАРИЯ

Самым известным из учителей императорских детей стал, без сомнения, швейцарец П. Жильяр (1879–1962), имя которого знает каждый, кто интересуется жизнью семьи Николая II (ил. 1, 2). Несмотря на опубликованные мемуары, переписку и исследования, посвященные другим лицам из ближнего окружения царской фамилии, появившиеся в последнее время[1], имя Жильяра остается самым популярным: ему не только удалось избежать трагической участи, вернуться на родину и вывезти личный архив, но одному из первых опубликовать свои воспоминания о годах, проведенных при русском дворе[2]. Благодаря этим материалам, в которых он, как «близкий очевидец», «просто и правдиво» рассказал «о семейной жизни трагически погибшей Царской семьи…»[3], его имя стало широко известно[4]. Воспоминания и записки Жильяра и сегодня заслуживают внимания, поскольку он был рядом с последним российским императором многие годы, включая самые сложные моменты его существования под арестом в Царском Селе и Тобольске[5].

В музее-заповеднике «Царское Село», история которого напрямую связана с жизнью П. Жильяра в России[6], тема наставника цесаревича в последнее время получила неожиданное продолжение. Благодаря его наследникам музей получил в дар несколько мемориальных предметов — брошь и часы, принадлежавшие А. А. Теглевой (супруге Жильяра)[7], комплект столового серебра и кофейный сервиз, подаренные учителю великой княжной Анастасией[8], папиросницу, портсигар[9] и фотокамеру KODAK[10], принадлежавшие наставнику цесаревича. Эти уникальные предметы представляют несомненный интерес и оживляют страницы давно ушедших событий (ил. 3, 4). Однако главное, что удалось благодаря контактам с представителями швейцарского семейства, — познакомиться с архивом П. Жильяра, который является собственностью «Fonds Pierre Gilliard»[11]. Часть этого архива в настоящее время находится в библиотеке Университета г. Лозанны (Bibliothèque de l'Université

Ил. 1. П. Жильяр. Швейцария, Лозанна 1890-е. Bibliothèque cantonale et universitaire, Lausanne

Ил. 2. П. Жильяр. Россия, Санкт-Петербург, фотоателье В. Егорова. 1916 Передано в дар ГМЗ «Царское Село»

de Lausanne), в котором Жильяр преподавал многие годы, часть (фотографии) — в Musée de l'Élysée (Лозанна). В 1970-х гг. один из аспирантов университета составил опись университетского сегмента архива, но этим работа с уникальными материалами ограничилась — документы до сих пор не изучены в заслуживающей полноте. Вместе с тем архив не только содержит большое количество фотографий, относящихся к различным периодам жизни императорской семьи в Санкт-Петербурге, Ливадии, Могилеве и Тобольске, но включает переписку детей с «милым Жиликом» и «милой Шурой», свидетельствующую об их отношении к наставнику и «комнатной девушке»[12], а также рукописи Жильяра 1920–1930-х гг.

Ил. 3. Предметы, принадлежавшие П. Жильяру и А. А. Теглевой, переданные в дар ГМЗ «Царское Село»

Ил. 4. Серебряный кофейный сервиз в футляре. Россия, Санкт-Петербург, Торговый дом «И. Е. Морозов». 1900-е. ГМЗ «Царское Село»

Ил. 5. Сертификат о бракосочетании П. Жильяра и А. А. Теглевой. Швейцария, Лозанна. 1922 Bibliothèque cantonale et universitaire, Lausanne

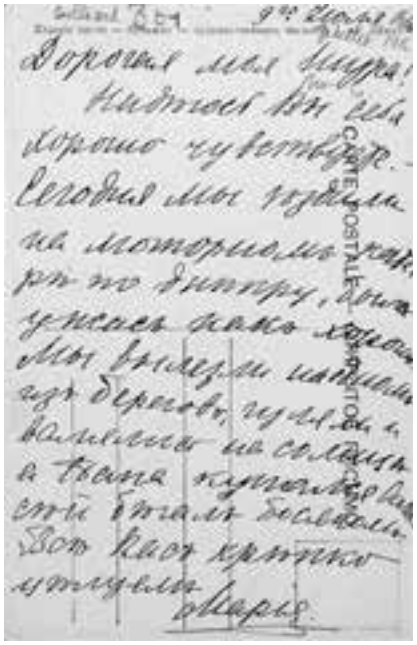
Ил. 6. П. Жильяр и А. А. Теглева Швейцария, Лозанна. 1950-е. Bibliothèque cantonale et universitaire, Lausanne

о революционных событиях в России, о годах, проведенных в Сибири — Тобольске и Иркутске при штабе генерала Жанена, в которых автор не только описывает события, но анализирует их и дает оценку [13]. Интерес представляют и записи по процессу лже-Анастасии, к которому Жильяр и Теглева привлекались как очевидцы (ил. 5, 6).

Среди фотографий, находящихся в архиве, такие известные, многократно публиковавшиеся сюжеты, как виды Ливадии и зимние прогулки детей в Царском Селе, кадры в Ставке в Могилеве, работа на огороде в Александровском парке (Жильяр свидетельствует, что снимки работ в огороде сделала императрица), вид парохода «Русь», доставившего семью из Тюмени в Тобольск и обратно, интерьеры дома губернатора в Тобольске и его вид снаружи с многочисленной охраной (май 1918 г.).

Но есть в этом архиве и неизвестные, никогда не публиковавшиеся материалы — фотография с изображением Эрнста Людвига Гессенского с супругой и сыновьями (1925 г.), открытые письма великой княгини Ольги Александровны, сестры Николая II, и письмо

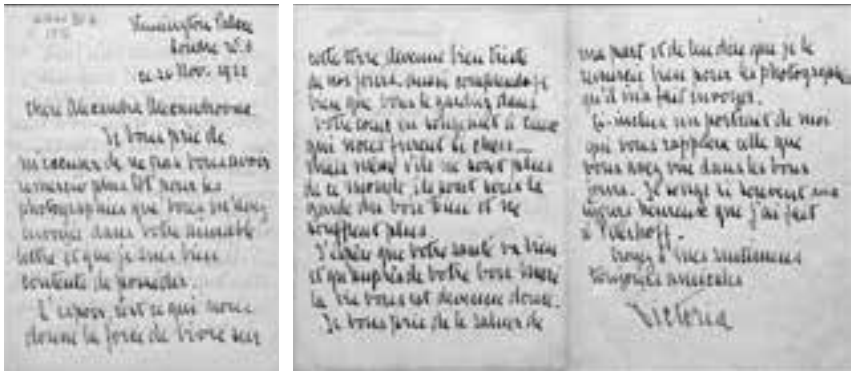
Ил. 7, 8. Открытое письмо великой княжны Марии Николаевны А. А. Теглевой
Россия, Могилев. 1916 (?). Bibliothèque cantonale et universitaire, Lausanne
Лицевая и оборотная стороны

принцессы Виктории, старшей сестры императрицы, отправленное Теглевой в ноябре 1922 г. из Кенсингтонского дворца. Эти документы свидетельствуют о том, что спустя годы после отъезда из России бывший наставник и его супруга поддерживали отношения с родственниками императорской семьи (ил. 7–11).

В «Фонде» хранятся письма Пьера родителям (1905–1911, 1917–1920)[14] и брату Фредерику (1904–1922)[15], которые также предоставлены в распоряжение музея[16]. Эта переписка заслуживает отдельного исследования. Не ставя задачу анализировать весь массив данного материала, хочется обратить внимание на некоторые обстоятельства жизни Жильяра на службе у герцога Лейхтенбергского и в семье Николая II, нашедшие отражение в переписке с родными. Из писем понятно, что учителю было далеко не так комфортно, как это следует из его же воспоминаний о жизни при русском дворе. О времени, проведенном у Лейхтенбергских, в одном из писем матери[17] Жильяр обмолвился: «Как вы знаете, это изнурительная и очень тяжелая работа. Я не получаю от нее удовольствия, но надеюсь,

Ил. 9. Письмо принцессы Виктории. Великобритания, Лондон. 1922
Bibliothèque cantonale et universitaire, Lausanne

что понемногу начну привыкать». О своей должности наставника цесаревича, которую он получил в 1913 г., в письме к брату Фредерику (Фреду) почти с отчаянием Жильяр писал: «В Петербурге, где я многого натерпелся, я очень сильно болел. <…> Затем начались большие трудности, связанные с моими новыми обязанностями. <…> Три дня назад я настолько впал в уныние, что любое решение казалось мне подходящим к продолжению моих новых обязанностей. Вчера и сегодня у меня вновь появилась небольшая надежда. Кажется, что ребенок (великий князь Алексей Николаевич. — *И. Б.*) обезоружен, он впервые демонстрирует долю беспомощности и позволяет мне завоевать кажущееся превосходство, но это всего лишь затишье, и битва еще будет долгой. Будут ли у меня силы дойти до конца? Три прошедшие недели измотали меня до такой степени, что я чувствую себя разбитым, как после нескольких месяцев интенсивной работы! Каждый день мне нужно тратить столько сил, сколько, боюсь, у меня не хватит. <…> …удастся ли мне одолеть враждебность ребенка, который, по большому счету, настроен

Ил. 10, 11. Рукописи воспоминаний и доклада П. Жильяра. Швейцария, Лозанна 1920–1930-е. Bibliothèque cantonale et universitaire, Lausanne

против должности, которую я занимаю, а не против меня самого?.. удастся ли мне преодолеть трудности, которых в моей работе стало еще больше, чем я предполагал??. удастся ли мне, наконец, привыкнуть к ужасной ответственности, которая возложена на меня???»[18].

Жильяр пишет домой большие письма, включая в свой рассказ диалоги, пересказывая, в частности, беседы с венценосными ученицами (письмо от 12 (25) октября 1905 г. из Александрии). Из этих писем вырисовывается характер автора, уже в юности отличавшегося здравым умом и самообладанием. Так, в 1905 г. он успокаивает родных, обеспокоенных политической ситуацией в России, и пишет: «Худшее, что может произойти, это то, что я потеряю свое место. Ничего другого я не боюсь»[19]. О большой душе и мужественности Жильяра свидетельствует его осознанное решение следовать вместе с семьей в ссылку в Сибирь. Превратившись с годами из учителя царских детей в друга венценосного семейства, в письме из Царского Села 30 июля (12 августа), в день отъезда из резиденции в неизвестность, Жильяр объясняет отцу: «Я остался потому, что с моей стороны было бы подло, если бы я поступил по-другому. <…> я не боюсь того, что меня ждет. Я считаю, что должен идти до конца <…> Разделив с ними все счастливые дни, я должен разделить с ними и несчастье»[20].

Ил. 12. Дом семейства Жильяр во Фье, кантон Во, Швейцария. 1890-е (?) Bibliothèque cantonale et universitaire, Lausanne

Императорская семья приняла учителя в свой ближний круг не сразу, и дети стали ему близки тоже спустя годы… В письмах матери и брату Жильяр предельно откровенен и в первые годы пребывания в России часто упоминает о том, что жизнь вдали от дома «переносит… словно пытку», что «изнурен», устает от постоянного напряжения, о том, как мечтает об отпуске и поездке домой, в родное Фье… Жильяр тоскует о своей семье и атмосфере, которая царила в их родовом гнезде (ил. 12). 22 января 1907 г. он пишет матери: «Я получил огромное удовольствие от двух твоих последних писем. После прочтения первого письма, я как будто бы оказался среди вас: я видел, слышал, чувствовал себя так словно был дома, в окружении всех моих родственников, я испытал огромное наслаждение. После второго письма я будто поселился в твоем сознании и в твоем сердце, я следовал за тобой, когда ты читала, я вернул то время, когда тоже читал, развивая и расширяя свой ум. Читая, я проникал в мысли людей, которые бесконечно превосходили меня умом и нравственным благородством. Я жил с людьми, которые возводили красоту и идеал в культ, и все это возвышало меня над самим собой, над мелочностью и мерзостью материальной жизни. Это возвращение в прошлое дало мне почувствовать самое сильное отвращение к моей нынешней жизни, к умственному притуплению,

к этому ограниченному кругу, в котором я прозябаю, к их интригам и мелочности, к их мерзости и подлости, к этой искусственной и подавляющей чувства жизни, которая является моей жизнью и которую я все еще не могу изменить. Я испытал отвращение к самому себе при мысли, что я стал машиной, которая делает деньги, и что все остальное понемногу умирает во мне… затем я немного успокоился, поскольку почувствовал, что преувеличил свое горе. Нет, все это не умрет во мне так скоро, поскольку тогда я бы больше не был самим собой; все онемеет, но не умрет»[21].

В письмах домой Жильяр описывает напряженную атмосферу и психологическое давление, которое он испытывал в первые годы своей деятельности при дворе, однако, несмотря на это, уже тогда остается объективным и дает позитивные характеристики своим подопечным — Ольге и Татьяне, хотя великие княжны, особенно старшая, еще долго будут держать учителя в напряжении…[22]

«Записки Жильяра не оставляют сомнения в том, что их автор обладал исключительным чувством такта», — написал Р. Редлих в предисловии к русскому изданию воспоминаний наставника (1971)[23]. Действительно, для каждого члена семьи учитель французского языка нашел добрые слова, а особенности характеров или недостатки в воспитании и образовании детей отметил предельно деликатно.

В письмах родным их автор предстает натурой эмоциональной, чувствительной, болезненно переживающей свое одиночество, но активно реагирующей на красоту окружающего мира. Жильяр прекрасно владеет слогом; его описания природы образны и поэтичны и вместе с тем определенны, фиксируют вид и состояние конкретных мест. Под его пером оживают пейзажи Крыма, кронштадский рейд, белые петербургские ночи с их «сверхъестественным освещением»… Маленькими эссе предстают рассказы о «смотрителе озера» «старичке-гноме» Жозефе и трагическая история африканского козла, спутника прогулок Жильяра, который получал от него сигареты и, «подмигивая, смаковал, с видом совершенного наслаждения»… Эти трогательные рассказы — отражение настроения и душевного состояния автора, ощущавшего «отчужденность в другой стране…» и «отвращение к… искусственной жизни среди равнодушных людей»…[24]

В его письмах мало бытовых подробностей, позволяющих реконструировать жизнь во дворцах и резиденциях. Однако

экстраординарные обстоятельства Жильяр не мог не отметить — так из его переписки с родными мы узнаем подробности о свирепствовавшей в 1908 г. в России холере и о том, какие меры предосторожности были приняты в крымском Чаире и петербургском дворце Лейхтенбергских (письмо от 8 (21) октября 1908 г.). Жильяр успокаивает родных, сообщая, что в Санкт-Петербурге с холерой «уже покончено или почти покончено! Два дня назад в госпиталях было не более 800 больных (вместо 2500) и около 50 человек, поступивших за день (вместо 450)»[25]. Он подробно сообщает какие «самые радикальные меры во избежание вероятности заражения» были приняты в великокняжеском дворце. Жильяр пишет: «…питаемся только отварной пищей, хлеб перед подачей на стол отправляют на время в печь, в доме только кипяченая вода, даже холодная вода в ванной комнате. Весь дворец, дворы и т. д. были „продезинфицированы“ до такой степени, что воздух был очень тяжелым». Говоря о холере 1908 г., Пьер отмечает: «Это великое счастье, что погибло лишь 3000 человек, поскольку когда узнают о том, в каких трущобах и в какой грязи живут тысячи бедных людей, и когда вспоминают, что нет водосточного коллектора, а все сбрасывается в каналы, проходящие через город (вода в них почти застойная), то можно благодарить холод, который и положил конец эпидемии»[26].

Глава «Fonds Pierre Gilliard» П.-Э.-Ф. Жильяр передал музею также копию дневника своего дяди, помеченного датами: «Царское Село 1917 — Тобольск 1918». Пока не удалось выяснить, вел ли Жильяр дневники раньше и сохранились ли эти записи. Учитывая занятость наставника, на которую он постоянно сетовал в письмах к родным, фиксировать события он начал, скорее всего, именно в дни ареста, понимая важность и историческое значение событий, которые переживал вместе с императорской семьей. Первая запись в этом документе сделана в четверг, 27 февраля (12 марта) 1917 г., последняя — почти год спустя, в пятницу 23 февраля (8 марта) 1918 г. Записи немногословны, но чрезвычайно важны для уточнения известных фактов, а также для понимания атмосферы, царившей в кругу семьи в сложный момент ее жизни. Дневник возвращает нас в начало 1917 г. и дает возможность увидеть изнутри жизнь двора в эти дни.

Из первой записи становится понятно, что пленники Александровского дворца некоторое время находились в полном неведении о том, что происходило за его стенами, питались слухами, среди которых были как достоверные (о переходе некоторых «запасных

батальонов» гвардейских полков и затем самих полков гвардии на сторону революционеров), так и ложные — о смерти князя Ф. Ф. Юсупова и наследника цесаревича. Жильяр записал: «Ночью, со 2 на 3 число (марта. — *И. Б.*), в 3 ч. ½ из Думы звонили доктору Боткину чтобы узнать, как себя чувствует А. Н. — в городе прошел слух, что он умер!»

Вместе с тем в эти дни, полные противоречивых слухов, Жильяр поддерживал телефонную связь с Ч. Гиббсом, жившем в Петрограде, и о вооруженных столкновениях в столице не только получал информацию от своего коллеги, но слышал сам во время разговора по телефону уличные бои, стрекот пулеметов, перестрелку. Столица была в руках революционеров. 28 февраля (13 марта) Жильяр пишет, что император велел семье уехать из Царского Села, «возможно, в Гатчину», но Александра Федоровна боялась покидать дворец из-за больных детей: вплоть до 17 (30) марта у великой княжны Марии была высокая температура, она бредила и была очень слаба; у Анастасии были плеврит и пневмония.

Волею обстоятельств наставник цесаревича стал не только очевидцем событий во дворце и вокруг дворца, поведения и состояния членов императорской семьи, но доверенным лицом императрицы, которая давала ему поручения и советовалась, как вести себя в той или иной ситуации[27]. Из записей следует, что именно Жильяр объединил вокруг себя ближний круг придворных. 14 (27) марта он записал в дневнике: «Моя комната все больше становится похожей на проходной двор, где собираются баронесса Буксгевден, графиня Гендрикова, м-ль Шнейдер, К[обылинский], дворцовый комендант»[28]. Учитывая ситуацию, разговоры в этом кругу заложников-единомышленников были смелыми — Жильяр, к примеру, отмечал, что 2 (15) мая князь Долгорукий рассказал присутствующим «два интересных случая»: об отказе дать Николаю II после отречения полк и отправить его на фронт и о том, что «приказ по армии, по которому император… ушел в отставку как Верховный главнокомандующий… никогда не был ни прочитан солдатам, ни опубликован в газетах»[29].

Жильяр подробно фиксирует стремительно разворачивающиеся события, понимая важность происходящего, и записывает: «вокзалы… оккупированы», «на улицах Софии убивают…», от императрицы требуют выдать А. А. Выробову; дворец окружен солдатами, вход в парк закрыт. Наставник цесаревича подробно описывает такие известные эпизоды, как выход императрицы с великой княжной

Марией к солдатам, чтобы их «поприветствовать», и историю с ружьем Алексея, огорчившую не только великого князя, но и все семейство.

Важным является свидетельство Жильяра о том, что Александра Федоровна, взволнованная отсутствием Николая II, не имея о нем никакой информации, 1 (14) марта вызвала к себе великого князя Павла Александровича и сообщила, что «…она сторонница признания конституции и принятия текста, составленного Вел[иким] Кн[язем] Павлом, который он отправил М[ихаилу?]»[30].

Об отречении императора в Александровском дворце узнали вечером 16 марта; императрица впервые «сильно плакала», но по свидетельству Жильяра «быстро пришла в себя ради детей». На следующий день она выглядела спокойной, но, отмечает Жильяр, «ужасно похудела». Второй раз за эти два дня императрица заплакала в тот момент, когда во дворец приехала делегация Гвардейского экипажа, чтобы «…забрать знамя, которое осталось во дворце после отъезда солдат, присоединившихся к Думе»[31].

В эти судьбоносные дни Жильяр фиксирует в дневнике все новости и после отказа от престола великого князя Михаила записывает: «Россия фактически стала республикой. Можно подумать, что все кончено. События стали происходить столь молниеносно, что их невозможно осознать в полной мере»[32].

Многие из изложенных фактов сегодня хорошо известны, но, когда читаешь их в дневнике очевидца и участника событий, они обретают особую эмоциональную окраску…

21 марта Жильяр оставляет запись о приезде накануне командующего Петроградским гарнизоном генерала Корнилова (7 (20) марта), сообщившего об аресте императрицы и тех, кто находился в этот момент во дворце. «Вот и все, мышеловка захлопнулась!» — процитировал он слова доктора В. Н. Деревенко и продолжил: «Мы арестованы. Больше нет телефона, письма в открытом виде мы должны отдавать дежурному офицеру. Их будут читать. <…> Караул Сводного полка был заменен на стрелковый полк имп[ераторской] семьи. Солдаты, которые стоят у дверей дворца больше не защищают нас, а следят за нами!»[33]. Во дворце по свидетельству Жильяра на этот момент остался 151 человек «вместе с прислугой и поварами»[34].

Наставник цесаревича с точностью до минуты (11 ч 35 мин) зафиксировал приезд Николая II «без охраны» в Александровский

дворец 9 (22) марта и затем подробно описывает события, которые разворачиваются вокруг «господина полковника»: прогулки по парку в присутствии офицеров, запрет говорить на иностранных языках («…из-за часовых. Они могут подумать, что это немецкий язык») и т. п. На многие ситуации Жильяр смотрит глазами цесаревича Алексея, к которому успел искренне привязаться. 6 (19) апреля он пишет: «Каждый день правила меняются, либо офицеры плохо их знают, либо истолковывают их на свой манер. <…> Когда мы вернулись, часовой остановил Имп[ерато]-ра, сказав ему: „Господин полковник, здесь проходить нельзя“. <…> А. Н. покраснел от ярости, увидев, что караульный остановил его отца. Сам Имп[ерато]-р, несмотря на свое самообладание, тоже покраснел. Человек, который имел абсолютную власть над 150 миллионами людей, сегодня был остановлен в своем собственном парке на пороге своего же дворца! Но в его словах никогда не чувствуется гнев. Вчера во время нашего с ним разговора он, улыбаясь, сказал мне о толпе, которая всегда стояла вдоль паркового забора, чтобы посмотреть, как мы работаем, разбивая лед: „Давайте доставим этим людям удовольствие. С нашей стороны было бы плохо лишать их его; мы должны хорошо их наградить, поскольку они шлепают ради нас по грязи!“»[35].

Наставник цесаревича старается объективно фиксировать события, отмечает, в частности, что дежурные офицеры бывали и вежливыми, и благовоспитанными, а в записи 13 (26) марта даже пишет, что «…сознание понемногу успокаивается, и мы привыкаем к новому образу жизни». И далее: «Имп[ерато]-р очень весел, насвистывает, играет с Вел[ики]-ми кн[яжна]-ми… Он производит впечатление отдыхающего на каникулах школьника или прогуливающего школу ученика»[36]. Представляя эту сцену, невольно задумываешься: что это — самообладание или смирение?..

В эти дни для узников дворца еще возможны встречи. 16 (29) марта Жильяр встречался с приехавшим из Петрограда Гиббсом. Встреча состоялась на улице перед дворцом, бывшие педагоги стояли на расстоянии нескольких шагов друг от друга и кричали, чтобы друг друга услышать. Жильяр записал, что беседовали, «…стоя на тротуаре напротив толпы, которая смотрела на нас как на странных диких зверей»[37].

Зафиксировал автор дневника и визит Керенского во дворец, дав свою оценку поведению министра. Эту цитату хочется привести целиком: «Около половины второго (21 марта (3 апреля). — *И. Б.*) приехал министр юстиции Керенский. Он прошел по всему дворцу, зашел во все комнаты, начав с госпожи Вырубовой и свиты. Невысокий, очень худой, бледный, производящий впечатление очень болезненного человека. Он все время трогал правый висок, как будто у него болела голова. На нем был темно-серый костюм, нечто вроде гимнастерки с поясом за спиной. Прежде чем он вошел ко мне, был слышен его очень громкий, грубый, авторитарный голос. У него был странный и бегающий взгляд. <…> Интересно отметить, что министр прибыл на одном из личных автомобилей императора, который вел шофер из императорского гаража»[38].

В эти тревожные дни, находясь в полном неведение о своем будущем, императорская чета часто беседовала с Жильяром о возможных вариантах отъезда, о том, что их беспокоит неизвестность и вопросы, какими средствами они будут располагать, сколько человек и кого они смогут взять с собой, оставят ли им их личное имущество? Жильяр пишет 24 марта (6 апреля): «За границей у них ничего нет. Еще при Александре III в Англии у них было большое состояние. Один депутат английского Парламента поинтересовался, облагается ли имущество русских царей налогом. Николай II приказал, чтобы все состояние было возвращено в Россию из патриотических соображений. У Ее В[еличества] есть совсем небольшое состояние в Дармштадте»[39].

Разговоры касались и политических событий. Жильяр свидетельствует: «Императрица долго разговаривала со мной: <…> По поводу революции, она сказала, что Р[аспутин] за несколько дней до своей смерти предсказал ее неизбежность. Жалуется, что не смогли найти достойного государственного деятеля. Нет ни одного, кто хотел бы взять на себя всю ответственность и решительно действовать». Цитируя Александру Федоровну, наставник продолжает: «В России нет людей с характером, они боятся ответственности!! Мне показалось, что Протопопов — человек положения, очень умный и деятельный, возможно я ошибаюсь, но вряд ли», — и тут же комментирует: «Она словно ослеплена! Чувствуется, что императрица не считает, что все безвозвратно потеряно. Она строит большие иллюзии, которые подкрепляют ее из-за предсказания Распутина»[40].

В беседе с Николаем II наставник цесаревича фиксирует переживания императора по поводу анархии в армии: «Печально видеть, как разваливается армия. Нет больше дисциплины. Царит анархия. Солдаты выбирают себе офицеров. Офицеры боятся своих

подчиненных, которые, в свою очередь, шпионят за ними», — записал Жильяр в дневнике, по-видимому, слова императора. Однако Николай II до конца не терял надежду и спустя несколько недель (1 (14) мая) сказал Жильяру, что «…не считает армию фронта развращенной. „Не забывайте, что у нас любят преувеличивать. Я не думаю, что фронтовая армия представляет собой то, что о ней говорят. За 2 месяца она не могла упасть до такого уровня“»[41]. К сожалению, Николай II ошибался…

Жильяр записывает все детали жизни во дворце под арестом, которые обретают в этих обстоятельствах особый смысл: 19 апреля (2 мая) забрали ключ от балкона императрицы и оскорбленная Александра Федоровна «больше не хотела выходить на балкон, чтобы ей не пришлось просить ключ». Наставник следит за новостями в прессе и делится своими размышлениями: «20/3 мая. Будут ли у Временного правительства силы продолжать войну? <…> Количество дезертиров становится все больше. <…> Отношения между солдатами и офицерами становятся все более и более натянутыми»… Особого внимания заслуживает запись 30 апреля (13 мая), которую сделал гражданин Швейцарии: «Я очень подавлен из-за новостей, которые становятся все хуже и хуже. Правительство чувствует себя бессильным. Родина в опасности, на краю пропасти. <…> Сердца всех, кто любит Россию сжимаются»…[42]

Рассказом об абсурдной ситуации, как нельзя лучше передающей атмосферу, в которой находились заключенные, заканчивается первая часть дневника Жильяра. В субботу 10 (23) июня, в теплый летний вечер, в комнате на детской половине император читал императрице и детям «Монте Кристо», когда дежурный офицер, прервав семейное чтение, попросил его впустить, поскольку часовой выстрелом оповестил, что заметил красные и зеленые сигналы, которые подавали из окна этой комнаты. На деле «сигналами» оказались отблески и свет от зеленого и красного абажуров настольных ламп… Чтобы не нервировать часовых, офицер попросил Николая II закрыть шторы. В этот день была «ужасная жара», — закончил описание этого нелепого случая П. Жильяр.

Вторая часть дневника относится к Тобольску и начинается с записи (1 января 1918 г.) о болезни Ольги и Татьяны (краснуха). Через два дня, 3 января, заболеет Алексей и в этот день состоится «заседание солдатского комитета… гарнизона» (подчеркивание П. Жильяра. — *И. Б.*), на котором ста голосами против 85 будет

принято решение «запретить ношение эполетов и погон офицерами и солдатами». Через несколько дней, утром 6 января, император вышел в кавказской бурке, а наследник «спрятал свои эполеты под башлыком».

Начинался второй акт трагедии, с условиями и условностями которой царственные узники уже смирились…

В предисловии к книге П. Жильяра, вышедшей в свет в 1921 г., уже упоминавшийся С. Д. Сазонов писал: «Как бы то ни было, отчасти по личным воспоминаниям, и еще более под влиянием книги г-на Жильяра, при чтении которой болезненно сожмется самое черствое сердце, мне хочется сказать тем, чьи суждениие и злопамятство не обезаружены до сих пор страшной драмой 16-го июля, что как бы горьки ни были плоды ошибок Царской четы, ошибки эти были смыты кровью ея самой и неповинных в них детей ея. Государь и семья его несли свой крест с глубоким христианским смирением и простотой и не далеко, может быть, то время, когда русский народ увидит в погибшей Царской чете не врагов своих, а венчанных мученников»[43].

Его слова оказались провидческими. С мнением бывшего министра, бесспорно, согласился бы П. Жильяр, отметивший в своем докладе о последних годах жизни императорской семьи: «Император принимал все эти трудности с заметным спокойствием и величием души. Ни разу из его уст не было услышано ни одного упрека. <…> Чувствовалось, что он был готов все простить тем, кто его унижал, если бы только они могли спасти Россию»[44].

Приложение

Ж. П. Мозер

ГЛАЗОК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ ВЕЛИКУЮ ИСТОРИЮ, ИЛИ ИСТОРИЯ КАМЕРЫ КОДАК

Швейцарец Пьер Жильяр (1879–1962) прожил 13 лет при дворе царя Николая II, сперва как учитель великих княжон, а затем как наставник цесаревича Алексея Николаевича. После революции он решил разделить тяготы заключения с императорской семьей сначала в Царском Селе, затем в Тобольске, вплоть до переезда

в Екатеринбург, где Романовых постигла трагическая судьба, в то время как самому Жильяру удалось спастись. После долгих перипетий он вернулся в Швейцарию в сентябре 1920 г.

Насколько помню, я всегда слышал о «дяде Пьере из России» и о тете Алекс с ее «русским» акцентом. Иногда мы встречались с ними, он был братом моего деда и крестным отцом моей матери. Но самое главное — в нашей квартире в Базеле имелись [его] вещественные следы. Достаточно было открыть нижний ящик большого секретера в гостиной, чтобы наткнуться на квадратный футляр из жесткой бежевой кожи, в котором хранилась камера *Bulls Eye Eastman Kodak*, купленная в Санкт-Петербурге «дядей Пьером».

Моя мать, крестница Пьера Жильяра, унаследовала эту камеру, поскольку после возвращения в Швейцарию Пьер, хоть и был отличным фотографом, пользоваться ей больше не хотел. Она напоминала ему о мучительных годах и гибели императорской семьи, судьбу которой ему чудом удалось избежать; о событиях, пережитых им как человеческая и личная трагедия, задолго до политических потрясений, ознаменовавших столетие.

В детстве мы развлекались с аппаратом дяди Пьера без особого уважения, потому что эта вещь была предметом нашего домашнего обихода. Диковинной вещью, но которая имеется почти в каждой семье. Я восхищался изобретательностью механизма, с которым я умело обращался: простой металлический клапан, который с помощью пружины быстро проскальзывал перед тремя отверстиями разного размера, позволяя открывать объектив. Раздавался негромкий двойной звук «клик-клак». Моя мама объясняла нам, что «дядя Пьер» сделал все фотографии российского двора с помощью этого устройства, которое держал в руках сам царь. И она показывала нам фотографии, в том числе сделанные кем-то в Тобольске, когда «дядя Пьер» пилил дрова вместе с царем.

Прошло сто лет. *Кодак* все еще здесь. Он пережил переезды, спал в шкафах, но по-прежнему в хорошем состоянии, все еще функционирует, за исключением того, что больше не существует пленки 9×9. Все изменилось: мир, который он запечатлел на снимках, исчез. Слишком быстрые и неконтролируемые изменения вызывают у людей беспокойство, подталкивают к воспоминаниям и к поиску прошлого. Музеи реагируют на это по-своему, сохраняя как можно больше художественного и культурного наследия для того, чтобы не была разорвана связь с прошлым.

В Александровском дворце апартаменты семьи Романовых воссозданы как музей. [На экспозиции] мы увидим фотоаппарат, глазок которого видел, как проистекала жизнь во дворце.

Он возвращается на свое место. Небольшая вещь, свидетельствующая в картинках о Великой истории.

Перевод И. П. Распоповой

---

[1] См.: *Буксгевден С. К.* Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины в трех книгах. М., 2012; *Жук Ю. А.* Претерпевшие до конца. Судьбы Царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. СПб., 2013; *Тревин Дж., Уэлч Ф.* Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова. Дневники и воспоминания Чарльза Гиббса. М., 2020; *Жук Ю. А.* Свитская фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова. М., 2021 и др.

[2] О необходимости сказать правду Жильяр писал в 1920 г.: «Молчание, к которому нас обязывало судебное следствие, было широко использовано, прежде всего виновниками преступления и литературой низкой пробы, что еще более запутало общественное суждение. Наступило время для тех, кто знает правду, сообщить ее другим, — это долг, который лежит на них, как бы он ни был тяжел» (цит. по: *Жильяр П.* Трагическая судьба русской императорской фамилии: Воспоминания бывшего воспитателя Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Франкфурт-на-Майне, 1973. С. 12).

[3] Предисловие, написанное С. Д. Сазоновым к первому русскому изданию воспоминаний П. Жильяра (см.: Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.): по личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшаго наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича / с предисловием С. Д. Сазонова бывшего Министра Иностранных Дел. Вена, 1921).

[4] Основные издания воспоминаний П. Жильяра: 1. *Жильяр П.* Трагическая судьба русской императорской фамилии. Пер. с фр. (впервые опубликовано в парижском журнале «L'Illustration» в номере от 19 декабря 1920 г.) 2. Император Николай II и его семья (издатели сознательно изменили авторское название «Трагическая судьба Николая II и его семьи», «…дабы это издание не смешали… с появившимися ранее без разрешения автора двумя другими переводами его статей, помещавшихся во французском журнале „Illustration". <…> эти статьи, расширенные и дополненные, вошли в содержание последних глав настоящей книги, заключающей в себе, кроме этого, воспоминания г. Жильяра за 13 лет пребывания его при Дворе, в качестве Наставника Царских детей». 3. Император Николай II и его семья… по личным воспоминаниям Пьера Жильяра… / Предисл. В. Солоухина. Л., 1990 (репринтное издание по книге, выпущенной в Вене в 1921 г.); 4. *Gilliard P.* Treize années à la cour de Russie. Paris, 2011 (ил. предоставили: Musée de l'Élysée, Lausanne; Bibliothèque cantonale et universitaire; семейство Жильяр. Предисловие издателя M. Pasa и П.-Ф. Жильяра). 5. В 2020 г. появился новый полный перевод издания 1929 г. (Париж, издательство «Payot»), подготовленный Фондом исторической фотографии имени Карла Буллы (Санкт-Петербург): *Жильяр П.* Трагическая судьба Николая II и его семьи. СПб., 2020.

[5] Наследие своего знаменитого родственника популяризирует представитель семейного клана Жильяров, племянник П.-Э.-Ф. Жильяр (директор «Fonds Pierre Gilliard»), публикуя фотографии и воспоминания из архива дяди, а также собственные очерки о нем

(см.: *Gilliard P.-F.* Le Jardin de somnambules. Paris, 2009. Экземпляр с дарственной надписью автора имеется в научной библиотеке ГМЗ «Царское Село»).

[6] Комнаты Жильяра в Александровском дворце — кабинет, спальня и ванная — находились на втором этаже в непосредственной близости от апартаментов наследника цесаревича (см.: *Яковлев В. И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. Убранство (вместо каталога). [Детское Село], 1928. С. 414–417).

[7] Брошь фирмы К. Фаберже и часы П. Буре в золотом корпусе были подарены племянницей П. Жильяра М.-К. Жильяр-Кнехт (1930–2018), воспитывавшейся в семье дяди и А. А. Теглевой. Мари-Клод была инициатором возвращения в Россию не только вещей, находившихся в их семье, но имени А. А. Теглевой. В 2013 г. на свои средства она издала книгу *Gilliard M.-C.* La Malle de Russie: Qui fut Alexandra Alexandrovna Gilliard-Tégléva? В 2015 г. был подготовлен русский перевод этих «воспоминаний о воспоминаниях» (по определению редактора издания И. С. Ивановой): *Жильяр М.-К.* Сундук из России. Воспоминания об Александре Теглевой-Жильяр — няне детей императора Николая II / Пер. И. П. Распоповой. М., 2015. Экземпляр с посвящением автора находится в научной библиотеке музея. Издание, как и передача предметов, оказалось возможным благодаря инициативе и деятельному участию И. С. Ивановой, бывшему преподавателю Лозаннского университета. Книга М.-К. Жильяр-Кнехт послужила началом изучения судьбы А. А. Теглевой (см.: *Эльман В. Е.* Двор последнего российского императора. С. 669 настоящего сборника). Жильяр-Кнехт последние годы жила во Франции, где скончалась в октябре 2018 г. Ее прах «дочери привезли в Швейцарию и развеяли где-то в лесу…» (из письма И. С. Ивановой из Лозанны от 10 сентября 2022 г.).

[8] Столовый комплект и кофейный сервиз, оказавшиеся у другой племянницы Жильяра, мадам Ф. Годе, были переданы в дар музею в 2014 г.

[9] П.-Э.-Ф. Жильяр посетил музей в 2016 г. и подарил принадлежавшие его дяде портсигар, папиросницу, а также факсимиле тетради великой княгини Анастасии, которую использовали в графологической экспертизе по процессу лже-Анастасии. Тогда же он подарил музею портрет П. Жильяра собственной работы.

[10] Этот уникальный предмет — свидетель многих событий в жизни семьи Николая II — подарил внучатый племянник П. Жильяра Ж. Мозер (Швейцария), оставивший небольшое воспоминание о фотокамере, известной ему с детства (см.: приложение). Знакомство с Ж. Мозером и передача предмета оказались возможными благодаря инициативе А. В. Игнатенко, проживающей в Швейцарии.

[11] Возглавляет Фонд П.-Э.-Ф. Жильяр, племянник П. Жильяра, сын старшего брата Фредерика.

[12] Письма свидетельствуют о дружеских отношениях, сложившихся между великими княжнами и Теглевой. Связана переписка с отъездами «Тегли» к себе домой в связи с болезнью матери и путешествиями императорской семьи. Великие княжны сообщают Шуре, что «папа уехал на моторе в Красное, а мама и Алексей поехали следом и там остались ночевать», о посещении великой княжны Ксении и ее детей, интересуются здоровьем матери и посылают «две карточки», сделанные на «Штандарте» (1908, письмо от Татьяны из Петергофа). 26 мая 1912 г. из Севастополя на бланке яхты «Штандарт» Мария пишет, что выздоравливает, и просит Шуру быть в Царском к их приезду. Ольга в своих письмах обращается к Теглевой «Милая Шура» и «Шурочка», рассказывает о повседневных делах (катались в шарабане, были у обедни), неизменно интересуется «как там Ваша мама?» и подписывается: «любящая Вас Ольга» (15 августа 1912 г., Петергоф).

[13] Дневники и переписка П. Жильяра частично опубликованы или изложены на русском языке в книгах Д. Жирардена: *Жираден Д., Жильяр П.* Рядом с царской семьей. М., 2006; *Жирарден Д.* Гувернер Романовых. Судьба Пьера Жильяра в России. М., 2011.

[14] П.-Э.-Ф. Жильяр передал музею копии 13 писем, адресованных матери и 10 — отцу. Письма отцу (август 1917 — июнь 1920) кратки и полны обеспокоенности Жильяра отсутствием ответа от родных.

[15] Фредерик, архитектор по образованию, был старшим братом П. Жильяра. После смерти А. А. Теглевой, до ухода в дом престарелых, Жильяр некоторое время жил в семье своего брата.

[16] Перевод с французского языка переданных музею документов сделан старшим научным сотрудником ГМЗ «Царское Село» И. П. Распоповой, которую благодарю за возможность познакомиться с интересным материалом (ГМЗ «Царское Село». Рукописный и исторический архив. Инв. № 2163, 2883).

[17] В семье П. Жильяра было 9 человек: отец Эдмон Андре Давид Жильяр, мать Мари Жильяр, урожденная Малерб (1848–1911), пять братьев — Фредерик, Эдмон, Робер, Пьер и Мишель (отец Мари-Клод Жильяр-Кнехт) и две сестры — Луиза и Марианна. Мать Жильяра была талантливым человеком, написала книгу о судьбе женщины в ее время (за сведения о семье Жильяров благодарю И. С. Иванову, Лозанна, Швейцария).

[18] Письмо брату Фредерику от 15/28 сентября 1913 г. (ГМЗ «Царское Село». Рукописный и исторический архив. Д. 2883. С. 5, 6).

[19] Письмо матери от 12/25 ноября 1905 г. (там же. Д. 2163. С. 5).

[20] Письмо отцу от 30 июля/12 августа 1917 г. (там же. С. 32).

[21] Письмо матери 22 января 1907 г. (там же. С. 17).

[22] Ученицы и наследник, которые впоследствии станут ему близкими людьми, поначалу вызывали у Жильяра совершенно другие чувства. В 1910 г. он писал матери: «…эти дети не способны по-настоящему привязываться к тем, кто их окружает (их очень много!), и у них на это нет времени. Эта постоянная смена лиц приводит их к поверхностному характеру чувств, они видят в нас лишь служебные обязанности, которые мы временно исполняем».

[23] Предисловие Р. Редлиха в кн.: *Жильяр П.* Трагическая судьба русской императорской фамилии. С. 6.

[24] Письма матери от 28 сентября 1906 г. (ГМЗ «Царское Село». Рукописный и исторический архив. Д. 2163. С. 19–21) и 8/21 июля 1907 г. (там же. С. 18).

[25] Письмо матери от 8/21 октября 1908 г. (там же. С. 24, 25).

[26] Холера в России в XIX в. была частой «гостьей». Первая эпидемия XX в. зафиксирована в 1908 г. — именно о ней пишет П. Жильяр. Первый случай заболевания в столице отмечен в конце августа; эпидемия развивалась стремительно, и в газетах писали, что «…мы прозевали холеру», пророчествуя, что холера не закончится и «Петербургу быть пусту…». Пик заболеваемости был 9 сентября, после чего болезнь начала отступать, но ее «хвост» тянулся до марта 1909 г. За время эпидемии в Санкт-Петербурге заболело 10 122 человека, умерло 4216.

[27] О доверии императрицы свидетельствует запись ее слов в дневнике Жильяра о том, что «…Имп[ератор] не мог предоставить конституцию, что он не имел права менять что-либо в форме правления, которую получил от своего отца». И далее: «Она сказала мне, что движение началось сверху, в семье и среди аристократии, а не как в 1905 г. в народе. Народ любит императора» (Дневник П. Жильяра. ГМЗ «Царское Село». Рукописный и исторический архив. Д. 2163. С. 15). Императрица сообщила Жильяру также, что существует мнение, что «…только она защищает Россию и что она прекрасная жена государственного деятеля, которая делает для своей страны больше, чем Екатерина II». Откровенную лесть, которую в этих словах видел Жильяр, императрица не замечала. Наставник не без грусти писал об Александре Федоровне: «Безумная надменность, самомнение, любящая власть, упрямство, разбивающее все, уверенная в том, что никогда не ошибется. Умная, но поддающаяся на речи льстецов. В критические моменты

имп[ератор] несколько раз хотел уступить, но она всегда ему мешала. И как будто благодаря ей решительная мера всегда приводила к удачному завершению. Имп[ератор] начал думать, что так будет всегда» (там же).

[28] В комнату Жильяра нередко заходил комендант дворца, лояльно относившийся к узникам. Однако это продолжалось недолго. 20 марта (2 апреля) в дневнике появилась запись: «Капитан К[обылинский], как говорят, отложен про запас; солдаты недовольны его взглядами, ему не доверяют… с сегодняшнего дня он больше не контролирует нашу переписку» (там же. С. 19).

[29] Дневник П. Жильяра. 2/15 мая 1917 г. (ГМЗ «Царское Село». Рукописный и исторический архив. Д. 2163. С. 27).

[30] Речь, вероятно, идет о так называемом Великокняжеском манифесте.

[31] Дневник П. Жильяра. 17 марта 1917 г. (ГМЗ «Царское Село». Рукописный и исторический архив. Д. 2163. С. 13, 14).

[32] Там же. С. 13.

[33] Там же. С. 16.

[34] 4 (27) мая из-за тяжелого состояния перевезли в Большой дворец заболевшую княгиню Е. А. Нарышкину. Она была первой узницей Александровского дворца, которая его покинула. Под арестом оставались граф и графиня Бенкендорф, баронесса Буксгевден, графиня Гендрикова, Шнейдер, князь Долгорукий, доктора Боткин и Деревенко, П. Жильяр. Следующим уехал из дворца Боткин — лечить жену своего сына, состояние которой было очень тяжелым. «Нас осталось всего 8 человек», — записал Жильяр 21 мая (3 июня) 1917 г.

[35] Дневник П. Жильяра. 6/19 апреля 1917 г. (ГМЗ «Царское Село». Рукописный и исторический архив. Д. 2163. С. 24).

[36] Там же. С. 18.

[37] Там же.

[38] Там же. С. 20.

[39] Там же. С. 22.

[40] Там же. С. 21.

[41] Там же. С. 22, 27.

[42] Там же. С. 26.

[43] Император Николай II и его семья. Предисловие, страница не указана. Текст приведен в соответствие с современными нормами написания.

[44] Доклад «Dernières années» (ГМЗ «Царское Село». Рукописный и исторический архив. Д. 2528/1. С. 21). Во вступлении к докладу Жильяр отмечал: «…прежде всего, я хотел бы пояснить свои намерения. Целью этого доклада является попытка воскресить в памяти императора Николая II и его семью такими, какими я их знал. Стараясь по-прежнему оставаться беспристрастным, я дам представление, вне зависимости от чьих-либо мнений, о событиях, свидетелем которых я стал. <…> я твердо надеюсь, что мой рассказ откроет их истинный характер, поскольку меня в них привлек не авторитет императорского титула (и заставил меня следовать за ними в ссылке), а благородство их чувств и восхитительное духовное величие, которое они доказали в своих страданиях» (там же. С. 1).

Бредихина Ирина Игоревна

КОНЮШНИ ПРИДВОРНОГО ВЕДОМСТВА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ В XIX В.

В Царское Село, как императорскую резиденцию, на время присутствия двора переводилась и значительная часть обслуживающего персонала. Придворно-конюшенная контора (ПКК)[1], отвечавшая за организацию всех перевозок, присылала сюда как лошадей, так и необходимый обслуживающий персонал, а также экипажи и конскую амуницию. Для их размещения в резиденции отводились значительные помещения.

Так, согласно ведомости за 1868 г.[2] в Царском Селе в летний период находилось 382 лошади, которых обслуживали 259 служителей, за которыми надзирали около 30 офицеров. В зависимости от занимаемой должности служащим выделялись квартиры и сообщалось о местах их летнего проживания.

Доклад посвящен комплексному обзору этих строений и условий проживания в них «конюшенных служителей» второй половины XIX в.[3] на основе выявленных архивных документов. Обзор дополняют материалы музейной коллекции архитектурной графики ГМЗ «Царское Село» — планы и фасады зданий царскосельских конюшен[4].

С самого момента существования мызы в Царском Селе здесь располагались и «все потребные в быту строения»[5], в том числе конюшни. Первый Конюшенный двор располагался у палат императрицы Екатерины I. По описи 1715 г. здесь уже находились «лошадей дворцовых 67, государевых 28»[6]. Затем конюшни существовали на значительной территории от нынешнего входа в Екатерининский парк до Конюшенной улицы и включали в себя небольшой «Конный завод», упраздненный в 1747 г. При перепланировке этого участка в 1743–1744 гг. конюшенный двор был перенесен в конец Садовой улицы и получил название Нижнего Конюшенного двора, или Нижних конюшен, и сохранился до наших дней.

Большинство старых конюшенных зданий вдоль улицы Садовой в этот период было снесено, и комплекса Нижних конюшен было недостаточно для размещения обширного конюшенного имущества. По всей видимости, была сохранена деревянная конюшня,

находившаяся внутри так называемого Гофмаршальского двора, за Кавалерскими домами. Здесь размещались деревянные конюшни для личных лошадей Александра I[7], а впоследствии был выстроен комплекс Дежурной конюшни, в основном здании которого сейчас располагается экспозиция «Придворный экипаж».

О значительном по размерам комплексе Наследницких конюшен напоминают сохранившиеся служебные здания на территории нынешней Кадетской школы; постройки на противоположной стороне Советского переулка полностью утрачены. Давно не существуют и деревянные конюшни «Полевой части» на углу Церковной и Московской улиц.

До 1882 г. большинство зданий дворцовых конюшен в Царском Селе числилось за ПКК, хотя часть жилых помещений находилась в ведении Царскосельского дворцового правления (ЦДП). В 1882 г. в связи с реорганизацией ПКК в Придворно-конюшенную часть произошла передача строений ЦДП, в связи с чем были составлены подробные описи передаваемых зданий[8] и обстановки помещений[9].

Нижние конюшни[10] являются старейшими из дошедших до нас такого рода зданий в Царском Селе. В середине XVIII в., в процессе больших работ в резиденции, было решено отнести все хозяйственные постройки за границу «парадной» дворцовой части. Так, в квартале, ограниченном Конюшенной, Садовой и Набережной улицами возник Нижний Конюшенный двор с каменными конюшнями с фуражным двором и жилым флигелем, предназначенным для квартир унтер-шталмейстера и берейторов; с главным зданием его соединяла каменная ограда с воротами. В 1770 г. по проекту В. И. Неелова был построен новый корпус со стороны Средней улицы. Увеличилось количество денников, появились кузница, сбруйные, фуражные сараи и каретники внутри двора. Построенный рядом каменный манеж также вошел в комплекс Нижних конюшен[11].

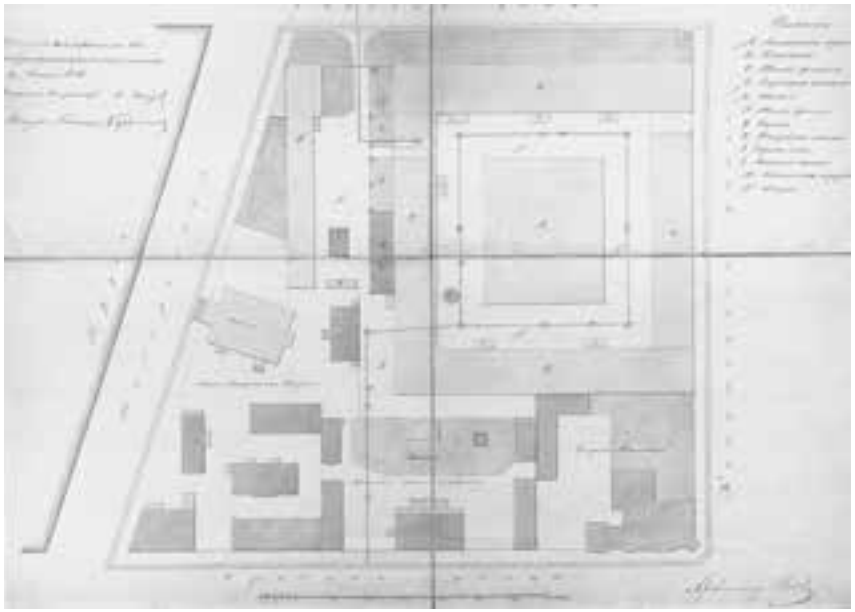
Из «Списка чинов и служителей Придворно-Конюшенной Конторы, находящихся в летнее время в Царском Селе и Петергофе» известно, что в 1844 г. в офицерских квартирах на Нижних конюшнях проживали «ясельничий городовой и полевой части и берейтор Числов»[12]. Фамилию одного ясельничего — Лермантова — можно узнать из его рапорта о происшествии, случившемся в том же году, которому он стал свидетелем: «25 июля, пополудни в 7 часов, паром, что на садовом пруду близ Кочубеевой дачи, затопился со многими на нем женщинами и детьми, которые подверглись большой

опасности, причем конюхи городовой части Герасим Машков и Павел Егоров, подвергаясь сами большой опасности, с большим самоотвержением и ловкостью, бросаясь в плавь, вынесли на себе утопающих»[13]. Обер-шталмейстер П. А. Фредерикс, оказавшийся одним из многочисленных свидетелей происшествия, просит у министра императорского двора князя П. М. Волконского «всемилостливейшего вознаграждения» для конюхов за такой «человеколюбивый поступок», как спасение девяти человек.

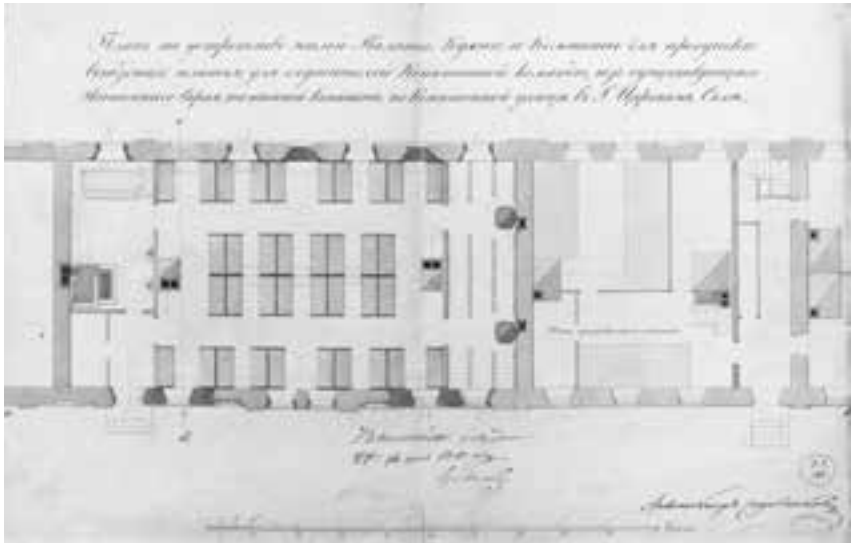
Когда конюхи получили свою награду[14], выяснилось, что есть еще желающие получить вознаграждение за события 25 июля. В новом докладе Лермантов уточняет, что на крик женщин сначала прибежали конюх конюшенного штата собственного Его Величества дворца П. Сериков и рейткнехт верховой части государя наследника цесаревича И. Семенов, «которые, подплывши к плоту, удержали хотевших в испуге женщин бросится в воду, тут же… конюхи Егоров и Машков, бросившись через перила вплавь, подоспели к плоту с противной его стороны, в блоке которого было запутано платье одной из женщин, выпутали платье, и тогда все упомянутые служители, помогая друг другу… спасали утопающих, причем Семенову одна из женщин, бросившись на него в испуге, оцарапала до крови лицо. В это время вышеозначенные служители подвергались опасности, потому что плот был на глубине, а также и женщины, бросаясь с криком со стороны на сторону, сильно колыхали плот…»[15]. Инцидент закончился без жертв благодаря решительным действиям конюшенных служителей, которым пришлось взять на себя роль спасателей на воде.

По мере возникающей необходимости комплекс Нижних конюшен перестраивался и модернизировался. Так, в 1860-х гг. фирма Ф. Сан-Галли устроила здесь водопровод[16]. Экипажный сарай внутри двора, зафиксированный на чертеже П. С. Садовникова[17], был перестроен А. Ф. Видовым в 1868 г.[18] В описи 1882 г. он описан так: «…низ каменный с бревенчатой возвышенностью, с середины обит досками, под железною крышею, на кирпичных столбах… Ворот 14, окон больших 30 малых 32, средних в фронтонах 3, в теплом отделении голландская печь и круглый железный очаг с котлом»[19].

В 1857 г. по проекту архитектора конюшенного ведомства П. С. Садовникова было произведено приспособление части помещений основного здания со стороны Конюшенной улицы для проживания 36 конюшенных служителей, с кухней и сушильней[20]. Вторую часть корпуса приспособили под проживание в 1862 г.[21] По данным на 1868 г.[22],

Ил. 1. А. Ф. Видов. Генеральный план места, занимаемого Нижними конюшнями. 1886 ГМЗ «Царское Село»

Ил. 2. В. С. Садовников. План на устройство жилой палаты, кухни и комнаты для просушки. 1850-е. ГМЗ «Царское Село»

на Нижних конюшнях размещалось 128 конюшенных служителей и располагались 232 лошади[23]. Пять офицерских квартир размещались в отдельном жилом корпусе, и еще одна располагалась в манеже. Младшему персоналу приходилось жить в весьма стесненных условиях — они жили в общих комнатах до 36 человек вместе (ил. 1, 2).

В описи 1882 г. имеются сведения о следующих помещениях на Нижних конюшнях[24]: каменный одноэтажный жилой флигель[25] включал в себя общую комнату конюхов по верховой части на 27 кроватей, комнату «магазей-вахтера», общую комнату вольнонаемных кучеров на 16 кроватей, две комнаты нарядчика, общую комнату ямщиков на 22 кровати, канцелярию и кухню. Каждое помещение имело собственную печь, а общие комнаты еще и очаг. На «антресолях над манежем» размещалось еще 10 кроватей. Кроме кроватей жилые помещения служителей были оборудованы скамьями, вешалками для одежды и некоторой другой примитивной мебелью[26].

Конюшня имела три отделения: городовой части, ямской и верховой. Указано, что в «Каменной конюшне» может содержаться 39 лошадей, она была оборудована двумя пожарными кранами и одним краном для воды; еще одно отделение было рассчитано на 14 лошадей. Конюшня ямской части располагалась «во дворе». Кроме того, на конюшне имелись шорная кладовая и помещение для паровой машины.

Данную опись нельзя назвать полной. В нее, например, не вошло описание жилого «офицерского» корпуса. Зато существует составленный архитектором Видовым «План жилого флигеля № 1 при Нижней конюшне в г. Царском Селе с обозначением на оном приспособления для 5 квартир»[27], в каждой из которых имеется от трех до шести комнат.

В дальнейшем комплекс продолжал дополняться и усовершенствоваться. Так, переоборудовался корпус между жилыми флигелями по Конюшенной улице и по улице Набережной. Согласно плану Садовникова[28], в нем размещались различные сараи и кладовые. Около 1866 г.[29] сделаны стойла для лошадей, существовавшие до 1894 г.[30], когда по проекту Видова[31] здесь разместили кладовые и квартиры для семейных конюхов, что зафиксировано на плане А. Р. Баха 1904 г.[32]

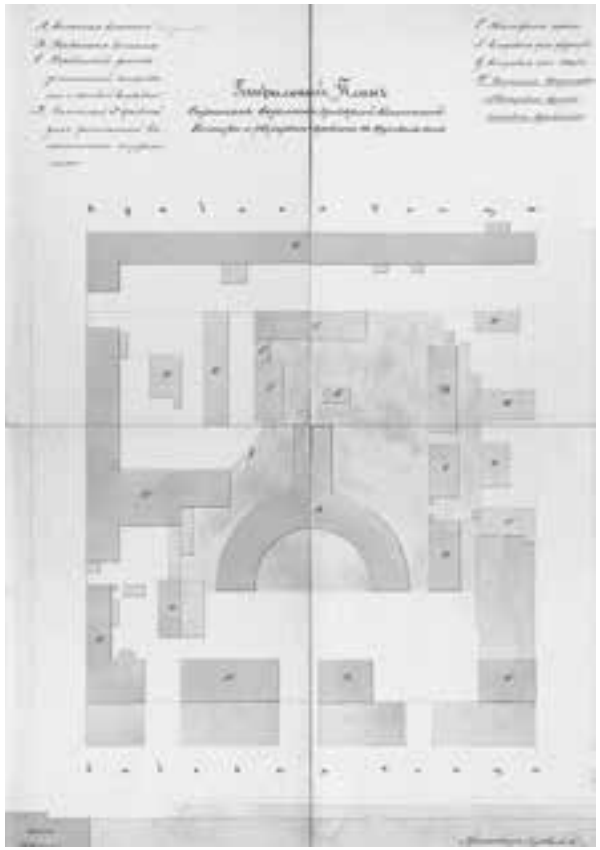
Ныне существующее здание Дежурной конюшни, также именуемой в некоторых документах «Верхней», «со всеми к ней принадлежностями»[33] было возведено архитектором С. Л. Шустовым

по проекту В. П. Стасова в процессе перестройки квартала после пожара в Екатерининском дворце в 1820 г. Для этого были сломаны старые деревянные конюшни и сараи. В здании были не только стойла для лошадей, но и квартиры для служащих на третьем этаже и на антресольных этажах над двумя экипажными сараями, располагавшимися в торцовых частях здания, а также деревянные вспомогательные постройки.

Строительство Дежурной конюшни продолжалось с 1822 по 1824 г.; она была «построена с отличными удобствами… в которой все вообще места снабдеваются проведенной туда трубами водою»[34].

Впоследствии комплекс продолжал улучшаться. В начале 1850-х гг. архитектором А. К. Буржуа были укреплены металлическими балками сводчатые межэтажные перекрытия, и, возможно, сооружен антресольный, промежуточный этаж над экипажными сараями, в доказательство чего можно привести сведения об увеличении количества жилых помещений с 18 до 29 по ведомостям за 1844 и 1868 гг. Кроме того, существует проектный план этого периода, на котором указано расположение общих комнат и офицерских квартир, но не зафиксирована их нумерация; на плане не отмечено и помещение бывшей там кухни[35]. В 1856 г. П. С. Садовников к заднему фасаду «каменных полуциркульных конюшен» пристроил деревянные дровяные сараи и отхожие места[36]. В 1857 г. он же построил рядом трехэтажный каменный флигель, крытый железом, «для помещения служителей конюшенной команды», а в 1869 г. разобрал обветшавшие сараи и заменил деревянные отхожие места на каменные[37], просуществовавшие до 1952 г. В комплекс Дежурной конюшни, кроме основного строения, входили: деревянная конюшня на 24 стойла, фуражные и экипажные сараи, кладовая для конской сбруи, а также деревянный флигель для конюшенных служителей[38] (ил. 3).

По сдаточной описи 1882 г.[39], нижний этаж Дежурной конюшни состоял из помещения для лошадей и двух каретных сараев. Помещение конюшни, где стена была в нижней части облицована простыми изразцами, а пол частично дощатый и торцевой, делилось на две части — городовую, на 44 стойла (в полуциркуле), где располагались две гранитные чаши с медными кранами, и берейторскую, на 14 стойл (во флигеле, расположенном перпендикулярно к заднему фасаду), где также была «гранитная чаша с водопроводом».

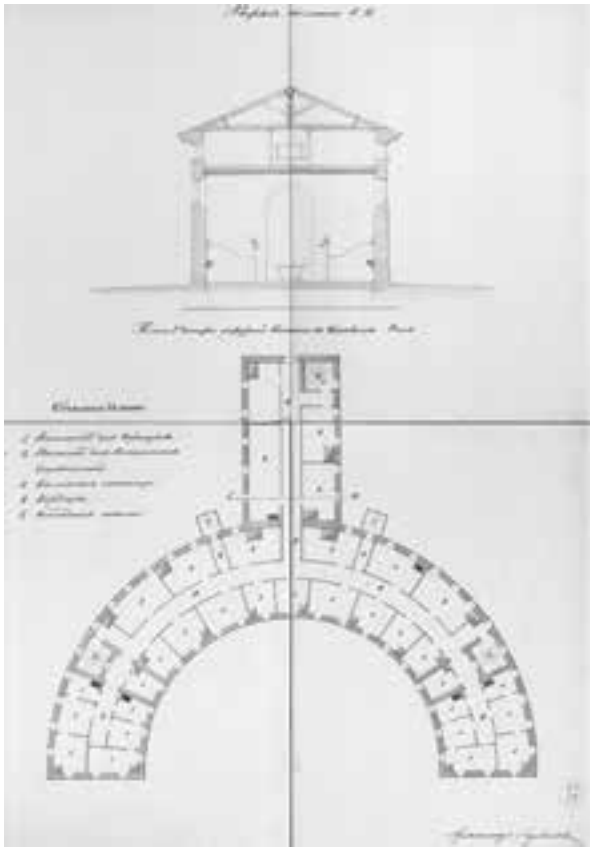
Ил. 3. В. С. Садовников. План расположения строений в квартале Дежурных конюшен 1860-е. ГМЗ «Царское Село»

На стене висел «образ Спасителя в ризе с лампадой», в помещении находились лари для овса и скамьи.

Левый сарай, с двумя окнами, предназначавшийся для мытья экипажей, был оборудован железной печью и очагом с котлом с железным баком с водопроводом, пол в нем был «наполовину асфальтовый и досчатый»[40].

В здании было три каменные лестницы с выходом на улицу, а также одна внутренняя деревянная; все они вели на верхние этажи, где располагались жилые помещения[41].

В Дежурной конюшне, расположенной в непосредственной близости к дворцу, было сосредоточено большинство «офицерских» квартир ПКК. Эти квартиры были востребованы, несмотря

Ил. 4. В. С. Садовников. Разрез и план 2-го этажа Дежурной конюшни 1850-е. ГМЗ «Царское Село»

на маленькую площадь комнат, небольшие окна и низкие потолки в жилых помещениях третьего этажа. Распределение помещений происходило заранее, а предполагаемые жильцы отмечались в специальных списках (ил. 4).

По своему качеству помещения делились на «офицерские» квартиры и комнаты для служащих. И те, и другие сосуществовали рядом на верхних этажах здания. Так, сохранился, например, «Список квартирантам на Царскосельской Дежурной конюшне во время пребывания Двора» в 1844 г. На тот период здесь насчитывалось всего 18 «квартир»[42]. Кроме того, в «деревянном домике» располагались: служители полевой части, лейб-кучера великой княгини Марии Николаевны и сторожа инвалидной № 3 рабочей роты.

Согласно спискам на 1868 г., в Дежурной конюшне находилось 80 лошадей; 20 офицеров и 24 служителя проживали в 29 квартирах второго и третьего этажей, в каменном флигеле — 43 служителя и еще 8 — в деревянном доме[43]. Сохранились и списки проживавших в квартирах в Дежурной конюшне за 1867 и 1871 гг.[44]

Получить хорошую квартиру было непросто. В большинстве случаев квартира сохранялась за владельцем на несколько «сезонов», а иногда «передавалась по наследству». Так, мы видим, что квартира № 12 в Дежурной конюшне сначала была приписана за офицером Крыгиным 1, а после перешла к Крыгину 2. Также было заведено держать в резерве пару квартир для «приезда офицеров на короткое время по делам службы»[45].

Надо понимать, что зачастую служители приезжали в резиденцию со всем семейством и стремились улучшить свои жилищные условия. В деле находится несколько прошений по этому вопросу. Особенно показательно прошение от дежурного ветеринара Лукина, поданное 17 июня 1877 г., в котором он просит назначить ему вместо комнаты № 21 в Дежурной конюшне, в которой ему приходится помещать свое семейство, лекарства, инструменты и лазаретные вещи, квартиру № 16 из двух комнат, освободившуюся после перевода служащих великого князя Владимира Александровича «на вновь устроенные квартиры»; это прошение было удовлетворено[46].

Над экипажными сараями располагались довольно просторные «антресольные» квартиры. Слева, в квартирах № 1 и № 2, жили лейб-кучера. По описи 1882 г. в каждой комнате этих двухкомнатных квартир находилось по две кровати с матрацами и подушками, стол, шкаф платяной, вешалки, зеркало, стулья, а также по русской «изразчатой» печи. Справа квартиры № 14 и № 15, снабженные своей кухней, были заняты служителями, жившими по несколько человек в одной комнате.

На третьем этаже располагалось еще 25 отдельных жилых помещений (комнат и двух-трехкомнатных «квартир») и одна общая «офицерская» кухня; каждое из этих помещений было снабжено одним или несколькими спальными местами и набором простой мебели, включающим в себя стулья, столы, комоды, вешалки и обязательно зеркало; в каждой комнате была собственная печь, русская или голландская. Общее количество жилых помещений по-прежнему составляло 29. К сожалению, плана, на котором были бы обозначены квартиры в соответствии с нумерацией в этой описи, нами

не обнаружено, на имеющемся в нашем распоряжении чертеже показана иная нумерация[47].

Каменный трехэтажный флигель при Дежурной конюшне[48] был построен, как уже отмечалось, в 1857 г. специально для размещения в нем «конюшенной команды»[49]. На плане Садовникова видно расположение жилых помещений на 50 кроватей: четыре общие и две отдельные комнаты нарядчиков (служащих, выписывавших наряды. — *И. Б.*) и подсобных помещений первого этажа: кухни, общей столовой и кузницы с отдельным входом[50]. По данным 1868 г., в доме размещалось 43 человека. Судя по описи 1882 г., на месте предполагаемой общей столовой расположилась «Збруйная» № 4, снабженная двумя вентиляторами и голландской печью с очагом с котлом[51]; остальные помещения сохранили свою планировку и назначение. Судя по плану, одна из общих комнат была разделена перегородками[52].

В деревянном одноэтажном флигеле («домике» по ведомости 1868 г.) было еще три жилые комнаты, в комнате № 12 по-прежнему располагалась ямская конторка, в которой стояло три кровати[53]. «Досчатые удобства» для проживающих располагались во дворе. Кроме того, во дворе находились: «досчатая» конюшня на 24 стойла[54], сарай «с ледником с бревенчатым желудком», два фуражных сарая, сарай для английских экипажей и «збруйный сарай»[55].

В 1898–1899 гг. под руководством С. А. Данини была произведена реконструкция здания, в том числе системы печного отопления и канализации. Для освещения коридоров антресольного этажа на кровле были устроены четыре световых фонаря[56].

Таким образом, помещения в здании верхних этажей Дежурной конюшни можно было назвать вполне приспособленными для проживания; они продолжали использоваться по своему назначению и в советское время.

Для размещения наиболее высокопоставленных офицеров ЦДП предоставляло ПКК так называемые Кавалерские дома. Контора долгое время «занимала в Царском Селе по Садовой улице дома за № 3 и 4»[57]. Так, в списке 1844 г. отмечено, что в «домах ведомства Дворцового правления на Дежурной конюшне» располагались в одном доме «военно-походный шталмейстер и берейтор Бехтер», а во втором «вагенмейстер Юдин и ямская конторка». Также «…в этих домах в конце царствования Александра II жили унтер-шталмейстер Гешвенд и Кобелев и военно-походный шталмейстер Лефлер»[58], а в ведомости за 1868 г. указано, что по отдельному дому предоставлялось

генералу Лефлеру[59] и двум унтер-шталмейстерам — Шишенкову и Болдареву[60]. «В царствование Александра III здания эти не занимали, т. к. в Царском не было постоянного высочайшего пребывания… В 1896 г. в дом № 3 были помещены конюшенные офицеры Гентер и Зеест, а дом № 4 был предоставлен фельдъегерскому корпусу. В этом же году дом № 3 был взят у Придворно-конюшенной части для лейб-хирурга Гирша, а взамен был отдан дом № 2, занимаемый прежде гофмаршалом… он предварительно был переделан на четыре квартиры, две в верхнем этаже для двух конюшенных офицеров и две в нижнем, для начальника упряжного отделения и временно приезжающих офицеров, а также телефонного помещения. Таким образом, у Придворно-конюшенной части имелся только один дом»[61].

Не будем забывать постройку по Леонтьевской ул. под № 270[62], где в 1844 г. размещались берейтор Альтман, сторож инвалидной роты и мастеровые Придворно-экипажного заведения. В описи 1868 г. этот адрес обозначен как «Дом экипажного заведения», здесь проживало 13 мастеров. В 1882 г. на участке существовали «кузница каменная… с горном. Во дворе красильня досчатая… к ней кладовая-ледник и конюшня на 2 стойла, отхожее место и мусорная яма… Флигель для мастерских рубленый, внутри оштукатуренный», в нем были железная и русская печи, «очаг с плитой изразчатый»[63]. В жилой комнате было две кровати и простая мебель[64].

Мало что известно о довольно крупном конюшенном комплексе так называемых Наследницких конюшен, построенных для нужд двора наследника цесаревича Николая Александровича[65]. Этот комплекс, расположенный в Пашковом (Советском) переулке, начал складываться из конюшенных служб вокруг дворца В. П. Кочубея[66].

В 1835 г., спустя год после смерти князя, дворец был выкуплен Департаментом уделов для великого князя Николая Николаевича и получил название Николаевского. В 1835 г. он включал в себя целый ряд надворных конюшенных строений, в том числе конюшню на 24 стойла с каретным сараем и людскою[67].

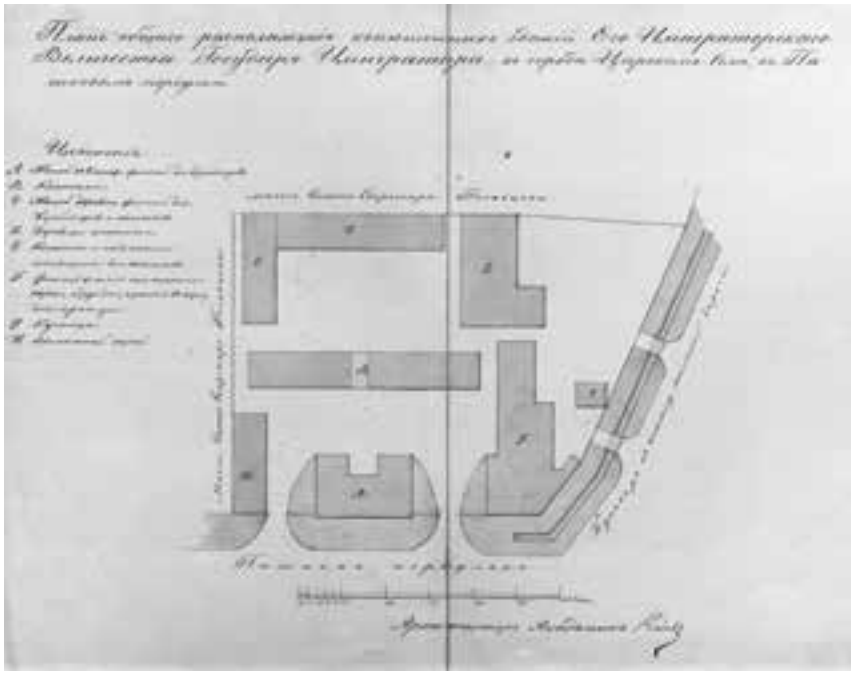
В 1855 г., в связи с предстоящей женитьбой князя, дворец было решено реконструировать; переделке подверглись в основном служебные корпуса. В отдаленном углу участка, ограниченном Софийским бульваром и Пашковым переулком, по проекту И. И. Шарлеманя был возведен утраченный ныне двухэтажный Дом садовника со службами, включавшими небольшую конюшню, получивший название «Задней дачи». С 1870-х гг. его использовали как дом шталмейстера

великокняжеского двора. На участке с противоположной стороны Пашкова переулка[68] в 1857 г. был возведен Конюшенный двор, а именно: каменный двухэтажный дом для помещения конюшенных чинов с прислугою, конюшня с кузницей и деревянный сарай[69].

В 1858 г. князь продал дворец обратно в казну, и с 1859 г. он стал официально именоваться Царскосельским Запасным, так как использовался для размещения придворных лиц вплоть до 1875 г., когда был передан великому князю Владимиру Александровичу. Сложившийся обширный конюшенный комплекс было решено передать в ведение двора великого князя Николая Александровича. Дворцовые здания были осмотрены на предмет их состояния, и в январе 1863 г. было решено, что комплексу Конюшенного двора необходим ремонт[70]. Эти работы были произведены под руководством архитектора Х. Х. Тацки[71], воплотившего свой проект в течение лета 1863 г., ко времени возвращения Николая Александровича из путешествия[72]. В новых помещениях были предусмотрены и жилые комнаты для персонала[73].

В 1866 г. комплекс, получивший название Наследницких конюшен, переходит в ведение двора великого князя Александра Александровича. Вновь было решено расширить служебные и конюшенные постройки. 27 января 1866 г. была подана «Смета о перестройке конюшенного помещения со службами Двора Наследника Цесаревича в Царском Селе»[74], составленная инженером, штабс-капитаном Д. Покотиловым. Под его руководством проект был осуществлен. Теперь комплекс включал: новую конюшню на 38 стойл с денниками; сарай для экипажей; два теплых склада для конюшенных принадлежностей (переделанные из конюшни для английских лошадей) и надстроенный второй этаж как жилое помещение с чердаком; конюшню для английских лошадей, переделанную из двух сараев; жилой правый флигель и помещение для ветеринарного врача; новую каменную кузницу; конюшню для 12 ямских лошадей; новый забор и прочее. Важным было «проведение воды… железными трубами в новую конюшню с устройством медных кранов и чанов»[75]. Работы, оцененные в 32 418 руб., были завершены в сентябре 1867 г.[76]

Итак, участок Наследницких конюшен включал в себя как участок так называемой Задней дачи — угол участка между Софийским бульваром и Пашковым переулком[77], так и территорию Конюшенного двора на противоположной стороне переулка; постоянно использовался для нужд двора и управлялся ПКК. Например, в 1868 г. здесь размещались 71 лошадь и 43 конюшенных служителя[78].

Ил. 5. А. Ф. Видов. План общего расположения конюшенных зданий в Пашковом переулке 1880-е. ГМЗ «Царское Село»

Сравнивая опись 1882 г. и «План общего расположения конюшенных зданий в Пашковом переулке»[79], можно определить следующие здания:

Дом № 1 для унтер-шталмейстера в три этажа; на первом этаже располагалась кухня, на втором — передняя, зал, столовая и спальня, на третьем также находились жилые комнаты. Обстановка дома была достаточной и разнообразной, состояла в основном из мебели орехового дерева[80]. Дом не отмечен на более позднем плане. Скорее всего, территория бывшей «Задней дачи» была возвращена в состав участка Запасного дворца после 1882 г. (ил. 5).

Дом № 2 — «угловой дом по Пашкову переулку» (на плане F) включал в себя общую кухню на первом этаже и общую комнату для 12 конюхов, на втором находилась общая кухня на 15 служебных квартир (комнат) и одна двухкомнатная квартира с кухней[81]. На нижнем этаже размещались экипажные сараи, седельные и шорные комнаты[82].

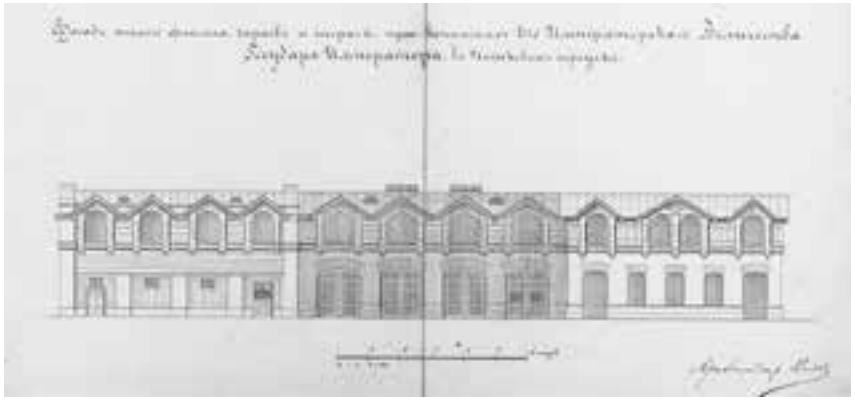
В доме № 3 (А) располагались кухня, телеграф и 7 квартир[83].

Большая деревянная конюшня (D) могла разместить 38 лошадей, в ее флигеле (C), в описи отмеченном как дом № 4, было 10 квартир[84]. Каменная конюшня (E) включала стойла на 29 лошадей, на втором этаже были жилые помещения[85]. На территории также находились «конюшня на 48 стойл» (B)[86], экипажный сарай с теплым отделением (H)[87], конюшня для английских лошадей (?) и кузница (G)[88] (ил. 6).

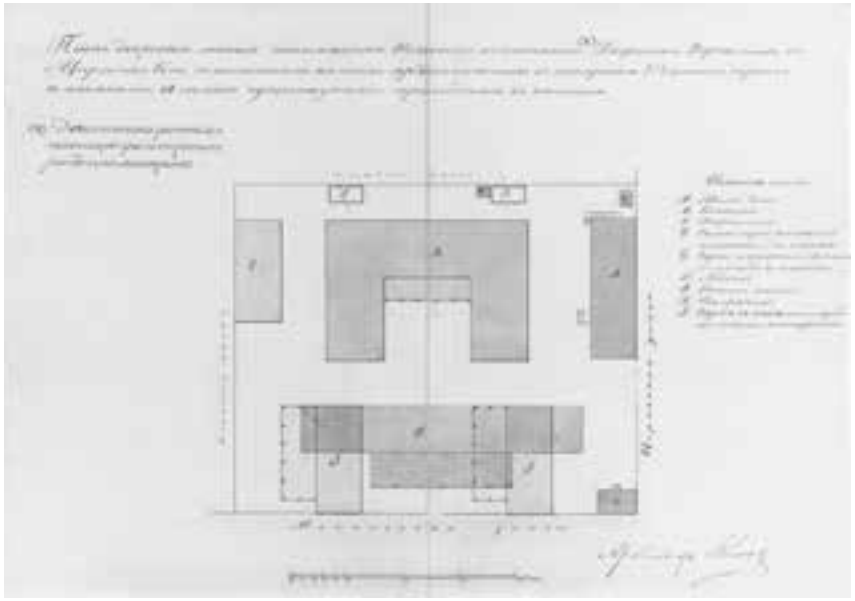
На другой стороне Пашкова переулка находилась дополнительная конюшня для 20 ямских лошадей с экипажными сараями[89].

В 1875 г., после назначения Запасного дворца великому князю Владимиру Александровичу, на территории участка в течение 1876–1878 гг. снова расширяются службы, появляются Кавалерский дом, отдельная «Конюшня для собственных лошадей»[90], экипажный сарай[91] (сохранился до нашего времени), кузница с прачечной и другие хозяйственные постройки[92]. Именно сюда и были переведены из Дежурной конюшни конюшенные служащие великого князя, освободившие квартиру № 16 для ветеринара Лукина.

Четвертый конюшенный комплекс, относящийся к ПКК, существовал на углу улиц Московской и Церковной. Так, в атласе Цылова на этом месте отмечены «Собственные конюшни Государя императора»[93], а на карте у Вильчковского под № 18 они именуются «Полевыми конюшнями»[94]. Однако в описи 1868 г. эти здания не упоминаются. В 1882 г. в описи обстановки этих помещений они названы как «Великокняжеские конюшни», а в описании здания именуются как «конюшенные здания Полевой части»[95]. По этим описям, а также по «Плану дворового места, занимаемого полевыми конюшнями

Ил. 6. А. Ф. Видов. Фасад жилого флигеля, сараев и шорной при конюшнях в Пашковом переулке. 1880-е. ГМЗ «Царское Село»

Ил. 7. А. Ф. Видов. План дворового места, занимаемого полевыми конюшнями дворцового управления в Царском Селе. 1888. ГМЗ «Царское Село»

дворцового управления в Царском Селе»[96] можно понять, что окруженный забором комплекс состоял из конюшни на 72 лошади, деревянного флигеля для конюшенной прислуги с жилыми комнатами и кухней, экипажного сарая с теплым отделением для обмывки экипажей, фуражного сарая с навесом позади, дворницкой, а также колодца. Здание носило чисто функциональный характер, отделка фасада была лаконичной[97] (ил. 7).

Необходимость использования большого количества лошадей при царском дворе, как верховых, так и упряжных, повлекло строительство нескольких конюшенных комплексов, которые снабжались всем необходимым хозяйственным и техническим оборудованием. Конюшенная контора, в целях сохранения поголовья лошадей, в том числе предохранения животных от заразных заболеваний, заботилась о строительстве отдельных конюшен и поддержании в них чистоты, содержала достаточное количество служащих для внимательного ухода за лошадьми.

Последним комплексом, построенным для содержания транспортных средств императорского двора в Царском Селе, стал императорский гараж.

Приложение 1

СПИСОК КВАРТИРАНТАМ НА ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ДЕЖУРНОЙ КОНЮШНЕ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ ДВОРА (РГИА. Ф. 477. ОП. 11. Д. 333. 1844–1854 ГГ. Л. II–IV)

№ квартиры	Назначение	№ квартиры	Назначение
1	части Е. И. В. наследника Цесаревича	10	ветеринар Папков и берейтор Новиков
2	для приезда унтер-шталмейстеров	11	берейтор Барт и вагенмейстер Ермолаев
3	берейтор Шишенков	12	берейторские ученики
4	части Е. И. В. наследника Цесаревича	13	служители берейторской части
5	берейтор Маклотин	14	казенная седельная
6	берейтор Стефани	15	служители полевой части
7	лейб-кучер Числов	16, 17	Жокеи
8	резерв	18	лейб-кучера полевой части
9	комнатные ездовые		

Приложение 2

РАЗМЕЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ И ЛОШАДЕЙ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ В 1868 Г. (РГИА. Ф. 477. ОП. 6. Д. 390. 1868 Г. Л. 4–6)

№ помещения	Квартиры офицерские	Кол-во человек	Комнаты служителей	Кол-во человек	стойла
На Дежурной Конюшне в полуциркуле					
1–2			Лейб- кучера	4	
3–4	Офицеры	1			
5	Офицер (писарь полевой)	1			
6			Коновальских учеников	2	
7	Офицер-начальник берейторской частью	1			

№ помещения	Квартиры офицерские	Кол-во человек	Комнаты служителей	Кол-во человек	стойла
8	Лейбрейткнехты	2			
9			Седельная комната	2	
10			Комната берейторской части	8	
11			Общая кухня		
12	Офицер (лейб-кучер Кондратьев)	1			
13	Берейторские ученики.	3			
14			Комнаты магазей-вахтеров	6	
15			3 комнаты заняты от 7 извозчиков Двора наследника цесаревича		
16–21	Офицеры	По 1			
22	Офицер — (писарь Городовой части)	1			
23–25	офицеры	По 1			
26	Офицер (писарь берейторской части)	1			
27			Форейторы	2	
28	Офицер (лейб-кучер Вербицкий)	1			
29	Офицер	1			
Всего	**20**			**24**	**80**
В каменном флигеле					
1–2			Подвал		
3			Кухня		
4			Шорная		
5			Комната конюхов	14	
6			Нарядчика	1	
7			Ездовых	5	
8			Жокеев	12	
9			Нарядника	1	

№ помещения	Квартиры офицерские	Кол-во человек	Комнаты служителей	Кол-во человек	стойла
10			Жокеев	10	
Всего				**43**	
В деревянном домике:					
1			Комната кучера и магазея Министра	2	
2			Ямская конторка	3	
3			Комната сторожей.	3	
Всего	**20**			**75**	**80**
На Нижней конюшне					
1	Унтер-шталмейстер	1			
2–5	Офицеры	По 1			
6			Комната кучеров	32	
7			Комната нарядников	2	
8			Кухня		
9			Сушильня		
10			Комната конюхов	36	
11			Комната нарядников	2	
12			Комната конюхов	34	
13			Седельная	2	
14			Комната у манежа конюхов	16	
15	у манежа офицер	1	Нарядчик и сторож	2	
16			Сторож	1	
17			Седельная		
18			Манежная комната для берейторов		
Всего		**6**		**128**	**231**
В бывшем доме Государя наследника Цесаревича					
1			Комната конюхов	25	
2			Комната кучеров	7	
3			Комната нарядчиков	2	
4			Комната магазей-вахтеров	8	

№ помещения	Квартиры офицерские	Кол-во человек	Комнаты служителей	Кол-во человек	стойла
5			Комната кучера	1	
6			Кухня		
Всего				**43**	**71**
В доме Придворно-экипажного заведения					
1–4			Комнаты мастеровых контрагента Брейтигама	12	
5			Комната сторожа	1	
Всего				**13**	
Итого в Царском Селе		**26**		**259**	**382**

Приложение 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КВАРТИР НА ДЕЖУРНОЙ КОНЮШНЕ В 1867 И 1871 ГГ. (РГИА. Ф. 477. ОП. 6. Д. 390. 1868–1875 ГГ. Л. 17, 40)

№ помещения	Кол-во человек	ФИО 1867	ФИО 1871	Кол-во человек
1 и 2		Лейб-кучера	Лейб-Кучера	4
3	1	Младший берейтор Лифанов	Вагенмейстер Лифанов	1
4	1	Старший берейторский ученик Гагилев	Младший берейтор Гагилев	1
5	1	Чиновник полевой части Соболев (тут же и канцелярия полевой части)	Канцелярия полевой части и писец	1
6	2	Коновальские ученики	коновальские ученики	2
7	1	Нарядчик берейторской части	нарядчик берейторской части Черный	1
8	2	Лейб-реткнехты берейторской части	Лейб-реткнехты берейторской части	2
9	2	Седельная комната берейторской части и седельные ученики	Седельная комната берейторской части и седельные ученики	2

№ помещения	Кол-во человек	ФИО 1867	ФИО 1871	Кол-во человек
10	8	Рейткнехты берейторской части	Рейткнехты берейторской части	8
11		Общая кухня	Общая кухня	
12	1	Офицер Крыгин 1 (вместо него пом. Крыгин 2) (карандашом)	Берейторский ученик Шор	1
13	3	Канцелярия берейторской части	Канцелярия берейторской части и писец	1
14	6	Магазей полевой части	Магазей-вахтеры главной конюшни	4
15	7	3 комнаты заняты от 7 извозчиков Двора наследника цесаревича	Служители наследника части	12
16	1	Берейтор Петров	Унтер-шталмейстер Петров	1
17	1	Секретарь Секавин	Секретарь Секавин	1
18		Канцелярия Обер-шталмейстера	Канцелярия Обер-шталмейстера	
19	1	Старший берейторский ученик Тимофеев	Свободная	1
20	1	Старший берейторский ученик Котейкин	Младший берейтор Кислов	1
21	1	Ветеринар Гонигман	Ветеринар Гонигман	1
22	1	Канцелярия городовой части	Канцелярия городовой части и писец	1
23	1	Берейторский ученик Кислов	Берейторские ученики	2
24	1	Офицер полевой части Жигарев	Вагенмейстер Жигарев	1
25	1	Берейтор Шуббе	Свободная	1
26	1	Кучер	Берейторские ученики	1
27	2	Берейторские ученики	Берейторские ученики	2
28	1	Лейб-кучер Вербицкий	Лейб-кучер полевой части Вербицкий	1
29	1	Берейтор Шашин	Старший берейтор Шубе	1

[1] Образована в 1733 г., с 1776 по 1882 г. именовалась «Придворная конюшенная контора Министерства Императорского Двора», с 1882 г. до марта 1917 г. — «Придворная конюшенная часть» (см.: Высшие центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. III. СПб., 2002. С. 152–154). Далее — ПКК.

[2] РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 390. 1868 г. Л. 4–6. О помещениях в Царском Селе и Петергофе.

[3] Уникальный комплекс Пенсионерной конюшни, так же как и небольшая конюшня хозяйственного назначения на Императорской ферме, не рассматриваются в данном докладе.

[4] Сопоставление архивных описей и чертежей не всегда возможно: здания и помещения в ведомостях и на чертежах нередко имеют различные названия, нумерацию; некоторые здания наличествуют в одной описи и отсутствуют в другой.

[5] *Яковкин И. Ф.* История Села Царского. Ч. 1. СПб., 1829. С. 105.

[6] Там же. С. 37.

[7] Там же. С. 510.

[8] РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 11. 1882 г. Л. 83. О передаче в ведение дворцового управления построек ПКЧ в Царском Селе и Петергофе. Л. 52. Коллежского офицера Осипова в Придворно-конюшенную часть рапорт. Ведомость всем конюшенным и жилым зданиям в Царском Селе, сдана… архитектору Царскосельского дворцового управления Видову.

[9] Там же. Л. 9.

[10] Комплекс построен в 1757–1770 гг. по проекту Ф. Растрелли, переработанному С. И. Чевакинским, позднее расширен архитектором В. И. Неловым; над комплексом также работали П. С. Садовников и А. Ф. Видов.

[11] Манеж был построен в 1786 г. на месте старого деревянного конюшенного двора по проекту архитектора И. В. Неелова.

[12] РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 333. 1844–1854 гг. Л. II–IV. Списки чинов и служителей Придворно-Конюшенной Конторы, находящихся в летнее время в Царском Селе и Петергофе.

[13] РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 966. 1834 г. Л. 1. О спасении женщин на Царскосельском пруду.

[14] Там же. Л. 9, 10. Награда составила 100 руб. ассигнациями или 28 руб. 57 1/7 коп. серебром каждому. В ее получении расписался Егоров, «за неумением Машкова грамоте».

[15] Там же. Л. 3.

[16] *Семенова Г. В.* Царское Село: знакомое и незнакомое. М., 2009. С. 255.

[17] П. С. Садовников. Экипажный сарай. Санкт-Петербург. Б. г. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2319-XIII).

[18] А. Ф. Видов. Фасад экипажного сарая во дворе Нижних конюшен. Санкт-Петербург. 1886 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2308-XIII); А. Ф. Видов. Фасад одноэтажного сарая. 1870–1880-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2309-XIII).

[19] РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 11. 1882 г. Л. 83. О передаче в ведение дворцового управления построек ПКЧ в Царском Селе и Петергофе.

[20] П. С. Садовников. План на устройство жилой палаты, кухни и комнаты для просушки. Б. г. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2269-XIII).

[21] *Семенова Г. В.* Царское Село: знакомое и незнакомое. С. 255.

[22] РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 390. 1868 г. Л. 4–6. О помещениях в Царском Селе и Петергофе.

[23] Там же. Л. 4.

[24] РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 11. 1882 г. Л. 27, 83. О передаче в ведение дворцового управления построек Придворно-конюшенной части в Царском Селе и Петергофе.

[25] Имеется в виду жилой корпус по ул. Конюшенной.

[26] РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 11. 1882 г. Л. 27. О передаче в ведение дворцового управления построек ПКЧ в Царском Селе и Петергофе.
[27] А. Ф. Видов. План жилого флигеля № 1 при нижней конюшне. Б. г. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2283-XIII).
[28] П. С. Садовников. План нижним конюшням. Б. г. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2272-XIII).
[29] А. Ф. Видов. План главным конюшням ведомства Царскосельского дворцового правления. 1866 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2306-XIII); А. Ф. Видов. План нижней конюшни в Царском Селе. 1870 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2307-XIII).
[30] А. Ф. Видов. Чертеж «План нижних конюшен дворцового ведомства». 1894 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2294-XIII).
[31] А. Ф. Видов. План нижних конюшен с обозначением предполагаемых изменений. Б. г. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2280-XIII).
[32] А. Р. Бах. План квартала, занимаемого зданиями нижних конюшен. 1904 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2285-XIII).
[33] РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2482. 1822 г. Л. 2. О постройке в Царском Селе Придворной Дежурной конюшни.
[34] *Яковкин И. Ф.* История Села Царского. С. 61.
[35] П. С. Садовников. Разрез и план II этажа Дежурной конюшни. 1850-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-557-XIII).
[36] П. С. Садовников. Генеральный план здания Дежурной конюшни. 1868 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-549-XIII).
[37] П. С. Садовников. План Дежурной конюшни и отхожих мест. 1868 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-552-XIII).
[38] П. С. Садовников. Генеральный план строениям ведомства Придворной Конюшенной конторы и Дворцового правления в Царском Селе. 1860-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-558-XIII).
[39] РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 11. 1882 г. Л. 45, 70, 83. О передаче в ведение дворцового управления построек Придворно-Конюшенной части в Царском Селе и Петергофе.
[40] Там же. Л. 70.
[41] С. А. Данини. План Дежурных конюшен. Конец 1890-х гг. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-567-XIII).
[42] РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 333. 1844–1854 гг. Л. II–IV. Списки чинов и служителей Придворно-Конюшенной Конторы, находящихся в летнее время в Царском Селе и Петергофе.
[43] РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 390. 1868–1875 гг. Л. 4. О помещениях в Царском Селе и Петергофе.
[44] Там же. Л. 17, 40.
[45] Там же. Л. 39.
[46] Там же. Л. 64.
[47] С. А. Данини. План Дежурных конюшен. Конец XIX в. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-567-XIII).
[48] Ныне жилой дом: улица Леонтьевская, 4.
[49] П. С. Садовников. Фасад флигеля при Дежурных конюшнях. 1857 (ГМЗ «Царское Село». Инв. ЕД-555-XIII).
[50] П. С. Садовников. План 1-го, 2-го и 3-го этажей (каменного флигеля при) Дежурной конюшни. Вторая половина XIX в. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-547-XIII).
[51] РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 11. 1882 г. Л. 74.
[52] Неизвестный автор. План 1-го и 2-го этажей Верхней конюшни. Вторая половина XIX в. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-553-XIII).

[53] П. С. Садовников. Разрез, фасад, план дома при Дежурной конюшне. 1850-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-561-XIII).
[54] А. Ф. Видов. Разрез, фасад, план Дежурной конюшни. Вторая половина XIX в. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-563-XIII).
[55] П. С. Садовников. Проект деревянных сараев и кладовой к постройке во дворе при дежурной конюшне. 1868 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2383-XIII).
[56] РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2499. 1899 г. Л. 19 об. О переустройстве Верхних и Нижних конюшен в Царском Селе.
[57] РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 617. 1909–1910 гг. Л. 6. О предоставлении в распоряжение Придворно-конюшенной части кавалерского дома № 2 по Садовой ул. в Царском Селе.
[58] Там же.
[59] Фердинанд Каналоши-Лефлер (1817–1877) — полковник, генерал-майор, военно-походный шталмейстер.
[60] РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 390. 1868–1875 гг. Л. 6. О помещениях в Царском Селе и Петергофе.
[61] РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 617. 1909–1910 гг. Л. 6. О предоставлении в распоряжение Придворно-конюшенной части кавалерского дома № 2 по Садовой ул. в Царском Селе. (Там же содержатся сведения о жильцах дома с 1896 по 1910 г.).
[62] *Цылов Н. И.* Атлас города Царского села: с планами города и императорских садов и парков: с подробным показанием улиц, переулков, казенных и обывательских домов и водопроводов. СПб., 1857. Л. 11. (Участок 270 или № 20 по Леонтьевской улице отмечен как принадлежащий ПКК).
[63] РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 11. 1882 г. Л. 67. О передаче в ведение дворцового управления построек Придворно-Конюшенной части в Царском Селе и Петергофе.
[64] Там же. Л. 29.
[65] *Вильчковский С. Н.* Царское Село. СПб., 1911. С. 52.
[66] Дворец-дача В. П. Кочубея (Запасной дворец, Владимирский дворец). Расположен на Садовой улице, 22. Построен в 1817–1824 гг. по замыслу Александра I. В строительстве участвовали архитекторы П. В. Неелов, А. А. Менелас и В. П. Стасов.
[67] *Моня В. С.* Дворец-дача князя Виктора Павловича Кочубея в Царском Селе. СПб., 2013. С. 77.
[68] И. И. Шарлемань. Проект деревянного флигеля для конюшенной прислуги на даче Е. И. В. князя Николая Николаевича старшего. 1857 (ГМЗ «Царское Село». Инв. ЕД-2352-XIII); И. А. Монигетти. Генеральный план конюшенного двора при Царскосельском запасном дворце. Б. г. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2353-XIII).
[69] *Моня В. С.* Дворец-дача князя Виктора Павловича Кочубея в Царском Селе. С. 82.
[70] РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 1174. 1863 г. Л. 1. Дело конторы конюшенного отделения Государя наследника цесаревича.
[71] Христиан Христианович Тацки (1833–1900) — архитектор. В 1863 г. за постройки для великого князя Николая Александровича в Царском Селе был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.
[72] РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 1174. 1863 г. Л. 9.
[73] Х. Х. Тацки. Наследницкая конюшня. 1860 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2340-XIII).
[74] РГИА. Ф. 477. Оп. 11. Д. 1223. 1866 г. Л. 2–4. О постройке добавочных зданий в Царском селе.
[75] Там же. Л. 14.
[76] Там же. Л. 55.
[77] *Моня В. С.* Дворец-дача князя Виктора Павловича Кочубея в Царском Селе. С. 102. Историко-архитектурный план участка Запасного дворца в Царском Селе.

[78] РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 390. 1868–1875 гг. Л. 6. О помещениях в Царском Селе и Петергофе (см. приложение 2).
[79] А. Ф. Видов. План общего расположения конюшенных зданий. Б. г. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2370-XIII).
[80] А. Ф. Видов. Дом, занимаемый унтер-шталмейстером двора. 1876 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2343-XIII); А. Ф. Видов. План дома в городе Царском Селе, на углу Пашкова переулка и бульвара. 1880-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2344-XIII).
[81] Неизвестный автор. План 1-го и 2-го этажей и изъяснение плана. 1860-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2345-XIII); А. Ф. Видов. Фасад жилого флигеля, сараев и шорной при конюшнях в Пашковом переулке. 1880-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2329-XIII).
[82] А. Ф. Видов. Фасад служб и забора с воротами при доме по Пашкову переулку. 1871 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2341-XIII).
[83] А. Ф. Видов. Каменный жилой флигель при конюшнях. 1869 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2369-XIII).
[84] Конюшни при Запасном дворце в Пашковом переулке. См.: А. Ф. Видов. План и фасад деревянной конюшни в связи с жилым флигелем во дворе конюшни. 1884 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2332-XIII).
[85] А. Ф. Видов. План конюшен, наследника цесаревича в Пашковом переулке. 1880-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2328-XIII); А. Р. Бах. План II этажа каменного двухэтажного надворного флигеля. 1905 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2349-XIII).
[86] Конюшни при Запасном дворце в Пашковом переулке. См.: План конюшен во дворе при конюшнях Его Императорского Величества. Б. г. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2331-XIII).
[87] Конюшни при Запасном дворце в Пашковом переулке. см.: А. Ф. Видов. Фасад и план экипажного и теплого для мытья экипажей сараев при конюшнях. 1880-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2333-XIII).
[88] А. Ф. Видов. План и фасад кузницы при конюшнях его императорского величества. Б. г. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2348-XIII).
[89] А. Ф. Видов. Конюшни для ямских лошадей в Пашковом переулке. 1887 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2346-XIII).
[90] А. Ф. Видов. План конюшни на 48 стойл для собственных его величества лошадей. 1876 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2321-XIII); А. Ф. Видов. Фасад конюшен на 48 стойл для собственных его величества лошадей. 1880-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2322-XIII).
[91] А. Ф. Видов. Фасад и разрез Экипажного сарая при Запасном дворце. 1880-е (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2324-XIII).
[92] А. Ф. Видов. Генеральный план места с обозначением существующих зданий конюшен его высочества. 1872 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2354-XIII).
[93] *Цылов Н. И.* Атлас города Царского села… Л. 38.
[94] *Вильчковский С. Н.* Царское Село. С. 278
[95] РГИА. Ф. 477. Оп. 3. Д. 11. 1882 г. Л. 79. О передаче в ведение дворцового управления построек ПКЧ в Царском Селе и Петергофе.
[96] А. Ф. Видов. План дворового места, занимаемого полевыми конюшнями дворцового управления в Царском Селе. 1888 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2356-XIII).
[97] А. Ф. Видов. Фасад конюшни полевой части и фасад фуражного сарая. 1875 (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-2359-XIII).

Векшин Владимир Алексеевич

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ДЕРЕВЕНКО — ЛИЧНЫЙ ВРАЧ И УЧИТЕЛЬ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА

Одной из значительных фигур в жизни цесаревича Алексея Николаевича являлся лейб-хирург В. Н. Деревенко. Ученый, практикующий врач, организатор, он волею судьбы оказался свидетелем и участником «жизни во дворце» последнего российского царя, а после отречения императора последовал вместе с императорской семьей в Тобольск и Екатеринбург.

В. Н. Деревенко родился 15 июля 1879 г.[1] в Белецком уезде Бессарабской губернии в семье личного дворянина Н. Д. Деревенко и кишиневской мещанки В. И. Бадимо[2]. В 1899 г. закончил Кишиневскую 1-ю классическую гимназию и поступил в Императорскую военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге, которую окончил с отличием в 1904 г. Как лучший выпускник на курсе, Деревенко был оставлен в академии для совершенствования хирургической деятельности. Однако из-за того, что срок прикомандирования начинался только с декабря 1904 г., он был временно командирован в Керчь на должность врача Керченской крепостной артиллерии, а через несколько недель переведен из Керчи в Бендеры в 55-й Подольский пехотный полк, в составе которого оказался на театре военных действий в Манчжурии. За участие в Русско-японской войне был награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и Св. Анны 3-й ст. с мечами.

В мае 1905 г. Деревенко был откомандирован из армии в Военно-медицинскую академию, где начал работать ординатором в Госпитальной хирургической клинике под руководством заведующего клиникой профессора С. П. Федорова[3]. В 1908 г. защитил докторскую диссертацию[4] и был командирован на два года за границу для усовершенствования и подготовки к преподавательской деятельности. В декабре 1910 г., вернувшись в Россию, продолжил работать в клинике С. П. Федорова, получил звание приват-доцента по кафедре госпитальной хирургии и начал читать лекции по урологии студентам Военно-медицинской академии.

Ил. 1. В. Н. Деревенко. Фотография. 1920-е

В 1912 г. жизнь военного врача В. Н. Деревенко сильно изменилась. В октябре он был срочно командирован в императорское охотничье имение Спала в Царстве Польском на помощь врачам С. П. Федорову, Е. С. Боткину[5], С. А. Острогорскому[6] и К. А. Раухфусу[7], которые были вызваны для лечения резко обострившейся болезни цесаревича Алексея[8].

После произошедшего в Спале обострения гемофилии[9], чуть не стоившего наследнику жизни, было решено организовать постоянное дежурство врача-хирурга при цесаревиче. Выбор пал на В. Н. Деревенко, который имел богатый опыт работы хирургом, а также ряд экспериментальных исследований по механизму свертывания крови. С октября 1912 г. В. Н. Деревенко был прикомандирован к Алексею Николаевичу и пожалован в почетные лейб-хирурги[10].

У больного гемофилией цесаревича даже при небольших ушибах возникали длительные кровопотери, а кашель при простудах приводил к почечным кровотечениям и кровоизлияниям в паху. Особенно беспокоили мальчика внутрисуставные гематомы коленных и локтевых суставов, которые вызывали сильные боли, нарушение функции конечности и ее деформацию. Деревенко в течение шести лет прилагал все возможные усилия для остановки кровотечений, ускорения рассасывания гематом, профилактики и лечения суставов с помощью массажа, грязевых ванн, физиотерапии электрическим током и изобретенных им ортопедических приспособлений и аппаратов[11].

Несмотря на свою постоянную занятость при дворе[12], Деревенко продолжал числиться в штате клиники Федорова при Военно-медицинской академии. Заведующий канцелярией императрицы Александры Федоровны граф Я. Н. Ростовцев несколько раз поднимал вопрос о назначении В. Н. Деревенко штатным хирургом при Его

Ил. 2. Цесаревич Алексей Николаевич рядом с В. Н. Деревенко в автомобиле. На заднем сиденье боцман А. Е. Деревенько. Фотография. 1913–1914. Архив Йельского университета

Высочестве, основываясь на том, что из-за необходимости постоянно жить при цесаревиче ему невозможно выделять достаточно времени для работы в академии[13]. Однако императрица Александра Федоровна откладывала учреждение новой штатной должности.

Деревенко была предоставлена квартира в Царском Селе в полуциркуле Екатерининского дворца[14], где он проживал вместе с матерью, женой[15] и приемным сыном[16]. Позже Деревенко вместе с семьей перебрался в один из домиков Китайской деревни[17]. Кроме того, на втором этаже Александровского дворца, рядом с покоями наследника, для лейб-медиков была выделена комната, которую можно было занимать во время дежурства[18].

В январе 1914 г., после упразднения должностей приват-доцентов при Военно-медицинской академии, Деревенко был назначен младшим врачом 95-го Красноярского пехотного полка с прикомандированием к Военно-медицинской академии[19]. Несмотря на формальность этого назначения, после начала Первой мировой войны доктор был вызван в полк. Чтобы избежать призыва к месту службы, потребовалось вмешательство министра императорского двора графа В. Б. Фредерикса[20]. В июле 1914 г. В. Н. Деревенко был

Ил. 3. План второго этажа Александровского дворца. Деталь. 1. Игральная наследника 2. Спальня наследника. 3. Классная наследника. 4. Учительская. 5. Комната дежурных докторов — В. Н. Деревенко и Е. С. Боткина. ГМЗ «Царское Село»

Ил. 4. В. Н. Деревенко, С. П. Федоров и П. Жильяр с цесаревичем Алексеем Николаевичем. Фотография. 1913–1914

переведен на службу младшим врачом в Собственный Его Императорского Величества Конвой с оставлением при цесаревиче [21].

С осени 1914 и до августа 1917 г., помимо заботы о наследнике, Деревенко работал старшим врачом Лазарета № 41 для раненых воинов, который был открыт императрицей Александрой Федоровной в Большом Царскосельском дворце [22]. С 1916 г. по просьбе А. А. Вырубовой он также являлся главным врачом-хирургом в созданном ею Серафимовском лазарете-убежище № 79 для воинов-калек [23].

Во время Первой мировой войны цесаревич Алексей несколько раз сопровождал отца в его поездках в действующую армию. Обычно Николай II брал с собой из врачей только лейб-хирурга С. П. Федорова, однако Деревенко часто приезжал в Ставку в Могилев для замены профессора Федорова, уезжавшего в Петроград для чтения лекций. По просьбе императрицы Владимир Николаевич писал подробные письма с отчетами о здоровье цесаревича. Копия одного из них сохранилась в собрании рукописных материалов ГМЗ «Царское Село» (см. приложение 1). Здесь же хранится копия дневника П. Жильяра [24] за 1915 г., из которого видно, что доктор уделял много времени не только лечению, но и воспитанию наследника. По вечерам Владимир Николаевич часто читал цесаревичу вслух [25]. Алексей Николаевич в своем дневнике также многократно упоминал В. Н. Деревенко [26].

Как следует из письма учителя П. В. Петрова [27], в январе 1917 г. доктор Деревенко начал преподавать цесаревичу курс естествознания [28]. Об этом же свидетельствует сохранившийся в архиве рапорт

Ил. 5. В. Н. Деревенко с супругой в вагоне поезда перед отъездом в Тобольск Фотография. Август 1917

о назначении В. Н. Деревенко вознаграждения за уроки, на котором императрица Александра Федоровна оставила надпись на английском языке: «Don't know how many lessons he will give him depends whether Ал. Ник. will be at the Ставка then those lessons fall out, now he has had very few with D-r Дерев.: as he has not been quite well» («Не знаю, сколько уроков он даст ему, зависит от того, будет ли Ал. Ник. в Ставке, когда эти уроки выпадают, сейчас у него было очень мало с Д-р Дерев.: так как он был не совсем здоров») [29].

В марте 1917 г. по постановлению Временного правительства семья императора была заключена под арест в Царском Селе. Доктор Деревенко добровольно остался вместе с арестованными в Александровском дворце. По воспоминаниям Т. Е. Мельник, В. Н. Деревенко в эти месяцы продолжал вести курс естествоведения [30]. Находясь во дворце под арестом и не имея возможности выйти в город, Владимир Николаевич писал графу Я. Н. Ростовцеву письма с просьбой уладить его дела (см. приложение 2).

31 июля 1917 г. царская семья была выслана в Тобольск, а в конце апреля — мае 1918 г. переведена в Екатеринбург. В. Н. Деревенко

Ил. 6. В. Н. Деревенко (?). Вид части Собственного садика при Александровском дворце
Акварель. 1916. ГМЗ «Царское Село»

разрешили последовать за ними, но поселили отдельно, позволив, однако, регулярные посещения больного Алексея Николаевича. Последнее упоминание о визите врача встречается в дневнике Александры Федоровны 2 июля 1918 г.[31]

После взятия города белыми 25 июля 1918 г. В. Н. Деревенко оставался в Екатеринбурге, участвуя в следственных действиях комиссии по расследованию обстоятельств гибели царской семьи. В это же время Владимир Николаевич был назначен заведующим хирургическим отделением городского лазарета.

В декабре 1918 г. В. Н. Деревенко с семьей переехал в занятую белыми Пермь и приступил к работе в хирургической клинике Пермского университета. При подходе к Перми частей Красной армии в июле 1919 г. вместе с другими преподавателями университета он был эвакуирован в Томск, где активно оперировал в Томском военном госпитале, продолжая работу в нем и после установления в крае советской власти в декабре 1919 г.[32]

С января по август 1920 г. Владимир Николаевич в должности приват-доцента Томского университета по кафедре факультетской

хирургической клиники читал студентам курс лекций по урологии. К началу учебных занятий 1920 г. вернулся в Пермь и был избран ученым советом заведующим кафедрой факультетской хирургии и первым директором хирургической клиники Пермского университета[33].

В октябре 1923 г. В. Н. Деревенко принял приглашение возглавить кафедру хирургических болезней Екатеринославского медицинского института и переехал из Перми в Екатеринослав (Днепропетровск). С работ профессора началась история урологии Днепропетровской медицинской академии[34].

28 декабря 1930 г. В. Н. Деревенко был арестован органами ГПУ по надуманному обвинению и в августе 1931 г. приговорен к 5 годам лишения свободы; отбывал наказание в 5-й стройколонии Днепростроя, где работал врачом. В июле 1933 г. Владимир Николаевич был досрочно освобожден, но остался работать консультантом-хирургом при Соматической больнице и трех поликлиниках Медсануправления Днепростроя[35]. В последние годы работал в Днепропетровске и Запорожье[36]. Скончался В. Н. Деревенко в 1936 г. в Днепропетровске, спеша на вызов к больному[37].

В. И. Яковлев, заведующий дворцами-музеями Детского Села и Павловска в 1920-е гг., упоминал в своей книге, что В. Н. Деревенко во время отдыха после дежурства любил рисовать и лепить из глины[38]. Его акварели находились в спальне наследника и комнате А. А. Теглевой на втором этаже Александровского дворца[39]. В настоящее время в собрании музея-заповедника «Царское Село» хранится одна акварель, подписанная «В. Д. 1916»[40]. На ней изображен цветущий садик около Александровского дворца, тот садик, который видели из дворцовых окон наследник-цесаревич и его врач и учитель Владимир Николаевич Деревенко.

Приложение 1

Копия письма В. Н. Деревенко императрице Александре Федоровне. Могилев. 1916 г. (ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-404/13-XV). Письмо хранилось в ларце в алькове спальни Александры Федоровны:

«31/V/ Ваше Императорское Величество.

Дня 2 стояла сильная жара и духота, было так тепло, что Алексею Николаевичу было разрешено бегать по песку на берегу Днепра

босиком и даже входить в воду, t которой = 18–19°R. Это обстоятельство дало основание Алексею Николаевичу просить разрешения купаться. Сергей Петрович[41] и я, обсуждая эту просьбу, пришли к заключению, что ее можно было бы удовлетворить при условии, что день будет ясный, теплый, без ветра, что t воды будет не ниже 19° и что А. Н. будет сидеть в воде не больше 5–8', а затем оденется и отдохнет на солнце. Наше совещание и результаты совещания не имеют силы закона без санкции Вашего Величества и на этот счет А. Н. поставлен в известность. Ведет он себя хорошо и если временами выходит из границ дозволенного, то в этом виноваты отчасти и взрослые.

Вчера (30/V) утром А. Н. с Августейшим Отцом молился перед Чудотворной Иконой Божией Матери Владимирской. Молебен совершался перед Ставкой на площади. Шел дождь. После молебна А. Н. с сырой головой бегал и в результате сегодня у него насморк. Рука (левая), которая почти прошла, сегодня в течение нескольких часов перестала сгибаться. На боли А. Н. не жалуется и настроение духа остается очень хорошим. Я думал было просить разрешения Вашего Величества начать здесь лечение грязями, но рассудил, что лечить здесь чем бы то ни было, а тем более грязями абсолютно невозможно, так как Алексей Николаевич весь день проводит на людях и весь день занят по горло, а между тем левый локоть настоятельно требует энергичного лечения. Дело в том, что в суставе в результате повторных экссудатов развиваются, в конце концов, стойкие изменения, которые могут помешать функциям сустава. Только что Его Высочество передал мне Высокомилостивый привет вашего Величества. Глубоко тронутый, я прошу Ваше Величество и Великих Княжон принять чувства моей сердечной благодарности и преданности.

Вашего Императорского Величества преданный слуга В. Деревенко».

Приложение 2

Письмо В. Н. Деревенко графу Я. Н. Ростовцеву. Александровский дворец. 1917 г. (РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 215/2713. Д. 237. Л. 53, 54).

«24/III/ Глубокоуважаемый граф Яков Николаевич.

В виду ликвидации дел и штатов Министерства Двора и заведываемой Вами канцелярии я оказываюсь в самом неопределенном положении. Штатные чины бывшего Двора, вероятно, получат пенсию; такие слухи ходят и эти слухи, на мой взгляд, весьма правдоподобны. Я не был в штате и в этом отношении мое положение наихудшее, хуже, во всяком случае, чем положение преподавателей или гувернеров. У преподавателей остаются, по крайней мере, штатные места в министерстве, гувернеры, вероятно, останутся на прежних основаниях, что же касается меня, то мое положение, повторяю, является весьма неопределенным. Как Вам известно, я — военный врач и числился в Конвое. Конвой расформировывается и я остаюсь за штатом в распоряжении Военно-санитарного инспектора. До поры, до времени, и как это будет долго тянуться — никому не известно, я остаюсь здесь, в заключении. Когда меня выпустят, я окажусь вместе с семьей и в буквальном и переносном смысле слова на улице, без квартиры и без мебели, т. к. переходя на службу сюда, я все распродал. Нужно вновь устраиваться и те гроши, которые я накопил, все уйдут. Оставаться без Алексея Николаевича я не могу, так как я военный врач и обязан служить не там, где хочу, а там, где начальство прикажет.

Ни хлопотать, ни искать место и квартиры я не могу, так как сижу и никуда выйти не могу. В виду этого я счел вполне уместным обратиться к Вам с покорнейшей просьбой выяснить мне на что я могу надеяться и рассчитывать в будущем и могу ли я на что-нибудь рассчитывать. Вопрос о включении меня в штат, что было бы вполне естественным, я поднимал больше 2 лет тому назад, но это не прошло — рекомендовали ждать конца войны. Это уже не моя вина, как Вы изволите видеть. Число лиц, состоящих при Алексее Николаевиче, было минимально и служба моя была далеко не легкой. Она не давала мне возможности заниматься научной или практической деятельностью. Но если я de jure не был в штате, de facto я состоял в нем, исполняя обязанности и врача, и преподавателя. В настоящее время мне грозит опасность остаться на улице без угла. Это очень печально и очень несправедливо. <…> Ваш покорный слуга В. Деревенко».

[1] Дата 15 июля взята из автобиографии В. Н. Деревенко, написанной в 1933 г. (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 29. Л. 1). В послужном списке, составленном в 1913 г., указана другая дата рождения: 29 июля (РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 215/2713. Д. 237. Л. 1).

[2] По сведениям из автобиографии В. Н. Деревенко родился в семье служащего — агронома (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 29. Л. 1).

[3] Федоров Сергей Петрович (1869–1936) — доктор медицины (1895), профессор Военно-медицинской академии (1903), почетный лейб-хирург (1909), лейб-хирург (1912), директор Ленинградского института хирургической невропатологии (1926–1933), основатель крупнейшей отечественной хирургической школы, «отец русской урологии». Первым из отечественных хирургов был награжден орденом Ленина (1933).

[4] Диссертация на степень доктора медицины «К вопросу об оперативном лечении невралгий тройничного нерва».

[5] Боткин Евгений Сергеевич (1865–1918) — доктор медицины (1893), почетный лейб-медик (1905), лейб-медик (1908). Сопровождал Николая II в ссылку в Тобольск и Екатеринбург, расстрелян вместе с царской семьей.

[6] Острогорский Сергей Алексеевич (1867–1934) — доктор медицины (1895), почетный лейб-педиатр (1907).

[7] Раухфус Карл Андреевич (1835–1915) — доктор медицины (1869), лейб-педиатр (1876).

[8] Больной гемофилией Алексей Николаевич получил травму, повлекшую массивное внутреннее кровотечение и воспалительный процесс с высокой температурой. Наследник несколько дней находился в критическом состоянии.

[9] Гемофилия — неизлечимое наследственное заболевание, связанное с нарушением процесса свертывания крови. При этом заболевании возникают кровоизлияния в суставы, мышцы и внутренние органы, как спонтанные, так и в результате травм.

[10] Высочайший приказ № 34 по Министерству Императорского двора от 6 декабря 1912 г.: «Жалуется врач для командировок VII разряда при Клиническом военном госпитале, доктор медицины надворный советник Владимир Деревенко в почетные лейб-хирурги Двора его императорского величества с оставлением в занимаемой должности» (РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 215/2713. Д. 237. Л. 9).

[11] *Давыдов М. И.* Лейб-хирург императорской семьи Романовых В. Н. Деревенко и его роль в становлении уральской и отечественной урологии // Урология. 2014. № 2. С. 91.

[12] По свидетельству Т. Е. Мельник, дочери Е. С. Боткина, в императорской семье уважали и любили доктора Деревенко, «…к которому Алексей Николаевич очень привязался» (см.: *Мельник Т. Е.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 26).

[13] РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 215/2713. Д. 237. Л. 5.

[14] Правый полуциркуль Большого дворца, квартира № 12 (РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 215/2713. Д. 237. Л. 10).

[15] В. Н. Деревенко был женат на вдове младшего врача Севастопольской крепостной артиллерии Марии Степановне Задеркавской.

[16] Деревенко Николай Владимирович (1906–2003?) — приемный сын (пасынок) В. Н. Деревенко; друг цесаревича Алексея. В 1920-е гг. жил и учился в Днепропетровске. Эмигрировал, последние годы проживал в Бразилии. Жильяр вспоминал: «…я был особенно озабочен приисканием наследнику товарищей. <…> Доктор Деревенко имел сына одних, приблизительно, лет с наследником. Дети познакомились и вскоре подружились; не проходило воскресенья, праздника или дня отпуска, чтобы они не встречались. Наконец они стали видаться ежедневно, и цесаревич получил даже разрешение посещать доктора Деревенко, жившего на маленькой даче недалеко от дворца. Он часто проводил там всю вторую половину дня в играх со своим другом» (*Жирарден Д., Жильяр П.* Рядом с царской семьей. М., 2006. С. 179).

[17] РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 215/2713. Д. 237. Л. 57.

[18] Эту комнату В. Н. Деревенко делил с Е. С. Боткиным (см.: *Яковлев В. И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе: убранство (вместо каталога). [Детское село], 1928. С. 417).

[19] РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 215/2713. Д. 237. Л. 14, 25, 31.

[20] РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 95. Л. 2.

[21] Там же. Л. 4, 8.

[22] Подробнее о Лазарете № 41 см.: *Векшин В. А.* Неизвестные фотографии Екатерининского парка и лазарета в Екатерининском дворце. 1915–1917 гг. // Сады и парки. Энциклопедия стиля: Материалы XXV Царскосельской научной конференции. СПб., 2019. Ч. 1. С. 107–120.

[23] РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.

[24] Жильяр Пьер (1879–1962) — учитель французского языка и наставник цесаревича Алексея Николаевича.

[25] ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-406/12-XV.

[26] В своем дневнике Алексей Николаевич называет доктора по имени и отчеству, инициалами и один раз по прозвищу, которое он ему придумал: «Синий» (Цесаревич: документы, воспоминания, фотографии. М., 1998. С. 108–178).

[27] Петров Петр Васильевич (1858–1918) — тайный советник, подполковник, чиновник особых поручений главного управления военно-учебных заведений, старший учитель, преподаватель словесности и воспитатель детей Николая II.

[28] «С возобновлением учебных занятий после Рождественских каникул Е. И. В. наследник-цесаревич приступил к изучению курса естествознания под руководством почетного лейб-хирурга, доктора В. Н. Деревенко» (РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 215/2713. Д. 237. Л. 49).

[29] РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. оп. 215/2713. Д. 237. Л. 50.

[30] *Мельник Т. Е.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. С. 59.

[31] Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. Т. 2. М., 2012. С. 502.

[32] *Ронжин С. Г., Некрылов С. А.* Владимир Николаевич Деревенко — чести не уронивший // Бюллетень сибирской медицины. 2010. № 3. С. 153.

[33] *Давыдов М. И.* Лейб-хирург императорской семьи Романовых В. Н. Деревенко и его роль в становлении уральской и отечественной урологии // Урология. 2014. № 2. С. 91; *Заривчацкий М. Ф. и др.* Владимир Николаевич Деревенко — пермский период работы // Вестник хирургии. 2014. Т. 173. № 5. С. 85.

[34] *Шевцова З. И., Гапонов В. В.* Страницы жизни лейб-медика семьи Николая II Владимира Николаевича Деревенко // Гастроэнтерология. 2013. № 4. С. 105.

[35] ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 29. Л. 4.

[36] *Шевцова З. И., Гапонов В. В.* Страницы жизни лейб-медика семьи Николая II Владимира Николаевича Деревенко. С. 106.

[37] Незадолго до смерти, в своем единственном интервью, Николай Деревенко сообщил, что его отчим скончался весной 1936 г. в Днепропетровске и был похоронен на ныне несохранившемся Севастопольском кладбище.

[38] *Яковлев В. И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. С. 418.

[39] Там же. С. 403, 423.

[40] ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-428-XI.

[41] С. П. Федоров.

Вершевская Марина Виловна

«СТАРАНИЕМ И УСЕРДИЕМ ПЛАЦ-МАЙОРА ПОДУШКИНА…»

К ИСТОРИИ ИКОН В ВОРОТАХ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

В одном из залов экспозиции «История Петропавловской крепости» в Невской куртине представлены иконы из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. В центре — образ святых Александра Невского и Георгия Победоносца с изображением знамения в верхней части иконы. Двусторонняя витрина позволяет прочесть на обороте надпись, сделанную темной краской: «Стараніемъ и усердіемъ плацъ маиора / и кавалера егора михайловича подушкина / 1822го года марта 1го дня»[1]. На иконе, помещенной в горизонтальной витрине, — святитель Николай Чудотворец, над ним небольшие изображения Спасителя и Богоматери. На тыльной стороне этой иконы также имеется надпись: «Сей: святы: образъ: угодніка: господня: Николая: / пісань: в. 1810. году: месяца. июля: 10 дня: прі каме: / нданте: Павла: андрейча: Сафонова: и плацъ маіоре: Егорь: михаілаче: падушкіна»[2]. В ГМИ СПб находятся еще две иконы — «Богоматерь Знамение» и «Христос Вседержитель с апостолами Петром и Павлом» — с подобными надписями о плац-майоре Подушкине, датированными февралем и июлем 1819 г.[3]

История происхождения и бытования этих икон рассматривается впервые[4]. Как удалось установить, в XIX — начале XX в. они находились в крепостных воротах, так что их видел каждый входивший в Петропавловскую крепость. Об этом примечательном, но забытом эпизоде крепостной истории пойдет речь в статье[5].

Прежде всего, возникает закономерный вопрос — какое отношение имел к иконам в воротах плац-майор Е. М. Подушкин? Не вызывает сомнения, что исключительно по его просьбе были сделаны надписи о «старании и усердии». Жертвовал ли он свои деньги или в реальности обстоятельства складывались иначе? Можно ли найти в архивных документах упоминания об этих иконах? Основными источниками для поиска ответов послужили материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве

в фондах № 1280 (Управление коменданта Санкт-Петербургской крепости) и № 816 (Петропавловский собор), а также в Рукописно-документальном фонде ГМИ СПб.

Сначала приведем краткие сведения о самом Егоре Михайловиче Подушкине. Происходил он из мелкопоместных дворян Новгородской губернии[6]. Вступив молодым человеком в военную службу в лейб-гвардии Гренадерский полк, в 1796 г. был определен подпоручиком в гарнизон Санкт-Петербургской крепости[7], где за тридцать лет значительно преуспел в продвижении по служебной лестнице: к 1805 г. состоял плац-адъютантом, а с 1808 г. — плац-майором, вторым лицом после коменданта. Не обойден был чинами и наградами: в 1819 г. произведен в подполковники, в январе 1826 г. — в полковники, стал кавалером орденов Св. Анны 2 ст. с алмазами, Св. Владимира 4 ст., Св. Георгия 4 ст. и др.[8]

В должности плац-майора Е. М. Подушкин начал служить в бытность комендантом генерал-лейтенанта П. А. Сафонова[9], а завершил при генерале от инфантерии А. Я. Сукине[10]. Широкий круг обязанностей плац-майора как заместителя коменданта был обусловлен особым значением Петропавловской крепости, расположенной в центре столицы и постоянно находившейся на виду у императора и высшего военного начальства. Петропавловский собор имел статус кафедрального храма, являлся царской усыпальницей. В казематах содержались наиболее важные политические узники.

Помимо наблюдения за внешним порядком, нарядом караулов, отоплением и освещением гарнизонных казарм, за тюремными помещениями и арестантами, как было в других крепостях, плац-майор нес ответственность за сохранность надгробий в соборе, за целостность размещенных там военных трофеев, за общий порядок и чистоту в храме. Он же осуществлял надзор и за ботиком Петра I, который хранился в Ботном здании. Обо всем этом говорится в должностных инструкциях и других документах[11].

В крепости плац-майору полагалось служебное жилье. С женой и двумя дочерями[12] Подушкин проживал в плац-майорском доме[13]. На Петербургской стороне, на Бармалеевой улице, в частном владении семьи находились два участка с деревянными домами и хозяйственными постройками[14].

О личности плац-майора Подушкина оставили весьма нелестные отзывы многие из находившихся в крепости декабристов, отмечая его корыстолюбие и стремление к собственной выгоде[15].

Ил. 1. Николай Чудотворец. Икона в окладе из Никольских ворот. 1810. ГМИ СПб

После подавления восстания на Сенатской площади, завершения следствия и вынесения приговора по делу декабристов Подушкин был в числе награжденных и получивших повышение по службе[16]. С другой стороны, документы крепостного делопроизводства свидетельствуют, что в течение многих лет отношение плац-майора к своим обязанностям было далеко не безукоризненным. Несколько раз при нем случались побеги арестантов, правда, не политических, но тем не менее о каждом подобном событии становилось известно императору, поскольку речь шла о чрезвычайных происшествиях в «русской Бастилии»[17]. Несмотря на явные упущения ему до поры все сходило с рук[18]. Однако в 1827 г., когда вскрылись многочисленные попустительства заключенным полякам, небескорыстные

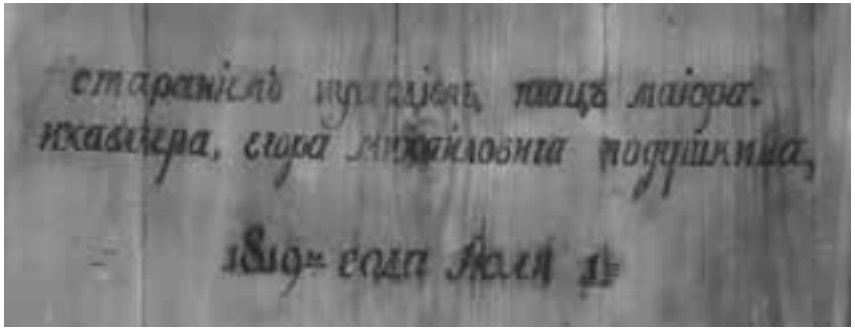
Ил. 2. Знамение, Святые Александр Невский и Георгий Победоносец
Икона из Невских ворот. 1822. ГМИ СПб

со стороны плац-майора, он был арестован. Пробыв два месяца на крепостной гауптвахте, Е. М. Подушкин лишился занимаемой должности и был переведен «по армии»[19].

Но вернемся к возложенным на плац-майора обязанностям. Перечень их был бы неполным, если не упомянуть, что непродолжительный период в его ведении находились иконы на обер-офицерской гауптвахте крепости, в кордегардиях (караульных помещениях) и в четырех крепостных воротах — Иоанновских, Петровских, Невских и Никольских[20]. Такой порядок просуществовал до 1822 г., когда последовал «словесный приказ» коменданта А. Я. Сукина о передаче этих образов в ведение настоятеля Петропавловского собора протоиерея Стахия Колосова[21].

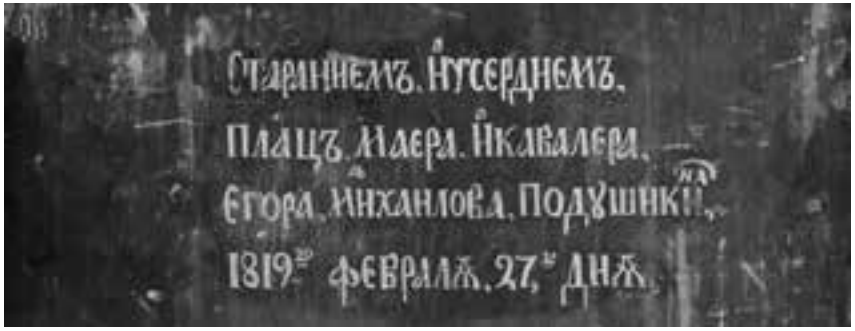
Ил. 3. Христос Вседержитель с апостолами Петром и Павлом
Икона из Петровских ворот. 1819. ГМИ СПб

Ил. 4. Надпись о плац-майоре Е. М. Подушкине на тыльной стороне иконы «Христос Вседержитель с апостолами Петром и Павлом». ГМИ СПб

Ил. 5. Богоматерь Знамение. Икона из Иоанновских ворот. Начало XIX в. ГМИ СПб

Ил. 6. Надпись о плац-майоре Е. М. Подушкине на тыльной стороне иконы «Богоматерь Знамение». ГМИ СПб

С какого года плац-майор ведал упомянутыми иконами, документально установить не удалось[22]. Возможно, на этот счет тоже имелось устное указание. По-видимому, к 1808 г., когда Подушкин вступил в должность, в воротах уже находились иконы. Во всяком случае, он упоминает, что с того времени в его распоряжение поступили средства от кружечного сбора[23]. К этому ключевому моменту для оценки роли Подушкина в истории бытования икон мы теперь обратимся.

Итак, в четырех воротах при каждой из икон был установлен специальный ящик для кружечного сбора, и любой проходящий мог оставить там свои пожертвования. До 1822 г. распоряжаться собранными деньгами уполномочен был плац-майор. Как выяснилось, именно на «сумму, пожертвованную доброхотными дателями, выбираемую из ящиков при тех иконах имеющихся», Подушкин заказывал новые образа, ризы, киоты или при необходимости подновлял старые. Таково было его собственное разъяснение[24]. Фактически исполняя возложенную на него обязанность, плац-майор не упускал возможности каждый раз превозносить собственные добродетели и личные заслуги. Следует отметить, что надписи, подобные сделанным по его просьбе о «старании и усердии», обычно свидетельствовали о лицах, которые тратили свои средства[25].

При передаче протоиерею Колосову ответственности за ранее находившиеся в ведении плац-майора образа было составлено подробное «Описание иконам, имеющимся в Санкт-Петербургской крепости на гауптвахте, в воротах Невских, Никольских, Петровских и Иоанновского равелина…»[26]. Из этого документа, подписанного Подушкиным, выясняется прежде всего, как был потрачен приход от кружечного сбора с 1808 по 1822 г., а также другие весьма важные подробности.

По сведениям плац-майора, им было израсходовано на заказ новых икон и приведение в порядок старых 4526 руб. 65 коп. Отметим, что это единственный выявленный документ его отчетности по денежным средствам от кружечного сбора.

Первый раздел «Описания иконам…» посвящен иконам на Гауптвахте[27]. В этом здании, в офицерском покое, находились четыре образа в серебряных окладах, для них «на поновление ликов и вызолочение венцов» было израсходовано 870 руб. и еще 20 руб. на новый киот. Там же, на Гауптвахте, в солдатской караульне, «простую киоту» привели в порядок за 10 руб., а на двух иконах «без серебряных украшений» подновили лики за 15 руб.[28]

Во втором разделе приведены сведения о расходах на иконы «при воротах». Выясняется, что по заказу Подушкина вновь были написаны три иконы: «Образ Николая Чудотворца» — в Никольские ворота, «Образ Спасителя с прописанием по сторонам угодников Петра и Павла» — в Петровские ворота и «во имя вверху Знамения Божьей Матери, по сторонам Святых Александра Невского и Георгия Победоносца» — в Невские ворота, а икона «Знамения Божьей Матери» в Иоанновских воротах была подновлена. Для всех икон изготовлены новые серебряные ризы с золочением венцов. В Никольских и Невских воротах образа поместили в новые киоты и «футляры», а в Иоанновских и Петровских прежние киоты вызолотили. В Невских и Иоанновских воротах при иконах установили по новому фонарю и ящику для сбора пожертвований, в Петровских и Никольских их «поновили».

В итоге на икону в Никольские ворота и при ней для «необходимых… надобностей» было израсходовано 1196 руб. 25 коп., в Петровские — 997 руб. 40 коп., в Иоанновские — 690 руб. Последним по времени был заказан образ в Невские ворота, оцененный в 1278 руб. Расход на него не был полностью покрыт к 1 мая 1822 г., о чем плац-майор извещал настоятеля Петропавловского собора, в чье ведение переходили иконы и доходы от кружечного сбора. «Не выплаченные еще за икону… что в Невских воротах… следует заплатить торговцу Гавриле Дементьеву[29] пятьсот пятьдесят рублей», чтобы сумма «была бы по мере выручки из ящиков заплачена уже по распоряжению вашего высокопреподобия», — информировал Е. М. Подушкин протоиерея Колосова[30].

Из «Описания иконам…» становится известно и о других немаловажных деталях. Оказывается, икона «Знамение» из ворот Иоанновского равелина «до 26 апреля сего 1822 года поставлена была в Невских воротах», пока ее место не заняла вновь написанная икона «Знамение, Святые Александр Невский и Георгий Победоносец».

О том, что к храму были «причислены иконы в воротах» крепости, упоминается в книге о Петропавловском соборе, изданной в 1857 г.[31]

Более подробные данные нашли отражение в «Главной церковной и ризничной описи С.-Петербургского Петропавловского собора», составленной в 1865 г.[32] Во второй ее части («Опись ризницы») глава XXVI («Иконы в воротах С.-Петербургской крепости») посвящена интересующим нас четырем иконам. Важно отметить,

что приведенные в церковной документации детальные описания изображений, как и более краткие, составленные Подушкиным в 1822 г., совпадают с иконографией тех четырех икон из фондов ГМИ СПб, о которых говорилось в начале статьи. Таким образом, речь идет об одних и тех же образах. Следует также иметь в виду, что размеры икон, указанные в XXVI главе «Описи ризницы», незначительно отличаются от данных в музейных учетных документах[33].

Сопоставление документальных материалов с натурными обследованиями икон подтверждает принятую в музее датировку трех из них: «Николай Чудотворец» (1810), «Христос Вседержитель с апостолами Петром и Павлом» (1819)[34] и «Знамение, Святые Александр Невский и Георгий Победоносец» (1822). Время создания иконы «Богоматерь Знамение» точно установить не удается. В музейной документации она датирована 1819 г. по надписи на тыльной стороне. Однако, как удалось выяснить, эта дата относится к ее подновлению, а написана она была ранее — вероятно, еще до вступления в должность Е. М. Подушкина.

В «Описи ризницы» значится, что каждая из икон в воротах была «в серебряной ризе с позлащенными венцами» (указаны вес оклада и пробы серебра). Такими же иконы, о которых шла речь, сохранились в фондах музея: в серебряных окладах с приподнятыми бортиками, декорированными различными рельефными растительными орнаментами[35]. Оклады закрывают иконы полностью, кроме ликов и рук. Венцы все позолочены, так же, как и копье у Георгия Победоносца.

Время изготовления окладов соответствует первой четверти XIX в. — датировке надписей на иконах о плац-майоре Е. М. Подушкине: на всех ризах проставлено клеймо «АЯ» мастера пробирного надзора Александра Яшинова, работавшего с 1795 по 1826 г.[36] Выполняли заказы столичные мастера: на каждом окладе в круглом щитке помещен герб Санкт-Петербурга. Правда, дата под щитком читается только в одном случае: на окладе иконы «Богоматерь Знамение» — «1816».

На нижней кромке окладов одинаковые гравированные надписи: «Возобновлено Усердіемъ Санкт-Петербургского Первой Гильдии Купца и Почетного Гражданина Павла Иванова Кудряшева 1850 года». Подразумевалось, очевидно, что тогда оклады почистили, убрали с них патину. Работа производилась на собственные средства П. И. Кудряшева. С 1848 по 1860 г. он был старостой

Петропавловского собора, жертвовал немалые деньги, радея о благолепии храма[37].

В «Описи ризницы» отмечено, что каждая из икон в воротах помещалась «в деревянном резном и позлащенном киоте и в позлащенной за стеклом раме». В музейном собрании хранится деревянная резная киотная рама иконы из Невских ворот «Знамение, Святые Александр Невский и Георгий Победоносец». Это обрамление традиционно для первой четверти XIX в. — с пышным рельефным орнаментом в виде листьев аканта, розалий и головок херувимов; в навершии, в медальоне, изображение Святого Духа[38].

В документах рассказано и о совершении богослужений у икон в тот период, когда они находились в ведении плац-майора, что обеспечивалось статьей расхода кружечного сбора. Так, «в дни, в которые следует отправлять в воротах во имя угодников с водоосвящением молебны, исправлялось оное дежурным священником с платою из оной же суммы за труды». После перехода икон «при воротах» в 1822 г. в ведение настоятеля Петропавловского собора «все оное предоставляется соборному начальству на благораспоряжение»[39].

Какое-то время «соборное начальство» придерживалось заведенного порядка[40], но уже к началу XX в. сохранились не все традиции: у образов в воротах продолжали теплиться лампады, но кружки «для доброхотных пожертвований… неизвестно по чьему распоряжению» были убраны[41]. В 1903 г. на запрос коменданта крепости А. В. Эллиса настоятель Петропавловского собора протоиерей Александр Дернов затруднялся дать разъяснение, совершались ли когда-нибудь молебны перед образами после их освящения при установке в воротах[42].

Весной того же 1903 г. расследовалось дело о «покушении на кражу ризы и венчиков с образа Божьей Матери, находящегося в проезде Иоанновских ворот». 19 марта в 7 часов вечера неизвестный взломал киот и пытался снять серебряный оклад. Вероятно, его вспугнули, и он скрылся, успев отломать только венчики. На следующий день их нашли «под теми же воротами, в 11 шагах от киота, в куче мусора, под камнем». Подозрение пало «на военнослужащего нижнего чина, одетого в шинель в накидку, в красной фуражке с черным кантом»[43]. Незамедлительно были приняты меры «к открытию виновного». Им оказался уволенный в запас из лейб-гвардии Драгунского полка трубач рядовой Алексей Пукспу, о чем последовало

донесение императору, главнокомандующему войсками гвардии Петербургского военного округа и коменданту столицы [44].

Пока шло разбирательство, украденные венчики находились у следователя в качестве вещественных доказательств, и даже последовало распоряжение коменданта крепости «оставить в нынешнем испорченном виде ризу на образе и до окончания суда не исправлять». Затем порядок был восстановлен [45]. Как свидетельство происшествия 1903 г. на окладе именно этой иконы из фондов ГМИ СПб остались пять металлических закрепок венцов [46].

В течение долгого времени имя Подушкина не упоминалось в церковной документации, поскольку иконы оставались на своих местах и сделанные с тыльных сторон надписи о заслугах плац-майора никто не видел. Так, в 1865 г., при составлении «Описи ризницы», в графе об источнике поступления икон значилось: «Чьим иждивением устроены или кем пожертвованы… неизвестно». Позднее о двух из них — образе «Богоматерь Знамение» (в Иоанновских воротах) и образе «Господь Вседержитель с апостолами Петром и Павлом» (в Петровских воротах) — было внесено уточнение: «Стараніемъ и усердіемъ плацъ-маіора и кавалера Егора Михайловича Подушкина. 1819 года Іюля 1-го»[47]. Это указание в точности соответствует тому, что можно прочесть на тыльной стороне иконы «Христос Вседержитель с апостолами Петром и Павлом» из фондов ГМИ СПб, еще раз подтверждая, что речь идет об одном и том же предмете.

Однако в описи допустили неточность, повторив текст дословно, в то время как на обороте иконы «Богоматерь Знамение» значится дата не 1 июля, а 27 февраля того же 1819 г. Надписи о роли плац-майора, имеющиеся еще на двух иконах, в соответствующей графе не были воспроизведены.

Касающиеся Подушкина сообщения занесены в опись тем же почерком, что и данные в последней графе «Примечания об изменениях или уничтожениях вещей» и, следовательно, близки к ним по времени. Текст «Примечаний…» появился не ранее 1915 г.[48] Таким образом, документы подтверждают, что в 1910-е гг. именно «Подушкинские иконы» продолжали находиться в воротах.

К 1917 г. относится единственное мемуарное свидетельство об иконах в воротах. Вечером 27 февраля в крепость были доставлены 19 солдат — зачинщиков революционных выступлений в лейб-гвардии Павловском полку. Как оказалось, последних узников царского

времени. Но тогда, не предполагая, как развернутся события, они ожидали, что их ведут в крепость на смерть. «Конвой свернул на деревянный крепостной мост. Проходит под первую арку ворот. У подворотных икон теплится тихая, синяя лампада. Павловцы сняли фуражки и перекрестились, один за другим, сосредоточенно и медленно» — передает со слов солдат их впечатления современник [49].

Вскоре после октябрьских революционных событий в «Описи ризницы» напротив каждой из икон «при воротах» появилась карандашная помета: «снята». В фонды ГМИ СПб они поступили из помещения бывшей ризницы Петропавловского собора, где с начала 1920-х гг. находились многие храмовые ценности, образа домовой церкви коменданта и церковная утварь [50]. Проведенное исследование позволило проследить историю всех четырех икон и тем самым дополнить неизвестными ранее фактами летопись Петропавловской крепости.

В заключение отметим, что точных указаний, в каком именно месте в воротах (учитывая двадцатиметровую толщину крепостной стены) были расположены иконы, ни в текстовых, ни в графических материалах пока выявить не удалось. В целом из документов следует, что каждая из икон находилась в проезде ворот. К сожалению, во время реставрации не было известно, что в кирпичной кладке могут сохраниться крепления для киотов, и соответствующие натурные обследования не проводились [51]. На одной из фотографий Петропавловской крепости, сделанной в начале XX в., открывается вид со стороны Соборной площади на Никольские ворота. Слева, под аркой, в проеме воротного проезда, возможно, виднеется икона «при воротах» [52].

---

[1] Икона «Знамение, Святые Александр Невский и Георгий Победоносец». 1822. Доска, масло. 72 × 58 см. ГМИ СПб. Инв. № I-А-402-жи.

[2] Икона «Николай Чудотворец». 1810. Дерево, левкас, масло. 64,5 × 51 см. ГМИ СПб. Инв. № V-А-290-д. Надпись на тыльной стороне иконы снята Г. Б. Васильевой.

[3] Икона «Богоматерь Знамение». Надпись темной краской на тыльной стороне: «Стараниемъ и усердиемъ, / Плацъ маера, и кавалера, Егора, Михаилова, Подушкина, 1819го февраля, 27го, дня.». Начало XIX в. Доска, темпера. 36 × 31 см. ГМИ СПб. Инв. № I-А-390-жи.

Икона «Христос Вседержитель с апостолами Петром и Павлом». Надпись темной краской на тыльной стороне: «стараніемъ и усердіемъ плацъ маіора / и кавалера, егора михайловича подушкина, 1819го года июля 1го». 1819. Холст, темпера. 71,5 × 53 см. ГМИ СПб. Инв. № I-А-377-жи.

[4] Две из упомянутых икон — «Богоматерь Знамение» и «Христос Вседержитель с апостолами Петром и Павлом» («Спас Вседержитель») — экспонировались на выставке в особняке Румянцева в 2018 г.; сведения о них вошли в каталог (Русская икона XVII — начала XX века в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга: каталог выставки / авт.-сост. Н. Л. Катсон. СПб., 2018. С. 47, 48). О происхождении и бытовании этих икон, как и о наличии надписей на тыльной стороне, в аннотациях не сообщается. Икона «Николай Чудотворец» ошибочно датирована 1910 г. как в экспозиции, так и в ряде изданий, где о ее происхождении сведения тоже отсутствуют (Imperial St. Petersburg. Pages from History. 1703–1917. Based on Material from the State Museum of the History of St. Petersburg. SPb., 2005. P. 62; Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница: Альбом. СПб., 2007. С. 67).

[5] За содействие в работе приношу благодарность хранителям фондов ГМИ СПб Г. Б. Васильевой, Т. А. Арсеньевой, Л. Н. Бакеркиной, О. Н. Егоровой, Л. П. Баклан.

[6] В 1791 г. по определению Новгородского дворянского депутатского собрания фурьер Михаил Леонтьевич Подушкин с женой Феклой и тремя сыновьями был внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги. В Валдайском уезде Подушкины владели небольшим имением: мужского и женского пола там проживало семь душ. Старший из сыновей, Егор, в документе 1791 г. значится 17 лет. Следовательно, родился он около 1774 г. К 1856 г. никого из упоминаемых лиц не было в живых (РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 4069. Л. 9; Д. 4066. Л. 1).

[7] В XVIII — начале XX в. официально крепость называлась Санкт-Петербургской (с 1914 г. — Петроградской); неофициальное название — Петропавловская — связано с находящимся на ее территории собором. 14 ноября 1796 г. Е. М. Подушкин был пожалован из прапорщиков в подпоручики лейб-гвардии Гренадерского полка, а 5 декабря того же года «выключен из полку и определен в Санкт-Петербургский гарнизон» (С.-Петербургские ведомости. 1796. № 93, 18 нояб. С. 2203; № 99, 9 дек. С. 2326).

[8] В документах сохранились интересные подробности об обстоятельствах вручения ордена в 1799 г. 30 сентября Подушкину, в то время штабс-капитану, вместе с одним из сослуживцев было предписано явиться в Гатчину к самому императору Павлу I для получения «всемилостивейше пожалованных шпаг со знаком Ордена Святой Анны 3 кл.» (РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 59. Л. 343). Также см.: РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 213. Л. 206; Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показанием чинов. Фамилий и знаков отличия. СПб., 1831. С. 53; Список по старшинству всем вообще полковникам Российской армии по 5 февраля 1830 года. СПб., 1830. С. 70.

[9] Сафонов Павел Андреевич (1762–1814), генерал-лейтенант, в должности коменданта Санкт-Петербургской крепости с 1801 г. до кончины. Погребен на Комендантском кладбище рядом с Петропавловским собором.

[10] Сукин Александр Яковлевич (1764–1837), генерал от инфантерии, генерал адъютант, комендант Санкт-Петербургской крепости с 1814 г. до кончины. Погребен на Комендантском кладбище.

[11] РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 100. Л. 109–138; Д. 218. Л. 267–267 об.; Оп. 3. Д. 119. Л. 24 об., 39. См. также: *Барабанова А. И., Вершевская М. В.* Охрана Петропавловского собора в XIX — начале XX века // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 2. Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. СПб., 1994. С. 301.

[12] Дочери Е. М. Подушкина Елена (р. 1806) и Елизавета (р. 1810) родились в Петербурге. В метрических книгах Матвеевской церкви на Петербургской стороне восприемником при крещении в обоих случаях назван комендант крепости генерал-лейтенант П. А. Сорокин (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 142. 1806 г. Л. 476; Д. 159. 1810 г. Л. 144).

[13] Плац-майорский дом сохранился в Петропавловской крепости. Он был построен в 1758 г., в 1843–1844 гг. надстроен вторым этажом. С начала 1920-х гг. здание находится в ведении Монетного двора (*Степанов С. Д.* Петропавловская крепость и памятники

архитектуры начала XVIII века. Плац-майорский дом // Петроградский район. Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 86–87; *Боброва (Артамонова) И. М.* Плац-майорский дом. Историческая справка. 1996. Научно-ведомственный архив ГМИ СПб.

[14] В адресной книге владельцем обоих участков (Петербургской части, 3 кв., по Бармалеевой ул., № 1040 и 1041) назван Е. М. Подушкин (*Аллер С. И.* Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге на 1823 год. СПб., 1822. С. 209, 288). В то же время, ходатайствуя о «вознаграждении понесенных убытков» во время наводнения 1824 г., Подушкин поясняет, что для себя никакого вспомощения не просит, а беспокоится об исправлении дома жены под № 1041 «по недостаточности ее состояния» (РГИА. Ф. 1280. Оп. 3. Д. 7. Л. 47 об.).

[15] Приведем характерные воспоминания декабриста Н. Р. Цебрикова: «Подушкин, всегда поддержанный порядочною дозою водки, имел всегда красное лицо, всегда звериное. Он всегда был готов воспользоваться чужою собственностью, считая арестантов, как отпетых, и злоупотреблениям его не было конца, чему мог свидетельствовать наш стол, наисквернейший, какой только мог быть… Знал ли обо всех злоупотреблениях Подушкина ветеран, комендант Сукин, этого полагать нельзя, потому что Сукин в то время пользовался репутацией честного человека» (*Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. С. 257).

[16] В связи с арестами по делу декабристов открылись значительные вакансии для проявивших верность Николаю I лиц. Среди получивших производство в следующий чин был и Е. М. Подушкин: 1 января 1826 г. он стал полковником. За усердие в период содержания в крепости декабристов указом от 12 августа 1826 г. его наградили орденом Св. Анны 2 ст. с алмазами. По докладу коменданта А. Я. Сукина императору, плац-майор Е. М. Подушкин был назван первым, кому «в награду отлично усердной службы и трудов, понесенных… во время содержания под арестом в С.-Петербургской крепости злоумышленников… производить пансион», и получил 2 тыс. руб. (РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 214. Л. 200, 250).

[17] Участниками побегов в 1813, 1819 и 1824 гг. были нарушившие дисциплину солдаты и переведенные из городской тюрьмы за буйное поведение арестанты. В крепостных казематах они находились в таких же условиях одиночного заключения, что и политические узники (*Вершевская М. В.* «Тюрьма мне в честь, не в укоризну» // *Барабанова А. И., Вершевская М. В., Тихонова Н. С.* Тайны «русской Бастилии». СПб., 1996. С. 57–59; *Вершевская М. В.* Побеги узников Петропавловской крепости в I четверти XIX века. Рукопись готовится к печати.

[18] По инструкции «главная обязанность наблюдать за исправностью всех в крепости караулов и содержанием на оных арестантов» лежала на плац-майоре. У него же хранились ключи от арестантских казематов. «Посему подлежали вы взысканию за побег арестантов», — констатировал, обращаясь к Е. М. Подушкину, комендант А. Я. Сукин в 1819 г. Однако военный-генерал-губернатор М. А. Милорадович приказал ему «по уважении… прежней беспорочной и отлично усердной службы» оставить Подушкина без взыскания, «подтвердя наистрожайше» следить за подчиненными и точным соблюдением инструкций, чтобы принять «все нужные предосторожности к отвращению впредь подобных побегов». Наказание же за побеги заключенных понесли рядовые чины (РГИА. Ф. 1280. Оп. 3. Д. 102. Л. 106–107).

[19] *Вершевская М. В.* Польские узники Петропавловской крепости первой трети XIX века // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 10. СПб., 2005. С. 105–115.

Слухи о смещении с должности Подушкина дошли до декабристов, в связи с чем Н. Р. Цебриков отметил в воспоминаниях, что «плац-майор Подушкин, взяв с одного поляка семьдесят тысяч рублей ассигнациями, чтоб передать письмо другому поляку,

готовившемуся с ним на очную ставку, был за это удален из крепости» (*Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине. С. 258).

После того, как в должность вступил новый плац-майор, комендант А. Я. Сукин заметил, «что стекла в фонарях содержатся в лучшей чистоте, а светильна горит светлее и освещаются коридоры лучше прежнего» (РГИА. Ф. 1280. Оп. 3. Д. 119. Л. 39 об.).

[20] Иконы находились в тех воротах, через которые входили или въезжали в крепость. Так, со стороны Троицкой площади путь вел в Иоанновские, а затем в Петровские ворота, со стороны Невы — в Невские, с Петербургской (Петроградской) стороны — в Никольские ворота. В Васильевских и Кронверкских воротах не стали помещать иконы: в первые из них свободного прохода не было, поскольку они вели на Алексеевский равелин к секретному тюремному зданию, а за вторыми, ближе к берегу Кронверкского пролива, находилась территория хозяйственного назначения, куда обычно вывозили мусор, а зимой снег, привозили песок для «усыпки по крепости булеваров и фрунтов» и т. п. Такой порядок сохранялся до конца XIX в.

[21] Колосов Стахий Иванович (1755–1831), протоиерей, с 1809 г. до кончины настоятель Петропавловского собора. Отношение Е. М. Подушкина к протоиерею Колосову с сообщением о приказании коменданта датировано 12 мая 1822 г. (РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 91. Л. 2).

[22] В 1808 г., когда Подушкин принимал дела у своего предшественника, плац-майора Медяника, было составлено несколько передаточных описей, но ни в одной из них об иконах в воротах не упоминалось (РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 100. Л. 109–138).

[23] РГИА. Ф. 1280. Оп. 3. Д. 119. Л. 24 об.

[24] РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

[25] Приведем несколько примеров из «Описи ризницы» Петропавловского собора, куда вносили сведения о тех, кто делал вклады на собственные средства. Среди жертвователей были коменданты крепости (И. Н. Скобелев, В. Н. Никитин, вдова коменданта И. А. Набокова), плац-майоры (С. В. Тютрюмов, М. И. Лесников, С. К. Новоселов), военные инженеры (Я. Х. Дуроп, П. В. Андреев), священники и другие служившие в крепости лица (ГМИ СПб. Инв № III-А-553-р. Л. 18 об., 19, 59 об.–60, 61, 62–64 об., 65, 66 об.–68, 70, 86 об., 87 об., 202 об., 354 об.).

[26] РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 91. Л. 1 об.

[27] Речь идет об Обер-офицерской гауптвахте — одноэтажном здании, построенном в 1749 г. В 1907 г. оно было надстроено вторым этажом с изменением в оформлении фасада. В настоящее время в здании размещается дирекция ГМИ СПб (*Степанов С. Д.* Петропавловская крепость и памятники архитектуры начала XVIII века. Обер-офицерская гауптвахта // Петроградский район. Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 82–83).

[28] В офицерском покое находились образа Николая Чудотворца, апостолов Петра и Павла, Воскресения Господня, Казанской Божьей Матери; все в серебряных с золочеными венцами окладах, «ризы чистого 84 пробы серебра» (РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 91. Л. 1 об. Важно отметить, что в последующем при составлении описи вещей, находившихся на Гауптвахте, сведения об иконах не включали).

[29] Вероятно, речь идет о мещанине Гавриле Семеновиче Дементьеве, проживавшем на 1824 г. в Литейной части (*Аллер С. И.* Руководство к отыскиванию жилищ по Санкт-Петербургу. СПб., 1824. С. 119).

[30] РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

[31] *Новоселов С. К.* Описание кафедрального собора во имя святых первоверховных апостол Петра и Павла в Санкт-Петербургской крепости. СПб., 1857. С. 165. Отметим, что автором этой книги был плац-майор крепости.

[32] ГМИ СПб. Инв. № III-А-553-р. Опись была засвидетельствована в Санкт-Петербургской духовной консистории 9 сентября1865 г. за № 4071. Впоследствии, во время

сверок церковного имущества и утвари, в нее неоднократно вносили коррективы и дополнения. Последние правки были сделаны в 1923 г. хранителем собора архитектором О. М. Равицкой, когда памятник находился в ведении Главнауки.

[33] Икона «Богоматерь Знамение» длиной 8 вершков, шириной 7 вершков (35,56 × 31,1 см); «Христос Вседержитель с апостолами Петром и Павлом» — 14 на 13 вершков (62,23 × 57,78 см), «Знамение, Святые Александр Невский и Георгий Победоносец» — 1 аршин на 13 вершков (71,12 × 57,78 см); «Святитель Николай Чудотворец» — 14 на 11 вершков (62,23 × 48,9 см).

[34] Единственная из четырех икон написана на холсте, прибитом к доске. В 2018 г., в процессе реставрации (реставратор Г. А. Эндер), при снятии холста с деревянной основы, под ним на доске было обнаружено еще одно изображение — икона «Спас Вседержитель», которая может быть датирована концом XVIII в. Надпись на тыльной стороне доски противоположна старой иконе и относится к изображению на холсте.

[35] Согласно «Описи ризницы», все четыре оклада были изготовлены из серебра 84 пробы, что соответствует 375 пробе современной системы исчисления и подтверждается музейной учетной документацией.

Оклад иконы «Знамение, Святые Александр Невский и Георгий Победоносец». Мастер Федор Максимов. Санкт-Петербург. Около 1822 г. Серебро, позолота, чеканка. 705 × 570 см. Инв. № V-А-3476-м.

Оклад иконы «Николай Чудотворец». Неизвестный мастер. Санкт-Петербург. Около 1810 г. Серебро, позолота, чеканка. 655 × 530 см. Инв. № V-А-3475-м.

Оклад иконы «Богоматерь Знамение». Неизвестный мастер, клеймо «ТР». Санкт-Петербург. 1816. Серебро, позолота, чеканка. 375 × 325 см. Инв. № V-А-1502-м.

Оклад иконы «Христос Вседержитель с апостолами Петром и Павлом». Неизвестный мастер, клеймо «ТР». Санкт-Петербург. Около 1819 г. Серебро, позолота, чеканка. 715 × 530 см. Инв. № V-А-697-м.

[36] *Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л.* Золотое и серебряное дело XV–XX вв. М., 1983. С. 178.

[37] П. И. Кудряшев, надворный советник, петербургский купец 1-й гильдии, скончался в возрасте 84 лет в 1872 г., был похоронен на Волковом православном кладбище (*Саитов В. И.* Петербургский некрополь. Т. 2 / Изд. вел. кн. Николай Михайлович. СПб., 1912. С. 550).

В «Описи ризницы» Петропавловского собора не раз встречаются сведения о его богатых личных пожертвованиях. К таковым относились, например, двенадцать образов святцев на кипарисовых досках; «древней работы» образ Николая Чудотворца, в ризе с драгоценными каменьями, в позолоченном резном киоте; икона святых апостолов Петра и Павла в позлащенной раме, аналой для мощей, серебряная дарохранительница, серебряные подсвечники, ковши, сосуды; ризы зеленой парчи и пр. (ГМИ СПб. Инв. № III-А-553-р. Л. 18–19, 63 об., 66 об., 86–87, 105 об.–106, 112 об.–113, 207–208 и др.).

Однако сведения эти далеко не полные. Например, не упоминается о возобновлении на средства П. И. Кудряшева в 1850 г. окладов икон, находившихся в воротах крепости.

Из послужных списков П. И. Кудряшева известно о суммах его пожертвований в пользу Петропавловского собора — более 25 тыс. руб. серебром, в том числе более 10 тыс. руб. в 1850 г. Он удостаивался признательности и благословения Священного Синода, а в 1855 г. «в награду отличного исполнения обязанностей по должности церковного старосты Петропавловского собора» был отмечен орденом Св. Станислава 3 ст. (РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 412. Л. 1–51 об.).

См. также: *Барабанова А. И.* Причт Петропавловского собора // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 2. Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. СПб., 1994. С. 293.

[38] Рама к иконе «Знамение, Святые Александр Невский и Георгий Победоносец». Около 1822 г. 1270 × 970 см. Дерево, резьба, золочение. Инв. № V-А-291-д.
За консультационную помощь благодарю О. А. Коробко, ведущего научного сотрудника отдела «Православие», хранителя фонда изобразительных материалов отдела «Православие» Государственного музея истории религии.

[39] РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 91. Л. 1 об. Сколько денег уходило на оплату богослужений, лампады и свечи, Подушкин не сообщает. В том же документе он поясняет, что в караульных помещениях у крепостных ворот были «простого ольхового дерева киоты, а в оных без украшения иконы, у которых во все праздничные дни во время всенощных, заутрени, а в высокоторжественные праздники и во время вечерни из выбираемой из ящиков суммы теплятся свечи и масло».

[40] Так, в записях «доходов братии Петропавловского собора» за 1825 г. значится, что 16 августа, в день окончания Успенского поста, совершался «под воротами молебен» (РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 93. Л. 11 об.).

[41] РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3041. Л. 10.
В 1860 г. кружечный сбор еще существовал. В ночь с 24 на 25 марта была взломана кружка, находившаяся под образом в Петровских воротах. Из рапорта ключаря Петропавловского собора Флоринского настоятелю Палисадову следовало, что кружку нашли «разрезанной сверху, но похититель не смог вынуть деньги через разрез. Высыпанные комиссией из взломанной кружки 6 р. 6 к. внесены в соборную сумму». Подозреваемый канонир Иван Коновалов, служивший в крепости, не сознался и был оставлен под подозрением и бдительным надзором, а «дело по сему предмету предано воле Божьей» (РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 159. Л. 1–5).

[42] РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3041. Л. 10.

[43] РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 234. Л. 47; Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3041. Л. 1–5, 11.

[44] РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3041. Л. 6–9, 20.

[45] До окончания ремонта киота в Иоанновских воротах у иконы нес дежурство часовой от местной команды крепости. Затем, с 9 часов вечера 30 апреля 1903 г., «наблюдение за целостностью и сохранностью означенного образа» по распоряжению коменданта крепости А. В. Эллиса было возложено на начальника караула от 2-го батальона лейб-гвардии Стрелкового полка, расквартированного на равелине (РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 3041. Л. 36, 37).

[46] Сведения о материале заклепок сообщены хранителем фонда Т. А. Арсеньевой.

[47] ГМИ СПб. Инв № III-А-553-р. Л. 341 об.

[48] В «Примечаниях…» сообщается, что ко всем четырем иконам «при воротах» в 1915 г. были сделаны «новые фонари для лампад взамен старых за штатную сумму», т. е. на средства храма.
Обратим внимание, что в 1903 г., когда была попытка кражи оклада иконы в Иоанновских воротах, в «Описи ризницы» еще значилось, что неизвестно, когда и «чьим иждивением» устроен этот образ (РГИА. Ф. 816. Оп. 1. Д. 234. Л. 48 об.–49).

[49] *Лукаш И. С.* Павловцы. Пг., 1917. С. 19.

[50] Поступление икон в фонды музея по акту № 22 от 18 июня 1980 г.

[51] Такими сведениями поделился архитектор А. Е. Гунич.

[52] [Электронный ресурс]. URL: https://pastvu.com/p/a/q/6/qg6yruwz7wo90zpteh.jpg (дата обращения 29.09.2022).

Гарманов Иван Александрович

ОТ ИДЕИ ДО ПРЕДМЕТА. ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ О. МОНФЕРРАНОМ МЕБЕЛИ ДЛЯ ЗИМНЕГО ДВОРЦА. 1827–1828 ГГ.

Комнаты, залы и целые «половины»[1] Зимнего дворца неоднократно перестраивались. Примером служит реконструкция Огюстом Монферраном (1786–1858) апартаментов вдовствующей императрицы Марии Федоровны в 1827–1828 гг. В ходе «переделки» все интерьеры получили новую мебель, высоко оцененную историками искусства[2]. Вместе с тем многочисленные сметы, счета, «рапорты», «прошения», «реестры мебели» и прочие архивные документы дают относительно редкую возможность проследить все этапы изготовления мебельного убранства, от стадии проектов до поставки гарнитуров во дворец.

Комнаты Марии Федоровны находились на втором этаже южного корпуса Зимнего дворца (между нынешними Александровским и Белым залами) и состояли из двух параллельных анфилад. Окна комнат и залов были обращены на Дворцовую площадь и на Большой двор. В своих покоях Мария Федоровна, супруга великого князя Павла Петровича, поселилась в далеком 1776 г. В 1797 г. интерьеры реконструировал В. Бренна (1747–1820), и с тех пор они не перестраивались. Поскольку активная общественная жизнь императрицы требовала современного архитектурно-художественного антуража, то взошедший в 1825 г. на престол император Николай I решает реконструировать апартаменты своей 68-летней матери.

К 16 марта 1827 г. относятся два основополагающих документа. В первом из них министр императорского двора П. М. Волконский (1776–1852) пишет П. Р. Альбедилю (1764–1830), заведовавшему Гофинтендантской конторой, следующее послание: «Государь Император утвердив с соизволения Государыни Императрицы Марии Федоровны план на переделку собственных комнат Ея Императорского Величества в Зимнем дворце, Высочайше повелеть соизволил план сей для исполнения препроводить к Вашему Высокопревосходительству с тем: 1-е чтобы все работы производились по распоряжению архитектора Росси, но под главным Вашим надзором…»[3].

Второй документ адресован императором министру двора: «За предложенную переделку… комнат… повелеваю отпускать из департамента Уделов в Гоф-Интендантскую Контору по сту двадцати пяти тысяч рублей ежемесячно»[4]. Таким образом, к 16 марта 1827 г. уже имелся утвержденный план реконструкции комнат, определен архитектор — Карл Иванович Росси (1775–1849) и открыто финансирование строительных работ. Для расчетов с подрядчиками, покупки и заготовки материалов при Гофинтендантской конторе была образована Временная строительная комиссия (далее — Комиссия).

К 19 марта императрица Мария Федоровна изложила свои пожелания по отделке апартаментов, оформленные в виде анкеты на французском языке. Они касались в основном приватных жилых покоев с мебелью «в натуральном виде дерева»[5]. В новомодный облик парадных комнат и залов общественного назначения «порфироносная вдова» не считала себя вправе вмешиваться. Так, про Тронный зал читаем: «Je n'ai rien à dire sur sette chambre: elle est à l'Empereur» («Я ничего не могу сказать о сей комнате, она есть собственность Государя Императора»)[6]. Или (о Желтой гостиной): «Je m'en remets entierment à la decision de l'Empereur et au goût de Prince Volkonsky» («Предаю совершенно воле Государя Императора и вкусу князя Волконского»)[7]. К мнениям Николая I и Волконского Мария Федоровна апеллирует неоднократно[8].

Ознакомившись с пожеланиями будущей хозяйки половины, Комиссия постановила приступить к работам с 11 апреля[9]. Уже к 14 апреля Росси подготовил, а государь утвердил «рисунки» предметов мебели и «образцы дерева» для парадных интерьеров[10]. Все шло по плану, но затем события приняли неожиданный оборот. 17 апреля Росси подал прошение с просьбой отпустить его в отпуск на шесть недель для лечения; в этот период работами должен был руководить архитектор Н. А. Ткачев, давний помощник Росси. Министр двора Волконский дал согласие, однако Николай I имел иное мнение, известное по письму Волконского от 19 апреля: «Государь Император, уволив архитектора Росси по случаю его болезни от переделки комнат Государыни Императрицы Марии Федоровны в Зимнем дворце, Высочайше повелеть соизволил: возложить оные на архитектора Монферрана…»[11].

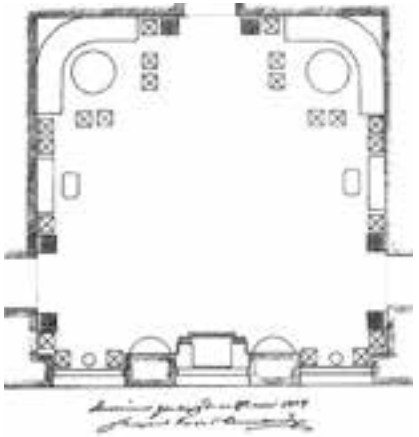
Очевидно, в таланте Монферрана Николай I увидел залог реализации своих замыслов по реконструкции интерьеров. Болезнь стала только благовидным предлогом для замены Росси

на Монферрана, адепта новейшей версии стиля ампир, покинувшего Париж в 1816 г., самого модного петербургского архитектора на рубеже 1820–1830-х гг.[12] По воле государя Монферрану (а назначение стало неожиданностью для него самого) пришлось заново (!) разрабатывать всю проектную документацию, включая эскизы на мебель[13]. В результате все интерьеры Марии Федоровны получили новое архитектурно-художественное решение[14]. Наибольшие структурные изменения коснулись анфилады комнат со стороны Дворцовой площади (очевидно, в связи с формированием вокруг нее градостроительного ансамбля в 1810–1830-е гг.), отныне состоявшей из Проходной комнаты (зал № 282), Желтой (№ 283) и Золотой (№ 284) гостиных, Бриллиантовой комнаты, Яшмовой гостиной и Библиотеки (все три — № 285), Малинового (№ 286) и Углового (№ 287) кабинетов, Цветочной галереи и Будуара (оба — № 288), Опочивальни, Ванной и Гардеробной (все три — № 289). Надворная анфилада включала Тронный (№ 290–292) и Овальный (№ 293–295) залы, Столовую (№ 296), Зал ожидания (№ 297), Конногвардейский зал (№ 298), Прихожую и Парадную (ныне Октябрьская) лестницу.

Начертав общий план будущих комнат, Монферран 13 мая 1827 г. представил Комиссии первые рисунки на кресла и стулья. В сопроводительном письме он уточнил: «Что касается до прочих рисунков, Комиссиею требованных, как-то: на диваны, канапе, кушеты, библиотечные шкапы и проч., то, занимаясь теперь черчением рисунков на мебель, для тех только комнат, на которые планы и амеблировка утверждены, я не замедлю доставить оные рисунки коль скоро будут окончены…»[15]. Действительно, на рубеже мая-июня Монферран оперативно создает планы и разрезы парадных интерьеров. На некоторых из них обозначена расстановка предметов мебели. Проекты через князя Волконского препровождаются императору на утверждение, затем документы возвращаются для передачи в Комиссию (обычно на это уходит несколько дней). Таким образом, в конце июня 11 тетрадей с рисунками были созданы, утверждены государем и 27 июня переданы Комиссии. «Высочайшее» утверждение документов не помешало Комиссии 1 июля вернуть все тетради автору с тем, чтобы 7 июля получить их обратно. Очевидно, неделя потребовалась архитектору для внесения уточнений и дополнений, включая проработку элементов декора. О последнем свидетельствует комментарий Монферрана: «…На тетрадях при сем препровождаемых означены украшения, предполагаемые для мебели каждой

комнаты»[16]. Таким образом, документы позволяют проследить сроки циркуляции мебельных проектов, которые были готовы в июле. Далее встал вопрос об их реализации.

В конце июля — августе 1827 г. состоялись торги на поставку мебельных гарнитуров, отдельно по каждому помещению. Архивные документы[17] сохранили для нас имена мебельщиков и степень их вклада в общее дело. Лидерами были фирмы Гамбса и Тура. Первая принадлежала «придворному механику» Г. Д. Гамбсу (Heinrich Daniel Gambs, 1765–1831). Ввиду преклонного возраста, Генрих Даниэль постепенно отходил от дел, и за него в сметах и счетах расписывался сын Петр. С «Гамбсами» конкурировал «мебельный фабрикант» А. И. Тур (Tour, 1791–1866). Поскольку продукция Гамбса и Тура отличалась не только великолепным качеством, но и высокой ценой[18], то престижные дворцовые заказы получили и другие мастера. Судя по документам, это В. И. Бабков, В. Штром и, в меньшей степени, К. Гут. В процессе торгов затраты на меблировку той или иной комнаты удавалось снизить на 10–20 %. Учитывая, что стоимость парадного гарнитура (без лицевой обивки) составляла около 5–10 тыс. руб., экономия получалась существенной. В качестве примера можно привести результат торгов, состоявшихся 23 июля 1827 г. между Штромом и Бабковым за подряд на изготовление мебели из мореного клена «с позолотою» для Яшмовой гостиной, архитектурный проект которой (с «расстановкой» мебели) государь утвердил еще 27 мая (ил. 1). Гарнитур гостиной включал два угловых и два «маленьких» дивана, 16 кресел, шесть стульев, два полукруглых подстолья для консолей, два больших и два маленьких круглых столика, два «восьмиугольных» стола, каминный экран и ящик для дров (ил. 2). Цена на каждый предмет указывалась отдельно[19]. Общая цена у Бабкова составила 10 250 руб., у Штрома — 8800 руб.

Ил. 1. План Яшмовой гостиной. С чертежа О. Монферрана «Проект отделки Яшмовой гостиной». 1827. ГЭ

По итогам торгов заключили контракты. Гамбсу досталась

Ил. 2. Вид большой гостиной Первой запасной половины Зимнего дворца Фотография. 1908. ГЭ

меблировка Бриллиантовой комнаты, двух кабинетов, Туалетной и Гардеробной; Туру — Желтой гостиной, Конногвардейского зала и Зала ожидания; Штрому — Яшмовой гостиной, Опочивальни, Столовой и двух проходных комнат; Бабкову — Овального зала, Золотой гостиной и Библиотеки; Гуту — Цветочной галереи и Ванной[20]. Особо оговаривалось, что материал — древесина — должен быть просушенным, без гнили и сучков. Мебельщики получали денежный аванс, необходимый для закупки материалов. Так, 16 августа 1827 г. Гофинтендантская контора распорядилась: «…выдать мебельного дела мастерам Гамбсу и Бабкову в щет принятой ими на себя обязанности на сделание для комнат Ея Величества мебели каждому по пяти тысяч рублей»[21]. Мастера приступили к работе, обязавшись «поставить мебель» во дворец к 15 марта 1828 г.

Осенью 1827 г. Монферран осматривал пробные образцы мебельной продукции. При необходимости архитектор корректировал облик вещей. Например, в октябре Бабков представил на проверку стул и диван для Овального зала. Монферран констатировал, что «образцовый сей стул хорошо сделан, но желательно прибавить с боков четыре розетки, которые не показаны в рисунке»; диван «равно хорошей отделки… согласно утвержденному рисунку, но прочие должны быть изготовлены… вместо 2 аршина длины [142 см], в 2 арш. 12 верш. [196 см], а к ним подушки прибавить на 1 вершок [4,5 см] ширины»[22] (ил. 3). После этого, зимой

Ил. 3. В. И. Бабков по проекту О. Монферрана. Диван
Береза, сосна, липа; окраска, позолота; бархат. 1827–1828. ГЭ

1827–1828 гг., Бабков изготовил большой гарнитур, включавший 36 стульев и девять диванов.

Вышеупомянутые контракты с поставщиками предполагали только черновую обивку мебели. О лицевых обивках Монферран и Комиссия позаботились заблаговременно. Их купили во Франции у парижской фирмы «Richer et Cie, Succtessier du M. Nourtier» («Рише и Ко, наследники г-на Нуртье»), торговавшей шелковыми тканями. Заказ на бархат и дамаск для таких значимых интерьеров как Опочивальня, Будуар, Угловой кабинет, Яшмовая гостиная, Овальный зал, Бриллиантовая комната был сформирован 21 мая[23]. Готовые ткани прибыли из Парижа в самом конце 1827 г.[24] Ими в январе-феврале 1828 г. петербургские мастера за отдельную плату обили мебель.

Согласно традиции, новые гарнитуры доставили в Зимний дворец одномоментно для всеобщего обозрения. Документы сообщают: «15 сего Марта посланы были повестки мебельного дела мастерам Гамбсу, Туру, Штрому, Бабкову и Гуту (по-видимому, перечисление идет в порядке значимости поставщиков. — *И. Г.*), чтобы

они всю… делаемую ими… мебель доставили 16 Марта в Зимний дворец в Георгиевское зало. В противном случае будут оштрафованы по 100 руб.»[25]. Таким образом, в главном зале Российской империи продукцию петербургских мастеров осматривали и оценивали император, две императрицы, Монферран и прочие знатные особы. 16 марта они увидели все гарнитуры, кроме предметов, заказанных Туру. Последний опоздал, «…а потому Комиссия положила при расчете с мастером Туром за мебель по невыставлении в назначенный срок иметь в виду»[26].

После того как Монферран, осмотрев мебель, рапортовал, что она сделана «с прочностию и в надлежащем виде»[27], поставщики (преимущественно в апреле) получили основную часть денег за свои труды. Однако данная выплата и ранее выданный аванс все еще не покрывали 100 % от суммы контрактов: часть денег (около 10 %) удерживалась на период гарантийного срока. Только по его истечении производился окончательный расчет. Например, 11 декабря 1828 г. Комиссия дает распоряжение Гофинтендантской конторе с формулировкой: «Сего числа предписано… удержанные у мебельного мастера Тура… в залог годовой ответственности по сделанию мебели… 1000 р. выдать ему с распискою в книге залогов»[28]. Подобные указания сохранились и в отношении других поставщиков.

Вышеизложенный процесс изготовления мебели, растянувшийся с мая 1827 г. по март 1828 г., можно обозначить как основной заказ. Вместе с тем следует отметить «дополнительный» заказ мебели в ноябре, декабре 1827 г. и даже в начале 1828 г. Во-первых, это относится к настенным зеркалам. Капитальные архитектурно-строительные работы к осени 1827 г. были завершены, и Монферран получил возможность четко указать расположение и размер зеркал над каминами и в простенках между окнами. Во-вторых, заказали мелкие, относительно второстепенные предметы. Например, у фирмы Гамбса приобрели каминный прибор, настенный термометр и пару плевательниц для упоминавшийся выше Яшмовой гостиной. В-третьих, в начале февраля 1828 г. были заказаны и уже в марте изготовлены Штромом «цветники» (жардиньерки) для Цветочной галереи «под мебель оной галереи»[29]. Зачастую данные заказы получали не те мебельщики, которые делали основной гарнитур для того или иного интерьера. Торгов, по-видимому, не проводилось. Заказы исполнили быстро — уже в апреле 1828 г. они были оплачены.

Таким образом, мебельное убранство комнат императрицы Марии Федоровны было практически полностью готово в марте 1828 г. Процесс изготовления мебельного убранства парадных комнат занял девять месяцев, что вполне соответствует большому объему дорогостоящих работ (на мебель было потрачено 270 тыс. руб.).

Организация процесса через Временную строительную комиссию типична для первой половины XIX в. Огромную роль играл ведущий придворный архитектор. Имевший большие права, он мог корректировать облик предметов мебели на всех этапах проектирования, производства и даже… после поставки гарнитуров во дворец и их оплаты. Примером служит изготовление Штромом (за отдельную плату) летом 1828 г. к большим столам (ил. 2) Яшмовой гостиной кронштейнов в виде гигантских побегов аканта [30].

И последнее. Императрице Марии Федоровне не довелось жить в новых покоях, она ушла из жизни 24 октября 1828 г. До пожара Зимнего дворца в 1837 г. интерьеры сохранялись как мемориальные. При восстановлении здания на месте половины вдовствующей императрицы архитектор А. П. Брюллов создал Первую запасную половину, использовав в ее убранстве «допожарную» мебель Монферрана. Эта мебель преимущественно сохранилась и находится в собрании Государственного Эрмитажа.

[1] Под «половиной» в Зимнем дворце понималась группа относительно обособленных помещений, объединенных планировочным единством и принадлежностью тому или иному владельцу.

[2] См.: *Семенова Т. Б.* О некоторых гарнитурах мебели по проектам К. Росси и О. Монферрана из Зимнего дворца // Прикладное искусство Западной Европы и России: Сборник научных трудов. СПб., 1999. С. 218–230; *Семенова Т. Б.* Эволюция стиля в творчестве О. Монферрана // В тени «больших стилей»: Материалы VIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2002. С. 156–167; *Гусева Н. Ю.* Мебель «Николаевского ампира» // В тени «больших стилей»: Материалы VIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2002. С. 145–156; *Гарманов И. А.* Работы К. Росси, О. Монферрана и А. Брюллова в Зимнем дворце до пожара 1837 года. К проблеме стилистической эволюции мебели // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XL. СПб., 2008. С. 45–72; *Гарманов И. А.* Эволюция стиля ампир в мебели на рубеже 1820–1830-х гг. на примере работ О. Монферрана в Зимнем дворце // Общество. Среда. Развитие. СПб., 2014. № 1 (30). С. 91–96; *Гарманов И. А.* Мебель по проектам О. Монферрана для Яшмовой гостиной императрицы Марии Федоровны в Зимнем дворце. 1827–1828 годы // Труды Государственного Эрмитажа. Т. CVIII. СПб., 2021. С. 124–132.

[3] РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (82/516). Д. 127. 1827 г. Л. 2.

[4] Там же. Л. 38.

[5] Там же. Л. 19–21.

[6] Там же. Л. 16.

[7] Там же.

[8] Роль князя Волконского следует оговорить особо. Министр двора в царствование Николая I, друг и доверенное лицо императора, Волконский не только обеспечивал циркуляцию документов (в частности, между Монферраном и государем), но и высказывал свое мнение по вопросам реконструкции комнат. Например, князь предложил вместо третьего кабинета устроить гостиную, на что Николай I согласился. Также (совместно с Альбедилем) Волконский предложил увеличить размеры Опочивальни. Подобные решения влияли на количественный и качественный состав мебели.

[9] На период строительных работ императрице обустроили комнаты в юго-западном ризалите Зимнего дворца, на месте Золотой гостиной и части Белого зала (см.: РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593). Д. 23. 1827 г. Л. 26).

[10] РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593). Д. 23. 1827 г. Л. 3. Оперативность изготовления К. Росси чертежей и эскизов на мебель объясняется тем, что в 1817 г. он уже начинал реконструкцию покоев императрицы, но эти проекты не были реализованы.

[11] РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (82/516). Д. 127. 1827 г. Л. 57.

[12] Стилевые особенности мебели обоих зодчих подробно изложены в литературе (см. сноску 2).

[13] Об огромном объеме работ косвенно свидетельствует письменное напоминание Монферрану не забывать следить «за обтескою гранитных колонн» строящегося Исаакиевского собора (см.: РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (82/516). Д. 127. 1827 г. Л. 108).

[14] См.: *Шуйский В. К.* Огюст Монферран. История жизни и творчества. М.-СПб., 2005. С. 256.

[15] РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593). Д. 23. 1827 г. Л. 7.

[16] Там же. Л. 19, 20.

[17] Сведения содержатся в двух архивных делах под названием «О сделании мебели для комнат Императрицы Марии Федоровны в Зимнем дворце» (см.: РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593). Д. 23, 24. 1827–1829 гг.).

[18] См. также: *Пушкарев И. И.* Николаевский Петербург. СПб., 1999. С. 583.

[19] Например, большие угловые диваны Бабков оценил в 1000 руб. за каждый, Штром — в 950 руб.; кресла, соответственно, по 175 и 160 руб.; стулья — 100 и 90 руб.; консоли — 450 и 375 руб. и т. д. (РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593). Д. 24. 1827 г. Л. 117, 118).

[20] Кроме того, поставку отдельных предметов обеспечили «охтенский поселянин» Андрей Тарасов, Адольф Эмзен, «купеческий сын» Василий Яковлев, «мастер Филиппов», «столярные мастера» Иван Петров, Яков Штейн, Коновалов, Феклистов, Никитин.

[21] РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (82/516). Д. 127. 1827 г. Л. 278.

[22] РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593). Д. 23. 1827 г. Л. 105, 269.

[23] РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593). Д. 38. 1827–1828 гг. Л. 27, 29, 36, 41, 42. На документы любезно указала сотрудник Государственного Эрмитажа Т. Н. Лехович.

[24] Там же. Л. 15. Примечательно, что уже в начале января 1828 г. образцы французских тканей отправили на подмосковную Купавинскую фабрику князя Н. Б. Юсупова, «дабы по ним сделать таковые же материи».

[25] РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593). Д. 24. 1828 г. Л. 61, 111, 112, 115.

[26] Там же. Л. 61. Сведений о каком-либо наказании Тура в исследованных документах не обнаружено.

[27] РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593). Д. 23. 1827 г. Л. 292.

[28] РГИА. Ф. 470. Оп. 1 (82/516). Д. 140. 1828 г. Л. 421.

[29] РГИА. Ф. 470. Оп. 3 (159/593). Д. 24. 1828 г. Л. 18, 118, 121.

[30] Там же. Л. 169, 170.

Герасимов Владимир Валентинович

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОМЕЩЕНИЙ И СЛУЖБ ПРИ ДВОРЦОВЫХ ПОСТРОЙКАХ АРХИТЕКТОРА М. Е. МЕСМАХЕРА. НА ПРИМЕРЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ИМЕНИЯ В ВЕРХНЕЙ МАССАНДРЕ В КРЫМУ

История создания императорского имения в Верхней Массандре неоднократно становилась предметом исследований и публикаций. Среди них, прежде всего, следует указать научно-исследовательские работы и исторические справки сотрудников Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника, основанные на материалах архива музея-заповедника и республиканского архива [1]. Необходимо отметить, что уже первым музейным специалистам Массандровского дворца и основателям экспозиции — Галиченко А. А. и Пальчиковой А. П. — в целом удалось определить этапы становления и развития императорской резиденции, использования ее в советский период, а именно превращение в учреждение санаторного типа, а затем — в одну из государственных дач для отдыха высокопоставленных правительственных чиновников. Документы по этим вопросам, хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым, были также внимательно изучены и апробированы в новейших исследованиях и публикациях Плужник И. В., Вишневского С. А., Гуменюка А. Ю., внесших заметный вклад в изучение дворцово-паркового ансамбля в Массандре [2]. Тем не менее, ввиду обстоятельств географической отдаленности, за рамками вышеозначенных исследований оказались важнейшие, но и малоизученные архивные документы и проектные материалы Российского государственного исторического архива (далее — РГИА) и Научно-исследовательского музея при Российской академии художеств (далее — НИМРАХ) в Петербурге. Так, например, в РГИА находится обширная ведомственная переписка по вопросу приобретения, обустройства и последующей эксплуатации удельного имения Верхняя Массандра (Ф. 515, Главное управление уделов МИДв). НИМРАХ хранит около 200 оригинальных эскизов и чертежей М. Е. Месмахера (1842–1906) по проектированию и строительству императорской резиденции

в Массандре. Последние поступили в собрание музея из личного архива зодчего, возвращенного из Дрездена после его смерти и переданного в 1918 г. его вдовой В. А. Месмахер (1865–1918). В последующие годы отдельные проектные листы экспонировались в исторических стенах Академии художеств в Петербурге на временных тематических выставках. Наиболее полно эти важные документы были представлены широкой публике лишь осенью 2017 г. на юбилейной выставке «Максимилиан Месмахер. Графическое и архитектурное наследие», приуроченной к 175-летию со дня рождения зодчего и охватывающей основные этапы творческого пути и биографии выдающегося архитектора [3].

В формировании круга заказчиков архитектора М. Е. Месмахера, по нашему мнению, основную роль сыграл государственный секретарь А. А. Половцов (1832–1909). Он мог впервые познакомиться с работой молодого архитектора в 1873–1874 гг. при осуществлении перестройки и отделки дома князя С. С. Гагарина-младшего (1832–1890) на Большой Морской улице (д. 45)[4]. Вскоре и сам А. А. Половцов, выдающийся общественный и государственный деятель, становится постоянным заказчиком Месмахера по перестройке и отделке принадлежащих семье Половцовых объектов недвижимости, прежде всего дома на Большой Морской улице (д. 52)[5]. Он же всецело привлек зодчего в проектирование и постройку учебно-административного корпуса и музея Центрального училища технического рисования в Соляном переулке, здания Архива Государственного Совета на Миллионной улице. Благодаря личному знакомству Половцова с членами императорской фамилии архитектор на протяжении 1880 — нач. 1890-х гг. был обеспечен разнообразными по значимости заказами от великих князей Владимира, Алексея, Сергея и Павла Александровичей, великого князя Михаила Михайловича, а также представителей состоятельной русской аристократии [6]. Очевидно также, что именно А. А. Половцов представил М. Е. Месмахера императору Александру III (1845–1894), предполагавшему осуществить некоторые переделки парадных и жилых комнат в своей городской резиденции — Аничковом дворце [7]. В этой связи блестящий мемуарист Половцов сохранил для нас уникальное свидетельство личной оценки императора Александра III, охарактеризовавшего архитектора как медлительного исполнителя. Государственный секретарь был вынужден вступиться за своего протеже, объяснив характер деятельности архитектора

большой загруженностью проектными и административными работами: «…он труженик и немедлителен в самой работе, только, подобно большинству русских людей, не умеет распределить работу между подчиненными, а все хочет сделать сам…»[8]. Высочайшее недовольство, вероятно, можно было объяснить временными бытовыми неудобствами, которые всегда причиняют те или иные ремонтно-строительные работы. Нет никаких сомнений, что император и императрица в итоге остались довольны новыми жилыми помещениями в 3-м этаже Аничкова дворца, тщательно учитывающими особенности их повседневной жизни.

В нашем распоряжении имеется памятная записка, составленная профессором М. Е. Месмахером 11 ноября 1900 г. и предназначенная для министра императорского двора барона В. Б. Фредерикса (1838–1927), которая вносит полную ясность в обстоятельства начала и хода работ по проектированию императорского дворца в Массандре[9]. Зимой 1891–1892 гг. архитектор получил извещение от исполняющего должность управляющего Департамента уделов Министерства императорского двора князя Л. Д. Вяземского (1848–1909) о высочайшем поручении постройки императорского дворца в имении Верхняя Массандра с использованием стен незаконченной постройки предыдущего владельца. Ввиду того, что подробных пояснений по проекту никто из служащих министерства дать не смог, архитектор просил о личной аудиенции императора, которая была назначена на 1 марта 1892 г. в Аничковом дворце: «…в 1 час дня… с планами Массандровского дома и вопросными пунктами…»[10]. Примечательно, что этот случай является чуть ли не единственным свидетельством взаимодействия высочайшего заказчика и архитектора-исполнителя, когда монарх напрямую изложил свои пожелания в обустройстве и расположении тех или иных дворцовых помещений, а также необходимости строительства зданий сопутствующей императорской резиденции инфраструктуры. Именно этот разговор дал основания для осуществления архитектором М. Е. Месмахером большого комплекса проектных работ, включающих не только концептуальный пересмотр внешнего облика и частичной поэтажной перепланировки существовавшей главной постройки, но и возведение на прилегающей к императорскому дворцу территории Машинного, Кухонного и Конюшенного корпусов: «Государь Император желал, чтобы построены были жилые помещения для Него, Государя Императора, для Государыни Императрицы и для Их Августейших Детей; чтобы кухня была помещена не во дворце, а в отдельном здании и чтобы для лошадей было возведено также отдельное здание, станков на двадцать. Вспомнив о существующей в Массандровском имении церкви, Государь Император изволил высказать, что и ее следует перестроить, но не сейчас, а по окончании дворца»[11]. Позднее к этим личным указаниям государя были добавлены уточнения по составу и количеству должностей, поступившие не только от различных придворных служб[12], но и самого заказчика: «Государь Император Александр III изволил приказать устроить вблизи дворца помещения для г. Министра Двора, Гофмаршала и Свиты, отдельными павильонами»[13].

Необходимо подчеркнуть, что к этому времени в Петербурге полностью сформировался подход к строительству или приспособлению дворцовых сооружений, предназначенных для проживания императорской семьи или других членов императорской фамилии. Огромный опыт подобного строительства был приобретен преимущественно в царствование императора Николая I, высочайшим волеизъявлением которого Петербург и его ближайшие окрестности, в особенности вблизи Петергофа, стали местом строительства или перестройки императорских и великокняжеских резиденций по проектам выдающихся российской архитекторов, среди которых особенное место занимают А. И. Штакеншнейдер (1802–1865) и Г. Э. Боссе (1812–1894). Наиболее четкая структура архитектурного комплекса, включающего, помимо здания дворцового назначения, группу сооружений второстепенного назначения, сложилась в городских и загородных постройках А. И. Штакеншнейдера для великой княгини Марии Николаевны (1819–1876), а также несколько позднее — для великих князей Николая (1831–1891) и Михаила (1832–1909) Николаевичей. Этот опыт был подхвачен пришедшим на смену придворным архитектором Г. Э. Боссе[14], спроектировавшим для младших сыновей императора Николая I замечательные дворцово-парковые ансамбли на Знаменской и Михайловской дачах. Последняя работа оказалась, кроме прочих особенных качеств, новаторским сооружением по характеру объемно-планировочной композиции и архитектурно-художественного оформления зданий комплекса, включающих Большой и Малый дворцы, Кухонный, Гофмейстерский и Конюшенный корпуса[15].

В сравнении со своими талантливыми предшественниками, М. Е. Месмахер оказался в обстоятельствах не только существенного

сокращения городского пространства для строительства новых казенных и частных зданий, но и в условиях «угасания» дворцового строительства. Последнее объясняется естественными причинами: наследники старались приспосабливать для проживания помещения не только самих дворцов, но и служебных построек на прилегающих участках. Так, например, произошло с квартирами великих князей Александра, Сергея и Георгия Михайловичей, устроенными в служительском доме по Миллионной ул., д. 19[16]. Аналогично поступили в другом великокняжеском доме по соседству — Владимирском дворце, где квартиры молодых великих князей также расположили «с обратной стороны» дворца по Миллионной улице[17]. Немаловажным в это время оказался и вопрос финансовых возможностей членов императорской фамилии, число которых в последней четверти XIX в., как известно, существенно выросло, а источник их содержания постепенно иссякал, что являлось «головной болью» Министерства императорского двора, искавшего любые возможности пополнения своего бюджета.

Во избежание возрастающих расходов на покупку земельного участка и строительство здания для младших братьев императора Александра III — великих князей Сергея (1857–1905) и Павла (1860–1919) Александровичей — были приобретены здания с существующей роскошной внутренней отделкой: дом князей Белосельских-Белозерских на Невском проспекте (д. 41) и дом барона А. Л. Штиглица (1814–1884) на Английской набережной (д. 68)[18]. В том и другом случае новые владельцы этих зданий на первом этапе ограничились переделкой личных апартаментов, для чего не без участия Половцова ими приглашался архитектор М. Е. Месмахер[19].

Строительство на Адмиралтейской набережной дворца для вел. кн. Михаила Михайловича (1861–1929), позднее вступившего в морганатический брак и получившего запрещение на возвращение в Россию, было осуществлено М. Е. Месмахером на ограниченном участке земли старого Адмиралтейства. Архитектурный дар позволил автору вместить на замкнутой с четырех сторон площади большое по площади и объему сооружение, включавшее необходимые жилые и представительские функции великокняжеской резиденции[20]. Остальные служебные и хозяйственные задачи были возложены на построенный на смежном участке по Черноморскому переулку Служебный флигель, соединенный с дворцом переходной через узкий переулок галереей[21].

Постройка дворца для генерал-адмирала вел. кн. Алексея Александровича (1850–1908), пожалуй, имела наиболее благоприятные условия развития дворцового комплекса. Обширная площадь земельного участка, расположенного вблизи действующей судостроительной верфи в некотором удалении от центра столицы, позволяла не только максимально «перекомпановать» и расширить старый дом сенатора А. И. Сабурова (1797–1866), разбить пейзажный парк, но и свободно разместить на плане участка служебные корпуса великокняжеской резиденции: конюшню с каретниками и жилыми помещениями для обслуживающих должностей[22], корпус с отопительной машиной и жилым флигелем для персонала[23], а также четырехэтажный дом для придворных служителей всех уровней с комфортабельными квартирами и комнатами для проживания[24]. В общей сложности хранящийся в НИМРАХ графический комплект по проектированию и строительству этого дворцового комплекса включает не менее 100 листов, в том числе великолепные по уровню исполнения акварельные развертки стен и потолков отдельных интерьеров дворца.

Проектирование императорского дворца в Верхней Массандре архитектор начал, предварительно посетив Массандру, получив необходимые чертежи, включая авторский комплект Э. Бушара[25], натурные фотографии существующей постройки, а также генеральный план прилегающей территории. Первоначально помощь архитектору оказывал штатный архитектор Департамента уделов — П. К. Теребенев (1841–?), которого с весны 1893 г. сменил «помощник по дворцовым постройкам» М. Е. Месмахера — архитектор О. Э. Вегенер (1851–п. 1920). На плечи последнего было возложено строительство императорского дворца и завершение его отделки.

6 июля 1892 г. архитектор М. Е. Месмахер получил возможность представить разработанный проект лично императору Александру III в Александрии. Проект получил полное одобрение, а его реализация с разработкой рабочих чертежей и ведением строительных работ были целиком возложены императором лично на архитектора Месмахера.

Дворцовая постройка в Массандре в сравнении с другими местами высочайшего пребывания отличалась небольшими площадями, которые архитектор сумел распределить по определенной государем «программе». Поэтажные планы, наброски отдельных конструктивных и эскизы интерьерных решений (с пояснительными надписями),

а также архивные документы позволяют реконструировать этот замысел. В нижнем этаже дворца предполагалось устроить Столовую, Буфет, Винный погребок, Бильярдную и Сервизную, а также помещения для лакеев и кладовые. Второй этаж полностью отводился для императорской четы и включал следующие помещения: Прихожую, Приемную Его Величества, Приемную Ее Величества, Кабинет Его Величества, Кабинет Ее Величества и индивидуальные Уборные комнаты с ватерклозетом, ванной и туалетными столиками [26]. В приемочной описи дворца в 1902 г. на этом этаже указаны также Шкафная и Телефонная [27]. Третий этаж, в соответствии с пожеланием заказчика, отводился августейшим детям: Георгию (1871–1899), Ксении (1875–1960), Михаилу (1878–1918) и Ольге (1882–1960) (вероятно, исключая старшего сына — цесаревича и вел. кн. Николая Александровича (1868–1918). Каждому из них отводились небольшие в плане апартаменты, состоящие из 1–2 комнат с добавлением индивидуальных Уборных с ватерклозетами и ванной. По общему коридору этого этажа располагались гардеробные и бельевые шкафы. Компактные помещения тем не менее предполагали наличие высококачественной художественной отделки с использованием резного дерева, текстильных обоев, керамических панно и живописных плафонов, эскизы которых выборочно сохранились в архиве архитектора.

Таким образом, обитателями дворца в Массандре являлась только императорская семья, присутствие личной прислуги было сведено до минимальной необходимости. Хозяйственные и второстепенные службы были полностью выведены из главной постройки, за исключением самого необходимого.

Отсутствие в нашем распоряжении генерального плана проектируемой императорской резиденции с расположением на местности остальных корпусов, к сожалению, не позволяет сделать предположений о замысле архитектора по распределению тех или иных корпусов.

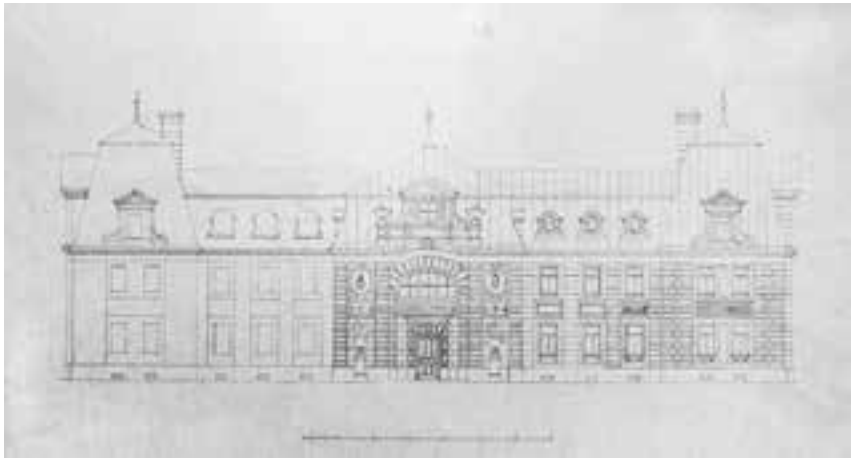
Из графического архива М. Е. Месмахера в НИМРАХ к проектированию Конюшенного двора при Массандровском дворце следует отнести 38 проектных чертежей — от эскизов и набросков до листов, оформленных в паспарту [28].

Композиция Конюшенного двора в плане образована из двух частей, имеющих общий двор в центре с двумя заездами с противоположных сторон [29]. Первая часть состоит из замкнутых в отдельный

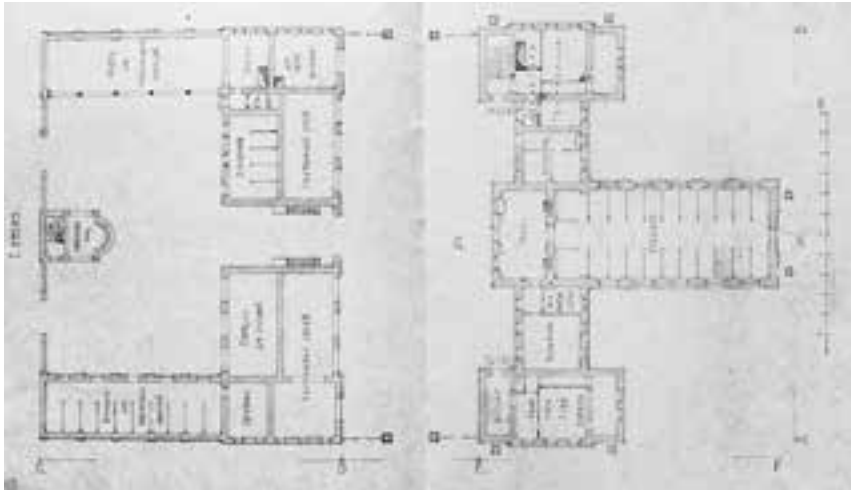
малый двор следующих одноэтажных сооружений: навеса для приезжающих экипажей (на 5 мест), коровника (на 5 голов), конюшен для «разгонных» лошадей (на 10 стойл), экипажного сарая (на 3 места), помещений для сторожа и сбруйной. К этой же части следует отнести обращенные в общий двор экипажные сараи (на 7 мест) с помещениями для мытья экипажей. Вторая часть Конюшенного корпуса состоит из Т-образного в плане двухэтажного здания главных конюшен, центральный объем которых относительно примыкающих симметричных флигелей значительно выдвинут в плане. Внутренние помещения с двух сторон освещены высокими полуциркульными окнами. Торцевая стена центрального объема представляет собой главный фасад здания и одновременно парадный фасад Конюшенного двора. По замыслу автора проекта, он был оформлен фигурным фронтоном, парными водопойными чашами при входе, а также большим рельефом над входом с изображением «Коней Солнца» (копия с рельефа скульптора Р. Ле Лоррена (1666–1773) для особняка де Роган в Париже)[30]. Овальные ниши на месте окон второго этажа предполагалось заполнить лепными композициями с монограммой императора Александра III. Вход в здание проектировался с противоположной стороны здания, обращенной в общий двор. Здесь располагались сени, из которых различные двери вели, помимо конюшен, в помещения шорной, седельной и сбруйной. Состав перечисленных помещений в разных вариантах проекта менялся, и в одном из них, например, проектировался лазарет для лошадей с отдельным входом со стороны общего двора. В боковых частях (флигелях) рассматриваемого здания, имеющих отдельные лестницы, планировалось устроить служебные квартиры гоф-фурьера и смотрителя. Во втором этаже проектировались жилые помещения для дворцовых должностей — камердинеров, рейкнехтов, камер-юнгфер, а также небольшая «служебная» кухня со столовой и жилыми помещениями для кухонного персонала [31]. Наконец, в мансардном этаже предполагалось разместить жилые помещения официантов, швейцара, унтер-шталмейстера, ездового, кучеров (6 человек) и общие комнаты для дворников (6 человек) и конюхов (14 человек). Таким образом, Конюшенный двор должен был исполнять не только прямую функцию по размещению и содержанию лошадей, обслуживанию экипажей, но и включал обширные жилые площади для обслуживающего персонала императорской резиденции. Во внешнем оформлении Конюшенного двора

использованы приемы французской архитектуры XVII в. с характерной высокой с переломом кровлей, прорезанной мансардными окнами круглой и овальной форм, высокими фигурными фронтонами, лепным орнаментальным декором и вазонами. При оформлении фасадов архитектор широко предполагал использовать крупный штукатурный руст, имитирующий пилястры, гладкий руст для остальных плоскостей стен, заполненных прямоугольными филенками различной конфигурации. Акварельные отмывки некоторых чертежей Месмахера позволяют считать, что фасады Конюшенного корпуса предполагалось окрасить одним колером песочного оттенка, вероятно, наиболее близко имитирующего окраску естественного камня. Массивный объем кровли предполагалось окрасить традиционным колером светло-зеленого оттенка [32] (ил. 1, 2).

Комплект авторских чертежей по проектированию Кухонного корпуса [33] насчитывает 27 графических чертежей рабочего характера и четыре листа с акварельной отмывкой, оформленных в паспарту [34]. Кухонный корпус задумывался как отдельно стоящая постройка, напоминающая небольшой замковый комплекс, внешний облик которого отсылает к постройкам периодов Средневековья и Ренессанса, характерным для стран Северной Европы. По сути, это крепостное каменно-кирпичное сооружение с узкими окнами и высокими доминантами в виде башен и дымовых труб должно было производить мрачное впечатление. Однако творческая фантазия архитектора М. Е. Месмахера сумела превратить исторический прообраз в жизнерадостную искусно оформленную постройку сельского типа. Без сомнения, ретроспективный образ этой постройки собрал идеалистические представления и впечатления архитектора, полученные во время европейских путешествий. Надо полагать, что эти эстетические пристрастия вполне разделяла и императорская фамилия, взорам которой должны были открыться все части новой резиденции на берегу Черного моря. Благодаря игре объемов различных частей постройки, разнообразным приемам декоративной отделки и неповторяющимся формам и линиям, силуэт здания с четырех сторон воспринимается совершенно по-разному. Очевидно и то, что расположение Кухонного корпуса относительно императорского дворца было наиболее близким, чем отчасти обуславливаются высокие архитектурно-художественные характеристики этого сооружения. Несомненно, что это здание при его фактическом осуществлении не только рождало бы положительные

Ил. 1. М. Е. Месмахер. Проект Конюшенного корпуса в имении «Верхняя Массандра» Главный фасад. Вариант. 1892–1894. НИМРАХ

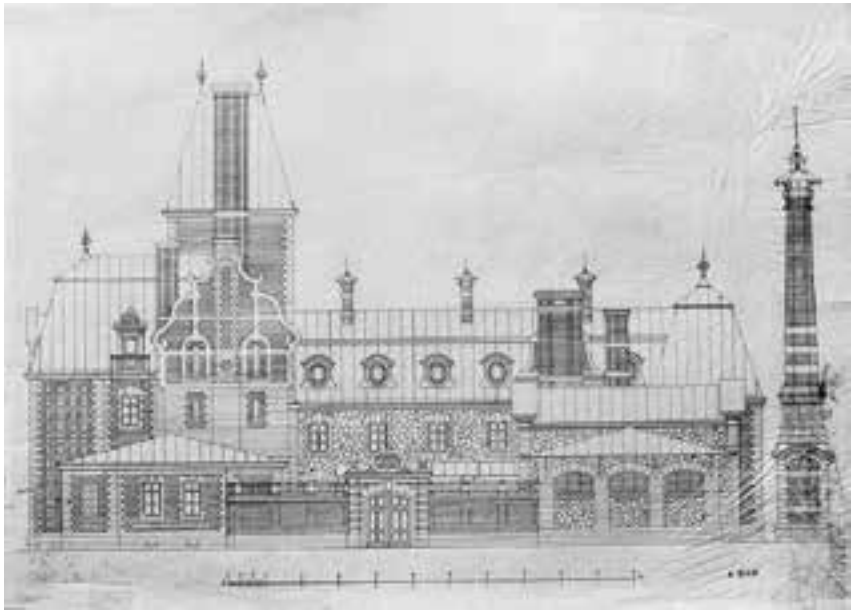
Ил. 2. М. Е. Месмахер. Проект Конюшенного корпуса в имении «Верхняя Массандра» План 1-го этажа. Вариант. 1892–1894. НИМРАХ

эмоции при его внешнем созерцании, но и доставляло бы большое удовольствие тому, кто должен был в нем работать и проживать.

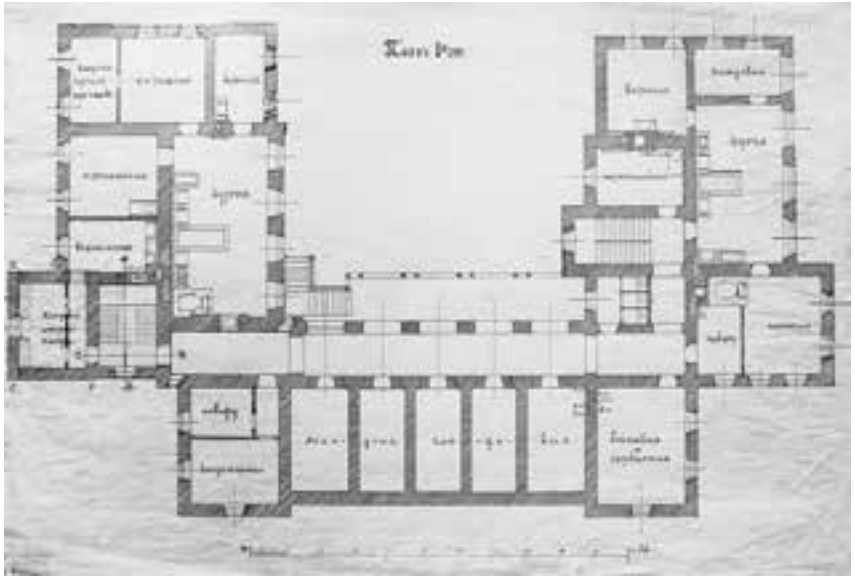
Подробно проработанные чертежи зодчего позволяют проследить эволюцию по зонированию помещений этой постройки. Кухонный корпус в плане имеет П-образную форму, замкнутую с одной стороны каменной оградой с воротами и хозяйственным двором

между флигелей[35]. В центре подвального этажа располагались обширные каменные ледники, над которыми, на первом этаже, размещались «холодные кладовые». К ледникам по сторонам примыкали различные погреба для хранения продуктов, а также «кладовая для серебра» и ламповая. В одном из флигелей расположен двухчастный винный погреб. В подвале отведены жилые помещения для «погребщика», ламповщика, кочегаров, «черных рабочих». Здесь же запроектирована «столовая для лакеев». Причем жилые комнаты лакеев занимают практически все мансардные помещения (по 4 человека в комнате, всего 28 человек). Вместе с ними в мансардном этаже устроены жилые комнаты для официантов (4 человека) и индивидуальные комнаты для скорохода и гардеробного помощника. Одна часть мансарды полностью занята кладовой для мебели и сундуков. Под ней, на втором этаже, расположена бельевая и сервизная комнаты. Здесь же, по соседству — телеграфная комната с жилой комнатой для телеграфиста. Остальные помещения отведены для проживания поваров: четыре помещения по четыре человека. Отдельные комнаты предоставлены «старшему по кухне» и помощнику машиниста. Машинисту, отвечающему за эксплуатацию всех механических приспособлений комплекса, отведена отдельная комната с кухней. Одну комнату, также на втором этаже, занимает старший повар и «французский пирожник». Здесь же устроена небольшая кухня и столовая комната для питания чернорабочих. Наконец, в первом этаже здания расположена императорская кухня, состоящая из Малой и Большой кухонь, разнесенных в симметричные флигели. В помещении Большой кухни изображены технологически увязанные между собой различные плиты, очаги и печи. Небольшие отдельные помещения занимает вертел, кофишенская, кондитерская и пирожковая. Вблизи устроены кладовые для медной посуды и сухих припасов. По соседству с кухней, вероятно по причине наличия нескольких теплоисточников, устроена «портомойная». Примерно тот же состав помещений и в Малой кухне, к которой примыкает помещение сервизной и бельевой. Оба флигеля, кроме коридора вдоль «холодных кладовых», соединены открытой галереей под навесом, обращенной во внутренний двор. На всех этажах здания устроены ватерклозеты. В каждом корпусе имеется каменная лестница (ил. 3, 4).

Проект осуществленного в постройке Машинного корпуса представлен пятью чертежами, из которых один — графический лист с изображением всех фасадов, разрезов и планов, а другие

Ил. 3. М. Е. Месмахер. Проект Кухонного корпуса в имении «Верхняя Массандра» Фасад со стороны двора. Вариант. 1892–1894. НИМРАХ

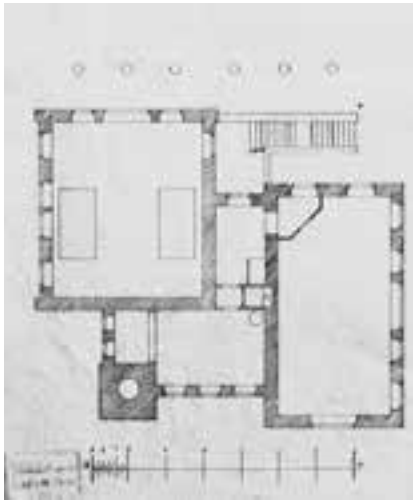
Ил. 4. М. Е. Месмахер. Проект Кухонного корпуса в имении «Верхняя Массандра» План 1-го этажа. Вариант. 1892–1894. НИМРАХ

четыре — акварельные отмывки четырех фасадов здания[36]. Наружное оформление этого изящного сооружения решено также с использованием архитектурных приемов стилей ренессанса и барокко. Здание запроектировано из двух частей, в одной из которых размещены паровые котлы, предназначенные для круглогодичного отопления помещений дворца. Необходимость устройства парового отопления архитектор М. Е. Месмахер объяснил также в своей памятной записке на имя барона В. Б. Фредерикса: «…я счел долгом обратить внимание князя Л. Д. Вяземского на то обстоятельство, что невозможно оставлять дворец со столярною отделкою его без всякого отопления…»[37]. Для выполнения работ по водоснабжению и отоплению дворца архитектор пригласил петербургскую фирму «Товарищество по устройству отопления и вентиляции зданий Лукашевич и *К*°», услугами которой Месмахер пользовался на других объектах и был уверен в качестве их работ. Это предприятие было учреждено в 1885 г. в Санкт-Петербурге профессором Института гражданских инженеров С. В. Лукашевичем. Несмотря на недолгий опыт работы, компания успешно выполнила работы по устройству отопления и вентиляции в здании Архива Государственного Совета, ранее возведенного М. Е. Месмахером на Миллионной улице. Инженер С. В. Лукашевич являлся не только практикующим строителем и преподавателем Института гражданских инженеров, но и основателем отечественной школы вентиляции и отопления, автором фундаментальных трудов по данным отраслям строительства. Подробности дальнейшего строительства здания Машинного корпуса, ставшего в начале 1900-х гг. также и местом постоянного размещения дворцовой охраны, хорошо представлены в работе крымских исследователей[38] (ил. 5, 6).

В результате резкого ухудшения состояния здоровья 20 октября 1894 г. в Ливадийском дворце последовала кончина императора Александра III, ставшая полной неожиданностью для его близких и подданных. Вскоре, после завершения траурных мероприятий, архитектору М. Е. Месмахеру последовало относительно продолжения строительных работ в Массандре предписание Главного управления уделов от 12 ноября 1894 г. следующего содержания: «…никаких флигелей — ни кухонных, ни конюшенных не потребуется, а нужны будут только так называемая приспешная кухня и достаточно просторный сторожевой дом для помещения лица, которому будет поручен надзор за дворцовыми постройками…»[39]. Фактически это

Ил. 5. М. Е. Месмахер. Проект Машинного корпуса в имении «Верхняя Массандра» Фасад. Вариант. 1892–1894. НИМРАХ

Ил. 6. М. Е. Месмахер. Проект Машинного корпуса в имении «Верхняя Массандра». План 1-го этажа. Вариант. 1892–1894. НИМРАХ

означало завершение начатого рабочего проектирования и подготовительных работ к строительству дворцовых служб.

23 января 1895 г. относительно дальнейшего строительства Массандровского дворца последовало следующее повеление императора Николая II: «Достроить дворец и окончить внутреннее его убранство, никаких новых построек не возводить». Как известно, новый император не планировал использовать Массандровский дворец для временной остановки во время пребывания в Крыму. В дальнейшем его редкие посещения имения Верхняя Массандра касались вопросов скорейшего завершения «в память августейшего родителя» затратного для бюджета сооружения. Тем не менее архитектору М. Е. Месмахеру удалось не только убедить чиновников Министерства императорского двора в необходимости достройки Машинного корпуса для отопления дворца, но и в возведении специальных контрфорсов в виде декоративных стен во избежание оползней и повреждения фундаментов дворца от атмосферных осадков. Вносились изменения в элементы внутренней отделки дворца. В частности, в проект дверных полотен и порталов была введена монограмма императора Николая II и его супруги, состоящая из переплетенных букв и цифр — Н, А, II под короной, о чем свидетельствуют недавно атрибутированный эскиз из архива зодчего[40].

Таким образом, блестящая императорская резиденция в Массандре, к сожалению, не состоялась в том представлении, какой ее видели император Александр III и зодчий Максимилиан Месмахер. Дворцовая постройка тем не менее, пережив немало лишений и утрат, остается одной из самых ярких достопримечательностей Крыма.

---

[1] *Калинин Н. Н.* История имения «Массандра» (1917–1941). Историческая справка. 1994. Научный архив ГБУ РК «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник»; *Калинин Н. Н.* Скульптура Массандровского дворца // Крымские искусствоведческие чтения. Вопросы теории, истории и критики искусства Крыма: материалы республ. науч.-теор. конф. Симферополь, 1996. С. 45–47; *Плужник И. В.* Историческая справка «Массандровский дворец в 1940–1950-х гг.». 2012. Научный архив ГБУ РК «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник».

[2] *Вишневский С. А., Гуменюк А. Ю.* Основные этапы строительства Массандровского дворца императора Александра III (1889–1902) // Таврический научный обозреватель. 2017. № 1 (18). С. 4–10; *Вишневский С. А., Гуменюк А. Ю.* История строительства и эксплуатация машинного отделения Массандровского дворца императора Александра III (1898–1956) // Таврический научный обозреватель. 2017. № 4 (21). Ч. 1. С. 44–48; *Гуменюк А. Ю.* Из истории строительства и внешнего оформления Массандровского дворца Александра III в 1892–1900 гг. // Общество: философия, история, культура. 2022. № 2. С. 88–92; *Плужник И. В.* Массандровский дворец: от имения графа Воронцова до музея // Александр III. Семья. Коронация. Путешествия. Массандра. Научно-популярное издание. СПб., 2019. С. 60–77.

[3] Куратором юбилейной выставки «Максимилиан Месмахер. Графическое и архитектурное наследие М. Е. Месмахера», прошедшей в период с 6 сентября по 15 октября 2017 г. в Тицановском и Екатерининском залах здания Академии художеств в Петербурге, являлся автор настоящей публикации.

[4] *Андреева В. И., Герасимов В. В.* Маленький шедевр больших мастеров. Дом П. Н. Демидова — В. Ф. Гагариной (Большая Морская ул., 45) // Реликвия. Реставрация. Консервация. Музеи. Санкт-Петербург. 2017. № 34. С. 43.

[5] Объект культурного наследия федерального значения «Дом Половцова А. А. с дворовыми флигелями» (адрес: г. Санкт-Петербург, Б. Морская ул., 52). Историческая справка. Авторы-составители Андреева В. И., Герасимов В. В. По заказу ОАО «СПб ИНСТИТУТ «ЛЕНПРОЕКТРЕСТАВРАЦИЯ». СПб., 2017.

[6] *Герасимов В. В.* Проекты памятных сооружений в творческом наследии М. Е. Месмахера. По следам недавних открытий // Месмахеровские чтения-2020: материалы междунар. науч.-практ. конф., 19–20 марта 2020 г.: сб. научн. ст. СПб., 2020. С. 72.

[7] *Герасимов В. В.* Проекты М. Е. Месмахера для Аничкова дворца: реализация и атрибуции графического наследия архитектора // Месмахеровские чтения-2019: материалы междунар. науч.-практ. конф., 21–22 марта 2019 г.: сб. научн. ст. СПб., 2019. С. 141.

[8] Александр Половцов. Дневник государственного секретаря. Т. 2. 1887–1892. М., 2005. С. 64.

[9] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. 1890–1903 гг. Л. 4–13 об.

[10] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1930. 1890–1901 гг. Л. 15.

[11] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. 1890–1903 гг. Л. 4–13 об.

[12] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1930. 1890–1901 гг. Л. 17.

[13] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. 1890–1903 гг. Л. 4–13 об.

[14] *Андреева В. И.* Гаральд Боссе. СПб., 2009.

[15] *Андреева В. И., Герасимов В. В.* Дворцово-парковый ансамбль Михайловской дачи. СПб., 2013.

[16] См. об этом: *Андреева В. И., Герасимов В. В.* Ново-Михайловский дворец. От великокняжеских коллекций к государственным музеям // Дворцы, особняки, усадьбы. Музейный формат: материалы XXIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2018. С. 14.; Паспорт объекта культурного наследия федерального значения «Дворец вел. кн. Михаила Николаевича (Дворцовая наб., 18)». Авторы-составители: Андреева В. И., Герасимов В. В. СПб., 2008. Архив КГИОП. П-178. Инв. № 1343п.

[17] Паспорт объекта культурного наследия федерального значения «Дворец вел. кн. Владимира Александровича (Дворцовая наб., 26)». Авторы-составители: Андреева В. И., Герасимов В. В. СПб., 2008. Архив КГИОП. П-467. Инв. № 1351п.

[18] Любопытно, что продажа последнего для вел. кн. Павла Александровича была осуществлена семейством Половцовых со значительной уступкой в цене, о чем достаточно подробно сообщает государственный секретарь А. А. Половцов в своих мемуарах.

[19] *Герасимов В.* К постановке вопроса о работах М. Е. Месмахера во дворце вел. кн. Сергея Александровича в Санкт-Петербурге // Месмахеровские чтения-2017: материалы междунар. науч.-практ. конф., 21–22 марта 2017 г.: сб. научн. ст. СПб., 2017. С. 11.

[20] НИМРАХ, инв. № А-21207–А-21209, А-21284 и другие чертежи.

[21] *Лапина Е. Б.* Дворец великого князя Михаила Михайловича // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: исследования и материалы. Вып. 7. СПб., 2004. С. 144–161.

[22] НИМРАХ, инв. № А-21232–21236.

[23] НИМРАХ, инв. № А-21036–21038.

[24] НИМРАХ, инв. № А-21060–21062.

[25] НИМРАХ, инв. № А-21352–21362.

[26] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. 1890–1903 гг. Л. 33–35 об.

[27] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 2132. 1902–1903 гг. Л. 61–70.

[28] НИМРАХ, инв. № А-21423, А-21425–21461.

[29] НИМРАХ, инв. № А-21431.

[30] Гипсовая копия рельефа была установлена в здании конюшен с манежем Н. М. Половцовой в Санкт-Петербурге по адресу: набережная Крюкова канала, д. 12. Копию оригинального рельефа Р. Ле Лоррена предполагалось также включить в экспозицию одного из выставочных залов музея Центрального училища технического рисования.

[31] НИМРАХ, инв. № А-21432.

[32] НИМРАХ, инв. № А-21423, А-21426, А-21428.

[33] Авторское название комплекта: «Проект Кухонного флигеля при дворце в удельном имении „Верхняя Массандра“».

[34] НИМРАХ, инв. № А-21008–А-21027, А-21465.

[35] НИМРАХ, инв. № А-21465.

[36] НИМРАХ, инв. № А-21029, А-21030–21033.

[37] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. 1890–1903 гг. Л. 4–13 об.

[38] *Вишневский С. А., Гуменюк А. Ю.* История строительства и эксплуатация машинного отделения Массандровского дворца императора Александра III (1898–1956) // Таврический научный обозреватель. 2017. № 4 (21). Ч. 1. С. 44–48.

[39] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1931. 1890–1903 гг. Л. 4–13 об.

[40] НИМРАХ, инв. № А-21112.

Гертнер Елена Ивановна

СЛУЖИТЕЛИ ДЛЯ ОХРАНЫ ДВОРЦОВ И ПАВИЛЬОНОВ ПЕТЕРГОФА *

Множество людей на протяжении долгих лет, со времени постройки первых дворцовых зданий и по сегодняшнее время, обеспечивают жизнь Петергофских дворцов и парков. Это садовники, смотрители, служители для охраны и т. п. Сведения о тех из них, кто жил и работал в XVIII — начале XX в., отрывочны и скудны. Однако в процессе исследования появляются имена служителей, подробности их жизни и работы, и даже фотоизображения.

В процессе изучения различных документов удалось установить некоторые имена служителей при Царицыном и Ольгином павильонах в Петергофе. В данной статье представлены истории трех сотрудников Царицына и Ольгина островов. Все они представители служителей охраны, работали в разные периоды времени, но наиболее интересны в связи с обстоятельствами их судеб.

В 1827 г. была образована новая охранная структура — Рота дворцовых гренадер[1]. «По образцу прусской дворцовой роты, в ознаменование особого благоволения к нижним чинам лейб-гвардии, которые оказывали мужество в Отечественную войну и во все продолжение службы отличали себя усердием честностью и примерным поведением, чтобы они были обеспечены содержанием на всю жизнь, и чтобы служба их состояла только в полицейском надзоре во дворцах, где будет иметь пребывание Его Величество.»[2] Кандидату в дворцовую стражу уделялось особое внимание, он должен был быть православным, холостым, крепкого телосложения и хорошего здоровья, благообразной наружности и совершенной благонадежности.

Таким был Марк Филиппов сын Филиппов[3] — первый смотритель павильона на Ольгином острове в Петергофе. Определен на остров по личному повелению государя императора Николая I 8 июня 1851 г.[4] Очевидно, Николай Павлович знал об этом бравом молодце, а возможно, и великая княгиня Ольга Николаевна решила устроить судьбу М. Ф. Филиппова, будучи шефом Гусарского полка.

Судя по имеющимся документам, рядовой в отставке Филиппов был привлекательным молодым человеком, «имел лицо чистое, волосы светло-русые на голове и усах, глаза серые, нос умеренный, рост — 2 аршина 8½ вершков» (179,5 см)[5]. Происходил он из солдатских детей Орловской губернии, Малоархангельского уезда, деревни Волдовой. Был призван на службу 2 декабря 1836 г. 20 лет от роду, православного вероисповедания, холост[6]. Как следует из формулярного списка службы Гусарского Е. И. В. великой княгини Ольги Николаевны полка, Филиппов имел «серебряную медаль за усмирение Венгрии и Трансильвании в 1849 году; и за 10-летнюю беспорочную службу одну нашивку на левом рукаве мундира из желтой тесьмы»[7]. Причем в сражении против венгров при селении Самость рядовой Филиппов отличился на поле боя и был тяжело ранен в правую руку, впоследствии ее пришлось ампутировать «пониже локтя»[8]. После выздоровления он был уволен в отставку по распоряжению Инспекторского департамента от 20 апреля 1850 г.[9]

Ранее служители на Ольгином острове не проживали. Пригодных условий для постоянного нахождения персонала на острове не создавалось. Это было связано с системой отопления павильона. Так как зимняя топка подвальной комнаты, а печь находилась именно в подвале здания, была признана «вредной павильону[10] архитектором[11], назначались дежурные истопники для надзора и черной работы без особого жалованья».[12]

По прошению начальника Петергофского дворцового управления С. М. Лихардова министру императорского двора генералу-фельдмаршалу князю П. М. Волконскому на Ольгином острове была разрешена постройка первой караулки для смотрителя (служителя охраны)[13]. Караулка была построена на юго-западном берегу острова, имела фундамент из булыжного камня, кирпичный цоколь и рубленные деревянные стены; с одной стороны был «пристроен [дворик] с навесиком» длиной чуть больше 4 м и шириной 3 м[14]. Император обозначил ее место на плане острова «…с тем, чтобы она была обсажена деревьями и кустами, дабы была не видна»[15]. Марку Филипповичу было назначено жалованье из кабинета Е. И. В. 85 руб. 74 коп., на платье — 57 руб. 15 коп. и наградные деньги по 42 руб. 87 коп. серебром в год[16]. Смотритель поддерживал порядок на острове, охраняя его и сопровождая посетителей,

* Благодарю за помощь в поиске материалов для статьи хранителя музея «Царицын и Ольгин павильоны» ГМЗ «Петергоф» Ирину Анатольевну Рудоквас, Нину Ивановну Тарасевич (племянницу М. П. Рудак).

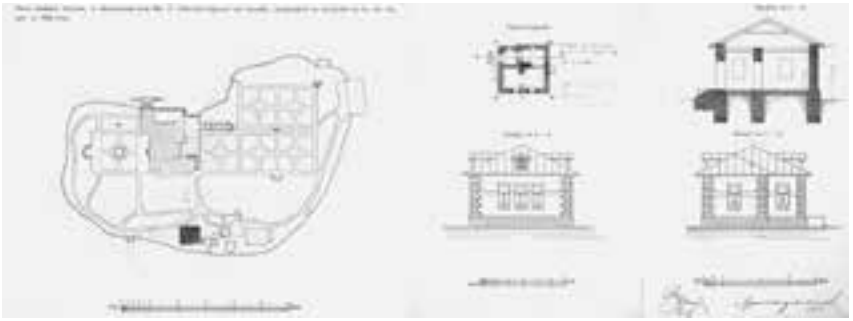
поднимавшихся на верхнюю смотровую площадку павильона. Возможно, он упоминается в «Рассказах об императоре Николае I» А. В. Эвальда. В одном из эпизодов кадеты военного лагеря во время прогулки по Петергофу, которая им дозволялась накануне царского смотра, поднимались на «башню Ольгина павильона, где располагалась на подставке большая зрительная труба», в сопровождении «сторожа башни, отставного старика-солдата»[17].

Более подробные сведения о служителе удалось получить только благодаря тому, что Филиппов решил жениться на дочери местного крестьянина и испросил разрешение на «вступление в законный первый брак»[18]. Так как письменных подтверждений о том, холост он на самом деле или нет, в Петергофском дворцовом управлении не имелось, были запрошены копии формулярного списка из военного министерства. Из полученных управлением документов следовало, что Марк Филиппович холост[19], и 13 января 1852 г. он вступил в законный брак с «дочерью умершего крестьянина Егора Григорьева д. Костино, Натальею»[20], о чем было выдано свидетельство Петропавловской приходской церковью.

Из некоторых документов Петергофского дворцового управления можно сделать вывод, что до 1907 г. на Царицыном острове находились временные сторожа-дворники[21], ночные сторожа[22] и, в летнее время, фонтанщик[23]. Также были обнаружены сведения о нескольких смотрителях, долгое время служивших и проживавших при Царицыном павильоне, но эти сведения требуют уточнения.

Сотрудники, о которых имеются более полные данные, но также требующие дальнейшего изучения, — это служители для охраны Царицына павильона Антон Игнатьевич и Марфа Павловна Рудак. Семья Рудак более 50 лет являлась смотрителями и сторожами Царицына острова и павильона. Они застали и царское время, и революцию, и открытие музея в 1924 г., пережили обе войны XX в. и в мирное послевоенное время продолжали свою службу[24].

Антон Игнатьевич Рудак родился в деревне Шайтаровка Глубоцкой волости Дриссенского уезда Виленской губернии в 1872 г. Образование имел домашнее[25]. Рудак был также из отставных военных, а именно нестроевой рядовой особого счета Управления Дриссенского уездного воинского начальника, из крестьян[26]. Начал свою службу в Петергофском дворцовом управлении 17 июня 1904 г.: в этом году он был переведен из конюхов казенной конюшни в годовые дворники при дворцовых зданиях, с жалованьем по 15 руб. в месяц[27]. Скорее

Ил. 1. А. К. Миняев. Проект каменной караулки для сторожа на Царицыном острове в Петергофе. 1915. ГМЗ «Петергоф»

всего, периодически выполнял эту работу и на Царицыном острове. Есть предположение, что Антон Игнатьевич был слугой помощника начальника Петергофского дворцового управления Н. П. Квашнина-Самарина[28], и тот, уходя в отставку, содействовал его назначению в Царицын павильон. Если эта версия верна, то с А. И. Рудаком связана история, упомянутая в книге С. А. Нилуса «На берегу Божьей реки»: «…смотритель дворца… сказывал нам (было это в начале первого десятилетия нового века), что, выйдя раз ночью из своего помещения, он над большим Петергофским дворцом увидел на небе огромной величины огненный меч, и видел его не один он, а вся его семья и сослуживцы, которых он созвал наблюдать это грозное явление, вскоре после того также внезапно исчезнувшее, как и появившееся»[29]. Так семья служителей Царицына острова могла стать свидетелями предзнаменования многих событий: и революции, и Великой Отечественной войны, и гибели в огне Большого дворца.

Как следует из архивных документов ГМЗ «Петергоф», 17 октября 1907 г. А. И. Рудак был переведен в служители для охраны на Царицыном острове (постоянная ставка, в отличие от годовых дворников)[30]. С этого времени Антон Игнатьевич с женой и сыном обосновались здесь надолго (их единственный сын умер в 18-летнем возрасте)[31]. Долгое время постоянные смотрители Царицына павильона и острова, вероятно, проживали в одном из служебных помещений дворца — Буфетной. В 1915 г. для них была построена каменная караулка, в которой в настоящее время, после небольшой переделки, разместили служебные помещения сотрудников ГМЗ «Петергоф». Рудак охранял остров и павильон, следил за его состоянием. В 1924 г., когда Царицын павильон был открыт как музей, Антон Игнатьевич также выполнял

обязанности паромщика и даже иногда взимал «неустановленные сборы» с посетителей, за что им был получен выговор[32]. В 1926 г., напротив, выполнял функции музейного служителя, за что получал доплату[33].

Сведения о жене Рудака получены из воспоминаний ее внучатой племянницы Р. П. Команкиной и племянницы Н. И. Тарасевич. Марфа Павловна Рудак, в девичестве Ершова, родилась в деревне Большое Замошье у станции Лычково Новгородской области. «В семье было 7 или 8 сыновей, и она, одна девочка. В школу ее как девочку не отправили, и она всегда говорила, что если бы была грамотной, то стала бы шеф-поваром, так как очень хорошо готовила. Сначала работала няней, потом „мела аллейки“ в парке, стирала у княгини Бебутовой (дом которой стоял на северном берегу Ольгиного пруда), „гладила юбки плойками“»[34].

После закрытия музея «Царицын павильон» на ремонт (1933 г.) «хозяин выращивал роскошные амаранты на острове, весной ловил линей неводом, и живых рыб держал в бассейне фонтана „Орел“. Держали коз, делали букеты из сирени, растущей на острове, и продавали их потом на вокзале. Также сарайчик, который находился южнее караулки, сдавали дачникам»[35]. В архиве ГМЗ «Петергоф» документов о запрете для сторожа подобных действий пока не найдено, а значит семья Рудак имела некоторую свободу в обращении с казенным имуществом. Однако сам Царицын павильон оставался неприкосновенен, что следует из воспоминаний внучатой племянницы, «…детям строго приказывалось не ходить в павильон, не играть на винтовой лестнице в башне»[36].

Когда началась Великая Отечественная война, в подвале Царицына павильона были сделаны деревянные настилы, где прятались Рудаки и их родственники. Когда в город вошли немецкие войска, семью с острова выселили, они оказались в Стрельне. Затем им удалось переправиться в Псковскую область, где они работали. После освобождения Петергофа семья Рудак вернулась на остров. Антон Игнатьевич вскоре после войны заболел и скончался в больнице в Ломоносове. Похоронен на старейшем кладбище Петергофа — Свято-Троицком[37]. Марфа Павловна продолжала после смерти мужа работать сторожем. Охраняла она оставшуюся на острове парковую скульптуру и сам павильон, ожидавший реставрацию. О ней вспоминает в своих мемуарах Н. Н. Федорова, бывшая в 1950-е гг. главным хранителем дворцов-музеев и парков города Ломоносова и города Петродворца[38]. В этом издании есть фотография Марфы Павловны[39].

Ил. 2. Е. Ф. Эварт. Групповой портрет старейших рабочих Управления дворцов-музеев и парков г. Петродворца в Монплезирском саду. Лето 1944. ГМЗ «Петергоф»

Как выглядел Антон Игнатьевич, не было известно. В архиве ГМЗ «Петергоф» находилась фотография, сделанная фотокорреспондентом Е. Ф. Эварт в 1944 г. у Монплезира в Петергофе. Судя по атрибуции, на ней изображены старейшие сотрудники Петергофа. При более тщательном изучении фотографии и при помощи Нины Ивановны Тарасевич удалось узнать, кто же эти сотрудники: «слева первый Ершов Михаил Павлович (брат М. П. Рудак), рядом его жена тетя Паша. Вторая справа Рудак Марфа Павловна. Родная тетя, которая жила на острове Ольгиного пруда до войны и с 1944 г. до 70-х гг. Рядом ее муж (крайний справа) Рудак Антон Игнатьевич»[40]. Многие местные жители помнят Марфу Павловну: о том, как сторож переправлялась на лодочке с берега на берег[41]; как дети помогали ей колоть дрова, а она поила их чаем[42]. На острове также «бывало руководство музея — Домецкий[43], Васильев, Кардаев с „нерабочими“ визитами: приезжали на остров ловить рыбу» («без спиртного и женщин», — добавляет Р. П. Команкина)[44]. Марфа Павловна умерла в возрасте 97 лет. Похоронена на Бабигонском кладбище Петергофа.

Такова история трех служителей охраны Царицына и Ольгина павильонов. В процессе исследования удалось установить и другие имена, требующие дальнейшего уточнения подробностей жизни и службы.

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 2. № 1436. С. 865. [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 22.09.2022).
[2] Военная энциклопедия. Т. 9. СПб., 1912. С. 3, 32.
[3] РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1347. 1851 г. Л. 43 об.
[4] Там же. Л. 21.
[5] Там же. Л. 43 об.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Там же. Л. 25.
[9] Там же. Л. 39.
[10] Там же. Л. 22.
[11] Архитектор А. И. Штакеншнейдер.
[12] РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1347. 1851 г. Л. 22.
[13] Там же. Л. 23.
[14] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2526. 1852 г. Л. 15–15 об.
[15] ЦГАНТД СПб. Ф. Р-488. Оп. 326. Д. 684. 1986 г. Л. 45.
[16] РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1347. 1851 г. Л. 24 об.
[17] *Эвальд А. В.* Рассказы об императоре Николае I // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. LXV. СПб., 1896. С. 323–324. [Электронный ресурс]. URL: https://runivers.ru/bookreader/book484031/#page/360/mode/1up (дата обращения 22.09.2022).
[18] РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1347. 1851 г. Л. 38.
[19] Там же. Л. 43 об. Формулярный список службы Гусарского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Николаевны полка рядового Филиппова от 20 ноября 1851 г.
[20] Там же. Л. 47.
[21] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 5623-ар. Л. 31.
[22] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 5622-ар. Л. 12.
[23] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 5616-ар. Л. 51.
[24] Основная информация об этих служителях получена из документов УПДМ и воспоминаний родственников, которые записали хранители музея «Царицын и Ольгин павильоны». Марфу Павловну также помнят многие местные жители Петергофа.
[25] Архив ГМЗ «Петергоф». КВД № 147. Список служащих по управлению Петергофскими Дворцами-музеями. 1921 г. Л. 16.
[26] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 5623-ар. Л. 7.
[27] Там же.
[28] РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 34622. Л. 15–18 об, 22, 23. Послужной список № 3509456. Н. П. Квашнин-Самарин, 1891 г. — помощник начальника Петергофского дворцового правления, с 1906 г. — в отставке в чине генерал-майора.
[29] *Нилус С. А.* На берегу Божьей реки. М., 2020. С. 1024–1025.
[30] Архив ГМЗ «Петергоф». КВД № 147. Список служащих по управлению Петергофскими Дворцами-музеями. 1921 г. Л. 16.
[31] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ВУ 13074/1. Л. 1.
[32] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 5881-ар. Л. 32.
[33] Там же. Л. 35.
[34] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ВУ 13074/1. Л. 1.
[35] Там же.
[36] Там же.
[37] Свято-Троицкое кладбище, расположено на взморье, у берега Финского залива. Получило официальный статус в 1786 г. В 1852 г. на кладбище была построена церковь во имя Проповедника Лазаря, а в 1870 г. возвели каменную церковь Св. Живоначальной Троицы (по проекту архитектора Ивана Мааса). В годы Великой Отечественной войны обе церкви в результате обстрела были разрушены, а в послевоенное время кладбище было закрыто и осталось без надзора.

[38] См.: *Федорова Н. Н.* На аллеях памяти. СПб., 2011. С. 67–73.
[39] См.: *Федорова Н. Н.* На аллеях памяти. СПб., 2011. Ил. 15.
[40] Записано со слов Нины Ивановны Тарасевич, племянницы Марфы Павловны Рудак.
[41] Воспоминания жителей города Петергоф. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/gorodpetergof?w=wall-1133833_34165 (дата обращения 22.09.2022).
[42] Воспоминания жителей города Петергоф. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/gorodpetergof?w=wall-1133833_12795 (дата обращения 22.09.2022).
[43] А. Н. Домецкий. Директор дворцов-музеев и парков г. Петродворца (1952–1962 гг.).
[44] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ВУ 13074/1. Л. 2.

Горбовская Светлана Глебовна

ЗДАНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО И ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТОВ СПбГУ. МЕТАМОРФОЗЫ ДВОРЦА ИМПЕРАТОРА ПЕТРА II

Здание Филологического и Восточного факультетов СПбГУ расположено на Университетской набережной, 11. Из всего комплекса зданий, принадлежащих университету, именно этот архитектурный объект считается обладателем одной из самых запутанных историй, которая начинается с того, что данное сооружение должно было изначально стать дворцом императора Петра II (ил. 1).

11 июня 1727 г. рядом с домом дворецкого А. Д. Меншикова — Федора Соловьева — был заложен дворец Петра II. Проект принадлежал Д. Трезини. По замыслу архитектора сооружение повторяло планировку дворца Меншикова — замкнутую композицию с внутренним двором и выездными задними воротами. К 1728 г. была возведена средняя часть здания на высоту трех метров, двухэтажные крылья не были закончены, а для служебных построек заложен только фундамент. Фасад здания по замыслу архитектора выполнен в стиле раннего барокко, украшен пилястрами с капителями коринфского ордера.

Летом 1728 г. императорский двор переехал в Москву, которая снова до 1732 г. стала российской столицей. В 1730 г., накануне назначенной свадьбы с Екатериной Долгоруковой, Петр II простудился и скончался. На этом дворцовая история здания и его причастность к императорскому двору закончилась.

После высылки А. Д. Меншикова и его смерти в 1729 г. здание дворца было отдано Кадетскому корпусу. Северо-западная часть построек на бывшей территории усадьбы перешла к члену Военной коллегии генерал-лейтенанту А. Я. Волкову, наследники которого продали дом в 1735 г. Коллегии иностранных дел, а она устроила здесь «дом для азиатев» (представителей восточных диаспор). В бывшем доме Соловьева одно время размещалась Канцелярия строительных работ, а с 1743 г. жила княгиня Анна, вдова грузинского царевича Симеона.

К 1759 г. на всем участке Сухопутного шляхетского корпуса (Кадетского корпуса) архитектор И. Г. Борхард строит манеж

Ил. 1. Дворец императора Петра II в Санкт-Петербурге. Фотография А. И. Федорова 12 сентября 2015 г.

(нынешний адрес: Университетская набережная, 13). Ему же были поручены работы по устройству Конюшенного двора на территории дворца Петра II, основываясь на проекте Д. Трезини. Работы велись до 1761 г. Главный центральный корпус — трехэтажный, а боковые флигели — двухэтажные. Внешний облик здания и отделка фасадов во многом схожи с Меншиковским дворцом, что неудивительно, поскольку в проекте требовалось соблюдать цельность и единство стилистического облика этого участка набережной Невы.

Вплоть до начала XIX в. в здании будущего Филологического факультета располагались квартиры учителей Кадетского корпуса (во флигеле на набережной) и конюшни (во дворовых крыльях); в доме Соловьева размещался Дворянский банк; с 1794 г. Кадетский корпус сдавал в аренду свой Конюшенный дом купцу Дж. Грею, который открыл в нем Английский кофейный дом.

К этому времени прообраз будущего университета (нынешнего СПбГУ) уже существовал, но пока еще не был связан с Университетской набережной. По одной версии этим прообразом являлся Академический университет, который был учрежден одновременно с Академией наук указом Петра I от 28 января (8 февраля) 1724 г. Академический университет располагался тогда в одном здании с Академической гимназией на Троицком подворье, с 1764 г. — на Тучковой набережной (набережная Макарова) в доме баронов Строгановых. В настоящее время эта версия официально принята руководством университета и государства[1].

По второй версии прообразом было учреждение более позднего времени, но оно теснее связано с комплексом зданий на Университетской набережной. Это Санкт-Петербургский университет,

созданный в 1819 г. в результате переименования и последующей реорганизации Главного педагогического института, ведущего свою историю от Учительской семинарии, основанной в 1786 г. Она располагалась в доме Г. Х. Паульсена[2] (6-я линия Васильевского острова, 15 — в настоящее время в доме расположен Факультет иностранных языков СПбГУ и Факультет искусств), а с 1837 г. Педагогический институт переезжает в здание Двенадцати коллегий[3], а дом на 6-й линии остается за Ларинской гимназией.

К 1820-м гг. здание дворца сильно обветшало и требовало ремонта. В 1840 г. Николай I утвердил проект его реконструкции. В комитет для ведения работ вошли А. П. Брюллов и А. Ф. Щедрин. В 1840–1849 гг. архитекторами А. Ф. Щедриным и В. И. Кокоревым перестроены лицевой корпус и конюшни. Западный дворовый флигель был надстроен третьим этажом. В июле 1849 г. был устроен вход со стороны набережной, обновлена каменная лестница в вестибюле, настланы новые полы.

Студенческие волнения привели к закрытию университета в 1861 г. В 1862 г. был открыт только один факультет — физико-математический. Новый университетский устав был утвержден в 1863 г.

В 1865 г., во время эпидемии холеры, в здании дворца Петра II на два года разместилось Василеостровское отделение городской больницы. Каменный одноэтажный флигель во дворе занимала прачечная.

27 июня 1867 г. император Александр II составил указ о создании высшего учебного заведения Императорского историко-филологического института (1867–1918) и с 1870 по 1917 г. была открыта в восточном флигеле, в бывшем доме Соловьева, Филологическая гимназия. Для новых целей здание переоборудовали архитекторы В. И. Собольщиков и Р. Б. Бернгард. В тот период в бывшем дворце находились квартиры преподавателей и комнаты студентов (например, квартира профессора Л. П. Карсавина — заместителя директора и инспектора гимназии[4] — располагалась на месте нынешней библиотеки Восточного факультета до революции 1917 г.).

В 1918 г. институт был преобразован в педагогический. При нем продолжала работать школа для студенческой практики. В 1921 г. институт закрыли. Во дворце работало Научное общество марксистов; затем здесь размещался Географо-экономический исследовательский институт. Позже в помещениях дворца на Университетской набережной располагался Ленинградский государственный

Ил. 2. Лестница центрального входа. Фотография. 2010
https://mlle-anais.livejournal.com/162920.html

историко-лингвистический институт (ЛГИЛИ, с 1930 г.), в 1933 г. был основан Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ). В 1936–1937 гг. философский и исторический факультеты института объединились с воссозданным (в 1934 г.) историческим факультетом Ленинградского университета, а на базе двух других факультетов ЛИФЛИ в 1937 г. образован филологический факультет Ленинградского университета, при этом восточное крыло здания занимала мужская школа № 21. Восточный факультет стал располагаться в здании бывшего дворца Петра II с 1944 г.

История Филологического и Восточного факультетов послевоенного времени представляет собой цепочку бесконечных преобразований. В 1950-х гг. школа № 21, расположенная в восточном крыле здания, переехала на 5-ю линию Васильевского острова. Главный корпус и два крыла разделились на многочисленные отсеки с закрепившимися по настоящее время названиями (эти названия возникали с 1950-х по 2000-е гг.): Школа (ил. 4), Катакомбы, Высшая школа, Королевский коридор (ил. 3), Султанский коридор (ил. 5), Райский уголок, Лабиринт, Олимп и т. д.[5] Двор Филологического факультета в 1990-х и 2000-х гг. освободился от хозяйственных построек

Ил. 3. Королевский коридор. Западное крыло. Фотография. 2010. https://mlle-anais.livejournal.com/162920.html

Ил. 4. Школа. Восточное крыло, второй этаж. Фотография. 2010. https://mlle-anais.livejournal.com/162920.html

и гаража. Яркой достопримечательностью Филологического и Восточного факультетов является «Парк современной скульптуры»[6], открытый 21 октября 2002 г. Идея принадлежала декану Филологического факультета С. И. Богданову.

Первоначальная отделка дворца в результате многочисленных последующих перестроек практически не сохранилась. Со времен первой половины XVIII в. остались только массивные цилиндрические и замкнутые своды в подвалах бывших дома Соловьева. Также во время ремонтных работ в 1980-х гг. была обнаружена замурованная деревянная лестница XVIII в. К этому же времени можно отнести лепной декор фасада главного корпуса. От XIX в. сохранились каменные лестницы с коваными перилами (ил. 2), украшенными кедровыми шишками, а также два кованых торшера или канделябра с амурами и изображениями Психеи и Деметры. Они стоят по обе стороны лестниц. Сохранилась лестница при входе в Филологическую гимназию. Есть еще два вензеля над дверью на территории дома Соловьева, дверь вела в кабинет директора гимназии. Скорее всего, один из вензелей обозначает «Филологическая гимназия». Кроме того, внутри аудиторий в главном корпусе и в западном крыле с XIX в. сохранились стенные книжные шкафы.

Ил. 5. Султанский коридор. Северный корпус. Фотография. 2010. https://mlle-anais.livejournal.com/162920.html

В 1990-х гг. здание находилось в плачевном состоянии. С потолка на голову студентов и преподавателей сыпалась побелка, со стен отваливались фрагменты штукатурки, парты и подоконники были разрисованы шариковыми ручками и явно давно не перекрашивались. Паркетные полы требовали ремонта. В аудиториях было очень холодно осенью и зимой.

За ремонт взялись лишь в конце 1990-х гг. Начали с реставрации фасада со двора, затем постепенно делался ремонт в разных отсеках двух факультетов. Фасад со стороны набережной был реставрирован к 300-летию Санкт-Петербурга и сохраняет тот вид, который задумал Д. Трезини.

Итак, дворец Петра II был задуман как императорский дворец, а стал домом знаний. В настоящее время, после двух лет пандемии и преподавания онлайн, в нем снова открыты кафедры и аудитории, снова проходят практически занятия, читаются лекции, а десятки туристов приходят смотреть на «Парк современной скульптуры», ставший одной из визитных карточек университета.

---

[1] Основание Санкт-Петербургского университета [Электронный ресурс]. URL: https://spbu.ru/history/osnovanie-sankt-peterburgskogo-universiteta (дата обращения 01.06.2022).
[2] История объекта: 6-я линия В. О., 15. [Электронный ресурс]. URL: https://history.grad-petra.net/liniya/19/179–15.html (дата обращения 01.06.2022).
[3] *Аничков Н. М.* Историческая записка пятидесятилетия Третьей Санктпетербургской гимназии. СПб., 1873. С. 19.
[4] *Блажнова М.* С чего начиналась история университетских зданий // Санкт Петербургский государственный университет. СПб., 2012. № 2 (3844). [Электронный ресурс]. URL: http://journal.spbu.ru/?p=6063 (дата обращения 06.06.2022).
[5] *Рыбакова Н.* Путешествие по филфаку // Филин. Спецвыпуск. СПб., 2016. № 5. С. 12–14.
[6] *Бабенко А.* Гуляя по дворику // Филин. Спецвыпуск. СПб., 2016. № 5. С. 14–17.

Данилов Андрей Николаевич

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА ТОЛСТАЯ — ГРАФИНЯ, МАТЬ, САДОВНИЦА

Софья Андреевна Толстая была личностью многогранной. Все знают ее как супругу одного из самых известных и значительных писателей России Льва Толстого. Знают ее в сопряжении с теми, не всегда радостными событиями, которые сопровождали жизнь ее и ее знаменитого мужа. Но это примитивный и расхожий подход к героине данного рассказа. Софья Андреевна была сама по себе личностью содержательной и состоявшейся, если судить по делам и целям, которые графиня ставила перед собой. Нас интересует жизнь графини в московской усадьбе в Хамовниках.

Усадьбу Лев Толстой приобрел летом 1882 г. для своего многочисленного семейства [1]. Софья Андреевна играла не последнюю роль в покупке Хамовников. Именно супруга подтолкнула мужа к тому, чтобы он нашел в городе более подходящее жилище, чем их арбатская квартира [2].

Усадьба Толстому понравилась — почти центр Москвы, а тихо, как в лесу. После покупки Хамовников и ремонта жилой дом изменился — у здания появился полноценный второй этаж, в доме было 16 комнат, так что хозяйство графине Толстой досталось немалое, если еще учесть практически гектар старого сада, за которым нужно было ухаживать. Софья Андреевна писала спустя месяцы после покупки Хамовников: «Наша жизнь в своем доме, довольно отдаленном от городского шума, гораздо легче и лучше прошлогодней. Левочка спокоен и добр, иногда прорываются прежние упреки и горечь, но реже и короче. Он делается все добрее и добрее. Но, видит Бог и больше никто не узнает, что делалось в душе моей, когда я летом и осенью не хотела ехать в Москву, я не чувствовала в себе сил одна нести всю тяжесть и ответственность городской жизни. А в Ясной я оставляла все, что любила и к чему привыкла»[3].

После свадьбы графиня почти 20 лет прожила в имении Толстых в Ясной Поляне, привыкла к деревенской жизни и недоумевала, как она станет снова жить в Москве? «День за днем все проходит, все спешишь, ничего не успеваешь; не сообразишь, что надо, что не надо, что хорошо, что дурно; и при этом ноющее чувство, что деньги уходят с ужасающей быстротой, что потока этого остановить нельзя, и радости никакой. Вот тебе и картина городской жизни», — писала графиня Толстая сестре Т. А. Кузминской [4].

Ил. 1. В зале на втором этаже дома Толстых часто собирались многочисленные гости

Хозяйственные заботы занимали ее повсеместно. Она очень хотела быть полезной своему мужу, чтобы оградить его от лишних забот, когда он почти полностью погружался в творчество. Много нужно было выдержки, терпения и сноровки, чтобы, наряду с заботами о семье, ведать проблемами хозяйственными. Наверное, тут нужен был бы особый человек, но графиня Толстая умело все делала сама. Она награждала, нанимала и увольняла слуг, судила, разбиралась в их частных взаимоотношениях: няня, камердинер, буфетчик, экономка, дворники, кучера — все они были в ведении Софьи Андреевны.

Интересно заглянуть в приходно-расходную тетрадь С. А. Толстой [5]. В этих записях отразился не только круг ее интересов, проблем и забот, но видна суетность и сложность жизни шумной многочисленной семьи писателя в Хамовниках. Например, мы узнаем, что в 1886 г. семья израсходовала 22 539 руб. 92 коп., а год спустя — только 2140 руб. 7 коп. В следующем году опять расходы возросли кратно и составили 24 566 руб. 70 коп., а в 1889 г. вновь уменьшились до 5124 руб. 68 коп.

Ил. 2. Сторожка у ворот усадьбы Льва Толстого

Не стану перечислять все скрупулезно подсчитанные траты в семье Толстых. Они немалые, но экономить Софья Андреевна умела. Лев Толстой не прогадал и когда предложил жене стать издателем своих произведений[6]. Знал, что супруга не подведет. Сам же Лев Николаевич, по свидетельству брата его секретаря В. Ф. Булгакова, обитал в усадьбе в Хамовниках «как бы на положении гостя: ни во что не вмешивался…»[7].

В расходном бюджете за 1886 г. одна из самых значительных статей по тратам — это суммы, выданные в качестве жалованья слугам. Всего графиня Толстая потратила на слуг 1080 руб. 18 коп. Почти столько же ушло учителям — 977 руб. 20 коп. И детям мать выделяла деньги на карманные расходы. Они получили от Софьи Андреевны 804 руб. 57 коп. Меньше всего графиня потратила на театры и концерты — 96 руб. 75 коп. И на книги, газеты и письменные принадлежности тоже минимум — всего 52 руб. 15 коп.

Хозяйка хамовнического дома следила за тем, что делается в московской усадьбе и из Ясной Поляны, куда она регулярно выезжала с семьей на лето. В письмах ей посылали информацию о том, какие ремонты идут в усадьбе, в каком состоянии дом и т. п. Приведем довольно объемную цитату — послание слуги, который описывает, что делается в Хамовниках, когда графиня Толстая отсутствует. (Сохранены орфография и пунктуация источника). «Ваше сиятельство,

Ил. 3. Кухня со стороны бывшего Долгохамовнического переулка

во-первых, желаю я вам от бога доброго здравия и благополучия и имею честь уведомить вам малярные работы в вашем доме идут очень успешно А именно большой дом крыши починили и загрунтовали стены прошпаклевали и загрунтовали под колер каретный сарай загрунтовали стены прошпаклевали и загрунтовали под колер новый забор на улицу заалифили и зашпаклевали и загрунтовали под колер каретный сарай загрунтовали водосточные трубы все сделали новые и подвесили на место беседку в саду и все решетки во дворе загрунтовали под колер… и осмелюсь просить вашего сиятельства нельзя ли нам разрешить работу внутри вашего Дома и еще прошу Ваше сиятельство не откажите мне выдать денег в чет работы 300 рублей так как теперь рабочие у нас берут на уборку хлеба в деревню и мне очень нужны деньги и остаюсь вам очень благодарен остаюсь покорный вам слуга навсегда Иван Кузнецов Москва 1900 г. 19 июня»[8]. Столь пространная цитата показательна и в отношении слуг (они подробно отчитывались за проделанную или планируемую работу перед хозяйкой), и в отношении графини Софьи Андреевны — слуги доверяли ей и считали, что, вникнув в проблему, она поступит по справедливости.

В любимой родовой усадьбе Толстого Ясной Поляне Софья Андреевна занималась тем же, чем и в Хамовниках, — хозяйством. В Ясной полевые работы выполнялись мужчинами, домашние же

хлопоты оставались на долю женщин. «Поддержанием чистоты в доме, уходом за любимыми курами-брамапутрами[9], заготовкой солений и варений, вышиванием, вязанием и многим другим занималась неутомимая Sophie»[10].

Прожив с Толстым двадцать лет в Ясной Поляне[11], Софья Андреевна и в Хамовниках завела нечто похожее на деревенский уклад, разве что Лев Николаевич в Москве не пахал землю — усадьба была очень маленькой. Но с садом. И в саду графиня Толстая ревностно относилась к агрономическим мероприятиям — вовремя тут пололи, высаживали новые растения, собирали урожай… И все же графиня, несомненно, была городской жительницей, и даже прожив с мужем не одно десятилетие бок о бок, пеняла ему: «Теперь о твоем письме. Первое впечатление по прочтении его — это грусть. Да, мы на разных дорогах с детства: ты любишь деревню, народ, любишь крестьянских детей, любишь всю эту первобытную жизнь, из которой, женясь на мне, ты вышел. Я — городская, и как бы я ни рассуждала и ни стремилась любить деревню и народ, — любить я это всем своим существом не могу и не буду никогда; я не понимаю и не пойму никогда деревенского народа. Люблю же я только природу и с этой природой я могла бы теперь жить до конца жизни и с восторгом»[12]. Это строки из письма графини супругу 9 декабря 1884 г. Несмотря на годы, прожитые в Ясной Поляне, принять и полюбить деревню супруга Льва Толстого не смогла, да и не особо хотела, видимо. Софья Андреевна была весьма умная дама. Если бы захотела, то и деревню бы полюбила, как ее муж, и приняла бы сельскую жизнь в свое сердце. Но не случилось, не судьба…

Что касается отношения к природе, то графиня Толстая ее любила истово. И понимала ее. Появившись в Хамовниках, Софья Андреевна начала переделывать московскую усадьбу «под природу», «под Ясную Поляну», под тамошние лесные кущи и аллеи. Здесь среди столичных кварталов, среди фабрик сердце графини отдыхало. Толстая писала супругу 9 сентября 1883 г.: «Сегодня я не выезжала, а ходила по хозяйству: смотрела лошадей, корову, постройки, кусты и деревья фруктовые и сад. Когда я увидела кленовые листья, березы, мох кругом деревьев, то точно я опять в Ясной, так стало хорошо, напомнило мне мои последние прогулки… Вообще как в саду — так рай!»[13].

Сад[14] требовал большого внимания и забот, поэтому нет ничего удивительного, что графиня Толстая приняла самое деятельное

Ил. 4. Дом Толстых в Хамовниках со стороны сада

участие в уходе за посадками в Хамовниках, за так называемым плодовым садом — участком хамовнической усадьбы, где росли яблони, груши, сливы, ягодные кустарники. Сад был расчищен, цветы регулярно высаживались, садовые тропинки подметались дворниками, площадка перед террасой дома выглядела ухоженной и уютной.

Софья Андреевна высаживала разнообразные цветы и растения, часть из них привозили из Ясной Поляны. Толстые профессиональных садовников не нанимали. Иногда Софья Андреевна обращалась к поденщикам с просьбой выполнить разные садовые работы.

Так, осенью 1885 г. подрядный маляр Д. А. Гущин представил графине счет: «Окрашено масляною краскою садовых скамеек штук — 4»[15].

Приведем еще одно свидетельство садовых услуг для графини Толстой. В «Расходной тетради» за 1889 г. читаем: «Поденным за посадку дубков 1 р. 80 коп. <…> Пилка дубков 90 коп»[16]. Помогали в саду и дворники — старший и младший. Своему саду Софья Андреевна уделяла много внимания — и цветам, и посадкам деревьев. Если пролистать ее письма к мужу и к сестре в 1892 г., увидим почти лирические строки: «В саду черемуха распустилась, и на все это я смотрю с сентиментальной грустью… Кусты крыжовника цветут и тоже яблони в саду зацветают»[17].

Ил. 5. Классная комната, где жила гувернантка

Несмотря ни на что, графиня Толстая любила садовые работы, и сад год от года становился краше. В 1894 г. она писала мужу о посадке кленов вдоль дальнего забора (на южной стороне сада). А сыну Ванечке в 1894 г. 10 сентября сообщала, как они сажали луковичные: гиацинты, тюльпаны, нарциссы, подснежники. Толстая очень любила цветы, но сажала их не на клумбах, а вразнобой и вдоль садовых дорожек. Если обратиться к счетам из цветочных магазинов[18], станет ясен ассортимент. В ее саду высаживались галантусы (подснежники), виолы, крокусы, пионы, резеда, флоксы, тюльпаны, нарциссы.

В Москве работали разные торговцы цветами. Но Софья Андреевна выделяла один торговый дом — «Иммер и сын», который был главным поставщиком цветочного и семенного материала для усадьбы в Хамовниках.

Родоначальник фирмы Эрнест Иванович Иммер (1823–1897) родился в Митаве (ныне Елгава, Латвия). В Москву, ставшую его второй родиной, он перебрался в начале 1850-х гг. По поручению Российского общества любителей садоводства (РОЛС) в 1856 г. он устроил в Москве выставку плодоводства. Она была организована по современным (для того времени) правилам, став образцовой.

Ил. 6. Комната портнихи и экономки Толстых в старой части дома на втором этаже

Вместе со своим сыном Александром отец вел активную торговлю семенным и посадочным материалом травянистых и древесных растений. Семена Иммер привозил из-за границы и в России устраивал их сортоиспытание в местных условиях. Для этого в Москве он открыл опытную семенную станцию в районе Трехгорной мануфактуры. Площадь станции была не маленькой — 5 гектаров!

За участие в специализированных выставках фирма Иммеров получила более 80 медалей, почетных наград и призов.

Каталоги семян, предлагавшихся торговым домом Иммеров, были прекрасно иллюстрированы, в них давались и ботанические, и агрономические сведения о растениях. Кроме того, и отец, и сын Иммеры считали важным распространение научно-популярных знаний среди населения: фирма издавала немало популярных брошюр о растениях и уходе за ними и об агрономии для того, чтобы повышалась культура ведения садового хозяйства. В 1899 г. А. Э. Иммеру предложили занять пост директора подмосковной усадьбы императрицы Марии Федоровны — так называемой дачи «Студенец»[19]. Контора и магазин семян Иммеров располагались на Мясницкой улице в пристройке дома княгини Н. А. Гагариной. В 1880 г. ее особняк приобрела московская купчиха К. Н. Обидина,

продолжавшая сдавать Иммерам помещение в аренду. В этой же пристройке размещалось и Правление Российского общества любителей садоводства.

Возвращаясь к усадьбе Льва Толстого в Хамовниках, к садовой и хозяйственной деятельности его супруги, можно безошибочно заметить, что вся повседневная жизнь в доме, в саду, в налаживании комфортной жизни писателя была целиком на плечах графини. Она, несомненно, уставала, но эта усталость доставляла ей радость.

В 1891 г. Лев Николаевич по «Раздельному акту»[20] на все свои имущественные владения распределил их среди членов своей семьи. Хамовники отошли Льву Львовичу[21], и только в 1900 г. перешли в полное владение С. А. Толстой. Мать выкупила у сына московскую усадьбу, став юридически полновластной хозяйкой Хамовников. Но и ранее она много сил отдавала и усадьбе, и конкретно — саду.

Софья Андреевна писала мужу 21 сентября 1892 г.: «Сегодня с утра я с Василием Алексеевичем посадила привезенные деревья, прошлась по саду, рассуждали мы с Василием Алексеевичем, как аллею посадить: тут, в саду, лип-самосевок пропасть. У стены мы их и высадили. Завтра начну с Василием Алексеевичем готовить для липовой аллеи; всякое утро буду копать, а вечера дома сидеть»[22].

Впрочем «сидеть вечера» у графини Софьи Андреевны практически никогда не получалось. В течение всей жизни она всегда находила себе занятие — утром, днем, вечером… Такова была натура супруги Льва Николаевича Толстого. Такой она и осталась в нашей памяти.

[1] В первое время усадьбу Толстые называли Арнаутовка — по фамилии прежних хозяев.
[2] Л. Н. Толстой узнал о продаже усадьбы в московском Долгохамовническом переулке от своего знакомого журналиста Щепкина. Тот указал писателю на объявление о продаже недвижимости.
[3] Запись в дневнике 5 марта 1883 г. См.: Дневники С. А. Толстой. 1862–1910 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://iknigi.net/avtor-sofya-tolstaya/177497-dnevniki-18621910-sofya-tolstaya/read/page-6.html (дата обращения 13.07.2022).
[4] Письмо находится в Отделе рукописей ГМТ. Цит. по: *Шестакова Е. Г и др.* Девятнадцать зим С. А. Толстой в Хамовниках. М., 2020. С. 12.
[5] О приходной тетради см. *Булгаков В.* Дом Льва Николаевича Толстого в Хамовниках. М.-Л., 1928. С. 70.
[6] 21 мая 1883 года Толстой дал жене «полную доверенность на ведение всех своих имущественных дел. Тогда же он передал ей право издания своих сочинений, напечатанных до 1881 года. Это право он предоставил ей сначала на словах, а затем по формальной доверенности». (Софья Толстая. Любовь и бунт. Дневник 1910 года. [Электронный ресурс]. URL: https://thelib.ru/books/sofya_tolstaya/lyubov_i_bunt_dnevnik_1910_goda-read-2. html#n_24 (дата обращения 10.07.2022)).
[7] *Булгаков В.* Дом Льва Николаевича Толстого в Хамовниках. С. 70.
[8] Там же. С. 74–75. Письмо дается практически без единого знака препинания (их в письме просто нет!) и с оригинальной орфографией источника.
[9] Брамапутра (порода кур). Брамапутра, или брама, одна из главных азиатских пород кур, внешне несколько пушистые, что придает им некий шарм. Куры довольно мясистые и обладают хорошей яйценоскостью. Бывают светлые (белые с черным) брамы и темные (черные с белым). См.: Энциклопедия Гранат. Статья «Брамапутра — куриная порода». [Электронный ресурс]. URL: http://granat.wiki/ (дата обращения 10.07.2022).
[10] *Никитина Н. А.* Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. М., 2007. С. 202.
[11] Свадьба Л. Н. Толстого и С. А. Берс состоялась 23 сентября 1862 г. Молодых обвенчали в храме Рождества Богородицы в Кремле.
[12] Письмо С. А. Берс супругу 9 декабря 1884 г. Письмо в Отделе рукописей ГМТ. Цит. по: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 83. М., 1938. С. 458.
[13] Письмо находится в Отделе рукописей ГМТ. Цит. по: Юбилейный сборник. К 100-летию Государственного музея Л. Н. Толстого. М., 2012. С. 229.
[14] В наши дни мемориальный сад превратился в сад паркового типа. Деревья достигли высоты 20–30 метров, изменился и световой режим, из-за чего относительно поменялось флористическое наполнение сада.
[15] Юбилейный сборник. К 100-летию Государственного музея Л. Н. Толстого. С. 229.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Счета хранятся в Отделе рукописей ГМТ.
[19] Так называемая дача «Студенец» — усадьба, находившаяся в ведении Ея Величества императрицы Марии Федоровны. Там была открыта Школа садоводства. Просуществовала до 1917 г. В настоящее время на части территории «Студенца» открыт Краснопресненский парк.
[20] Согласно «Раздельному Акту», граф Л. Н. Толстой распределил в 1891 г. всю свою недвижимость между членами своей семьи, включая малолетнего сына Ивана Львовича.
[21] Лев Львович Толстой (1869–1945), сын Л. Н. Толстого и С. А. Толстой.
[22] *Толстая С. А.* Письма к Л. Н. Толстому. М.-Л., 1936. С. 535. Василий Алексеевич — дворник в московской усадьбе Толстых.

Дроздов Андрей Анатольевич,
Андреев Максим Николаевич

СТЕКЛЯННАЯ ПОСУДА В ПОВСЕДНЕВНОМ ОБИХОДЕ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ С ДРЕВНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XVIII В.

Традиция использования в быту посуды, выполненной из стекла, восходит еще к XI–XII вв., когда в употребление вошли бокалы и кубки на плоском круглом поддоне, выдутые из высокосвинцового стекла. Хотя при варке такого стекла краситель не добавляли, от наличия примеси железа стекло приобретало легкий желтоватый или зеленоватый оттенок. Очень редко сосуды делали из окрашенного стекла — бирюзового, синего, фиолетового. В XII — первой половине XIII в. для декорирования чаши бокалов и кубков использовали технику навивки нити или полоски из цветного стекла. Сосуды были выполнены в технике свободного выдувания, стенки их настолько тонкие (1–2 мм), что сохранились только фрагменты, по которым форму изделия восстановить не удается.

Наряду с сосудами для питья из стекла изготавливали лампады конической формы. В быту в это время использовали также византийское, западноевропейское и арабское стекло, фрагменты которого часто находят при раскопках. Традиции древнерусского стеклоделия были прерваны монголо-татарским нашествием. В XV–XVII вв. на Руси появилась экспортная продукция из европейских стран, преимущественно изделия из венецианского стекла и стекла à façon de Venise. Особенно ценили на Руси яркие красочные сосуды из бесцветного стекла с цветными полосками, как сплошными, так и составленными из отдельных нитей молочного или красного стекла[1]. Такие сосуды использовались как для хранения и транспортировки крепких напитков (фляги и фляжки; позднее названные штофами), так и для питья (конические стопы на поддонах[2]). Большая часть экспортного стекла поступала через Архангельск, где купцы должны были платить пошлину. Во второй половине XVII в. в течение нескольких десятилетий существовал неофициальный канал ввоза товаров через заполярный город Мангазею в обход таможенных сборов. В раскопках, проводимых в Мангазее, находят стекло

с цветными нитями — ту самую экспортную продукцию, которая попадала в Москву и другие крупные города[3].

Другой поток экспортного стекла попадал в Россию в XVII в. с Украины, где существовали многочисленные гуты. Их продукцией была бытовая посуда из зольного стекла зеленого цвета, которую украшали росписью эмалями. Интерес к цвету, к броским ярким краскам характерен для народного искусства, частью которого и было гутное стеклоделие. В XVII в. гуты распространились на окраинных русских землях — на брянщине[4], в районе Трубчевска и Севска, в среднем течение Десны (в Неруссо-Деснянском полесье). На них работали по найму украинские мастера и их русские ученики. Продукция этих мастерских имела свою специфику, отличающую ее от изделий, произведенных в других областях, в том числе и на Украине.

Стекло украинских гут представлено в музейных собраниях посудой, выполненной в гутной технике из зольного стекла зеленого или желто-зеленого цвета, лишь в редких случаях окрашенного в синий цвет кобальтом или в вишнево-коричневый — марганцем[5]. В небольшом количестве встречается в музейных собраниях и посуда из молочного стекла — «костяной материи»[6]. На территории киевских монастырей найдены многочисленные кувшины с высоким горлом и расширенной нижней частью, размещенные на поддонах в виде широкой стеклянной ленты, опоясывающей нижнюю часть тулова. Иногда она наложена не ровно по окружности, а в виде выступающих наружу фестонов, что обеспечивает изделию большую устойчивость. Тулово часто украшала навивка из тонкой стеклянной нити или отдельные стеклянные ленты с поперечными насечками. Хранили жидкости в четырехугольных склянках различного размера с узким коротким горлом, за которыми позднее закрепилось название «штоф». Их производили выдуванием в деревянные формы. Встречаются склянки и более сложной формы. Для перевозки жидкостей использовали плоские фляги округлой приплюснутой формы с узким коротким горлом, также размещенные на поддонах. При помощи наложенных на плечи петель их привязывали к седлу. Известны и фляжки небольшого размера, которые носили на поясе. Посуда для питья представлена кружками, стаканами, рюмками и чашками. Рюмки большей частью имели чашу конической формы, размещенную на короткой ножке с несколькими уширениями («пуговицами»), которые делали с использованием специального («пуговишнаго»)

инструмента. Встречаются и рюмки на прямой ножке, нижняя часть чаши которых украшена наложенным декором, имитирующим большой залив стекла в нижней части чаши, поверхность которого обработана пинцетом. Кружки имели цилиндрическую форму и, непременно, кольцевой поддон и цельную петлевидную ручку. Реже встречаются кружки в форме кувшина с круглым чуть приплюснутым туловом и цилиндрическим широким горлом. У стаканов конической формы, в отличие от кружек, поддон отсутствует. Редко встречаются и низкие широкие чаши на кольцевидном поддоне с двумя симметричными вертикальными ручками с защипами в верхней части. Сходную форму ручки имеет и небольшая кружечка из коллекции Государственного исторического музея, коническое тулово которой завершает кольцевидный поддон с выступающими наружу фестонами (ГИМ, инв. № 6486ст). Многие предметы украшают росписи, выполненные цветными эмалями. Общее развитие украинского стеклоделия происходило в традициях венецианской школы, которые в литературе обозначают термином «à façon de Venise»[7].

Для украинского стекла XVIII в. характерны сосуды в виде фигур животных. Наиболее известны «видмеди» — сосуды в форме медведя, который закрывает морду лапами, прячась от пчел. Обычно они выполнены из цветного стекла или расписаны эмалями[8].

Украинское стекло уже в XVII в. импортировалось на территорию России. Русские мастера обучались у украинских мастеров, работавших на заводе Койета в Духанино, а, возможно, и на Измайловском заводе. Они ценили пластику гутного стекла, добиваясь создания тонких и легких сосудов, иногда причудливой формы. Однако на этом заводе, наряду с зеленым, производилось и обесцвеченное марганцем «бесцветное» поташное стекло, из которого изготовляли изделия, созданные в традициях гутной техники украинских мастеров. Примером такого изделия, условно относимого к измайловской продукции, служит кружка из собрания Лемкулей (ГМИИ имени А. С. Пушкина, инв. № МЛК ПР-314), поддон которой выполнен из перекрученного стеклянного жгута. Условно к измайловскому производству можно отнести и находимые на территории Москвы стаканы конической раструбовидной формы, некоторые из которых не имеют поддона, другие имеют кольцевидный поддон. Опубликован хорошо сохранившийся фрагмент стакана из серо-голубого стекла, украшенный выполненным эмалями фризом с изображением растений и фигур бегущих животных[9].

Изучение «тетради записной посудной печи» Жабинского завода 1717 г. и выписок из приходно-расходных книг Ямбургского и Жабинского заводов 1729–1730 гг.[10] дает нам важную информацию о производимой посуде и ее названиях в первой трети XVIII в. Они содержат множество наименований сосудов, которые, несмотря на сравнительно большой объем производства, практически не дошли до наших дней. Помимо разнообразных скляниц, преимущественно «оптекарских», различающихся формой (круглые с поддоном и без поддона, четырехугольные, восьмигранные) и размером (большой руки, средней руки, малой руки или номерами: от крупных — «первой руки» — до небольших («шестой руки») и «самых малых»). Для хранения жидкостей использовали бутыли.

Стеклянные бутыли появились в XVII в. (до этого вино разливали из бочек в кувшины, которые ставили на стол). Первоначально они имели форму приплюснутого несколько расширяющегося кверху шара с длинным коническим горлом[11]. Такая форма, имеющая франко-бельгийское происхождение, попала в Англию в 1630-е гг. и получила название «shaft and globe» («шар на рукояти»)[12]. Бутыли стали использовать для хранения и транспортировки вина. Ближе к концу XVII в. форма трансформировалась в более компактную луковичную бутыль («onion») с туловом большего размера и более коротким горлом (ил. 1). В конце XVII в. в Англии было обнаружено, что процесс старения вина, который до этого проводили только в бочках, может завершаться и в стеклянной таре. Поэтому в бутыли стали разливать еще недозрелое вино, которое затем выдерживали в них годами. Это привело к значительному росту производства

Ил. 1. Эволюция английской бутыли: 1) Тип «шар на рукояти». Середина XVII в. 2) Луковичная форма. Конец XVII в. 3) Бутыль в форме колотушки Первая четверть XVIII в. 4) Цилиндрическая бутыль. Вторая четверть XVIII в.

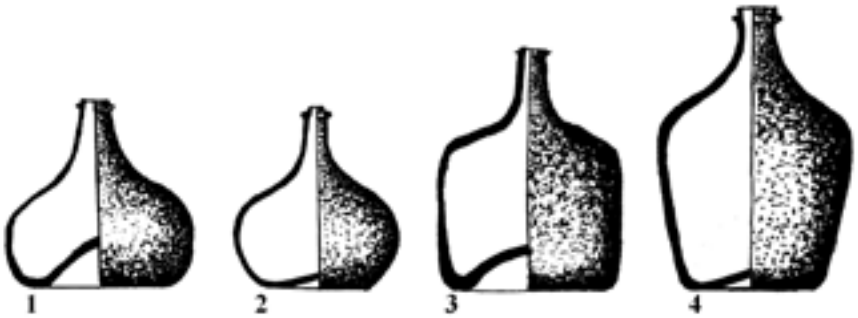
стеклянной тары. Так, только в 1695 г. в Англии было произведено 2 880 000 бутылей[13]. В петровское время интерес к стеклянным бутылям возник и в России.

Находки на месте Жабинского завода выявили выполненные из зеленого и желто-зеленого стекла толстостенные бутыли луковичной формы с длинным горлом. Такая форма бутыли типична для Англии XVII в., откуда форма могла быть принесена в Россию английскими мастерами, работавшими на Воробьевском и Ямбургском заводах в начале XVIII в. Бутыли производили методом свободного выдувания, поэтому они чуть отличаются одна от другой.

В результате эволюции этой английской формы возникает бутыль, имеющая округло-приплюснутое тулово и длинное постепенно сужающееся горло (в старой литературе называемая «бутыль пузырем»). Такие бутыли, производимые на частных заводах к юго-западу от Москвы, часто украшали эмалевой росписью (ГИМ, инв. № 1247ст, 1249ст). На месте Жабинского и Лавинского заводов остатков таких бутылей пока не обнаружено. В некоторых случаях подобные бутыли имеют кольцевидный волнистый поддон (например, ГИМ, инв. № 1244ст), который связывает их с традицией украинского и измайловского гутного стекла[14]. Бутыль шаровидной формы украшает праздничную трапезу, но неудобна при транспортировке, так как занимает много места. К середине XVIII в. такие бутыли выходят из употребления.

Еще в первой четверти XVIII в. форма английской бутыли претерпевает изменения: стенка становится почти цилиндрической, но слегка расширяющейся книзу, при этом сохраняется вытянутое горло, которое даже несколько удлиняется. Такая бутыль по форме напоминает старинный деревянный молоток-колотушку (тип «mallet»). Эта форма получает распространение и в России, постепенно вытесняя бутыли «пузырем». Во второй четверти XVIII в. в Англии с целью упрощения транспортировки[15] и использования метода выдувания в деревянные формы стенки бутылей становятся строго цилиндрическими, а переход от тулова к горлу более резким, возрастает высота тулова.

Аналогичные изменения формы бутылей (ил. 2) наблюдаются и в русском стекле, начиная со второй четверти XVIII в. Традиционными становятся бутыли, форма которых, приближаясь к цилиндрической, расширяется к плечам (так называемая «бутыль стаканом»). Они не находят аналогии в английском стекле. Такая форма

Ил. 2. Русские бутыли XVIII в.: 1) Английский «луковичный» тип. Жабинский завод Первая четверть XVIII в. 2) Бутыль с шаровидным туловом. Первая половина XVIII в. 3) Цилиндрическая бутыль. Середина и вторая половина XVIII в. 4) Коническая бутыль Середина и вторая половина XVIII в.

придает сосудам плавные очертания за счет постепенного перехода от тулова к горлу, которое сильно расширяется к плечам. Расширение тулова в верхней части оправдано и технологически — изделие легче вынимать из деревянной формы. Производство бутылей «стаканом» сохраняется до конца XVIII в., а возможно и позже.

Широкая плавно завернутая в конус поверхность бутылей удобна для росписи эмалевыми красками. В музейных собраниях представлены многочисленные образцы подобных изделий, самые известные — две бутыли со сценами истории Иосифа (ГИМ, инв. № 322ст и «Музей-усадьба «Кусково», инв. № ст1343) и бутыль с изображением морского сражения (ГИМ, инв. № 4433ст).

Интерес к ветхозаветным сюжетам мы встречаем и в росписи кувшинов середины XVIII в., где особенно часто представлены сцены грехопадения. В это время распространение получают выдутые из тонкого зеленого стекла сосуды грушевидной формы с расширяющимся кверху восьмигранным горлом и краем в виде пологой волны. К средней, наиболее узкой части горла крепится ручка, выполненная из широкой стеклянной ленты, нижний край которой закреплен на тулове. В месте соединения с ручкой горло подчеркнуто несколькими тонкими стеклянными лентами, восходящими к гутным традициям XVII в. Некоторые кувшины имеют кольцевидный поддон, сделанный из стеклянной ленты. Изящная форма этих кувшинов с дном, сильно вдавленным внутрь в виде пологого конуса, свидетельствует о единой традиции, которой следовала одна или несколько расположенных рядом фабрик. Датировать эту

Ил. 3. Кувшин с эмалевой росписью на тему изгнания из рая. Россия. 1759 Частное собрание

группу изделий позволяет недавно найденный кувшин (ил. 3), на тулове которого сохранилась дата — 1759 (ил. 4). О месте их изготовления косвенно может свидетельствовать место находки — на старом тракте, соединяющем Брянск и Карачев вблизи деревни Алтухово, примерно в 10 км от которой была расположена основанная в 1706 г. Тарасова Гута[16]. В окрестностях располагались и другие мануфактуры, производившие зеленое стекло. Если это предположение верно, то здесь же, неподалеку (а, возможно, и в самой Тарасовой гуте), занимались и росписью изделий.

По особым заказам императорского двора на казенных стеклянных заводах изготовляли

Ил. 4. Фрагмент кувшина, представленного на ил. 3. Частное собрание

предметы самых различных форм, например, колпаки для дынь[17]. По-видимому, к числу таких заказов следует отнести и выдутую из голубовато-зеленоватого стекла большую плоскую четырехугольную бутыль в форме штофа с широким коническим горлом, сильно отогнутым венчиком и двумя уголковыми ручками, которые крепятся на верхней части горла и на плечах (ГМЗ «Царское Село», инв. № ЕД-4144-I). Она происходит из исторической коллекции музея и не находит аналогов среди типовой продукции стеклянных заводов XVIII в.

В XVII в. вместе с рождением стеклянной бутыли в Голландии появился еще один вид сосудов для крепких напитков, имеющий прямоугольную форму. Довольно быстро эта форма распространилась повсеместно, чему способствовала простота изготовления таких изделий выдуванием в форму с последующим вплавлением горла в тот момент, когда заготовка тулова была посажена на понтию. Именно поэтому все сосуды имеют в нижней части слегка неровные стенки, вплавленное горло с кольцом на плечах и след от понтии. Называемые в источниках первой трети XVIII в. «четвероугольными флягами», они более известны нам как штофы. Это слово[18], означающее меру объема жидкости (от немецкого Stof — большой бокал, чаша), вошло в обиход уже к середине XVIII в. Осколки штофов (а также полуштофов) квадратной и прямоугольной формы находят при раскопках киевских монастырей, часто встречаются они и на месте Лавинских заводов. На первом русском стеклянном заводе в Духанино, судя по раскопкам, проводимым в 1920-е гг., производили штофы, стенки которых в их средней части по центру вдавлены так, что углы образуют сужение. Эта форма, напоминающая песочные часы, известна по голландской продукции XVII в. (Роттердам, музей Бойманса — ван Бёнингена, инв. F. 10.067) и восходит к средневековым куттрольфам (жидкость в которых, как и в штофах описанной конструкции, переливается с шумом). Известно, что занимавшийся производством в Духанино А. Койет значится в Описи Посольского приказа как мастер стекольного дела из Голландии[19], откуда он въезжал в Россию в 1639, 1646 и 1650 гг.[20] Позже в Голландию выезжал и его сын Петр[21].

Столовую посуду производили двумя способами — как свободным выдуванием («гладкие»), так и выдуванием в форму («фурменные»). Примером могут служить стаканы, которые делали как из бесцветного, так и из зеленого стекла. Согласно документам

Ямбургского и Жабинского заводов, они отличались размером («стаканчики водошные», «стаканы винные», «стаканы карманные» и просто стаканы) и способом изготовления («гладкие» и «фурменные»). При раскопках на территории Москвы найдено несколько сосудов конической формы на толстом, несколько суженном основании с большим заливом стекла, которые названы «бокалами»[22]. Возможно, они представляют собой «стаканчики винные» весом в одну пятую фунта (около 80 г). Фрагмент «фурменного» стакана, выработанный из зеленого стекла, был найден на месте Лавинского завода, работавшего с 1730 по начало 1750-х гг.

В качестве репрезентативной посуды, следуя богемским образцам, еще в 1700-е гг. стали изготавливать стопы, имеющие коническую (раструбовидную) форму. Их делали из хрустального поташного стекла и украшали гравировкой. К парадной посуде помимо стоп относят и кубки, часто украшаемые гравировкой. Эти изделия, в отличие от вседневной посуды, выполняемой из зеленого (зольного) стекла, сохранились в достаточном количестве.

Ил. 5. Реконструкция рюмки, найденной при раскопках в Москве (изображение археологического фрагмента предоставлено Ю. А. Лихтер). Первая половина XVIII в.

В то же время, судя по записям в «Тетради посудной печи» Жабинского завода 1717 г.[23], по числу произведенных изделий лидируют рюмки, которые различались не только размером (водошные, винные большой, средней и малой руки, пивные), но и формой ножки (прямая ножка, ножка с маленьким яблоком — «с пуговицей», с двумя яблоками — «с двема пуговицы») и способом выработки пуговицы (дутая или литая). Завод выпускал также рюмки «с одной дутой пуговицей», «фурменной перевитой пуговицей» и даже с «четверогранной пуговицей». Были и рюмки без пуговиц, в том числе «малые водошные».

Большая часть рюмок имела чаши коническую форму (ил. 5).

Однако упомянуты и кубовастые рюмки, то есть бочкообразной, округлой формы, чаша которых напоминала ремер.

Практически все рюмки, указанные в изученной нами «Тетради посудной печи» 1717 г., были выполнены из зеленого стекла. Только за три месяца этого года на Жабинском заводе их было произведено 7237 штук. Однако в изученных нами музейных собраниях не удалось найти ни одного такого предмета. Это наглядно демонстрирует нам степень сохранности бытовых предметов XVIII в. Единичны находки подобных рюмок и в археологическом слое Москвы.

В числе посуды, производимой на Жабинском заводе, упомянуты «чашки огурешные с ручками», «чашки с поддонцами»[24], «чашки, что чай пьют». Их делали преимущественно из зеленого стекла. В небольшом количестве выпускали и чаши для пунша.

Из зеленого стекла делали «тарели» и «блюдечки», то есть небольшие блюда, на которых подавали на стол еду. Они имели ширину в 5 или 6 вершков (20–24 см в диаметре), то есть соответствовали крупным современным тарелкам. Очень интересно упоминание уксусников различной формы, в том числе «двойных фигурных», известных нам по европейскому стеклу середины XVIII в.

Сопоставление документов Жабинского завода за 1717 и 1730 гг. показывает, что производство зеленого стекла сокращалось. Теперь из него делали преимущественно бутыли. Однако по другим документам мы знаем, что заказы на изделия из зеленого стекла поступали, в том числе и от императорского двора, и в середине XVIII в. Изготовление посуды из зольного стекла, которое иногда имело яркий, красивый цвет, продолжалось. Об этом свидетельствуют находки на месте Лавинских заводов. Какое-то время там сохранялась традиция изготовления сосудов с фестончатыми кольцевыми поддонами[25], которые теперь стали аккуратнее и компактнее.

На месте завода в Назии, куда производство было перенесено с берега реки Лавы около 1755 г., преимущественно находят посуду из поташного стекла. Рюмки с «пуговицами» и «фурменные» стаканы постепенно уходят в прошлое.

В первой половине XVIII в. стеклянная посуда прочно вошла в повседневный обиход русской аристократии. Об этом свидетельствует и большое разнообразие форм изделий, упоминаемых в источниках, и археологические находки. Помимо рассмотренных в статье рюмок, стаканов, бутылей, фляг, скляниц разных размеров и форм, источники упоминают стеклянные тарели, воронки,

солонки, мухоловки, рожки для кормления младенцев. Для сервировки повседневного стола использовали рюмки, кружки, стаканы и бутыли, а иногда уксусники, блюдца и тарели[26]. Блюда и тарели накрывали стеклянными колпаками[27], а рюмки и стаканы, в некоторых случаях, крышками. К середине XVIII в. посуду, подаваемую на стол, преимущественно изготовляли из «хрусталя» — бесцветного поташного стекла. Изредка встречаются и изделия из синего стекла, которые особенно эффектно смотрелись на парадном столе, накрытом белоснежной скатертью. Сосуды из зеленого стекла использовали для хранения продуктов и для хозяйственных нужд.

[1] *Лихтер Ю. А.* Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы // Древние ремесленники Приуралья / Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.), Ижевск, 2001. С. 365–372.

[2] *Лихтер Ю. А.* Стекло façon de Venice из раскопок в Москве и других городах (Вязьма, Мангазея) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 51–55.

[3] *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург-Нефтеюганск, 2008. С. 87.

[4] *Чубур А. А.* Из истории гутного дела в Орловской губернии. От кустарных мануфактур к промышленному производству // Россия в эпоху политических и культурных перемен. Вып. III. Брянск, 2017. С. 10–20.

[5] *Починок Э. Ю., Чекановский А. А.* Стеклянная посуда из раскопок на территории киевских монастырей XVII–XVIII веков // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб., 2015. С. 294–298.

[6] В русском народном стекле XVIII в. изделия из костяной материи редки, хотя они известны. См. кувшин — ГИМ, инв. № 5575ст.

[7] *Долгих Е. В.* Стекло стиля à façon de Venise в Европе и России // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб., 2015. С. 286–293.

[8] Такие сосуды нередки в российских музейных собраниях, что свидетельствует об интересе к ним. Сведениями о производстве подобных сосудов на русских заводах мы не располагаем.

[9] *Лихтер Ю. А.* Стеклянные изделия из раскопок на территории московской Огородной слободы (работы 2014 года) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 12. М., 2016. С. 253–263. Ю. А. Лихтер относит стакан к центрально-европейскому производству.

[10] *Дроздов А. А.* Производство стекла на Жабинском заводе по данным письменных источников // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2022. № 2. Ч. 1. С. 323–343.

[11] Их закрывали деревянными пробками, а в случае транспортировки и длительного хранения комками шерсти или ткани, смоченными воском, или замазывали воском и покрывали кожей. Деревянную пробку привязывали веревкой к кольцу на горле бутыли.

[12] *Jeffries N., Major N.* Mid 17th and 19th-century English wine bottles with seals in London's archaeological collections // Post-Medieval Archaeology. 2015. June. V. 49. Iss. 1. P. 131–155.

[13] *Pittman W. E.* Morphological variability in late seventeenth and early eighteenth-century English wine bottles. Master's thesis, College of William and Mary in Virginia. 1990.

[14] «Бутылки с поддонами» часто предназначались для стола — их изготавливали из хрусталя.

[15] В Англии массовая транспортировка винных бутылок вошла в обиход с 1728 г. (см.: *Pittman W. E.* Morphological variability in late seventeenth and early eighteenth-century English wine bottles. Master's thesis, College of William and Mary in Virginia. 1990. P. 54).

[16] *Чубур А. А.* Из истории гутного дела в Орловской губернии. От кустарных мануфактур к промышленному производству. С. 10.

[17] *Дроздов А. А.* О производстве стекла на Лавинских заводах // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 6. С. 159–174.

[18] *Ашарина Н. А.* Стеклянный фольклор XVIII века // Памятники русской народной культуры XVII–XIX веков. Труды ГИМ. Вып. 75. М., 1990. С. 51–80.

[19] В литературе принято считать, что Койет — швед. См. *Ашарина Н. А.* Русское стекло. М., 1998. С. 15.

[20] РГАДА. Ф. 150. Д. 1. 1639 г.; № 1, 1646 г., № 1, 1650 г.

[21] РГАДА. Ф. 150. Д. 16. 1673 г., № 15, 1689 г.

[22] *Лихтер Ю. А.* Сосуды из раскопок археологической службы Москвы (1989–2015): открытые формы // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 16. М., 2020. С. 322–350.

[23] ОПИ ГИМ. Ф. 314. Ед. хр. 14.

[24] То есть с блюдцами в современном значении. С чашкой блюдце стало ассоциироваться лишь с распространением фарфора.

[25] Примером такого изделия из зеленого стекла служит чашечка ГИМ, инв. № 4940ст.

[26] Стеклянные блюдца из глушеного цветного стекла известны по находкам Данилевского на месте Усть-Рудицкой фабрики (1754–1768). См. *Данилевский В. В.* Ломоносов и художественное стекло. М.-Л., 1964.

[27] Пример колпака из зеленого стекла — ГИМ, инв. № 5951ст.

Епатко Андрей Юрьевич

ДВОРЕЦ АННЫ ИОАННОВНЫ И БИРОНА В ЛЕТНЕМ САДУ

Летний деревянный дворец Анны Иоанновны входит в группу несохранившихся построек Летнего сада. Однако трудно назвать еще одно строение, столь мало просуществовавшее на территории императорского сада — всего 15 лет — и оставившее такой яркий след в его истории. Действительно, на протяжении восьми лет дворец Анны Иоанновны оставался летней императорской резиденцией, где вершилась политика всей Российской империи. В стенах этого дворца в 1740 г. окончила свой жизненный путь императрица, и здесь же было оглашено ее завещание. В Летнем дворце было провозглашено регентство Бирона, а высокие сановники и гвардия присягали малолетнему императору Иоанну Антоновичу.

С любимым дворцом Анны Иоанновны связана одна из самых драматических страниц нашей истории — арест герцога Курляндского Бирона, бывшего фаворита императрицы. Неудивительно, что, получив столь мрачную славу, дворец более не мог оставаться императорской резиденцией, и восемь лет спустя был разобран. И все же история Летнего дворца Анны, обладавшего столь переменчивой судьбою, неотделима от истории Летнего сада, как неотделима от него каждая исчезнувшая беседка, искусственный пруд, аллея или фонтан…

Летний дворец Анны Иоанновны был возведен в 1732 г. на набережной Невы на месте «Залы для славных торжествований», по этому случаю разобранной. Архитектором выступил Ф. Растрелли.

Подробное сообщение о строительстве дворца находим в «Реляции» зодчего, предназначенной для некоего мецената. «В июле месяце того же года, — сообщал своему адресату Растрелли, — Ея императорское Величество отослало меня в Санкт-Петербург, где я выстроил деревянный дворец у реки Невы, каковой имел 28 апартаментов с большой залой»[1].

До нашего времени дошло несколько планов дворца Анны Иоанновны, хранящихся в музейных собраниях России, Польши и Швеции. Все эти чертежи представляют фасад дворца со стороны Невы. Один из них хранится в Национальном музее в Стокгольме. На так

называемом шведском чертеже присутствует надпись камер-юнкера Ф. В. Берхгольца: «Фасад большого деревянного летнего здания в том виде, в каком он построен по воле императрицы Анны на реке Неве посередине императорского сада, и где не только она умерла, но и герцог Бирон имел несчастие быть арестованным»[2].

Строительство нового дворца для Анны Иоанновны было начато после указа Адмиралтейской коллегии, последовавшем 11 марта 1732 г. Французский резидент Маньян писал об этом в Париж: «Царице, по-видимому, не нравится жить ни в одном из зданий, в которых обитали ея предшественники; она повелела недавно выстроить Летний дворец на берегу Невы вблизи садов устроенных»[3].

Отметим, что инициатива переезда монаршего двора в Санкт-Петербург, по-видимому, исходила от Бирона и его окружения: британский резидент в России К. Родно писал в одной из депеш, что россияне в высшей степени раздражены против нынешних фаворитов, «…которые на случай, если что-нибудь приключилось с Императрицей, считают себя, вероятно, более безопасными в Петербурге, чем в Москве, откуда им нетрудно пробраться в Швецию или вообще выбраться в Ревель, о чем нельзя и думать, пока они проживают в Москве»[4].

Работы над летней императорской резиденцией шли с поразительной быстротой, и через полтора месяца были закончены. По этому поводу шведский ученый К. Р. Берк, посетивший Санкт-Петербург в правление Анны Иоанновны, писал: «Растрелли жаловался на русских, желающих иметь всякое здание готовым как можно скорее. Через считанные дни после приказа о создании чертежа, он уже должен быть готов, и обычно тут же утверждается… Сразу спрашивают, как скоро он может быть реализован. Если архитектор отвечает, что на это потребуется, скажем, шесть месяцев и 200 работников ежедневно, то следует приказ собрать 1200 человек с тем, чтобы здание было выстроено за месяц. Все делается в страшной спешке, принимаются за работу мастеровые — и худые, и умелые; быстро свозятся материалы, плохие они или хорошие; замки для дверей выпиливаются, когда еще только закладываются фундаментные камни, и так далее. Архитектор должен наблюдать за всем этим и давать чертеж, то одному, то другому чуть ли не одновременно»[5].

Неудивительно, что спешка в строительстве скоро дала о себе знать: по свидетельству того же Берка, через три года после переезда Анны Иоанновны во дворец балки под полом уже сгнили. Растрелли

объяснял подобные явления плохим местным климатом. Архитектор сетовал, что в России невозможно строить с таким же успехом, как в других европейских странах. «Климат этой страны служит большим препятствием для хорошего выполнения прекрасного архитектурного произведения, — писал он, — и так как весна и лето длятся всего три месяца, очень трудно добиться совершенства в работе по фасаду, ибо едва они заканчиваются, как холод и сырость их захватывают, и от этого трескается все, что по фасаду сделано. Это влечет за собой много труда по ремонту, который приходится делать каждое лето»[6].

Но вернемся к дворцу Анны Иоанновны. Как же выглядело это строение, возведенное волею императрицы и гением итальянского зодчего?

Это был одноэтажный дворец, значительно вытянутый в длину. Следует отметить, что на это обстоятельство обращали внимание и современники. Например, Берк не преминул пройтись вдоль дворца, подсчитывая свои шаги: «…в длину не менее 150 шагов»[7], — записал он в своем дневнике. Дворец Анны резко отличался от петровского: Растрелли выделил центральную часть здания, а от боковых крыльев устроил спуски к Неве. По краю кровли проходила нарядная балюстрада, однообразный ритм которой нарушался фигурными резными украшениями и декоративной скульптурой. Часто расположенные окна, обрамленные наличниками, и колонны значительно обогатили фасады дворца, придав ему характер барочного сооружения. На одном из планов дворца хорошо виден полукруглый фронтон центрального ризалита; на нем помещен картуш с короной в окружении воинских атрибутов — склоненных знамен и пушек, над ними — полулежащие обнаженные фигуры.

Ил. 1. Франческо Растрелли. Фасад дворца Анны Иоанновны. Чертеж. 1730-е
Национальная библиотека, Варшава

Ил. 2. Неизвестный автор. Императрица Анна Иоанновна. Гравюра. 1739
Единственное изображение внутренних покоев (Тронный зал) Летнего дворца Анны. Коллекция автора

Ил. 3. Л. Каравак (?). Портрет принца П. Бирона. 1739. Рундальский дворец-музей, Латвия

Как уже упоминалось, дворец имел 28 апартаментов. В 1741 г. — уже после смерти Анны Иоанновны — во дворце были следующие покои: Присутственная комната; Дежурная, «Антикамора» (где принимали послов); «Комедия»; обер-гофмаршальские помещения, спальня императрицы, Большая императорская зала (вероятно, Тронный зал), десять покоев герцога Бирона, четыре покоя, которые занимал его сын Петр; покои фрейлин; контора для письмоводства; казенные палаты, где хранились палатные уборы; оружейные палаты[8]. Мемуары князя Я. Шаховского дополняют эту информацию: в Летнем дворце также находилась «Сенаторская палата», где заседал немногочисленный Сенат, и придворная церковь[9].

На шведском плане дворца Анны Иоанновны видно, что здание заключало в себе две анфилады. Помещения северной анфилады выходили окнами на Неву, южной — в сад. Невскую анфиладу составляли залы больших размеров — это была парадная анфилада. По оси здания располагался, по-видимому, Тронный зал. В нем на плане дворца показано тронное место. Далее на запад, через три помещения находилась Парадная опочивальня: здесь на плане отмечена кровать под балдахином. В восточном корпусе дворца, выделенном

ризалитом, находился самый большой зал. Судя по описанию, во дворце располагалась «Комедия», то есть зал для театральных представлений. Очевидно, «Комедией» служил именно этот большой зал в восточном корпусе здания. Садовую анфиладу составляли помещения меньшего размера. Возможно, здесь были жилые покои; причем они группировались апартаментами, разделенными прихожими, имевшими выход в сад. Поскольку в Невской анфиладе располагалась Парадная опочивальня, то, зная традицию XVIII в., можно предположить, что с садовой стороны была Вседневная опочивальня, в которой императрица и скончалась. Апартаменты Бирона также выходили окнами в сад и примыкали к императорским.

Анна Иоанновна впервые переехала в свою летнюю резиденцию в июне 1732 г., сразу после свадьбы брата своего фаворита Бирона с княжною А. Меншиковой, годом ранее освобожденной из березовской ссылки. Разумеется, это событие не могло остаться незамеченным для «Санкт-Петербургских ведомостей», которые торжественно сообщали: «В Санкт-Петербурге 1 дня июня около 1 часа по полудни переехала Е. И. В. из своих палат… в императорский Летний дворец, причем с крепости и с адмиралтейства из многих пушек выпалено, так же как и 3 изрядно вызолоченные яхты введены»[10]. Этому событию предшествовал строжайший указ «о запрещении прохода через Летний сад и постановке там специального караула»[11].

Одно из первых свидетельств о Летнем дворце Анны Иоанновны встречается в мемуарах пленного французского офицера А. де Миона, доставленного в Санкт-Петербург в 1734 г. и представленного российской императрице. «…Хотя этот дворец был деревянным, — пишет де Мион, — но так хорошо выкрашен, что его можно было бы принять за каменный. Передний его фасад выходил на реку, с остальных трех сторон его окружали сады с прекрасными статуями, прелестными боскетами и фонтанами… Прежде всего нас провели в Кабинет, то есть в то помещение дворца, где принимает министр граф Остерман. Он сам проводил нас в императорские апартаменты, и мы были удивлены необычайным блеском, как придворных особ, так и придворной прислуги. Мы нашли, что императрица отличалась величественным видом. На ней было золотое парчовое платье с огненным оттенком и сшитое по французской моде, на роскошной ея груди виднелась большая бриллиантовая корона. Через несколько минут царица вернулась в шелковом платье, которое она, вероятно, надела по той причине, что было очень жарко…».

«Эти комнаты отапливаются печками, — продолжал де Мион, — которые находятся под полом. Так как в печках жгут благоуханные ароматы, то в комнате и тепло и приятно благоухает…»[12].

Нельзя обойти вниманием и сведения датского путешественника П. фон Хавена, побывавшего в российской столице в 1736 г. Он сообщает, что в Санкт-Петербурге никто не может пройти мимо какого-либо дворца, не обнажив головы, независимо от того, виден кто-то в окне или нет. Это относилось и к тем, кто проезжал или проплывал мимо резиденции Анны Иоанновны. «Далее — Летний дворец, — пишет фон Хавен, — названный так потому, что в нем жила императрица. Этот дворец тоже стоит на берегу реки. Он выстроен из дерева, одноэтажный, однако также красиво раскрашен и имеет столь частые окна из зеркального стекла, благодаря чему с реки можно видеть исключительно дорогую драпировку в покоях, что здание скорее похоже на увеселительный дом, чем на дворец»[13].

Представляет интерес и сообщение Берка о том, что к 1735 г. горожане редко веселились в Летнем саду. В дни Комедии, когда действовали фонтаны, простому народу еще дозволялось войти в сад, а в остальное время императрица желала прогуливаться по саду со своими фрейлинами одна. Большим неудобством для прибывающих ко двору, была, как ни странно, необходимость идти через сад; посетителям запрещалось проходить слишком близко к зданиям (возможно, из опасения, что особенно любопытные будут заглядывать в окна). В дождливую погоду по этому случаю особенно страдали знатные особы: им запрещалось проводить с собой в сад слуг. Берк приводит случай, когда такой порядок чуть не спровоцировал дипломатический скандал: австрийский дипломат граф Остейн хотел войти в Летний сад вместе со своими слугами, которые должны были нести над ним дождевой плащ, однако караул воспрепятствовал этому, и граф, развернувшись, отказался от посещения императорской резиденции. После этого был дан приказ пускать слуг министров и дипломатов, если они нужны.

Анна Иоанновна жила в Летнем дворце по точно установленному порядку — с начала мая до конца сентября, исключая несколько недель в июле, проводимых в Петергофе. Императорский двор всегда с особой пышностью перебирался в Летний дворец: Анна Иоанновна плыла по Неве под громы пушечных выстрелов на золотой шестнадцативесельной яхте с великолепной каютой, подбитой зеленым бархатом.

Живя в Летнем дворце, императрица вставала между семью и восьмью часами утра; сначала ее посещала госпожа Бирон, с которой Анна была очень дружна и покои которой находились рядом. Они пили кофе и угощались шоколадом, поднесенным одной из комнатных фрейлин. В девятом часу, когда императрица уже была одета, в приемную приходил священник с группой певчих и отправлял богослужение. Иногда императрица развлекалась: забавлялась шутами или смотрела травлю медведей. В документах встречаются известия о том, что кроме частых выездов на охоту императрица любила пострелять из ружья из окон своего дворца, обращенных в сад. Для этой цели из клеток выпускали большое количество птиц. Анна Иоанновна стреляла отлично, почти без промаха и часто убивала птицу влет[14].

Почти все мемуаристы сообщают, что доступ к императрице был невозможен без ведома курляндского герцога. Французский посланник маркиз де Шетарди даже отмечал, что герцог и императрица спят в одних покоях. Такие слухи возникли, вероятно, в результате тех обстоятельств, что покои Бирона и императрицы были смежными — их спальни имели один вход. Разговоры относительно близости бироновских апартаментов даже стали причиной следственных дел: в 1734 г. в застенки попались несколько придворных служителей. Один из них, Коноплев, обвинялся в словах: «Я видел, что ныне обер-камергер (Бирон. — *А. Е.*) с государынею во дворце при великих персонах сидел на стуле и держал-де ея величество за руку, а у нас де ныне князь Иван Юрьевич Трубецкой, генерал-фельдмаршал, и князь Алексей Михайлович Черкасский изстари старые слуги, а они все стоят!». На это другой служитель Орлов отвечал: «Далеко кому такой милости искать — ведь обер-камергер недалече от государыни живет»[15].

Как мы увидим ниже, Летний дворец усиленно охранялся. Впрочем, иногда часовые забывали о своих обязанностях. В записках Ф. П. Лубяновского приводится случай, приключившийся некогда с его знакомым — стариком Нефедьевым, стоявшим в молодости в карауле в Летнем дворце. Последний, по его словам, умер бы от скуки, если бы не взял с собой мячик. Играя в апартаментах, Нефедьев случайно попал мячиком по «горке» японского фарфора, который очень любила Анна Иоанновна. Незадачливый часовой спрятал мячик и ждал смены, как ни в чем не бывало… Пошел розыск. Нефедьев пояснил, что он вспугнул крысу, которая, убегая, взобралась на фарфоровую горку; в итоге часть горки рухнула, и «не мало разбилось».

Так и доложили государыне. Но та не поверила: приказала привести к себе часового. «Кто разбил фарфор? Говори правду!» — сказала ему (Нефедьеву. — *А. Е.*) и пригрозила. «Я разбил, Ваше Величество». — «Как?» — «Скуки ради играл в мячик, а он в фарфор угодил». — «Где же мячик?» — «Здесь», — и [Нефедьев] стал расстегивать штаны. Генерал-адъютант схватил его за руку. «Не мешайте ему, когда сами не умели дознать, [— сказала императрица. —] Вот тебе десять рублей за то, что признался, а впредь не лги и на часах не шали»[16].

Анна Иоанновна скончалась в октябре 1740 г. Тогда же в стенах Летнего дворца произошло еще одно важное событие — в силу завещания императрицы Бирон был признан регентом малолетнего императора Иоанна Антоновича. Бывший фаворит императрицы продолжал жить в Летнем дворце, что, по-видимому, и сыграло свою роковую роль в его судьбе. Не вдаваясь в причины дворцового переворота, отметим, что переворот прошел блестяще, как проходили почти все предприятия Миниха. «Здесь никто 8 ноября, ложась в постель, не подозревал, что узнает при пробуждении 9-го»[17], — писал английский посланник Э. Финч.

Заручившись поддержкой правительницы Анны Леопольдовны, Миних под покровом ночи, с небольшим отрядом солдат направился к Летнему дворцу, где еще находилось тело покойной императрицы. Шагов за двести до дворца отряд окликнули часовые. Фельдмаршал послал вперед своего офицера, подполковника Г. Манштейна, который, зайдя в караульню при Летнем дворце, объявил монаршую волю об аресте Бирона.

Дальнейшее мы знаем из записок самого Манштейна. Пропущенный часовыми офицер благополучно прошел через сад внутрь дворца. Не зная, однако, в какой комнате спал герцог, подполковник оказался в «лабиринте», состоявшим из коридоров, залов и покоев. Чтобы избежать шума и не возбуждать подозрений, он ни у кого не спрашивал дорогу, хотя встретил несколько слуг, дежуривших в прихожей. После минутного колебания, Манштейн прошел дальше по коридорам, пока не очутился перед дверью, запертой на ключ. По словам офицера, она была двустворчатая, и слуги забыли задвинуть верхние и нижние задвижки. Толкнув ее, Манштейн вошел в покои Бирона, где нашел его спящим на кровати вместе со своей

Ил. 4. Неизвестный автор. Арест герцога Бирона в Летнем дворце в ночь на 9 ноября 1740 г. Гравюра. 1824. Коллекция автора

супругой. Подойдя к кровати, подполковник отдернул занавесы и сказал, что имеет «дело до регента». Бирон соскочил с кровати, но Манштейн бросился на него и держал до тех пор, пока в покои не ворвались другие офицеры. Герцог отчаянно сопротивлялся, и раздраженные офицеры, пустив в ход ружейные приклады, повалили Бирона на пол, связали ему руки шарфом и на карете Миниха увезли в Зимний дворец. «В то время, когда солдаты боролись с Бироном, — сообщает Манштейн, — и герцогиня соскочила с кровати в одной рубашке и выбежала за ним на улицу, где один из солдат взял ее на руки, спрашивая Манштейна, что с нею делать; он приказал отнести ее обратно в ея комнату, но солдат, не желая утруждать себя, сбросил ее в снег и ушел»[18].

Манштейн впоследствии сам удивлялся успеху предприятия Миниха, принимая в расчет меры, взятые Бироном для своей безопасности. Регент строжайше запрещал караульным офицерам впускать кого бы то ни было во дворец после того, как он ложился спать; в случае сопротивления ослушника было велено убивать. В саду под окнами спальни герцога находился пикет из сорока рядовых с офицером; весь Летний дворец был окружен часовыми. «Если б хоть один человек подумал об исполнении своего долга, — вспоминал Манштейн, — мы бы, наверное, не успели»[19].

За одну ночь власть в стране переменилась. «Вчера был пароль Иоанн, сегодня Анна»[20], — записал английский посланник Финч.

Переходя к «послебироновской» эпохе Летнего дворца, следует признать, что этот период — «темная страница» в истории примечательного здания Растрелли. Пока мы не можем сказать, кто жил в Летнем дворце в первой половине 1740-х гг., какие здесь происходили знаменательные события. Несомненно одно: монаршая семья

никогда более не рассматривала этот дворец как свою летнюю резиденцию.

Следующая и последняя эпоха в истории Летнего дворца связана с преобразованием Екатерингофской усадьбы. Летний дворец, который по своим размерам превосходил Екатерингофский, был разобран и перевезен на барках в Екатерингоф, где в виде двух флигелей был пристроен к дворцу. Все эти постройки были объединены общей террасой с балюстрадой. Проект переноса Летнего дворца осуществлял голландский инженер Х. ван Болес.

Обычно исследователи, занимающиеся историей Екатерингофского дворца, относят данное событие к 1745 г.[21] Это не совсем верно: в 1745 г. состоялось высочайшее повеление *о переносе* Летнего дворца в Екатергингоф. 28 мая 1745 г. в протоколах Канцелярии от строений записано: «…старый Летний деревянный дворец… потолки, стены, полы и проч., также и кухню, переметя, разобрать бережно и дом перевезти в Екатерингоф»[22]. Но сам дворец был перевезен лишь в 1748 г. В июле этого года ван Болес доносит, что «Старый Летний дом» разобран, разделен на четыре части и перевезен в Екатерингоф.

Возвращаясь к нашему времени, можно предположить, что единственные подлинные предметы, украшавшие когда-то интерьеры Летнего дворца и дошедшие до нас, — это китайские шелковые обои, хранящиеся в экспозиции Меншиковского дворца и дворца Петра I в Летнем саду. Обои датируются началом XVIII в. и по предположению Л. П. Дорофеевой были приобретены в 1722 г. во время посольства капитана Измайлова в Китай[23]. В Эрмитаж и в Летний сад обои поступили в 1948–1951 гг. из Государственного музея этнографии народов СССР по акту, в котором они значатся как «китайские обои со стен Екатерингофского дворца с росписью по белому шелку, подклеены на бумагу»[24]. Основанием для такой записи послужила наклейка, обнаруженная на оборотной стороне одного из кусков обоев: «Инвентарь Зимнего дворца № 810, сбой со стен комнаты № 10, вниз лестницы, Екатерингофский дворец»[25].

Л. П. Дорофеева, а позже и М. Л. Рудова полагали, что обои первоначально предназначались для украшения интерьеров Новых летних палат Петра I или, точнее, дворца Екатерины I в Летнем саду. Однако исследовательницы перепутали дворец Екатерины I с Летним деревянным дворцом Анны Иоанновны. Н. В. Калязина пишет, что Новые летние палаты Петра I были разобраны при Елизавете

Петровне и вместе с обоями перенесены в Екатерингоф[26]. Но дворец Екатерины I, примыкавший к дворцу Анны Иоанновны, был разобран только в конце XVIII в. в связи со строительством ограды Летнего сада. Также трудно представить, что на протяжении существования Летнего дворца Анны Иоанновны дорогие китайские обои находились в соседних Летних палатах, в которых жила прислуга и располагалась дворцовая прачечная.

Не эти ли обои видел датский путешественник фон Хавен, проходя мимо окон Летнего дворца императрицы Анны? Он упоминает исключительно дорогую драпировку в покоях, из-за чего здание скорее походило на увеселительный дом, чем на дворец[27].

Каким же образом китайские обои могли попасть в Екатерингоф? Наверное, стоит согласиться с вышеназванными исследователями, которые полагают, что обои оказались в Екатерингофе в связи с разбором дворца в Летнем саду, только с оговоркой, что этим дворцом были не Летние палаты Екатерины I, а деревянный дворец Анны Иоанновны.

Обычно исследователи связывают доставку этих обоев в Россию с петровским посольством в Китай капитана Измайлова (1722 г.). Однако мы полагаем, что изысканные китайские панно, некогда украшавшие Летний дворец Анны Иоанновны, следует связывать с более поздними посольствами русского агента в Пекине Л. Ланга. Одно из таких посольств было завершено Лангом в 1732 г., то есть в год строительства дворца Анны Иоанновны в Летнем саду. В этом же году состоялось ответное посольство из Китая. Миних сообщает, что среди подарков, которые были выставлены в Тронной зале Летнего дворца, имели место и «разрисованные и позлащенные шелковые обои»[28]. Этот же автор оставил нам свидетельство относительно неподдельного интереса Анны Иоанновны к китайским товарам. По его словам, на эти восточные диковинки устраивались торги во дворце императрицы, в которых участвовала сама Анна. «Продажа их происходила во дворце, в так называемой Итальянской зале, — сообщает молодой Миних, — часто [императрица] предлагала цену продаваемой вещи и не гневалась, ежели кто из предстоявших покупщиков возвышал цену против объявленной»[29].

Как уже упоминалось, китайские обои из дворца Анны Иоанновны позднее оказались в Екатерингофе. На фотографиях, сделанных до пожара 1925 г., видно, что многие комнаты Екатерингофского

Ил. 5. Екатерингофский дворец
Изразцовая печь после пожара
Фотография. 1926. ЦГАКФФД

Ил. 6. Фрагменты печных изразцов, обнаруженных на месте дворцов Екатерины I и Анны Иоанновны в Летнем саду. Археологическая экспедиция «НИИ Культурного и Природного Наследия». Руководители: П. Е. Сорокин и Н. В. Новоселов
Фотография А. Ю. Епатко. 2011

дворца были оформлены в восточном стиле — украшены шелковыми обоями. Во время пожара пострадали центральный двухэтажный зал дворца и комнаты северного флигеля. Однако, по всей видимости, незатронутыми оказались Каминная, или Компасная, комната и комната № 10, находившаяся недалеко от лестницы. Благодаря этому счастливому обстоятельству мы можем любоваться китайскими обоями XVIII в., ныне экспонирующимися во дворце Меншикова и в Летнем дворце Петра I. Разве не чудо, что спустя два столетия в Летний сад вернулись изящные панно, когда-то украшавшие деревянный дворец императрицы? Они явились нам отголоском той блестящей и одновременно смутной эпохи, которую мы называем именем Анны Иоанновны[30].

[1] *Батовский З.* Архитектор Ф.-Б. Растрелли о своих творениях. СПб., 2000. С. 71.
[2] *Денисов Ю. М., Петров А. Н.* Зодчий Растрелли. Л., 1963. С. 155.
[3] № 133. От г. Маньяна г. Шовелену. С.-Петербург, 12 апреля 1732 г. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 81. СПб., 1892. С. 317.

[4] № 136. К. Рондо лорду Гаррингтону. Москва, 9 августа 1731 г. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 66. СПб., 1889. С. 350.
[5] *Берк, К. Р.* Путевые заметки о России // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Примечания. СПб., 1997. С. 141.
[6] *Аркин Д. Е.* Материалы о жизни и творчестве Франческо Бартоломео Растрелли // Сообщения кабинета и истории архитектуры. М., 1940. Вып. I. С. 35.
[7] *Берк, К. Р.* Путевые заметки о России. С. 141.
[8] *Успенский А. И.* Художественные сокровища России. СПб., 1903. № 2–3. С. 103.
[9] [*Шаховской Я.*] Записки кн. Я. Шаховского. СПб., 1872, С. 24, 34.
[10] В Санктпетербурге I дня июня // Санкт-Петербургские ведомости. 1732. 1 июня. С. 198.
[11] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 78. Л. 379 об.
[12] [*Мион, А.*] Двор императрицы Анны Иоанновны по записям французского офицера // Исторический вестник. СПб., 1899. С. 727.
[13] *Хавен, П. фон.* Путешествие в Россию // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. С. 354.
[14] Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года. М., 1880. Кн. I. С. 222.
[15] [*Ла Шетарди, Ж.-И. Тротти де*] Маркиз де ла Шетарди в России. СПб., 1862. С. 51.
[16] *Лубяновский Ф. П.* Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. М., 1872. С. 53.
[17] Финч Э. — лорду Гаррингтону. С.-Петербург. 15 ноября 1740 года // Дворцовые перевороты в России. 1725–1825. Ростов на Дону, 1998. С. 191.
[18] *Манштейн, Х.* Записки о России. 1727–1744. СПб., 1875. С. 200.
[19] События в Петербурге в 1740–1741 годах // Отечественные записки. Т. CXVIII. СПб., 1858. С. 395.
[20] Финч Э. — лорду Гаррингтону. С.-Петербург. С. 179.
[21] *Кищук А. А., Кормильцева О. М., Сорокин П. Е.* Екатерингоф. СПб., 2004. С. 78, 79.
[22] *Успенский А. И.* Императорские дворцы. Т. I. М., 1913. С. 287.
[23] *Дорофеева Л. П., Калязина Н. В., Михайлов Г. В.* Дворец Меншикова. М., 1986. С. 175.
[24] *Рудова М. Л.* Китайские обои первой четверти XVIII века во дворце Меншикова // Проблемы русской культуры XVIII века: Конференция памяти Н. В. Калязиной: краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 80.
[25] Там же.
[26] *Дорофеева Л. П., Калязина Н. В., Михайлов Г. В.* Дворец Меншикова. С. 175.
[27] *Хавен, П. фон.* Путешествие в Россию. С. 354.
[28] [*Миних Э.*] Замечания на записки генерала Манштейна. М., 1997. С. 495.
[29] [*Миних Э.*] Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания графа Эрнста Миниха. СПб., 1891. С. 165.
[30] Автор выражает искреннюю признательность директору Рундальского дворца-музея И. Ланцманису (Imants Lancmanis, Латвия) и старшему научному сотруднику Государственного Русского музея Н. В. Новоселову за предоставленные иллюстрации.

Ефремова Ирина Константиновна

ЗА КУЛИСАМИ ОСТАНКИНСКИХ ПРАЗДНЕСТВ: ПОДГОТОВКА К ПАРАДНОМУ ЗАСТОЛЬЮ В XVIII В.

Великолепный театр-дворец в подмосковной усадьбе Останкино, построенный графом Н. П. Шереметевым «для совершения величайшего и достойного удивления дела»[1], прославился в России своими празднествами, театральными постановками и роскошными парадными залами, предназначенными для приема гостей. Изучению этого выдающегося памятника допожарной Москвы посвящены многочисленные научные исследования, монографии и статьи[2]. Однако за рамками исследовательских интересов почти всех, кто занимался Останкинским дворцом, остались вопросы непосредственной подготовки усадьбы к праздничным приемам, которыми так восхищались очевидцы. Тема эта оказалась настолько многогранна, что нам пришлось ограничиться лишь только одной из сторон подготовки праздника, а именно организацией парадного застолья как кульминации любого торжества.

В фондах Музея-усадьбы Останкино хранится богатый иконографический материал по этой теме. Прежде всего, это графические проекты всех усадебных строений, обширная переписка графа Шереметева со своими служащими, а также весь корпус дворцовых инвентарей, не раз составлявшихся на протяжении XIX в. Наибольший интерес представляет опись 1809 г., где, помимо подробной фиксации интерьеров дворца и собранных в нем коллекций, содержатся сведения обо всех многочисленных усадебных постройках с жилыми и хозяйственными помещениями и разнообразными кладовыми, в которых было сосредоточено все имущество усадьбы.

Как известно, Останкинский дворец строился и постоянно перестраивался графом Шереметевым на протяжении семи с половиной лет с января 1792 по 1798 г. Некоторые работы по отделке интерьеров не прекращались до конца 1801 г., когда состоялся последний большой прием в честь императора Александра I.

В предыдущих наших работах неоднократно отмечалось, что отделка парадных покоев Останкинского дворца-театра отличалась

от традиционного декоративного убранства дворцов классицизма, поскольку в Останкине в период его строительства графом Н. П. Шереметевым активно применяли законы постоянно меняющейся театральной декорации с присущими ей трансформацией пространства и подвижностью съемного декора[3]. Этим объясняется стремление Шереметева к частой переделке уже готового и постоянному совершенствованию своего детища.

Первый большой праздник состоялся 22 июля 1795 г. в честь героических событий Русско-турецкой войны. После приема 1795 г. спешно приступили к перестройке дворца и расширению его с южной и западной сторон, где были пристроены новые анфилады парадных залов. В апреле 1797 г. состоялся прием в честь только что коронованного императора Павла I, а в мае того же года — роскошное торжество в честь польского короля Станислава Августа Понятовского. Работы по убранству парадных дворцовых залов продолжались и после праздников 1797 г. Тогда были внесены значительные коррективы в текстильное убранство интерьеров, переделывались наборные паркеты, колонны Картинной галереи и Голубого зала отделывались искусственным мрамором и т. д. Из столичных магазинов и из петербургского Фонтанного дома Шереметевых доставлялись многие предметы обстановки. Новая «перемена декораций» в убранстве дворцовых залов последовала при подготовке к грандиозному приему в честь императора Александра I, состоявшемуся 1 октября 1801 г.

В зависимости от количества приглашенных и программы праздника застолье могло быть организовано в различных помещениях дворца, что было обусловлено не только вышеуказанными факторами, но и постоянно разрабатываемой графом идеей о быстрой трансформации и изменении облика интерьеров дворца «к приятному удивлению зрителей». Как известно, эта идея нашла воплощение при помощи специальной машинерии только в театральном зале, остальные проекты, в основном касающиеся устройства парадной столовой, остались на бумаге или были воплощены декоративными приемами.

В Останкинском дворце роль многофункционального помещения отводилась Египетскому павильону, совмещавшему в себе функции концертного зала и парадной столовой (ил. 1). Его разнообразное использование было обусловлено прочно укоренившимся в России обыкновением убирать обеденные столы и мебель для сидения, предназначенные для обстановки помещения во время

трапезы, сразу же после окончания обеденной церемонии. Таким образом, в другое время интерьер мог быть использован для всевозможных торжественно-зрелищных целей, что придавало его обстановке подвижный характер.

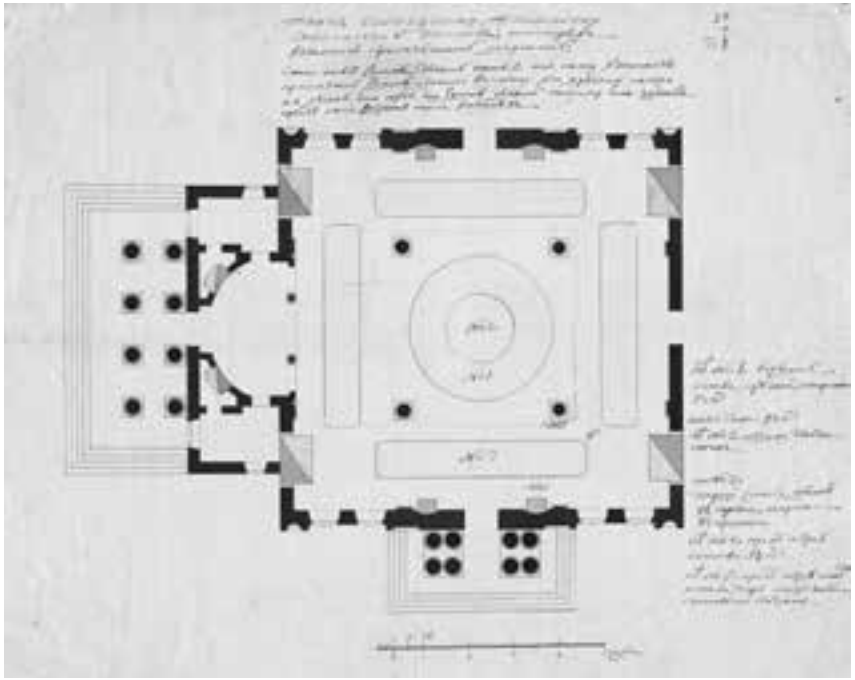
В эпоху классицизма, когда высшим художественным достижением была красота античности, убранство усадебных парадных застолий часто подражало античным храмам. Примером подобной постройки как раз может служить Египетский павильон Останкинского дворца, решенный в виде атриума (композиционного и смыслового центра древнеримского дома, предназначенного для трапез и собраний). В соответствии с художественным решением павильон был обставлен мебелью «а ля антик» из резного золоченого дерева — напольными светильниками-торшерами в форме античных кратеров и треножников; в обстановку была включена и курильница, источавшая благовония. Во время парадных трапез эта мебель дополнялась специально изготовленными в московской мастерской И. Витмана разборными столами «на петлях», о чем можно судить по сохранившемуся графическому проекту, согласно которому круглый стол стоял в центре помещения, а по сторонам за колоннами на невысоких подиумах — длинные прямоугольные столы[4] (ил. 2).

Во время торжественных трапез кушанья подносили из Большого кухонного флигеля, расположенного с восточной стороны дворца, прямо к экседре Египетского павильона. Здесь был устроен буфет с фарфоровой и серебряной посудой, картинно расставленной на задрапированных шелком с фестонами и бантами семи полуциркульных и четырех прямоугольных столиках[5]. Из буфета официанты доставляли разные перемены блюд.

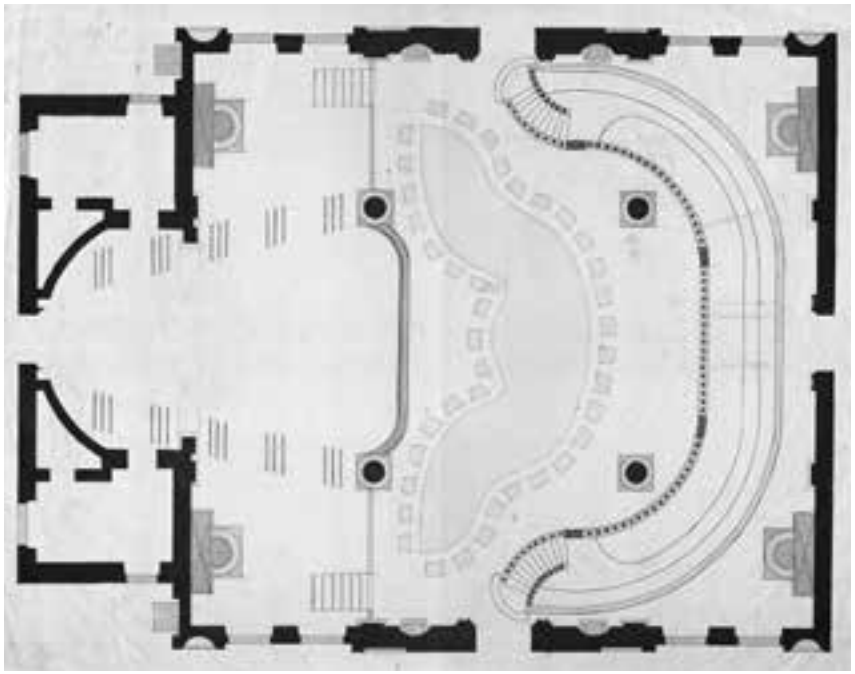
В 1793–1794 гг. были созданы еще два проекта превращения Египетского павильона в парадную столовую и подвижный театр. На одном из них две предполагаемые функции зала — столовой и театра — слились в одну[6] (ил. 3). Небольшая сцена изображена в восточной части павильона с экседрой, центральная часть зала занята обеденным столом сложной конфигурации, рассчитанным на 39 персон, остальные места в зале отделены от центрального пространства балюстрадой, чтобы гости могли наблюдать за представлением во время трапезы. Как видно, в эпоху культа чувств в Останкине стремились удивить гостей, воздействуя на различные органы: зрение услаждалось представлением на сцене и сервировкой обеденного стола; слух — музыкальным сопровождением;

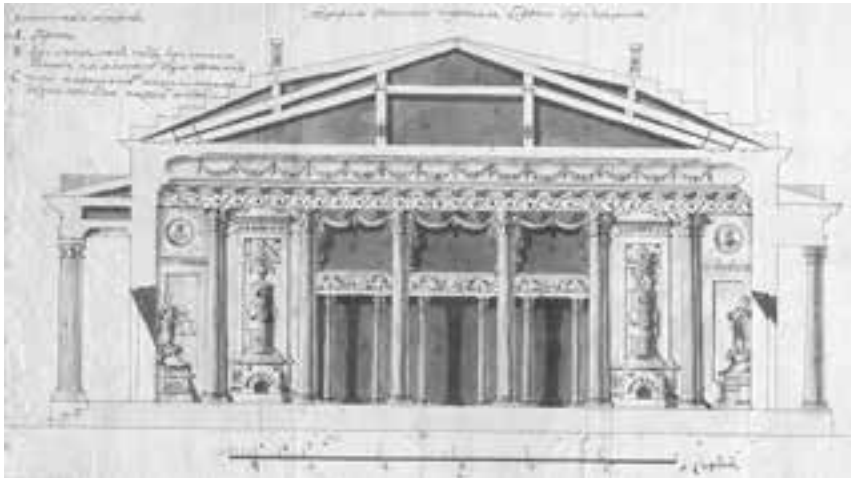
Ил. 1. Останкино. Египетский павильон. Современная фотография

Ил. 2. Неизвестный автор. План парадной столовой в Египетском павильоне Останкинского дворца. 1793. ММУО

Ил. 3. Неизвестный автор. План передвижного театра в Египетском павильоне Останкинского дворца. 1793. ММУО

Ил. 4. Г. Е. Дикушин (?). Разрез Египетского павильона по оси север-юг. Профиль столовой Портал буфета с оркестром. ММУО

обоняние — запахом воскуриваемых благовоний; а вкус — яствами и вином. Таким образом, парадное застолье могло служить эмоциональному воспитанию дворянина[7]. Однако, по всей видимости, этот сложный план не был реализован, и столы в павильоне устанавливались по первому проекту, о чем говорят и многочисленные комментарии на полях графического листа. Согласно еще одному проекту экседра, где во время трапезы должны были располагаться музыканты и певцы, отделялась от пространства павильона двумя колоннами, за которыми предполагалось установить еще шесть небольших колонок, поддерживающих хоры для оркестра. Во время представления, как гласит надпись на чертеже «две колонны больших и шесть маленьких должно вынимать»[8] (ил. 4).

В 1795–1796 гг., когда во время перестройки дворца для следующих больших празднеств к театру пристроили южную и западную анфилады с Картинной и Эстампной галереями, Шереметев снова вернулся к идее быстро изменяемого пространства интерьера в Эстампной галерее (ил. 5). Последнюю, как и Египетский павильон, также предполагалось трансформировать в «столовую залу». Трансформация интерьера должна была осуществляться также при помощи перемещения колонн. В сентябре 1796 г. граф извещает управляющего Останкинской усадьбы: «Желательно мне, чтобы средние колонны в случае нужды одна к другой придвигались бы ближе, а когда надобно, то поставить по-прежнему, а намерение мое для того, чтобы в оной галерее можно было столы поставить в случае кушанья»[9]. В другой раз он приказывает: «Колонны желаю,

Ил. 5. Музей-усадьба Останкино. Эстампная галерея. Современная фотография

чтобы были раздвижные так, что когда стол, то их раздвинуть, когда же стола нет содвинуть»[10]. Однако устройство раздвижных колонн здесь также не было реализовано по техническим соображениям, хотя застолья в Эстампной все же устраивались, о чем свидетельствуют особенности обстановки и убранства этого интерьера.

Согласно описи 1802 г. здесь размещалось 195 предметов из фарфора. Большинство составляли чайные и кофейные сервизы на двенадцать, шесть, четыре и две персоны (тет-а-тет) и просто отдельные чайные чашки с блюдцами, картинно расставленные на полках четырех угловых шкафчиков-пирамид и на консольных столах вдоль стен галереи. Как явствует из очень подробного описания каждого предмета, это был дорогой фарфор европейских заводов с полихромной росписью букетами, арабесками, пейзажами и античными сценами с обильным золочением и цветным крытьем. О том, что этот фарфор был не просто украшением интерьера, а использовался по назначению, свидетельствуют пометки на полях описи с указанием всех утрат, приключившихся «во время банкета 1801 года октября 1 дня» (то есть во время праздника в честь Александра I)[11].

Имеется также ряд косвенных сведений и об устройстве застолья в театральном зале Останкинского дворца, как это было принято, например, в Королевской опере Версаля. Граф Шереметев посещал ее во время своего заграничного образовательного путешествия в 1770–1773 гг.[12] Как уже говорилось, идея трансформации помещений в Останкинском дворце получила реальное воплощение только в театральном зале, благодаря применению бутафорских передвижных колонн, декоративных стен-завес, разборного плафона, съемного пола партера и меняющих свою высоту рядов амфитеатра. Возможно, большое застолье в театре было устроено во время приема в Останкине императора Александра I, о чем свидетельствует упоминание в описи 1802 г. о «постилании в портале (театра. — *И. Е.*) на балюстраде, где изволил **сидеть во время банкета (**выделено мной. — *И. Е.***)** император в 1801 году октября 1 дня бархату темно-зеленого одна штука, сшитаго в два полотнища и обложено с верхнего конца золотым нешироким гасом <…> мерою 7 аршин и три вершка» (т. е. более 5 м)[13]. Упоминается также «сукно алое кармазинное», которым «во время банкета постилали на стол в три полотнища, каждое длиною по 6 аршин»[14] (таким образом, судя по длине трех полотнищ ткани, общая длина столов, покрытых

сукном, могла составлять 18 аршин — т. е. около 13 м). Известно также, что по случаю приема в честь польского короля, Останкино посетило более 300 человек приглашенных[15], следовательно, застолье для такого количество гостей могло быть организовано только в самом большом помещении дворца, т. е. в театре. В таком случае примыкающая к театральному залу Эстампная галерея с ее фарфором могла использоваться как своеобразная буфетная, или в ней могли накрывать десертные столы во время бала. Еще один вариант парадной столовой в Останкине был устроен на границе Большого дома (дворца) и Старых хором, примыкавших к дворцу с западной стороны. Еще в 1796 г., перестраивая дворец во время подготовки к ожидавшемуся приему Павла I, Шереметев решает переделать в столовую прежнее помещение библиотеки в Старых хоромах[16]. С этой целью интерьер был несколько расширен и в центре его западной стены на оси анфилады было приказано устроить камин, а бывшие здесь печи переделать и украсить скульптурами вакханок. Эти переделки свидетельствовали о важном значении, которое приобрел интерьер бывшей библиотеки после перестройки дворца. Он фактически замкнул его западное крыло анфиладой, состоявшей из Итальянского павильона, Проходной галереи к Старым хоромам и интерьера столовой, лишь территориально принадлежащей к жилому флигелю, но по смыслу и обстановке относящейся к парадным дворцовым покоям. Интересно, что в Останкине это была единственная Парадная столовая «по определению»[17], остальные, как уже было сказано, могли устраиваться в разных по назначению интерьерах дворца.

Помещенное в конце анфилады надкаминное зеркало Парадной столовой зрительно увеличивало ее протяженность. Богатое скульптурное наполнение столовой откликалось убранству Итальянского павильона. Опись 1809 г. фиксирует здесь статуи Аполлона и Венеры, бюсты римских императоров, установленные на колонках искусственного мрамора по углам помещения. Стены украшали живописные полотна и эстампы в золоченых рамах, а на каминной полке красовались бронзовые часы, подсвечники и вазы.

Также как в Итальянском павильоне, в Столовой и в Проходной галерее были использованы модные в то время французские бумажные обои: однотонные и с цветными бордюрами, скомпонованными в эффектные панно «по телесной земле фигуры и вокруг оклеено бордюром голубым с фигурами»[18] (ил. 6).

Ил. 6. Музей-усадьба Останкино. Фрагмент окантовки стены (бордюр из полос «в этрусском стиле»). Франция. 1780-е

Парадный характер столовой подчеркивался обилием светильников. Здесь было 13 фонарей: один большой, с хрустальным убором, на четыре свечи, висевший в центре зала; восемь поменьше на одну свечу — по четыре по сторонам от центрального; кроме того, было еще два подвесных фонаря из синего стекла и два настольных фонаря, расположенные на сервантах. Таким образом, светонасыщенность столовой была преизбыточной для такого сравнительно небольшого помещения. Вечером, когда зажигались многочисленные свечи, в больших люстрах Итальянского павильона, в 24 деревянных торшерах и десяти подвесных фонарях между колонн Проходной галереи и тринадцати фонарях Парадной столовой создавалась иллюзия сияющего огненного пути.

Существенное отличие столовой от убранства дворцовых интерьеров представляла только мебель — не золоченая, как во всех залах Большого дома, а новомодная, из красного дерева с бронзой и латунью, свойственная, скорее, жилым покоям, нежели парадным залам. Такая обстановка, а также сравнительно небольшие размеры столовой, позволяют отнести ее к более интимным парадным покоям «отдохновения», бывшим как бы рангом чуть ниже дворцовых покоев «великолепия»[19].

В столовой числилось 40 стульев с жесткой спинкой и сафьяновыми подушками и два серванта с белыми мраморными столешницами (в описи названы комодами) с дверцами и «окошками», затянутыми тафтой. Интересно, что обеденные столы в столовой по инвентарям не проходят, ибо по обыкновению тех лет употреблялись разборные «на петлях». Все они, как явствует из описи 1809 г., за ненадобностью складывались в «театральном сарае». Здесь среди реквизита числились овальные, круглые и прямоугольные «разборные столы на петлях», в двух, четырех и восьми «складных штуках», к которым прилагались складные «подножки». Всего — 71 предмет, из которых только для одного Египетского павильона предназначались 33 стола. Остальные 38 столов могли быть включены в обстановку других интерьеров, где предполагалась трапеза. Такое количество позволяло быстро организовать любое застолье в разных интерьерах усадьбы на неограниченное количество персон, а главное, учитывая страсть Шереметева к эффектным и быстрым переменам в дворцовых залах, также предоставляло возможность постоянно варьировать конфигурацию пиршественных столов, составляя из них различные пространственные картины [20].

Что касается меню останкинских застолий, то здесь, к сожалению, у нас не так много сведений. Дело в том, что в отличие от отца, графа Петра Борисовича, большого гурмана, выписывавшего к столу из-за границы кроме традиционных поставок чая, кофе и различных вин множество разнообразных деликатесов, вроде «ящиков трюфелей в масле», «горшков мушеронов марине», «птичьих гнезд», «каперсу, оливу, анчовиту», «сыру пармского» и тому подобного [21], Николай Петрович скорее заботился о «пище духовной». Среди его многочисленных повелений своим управляющим, предписаний крепостным архитекторам и художникам относительно постройки и убранства усадебных и столичных домов, устройства театра, обучения актеров мы не встретим почти ничего, относящегося к трапезе. Из записок лечившего графа доктора Фреза узнаем, что он имел «аппетит переменчивый, из всех вин он пьет только красное Bourgogne. За обедом по привычке пьет много воды, редко пьет чай и никогда не пьет кофе. Простота украшает его стол. Ужинает он редко»[22]. Показательна также и оставшаяся без всякого внимания со стороны графа записка управляющего А. Агапова следующего содержания: «О заготовлении к будущей зиме для стола Вашего Сиятельства разной кухонной провизии

артишоков, цветной капусты, яблок моченых и протчего от Вас ничего не предписано, надобно оное заготовлять? Тоже и белого вина наливки испрашиваю резолюции»[23]. Однако резолюции так и не последовало.

В целом праздничное меню, видимо, не уступало застольям при графе Петре Борисовиче, заложившем традиции больших празднеств в усадьбе Кусково. Правда, Николай Петрович в отношении меню иногда прибегал к хитростям. Речь идет о найденной при разборке шереметевского архива записочке, датированной 2 мая 1797 г. (то есть буквально накануне праздника в честь польского короля Станислава Понятовского) следующего содержания: «Прикащику Алексею Бизяеву! Его Сиятельство изволил приказать наловить в прудах или каналах лягушек самых больших зеленых и прислать непременно сегодня или завтра поутру, которые чтоб могли употребляться в кушанье»[24].

Как и в любой усадьбе, в Останкине барский стол обслуживали многочисленные оранжереи. В период расцвета усадьбы их было шесть и они специализировались на разных сортах фруктов. Выращивались различные сорта винограда от наиболее зимостойких, нуждавшихся лишь в небольшом обогреве, до самых теплолюбивых, которым наиболее подходили климатические условия, создаваемые для ананасов. В оранжереях культивировались также абрикосы, лимоны, апельсины и другие экзотические плоды. В самых протяженных и больших по площади теплицах высаживались овощи и травы к столу — мята, тмин, анис, шалфей, петрушка, укроп, пастернак, сельдерей, спаржа и т. п. В усадебном саду выращивались яблоки, груши, вишни, сливы, рябина, терновник, смородина, крыжовник, малина и клубника [25].

Великолепные многолюдные празднества снискали Останкину славу далеко за пределами Москвы. Многие путешественники стремились посетить это удивительное место. Особенной популярностью дворец стал пользоваться после праздника, данного в честь Александра I. Сразу же после приема 1 октября управляющий А. Агапов в донесении, датированном 3 октября 1801 г., писал из Останкина: «…в доме Вашего Сиятельства что попорчено и замарано очищается и приведено будет в надлежащую чистоту, и ежели Государь Император когда изволит в Останково заехать или кто будет из придворных или чужестранники, то по предписанию в точности исполнено будет. Столы большой и круглый

в середине не разобраны. Указано ли будет разобрать, тоже из буфета серебро убрать?»[26].

После приемов 1801 г. убранство парадных залов в отсутствии графа оставалось неизменным долгие годы. Дворец, особенно летом, по-прежнему привлекал внимание современников. Как следует из донесений управляющих усадьбой, «…в Останково для смотрения дому приезжают всякий день множество… гуляльщиков и прочих благородных, также иностранное купечество…»[27]. «Для прибытия герцога Венгерского в Большом доме и около него снаружи, тако и внутри, что возможно прибрано будет, полы суконкою прочищены, а вчерашний день был князь Горчаков… с фамилией.»[28]

Постепенно жизнь в Останкине замирает, и усадьба остается почти неизменной в течение полувека вплоть до следующих коронационных торжеств 1856 г., когда театр-дворец посетил перед коронацией Александр II, однако эти события уже выходят за рамки нашего исследования.

[1] Завещательное письмо графа Н. П. Шереметева // Граф Николай Петрович Шереметев. Личность. Деятельность. Судьба. Этюды к монографии. М., 2001. С. 251.

[2] *Соловьев К. А., Елизарова Н. А.* Останкино. Т. I. Проектирование и строительство дворца. Т. 2. Интерьеры дворца. Т. 3. Архитектурный комплекс усадьбы Останкино. М., 1959. Рукопись: ММУО НА. Ф. II. Инв. № 267/573; *Вдовин Г. В., Лепская Л. А., Червяков А. Ф.* Останкино. Театр-дворец. М., 1994; Граф Николай Петрович Шереметев. Личность. Деятельность. Судьба. Этюды к монографии. М., 2001; *Спрингис Е. Э.* Искусство и время. Останкино. Путеводитель по музею-усадьбе. М., 1999.

[3] *Ефремова И. К.* Парадная ложа графа Н. П. Шереметева. К вопросу о принципах отделки и убранства интерьеров Останкинского дворца // Граф Николай Петрович Шереметев. Личность. Деятельность. Судьба. Этюды к монографии. М., 2001. С. 129–142; *Ефремова И. К.* Останкинский дворец — энциклопедия отделочных материалов и технологий XVIII века. К вопросу о принципах отделки интерьеров Останкинского дворца // Уникальный памятник архитектуры конца XVIII века дворец-театр в Останкине в контексте международного опыта реставрации и сохранения дворцовых комплексов: новый взгляд на старые проблемы: Материалы научной конференции. М., 2014; *Ефремова И. К.* Проблемы реконструкции текстильного убранства интерьеров Останкинского дворца // Проблемы европейского и русского декоративно-прикладного искусства. Образование и музей. Научно-практическая конференция. СПб., 2022. (В печати); *Спрингис Е. Э.* Владелец-заказчик и формирование усадебного комплекса в конце XVIII — начале XIX в. (по материалам усадебного строительства графа Н. П. Шереметева): дис. … канд. ист. наук: 24.00.03. М., 1999.

[4] Неизвестный автор. План парадной столовой в Египетском павильоне Останкинского дворца. 1793. (ММУО. Инв. № Ч-263).

[5] ММУО. Инв. № ПИ-2997. Опись, учиненная в селе Останкове… 1802 года. Л. 157.

[6] Неизвестный автор. План передвижного театра в Египетском павильоне Останкинского дворца. 1793. (ММУО. Инв. № Ч-259).

[7] Насколько четко в XVIII в. удовольствия классифицировались по разности восприятия в описании празднеств той поры впервые обратила внимание Л. А. Лепская. Эта мысль была развита в работах Н. В. Сиповской (см.: *Лепская Л. А.* Театр и театральные празднества в усадебной культуре. Доклад на конференции «Усадьба XVIII века: ее место и значение в истории русской культуры». М., 1991. Рукопись; *Сиповская Н. В.* Праздник в русской культуре XVIII века // Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. СПб., 2000. С. 28–42).

[8] Г. В. Дикушин. Разрез Египетского павильона по оси север-юг. Профиль столовой. Портал буфета с оркестром. (ММУО. Инв. № Ч-258).

[9] ММУО НА. Ф. 1. Ед. хр. 325. б/г. Л. 147.

[10] Там же. Л. 147–147 об.

[11] ММУО. Инв. № ПИ-2997. Опись, учиненная в селе Останкове… 1802 года. Л. 119–129.

[12] Здание Королевской оперы Версаля было построено из дерева в 1765–1770 гг. по проекту архитектора А. Ж. Габриеля. Открытие театра состоялось 16 мая 1770 г. в честь бракосочетания дофина (будущего Людовика XVI) и Марии Антуанетты. Предполагалось, что Королевская опера будет не только театром, но также и бальным и банкетным залами. Трансформация театрального зала в банкетный выполнялась при помощи передвижения колонн большого ордера и поднятия партера до уровня сцены, за счет чего площадь зала удваивалась, и он мог вместить во время банкета более 1000 человек, тогда как во время спектакля вмещал 712 зрителей. В свое время это был самый большой театр Европы. В Останкинском театре-дворце очевидно то огромное впечатление, которое на Шереметева произвела механика Королевской оперы. Оно проявилось в стремлении к созданию быстрых пространственных перемен внутри дома при помощи передвижных колонн и съемного декора из дерева и папье-маше.

[13] ММУО. Инв. № ПИ-2997. Опись, учиненная в селе Останкове… 1802 года. Л. 47 об.

[14] Там же. Л. 154.

[15] РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1908. 1797–1801 гг. Л. 2–17.

[16] Подробнее о Старых хоромах усадьбы Останкино см.: *Девятова С.* «…Хоромы в коих я живу» // Граф Николай Петрович Шереметев. Личность. Деятельность. Судьба. Этюды к монографии. М., 2001. С. 78–114.

[17] Впервые это отметила С. Девятова. См.: *Девятова С.* «…Хоромы в коих я живу». С. 101.

[18] ММУО. Инв. № ПИ-2998. Опись селу Останкину, учиненная в 1809 и 1890 г. Л. 26, 28 об.

[19] Согласно окончательно сложившимся в России в эпоху классицизма правилам регламентации различных по назначению интерьеров, парадная зона всякого дворянского дома, согласно представлениям времени о нераздельности красоты и пользы, должна была состоять из покоев «пребывания» и «покоев отдохновения», предназначенных в первом варианте «для великолепия», во втором — «для гостей», таким образом, парадная зона дома должна была состоять, во-первых, из наиболее значительных в идейно-художественном плане помещений, отвечавших парадно-зрелищной функции великолепия и являвшихся показателем статуса владельца дома, его «просвещенного вкуса», знатности и богатства, во-вторых, из более интимных комнат «для отдохновения», помимо сугубо парадной функции несущих еще и утилитарную нагрузку. Эти правила были изложены в отечественных компилятивных изданиях (см.: *Головин М. Е.* Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству. СПб., 1789; *Лем И.* Опыт городовым и сельским строениям или Руководство к знанию как располагать и строить всякого рода строения по неимению архитектора. СПб., 1818).

[20] ММУО. Инв. № ПИ-2998. Опись селу Останкину, учиненная в 1809 и 1890 г. Л. 177 об., 178.

[21] *Беляева Л.* Заграничные закупки графа П. Б. Шереметева за 1770–1788 гг. // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л., 1928. С. 86–88.

[22] РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 4825. Граф С. Д. Шереметев. Выписки из домашнего архива. Время Императора Павла 1. 1796–1800 гг. Л. 12.
[23] РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 6483. 1797 г. Л. 198.
[24] РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 4772. Выписки Н. В. Тимофеева из домашнего архива Шереметевых за 1760–1849 гг. Л. 22 об.
[25] *Кондакова М. Д.* Оранжерейный комплекс Шереметевых в Останкине в конце XVIII — начале XIX века // От «царского огорода» к музею-заповеднику: Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2018. С. 203–208.
[26] РГИА. Ф. 1088. Оп. 9. Ед. хр. 1912. 1801 г. Л. 11.
[27] РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ч. 6. Ед. хр. 6483. 1797 г. Л. 99.
[28] РГАДА. Ф. 1283. Оп. 1. Ед. хр. 4772. Выписки Н. В. Тимофеева из домашнего архива Шереметевых за 1760–1849 гг. Л. 25 об.

Ефремова Ирина Константиновна,
Кондакова Мария Дмитриевна

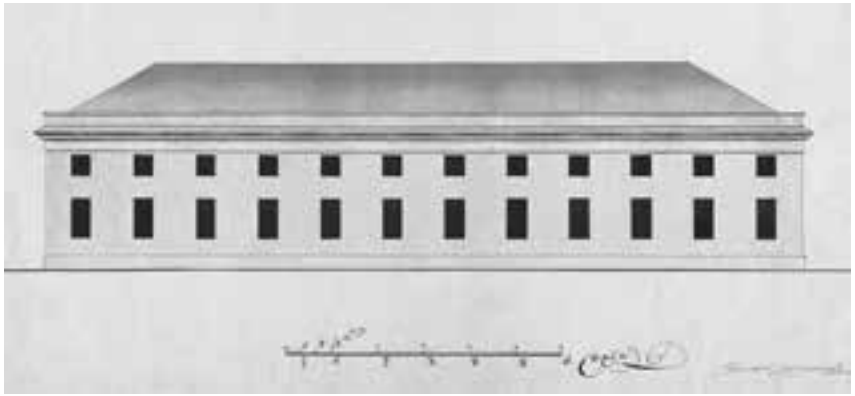
ЛОЖКА К ОБЕДУ… ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ЗАСТОЛЬЯМ В УСАДЬБЕ ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА ОСТАНКИНО

Важным элементом усадебного праздника был парадный обед, более того, обед считался кульминацией любого торжества, его организация почиталась высоким искусством.

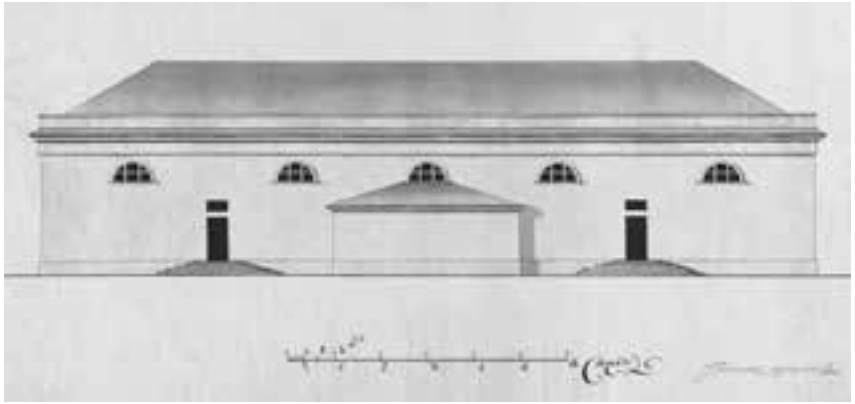
Особенно внимательное отношение к церемонии застолья наблюдалось в подмосковной усадьбе. Именно в среде московского дворянства, славившегося своими амбициозными настроениями, роскошью и привольностью жизни, культура застолья (будь то парадный прием или повседневное вкушение пищи) стала одной из важнейших составляющих сторон усадебной жизни, которая имела свои давние традиции, особенности и сложившийся этикет.

Богатую иконографию по организации усадебного застолья в конце XVIII в. предоставляют коллекции Музея-усадьбы «Останкино». С этой точки зрения они почти не привлекали внимание исследователей. Можно назвать лишь несколько работ сотрудников музея — К. Н. Щепетова, К. А Соловьева, С. В. Девятовой, — которые касались этой темы[1]. Обширный материал дают чертежи из собрания архитектурной графики и архивный материал — переписка по строительству дворца и счета мастеров, а также весь корпус дворцовых инвентарей. Наибольший интерес представляет останкинская опись 1809 г., составленная в связи с кончиной графа Н. П. Шереметева[2]. Здесь, помимо подробного описания дворцового убранства, зафиксировано содержимое всех многочисленных усадебных построек с кладовыми, где, к тому времени, когда в усадьбе почти никто не жил, было сосредоточено все, что касается кухонной утвари и сервировки парадных и повседневных застолий. Сведения из этого интереснейшего источника приводятся впервые.

Большая кухня усадьбы Останкино находилась с восточной стороны от дворца. Прямая дорожка вела от крыльца кухонного флигеля к восточному входу в Египетский павильон, где во время больших приемов устраивалась парадная столовая.

Ил. 1. Г. Е. Дикушин. Восточный фасад кухонного флигеля в Останкине
Фиксационный чертеж. 1794–1795. Публикуется впервые
ММУО. Фонд «Архитектурная графика». Инв. № Ч-322

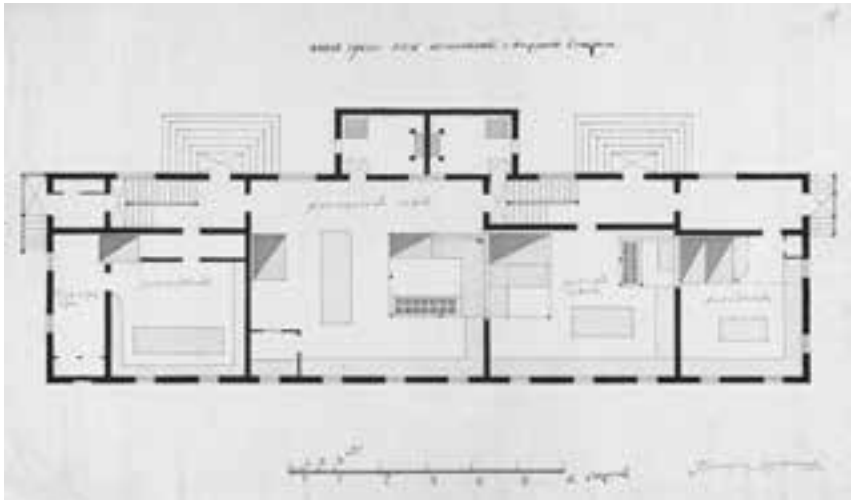
Ил. 2. Г. Е. Дикушин. Западный фасад кухонного флигеля в Останкине
Фиксационный чертеж. 1794–1795. Публикуется впервые
ММУО. Фонд «Архитектурная графика». Инв. № Ч-324

Двухэтажное здание кухни (ил. 1, 2) было самым большим и внушительным из всех многочисленных хозяйственных флигелей усадьбы, оно возводилось по проекту крепостного архитектора Г. Е. Дикушина одновременно с постройкой дворца-театра в непосредственной близости от него и потому по своему внешнему оформлению гармонировало с классическим фасадом дворца. Оштукатуренный и выбеленный кухонный флигель имел по-разному оформленные фасады: на западном фасаде, обращенном к дворцу, располагалось лишь пять небольших полукруглых окон,

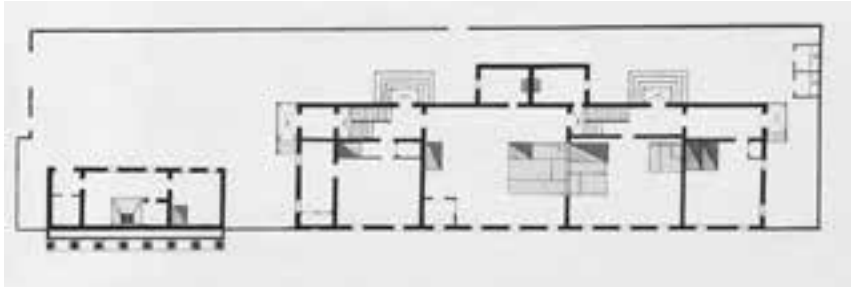
а на восточном — по двенадцать в каждом этаже. Одно из восточных окон являлось ложным, появившимся для симметрии. Также с западной стороны в центре нижнего этажа находился небольшой выступ, внутри которого располагались чуланы.

В здании было несколько входов: два с западного фасада и еще по одному с южной и северной сторон, сделанных специально, чтобы входящие и выходящие официанты не сталкивались и не мешали друг другу.

Центральная часть нижнего этажа кухонного флигеля (ил. 3) делилась на два основных помещения, что было обусловлено особенностями меню парадных обедов, состоявших из блюд французской и русской кухонь. Самым большим и светлым помещением, занимавшим по высоте два этажа, была *французская кухня* с выбеленными стенами и потолком, кирпичным полом, с восемью окнами (по четыре в два яруса) на восточной стороне и одним полуциркульным окном на западной. Согласно описи 1809 г., здесь располагалась печь «с чугунною плитою», а также очаг под железным сводом, поддерживаемым тремя «из брущатого железа столбами и на них для держания сводов шесть связей брущатого железа, а сверх оных до потолку две надставы и под ними конфор…»[3]. Помимо этого сложного сооружения, для приготовления блюд французской кухни здесь находилась и небольшая русская печь из простого кирпича. В центре помещения опись фиксирует большой стол о шести ножках, а вдоль стен — три простые дощатые лавки с 11 шкафчиками под ними и сверх того один шкаф «для поклажи провизии»[4]. К *французской кухне* примыкал чулан для продуктов и погреб, состоявший из двух отделений с «двумя верстаками для мясов»[5] и полкой «для мясов же»[6]. Из *французской кухни* через сени можно было попасть в помещение *русской кухни*, несколько меньшее по размеру. Также, как и *французская кухня*, помещение *русской* было в два света, с шестью окнами по три в каждом ярусе, с кирпичным полом и белеными стенами. Помимо русской печки здесь устроили еще два железных очага. Обстановка была примерно такая же, как и во *французской кухне* — стол для приготовления блюд, лавки и шкаф для «поклажи провизии»[7]. Разница между устройством очагов в обеих кухнях обуславливалась различными принципами приготовления блюд. В русской печке выпекали домашний хлеб, всевозможные пироги и пирожки, готовили тушеные и вареные блюда. Кроме того, в традиционной русской кухне использовался один из древнейших способов жаренья,

Ил. 3. Г. Е. Дикушин. План нижнего этажа кухонного флигеля в Останкине
Фиксационный чертеж. 1794–1795. Публикуется впервые
ММУО. Фонд «Архитектурная графика». Инв. № Ч-318

Ил. 4. Б. Курзин. Генеральный план Останкинского дворца и окружающих построек
Фиксационный чертеж. Фрагмент. Кухонный и кофейный флигели. 1798
ММУО. Фонд «Архитектурная графика». Инв. № Ч-124

близкий к фритюру, — пряжение (обжаривание в большом количестве масла). По всей видимости, именно здесь использовалась зафиксированная в одной из кладовых усадьбы «…кухонная машина с прибором деревянным, представляющая очаг, как жарить жаркое и в ней вставной медный станок, на оном вертел, который вертится на той машине, наверху в станке медном машина из трех колес медных же, при ней два блока медных и одна гиря свинцовая, которая ходит через блок на бечевке, и при ней 16 штук медных кухонных инструментов, противень и таган жестяные и два гладила медных»[8].

В кухне Франции, уделявшей большое внимание приготовлению разных сложных соусов, требующих томления на медленном огне, и блюд, основанных на смешивании различных продуктов, их перемалывании и дроблении, просматривается использование новых типов кухонных плит и новомодной кухонной утвари, среди которой могла быть и «форма для сыров красного дерева полуовальная на четырех медных колесцах, крышка накладная того же дерева, при ней две скобы и две шпильки медные, внутри оной формы две дощечки красного дерева полуциркульные»[9].

Непосредственно к *французской кухне* примыкало два небольших помещения. Одно из них — *скатертная* с высоким столом «для смывания посуды»[10]. Отсюда дверь вела в соседнюю комнату «для серебра», где дверь укрепили «двумя скобами и накладками железными»[11], что существенно отличало ее от остальных дверей кухни, обитых холстом и побеленных. Ради предосторожности в этой серебряной кладовой в окнах были глухие рамы. Согласно описи 1809 г., здесь стояло «два шкафа створчатые о пяти полках для поклажи посуды»[12]. К *русской кухне* примыкало помещение *хлебенной* для выпечки и нарезки хлеба с двумя большими русскими печами, столом и двумя верстаками. Вдоль стен размещались лавки, полки и два створчатых шкафа.

Из сеней, предваряющих все помещения нижнего этажа (кроме серебряной кладовой, куда можно было попасть лишь минуя *скатертную*), две лестницы, освещенные жестяными фонарями, вели на второй этаж кухонного флигеля. Центр второго этажа занимали верхние ярусы кухонных помещений с дымоходами, а боковые стороны разделялись на комнатки для персонала: над *скатертной* и серебряной кладовой располагались две комнатки для старших официантов — небольшие помещения с полками «для поклажи платья» и кроватью «на железных винтах»[13], а с другой стороны флигеля, над помещением *хлебенной*, располагалась «комната кухмистерская», где жили повара. Эти жилые помещения отапливались кафельными голландскими печками.

Для приготовления различных напитков в усадьбе выстроили отдельное одноэтажное здание кофейного флигеля, объединенного одним двором с кухней (ил. 4). Его восточный глухой фасад украшал восьмиколонный портик («стена забранная в столбах»[14]). Окна здания располагались асимметрично на западном фасаде, обращенном в сторону дворца. Вход под навесом находился справа от окон.

Внутреннее пространство разделялось капитальными стенами на три части. В центральном помещении располагался очаг для приготовления напитков, совмещенный с «горном», куда для разогревания ставились чайники. Здесь же опись фиксирует дубовую бочку для воды и большую корзину «для таскания угольев»[15]. Справа примыкал чулан со шкафом и двумя «тесовыми койками для спанья»[16] для работников, постоянно следивших за очагом.

Левая комнатка также была жилой, она предназначалась для кофешенков, которым был «препоручен буфет, посуда ежедневно для чая, кофе и стола употребляемая, серебро и белье столовое, также водка, вины для стола отпускаемые и обыкновенные напитки»[17]. В обстановку комнатки, несколько более изысканную, чем остальные помещения для работников кухни, входили стулья с кожаными подушками. Привлекал внимание массивный шкаф «для поклажи кофейных приборов», окрашенный в голубой и оранжевый цвета. Створчатые двери шкафа запирались на «нутряной» замок и на момент составления описи в 1809 г. были запечатаны печатью, что дает основания предполагать, что там хранилась какая-то ценная, возможно, серебряная, утварь. По углам комнатки стояли небольшие наугольные шкафчики «для поклаж»[18]. Отапливалось помещение голландской кафельной печью.

Таким было устройство флигелей, обеспечивающих проведение роскошных торжеств, приемов и грандиозных празднований.

Большие приемы, состоявшиеся в Останкине, были немногочисленны. Первый большой праздник состоялся 22 июля 1795 г. в ознаменование завершения Русско-турецкой войны. Тогда в Останкинском театре была поставлена лирическая драма П. С. Потемкина на музыку О. А. Козловского «Зельмира и Смелон, или Взятие Измаила». В апреле 1797 г. был организован прием в честь только что коронованного императора Павла I, а в мае того же года — роскошное торжество в честь польского короля Станислава Августа Понятовского. Последний грандиозный праздник в честь нового императора Александра I состоялся в 1801 г.

В промежутках между большими празднествами кухонный и кофейный флигели, по всей видимости, могли обслуживать весь многочисленный штат усадьбы: актеров, музыкантов, танцоров и нанятых для них учителей. Архивные документы оставили информацию и о внебрачных детях Шереметевых, и о приглашенных родственниках и приживалах, живших в усадебных флигелях.

Возможно, здесь же готовилась трапеза для обитателей Лакейского, Гусарского, двух Садовых флигелей, Большого конного двора и т. п.

Помимо Большой кухни в восточной части усадьбы существовала еще и Малая кухня (ил. 5), которая располагалась на противоположной, западной стороне от Останкинского дворца, за церковью, поблизости от «Старых хором». Они были возведены в 1780-е гг. и перестроены графом Николаем Петровичем для своего проживания в 1790-х гг., когда строился Останкинский театр-дворец (во всех усадебных описях именуемый Большим домом). Тогда же, видимо, Малую кухню переделали из бывшего Детинного флигеля — домика, где жили внебрачные дети П. Б. и Н. П. Шереметевых. В отличие от Большой кухни, Малая обслуживала исключительно жилую часть усадьбы, располагавшуюся в западной половине Останкинского дворца. Снаружи флигель, выходивший фасадом на улицу позади усадебной церкви, выглядел импозантно; он был окрашен, как и дворец, в нежно-розовый цвет «утренней зари». Главный вход с улицы украшал белоколонный портик с крыльцом на «три схода о 6 ступенях»[19] (ил. 6). Сквозные сени разделяли здание на две части. Справа находились два чулана, а слева — большое и светлое помещение *кухни* с восемью окнами, выходившими на два противоположных фасада — на улицу и в сад, здесь был устроен кирпичный очаг с четырьмя железными полосами и русская печь, с другой стороны от сеней находилась *хлебенная* — небольшая комнатка с кирпичной печью. В том же здании справа располагалась *кофейная*, с «очагом кирпичным о двух канфорах»[20].

За Малой кухней с севера был кухонный двор, куда вел второй выход из здания. По-видимому, работники пользовались именно им. Двор примыкал к останкинскому саду, через который надо было двигаться по небольшим садовым тропинкам, чтобы попасть к Старым хоромам со входами в разные части здания.

Работу по доставке провизии из своего усадебного хозяйства, приготовлению кушаний, накрыванию стола осуществлял большой штат слуг. В него входили повара с учениками и помощниками, кондитер, кофишенк, кастелянша, винокур, пивовар, ключник, погребщик, скотники и птичники, садовник с садовыми работниками, а также огородник с учениками и т. п. Повара, трудившиеся на кухне по приготовлению изысканных блюд, не всегда были из числа шереметевских крепостных. Это могли быть и специально приглашенные иностранцы. Так, в 1791 г. в штате села Останкино значится

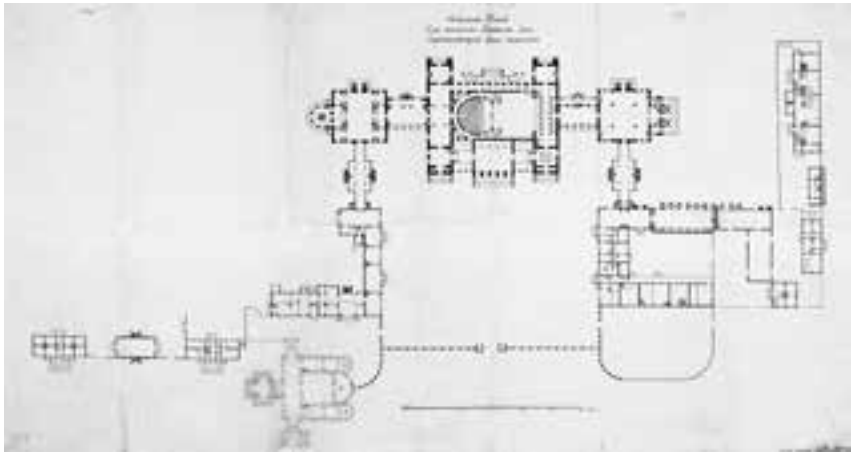
кухмистер Оливье с жалованием 600 руб. — столько платили приглашенным музыкантам или, к примеру, кусковскому садовнику Ракку[21]. Среди документов шереметевского архива сохранился список работников кухни графа Н. П. Шереметева за 1801 г., в который входили: метрдотель Сидор Мельников — 150 руб.; повара старшие — 5 человек по 94 руб. 64 коп.; повара младшие — 4 человека по 80 руб.; хлебники — 2 человека по 70 руб.; скатертники — 3 человека по 67 руб.; котельники — 2 человека по 63 руб.; ключники при погребах — 3 человека по 30 руб.; бывшие в услугах — 2 человека по 42 руб. Всего — 19 человек, получавших 1963 руб.[22]

Должностные обязанности домашних слуг, среди которых числились не только крепостные, но и вольнонаемные, строго разграничивались.

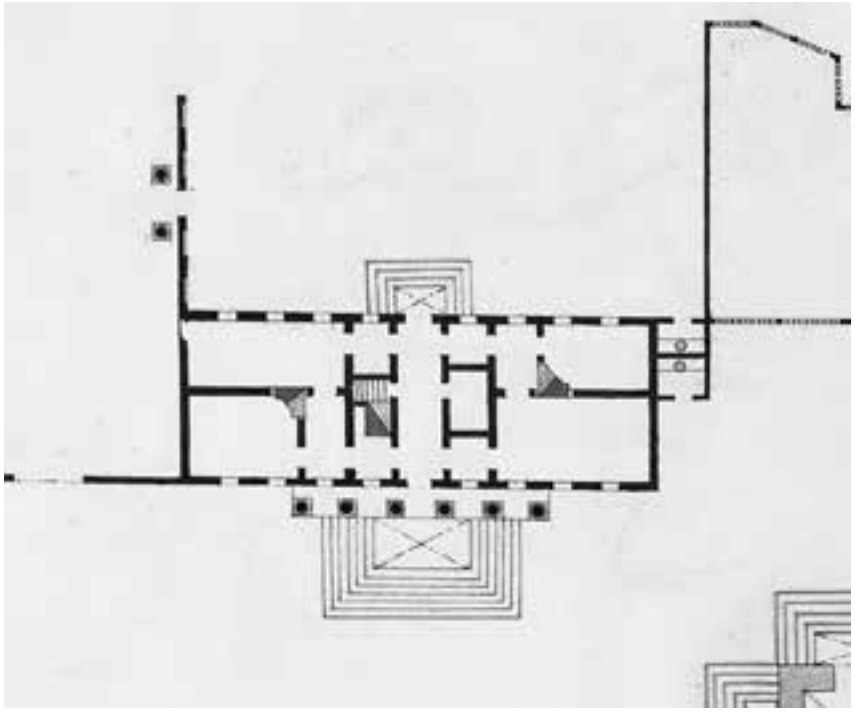
Главным в обеденном зале, координирующим работу других служащих, был метрдотель. Он рассаживал гостей за большим столом, представлял различные блюда, отдавал распоряжения поварам, помогал с решением других возникающих вопросов. Кроме того, он зачастую должен был быть и хорошим поваром, главная обязанность метрдотеля — «иметь попечение о кухне и о всем, что к кухне принадлежит»[23]. Он распределял провизию и припасы поварам и сам должен был отведать только что приготовленное кушанье. Когда лакеи приносили блюдо в столовую, метрдотель открывал кастрюли, нарезал и раскладывал яства. Очень ценилось искусство красиво разложить на тарелки приготовленную еду. «Метрдотель обычно у Шереметевых был не из дворовых, а из нанятых на стороне людей»[24].

Кухмейстер, или повар, «должен был готовить кушанья со вкусом и употреблять съестные припасы с пользой, содержать в порядке и чистоте как кухню, так и посуду, рачительно сберегать съестные припасы»[25]. Повар был обязан обладать такими качествами, как трезвость, знание мастерства, «проворство» и опрятность, «дабы из его рук без размышления всякую пищу употреблять можно»[26]. Повар, «приготовляя кушанье, должен размышлять, а не машинально поступать, как дровосек, который дрова рубит; ему следует все обдумывать о том, что может в приготовляемой им снеди возвысить вкус или оному вредить»[27].

Мундшенк распоряжался напитками, обязан был иметь хороший вкус и обоняние, а главное, соблюдать трезвость. «Он должен

Ил. 5. Б. Курзин. Генеральный план Останкинского дворца и окружающих построек
Фиксационный чертеж. 1798. Публикуется впервые
ММУО. Фонд «Архитектурная графика». Инв. № Ч-124

Ил. 6. Б. Курзин. Генеральный план Останкинского дворца и окружающих построек
Фрагмент. Малая кухня. 1798. ММУО. Фонд «Архитектурная графика». Инв. № Ч-124

буфет убирать чисто и порядочно расставить бокалы и рюмки, а внизу буфета — бутылки с различными напитками»[28].

В ведении кастелянши находились заботы о заготовке съестных припасов и напитков для «домашнего обихода», т. е. «двоении водок», приготовлении вин и ликеров, «вареньев» и «постил», солении огурцов, грибов, капусты и т. п.

Кофишенк распоряжался шоколадом, чаем, кофе, сливками и молоком, а также сахаром к чаю. Кроме того, в его ведении были различные чайники и кофейники, серебряная и фарфоровая посуда.

В инструкции П. Б. Шереметева тафельдекеру 1773 г. говорится: «…тафельдекер должен смотреть как столовые, так и для кофе приборы, чтоб были чистые, так же и солонки и в них соль чистая и перец, скатерть и салфетки белые, чтоб хлеб клали как можно лучше и во время поднятия водки обыкновенные закуски подавать бережно и чисто»[29]. Он должен был приготовить стол, разложить правильно ножи, вилки, ложки, фарфоровые и серебряные тарелки, салфетки. Тафельдекер обязан был следить за тем, чтобы на столе ни в чем не было недостатка и все было готово заранее — различные приправы, масло, уксус, имбирь.

Парадный обед обслуживали многочисленные официанты. Одни из них служили «связующим звеном» между кухней и столовой — приносили уже готовые блюда, другие находились в столовой. Их задачей было разрезать, подавать блюда, помогать гостям. И те, и другие должны были быть достаточно расторопными и ловкими.

Вопрос трапезы, ее организации, устройства и оформления застолья всегда был одним из самых важных для любой усадьбы. Великолепный стол с роскошными блюдами, вышколенная прислуга, изысканная кухня, организация большого и пышного приема — все это было предметом особой заботы владельца. В наибольшей степени усадебное гостеприимство, демонстрация хлебосольства, радушия и достатка хозяев проявлялись именно в проведении приемов и парадных обедов.

Приведенные сведения о наличии в усадьбе Останкино разнообразных кухонных построек, их фиксационных чертежей, а также подробное описание этих сооружений в дворцовых инвентарях свидетельствуют о большом значении, которое придавалось графом Н. П. Шереметевым трапезе и части празднества, высшей точкой которого являлся парадный обед.

[1] *Щепетов К. Н.* Дворовые люди Шереметевых XVIII–XIX веков. (Московский музей усадьба Останкино (далее — ММУО). Научный архив. Инв. № 607.) Среди прочих автор упоминает и работников кухни обширного хозяйства усадьбы; *Соловьев К. А., Елизарова Н. А.* Останкино. Ч. 3: Архитектурный комплекс усадьбы Останкино. М., 1959. (ММУО. Научный архив. Инв. № 573.) В работе впервые описаны многие хозяйственные флигели Останкино. Несмотря на то, что кухонные постройки специально не выделены, из этой работы можно почерпнуть некоторые факты, связанные с вопросами бытования и особенностями сооружений; *Девятова С. В.* Хоромы в коих я живу // Граф Н. П. Шереметев. Личность, деятельность, судьба. М., 2001. В статье во всех подробностях описывается частный быт владельца, графа Н. П. Шереметева, устройство его жилых помещений в составе дворца.

[2] ММУО. Фонд «Письменные источники». Инв. № ПИ-2998. Опись селу Останкину. 1809–1810.

[3] Там же. Л. 136 об.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 137.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же. Л. 163 об.

[9] Там же. Л. 163.

[10] Там же. Л. 136.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же. Л. 138, 138 об.

[14] ММУО. Фонд «Письменные источники». Инв. № ПИ-2998. Опись селу Останкину. 1809–1810. Л. 134 об.

[15] Там же.

[16] Там же. Л. 135.

[17] *Левшин В. А.* Полная хозяйственная книга, относящаяся до внутреннего домоводства, как городских, так и деревенских жителей, хозяев и хозяек. Т. 1. Ч. 1. М., 1813. С. 159.

[18] ММУО. Фонд «Письменные источники». Инв. № ПИ-2998. Опись селу Останкину. 1809–1810. Л. 135.

[19] Там же. Л. 142.

[20] Там же. Л. 142 об.

[21] Кстати, известному актеру С. Сандунову, нанятому в учителя, Н. П. Шереметев, одержимый театром, платит лишь 300 руб.

[22] Цит. по: *Щепетов К. Н.* Дворовые люди Шереметевых XVIII–XIX веков (ММОУ. Научный архив. Инв. № 607. С. 244).

[23] Там же. С. 55.

[24] Там же. С. 56–57.

[25] Там же. С. 56.

[26] *Левшин В. А.* Полная хозяйственная книга, относящаяся до внутреннего домоводства, как городских, так и деревенских жителей, хозяев и хозяек. С. 162.

[27] Там же.

[28] Цит. по: *Щепетов К. Н.* Дворовые люди Шереметевых XVIII–XIX веков (ММУО. Научный архив. Инв. № 607. С. 56).

[29] Там же. С. 57.

Жерихина Елена Игоревна

ЖИЗНЬ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ В 1847–1851 ГГ. В ДНЕВНИКАХ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

Третий сын императора Николая I, великий князь Николай Николаевич родился в Царском Селе 28 июля (9 августа) 1831 г. Император вскоре купил на имя сына «в память рождения его в Царском Селе, которое было местом и моей родины» дачу у княгини М. В. Кочубей[1]. Воспитывался великий князь Николай вместе со своим младшим братом Михаилом (1832–1909). В 1830–1850 гг. члены императорской семьи регулярно приезжали в Царское Село после Пасхи, оставались до начала июня и, возвращаясь в резиденцию в конце августа, жили до Николина дня в декабре. По словам воспитателя А. И. Философова[2], братья здесь больше гуляли, играли «на сетке и на Детском острове», катались на лодке[3].

О пребывании в Царском Селе сыновей императора в 1847–1851 гг. мы узнаем из юношеского дневника великого князя Николая Николаевича[4], который лег в основу этой статьи. Записи в первом томе «Дневника» за 1847–1849 гг. сначала очень лаконичны: в подобных заметках фиксировались только события, без оценок и интимных переживаний. В осенние дни он иногда записывал: «Ничего замечательного» или «Ох, что сказать не знаю»[5]. Но затем в тексте прорывается темпераментная и любознательная натура автора. Дневник, конечно, не точен: очень часто автор проводил время вместе с младшим братом Михаилом, но упоминал он об этом редко, так же как об уроках, учителях, о запретах и наказаниях. Он каждый день писал о встречах с матерью, но далеко не всегда — с отцом. Дневник показывает, как изменялся образ жизни великого князя с 16 до 20 лет.

В дневнике Николай Николаевич описывал нравы двора и разнообразие форм времяпрепровождения светского общества середины XIX в. Он упоминал родственников, воспитателей — А. И. Философова и В. С. Корфа[6], друзей юности, которые станут их с братом адъютантами — графа П. А. Шувалова[7], князей С. Н. Трубецкого[8] и С. С. Гагарина[9]. Воспитывали молодых великих

князей как будущих офицеров, и главное место в лаконичных заметках дневника занимают описания военных учений, развлечений, взаимоотношений с родными, с офицерами, с барышнями.

Главными занятиями юношей считались военные, и здесь важны были похвалы отца. С годами все большее значение приобретало общение с полками гвардии. С юности отец требовал, чтобы сыновья становились в строй, и оценивал их выучку: «12 октября 1848. Мише дали подарки и нас произвели в поручики»[10], «30 октября. Был во фрунте на смотру и командовал дивизионом. Папа был очень доволен, но довольно зябко…»[11], «21 ноября 1848. День Семеновского полка… встал командиром 8 взвода, чудо, что за хорошенькие в нем, просто объедение. Папа был весьма доволен и говорил, что лучшего и желать нельзя…»[12]. 22 сентября 1849 г. он отмечает: «В середине урока Василия Борисовича[13] (Бажанова. — *Е. Ж.*) Саша взошел и приказал нам сейчас одеваться, чтобы ехать на парад в город и стать во фронт. То было без 20 мин. 11, и мы были на машине в 11 час.»[14].

В мае 1849 г. великий князь Николай сопровождал в Пулково или в Санкт-Петербург мать-императрицу, прощавшуюся с отправлявшимися в Варшаву полками[15]. Он записывал: «15 мая 1849. В ½10 отправились в город с мама на выступление в поход Лб.-гвардии Финляндского полка… Вечером вернулись в Царское Село… 26 мая. Сегодня Измайловские выступили. 28 мая… Поехали с мама и всей компанией в Пулково чай пить, там весь полк Семеновский нас ожидал. Они кричали Ура! Когда мама с ними поздоровалась, музыка играла… и было ужасно весело. Семеновцы показали чудо молодцами. Простившись с ними, воротились в Царское…»[16].

Важным событием для молодых великих князей стала смерть их дяди, великого князя Михаила Павловича, скончавшегося в Варшаве 28 августа 1849 г. Главнокомандующий гвардейским корпусом, он был их начальником, и после его смерти часть обязанностей перешла к племянникам. Великий князь Николай записал в дневнике: «31 августа. Сегодня известие о кончине Михаила Павловича в 2 часа 30 мин., 28 числа. Все без исключения его оплакивают. Был на панихиде, в ½6 часа приехал папа весьма печальный он нам сказал: Я Вас произвел вчера в ротмистра и капитана. Ужас что за радость: мы перескочили через чин. Эполеты не готовы… 1 сентября… Василий Сергеевич (воспитатель В. С. Корф. — *Е. Ж.*) сделан генералом в свиту. Вечером дали мы ему эполеты…»[17]. Николай Николаевич очень

нежно, по-родственному, относился к двоюродной сестре, единственной оставшейся в живых дочери Михаила Павловича, очень ей сочувствовал. 8 сентября, в первый же день по их возвращении из Варшавы писал: «…После обедни поехали к Елене Павловне и Кати[18]. Они огорчены ужасно. Кати в странном положении…»[19]. В ближайшие месяцы он проводил у кузины много времени, а потом стал шафером на ее свадьбе.

«15 сентября… В полном трауре отправились в коляске в Чесму встречать тело Михаила Павловича. В 8 часов приехала колесница…» Возвратились из Санкт-Петербурга после похорон: «19 сентября. Папа нас назначил шефами полков Михаила Павловича… Я — драгун и гренадер с вензелем „Н“ на эполетах. 23. Был у обедни в Конногвардейском мундире по верху походной формы. После встречали Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк в отличном состоянии. Папа был весьма доволен всем. 24. Явился к папе в драгунском мундире. 25. Явился к папе и Саше в Гренадерском мундире, был у обедни еще наверху, в драгунском мундире…»[20]. Позже погода испортилась: «26 октября. Ездил верхом в манеже с Ламбером[21] почти на всех своих лошадях. Было очень весело. Собрание последнее с Софьей Андреевной[22]. 27. Сегодня ветер ужасный целый день и ночь. С крыши дворца сорвало 2 трубы, в саду много больших дубов. Молотил дождь, снег, град. Конногвардия, несмотря на это, отлично показала себя, и папа был весьма доволен. 31. Остался один здесь по милости АИ[23]. Миша поехал в город на перевозку орудий… в Артиллерийское Михайловское училище, я несчастный скучал, ходил все гулять. 5 градусов морозу»[24].

С юности молодые великие князья были обязаны принимать иностранных родственников и гостей. «11 октября 1847. Сегодня… поехал в 2 часа по Гатчинской дороге на встречу Саши и Мари, Кости и Санни. Мы их встретили не далеко от Орловских ворот. Санни чудо, чудо как хороша!!! мы ехали верхом за каретой. Потом были у молебна в Большом дворце, после приехали домой. Она превеселая и просто миленькая…»[25]. Так Николай описывает парадный въезд после свадьбы своего брата Константина с женой.

В 1849 г. 8 мая «…был у обедни… потом катался в лодке с Карлом…»[26]. 7 сентября: «Эрцгерцог Леопольд приехал в 8 часов. Оделись в полную форму Семеновскую и поехали к Саше и с ним к эрцгерцогу. Видели его. Длинный по имени Леопольд, не дурень. Маленькие усы, нос с открытыми ноздрями и ловкий гусар…»[27].

«13 мая 1850. <…> Вечером из Варшавы депеша, что папа здоров. Ждем принца Вильгельма и молодого принца Карла»[28]. 21 мая. Молодые люди встретили на вокзале приехавших гостей: «Принц Фридрих Карл молодой и 10 мин спустя 3 в 11 приехал Нидерландский принц. Вильгельм Прусский. Большая была радость его опять видеть. Молодой не дурен в Ахтырском мундире. Показывал ему Царское Село. После обеда попали на Елагин, где ужинали». 23 мая принцы приехали для представления императрице. Как писал камер-фурьерский журнал, «10 мин. 12 часа изволил прибыть прусский принц Карл и 25 минут 12 часа прусский кронпринц Вильгельм в Царское село в Новый дворец к Ее Величеству…»[29]. Конец мая молодые великие князья провели в городе с принцами.

В 1847 г. приехали в Царское Село 29 августа «с Кости и Сережей»[30]: «Вечером был вечер и катались с горы… 31. Скачки, где выиграли Цимерман и Голицын, после обедали со многими товарищами и играли на сетке. 1 сентября гулял пешком с Алексеем Илларионовичем, вечером пускал маленький фейерверк…». Юноша продолжал учиться, гулял пешком и на рысаке. Великий князь, очень любивший пускать фейерверки, продолжал: «2 вечером дал большой фейерверк для принцессы и фрейлин…»[31]. Он упоминает фейерверки на дни рождения брата Михаила и племянника Николая. Но «14 ноября 1848. Катался на коньках, после обеда пускал фейерверк и уронил искру в ящик с скорострельными трубками. Они взорвались… Был в театре. 15. Ничего не было замечательного»[32]. Понятно, что «замечательное» было — после взрыва ему, видимо, запретили заниматься фейерверками, потому что ни одной подобной записи дальше не было.

Уроки, как правило, продолжались ежедневно до 2 часов, но иногда молодые люди специально выезжали в Санкт-Петербург, как 21 ноября 1847 г.: «Имел уроки до 12 час, после в эрцегауз. Поехал в Царское Село, обедал у мама, после занимался…». Уроки понимались как необходимость, но иногда и нужная. Несмотря на то, что официально обучение великие князья закончили весной 1850 г.[33], в Царском Селе и осенью продолжались занятия, после которых уходили на длинные прогулки или небольшие охоты: «25 октября. <…> Уроки начались, но мало мы учились, все рассказывали про путешествие. Ездил верхом в манеже на всех своих лошадях, коих 9… 26. Уроки по старому, до 2. Очень рад, что уроки, ибо в Царском такая скука. Это обычно занимает»[34].

Если вначале 16-летний юноша лишь упоминал о посещении балов, например, 5 сентября 1847 г: «Вечером был бал, и мне не было очень весело»[35], или просто писал: «скучал», но, как только появилась первая девушка, все изменилось. Первая любовь великого князя к юной Лине Пашковой[36] началась в Царском Селе и продолжалась ровно год. 21 сентября 1847 г. он записал: «Сегодня холодно и снег идет. Ездил с Мери гулять в дрожках, были в Павловском, ни души. Потом у Пашковой…». 13 октября: «Сегодня Миши рожденье. Вечером был… на фейерверке. Пашкова»[37]. И вот его вместе с барышней поставили играть в домашнем спектакле: «19 октября после обедни был на репетиции фигур и танцев, и моя дама Лина Пашкова! Она чудо как мила и я в нее влюбился. Она во всем мила и с разговором и с действиями… 20. Сегодня была опять репетиция. ЛИНА мне еще больше нравится…». В последующие дни он старался танцевать с ней и сидеть рядом за ужином. Тогда он впервые стал записывать всех барышень, с которыми танцевал, выделяя самых хорошеньких. «25. <…> После ужина веселился на вечере у мама. Там была Лина Пашкова, я возле нее сидел во время ужина…»[38] «5 ноября. Вечером сегодня была репетиция, и я все время с Линой говорил, и мы ужинали, было весело. 6. Гусарский праздник. Был на обеде, где Лина чудо как хороша. 9. Был у обедни и видел там Лину. После ходил с Сережей по пороше и подняли 2 зайцев, вечером было собрание и репетиция. Там была Лина, и мне было очень весело, но она послезавтра едет в город…»[39] 10 ноября, наконец, состоялись «живые картины»[40], где он с Пашковой и девочкой Мейендорф, судя по рисунку в тексте, представлял сцену под деревом «La Recolte» («Сбор урожая»): «Вечером было представление[41] и Лина была очаровательна. На балу было ужасно весело. Я танцевал 1. с Линой, 2. Бороздиной, польку с Зиной Полтавцевой, Линой, Гаук, Жюли, Адлерберг, с Шуваловой. Мазурку с Гаук. 11 ноября. Сегодня Лина в 2 часа уехала. Она прислала мне деньги, чтобы после отдать, но папа уже все заплатил. И он мне приказал возвратить ей деньги, и я ей написал письмо. 16 был у обедни, но уж Лины там не было…»[42].

Сначала мать благосклонно относилась к его юношеской влюбленности. Она даже уговорила Пашковых, приехавших на бал 21 ноября в Царское, остаться на несколько дней до отъезда двора. Николай писал: «Был на бале, где танцевал: 1 с Надинькой, 2 с Гаук, 3 с Мери, польку с Пашковой, Надинькой, Боде, Шуваловой, с Санни, с Мари Бобринской мазурку, и вальс с Пашковой, Яшвиль, Маковой,

Екатериной Адлерберг. Мне было ужасно весело. Лина была удивительно как хороша. Мама выпросила, чтобы Пашковы оставались до воскресенья здесь. 22. Я сегодня ужасно весел. Лина завтракала у мама. Ездил гулять в нашем экипаже. Вечером было собрание, играли в различные игры, и Лина была очень мила. Во время ужина я возле нее сидел. Я взял на память от нее маленький кусочек зелени. (веточка вложена в конверт. — *Е. Ж.*) 23. Был у обедни в Уланском мундире, и там была Лина, чудо как мила. Завтракал у Саши и сидел за одним столом с Линой. Пил за ее здоровье. Гулял с мама в десятиместном и сидел возле Лины, и очень весело разговаривали. Вечером поехали в город, сидел в новой карете против нее…»[43].

Зимой дочь флигель-адъютанта А. М. Пашкова получила фрейлинский шифр. Но потом ее близкие испугались разгоравшейся страсти. Лина стала редко появляться при дворе и на все лето отдалилась, сказавшись больной. «30 апреля 1848… Вечером с мама гулял в Летнем саду и Лину там встретил. Укладывались…» В Царском селе 22 мая: «Сегодня дождь идет, и сегодня в 6 часов приехала Лина на вечернее собрание… 27 мая. Поехал верхом в Петергоф, где чудо, чудо! Лина здорова…»[44].

Осенью писал: «2 сентября. Поехал в Саперный лагерь, вечером у мама. Лина не была, она больна… 6 сентября. Учился, после ездили в экипажах в Павловск. Лина все больна…»[45], «19 сентября. Утром гулял с Сережей потом поехал в семеновском мундире к обедне, где видел Лину очаровательную, которая только что выздоровела и в первый раз сегодня выехала. Она чудо как была мила, но бледна. После был на разводе Кирасирского полка. Потом ездили верхом в Павловск, обедали у мама, после перетащили с Сережей лодку в канал и проехал вокруг до Китайской деревни и назад кругом. Вечером был в театре, где давали „Оживший портрет“. Фани Эйслер плясала качучу, очень хороша ножкою… Лина была прелесть как хороша. Василий Сергеевич сегодня приехал…». «24 сентября. Сегодня ЛИНА приходила прощаться к маме. Они переезжают в Город. Я с ней в первый раз говорил после 2-х месяцев и 24 дней. Она чудо как была мила. Я уже взял булавку… и ее ношу на фуражке. Вечернее собрание. И через окно горы[46] я ЕЕ видел и кланялся ЕЙ. 25. Сегодня в 11 часов Лина уехала. Скучно, вечером вечер». Спустя месяц: «31 октября. Гулял пешком с Сережей. Меня пригласила милая Лина на свою свадьбу. Папа позволил нам ехать… 2 ноября. Сегодня день рождения чудной Лины. В 12 часов поехал

с мама в город… 3… Вечером был на свадьбе Лины. Она была чудно как мила, когда я ей руку поцеловал, то она меня в щеку. И это в первый раз. Что лучше всего другого из нас, кроме меня. 4. Утром Лина была у мама, благодарила»[47].

Осенью 1849 г. его мысли занимала сестра друга Павла фрейлина С. А. Шувалова. Весной 1850 г. императрица Александра Федоровна поехала с младшими сыновьями в Царское Село через неделю после Пасхи и на следующий день после свадьбы С. А. Шуваловой с графом А. А. Бобринским, где Николай был шафером. Император в эти дни уехал на военные маневры в Польшу. В тот год очень часто выезжали в Павловск «на музыку» и для встреч с друзьями. Великий князь записывал: «2 мая. С мама поехали в Царское село в 3 часа, обедали… 3 мая. Чудо погода, жарко. Гулял в Павловском… 4 мая. Гулял, погода хорошая, на рысаке и собаки повсюду, за нами бегают. Дождь и стало свежее, вечером папа уехал с Сашею до 1 июня смотреть войска[48]. 5. Погода теплая, гулял в Павловском, вечером верхом по Царскому селу, музыка военная играла, что немного оживляет. О, как в город хочется… Вечер у мама. 7 мая <…> Гулял с Адиниею[49] в Павловском на рысаке, после обедал. Были с мама и со всеми обществом на музыке в Павловском, там играл оркестр знаменитого Гунгеля, Берлинского, он отлично играл, и завтра будет играть. Но по ту сторону пруда ничего не слыхать. Потом все остались ужинать у мама… 9 мая ездил верхом и потом стрелял в цель… после ездил на Шимларе искать собак, которые вчера убежали, и нигде не нашел…»[50].

Пребывание в Царском Селе было недолгим, по малейшему поводу оно прерывалось поездками в Санкт-Петербург: «12 мая. В ¾12 я в Царском. Стрелял в цель, гулял в Павловск на музыку… 13. Мама, слава Богу, гораздо лучше. Обедал у Саши[51], стрелял в цель… вечером в Павловском с Саши и Мари на музыке. Вечером из Варшавы депеша, что папа… здоров. По королю прусскому стреляли, он легко ранен в руку». «14 мая был обед во флигель-адъютантском мундире, потом в скверном гусарском разводе. И вечером верхом. В Павловском народу пропасть, но мало знакомых. Вечером у Саши. 15. ½9 поехал в Петербург, потом на паровой завод, там ходили и все смотрели благополучно… В 4 у Мэри[52] обедали… В 6 поехали в Царское. Там и Саша. В Павловск, где мы долго говорили с тетей…»[53] «18 мая… Елена Павловна и Кати здесь, и с ними мы гуляли. Вечером и пили чай на ферме…» «21 мая. День именин

Кости и Елены Павловны. В 11 часов выехал в полной флигель-адъютантской форме с Сашей к Елене Павловне в город… После обедни с Коли, потом пошли в сад завтракать с фрейлинами. Елена Карловна и Штрадман[54] сидели возле меня…»[55]

Летом жили в Петергофе, ездили по России, и только 23 сентября сыновья императора возвратились из Варшавы в Царское Село[56], где провели всю осень 1850 г. По вечерам они развлекали скучающий двор супруги наследника престола рассказами о пребывании императора в Польше, играли, танцевали с молодыми фрейлинами, показывая им фигуры польских танцев, принятые в Варшаве. Императору там понравился балетный дивертисмент «Свадьба в Ойцеве» (Wesele w Oycowie), и Николай Николаевич познакомил общество с традиционными па мазурки, которые с тех пор начали исполнять на танцевальных вечерах при дворе.

В начале ноября, пока отец не жил в Царском Селе, молодой человек после утренних занятий с учителями почти ежедневно ходил на прогулки или на охоту. Лет в 16–18 Николай Николаевич с братом на «охоте» изредка стреляли по воронам, теперь они уже травили зайцев, но не стреляли по ним. К двадцати годам они начали приобретать охотничьи навыки, не стремясь к охотничьим трофеям, но гордясь и любуясь своими собаками и лошадьми. «26 октября. Царское село… Обедал вечером у Мари, ходил до обеда на охоту и ничего не видел… 30 октября. Уроки до 2 часов. После верхом с борзыми и гончими Саши, коих теперь 8, поехали на охоту и подняли двух зайцев, но травить нельзя было. Вечером у Мари. 31 октября. Уроки до 2 часов, ходил пешком на ворон, и ничего не убил…»[57] Сразу по прибытии в Царское Село император заслушал доклад воспитателя А. И. Философова об успехах и поведении сыновей[58], но в расписание изменений не внесли: «2 ноября. Уроки до часу, потому что трех учителей не было. Верхом с гончими и борзыми на охоте двух зайцев подняли, травили одного, но близко лег и от нас ушел в лес… 3 ноября. Были на охоте, травили 2 зайцев и не взяли… 4 ноября. Уроки до 2 часов, гулял на беговых санках… 5 ноября. Ездили на охоту, и все время ходили с Мердером и Слепцовым, было очень весело»[59], 13 ноября «…Ходил пешком на охоту. Снегу много и мокрый, тяжело ходить и устал ужасно»[60].

Долгие по времени прогулки и охоты, хотя и не всегда удачные, великий князь осуществлял зимой 1850 г. в Царском Селе вместе с Герсдорфом[61]: «12 ноября у обедни в гренадерском мундире, после

Саша и Маша у нас завтракали. После чего поехали на охоту по пороше с Герсдорфом. Были на Красносельской дороге верст 8, и ничего не видели. Снег ужасный, лошади проваливались. Очень весело…»[62].

9 ноября на вечере у великой княгини Марии Александровны опять танцевал мазурку с Е. К. Толь: «Мы ввели новые фигуры, которые весьма понравились, и право никогда мазурка не была так весела, как сегодня. Я плясал по-варшавски, Елена Карловна говорила, что в жизни никогда так не веселилась. Плясали до 3 часов, ужинал возле ЕКТ и все болтали. На сем балу было удивительно много хорошеньких: во-первых гр. Толь, и потом Штрадман[63] и Дризен»[64].

В мае 1851 г. Николай и Михаил с отцом опять ездили в Польшу и в Пруссию, затем посвящали много времени военным учениям. Возвратившись, Николай Николаевич записывал: «2 июня приехали в Царское село в ½9 во время учения, которое папа делал Кирасирскому, Гусарскому и Образцовому полкам. Прямо к Мари, потом домой переоделся, выпил кофе и поехал к папа. Потом дома ходил с собаками по саду, в 2 часа поехал к Сани[65], которая очень мила и расспрашивала про милую Аннушку[66]. После обедал у Саши, потом с Гагариным ходил по саду, и в ½8 на рысаке в Павловск на музыку. Очень весело, там видел Трубецкого с Е. Никитишной[67], с ним говорил. Вечером у Мари. 3 июня. Утром Миша поехал в Петергоф на полковой Конно-гренадерский праздник. Я пошел к папа, гулял с Сашею, у обедни во флигель-адъютантском. Все здесь воображают, что я жених, и моя невеста Марианна Дессауская. После у нас были Павлуша и Трубка[68], с ними провел все время до обеда. <…> Обедал у Саши после обеда с Павлушей и Трубкой. В ½8 Павлуша поехал в город, а я с Трубкой в рысаке в Павловск, а мама и Василий Сергеевич, и Гага[69] в коляске. Было очень весело, много народу, есть хорошенькие… 4 июня. Утром писал журнал, и ½10 в город в походной флигель-адъютантской форме на Кавалергардское учение. Прелесть…»[70].

Приехав осенью 1851 г. из путешествия по России и Польше, жили в Царском Селе всей семьей, но император постоянно ездил в Санкт-Петербург, и молодой великий князь каждый день выезжал на небольшие охоты: «18 октября. Метель. Мама легче, осталась в постели. Уроки, ездил на рысаке в беговых санках, потом ездил с ружьем, смотрели зубров, у которых теленок родился. 19 октября. Мороз. Были на пороше на зайца, подняли его, но в чаще, так, что ни стрелять, ни травить нельзя было. Ездил верхом по пороше по Петергофской дороге, но ничего не нашли. Пропотел до костей. Уроки. 20 октября. Чудо что за погода! Утром 12½ градусов морозу. Уроки, солнце, тихо совсем. Январская хорошая погода. Ходил по пороше, и подняли у Баблова (деревня Баболово. — *Е. Ж.*) русака и затравили его. 24 октября. День смерти Марии Федоровны. Уроки, стреляли в Павловском и убили пару белок. Вечером папа читал завещание гранмама… 28 октября. Был на охоте с Герсдорфом, нашел лежачего, он за мною пошел, и я его долго искал, наконец нашел, подняли зайца и Побеждай один в кустах затравил его. Потом подняли русака, только поздно было, и мы уехали…»[71]. «12 ноября. <…> Ходил после уроков стрелять, холодно, мокро, гадко… 13 ноября. <…> Был с Герсдорфом на охоте, и мы с ним с собаками в лесу разъехались так, что ничего не слыхали и не видали. Олсуфьевы были, Татищев и Андриевский со своими борзыми…»[72]

Отец не только дозволял, но и поощрял прогулки и развлечения сыновей: «22 ноября. Царское Село. Снег, метель, уроки до 1, потом травили 2 лисиц и зайца, все наши берут лисицу. Потом поехали в салазках всем обществом, без мама и папа, искать Сашу и Мари, и поехали гулять, я в последних санках. И раз только меня вывалили, потом развозили дам по домам. 23 ноября. <…> Гуляли с салазками с папа и валяли здесь на дворе. Два раза упал. Потом доехали до Павловска и назад, и когда папа ушел, развезли дам по домам. Вечером последнее собрание здесь. Потом катались с горы и было довольно весело»[73].

Приведенные отрывки из законченного в 1852 г. дневника показывают, что пока юный великий князь Николай Николаевич полон радости жизни и свободы. Он лишь приобщается к служебной деятельности. Дневник прекрасно раскрывает отношения членов русской императорской фамилии с представителями русской и европейской аристократии, являясь своеобразным фоном для написания крупных исторических «полотен» середины XIX в.

[1] РГИА. Ф. 515. Оп. 22. Д. 170. 1835 г. О купленной по Высочайшему повелению для его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича даче принадлежавшей княгине Кочубей. Л. 3.

[2] РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 26. 1838–1850 гг. Донесения А. И. Философова имп. Николаю I о здоровье и занятиях вел. князей Николая и Михаила Николаевичей. Л. 13. Алексей Илларионович Философов (1799–1874) — генерал-адъютант, генерал от артиллерии,

бывший начальник Артиллерийского училища, в 1838 г. был назначен воспитателем братьев.

[3] РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 26. 1838–1850 гг. Л. 17б.

[4] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45–47. Дневник за 1846–1852 гг.

[5] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45. 1846–1850 гг. Л. 50, 52, 57, 109, 112 и др. Цитаты из дневника представлены в формулировках и орфографии автора.

[6] Василий Сергеевич Корф (1807–1883) — барон, в 1838 г. назначен помощником воспитателя, «дядькой», к младшим великим князьям. С 1849 г. — генерал-майор, с 1854 г. — генерал-адъютант; с 1856 г. — управляющий гофмейстерской частью двора великого князя Николая Николаевича.

[7] Павел Андреевич Шувалов (1830–1908) — граф, камер-паж, затем — офицер Конногвардейского полка, адъютант великого князя Николая Николаевича, в дальнейшем — начальник Штаба войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, варшавский генерал-губернатор.

[8] Сергей Никитич Трубецкой (1829–1899) — князь, камер-паж, затем — офицер лейб-гвардии Преображенского полка, адъютант великого князя Михаила Николаевича, в 1890-х гг. — обер-гофмейстер двора.

[9] Сергей Сергеевич Гагарин (1830–1890) — князь, камер-паж, затем — офицер лейб-гвардии Конного полка, адъютант великого князя Михаила Николаевича, позднее — камергер, известный историк искусства, коллекционер, почетный член Академии художеств и член совета Училища барона Штиглица, благотворитель.

[10] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45. 1846–1850 гг. Л. 110. День рождения великого князя Михаила Николаевича.

[11] Там же. Л. 114.

[12] Там же. Л. 118.

[13] Василий Борисович Бажанов (1800–1883) — протопресвитер придворного духовенства, императорский духовник.

[14] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45. 1846–1850 гг. Л. 181.

[15] Камер-фурьерский журнал за май 1849 г. сообщал: «В 1849 году, мая месяца нижеозначенные полки выступали в поход: 15. Л.-гв. Финляндский, 16. Павловский и Литовский, 17. Волынский с Артиллериею, 18. Гренадерский, 19. Московский и Дивизион Штаба, 20. Гвардейский Экипаж, 22. 2я Артиллерийская бригада, 23. Гусарский, 26. Измайловский, 27 Уланский и Конногвардейский, Семеновский, Конные пионеры и 2я Батарея, 28 Кирасирский государя цесаревича, 29 Кирасирский Его величества, 30 Преображенский» (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 275. 1849 г. С. 1).

[16] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45. 1846–1850 гг. Л. 151, 153.

[17] Там же. Л. 178, 179.

[18] Екатерина Михайловна (1827–1894) — великая княгиня, в замужестве принцесса Мекленбург-Стрелицкая.

[19] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45. 1846–1850 гг. Л. 180.

[20] Там же. Л. 182–186.

[21] Иосиф Карлович Ламберт — граф, ротмистр Гусарского полка, адъютант наследника (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1849 г. СПб., 1849. С. 48, 66).

[22] Софья Андреевна Шувалова — графиня, фрейлина. (Там же. С. 14).

[23] Воспитатель А. И. Философов.

[24] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45. 1846–1850 гг. Л. 188, 189.

[25] Там же. Л. 53. В России гостила будущая невеста брата, великого князя Константина Николаевича, юная Александра Иосифовна, урожденная Александра Саксен-Альтенбургская, «Санни» (1830–1911).

[26] Там же. Л. 149. Карл — принц Вюртембергский, супруг великой княгини Ольги Николаевны.

[27] Там же. Л. 180.

[28] Там же. Л. 183.

[29] Камер-фурьерский журнал (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 289. 1849 г. Л. 24 об.). Там же перечисляются сопровождающие лица: генерал-адъютант Линдгейм, адъютанты майор Бойен, граф Гольц, полковник Шлегель, капитан Валлерзее, секретарь поручик Борк, капитаны Вицлебен и Фабек. «При их Высочествах Российской службы ген.-адъютант бар. Ливен и флигель-адъютант Ахматов. Все вышеписанные особы иностранные по приезде в Царское село представлялись Ее Величеству».

[30] Приехал с братом Константином и князем С. С. Гагариным (РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45. 1846–1850 гг. Л. 47).

[31] Там же. Л. 48, 49. Принцесса — Александра Саксен-Альтенбургская.

[32] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45. 1846–1850 гг. Л. 114, 117.

[33] РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Д. 390. Декабрь 1849–22 апреля 1850 г. Дело Канцелярии императрицы Александры Федоровны. О награждении орденами учителей великих князей Николая и Михаила Николаевичей.

[34] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1847 г. Л. 114.

[35] Там же. Л. 49.

[36] Александра Михайловна Пашкова — фрейлина. Камер-фурьерский журнал ее упоминал как «дочь флигель-адъютанта Пашкова».

[37] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1847 г. Л. 54.

[38] Там же. Л. 57.

[39] Там же.

[40] Камер-фурьерский журнал за ноябрь 1847 г. (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 270. 1847 г. Л. 11, 12, 14–25).

[41] Там же. Л. 13. В описании представления — Сцена № 13. Михаил Николаевич представлял такую же сцену № 27 с С. А Шуваловой и тоже с Мейендорф. Родители бар. Мейендорф присутствовали среди публики.

[42] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1847 г. Л. 57–59.

[43] Там же. Л. 60, 61.

[44] Там же. Л. 87–92.

[45] Там же. Л. 100–104.

[46] Здесь и ниже. Имеется в виду деревянная, «столярной работы», комнатная горка, которая стояла в гостиной Александровского дворца. Катание с нее было любимым занятием великого князя.

[47] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 45. 1846–1850 гг. Л. 112–118; Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 270. 1848 г. Л. 7–8. Камер-фурьерский журнал сообщал, что в среду, 3 ноября 1848 г., фрейлина А. М. Пашкова вышла замуж за «служащего в Иностранной коллегии чиновника Апраксина» в Малой церкви Зимнего дворца в присутствии императорского семейства.

[48] Камер-фурьерский журнал за май 1850 г. (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 275. 1850 г. Л. 6, 7).

[49] Старшая племянница, великая княжна Александра Александровна (1842–1849).

[50] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850 г. Л. 16, 17.

[51] Старший брат, наследник престола Александр Николаевич, и его супруга Мария Александровна.

[52] В Санкт-Петербурге, в Мариинском дворце, у сестры Марии Николаевны.

[53] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850 г. Л. 20.

[54] Там же. Л. 149. Фрейлины: графиня Елена Карловна Толь, дочь генерал-адъютанта, главноуправляющего путями сообщения, постоянная партнерша великого князя

в танцах; Шарлотта или Лючия Карловна Штрандман (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1850 г. СПб., 1850. С. 14).

[55] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850 г. Л. 21–23; Камер-фурьерский журнал за май 1850 г. (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 289. 1850 г. Л. 6).

[56] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850 г. Л. 113.

[57] Там же. Л. 114–116.

[58] Камер-фурьерский журнал за ноябрь 1850 г. (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (120/2322). Д. 295. 1850 г. Л. 3 об.).

[59] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850 г. Л. 117. Возможно, адъютанты наследника Александра Николаевича, капитан гвардии П. К. Мердер и ротмистр гвардии В. Н. Слепцов (Путеводитель. 600 адресов из Санкт-Петербурга, Царского села… СПб., 1854).

[60] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850 г. Л. 119.

[61] Возможно, командир лейб-гвардии Кирасирского полка, генерал-майор кавалерии, известный охотник Арист Федорович фон Герсдорф (Путеводитель. 600 адресов…).

[62] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850 г. Л. 119.

[63] Две дочери генерала от кавалерии К. Г. Штрандмана, командира Гвардии резервного кавалерийского корпуса, фрейлины. В младшую, Люси, в 1850 г. влюбился великий князь Михаил Николаевич (Адрес-календарь… на 1850 г. СПб., 1850. С. 14).

[64] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 46. 1850 г. Л. 118.

[65] Невестка великого князя Александра Иосифовна.

[66] Принцесса Анна Прусская, племянница императрицы Александры Федоровны по брату Карлу, иногда фигурирует как «Анна Карловна». Во время пребывания в Потсдаме Николай в нее влюбился.

[67] Князь С. Н. Трубецкой был с сестрой Еленой.

[68] Граф П. А. Шувалов и князь С. Н. Трубецкой.

[69] Няня великих князей.

[70] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. 1851 г. Л. 1–3.

[71] Там же. Л. 53–55 об.

[72] Там же. Л. 60. Василий Дмитриевич Олсуфьев — обер-гофмейстер, управляющий двора наследника Александра Николаевича; его сын Александр Васильевич Олсуфьев — ротмистр Гусарского полка. Братья Татищевы — Дмитрий и Леонид Александровичи — ротмистры Гусарского полка. Николай Ефимович Андриевский — капитан, канцелярия военного министерства (Путеводитель. 600 адресов…).

[73] РГИА. Ф. 553. Оп. 1. Д. 47. 1851 г. Л. 64, 65.

Зеленянская Юлия Валентиновна

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕТЕРГОФСКИХ ДВОРЦОВЫХ КУХОНЬ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

Во второй половине XVIII в. организацией празднеств, а также обеспечением повседневных условий проживания во дворцах членов императорской семьи и придворных занималась Придворная контора, возглавляемая президентом в чине обер-гофмаршала, в случае его отсутствия — вице-президентом в чине гофмаршала[1]. Деятельность императорских кухонь в этой системе, как и в прежние времена, оставалась одной из важнейших и определялась четкой иерархией. В основу существовавшего в это время деления кухонь на верхние, средние и нижние[2] легла необходимость раздельного обслуживания императорской семьи, придворных и служителей старших чинов.

В данном исследовании впервые представлены сведения о петергофских дворцовых кухнях в соответствии с приведенной выше дифференциацией, что позволило по-новому взглянуть на историю бытования данных объектов, выявить ошибки в современной трактовке некоторых документальных первоисточников.

Необходимо отметить, что при каждом новом правлении происходили изменения в структуре двора, сопряженные с пересмотром штата служащих, что, несомненно, затрагивало и организацию кухонь.

Верхние кухни возглавлялись метрдотелями (в начале XVIII в. — обер-кухенмейстер), в большинстве случаев они были иностранного происхождения. Помимо кухонь, отвечавших за приготовление и подачу закусок и горячих блюд, имелись: Кондитерская — изготовление и подача десертов, Мундшенская — «вин, водок, квасов, морсов, кислых щтей», Кофишенская — кофе, чая, сахара и сливок, Тафельдекерская — сервировка стола, подача «хлебных блюд и специев», — которые соответственно возглавлялись: обер-кондитером (конфектным мастером), мундшенком (обер-мундшенком), кофишенком (обер-кофишенком), обер-тафельдекером

Ил. 1. П.-А. де Сент-Илер. Аксонометрический план строений и садов Петергофа Фрагмент. 1775. ГМЗ «Петергоф». На плане обозначены: 1. Кухня и Кофишенская в восточной части дворца Монплезир; 2. Монплезирские деревянные кухни; 3. Верхние первые (правые) каменные кухни в Верхнем саду; 4. Верхние вторые (левые) каменные кухни в Верхнем саду; 5. Средние и нижние деревянные кухни на Кавалерском дворе

(тафельдекером). Работа данных подразделений обеспечивалась командами, отвечавшими за поставку, изготовление и хранение провизии: запасные, повседневные, фряжеские, собственные погреба, овошенная, хлебный двор и другие. На верхние кухни поставлялись самые отборные продукты, а также овощи и фрукты из дворцовых садов и теплиц. Помимо повседневного обслуживания императорской семьи на них ложилась основная нагрузка по обеспечению торжественных приемов и ежегодных празднеств.

Проследить изменения структуры, состав и численность служащих императорской кухни можно по спискам придворных служителей[3]. Обобщая имеющиеся сведения, можно сделать вывод,

что к 1794 г. действовало три верхних кухни: первая обслуживала стол императрицы, вторая — цесаревича Павла Петровича и его супруги, третья — великих князей и княжон.

В Петергофе проведение официальных приемов и торжеств осуществлялось в Большом (Верхнем) дворце, не случайно по обе стороны от него размещались здания верхних кухонь.

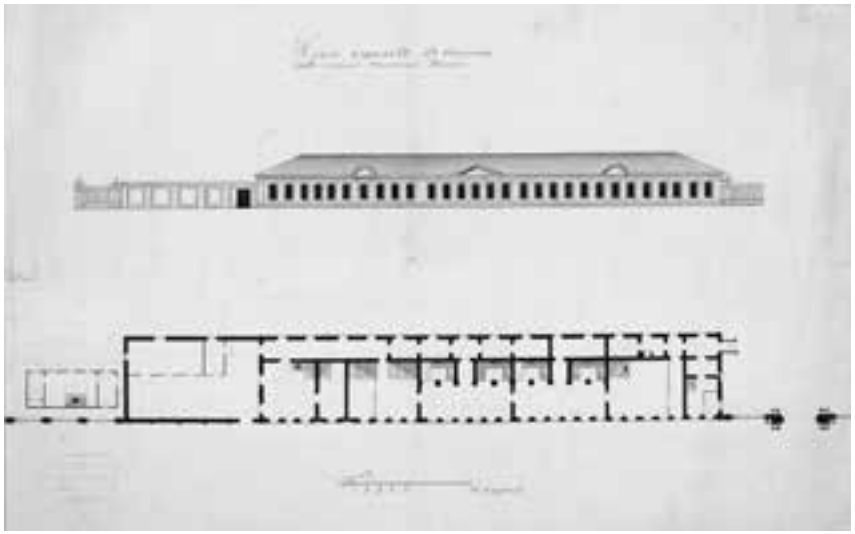
По документам Петергофской конторы, составленным в 1760–1770 гг., удалось установить, что здание на аксонометрическом плане П.-А. де Сент-Илера 1775 г.[4] (далее — аксонометрический план 1775 г.), показанное стоящим вровень с восточной частью ограды Верхнего сада, недалеко от Церковного корпуса Большого дворца и обозначенное как Cuisines de la COUR (Придворные кухни), являлось первой верхней кухней (ил. 1).

Примечательно, что в настоящее время на указанном месте находится Верхнесадкий дом, история которого в современных публикациях отсчитывается с 1846–1847 гг. — времени постройки Н. Л. Бенуа, а также фиксируется произведенная им же перестройка в 1869 г.[5] Вероятно, данное заключение строится на «Материалах о городах придворного ведомства», составленных в 1882 г., в которых указано: «Каменный трехэтажный Кавалерский дом в верхнем саду, близ дворцовой церкви. Построен по Высочайшему повелению в 1846 и 1847 гг. под кухни, а в 1869 г. — обращен в кавалерский дом»[6]. Однако сопоставление исторических материалов дает все основания говорить о перепланировках и перестройках каменной кухни, выстроенной на указанном месте не позднее 1754 г. В «Генеральной ведомости проведенных работ… в Петергофе» за 1745 г. сказано: «Место на правой стороне верхнего саду супротив новой кухни надлежит уставить деревьями»[7]. Подкрепляет эту информацию чертеж середины XVIII в., на котором в указанном месте обозначена каменная кухня[8]. В «Ведомости дворцовых зданий и сооружений, возведенных в Петергофе с 1711 по 1850 гг.», составленной в Петергофском правлении, значится: «кухни каменные в Верхнем саду: 1 — у оперы, 2-я против кавалерских домов — построены под начальством графа Фермора, Статского советника Зверева в 1754 г.»[9]. Оба здания вписаны в ограду Верхнего сада, возведенную в упомянутый год, поэтому эта датировка кажется наиболее вероятной.

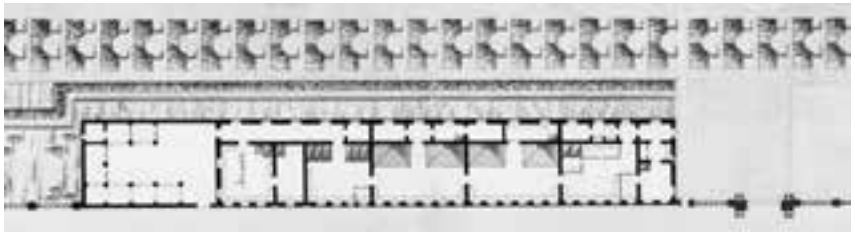
Аксонометрический план 1775 г. фиксирует каменное одноэтажное с четырехскатной крышей прямоугольное здание, восточный фасад которого декорирован лопатками, одним треугольным

и двумя лучковыми фронтонами. «План петергофским каменным кухням в Верхнем саду у правого флигеля»[10] (1757), «План петергофским каменным кухням, которые стоят в Верхнем саду против кавалерских домов»[11] (1771), а также «План и фасад первой каменной кухни в Верхнем саду Петергофа»[12] (ил. 2) при сопоставлении показывают незначительные расхождения в планировке и архитектурном декоре. О том, что существенных изменений при Екатерине II эта постройка не претерпела, свидетельствует также план из альбома П. В. Неелова, выполненный в 1797 г.[13] (ил. 3).

До устройства Н. Л. Бенуа Кавалерского (Верхнесадского министерского) дома капитальную перестройку указанной кухни

Ил. 2. Неизвестный автор. План и фасад первой каменной кухни в Верхнем саду Петергофа. Кон. XVIII — нач. XIX в. ГМЗ «Петергоф»

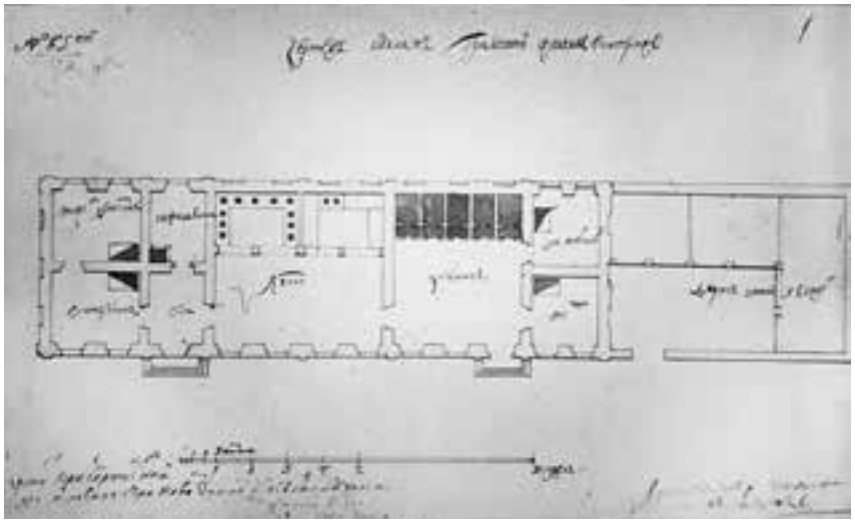
Ил. 3. П. В. Неелов. План Верхнего сада Петергофа. Фрагмент. План верхних первых (правых) каменных кухонь. 1797. ГМЗ «Петергоф»

производил архитектор И. И. Шарлемань, о чем в настоящее время не упоминается. В 1841 г. он писал: «На перестройку в Петергофе по прилагаемым чертежам кухонного флигеля, близ Дворцовой церкви состоящего, с устройством подвалов и надстройкою второго этажа, с разборкою лицевой стены со стороны сада и некоторых внутренних стен, с постройкой вместо оных новых стен, с устройством сводов во всех этажах, с железными стропилами и с чугунными и свинцовыми трубами для проводки от фонтанов чистой воды…»[14]. Ряд первоисточников фиксируют масштабность проведенных работ, завершившихся не ранее 1847 г.[15]

Относительно же участия Н. Л. Бенуа можно сделать вывод, что он не производил новой постройки, а провел перепланировку и техническое обустройство под новые функции здание Шарлеманя. В 1861 г., являясь архитектором Петергофского правления, Бенуа докладывал: «Обер-гофмаршал граф Шувалов, отношением от 11 июля № 552, уведомил меня… здание 1го каменного кухонного корпуса близ Дворцовой церкви… обратить в Кавалерский дом, переместив все должности придворнослужителей и кладовые в новый официантский дом и оставив в здании 1-й кухни только помещение для служителей в подвальном этаже»[16]. Подготовленные им чертежи фиксируют изменение внутренней планировки с сохранением основного объема здания, установку угловых печей и каминов[17]. История Верхнесадского дома требует дальнейшего всестороннего изучения с учетом того, что он выстроен на месте каменной кухни, заложенной не позднее 1754 г.

Такая же ситуация сложилась с интерпретацией сведений о комплексе зданий на Разводной улице в Петергофе, которые в справочнике памятников, находящихся под государственной охраной, указаны как «Корпус за Гербом» (корпус Главных кухонь), построенные архитекторами Ю. М. Фельтеном и И. Е. Яковлевым в 1779–1785 гг., перестроенные И. И. Шарлеманем в 1838–1840 гг.[18] Данная информация верна отчасти.

Выше указывалось наличие в 1754 г. двух кухонь, одна из которых «у оперы»[19], что подтверждает «Чертеж кухням при левом флигеле в Петергофе»[20] (ил. 4) этого же года. Ориентируясь на «План петергофских кухонь, которые имеются в Верхнем саду к оперном дому»[21], составленный в 1770-е гг. заархитектором И. Е. Яковлевым, и план 1775 г. Сент-Илера, можно говорить, что долгое время эта постройка оставалась неизменной. Вписанная, как и Оперный дом,

Ил. 4. Я. Алексеев. Чертеж кухням при левом флигеле в Петергофе. 1754. РГИА

в западную часть ограды Верхнего сада, вторая верхняя кухня располагалась на одной горизонтальной оси с первой верхней кухней, была отведена для двора цесаревича Павла Петровича и его супруги, представляла собой каменное одноэтажное здание с вальмовой крышей, двумя фронтонами, расположенными с западной стороны, над входами с улицы.

Летом 1779 г., во время присутствия в Петергофе Екатерины II и императорских высочеств, «…на дворике, принадлежавшем той кухне… во многих местах разложен был огонь, от которого ворота и под кровлей кухни стропила загорелись, но вскоре сие утушено»[22]. По объяснению метрдотеля Бургонье о «…невозможности при уготовлении в состоящей ныне кухне поместиться»[23] заархитектору Яковлеву было поручено составить планы «…сколько той кухни надлежит ныне с кофишенскою прибавить»[24]. В этом же году директор Конторы строения Е. И. В. домов и садов И. И. Бецкой, рассмотрев планы Яковлева, распорядился немедленно приступить к работе «…чтоб в будущем 1780 году все показанное… к Высочайшему присутствию постройкою окончено быть могло»[25]. По экспликации к «Плану, состоящей в петергофском Верхнем саду Их Императорских Высочеств каменной кухни каким манером… ныне имеются и что к оной следует вновь сделать»[26] можно констатировать, что в указанное время провели перестройку существующей кухни

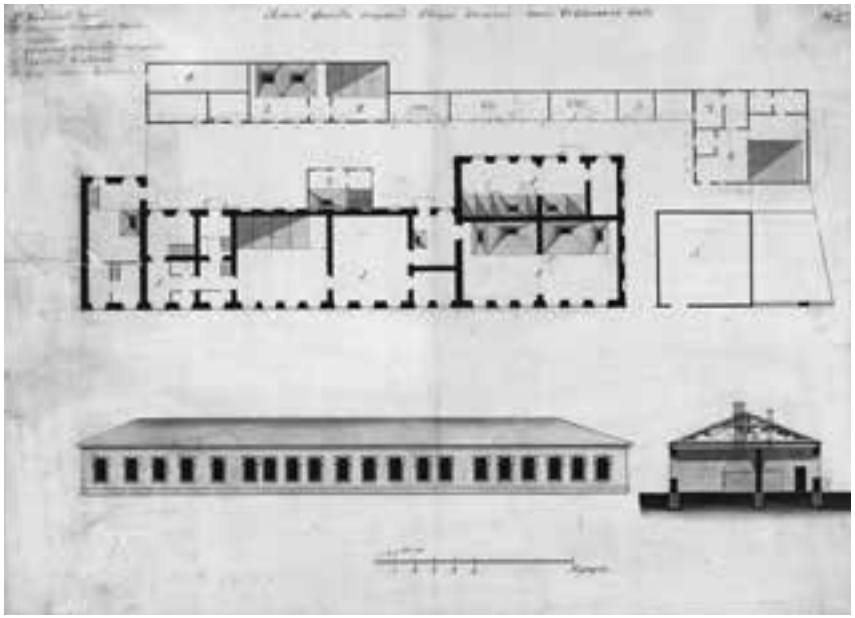
с сохранением ее основного объема, перенесением входов в сторону сада, разбором и устройством на новом месте хлебных печей, размещением в бывшей Хлебной — Скатерной. Кофишенскую с одним очагом пристроили к северному торцу прежней постройки, а к южному — «каменный покой» с очагами (ил. 5). В это же время было проведено расширение хозяйственного двора в сторону Верхнего сада и обнесение его деревянным забором.

Вторая верхняя кухня со временем стала частью комплекса соединенных между собой построек, размещенных к югу от «Корпуса под Гербом». В «Деле о пристройке корпуса к гербовому павильону…»[27] указано, что разработка этого проекта началась также в 1779 г. Коллежский советник Микулин в собрании Конторы строения Е. И. В. домов и садов объявил, что «для назначающегося в Петергофе вновь пристройкою на сторону при гербе и саду строения нижнего каменного, а верхнего деревянного (этажа. — *Ю. З.*) необходимо потребен будет сухой лес… не благоволит ли оная контора полагаемые в разломку два флигеля при Екатерингофском дворце разобрать и годный из них лес… перевести в тот Петергоф…»[28]. Имеется также информация, что «корпуса при Большом дворце под гербом о двух этажах: 1 каменный, 2 деревянный» возведены в 1781 г.[29], а «корпуса от Герба с галерею для великих князей Александра Павловича и Константина Павловича 1 каменный 2 деревянный (этаж. — *Ю. З.*)» — в 1783 г.[30]

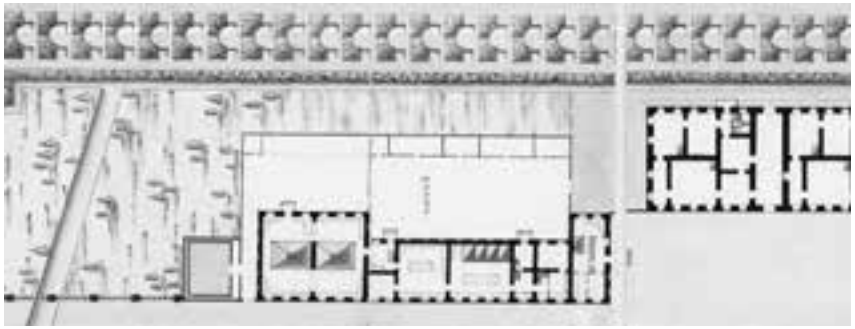
В публикации А. И. Успенского указывается: «В 1785–1786 гг. при Большом дворце были построены два корпуса для Их Императорских Высочеств, Великих Княжон Александры Павловны и Елены Павловны, — и кухни — под наблюдением архитектора „Гваренгия“ были переделаны две проходные галереи»[31]. Датировки требуют уточнения, также возможно, что в этом ряду есть упоминания не о строительстве, а о перестройках.

В 1797 г. архитектор П. В. Неелов фиксирует на плане четыре корпуса, находящихся в соединении между собой и «Корпусом под Гербом». Здание, расположенное ближе к Оперном дому, в экспликации — кухни[32] (ил. 6), соответствует рассмотренному выше проекту 1779 г. на перестройку данного объекта с расширением[33]. Соответственно, центральную часть этой обновленной постройки составили вторые верхние кухни, изображенные на плане Сент-Илера.

А. Ф. Гейрот в публикации 1868 г. упомянул: «Дворец, церковь и корпус под гербом со времен Елизаветы Петровны хотя

Ил. 5. Неизвестный автор. План, фасад и разрез второй каменной кухни в Верхнем саду Петергофа. Кон. XVIII в. ГМЗ «Петергоф»

Ил. 6. П. В. Неелов. План Верхнего сада Петергофа. Фрагмент. План верхних вторых (левых) каменных кухонь. 1797. ГМЗ «Петергоф»

и ремонтировались по мере надобности, но капитальных переделок не требовали и только примыкающие к гербу, так называемые дворцовые корпуса, в 1834 г. переделаны и рядом с ними построены вновь обширные каменные кухни»[34]. Видимо, речь идет о работе, произведенной И. И. Шарлеманем в 1838–1840 гг.[35] Вторые верхние кухни, как и первые, были капитально перестроены, расширены

с увеличением этажей. Основной объем, приданный зданию по проекту 1779 г., сохранился, что видно на плане Г. А. Шуберта, выполненном в 1841 г.[36]

Известно, что для семейного проживания Екатерина II планировала использовать Английский дворец, при котором архитектор Дж. Кваренги построил отдельные павильоны для великих князей, ряд служебных построек, включавших двухэтажные каменные кухни[37]. Однако комплекс не был использован по назначению. Можно говорить о том, что в рассматриваемый период времени функцию личных апартаментов продолжал выполнять дворец Монплезир.

Несколько ранее наследник престола великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна в летние месяцы пребывания в Петергофе размещались в деревянном флигеле этого дворца, в ближайшем соседстве с императрицей Елизаветой Петровной[38]. Неудивительно, что этот комплекс, расположенный в Нижнем саду, на берегу Финского залива, был оснащен всем необходимым для комфортного там пребывания, в том числе и кухней.

В настоящее время монплезирские кухни в восточной части дворца наиболее изучены, расположенные к востоку от Монплезира отдельные деревянные постройки этого же назначения упоминаются редко. На аксонометрическом плане 1775 г. они изображены с надписью: «Cuisines de Monplasir» (кухни Монплезира)[39]. Их строительство было непосредственно связано с планировочными изменениями, производимыми в восточном флигеле в 1747–1748 гг. В ноябре 1747 г. императрица Елизавета Петровна приказала «сочинить чертеж переделке в Петергофе при Монплезире кухни жилыми покоями (будущий Ассамблейный зал. — *Ю. З.*), а взамен упраздняемой каменной кухни построить новую деревянную, но в некотором отдалении от монплезирских зданий»[40]. Сохранился план П. Ю. Патона, датируемый серединой XVIII в.[41], который повторяет данные Сент-Илера. Новая кухня, по указанию обер-архитектора графа Ф. Растрелли, была поставлена подрядчиком Н. Остафьевым на морском берегу, к востоку от устья ручья, принимавшего воды от фонтана «Пирамида»[42]. Сверх контракта к ней были пристроены «два покоя с сенями и два чулана трубчатые. Сюда же были перенесены от Монплезира два погреба»[43].

В 1755 г. последовал императорский указ об устройстве кухни в двух помещениях, примыкавших к Ассамблейному залу[44]. В царствование Екатерины II наравне с кухней и Кофишенской,

расположенными в восточной части дворца, продолжали функционировать отдельно стоящие от него деревянные кухни. В сентябре 1760 г. в Канцелярию от строений Е. И. В. домов и садов поступил доклад: «…деревянная кухня при Монплезире весьма обветшала и к упадению с ее службами опасна»[45]. Предложения строительства взамен деревянной каменной кухни, поступавшие из Петергофской конторы на протяжении 1760–1790-х гг., не получили воплощения. В «Описании всех петергофских дворцов и принадлежащих к ним службам…» 1794 г. при Монплезире еще значится «деревянная кухня с жилыми покоями для мундкохов и хлебная дощатая пекарня»[46]. В августе 1816 г. из Гофинтендантской конторы поступило распоряжение: «ветхую кухню разломать и годный материал… употребить на надобности в других строениях»[47].

Статус монплезирских кухонь в делопроизводственных документах XVIII в. не конкретизируется. В некоторых современных публикациях рассматриваемые постройки ошибочно называются нижними кухнями, что, видимо, основывается на их месторасположении в Нижнем саду[48]. Однако по своему функциональному назначению эти кухни можно причислить к верхним. Приглашение гостей за императорский «собственный стол» оставалось важной составляющей частью дворцового церемониала. В камер-фурьерских журналах упоминается: «По окончанию куртага чужестранные господа Министры и Российския знатные 1-го и 2-го классов обоего пола персоны кушали вечернее кушанье при столе Их Императорских Высочеств, в Монплезире»[49].

Установлено, что по приказу императрицы Елизаветы Петровны зимой 1751 г. «при Петергофском верхнем дворце бывшие средние и нижние деревянные кухни… к пресечения от проходящей из тех кухонь и к ним верхним садом нечистоты перенесены за кавалерские дома»[50]. В 1752 г. «Государыня приказала к Ея присутствию в Петергофе… столу кавалерскому и фрейлинскому быть в нижней галерее, которая находится к той стороне, где средняя кухня, на которой в иное присутствие на тот стол кушание приготовляться имеет»[51]. Речь идет о Кавалерском дворе, расположенном к востоку от Верхнего сада.

На «Плане кавалерским и казенным домам»[52] 1769 г. кухни на Кавалерском дворе именуются нижними, а на копии с «Плана по правую сторону Верхнего дворца»[53], составленной не ранее 1774 г. гезелем И. Артемьевым, те же постройки называются

средними кухнями. Возможно, в какой-то период средние и нижние кухни размещались вместе. Летом, во время высочайшего присутствия в Петергофе, указанные кухни обслуживали многочисленных постояльцев Кавалерских домов, соответственно, должны были иметь статус средних. В остальные сезоны в них могли готовить для дворцовых служащих старших чинов. Отсюда изменение статуса на нижние. Вопрос требует дальнейшего изучения.

В отчетной ведомости за 1768 г., подводящей итог работ за несколько лет, о планах перестройки в камне деревянной кухни за Кавалерскими домами указывалось: «Оная еще не построена для того, что где вновь каменной быть ожидается по новоучиненному о всем Петергофе плану резолюция»[54]. На аксонометрическом плане 1775 г. зафиксирован комплекс построек: деревянное здание кухни, три «мазанковых очага», кормовой погреб и овошенная. Идентификация проведена при сопоставлении с планом 1769 г.[55]

В 1776 г. появились «корпуса деревянные — 2, о двух этажах против Нижнего сада при 6 кавалерских домах, на дворе, в коих расхожие кухни и официантский дом»[56]. На копии плана гезеля Артемьева рядом с упомянутыми постройками обозначена расхожая Кофишенская[57]. Несмотря на неоднократные предложения Петергофской конторы выстроить на Кавалерском дворе новые каменные кухни и представления соответствующих проектов[58], ситуация в правление Екатерины II не изменилась, что отражено на плане 1797 г.[59]

Таким образом, в рассмотренный период существовали: верхние первые (правые) каменные кухни и верхние вторые (левые) каменные кухни в Верхнем саду, монплезирские кухни (каменные дворцовые и деревянные — отдельно стоящие) в Нижнем саду, деревянные средние и нижние кухни на Кавалерском дворе.

Несомненно, поднятые вопросы требуют дальнейшего исследования, при котором необходимо принять во внимание рассмотренную специфику названий дворцовых построек, использованных в делопроизводственных документах второй половины XVIII в.

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. 1784–1788. СПб., 1830. С. 702. (№ 16.452 от 02.11.1786).

[2] *Зимин И. В., Соколов А. Р., Лазерсон И. И.* Императорская кухня. XIX — начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2014. С. 9.

[3] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 106. 1762 г. Л. 15–34 об. Высочайшие объявления Придворной конторе. Список всем придворным служителям с их годовыми жалованиями…; РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 21. 1794 г. Л. 93 об. — 167. Список камер-фурьеров… и поваров.
[4] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 5199-ар. П.-А. Сент-Илер Аксонометрический план строений и садов Петергофа. 1775 г.
[5] Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. Справочник. СПб., 2000. С. 478.
[6] Материалы о городах придворного ведомства. Город Петергоф. СПб., 1882. С. 123.
[7] РГИА. Ф 467. Оп. 4. Д. 873. 1745 г. Л. 11. Генеральная ведомость… по строительству… Петергофа…
[8] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 3175-ар. Ф. Ладыженский. План Казенного, Кавалерского и Конюшенного дворов в Петергофе. Серед. XVIII в.
[9] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № КВД 44. Не ранее 1855 г. Л. 4. Ведомость дворцовых зданий и сооружений, возведенных в Петергофе с 1711 по 1850-е гг.
[10] РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 274. 1757 г. План петергофским каменным кухням в Верхнем саду у правого флигеля.
[11] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 4214-ар. 1771 г. С. Рыбаков. План петергофским каменным кухням, которые стоят в Верхнем саду против кавалерских домов. Копия.
[12] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 4211-ар. Кон. XVIII — нач. XIX в. План и фасад первой каменной кухни в Верхнем саду Петергофа.
[13] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 4619/2-ар. 1797 г. П. В. Неелов. План Верхнего сада Петергофа.
[14] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1527. 1843 г. Л. 15. По перестройке I-го кухонного корпуса.
[15] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1890. 1843 г. О постройке каменных кухонь при Большом дворце; РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1945. 1844 г. По постройке кухонь…
[16] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3543. 1861–1865 гг. Л. 9. Об обращении знания I-й кухни в Кавалерский дом.
[17] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 4186–4188-ар; ПДМП 4190-ар; ПДМП 4191-ар; ПДМП 4193-ар; ПДМП 4204-ар. Н. Л. Бенуа. Планы Верхнесадского дома.
[18] Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. С. 492.
[19] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № КВД 44. Не ранее 1855 г. Л. 4. Ведомость дворцовых зданий и сооружений, возведенных в Петергофе с 1711 по 1850-е гг.
[20] РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 275. 1754 г. Л. 1. Я. Алексеев. Чертеж кухням при левом флигеле в Петергофе.
[21] РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 275. 1770-е гг. Л. 2. И. Яковлев. План петергофских кухонь, которые имеются в Верхнем саду к оперном дому.
[22] РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 791. 1779 г. Л. 1. О построении в Петергофе в прибавление каменной кухни.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Там же. Л. 8.
[26] РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 278. Сер. XVIII в. План кухни у разводной площадки. (Оригинальное название: План, состоящей в петергофском Верхнем саду Их Императорских Высочеств каменной кухни каким манером… ныне имеются и что к оной следует вновь сделать. Уточнение датировки: Не ранее 1779 г. — произведено по документу РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 791. 1779 г. О построении в Петергофе в прибавление каменной кухни.)
[27] РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 901. 1779–1780 гг. Л. 6. Дело о пристройке корпуса к гербовому павильону Большого дворца.

[28] Там же. Л. 6. Дело о пристройке корпуса к гербовому павильону Большого дворца.
[29] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № КВД 44. Не ранее 1855 г. Л. 4 об. Ведомость дворцовых зданий и сооружений, возведенных в Петергофе с 1711 по 1850-е гг.
[30] Там же. Л. 5.
[31] Императорский Петергоф. Три столетия. К 300-летию Петергофа. СПб., 2002. С. 56.
[32] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 4619/1-ар. 1797 г. П. В. Неелов. План Верхнего и Нижнего садов Петергофа.
[33] РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 278. Сер. XVIII в. План кухни у разводной площадки. (Оригинальное название: План, состоящей в петергофском Верхнем саду Их Императорских Высочеств каменной кухни каким манером… ныне имеются и что к оной следует вновь сделать. Уточнение датировки: Не ранее 1779 г. — произведено по документу РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 791. 1779 г. О построении в Петергофе в прибавление каменной кухни.)
[34] *Гейрот А. Ф.* Описание Петергофа. СПб., 1868. С. 93.
[35] Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. С. 492.
[36] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 5204-ар. 1841 г. Ф. Ф. Шуберт. План Петергофа и Александрии, снятый инструментально в 1841 г.
[37] Материалы о городах придворного ведомства. Город Петергоф. СПб., 1882. С. 128.
[38] *Холоднова О. А.* От барокко к классицизму. История строительства Екатерининского корпуса // Екатерининский корпус Монплезира. Путешествие из Петергофа в Царицыно. СПб., 2019. С. 89.
[39] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 5199-ар. П.-А. Сент-Илер. Аксонометрический план строений и садов Петергофа. 1775 г.
[40] Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. СПб., 2016. С. 275.
[41] РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 259. Сер. XVIII в. П. Ю. Патон. План петергофским монплезирским деревянным кухням в Нижнем саду.
[42] Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. С. 277.
[43] Там же.
[44] *Архипов Н. И., Раскин А. Г.* Петродворец. Л.-М., 1961. С. 102.
[45] Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. С. 278.
[46] РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 834 а. 1794 г. Л. 130 об. Сдаточные петергофские списки.
[47] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 210. 1816 г. Л. 5. О перестройке… сломке ветхой кухни, стоящей за Монплезирским дворцом; РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 214. 1816 г. Л. 29. По предписаниям его сиятельства графа Ю. П. Литты.
[48] Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. С. 281.
[49] Камер-фурьерские журналы: 1695–1817: в 100 т. Т. 7: 1748–1752. СПб., 2009. С. 74; Камер-фурьерские журналы… Т. 8: 1753–1757. СПб., 2009. С. 50, 51.
[50] Императорский Петергоф. Три столетия. К 300-летию Петергофа. С. 50.
[51] Там же.
[52] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 3187-ар. 1769 г. План Кавалерского и Казенного дворов в Петергофе с экспликацией.
[53] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 3178-ар. Вторая пол. XVIII в. И. Артемьев. План участка восточнее Верхнего каменного дворца в Петергофе с экспликацией построек Кавалерского двора.
[54] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 102. 1768 г. Л. 86. Ведомость, что из отпущенных на исправление в Петергофе…
[55] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 3187-ар. 1769 г. План Кавалерского и Казенного дворов в Петергофе с экспликацией.
[56] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № КВД 44. Не ранее 1855 г. Л. 5 об. Ведомость дворцовых зданий и сооружений, возведенных в Петергофе с 1711 по 1850-е гг.

[57] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 3178-ар. Вторая пол. XVIII в. И. Артемьев. План участка восточнее Верхнего каменного дворца в Петергофе с экспликацией построек Кавалерского двора.
[58] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 3188-ар, ПДМП 3189-ар. 1770–1780 гг. И. Я. Яковлев. Проект каменной расхожей кухни на Кавалерском дворе в Петергофе. Планы, фасад.
[59] Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 4619/1-ар. 1797 г. П. В. Неелов. План Верхнего и Нижнего садов Петергофа.

Зимин Игорь Викторович

НОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ В XVIII–XIX ВВ.

Проблема водоснабжения императорских резиденций питьевой водой являлась не только значимой инженерно-хозяйственной задачей, но и важным фактором поддержания здоровья первых лиц. Конечно, каждая эпоха имела свои стандарты качества воды, но в императорских резиденциях этой проблеме традиционно уделялось серьезное внимание.

Императрица Екатерина II, видимо, в основном пила бутилированную привозную воду. Об этом свидетельствуют счета по ее комнатной сумме. Как правило, в документах фиксируется только весьма внушительная итоговая сумма, потраченная на приобретение в Медицинской коллегии «минеральных вод»: 1773 г., март: «В медицинскую коллегию за минеральные воды 919 руб.»[1]; 1777 г., март: «В медицинскую коллегию за отпущенные ко двору минеральные воды 1.192 руб.»[2]; 1778 г. май: «В медицинскую коллегию за отпущенные ко двору в 1776 и 1777 гг. минеральные воды 1.876 руб.»[3]; 1779 г., апрель: «В медицинскую коллегию за отпущенную ко двору в 1778 г. минеральные воды 1.113 руб.»[4].

Иногда в счетах указывалась номенклатура закупаемой через Медицинскую коллегию бутилированной минеральной воды. Например, в марте 1783 г. за 1782 г. выплатили 1976 руб. На эти деньги было приобретено: «зельтерской — 6031 кувшинов по 30 коп. на 1809 руб.; пирмонтской — 142 бутылки по 50 коп. на 71 руб.; шпанской — 237 бутылок по 30 коп. на 86 руб.; бристольской — 40 бутылок по 25 коп. на 10 руб.»[5]. Итого 6450 кувшинов и бутылок.

В январе 1784 г. за 1783 г. в Медицинскую коллегию за минеральную воду выплатили 2941 руб.: «зельтерской — 9509 кувшинов по 30 копеек на 2852 руб.; пирмонтской — 36 бутылок по 50 копеек на 18 руб.; шпанской — 218 бутылок по 30 копеек на 65 руб.; бристольской — 20 бутылок по 25 копеек на 5 руб.»[6]. Итого 9765 кувшинов и бутылок.

В январе 1785 г. «для Двора Нашего минеральные воды» обошлись в 5770 руб.: «зельтерской — 15 982 кувшина по 35 коп. — 5.593 руб.; шпаданской — 144 бутылки по 30 коп. на 43 руб.;

Ил. 1. Кувшины зельтерской воды Германия. XIX в. (Опубл. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сельтерская вода)

пирмонтской — 244 бутылки по 50 коп. на 122 руб.; бристольской — 48 бутылок по 25 коп. на 12 руб.»[7]. Всего 16 418 кувшинов и бутылок.

В апреле 1786 г. затраты на приобретение бутилированной воды составили 6981 руб.: «зельтерской — 18 949 кувшинов по 35 коп.; пьемонтской — 493 кувшина по 50 коп.; шпанской — 256 бутылок больших по 30 коп. и 6 бутылок малых по 15 коп.; бристольской — 60 бутылок по 25 коп.; зеналидной — 12 бутылок по 85 коп.»[8]. Всего 19 770 кувшинов и бутылок.

Таким образом, можно утверждать, что императрица предпочитала бутилированную «зельтерскую» воду из немецкого горного источника Нидерзельтрес. Только за 1783, 1784, 1785 и 1786 гг. в Россию из Германии для императрицы завезли 50 471 кувшин зельтерской минеральной воды на 16 886 руб. Имеются упоминания в мемуарных источниках (М. П. Фредерикс) о том, что Екатерина II невскую воду не пила, предпочитая ей бутилированную. Заметим, что зельтерская вода была необычайно популярна в Европе. В 1787 г. было продано более 1 000 000 кувшинов зельтерской воды[9].

Для хозяйственных нужд и для лиц, не входивших в ближайшее окружение императрицы, команда дворцовых водоносов доставляла воду в бочках из Невы. Причем воду брали выше по течению в специально оборудованных местах.

В Царском Селе действовала эта же схема. Императрице привозили бутилированную и невскую воду. После введения в строй Таицкого водовода (1772–1787) в резиденцию самотеком пошла голубая вода из Ганнибальских или Сонинских ключей. Ее пили все…

На рубеже XVIII–XIX вв. дворцовые хозяйственники начали рассматривать перспективы реализации новой схемы обеспечения водой императорских резиденций с использованием паровых водоподъемных машин, различные варианты которых активно внедрялись в экономику европейских стран.

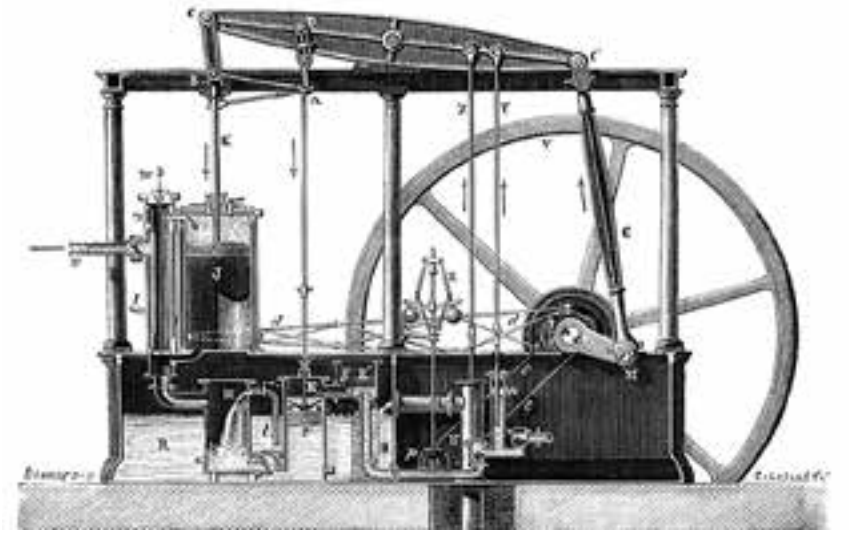
В России имелся свой опыт строительства паровых машин. В начале 1760-х гг. И. И. Ползунов начал разрабатывать схему паровой машины. О проекте Ползунова было доложено Екатерине II: «Ея Императорское Величество не токмо им, Ползуновым, всемилостивейше довольна быть, но для вящего поощрения повелеть соизволила: пожаловать ево, Ползунова, в механикусы с чином и жалованьем капитана-поручика, и выдать ему в награждение 400 руб.»[10]. Машина была построена и испытана, но после смерти Ползунова проект был прекращен.

Поэтому в России внедрялись иностранные схемы паровых машин. Один из первых масштабных проектов, связанных с использованием паровой машины, связан с английским адмиралом на русской службе Ч. Ноулзом, который, модернизируя кронштадтский сухой док, установил в 1773–1774 гг. паровую машину конструкции Т. Ньюкомена (патент 1712 г.). В Англии эта машина использовалась для откачки воды из шахт[11]. Именно его настойчивость способствовала росту интереса к внедрению паровых машин в экономику России.

К началу XIX в. в России использовали более эффективную схему паровой машины двойного действия, запатентованную в 1774–1784 гг. англичанином Дж. Уаттом. Впоследствии на базе машины Уатта разрабатывались новые, более компактные и эффективные конструкции паровых машин.

В России внедрение паровых машин связано с именем Ч. Берда, на заводе которого в 1800 г. была построена паровая машина, базирующаяся на схеме Уатта. В 1815 г. на его заводе был построен первый в России пароход с приводом от паровой машины Уатта. К 1830-м гг. на заводе Берда смонтировали около 200 паровых машин, часть которых были довольно компактными и предназначались для установки на пароходы. Вероятно, именно эти компактные конструкции и были использованы для размещения в подвалах императорских резиденций. Таким образом, в первой четверти XIX в. сложились предпосылки, связанные с внедрением компактных паровых машин в дворцовую инфраструктуру.

Судя по всему, одну из первых паровых машин для подъема воды, установил в 1809 г. в Большом (Старом) Царскосельском дворце «свинцовый мастер» Т. Клейворт (Thomas Clayworth)[12]. Новая схема водоснабжения «машиниста» и «свинцового мастера» Клейворта включала паровую машину, которая подавала воду

Ил. 2. Паровая машина Дж. Уатта. (Опубл. [Электронный ресурс]. URL: https://autogear.ru/article/262/810/djeyms-uatt---izobretatel-parovoy-mashinyi/)

на чердак в резервуар, сшитый из толстых досок и выложенный изнутри свинцовыми пластинами, стыки которых прочеканивались. Из этого резервуара вода самотеком по свинцовым трубам поступала в «умывальницы»[13]. Упомянутая паровая машина была, вероятно, вакуумной машиной с кривошипно-шатунным механизмом конструкции Уатта.

В Александровском дворце система верхней раздачи воды, которая закачивалась на чердак с помощью паровой машины, была смонтирована летом 1826 г. Тогда «паяльный мастер» Клейворт обязался Конторе императорского двора провести работы по созданию водопроводной системы за два летних месяца 1826 г. Дворцовые хозяйственники гарантировали «машинисту» Клейворту «За сделание из собственного материала двух ватер-клосетов с медными насосами, фаянсовыми рукомойниками и прочию принадлежностию — 3.300 руб. За сборку свинцового ящика для воды с пайкою — 180 руб.»[14].

К этому времени Клейворт получил от Министерства внутренних дел привилегию на установку паровых машин для верхней раздачи воды. В документе (15 декабря 1819 г.) указывалось, что «Великобританский подданый паяльного дела мастер Томас Клейворт подал МВД в 20 июля 1819 г. просьбу <…> что он способами доселе

еще в России неизвестными производить: 1. Спайку свинца или соединение оного <…>; 2. Устройство всякого рода водяных машин для подъема воды в резервуары и спуска оной для чистоты домов. 3. Устройство с обивкою свинцом всякого рода чанов, резервуаров, труб и прочего <…> выдать ему привилегию на исключительное право пользоваться сим изобретением в течение десяти лет»[15].

Следует подчеркнуть, что в описании упоминается некий «подъемный насос», на который привилегия не распространялась, поскольку «производство дела сего в России уже известно»[16]. В результате к концу лета 1826 г. в Александровском дворце установили «4 водяных бассейна» на чердаке; в подвале установили два медных насоса, с трубами «для поднимания и выпускания воды». Упоминается и некий конструктив паровой машины: «устроить двойной медный насос с двумя цилиндрами в чугунной раме, с маховым колесом и шестернями и медным воздушным шаром»[17]. За все работы Т. Клейворту выплатили 4036 руб.

Ил. 3. Схема верхней раздачи воды в дворцовые ватерклозеты из привилегии Т. Клейворта. (Опубл. [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/books/edition/Slavistic_printings_and_reprintings/)

Отметим, что внедрение паровых водоподъемных машин началось в резиденциях с Царского Села. В подвале Зимнего дворца паровую машину для закачки воды в чердачные резервуары установили только к лету 1837 г., хотя первые проекты по установке такой машины рассматривались начиная с 1826 г. Установленная в Зимнем дворце паровая машина погибла во время пожара в декабре 1837 г. После возобновления Зимнего дворца паровую машину с чердачными резервуарами восстановили.

Таким образом, процесс перехода на новую схему водоснабжения в императорских резиденциях, основанную на действии паровых машин, начался в 1809 г. в Царском Селе и в целом завершился к 1840-м гг.

[1] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3888. (Именные указы Екатерины II за 1773 г. Март.)
[2] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3892. (Именные указы Екатерины II за 1777 г. Март.)
[3] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3893. (Именные указы Екатерины II за 1778 г. Май.)
[4] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3894. (Именные указы Екатерины II за 1779 г. Апрель.)
[5] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3898. (Именные указы Екатерины II за 1783 г. Март.)
[6] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3899. (Именные указы Екатерины II за 1784 г. Январь.)
[7] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3900. (Именные указы Екатерины II за 1785 г. Январь.)
[8] РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3901. (Именные указы Екатерины II за 1786 г. Апрель.)
[9] Сельтерская вода. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сельтерская вода (дата обращения 28.06.2022).
[10] Познание и опыт — путь к современной энергетике. [Электронный ресурс]. URL: http://energetika.in.ua/ru/books/book-2/part-2/section-4/4–1/4-1-1 (дата обращения 28.06.2022).
[11] Там же.
[12] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 266. (По счету свинцового дела мастера Клейворта о расходах по прокладке водопроводных труб). 1823 г. Л. 1.
[13] *Зимин И. В.* Александровский дворец в Царском Селе. Люди и стены. 1796–1917. М., 2021. С. 492.
[14] Там же. С. 493.
[15] Slavistic printings and reprintings. T. 156, вып. 3. Калифорнийский университет. 1969 // Привилегия, данная Мастеру Клейворту производить паяние и разработку свинца, способами доселе еще здесь неизвестными; с подробным оной описанием и рисунками. [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/books/edition/Slavistic_printings_and_reprintings/ (дата обращения 28.06.2022).
[16] О выданной Великобританскому подданному Клейворту привилегии на устройство водоподъемных машин для чистоты домов. 17 августа 1820 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 37. № 28.386.
[17] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 266. (По счету свинцового дела мастера Клейворта о расходах по прокладке водопроводных труб). 1823 г. Л. 10.

Зурабян Нина Михайловна

ГОЛШТИНЦЫ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЕ В РОССИИ XVIII В. И ИХ ПЕТЕРБУРГСКИЕ АДРЕСА

С давних времен Россию и герцогство Шлезвиг-Гольштейн-Готторп связывали дипломатические и торговые отношения. Первое голштинское представительство в Москве, разрешенное Посольским приказом, было открыто в 1639 г., согласно договору об обмене постоянными агентами с иностранными государствами [1]. Члены правящего дома Гольштейн-Готторпов, благодаря политике заключения династических браков, породнилась с королевскими домами Дании, Норвегии и Швеции, а также привлекли внимание русских государей. Наследный принц голштинский Магниус, сын датского короля Христиана III, женился в 1573 г. на княжне Марии, дочери князя Владимира Андреевича, двоюродного брата царя Ивана Грозного. Царь Михаил Федорович Романов также пожелал отдать в жены свою дочь, царевну Ирину, графу Христиану Вольдемару, наследнику шлезвиг-голштинскому, сыну датского короля Христиана IV, и отправил в 1641 г. из Москвы посольство с целью о нем разузнать. Вскоре Христиан Вольдемар прибыл в Россию, но договориться не удалось, так как жених отказался принимать православие, при этом его долгое время удерживали в Москве и отпустили на родину только при царе Алексее Михайловиче [2].

Царь Петр Великий лично посетил в ходе Северной войны в 1713 г. и во время путешествия 1716 г. некоторые северогерманские города: Гамбург, Фридрихштадт, Хузум, Рендсбург, Итцехо, Шлезвиг и Любек. 3 января 1713 г. администратор Шлезвиг-Гольштейна епископ Любекский Христиан Август (1673–1726), впоследствии подаривший царю от имени малолетнего тогда герцога Голштинского Карла Фридриха «готторпский глобус», узнав о прибытии русского государя в Вандсбек (предместье Гамбурга), прислал к нему советника Алефельта с поздравлением по случаю приезда и заверением, «что шлезвиг-голстинские земли как до сего времени, так и впредь при настоящей с короною шведской войне в исправном неутральстве пребудут»[3].

Выходцы из Голштинии, как и другие иностранцы, нанимались на службу в Россию по приглашению Петра I уже в самом начале Северной войны. В 1704 г. барон Петр фон Сиверс (1674–1740), древний род которого происходил из Голштинии, поступил в капитаны русского флота, принимал участие в морских сражениях, командовал боевыми кораблями и дослужился до звания адмирала. С 1716 г. он был старостой лютеранской общины Св. Петра в Санкт-Петербурге. В 1726 г. в награду за службу Сиверсу был пожалован Гидельский погост в Кексгольмском уезде (близ Приозерска), где адмирал провел последние восемь лет жизни в ссылке, будучи уличенным при императрице Анне Иоанновне в сочувствии Голштинскому принцу. Строящийся в Санкт-Петербурге, за рекой Мойкой, дом (участок Сиверса находился за лютеранской церковью Св. Петра и Невской перспективой) в 1731 г. конфисковали. В царствование Елизаветы Петровны его семье была пожалована лифляндская мыза Екзекали и кронштадтский флагманский каменный дом[4].

В 1703 г., по рекомендации вице-адмирала К. Крюйса, на флотскую службу был принят морским офицером норвежец П. Х. Бредаль (1681–1756), ставший вице-адмиралом русской армии. Его сын Петр (1713–1773) был русским и голштинским придворным чиновником не только при дворе герцога Голштинского, но и у его сына, императора Петра III.

Голштинец, уроженец города Гамбурга, Генрих фон Фик (1679–1751) был приглашен Петром I в конце 1715 г. для изучения устройства шведских коллегий и был направлен в Швецию собирать материалы для проведения коллегиальной реформы в России. Вернувшийся в декабре 1716 г. Фик стал одним из разработчиков реформ государственного управления и создал регламенты коллегий. Екатерина I даровала ему чин статского советника и назначила в 1726 г. вице-президентом Коммерц-коллегии. В Санкт-Петербурге Фик жил с большой семьей на казенной квартире, рядом со зданием Сената и коллегий, как он писал Петру II — «на Санкт-Петербургском острову в покоях Вашего Императорского Величества близ полисад»[5].

Проживая рядом с Петропавловской крепостью, Фик посещал возведенную там в 1704 г. первую лютеранскую церковь, впоследствии перенесенную в 1718 г. на Мытный двор, а затем — на Литейный двор, где при Анне Иоанновне она была освящена во имя Св. Анны[6]. Церковь эта принадлежала к лютеранской общине Св. Петра, как и капелла, стоявшая на дворе адмирала Крюйса. Фик

был активным членом этой общины, в 1727 г. вместе с другими именитыми лютеранами Санкт-Петербурга он подписал прошение об отведении места для постройки новой лютеранской церкви на Васильевском острове[7]. В это время для коллегий стали возводить новое здание на Васильевском острове, и в мае 1727 г. Фику, по его просьбе, в этой части города был пожалован в собственность двор Г. Г. Скорнякова-Писарева «с каменным строением» (набережная Лейтенанта Шмидта, 7; здание сохранилось с перестройками)[8]. В 1732 г. этот двор у него отобрали вместе с принадлежавшими ему имениями в Лифляндии, поскольку Фик был отправлен в ссылку, откуда возвратился только в 1743 г.; по указу Елизаветы Петровны ему отдали конфискованные имения.

Для службы в коллегиях прибыли в 1718 г. из Гамбурга Иоганн Остервальд (в Ревизион-коллегию, на должность секретаря), асессор Дитрих Виллерс и копиист Георг Фридрих Тилле (в Коммерц-коллегию), в Берг и Мануфактур-коллегию — асессор Винцент Райзер. В 1720 г. все они, в том числе и Фик, получили патент на службу в России на основании присяги на верность служению императору Петру Великому, принятой в Сенате, в присутствии обер-секретаря, пред Евангелием и пастором лютеранской церкви, перенесенной из Петропавловской крепости на Литейный двор, Иоганном Леонардом Шаттнером, которого называли «пастором при реке Неве»[9].

Еще в 1714 г. от администратора Голштинии был отправлен в Санкт-Петербург к Петру I посланник Г. Ф. Бассевич с предложением учинить с Россией союз с целью защиты от притязаний датчан и, через супружество молодого герцога со старшею принцессою, этот союз утвердить. Русский царь от союза отказался, но все же выбрал голштинского герцога Карла Фридриха в женихи своей дочери, цесаревне Анне Петровне. В 1721 г. Карл Фридрих Голштинский прибыл в Санкт-Петербург с большой свитой, состоявшей не только из голштинцев, но и шведов, сторонников «голштинской партии». Герцог, рано потерявший отца, долгое время жил в Стокгольме со своей матерью, дочерью шведского короля. В Санкт-Петербурге он был встречен с большими почестями, его поселили в доме на Красном канале и предоставили яхту. Канал соединял реку Мойку с Невой и проходил в районе нынешнего Марсова поля. Царь пожаловал будущему зятю на содержание стола и экипажей остров Эзель, впоследствии отобранный по решению Верховного тайного совета в 1727 г. Камер-юнкер герцога Фридрих Вильгельм

Берхгольц (1699–1765), проживший в России несколько лет в детстве, так как его отец находился на военной службе у российского императора, перечислил в своем дневнике 1721 г. голштинских придворных: тайный советник граф Геннинг Фридрих фон Бассевич, президент Голштинского тайного совета, дипломат Антон Гюнтер фон Геспен; камергер Бенедикт фон Альфельд (Алефельд); камергер герцога граф Нильс Бонде; член Голштинского тайного совета Матиас фон Клауссенгейм; голштинский посланник при дворе Петра Великого барон Андреас Эрнст фон Штамбке; подполковник Сальдерн, исполнявший обязанности камер-юнкера; камер-юнкер Балк; майор Эдер, камер-рат Негелейн, секретарь герцога Сурланд, бригадир Ранцау, генерал-майор Штенфлихт, камер-пажи — Геклау и Шульц [10]. Из всех членов свиты герцога только посланник Штамбке уже имел в Петербурге хороший дом, в нем и поселился, по приглашению хозяина, Бергхольц, а затем, когда ему подыскали квартиру, туда перебрался Сальдерн. Остальные же были временно размещены на почтовом дворе, вскоре всем им предоставили жилье в различных домах города.

7 мая 1724 г. герцог со свитой присутствовали в числе почетных гостей на коронации супруги императора Екатерины Алексеевны. В начале этой церемонии, происходившей Москве в Успенском соборе Кремля, герцог Голштинский сопровождал Екатерину «до низу трона… Его Величество император, подав руку императрице, пошли на трон» и воссели «на своих императорских креслах», а после церемонии «…из Успенского собора императрица в мантии и короне, опираясь на руку герцога Голштинского, встала под… балдахин и шествовала под ним до Архангельского собора». Затем гости были приглашены на торжественную трапезу, где для герцога Голштинского «…поставлен был особливый стол, за который он сел, когда Их Величества засели»[11].

Обручение герцога Голштинского с цесаревной Анной Петровной состоялось 9 декабря 1723 г. в «большой дворцовой зале» нового Зимнего дворца Петра I, построенного в 1723 г. по проекту архитектора Г. И. Маттарнови [12]. Бракосочетание совершилось уже после смерти Петра I 21 мая 1725 г. в Троицкой церкви на Петербургской стороне. После свадьбы молодых поселили в доме генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, рядом с Зимним дворцом. В день свадьбы Большой зал адмиральского дома был роскошно декорирован, а фасад здания украсили тремя аллегорическими картинами

и иллюминацией из огней многочисленных плошек. Новобрачные занимали, кроме основного здания, два небольших флигеля с воротами, выходившими на Адмиралтейский луг и ограждавшими парадный двор [13].

Вскоре герцог был введен в Верховный тайный совет и стал пользоваться большим влиянием при дворе. После смерти Екатерины I в 1727 г., когда власть перешла к А. Д. Меншикову, враждебно настроенному по отношению к герцогу, цесаревна Анна Петровна вместе с супругом вынуждены были уехать в Голштинию. В царствование императрицы Анны Иоанновны представители герцога Голштинского в Россию старались не приезжать, а те, кто остался, впали в немилость.

Новый этап русско-голштинских исторических связей начался с воцарением младшей дочери Петра I, императрицы Елизаветы Петровны, пригласившей в Россию в качестве наследника престола Карла Петера Ульриха — сына своей умершей сестры Анны Петровны, герцогини Голштинской. Великий князь Петр Федорович, как его стали называть в России, прибыл в Санкт-Петербург 5 февраля 1742 г. в сопровождении русского посланника в Дании барона Иоганна Альбрехта фон Корфа и майора барона Николая Андреевича фон Корфа, со своими воспитателями — обер-гофмейстером Отто Фридрихом фон Брюммером и обер-камергером Фридрихом Вильгельмом фон Берхгольцем, камер-интендантом Густавом Крамером, лакеем Румбергом и егерем Бастианом [14]. Вслед за великим князем вскоре отправились, несмотря на запрет приезжать в Россию, и другие его подданные: Христиан Август фон Брокдорф (1696–1780), позже назначенный камергером герцогского двора, и швед камер-юнкер герцога Карл Максимилиан фон Адлерфельдт (1706–1747), сын убитого в сражении под Полтавой Густава Адлерфельдта, камергера Карла XII. Оба они с юных лет состояли в свите Карла Фридриха и приезжали в Россию в 1724 г., а в 1742 г. по пути были задержаны и отправлены обратно в Киль. За этот проступок императрица Елизавета лишила их всех чинов, но в этом же году они были прощены [15]. Сохранилось письмо, направленное Адлерфельдтом из Голштинии великому князю Петру Федоровичу: «Монсеньер, в печали, в которой я нахожусь уже давно, моим единственным утешением всегда было известие о том, что Ваше Императорское Высочество не только по-прежнему в добром здравии, но и что Всевышний по-прежнему осыпает Вас своими великими милостями. Готовность услужить,

которую с недавних пор выказывают Вашему Императорскому Высочеству целые народы, является тому волнующим доказательством, и выбор, который сделала Ее Величество Императрица, назвав Ваше Императорское Высочество наследником трона Всея Руси, довершает дело. Как усердный и верный слуга Вашего Императорского Высочества, я принимаю в этом живейшее участие; осмеливаюсь выразить Вам свою радость и с глубоким почтением приношу Вам свои поздравления. Пусть Господь в ознаменование этого славного события до конца жизни не оставит Ваше Императорское Высочество своими милостями, и сделает Вас отрадой для Ваших народов, грозой для Ваших врагов и высшей честью для августейшего рода, к которому Вы принадлежите по праву рождения. В то же время осмеливаюсь покорнейше просить Вас соблаговолить сохранить воспоминание о том, кто в течение всей своей жизни с глубочайшим почтением и неизменным усердием оставался Вашего Императорского Высочества покорным и преданным слугой,

Монсеньер,

Гамбург, 20 Декабря 1742

Адлерфельдт»[16].

В Санкт-Петербурге великого князя сначала поселили в Зимнем дворце, построенном для императрицы Анны Иоанновны на месте бывшего дома Ф. М. Апраксина. К свадьбе великокняжеской четы Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, состоявшейся в 1745 г., по приказу императрицы Елизаветы Петровны архитектором Ф. Растрелли были оборудованы апартаменты в южной части дворца, обращенной к Адмиралтейскому лугу. Большой зал Зимнего дворца и Большая галерея по случаю торжества были украшены фонтанами и каскадами, установленными на фигурных столах, окруженных вазами, аллегорическими статуями и золоченой скульптурой; по бокам галереи были расставлены миртовые и померанцевые деревья[17].

Для управления герцогством в 1746 г. при дворе Петра Федоровича в Санкт-Петербурге была создана тайная канцелярия Голштинского правящего совета. Во главе ее был поставлен назначенный министром тайный советник Иоганн фон Пехлин (1682–1757), в ней состояли также тайный секретарь — камергер Отто Генрих фон Брембзен (1717–1776) и секретарь Петра III по голштинским делам — Иоганн Якоб фон Цейс (1717–1763)[18]. В 1752 г. из Голштинии в петербургскую канцелярию был направлен копиистом

Томас Беринг (1721–1786), сын известного мореплавателя, датчанина Витуса Ионанссена Беринга[19]. В 1757 г. Пехлина сменил Готлиб Георг Г. Г. Штамбке (1706–1761), племянник вышеупомянутого А. Э. фон Штамбке, а после Штамбке на этот пост был назначен в 1758 г. Георг Христиан фон Вольф (1711–1784).

По сведениям из газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 17 ноября 1760 г., дом И. Пехлина, называемый в середине XVIII в. «Пеглинов дом», располагался на Малой Миллионной (Луговой) улице (Дворцовая площадь, 4–6). К середине XVIII в. эта улица, проходившая вдоль Адмиралтейского луга, была застроена новыми каменными двух- и трехэтажными домами на высоких подклетах, обращенных фасадами к Зимнему дворцу и реке Мойке. Вероятно, семья Пехлина жила в доме камергера В. Е. Скворцова (бывшего камер-пажа цесаревны Анны Петровны, а затем — Елизаветы Петровны), так как в 1758 г., после смерти мужа, там жила супруга Пехлина. Двор Скворцова показан на плане Санкт-Петербурга 1738 г. (план И. Б. Зихгейма), он располагался рядом с участком адмирала Синявина, между двумя дворами Веселовского. В 1820–1828 гг. эти постройки были разобраны и на их месте по проекту К. Росси сооружено здание Главного штаба и министерств.

Косвенным доказательством долговременного проживания на этом дворе немцев — Пехлина с семьей и слугами — являются археологические находки, обнаруженные при проведении реставрационных работ в здании Главного штаба в период передачи его в ведение Государственного Эрмитажа[20]. На участке третьего двора сохранился фундамент и остатки деревянных хозяйственных построек, где были найдены фрагменты привезенных из Германии керамических бутылей из «каменной массы» и белоглиняных курительных трубок, одна из которых имеет аналог в городской археологии Гамбурга. Такой вид курительных трубок изготавливался в середине XVIII в. в мастерской И. Х. Изера из Гильдесгейма[21].

С мая по сентябрь императорский двор перебирался в деревянный Летний дворец Елизаветы Петровны, построенный по проекту Ф. Растрелли в 1741–1744 гг., где 20 сентября 1754 г. родился будущий император Павел I. В 1755 г. по проекту Растрелли за несколько месяцев был сооружен временный Зимний дворец на Мойке, куда великий князь Петр Федорович переехал вместе с супругой: их покои размещались в помещениях, расположенных вдоль Луговой улицы (Малой Морской), от Невского до Кирпичного переулка[22].

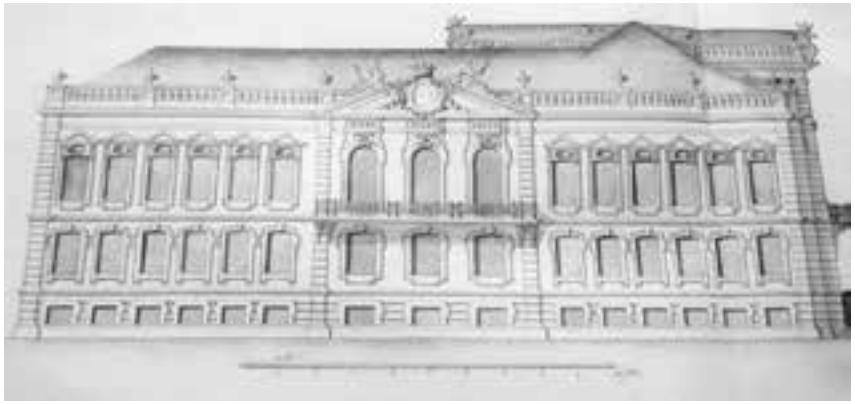
Одноэтажный деревянный Зимний дворец служил временной резиденцией императрицы Елизаветы Петровны в период строительства нового Зимнего дворца, но она скончалась 25 декабря 1761 г., а новый император Петр III принял здесь присягу и 6 апреля 1762 г. переехал в только что отстроенный каменный Зимний дворец на Дворцовой набережной. Все придворные обязаны были также дать присягу на верность служению, причем иностранцы должны были присягать в присутствии своих священнослужителей, заверявших письменное свидетельство, переведенное на иностранный язык, своей подписью. Форма клятвенного обещания была опубликована официально[23]: «1761 год Декабря 25 / Я нижеименованный обещаюся и клянуся всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Великому Государю, Императору Петру Феодоровичу, Самодержцу Всероссийскому, и по нем, по самодержавной Его Величества Императорской власти, и по высочайшей Его воле избираемым и определяемым наследникам, верным, добрым и послушным рабом и подданным быть, и все к высокой Его Величества силе и власти принадлежащия права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумениию, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том во всем живота своего в потребном случае не щадить; и при том по крайней мере старатися споспешествовать все, что к Его Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касатися может, так как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. / В заключение же сей моей клятвы целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь».

Летом 1754 г. великий князь вызвал из Голштинии в Ораниенбаум роту голштинских солдат с офицерами. Эти солдаты, число которых в 1759–1762 гг. доходило до полутора тысяч, составили гарнизон крепости Петерштадт в Ораниенбауме. В числе войск были: драгунский полк герцога Георга Людвига Гольштейн-Готторпского, пехотный полк принца Августа Вильгельма Шлезвиг-Голштинского; епископ Любекский Август-Фридрих был генерал-аншефом в пехоте с 1746 г., принц Фридрих Карл фон Гольштейн-Бек — премьер-майором, в разных званиях служили представители знатных голштинских дворянских родов Сиверсов, Алефельдтов, Пехлинов, Брокдорфов, Ранцау, Сальдернов и других[24].

Особо важное место в истории русско-голштинских отношений во времена царствования Петра III и Екатерины II стал занимать Каспар фон Сальдерн (1711–1788) — бывший отставной голштинский чиновник, изучавший юриспруденцию в Кильском университете, выходец из зажиточной семьи крестьян и мелких служащих Саллернов (впоследствии сменивших фамилию на дворянскую фон Сальдерн), оказавшийся, благодаря своим способностям, знаниям и деловым связям, на высоте политической власти в Голштинии[25]. Семья Сальдернов была хорошо известна великому князю Петру Федоровичу. Один из ее представителей состоял в свите его отца и приезжал в Петербург в 1721 г. Раньше Каспара фон Сальдерна на службу к Петру Федоровичу, приняв присягу на верность, поступил Детлев фон Сальдерн, его троюродный брат, который обратился к наследнику российского престола с письмом из Лозанны 19 января 1748 г. с просьбой о помощи его сестрам, оказавшимся после смерти отца в «самой ужасной» ситуации[26]. Также, по сведениям из газеты Санкт-Петербургские ведомости от 9 декабря 1754 г., *Салерн* состоял в должности цалмейстерского комиссара великого князя. Его имя фигурирует в деле о недействительных векселях, держателей которых просили отдать их, явившись на двор католической кирхи, к камердинеру действительного тайного советника Пехлина. Представители семьи Сальдернов служили в голштинской гвардии Петра III, в списках значились: лейтенант Пауль Каспар фон Сальдерн, корнет Хинрих Георг фон Сальдерн, капитан Кристиан Альбрехт фон Сальдерн, подполковник фон Сальдерн, военный советник (кригс-рат) фон Сальдерн[27].

Летом 1761 г. Каспар фон Сальдерн морем, на корабле, через Выборг, добрался до Санкт-Петербурга. Затем он оказался в свите двоюродного дяди Петра III, принца Георга Людвига Гольштейн-Готторпского, и был поселен вместе с ним в бывшем дворце канцлера А. П. Бестужева, стоявшего на набережной Невы, рядом с Исаакиевским собором, где впоследствии, при Екатерине, размешался Сенат. Сальдерн жил тогда на первом этаже этого здания, как и другие члены свиты, а Георг Людвиг с семьей — на втором. Во время государственного переворота и свержения Петра III Сальдерна не было в Санкт-Петербурге, так как император отправил его на конференцию в Берлин для урегулирования вопроса о бывших шлезвигских владениях[28].

В день переворота 28 июня 1762 г. был арестован принц Георг Людвиг, пожалованный Петром III титулом Высочества

Ил. 1. Дом канцлера А. П. Бестужева. Фасад, обращенный к церкви Святого Исаакия Сенатская площадь, 1. Чертеж из коллекции Ф.-В. Берхгольца
Из книги: Архитектурные чертежи и планы Санкт-Петербурга (1730–1740-е гг.): из коллекции Фридриха Вильгельма Берхгольца, Шведский национальный музей изобразительных искусств. СПб.: Крига, 2017. С. 184

и званием генерал-фельдмаршала. Вооруженные гвардейцы, сторонники великой княгини Екатерины Алексеевны, ворвались во дворец, где он жил, схватили и заключили под стражу. Эти ужасные события описывает в своих воспоминаниях их очевидец — К. Шван [29]. Вскоре принц Георг был освобожден по указу императрицы и назначен администратором Гольштейна, но в 1763 г. он умер. Солдат и офицеров Голштинского корпуса также отправили на родину: из Кронштадта они добирались на небольших морских судах, попали в шторм в районе Ревеля и почти все погибли. В дальнейшем Екатерина II гуманно относилась к офицерам и солдатам голштинских войск, небольшая часть которых остались проживать в Ораниенбауме, в расположенной рядом с императорской резиденцией слободе. Управляющий Ораниенбаумом, назначенный императрицей директором по содержанию и ремонту зданий, обер-гофмейстер И. П. Елагин, получил летом 1768 г. специальный рескрипт с указанием о том, чтобы всех, кто приезжает в Ораниенбаум, обязательно переписывать, но делать это вежливо и обходительно, никого не обижая, в том числе и офицеров голштинской службы Петра III [30].

После низвержения Петра III Сальдерн вновь был приглашен на службу при дворе императрицы Екатерины II, он приехал в конце 1763 г., о чем сообщала газета Санкт-Петербургские ведомости: «В пятницу 7 дня ноября прибыл сюда из Киля по высочайшему Ея

Императорского Величества повелению голштинский действительный тайный советник господин фон Зальдерн, который на другой день после своего приезда представлен был Ея Императорскому Величеству и весьма милостиво был принят».

С этого времени Сальдерн часто бывал в Санкт-Петербурге, приезжая из Голштинии, где он жил, то в поместье Ширензее, приобретенном в 1752 г., то в своем доме в Киле (Flämische Strasse, 21 — дом не сохранился), интерьеры которого были украшены прекрасной обивкой из китайской бумаги, подаренной Екатериной II [31].

При Екатерине II, регентше и опекунше наследного принца Павла Петровича в Голштинии, Сальдерн стал ее представителем в герцогстве и успешно проводил задуманные ею реформы и преобразования, способствовавшие развитию экономики и торговли, денежной системы, земельного законодательства и органов управления, просвещения и благотворительности.

Позднее, когда Сальдерн предложил императрице издать сочинение, посвященное проведенным ею в Голштинии масштабным реформам, Екатерина так ему ответила: «Вы предлагаете мне написать мемуары о временах опеки над моим сыном, но я должна сказать Вам, что, безусловно, никто не в состоянии сделать это лучше, чем Вы, м-р, потому что Вы внесли в это большую часть, только я настоятельно прошу Вас не рядить меня в чужие одежды».[32]

В 1765 г. Каспар фон Сальдерн приехал в очередной раз в Петербург и был допущен ко двору великого князя как «голштинский» наставник, хотя такой должности он официально не занимал. Воспитатель Павла Петровича С. А. Порошин писал в своих воспоминаниях, что в 1765 г. генерал Сальдерн почти ежедневно обедал у великого князя и вместе с Паниным вел с ним продолжительные беседы [33].

В начале 1766 г. Сальдерн был направлен в Копенгаген, как сообщалось в Санкт-Петербургских ведомостях 7 марта 1766 «для отправления там при Датском дворе от Его Императорского высочества порученной ему по Шлезвиг-Голштинским делам комиссии». Тогда же, под присмотром Сальдерна, из Петербурга в Киль для обучения в университете поехали внучатый племянник Н. И. Панина — князь Александр Борисович Куракин, воспитывавшийся вместе с великим князем Павлом Петровичем, и сын сенатора — Алексей Григорьевич Теплов. Выбор учебного заведения был сделан не без участия наставника князя — Григория Андреевича Полетики, брат которого, доктор медицины Иван Андреевич Полетика, состоял профессором

Кильского университета[34]. В июле 1766 г. Куракин и Теплов были зачислены в Кильский университет к проректору, профессору юриспруденции И. В. Гадендаму и к декану философского факультета профессору И. Х. Теннису[35]. Во время своего обучения А. Б. Куракин жил в доме Каспара фон Сальдерна в Киле и в имении Ширензее, а воспитателем к нему был определен младший брат Сальдерна — Христиан Альбрехт (1721–1806), который впоследствии сопровождал молодого князя в заграничных поездках[36].

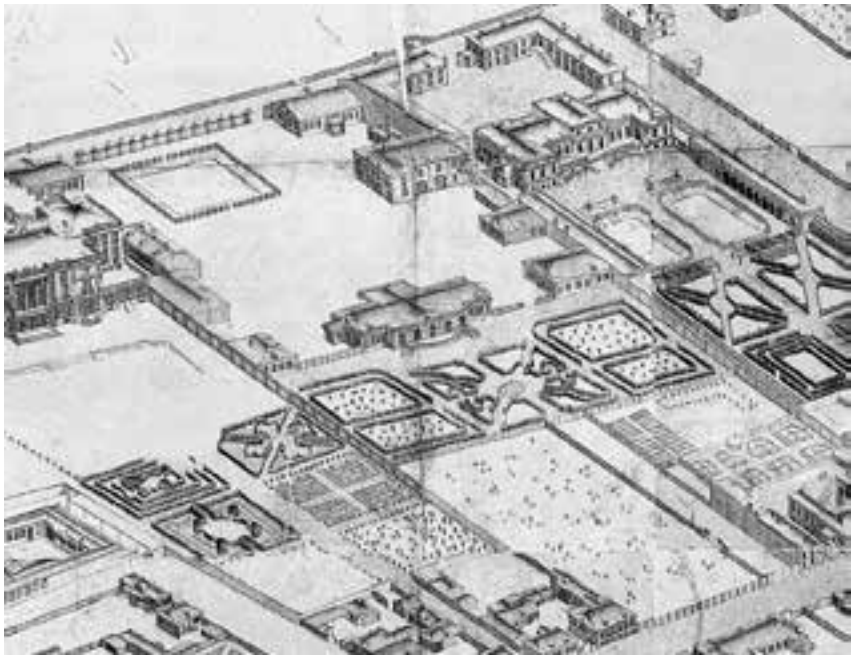
Во время пребывания Сальдерна в Копенгагене Екатерина II заключила с королем Дании Христином VII Предварительный (запасной) трактат от 11/22 апреля 1767 г., предусматривавший отказ от голштинских владений и от претензий по возвращению Шлезвига.

В Петербурге Сальдерн проживал вместе с семьей и слугами в трехэтажном доме с мезонином на набережной реки Мойки, у Синего моста (современный адрес — набережная реки Мойки, 72, известный как дом Российско-Американской компании)[37]. Вероятно, дом был подыскан Сальдерну и арендован на длительный срок у сенатского секретаря Ивана Саввича Ермолаева, не без ведома, возглавлявшего Иностранную коллегию графа Никиты Ивановича Панина, который лично контролировал процесс предоставления жилья для служивших при его ведомстве иностранцев[38]. О том, что там жил Сальдерн, сообщалось в газете Санкт-Петербургские ведомости: от 31 июля 1769 г. — уехал дворецкий Сальдерна Франц Иохим Гумбль, и 27 апреля 1772 г. — уехала проживавшая в доме Сальдерна на Мойке девица Анна Доротея Кигорнин.

Ил. 2. Дом сенатского секретаря И. С. Ермолаева на набережной реки Мойки у Синего моста (вид со стороны двора). Фрагмент аксонометрического плана Санкт-Петербурга П. де Сент-Илера, 1765–1773 гг. Из книги: Аксонометрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 годов (план П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и др.). СПб.: Крига, 2003 С. 75, 78

Участок Ермолаева, второй от Вознесенского проспекта, протянулся от набережной Мойки до Кривой улицы (ныне переулок Пирогова), был разделен на две части с отдельными

Ил. 3. Двор лейб-медика К.-Ф. Крузе (в центре), занимавший территорию от набережной реки Мойки у Синего моста до Большой Мещанской (Казанской) улицы Фрагмент аксонометрического плана Санкт-Петербурга П. де Сент-Илера, 1765–1773 гг. Из книги: Аксонометрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 годов (план П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и др.). СПб.: Крига, 2003. С. 78

домами и хозяйственными постройками: один выходил фасадом на Мойку, а другой был обращен на Кривую улицу. Дом с видом на Мойку был построен в 1760 г. и продан Ермолаевым в 1785 г. церемониймейстеру М. Ф. Кашталинскому[39]. В конце XVIII столетия здание принадлежало А. Р. Воронцову — президенту Коммерц-коллегии, в 1806 г. его дом перешел в собственность Российско-Американской компании. Престижный район третьего квартала Адмиралтейской части города был очень удобен для Сальдерна: недалеко, на Английской набережной, находилась Коллегия иностранных дел и Сенат, рядом, на пересечении набережной Мойки и Вознесенского проспекта, стоял дворец графа И. Г. Чернышева (ныне Мариинский дворец, Исаакиевская площадь, 6). Следующий за двором Чернышева участок по набережной Мойки принадлежал другу Сальдерна, лейб-медику, голштинцу Карлу Фридриху фон Крузе (1727–1799),

Ил. 4. Дом Российско-Американской компании на набережной реки Мойки, 72 Современный вид. Фото citywalls.ru

проживавшему в Санкт-Петербурге с 1750 г. На участке Крузе, занимавшем большую территорию от набережной Мойки до Большой Мещанской улицы, был построен каменный дом («Крузов дом на Мойке») с различными деревянными хозяйственными сооружениями, регулярным садом и осиновой рощей. Крузе был состоятельным человеком и кроме этого участка имел загородный дом на Царскосельской дороге, Вытегорский железный завод и пильный завод в Новгородской губернии.

Несмотря на то, что дом не был его собственностью, Сальдерн имел право предоставлять помещения в нем другим лицам: так, в его отсутствие там проживали московские родственники графа Н. И. Панина — его сестра княгиня Александра Ивановна Куракина с дочерью Аграфеной Александровной Куракиной. Перед приездом Сальдерна из Польши, где он с 1771 по 1772 г. был российским посланником, они должны были искать другую квартиру и переехали в бывший дом М. В. Ломоносова, располагавшийся недалеко. После окончательного отъезда Сальдерна в Голштинию, по сведениям из Санкт-Петербургских ведомостей от 18 октября 1773 г., в его доме проживал князь А. Б. Куракин. В своих письмах из Москвы к графу Н. И. Панину он просил поговорить с Сальдерном о возможности поселения в его доме. Сальдерн ответил, что готов предоставить ему свои личные апартаменты, состоявшие из трех покоев и гостиной [40].

В 1772 г. Сальдерн приехал в Петербург со своей дочерью Агатой фон Шнель и ее гувернанткой Амалией Шнепель. Сцену из их жизни в доме на Мойке можно увидеть на картине, выполненной в 1772 г. художником Генрихом Бухгольцем, где Сальдерн изображен в домашней одежде — халате и ночном колпаке, с традиционной белоглиняной курительной трубкой, а дамы (дочь и гувернантка) — в изящных нарядах [41]. Обстановка комнаты довольно скромная: диван, небольшой чайный столик, позади — письменный стол с большим количеством бумаг и книг; на стене висят на цепочке каретные часы (эта картина Бухгольца находится в частном собрании имения Ширензее).

Сальдерн принимал в своем петербургском доме не только живших в городе соотечественников, таких как голштинец лейб-медик К. Ф. фон Крузе или государственный советник Иоган Генрих (Иван Иванович) фон Крook, служивший в Иностранной коллегии, где он руководил отделением, занимавшимся подготовкой и пересылкой всей связанной с передачей голштинских владений документации [42]. У него часто бывал также и сам граф Н. И. Панин, его племянник А. Б. Куракин, сенатор барон Г. Н. Теплов, граф П. Б. Шереметев, братья З. Г Чернышев и И. Г. Чернышев и другие представители русской знати. Сальдерн особенно сдружился с английским посланником лордом Чарльзом Шоу Кэткартом, что вызывало беспокойство Екатерины II.

К числу давних знакомых Сальдерна относился и Дитрих (Тимофей Иванович) Остервальд (1726–1794), сын секретаря Ревизион-коллегии Иоганна Остервальда (женатого на Катарине Ильзе Фик), приехавшего вслед за Генрихом Фиком из Гамбурга. Он состоял в должности информатора великого князя — преподавателя истории, географии, русского и немецкого языков, а впоследствии стал тайным советником и сенатором, патроном петербургской лютеранской общины Святого Петра с 1767 по 1785 г. Остервальд входил в ближайшее окружение будущего императора до самой его женитьбы в 1773 г. Павел Петрович вел летом этого года в Царском селе дневник, в котором 14 июля записал: «Утром: После обеда мы отправились ко второму лесному домику и там слезли с лошадей. Остервальд, Вадковский, я и Дюфур пошли пешком в одну деревушку искать молока… Мы привезли из деревни молока, хлеба и т. д. Мы было уже взялись за еду, как некоторые из нас заметили, что это, быть может, последняя закуска нашего кружка. Мы все опечалились, так как уже больше десяти лет привыкли быть вместе…» [43].

Подробные сведения о жизни Сальдерна в Петербурге содержатся в мемуарах баденского посланника барона фон Гайлинга [Christian Heinrich Gayling von Altheim (1743–1812)]. Гайлинг в июне 1770 г. прибыл в Петербург из Карлсруэ и находился там по февраль 1771 г., остановился в лучшей в городе гостинице Демута (набережная р. Мойки, 40). О Петербурге Гайлинг написал: «Хотя улицы не все замощены, они широки и прекрасны, усадьбы роскошные, мебель в них, вероятно, превосходит парижскую» [44]. Гайлинг был тепло принят Сальдерном, который охотно показывал ему местные достопримечательности, знакомил с представителями петербургской знати и приглашал к себе в дом на обед. Об одном из приемов

он вспоминал: «17 июня я обедал у г-на фон Сальдерна, камергера великого князя. Общество было немногочисленное, но очень приятное, особенно сам хозяин. Он рассказывал всякого рода истории, много шутил, и умело поддерживал с гостями беседу. После застолья беседа продолжалась в течение многих часов о всякого рода вещах, о военных, галантности, литературе. День закончился партией в вист, в который все здесь играют»[45].

По совету Сальдерна Гайлинг ездил в Царское Село, Петергоф и Ораниенбаум, чтобы посмотреть дворец Петра III и крепость Петерштадт, о которой он писал, что она «не имеет особого значения. Арсенал, который в ней содержится, принадлежит великому князю: в нем можно видеть мундир Петра Великого, образцы турецких лат, немецкое вооружение и т. д. В крепости имеется маленький гарнизон»[46]. Вместе с Сальдерном и его домочадцами Гайлинг осмотрел дворец канцлера М. И. Воронцова (ныне Садовая улица, 26), который его владелец в 1763 г. из-за дороговизны содержания продал в казну. Сначала дворец предназначался наследнику престола великому князю Павлу Петровичу, который должен был там поселиться после женитьбы, но потом предоставлялся для проживания знатным иностранцам, так в 1770 г. там во время своего визита в Петербург жил принц Генрих Прусский. С 1773 г. во флигеле этого дворца расположилась канцелярия графа Н. И. Панина, отравленного в отставку с должности обер-гофмейстера. Ранее эта канцелярия находилась на третьем этаже Зимнего дворца, над апартаментами великого князя Павла Петровича, а комнаты его воспитателя Панина располагались рядом. В канцелярии постоянно находился секретарь Н. И. Панина — русский писатель, немец по происхождению, Денис Иванович Фонвизин. Н. И. Панин очень ценил литературный талант Фонвизина и 19 августа 1772 г. в Царском Селе по его рекомендации впервые была поставлена «придворными фрейлинами и кавалерами» пьеса «Бригадир и Бригадирша»[47]. Назначенный в 1769 г. на должность секретаря Фонвизин выполнял многочисленные дипломатические поручения, переводил с иностранных языков, вел деловую переписку. В одном из своих писем к П. И. Панину, брату Н. И. Панина, он сообщал, что читал реляцию посла Сальдерна, присланную им в феврале 1771 г. из Польши[48]. Летом 1773 г. Фонвизин был вместе с Паниным в Царском Селе, в это время он относился к Сальдерну негативно, считал его интриганом. В донесениях иностранных дипломатов имеются свидетельства, что Сальдерн

был инициатором заговора с целью установления соправительства великого князя вместе с Екатериной II[49].

По достижении совершеннолетия великого князя Павла Петровича принадлежавшие ему наследственные владения в Голштинии были обменены с Данией на герцогства Ольденбург и Дельменхорст, которые в свою очередь передавались епископу Любекскому. Это произошло после подписания 21 мая (1 июня) 1773 г. окончательного трактата в Царском Селе[50]. Сальдерн был одним из разработчиков документа, ему было доверено осуществить практическую передачу земель. С этой важной миссией он с почестями был отправлен 7 августа 1773 г. на военном корабле в Копенгаген, а затем в Голштинию. Австрийский посол князь И.-М. фон Лобкович так описывал церемонию: «Он выехал отсюда три дня назад на датском фрегате, получив от императрицы помимо табакерки с ее бриллиантовым вензелем, еще и подарок в размере 24 тысяч рублей; также по приказу императрицы при его отъезде из Кронштадта его приветствовали залпом из всех канонов, таких почестей никто из послов ранее не был удостоен»[51]. Сальдерн осуществил передачу голштинских владений в указанные сроки, но получив в мае 1774 г. письмо от графа Н. И. Панина с объяснениями причин крайнего недовольства затеянными им интригами, подал сразу два прошения об отставке: одно на имя императрицы, другое на имя великого князя и больше в Россию не возвращался[52].

Последующие годы Каспар фон Сальдерн провел в своем голштинском имении Ширензее, где до сих пор бережно хранятся картины и памятные вещи, связанные с пребыванием в России. Прежде всего, это коронационный портрет Екатерины II работы художника Виргилиуса Эриксена, подаренный ею лично Сальдерну; портрет самого Сальдерна, выполненный этим же знаменитым датским художником; вышеупомянутое изображение Сальдерна с семьей в петербургской квартире кисти Генриха Бухгольца; портрет Петра III художника Иоганна Георга Цизениса; портреты великого князя Павла Петровича, Н. И. Панина, барона Иоганна Альбрехта фон Корфа и другие, а также дорожные (каретные) часы, ценные табакерки, русского производства фарфор и бронзовые светильники[53]. Сальдерн написал мемуары о Петре III и до последних дней с гордостью вспоминал о своем участии в важнейших исторических событиях своего времени, самым значимым из которых для него было составление Царскосельского трактата и обмен голштинских владений[54].

[1] *Похлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. Справочник. Кн. 1. Л., 1995. С. 67.
[2] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1. М., 1894. С. 221.
[3] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 3. М., 1896. С. 78, 79.
[4] Сиверс Петр Иванович // Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 18. СПб., 1904. С. 402–407.
[5] Сборник императорского Русского исторического общества (Сборник РИО). СПб., 1888. Т. 63. С. 509.
[6] *Зурабян Н. М.* Лютеранская церковь Санкт-Петербургской крепости и ее прихожане в царствование Петра I // Немцы в государственности России / Сборник статей под ред. Н. И. Ивановой. СПб., 2004. С. 26–37.
[7] Die St. Petri-Gemeinde. Zwei Jahrhunderte evangelischen Gemeindelebens in St. Petersburg: 1710–1910. St. Petersburg, 1910. P. 15.
[8] *Ларина Я. И.* Двор на набережной. Политическая история одного петербургского дома первой трети XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 99–112.
[9] *Поленов Д.* О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом // Русский архив. 1869. № 11. С. 1729–1766.
[10] *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по1725 год. Ч. I. М., 1857.
[11] Описание коронации Ее Величества Императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в Царствующем граде Москве 7 Маиа 1724 года. СПб., 1724.
[12] Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий / Под общей ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1989. С. 30.
[13] Там же. С. 33.
[14] *Штелин Я. Я.* Записки о Петре Третьем, Императоре Всероссийском // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1866. С. 73.
[15] АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 2712. 1742 г.
[16] ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 971. № 110. Автор статьи благодарна Н. А. Елагиной, заведующей сектором ОР РНБ, за помощь в переводе письма с французского языка.
[17] Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. С. 48.
В 2001 г. во время реставрации Дворцовой площади были проведены археологические исследования под руководством сотрудника Эрмитажа, доктора исторических наук О. М. Иоаннисяна. Под асфальтовым покрытием и слоем земли, на глубине более полуметра, был обнаружен сложенный из известняковых плит фундамент флигеля дворца Анны Иоанновны. Ранее на территории внутреннего двора Эрмитажа сотрудники музея, в том числе археолог, кандидат исторических наук Ю. М. Лесман, исследовали фундамент и цокольный этаж дома А. Ф. Апраксина.
[18] *Brandt O.* Caspar von Saldern und die nordeuropäische Politik im Zeitalter Katharinas II. Kiel, 1932. P. 61–62.
[19] Национальный архив Шлезвиг-Гольштейна (LASH): LASH. Abt. 8.1. Nr. 219. Die Geheime Kanzlei und das großfürstliche Departement zu St. Petersburg sowie die Berufung holsteinischer Räte u. a. an das dortige Hoflager. 1748–1772.
[20] Археологические исследования на территории Восточного крыла здания Главного Штаба в 2009–2011 гг. Предварительные итоги / А. А. Аветиков, С. В. Александров, Н. А. Боковенко [и др.] // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. [№] 2 (охранная археология). СПб., 2011. С. 23, 28. Раскопки велись под руководством археолога В. И. Кильдюшевского.
[21] *Articus R.* Wie die Tonpfeifen in die Lüneburger Heide kamen // Knasterkopf. Mitteilungen für Freunde irdener Pfeifen. Heft 9. Hamburg, 1997. P. 23, 37.
[22] *Бройтман Л. И., Краснова Е. И.* Большая Морская улица. М., 2005. С. 337–339.
[23] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 15. С 1758 по 1762 г. СПб., 1830. С. 875, 876.
[24] *Егоров В. И.* Голштинские войска и дворцовый переворот 1762 года. М., 2015. С. 29.
[25] Allgemeine Deutsche Biographie. Band 30. Leipzig, 1890. P. 213–215.
[26] ОР РНБ. Ф. 971 (Фонд П. П. Дубровского). № 110.
[27] *Егоров В. И.* Голштинские войска и дворцовый переворот 1762 года. С. 106–111.
[28] *Schwan Chr. Fr.* Kurze Nachricht von meinem Leben // Hausblätter. Stuttgart, 1861. P. 159.
[29] Ibid. P. 159–165.
[30] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3 (ч. 114). Д. 61294.
[31] *Seebach C.-H.* Schierensee. Geschichte eines Gutes in Holstein. Neumünster, 1981. P. 34; *Brandt O.* Caspar von Saldern und die nordeuropaische Politik im Zeitalter Katharinas II. P. 291.
[32] Сборник РИО. Т. 118. СПб., 1904. С. 126. Пер. с фр. яз.
[33] *Порошин С. А.* Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича (Неизданная тетрадь Записок С. А. Порошина). 1765 год // Русский архив. М., 1869. № 1. С. 1–64.
[34] Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 5. СПб., 1894. С. XXVII.
[35] Das Album der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel 1665–1865 / Herausgegeben von Franz Gundlach. Kiel, 1915.
[36] Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 5. С. XXIX.
[37] Информация о доме имеется на сайте https://www.citywalls.ru/house1869.html
[38] АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 2484. Записки Н. И. Панина о домах КИД в СПб, июнь 1779 г.
[39] ЦГИА СПб. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 38. Л. 34 об.
[40] Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 7. СПб., 1896. С. 207–211.
[41] *Brandt O.* Caspar von Saldern und die nordeuropaische Politik im Zeitalter Katharinas II. P. XVI, 192; *Seebach C.-H.* Schierensee. Geschichte eines Gutes in Holstein. P. 210, 228, 233.
[42] *Brandt O.* Caspar von Saldern und die nordeuropaische Politik im Zeitalter Katharinas II. P. 264, 268, 271, 274.
[43] *Эйдельман Н.* Твой восемнадцатый век. М., 1986. С. 98.
[44] Записки барона Христиана Генриха фон Гайлинга о поездке в Россию в 1770–1771 гг. / Предисл. П. В. Стегния // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 115.
[45] Там же. С. 116.
[46] Там же. С. 117.
[47] *Кочеткова Н. Д.* Фонвизин Д. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. С. 307.
[48] *Фонвизин Д. И.* Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М.-Л., 1959. С. 360–362.
[49] La cour de Russie il y a cent ans, 1725–1783: extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. [Alexandr Turgenev]. Berlin, 1858. P. 227; Сборник РИО. Т. 19. СПб., 1876. С. 401.
[50] *Зурабян Н. М.* Царскосельский трактат — документальный памятник мирного решения «готторпского вопроса» // Триумф Победы в зеркале искусства: сборник научных статей XXVI царскосельской конференции. СПб., 2020.
[51] Сборник РИО. Т. 125. СПб., 1906. С. 254.
[52] Сборник РИО. Т. 135. СПб., 1911. С. 63, 64.
[53] *Seebach C.-H. Schierensee.* Geschichte eines Gutes in Holstein. P. 208–258.
[54] Saldern, v. Biographie Peters des Dritten. Petersburg, 1800.

Иванова Наталья Ивановна

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИДВОРНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЧАСТИ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА ПО ОТЧЕТАМ 1906–1907 ГГ.

В 1818 г. специализированное медицинское учреждение, обслуживавшее нужды императорского двора и созданное взамен существовавшей ранее в России Медицинской канцелярии, вошло в структуру Главного штаба. Управляющий, лейб-медик императора Александра I Я. В. Виллио, написал первую инструкцию, регламентирующую ее деятельность. В 1826 г. учреждение перешло в ведение императорского двора[1]. В 1888–1898 гг. Медицинская часть именовалась Инспекцией врачебной части. Дальнейшее развитие она получила при управляющем Н. А. Вильяминове (Вельяминове)[2]. С января 1898 г. Вильяминову подчинялся весь медицинский персонал Министерства двора, кроме лейб-медиков, врачей Капитула орденов, Главного управления уделов, Алтайского и Нерчинского округов и Екатеринбургской фабрики. 17 января этого года им устанавливается новое Положение для Придворной медицинской части. Положением, помимо ранее проводимых мероприятий по предупреждению и распространению инфекционных болезней и эпидемий в семье императора и заболеваний сотрудников Министерства императорского двора, вводился санитарный надзор за всеми учреждениями, входившими в состав министерства. Инспекторские проверки проводились ежегодно в казенных помещениях, дворах и квартирах служащих. По итогам проверок составлялись отчеты, в которых указывались выявленные недостатки и результаты проводимых работ. В них, к примеру, отражалось проведение «…систематической организации санитарного надзора, зоркого наблюдения за исполнением установленных санитарных мероприятий и организованной борьбы с заразными болезнями»[3]. В каждом учреждении имелись правила по уборке и содержанию в чистоте и порядке здания, внутренних и наружных систем отопления, вентиляции, канализации. Обнаруженные ранее недостатки, как правило, исправлялись, однако в отдельных случаях этого не происходило. Так, к примеру, отмечалось, что в помещении Придворной

певческой капеллы «в подвальном этаже четыре квартиры, сушилки, в которых живут четыре прачки, две с двумя детьми. 1 августа 1905 г. проводился осмотр комиссией, было выдано Постановление о выселении служащих, но оно не было исполнено»[4]. В отчете также указывалось, что в министерском доме (набережная Фонтанки, 20) «…ремонт служительских квартир производился крайне несвоевременно, когда большинство жильцов уже вернулись с дачи»[5].

На 1 июля 1907 г. в Придворной медицинской части числилось 175 сотрудников. Управляющему подчинялись санитарные врачи, врачи, специализировавшиеся на командировках, врачи-ассистенты, женщины-врачи, лекарские помощники и дезинфекторы, служившие в Санкт-Петербурге, а также медицинский персонал в дворцовых ведомствах Царского Села, Петергофа, Гатчины, на Фарфоровом заводе, в Придворной певческой капелле, придворных конюшнях, Императорской охоте, Дирекции императорских театров, собственных дворцах императорской фамилии, Академии художеств, в придворной аптеке. Во входивших в дворцовые управления императорских резиденциях Гатчины, Царского Села, Петергофа санитарные проверки осуществлялись окружными врачами, состоящими при этих учреждениях. Санитарные городские врачи дворцовых управлений обо всех недостатках докладывали в первую очередь начальникам этих управлений[6].

Особое внимание уделялось учреждениям, расположенным вблизи мест пребывания императорской семьи. К примеру, в 1905 г. санитарные осмотры жилых помещений малолетних певчих Придворной капеллы проводились 15 раз, квартир служащих — 37 раз, врачебные осмотры самих певчих — 1684 раза, детей низших служащих — 116 раз, вновь поступающих малолетних певчих — 24 раза[7].

Санкт-Петербург был разделен на дворцовые округа, в домах которых проживали дворцовые служители, где также проводились инспекторские санитарные проверки. Аналогичные проверки осуществлялись и в Московском дворцовом управлении.

В отчеты входили и статистические сведения о числе инфекционных заболеваний. Большое внимание уделялось предотвращению эпидемий, при этом выделялись заразные болезни, такие как скарлатина, грипп, ветряная оспа, дифтерия, корь, туберкулез. Как отмечалось, причиной простудных заболеваний являлись «неудовлетворительные жилищные условия»[8]. В помещениях, где выявлялись инфекционные заболевания, проводились дезинфекции.

Так, «…в квартире осветителей (Михайловский театр. — *Н. И.*), где были в течение года случаи заболевания скарлатиной и ветряной оспой, потолки были выскоблены и выбелены, стены вымыты щелоком»[9]. В материалах инспекторских проверок отмечены ожидаемые эпидемии. В связи с предполагаемой в 1906 г. эпидемией холеры во всех подведомственных учреждениях императорского двора были проведены упреждающие меры: деревянные выгребные ямы заменены на бетонные с плотно закрываемыми крышками, улучшена канализационная система.

Технические нововведения затронули внутренние домовые сети водоснабжения и канализации, они соединились с городскими наружными сетями. Во многих учреждениях заменили канализационные трубы. Значительное количество помещений обеспечили приточной вентиляцией. Так, например, в 1906 г. провели водопровод и канализацию в квартиру швейцара при манеже Придворной конюшенной части (Шведский переулок, 2)[10], в казармы для рабочих Императорского фарфорового завода с устройством ватерклозетов[11], в три квартиры служителей Академии художеств[12]. В том же году значительные работы были проведены по Царскосельскому дворцовому управлению: «…оборудование в Александровском дворце и Кухонном флигеле подсоединено ко вновь устроенной городской канализационной сети с переустройством в клозетах, ванных и раковинах… очищена электрическая вытяжная вентиляционная камера с установкой нового бумазейного фильтра приточного воздуха. Промыты дезинфицирующим все водоотводящие трубы от раковин, ванн, клозетов. Оборудовано новое помещение для хранения запасных фильтров. Промыты и вычищены водяные баки, расположенные на чердаке. Произведен ремонт в главной кухне и кондитерской Кухонного флигеля. Промыты все отводящие трубы Большого дворца, Полуциркулей и здания Лицея… В Пенсионерскую конюшню дома Дворцового ведомства присоединены к водопроводу и канализации по адресам: дома №№ 20, 21, 22 Малая ул., №№ 14, 15 по Средней ул., №№ 1, 2, 3, 4 по Садовой ул., а также в Придворной булочной, флигеле Прачечного дома, Дежурных конюшнях с надворными флигелями»[13].

Косметические ремонты проводились ежегодно в самих учреждениях и квартирах сотрудников и сопровождались подробными описаниями выполненных работ. Как правило, это были покраска стен и потолков, выборочный ремонт полов и оконных

рам. Санитарным проверкам подлежали прилегающие территории и дворы. Так, во дворах Придворной певческой капеллы «…исправлена мостовая во всех дворах, устроена непроницаемая канализация вместо бывшей деревянной на 4-м дворе»[14].

По результатам проверок санитарных врачей перестраивались помещения и даже закрывались отдельные учреждения. По их настоянию закрыли пекарню в доме Роты дворцовых гренадеров на Гагаринской, 6, расположенную под квартирами № 13, 15, 16, 17, «…так как жители квартир страдали от перегревания и сухости воздуха»[15].

В отчете 1906 г. отмечалось, что санитарные условия в подведомственных учреждениях по сравнению с 1905 г. значительно улучшились. Что важно для проведения дальнейших исследований, благодаря точным описаниям мест проводимых мероприятий, можно узнать конкретные названия и расположение помещений в зданиях. Так, помимо императорских театров — Александринского, Мариинского и Михайловского, санитарные проверки проводились в специализированных мастерских по Тюремному переулку, 3 (сейчас переулок Матвеева), декорационной мастерской на Большой Подьяческой улице, 20, в здании Театрального экипажного заведения на Вознесенском проспекте, 39, в дирекции на Алексеевской улице (сейчас улица Писарева). Очистку помещений театров вели артели плотников. Для улучшения их работы с августа 1906 г. стали использоваться пять пылесосов системы «Атом»[16]. Некоторые замечания Медицинской части по театрам звучат сейчас весьма экстравагантно. Например, было указано «…на необходимость установки в коридорах всех ярусов и во всех фойе эмалированных высоких плевательниц и расклейки аншлагов с надписью „на пол не плевать“ (в настоящее время низкие плевательницы уже поставлены, но аншлаги пока не вывешены)»[17].

В отчетах указывались проведение канализации и водопровода в здания, установка в помещениях вентиляционных устройств. В учреждениях устанавливалось современное для того времени оборудование. Так, кипятильник системы Я. С. Борю[18] был установлен на 1-м этаже смотрительского дома на Елагином острове[19], на кухне Придворной певческой капеллы[20].

Утермарковские печи[21] ставились в учреждениях Царскосельского управления: во 2-м Ново-придворном служительском доме № 10 Дворцового округа № 1[22], в каменном здании для арестантов позади Каретного сарая[23]. Печи системы профессора Лукашевича[24]

установили в помещениях Капитула Орденов (Гагаринская, 6, Шпалерная, 1).

Электрические вентиляторы были вделаны в окна в Кабинете Его Императорского Величества (набережная Фонтанки, 31)[25], в прачечных Иезуитского дома (Итальянская улица, 1)[26], в кухне для высочайших особ и гладильне Аничкова дворца (Невский проспект, 39)[27]. Два вентилятора распределили для установки в 1-й и два во 2-й Большие танцевальные залы Санкт-Петербургского театрального училища (Театральная улица, сейчас — Зодчего Росси)[28].

Было улучшено водоснабжение с установлением фильтров системы Беркефельда[29] на Елагином острове: на первом этаже дома смотрителя, во врачебной приемной, в лакейском флигеле, в квартирах писца и десятника, на втором этаже Кухонного флигеля, в доме главного садовода, в квартире помощника главного садовода, в казарменном помещении[30]. Появление автотранспорта в семье императора потребовало особых условий содержания машин. Так, в Петергофе, «в Александровском парке у Петербургских ворот» построили специализированные здания. «Под постройками находится 700 кв. саж. Это двухэтажный деревянный корпус с жилым верхним этажом… Нижний этаж состоит из моторного помещения, помещения для мытья, мастерской для починок и канцелярии»[31]. Была обнаружена плохая вентиляция в кузнице и мастерской гаража при санитарной проверке в 1906 г.[32] В Царском Селе «…в отчетном (1906 г. — *Н. И.*) году закончена постройка гаража автомобилей Его императорского величества с жилыми квартирами. Здание между казармами Сводно-гвардейского батальона и решеткой Александровского парка… Первый этаж занимали помещение для автомобилей, механическая мастерская, кузница. 2 этаж — шесть однокомнатных квартир и одна казарма для чинов 1-го Железнодорожного батальона. В кухнях пол покрыт метлахской плиткой. Вода проведена во все квартиры. Отопление — центральное, водяное. Канализация — из керамических труб со стоком в коллектор по Кузьминской ул., в мастерской установлена бензиновая динамомашина»[33].

Материалы ежегодных санитарных инспекторских проверок учреждений императорского двора отражали в них повседневную жизнь. Они предоставляют собой интересные документы для определения проводимых работ по внедрению новых материалов и технических усовершенствований. Благодаря точным описаниям

проверок можно узнать конкретный состав помещений, проводимые в них корректировки планировок, ремонтные работы, направленные на повышение комфорта как в жилых, так и в производственных помещениях. По перечислениям проводимых работ можно определить, что забота администрации была направлена, в том числе, и на «низших» служителей императорского двора. Большое значение имеют статистические сведения, входившие в отчеты, по числу инфекционных заболеваний. Они дают представление о наличии и распространении болезней, а также методов борьбы с ними в начале XX столетия.

[1] *Будко А. А.* История медицины в Санкт-Петербурге XIX–XX вв. СПб., 2010. С. 242.

[2] Николай Александрович Вильяминов (Вельяминов) (1855–1920) — инспектор, лейб-хирург двора Е. И. В., доктор медицины, ординарный профессор Военно-медицинской академии, член Военно-медицинского ученого совета, сверхштатный врач Императорской главной квартиры, директор Максимилиановской лечебницы, консультант-хирург Ведомства учреждений Марии Федоровны. Был практикующим врачом. На службе с 13 марта 1877 г., в Министерстве императорского двора с 14 апреля 1894 г. Имел ордена Св. Анны 1 ст., Св. Станислава 1 ст., Св. Владимира 3, 4 ст., французский Черной звезды, датский Даннеброга 3 ст., персидский Восходящего солнца 3 ст., медали в память императора Александра III и войны 1877–1878 гг. (Список членов Министерства императорского двора 1 июля 1907 г. СПб., 1907. С. 141).

[3] *Будко А. А.* История медицины в Санкт-Петербурге XIX–XX вв. С. 245–246.

[4] Придворно-медицинская часть в 1906 и 1907 гг.: отчет инспекции. СПб., 1909. С. 114.

[5] Там же. С. 129.

[6] Список чинов Министерства императорского двора 1 июля 1907 г. СПб., 1907. С. II.

[7] Придворно-медицинская часть в 1906 и 1907 гг. С. 115.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 138.

[10] Там же. С. 117.

[11] Там же. С. 120.

[12] Там же. С. 127.

[13] Там же. С. 265, 266, 268, 270.

[14] Там же. С. 114.

[15] Там же. С. 119.

[16] Домашний пылесос образца 1900 г. под названием «Атом» напоминал титан-кипятильник. Сбоку приделана ручка воздушного насоса, которую крутят вручную. Один человек крутил, а другой собирал пыль с помощью сопла в виде метлы, насаженной на длинный черенок (см.: [Электронный ресурс]. URL: https://santi.com.ua/numbers/ind1/ind1s6.html (дата обращения 19.06.2022).

[17] Придворно-медицинская часть в 1906 и 1907 гг. С. 138.

[18] Там же.

[19] Там же. С. 133.

[20] Там же. С. 114.

[21] Иоанн Генрих Утермарк — чиновник, печной мастер, московский архитектор. Усовершенствовал голландскую печь, предложив облицовывать ее листовым железом и устраивать внутри воздушную камеру, которая была дешевле и легче. В 1820 г. изобрел печи, сложенные в круглом футляре из кровельного железа, которые к 1846 г. распространились всюду. Стенка печи Утермарка составлялась из ¼ кирпича, топливник — ½ кирпича, благодаря чему помещение быстрее нагревалось (см.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.pechsovet.ru/articles/russkaya-pech-s-ochagom-i-pechi-i.g.-utermarka--nadvorcovoy-telegrafnoy-stancii-v-petergofe-iz-istorii-pechnogo-otopleniya--v-rossii.25.html (дата обращения 30.04.2022).

[22] Придворно-медицинская часть в 1906 и 1907 гг. С. 129.

[23] Там же. С. 266.

[24] Там же. С. 128. Сильвиуш Болеславович Лукашевич (1850–1912) — инженер-архитектор, инженер путей сообщения. В 1868–1873 гг. учился в Строительном училище в Санкт-Петербурге. С 1875 г. читал здесь курс отопления и вентиляции. В 1876 г. получил звание инженера путей сообщений. Советом училища удостоен степени инженер-архитектора и назначен преподавателем по проектированию мостов, железных дорог, а также по отоплению и вентиляции. В 1877 г. командирован с научной целью за границу. В 1880 г. опубликовал «Курс отопления и вентиляции», где в разделе «Печное отопление» изложил теорию расчета всех элементов отопительных печей. С 1881 г. член Петербургского общества архитекторов. С 1882 г. экстраординарный профессор Института гражданских инженеров. Им разработаны учебные пособия: «Курс отопления и вентиляции», «Курс строительной механики», «Устройство хлебопекарных печей». В 1885 г. учредил «Товарищество по устройству отопления и вентиляции зданий Лукашевич и К°». Товарищество исполнило следующие работы: комнатные печи и калориферы в собственных императорских покоях в Аничковом дворце; система пневматического отопления с вентиляцией в конюшнях при дворце Великих князей Алексея Александровича и Владимира Александровича в Царском Селе, в Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе; система водяного, пароводяного и парового отопления в собственном Е. И. В. Аничковом дворце и т. д. (см.: [Электронный ресурс]. URL: https://snor.ru/index-an=pers_237.html (дата обращения 10.06.2022).

[25] Придворно-медицинская часть в 1906 и 1907 гг. С. 120.

[26] Там же. С. 124.

[27] Там же. С. 125.

[28] Там же. С. 134.

[29] Вильгельм Беркефельд (Wilchelm Berkefeld, Биркенфельд) (1836–1897) — немецкий инженер, владелец шахты под Ганновером. В 1891 г. изобрел фильтр для бактериальной очистки воды. Корпус фильтра состоял из 2 металлических цилиндров; верхний цилиндр заполнялся неочищенной водой, в его нижней части находилось несколько отверстий, снабженных фарфоровыми фильтровальными колоннами. Вода протекала сквозь фильтры, очищалась и стекала в нижний цилиндр. Некоторые из первых фильтров Беркефельда были использованы во время эпидемии холеры в 1892 г. в Гамбурге (см.: [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.efacbd12–627f4876-c41030bb-74722d776562/, https/en.wikipedia.org/wiki/Berkefeld_filter (дата обращения 14.05.2022).

[30] Придворно-медицинская часть в 1906 и 1907 гг. С. 133.

[31] Там же. С. 256.

[32] Там же. С. 265, 266, 268, 270.

[33] Там же. С. 117. Первый гараж в Царском Селе по адресу Академический пр., 4 возвели в 1906 г. по проекту архитектора С. Данини. Строение имеет два этажа. В нижнем этаже по всему периметру располагались автомобильные боксы, мастерские и каретный сарай, здесь же размещались и подсобные службы. Верхний этаж был жилым и предназначался для служащих. Второе здание гаража по Академическому пр., 2 — в 1907–1908 гг. арх. В. А. Липский. Здесь разместились канцелярия, цейхгауз, кладовые, малярная и столярная мастерские, кабинет начальника технической службы и личного шофера императора Николая II А. Кегресса (позднее постройка получила неофициальное название «дом Кегресса»). Строительство третьего здания по Академическому пр., 6, так называемый «Белый гараж», началось в 1913 г. Автором проекта выступил архитектор Петергофского дворцового управления А. К. Миняев. Здание «Белого гаража» решено в неоклассическом стиле. Внутреннее пространство представляет собой единый зал-манеж на 40 автомобилей, перекрытый легкими металлическими фермами с фонарем верхнего света. Конструкции спроектировали инженеры фирмы Ф. Сан-Галли специально для этого здания. «Белый гараж» был оснащен по последнему слову техники электромеханическими подъемными воротами, оборудованием для мойки автомобилей струей воды под давлением, электрической системой вентиляции, паровой системой отопления и всевозможными станками (см.: [Электронный ресурс]. URL: https://www.sobaka.ru/city/city/93159 (дата обращения 21.08.2022).

Исаченко Татьяна Александровна

«КНИГА ЭТА — В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИЗЯЩНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ АЛЬБОМ…»

ПАМЯТНАЯ АНТОЛОГИЯ ГРАФИНИ А. А. ТОЛСТОЙ КАК АТРИБУТ ДОСУГА И БЫТА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ*

Начиная с 2018 г. в поле нашего зрения находятся памятные литературные антологии, в составлении которых принимали самое непосредственное участие две великие княжны, двоюродные сестры, внучки императора Николая I — принцесса Евгения Ольденбургская и великая княжна Ольга Константиновна (в замужестве — Ее Королевское Величество Королева эллинов). Обе литературные антологии детально описаны нами по экземплярам, хранящимся в Российской государственной библиотеке [1].

Дворцовая «повседневность», бытовая сторона дворцовой жизни — темы, вынесенные организаторами конференции на обсуждение, вносят дополнительный вектор в изучение литературного альманаха 80-х гг. XIX в., представленного великокняжескими литературными антологиями. Предмет рассмотрения данной статьи — раритетные экземпляры альманаха «Дума за думой», выпущенного в 1885 г. «Товариществом М. О. Вольф» с благотворительной целью (ил. 1). Расширенный библиографический поиск, направленный на выявление сохранившихся экземпляров издания в книгохранилищах музеев, библиотек и архивов, позволил выявить значительное число экземпляров, прояснить историю создания и назвать имя непосредственной составительницы оригинальной поэтической антологии — фрейлины императорского двора, графини Александры Андреевны Толстой.

По мере того как умножаются наши знания об издании 1885 г., увеличивается количество выявленных экземпляров, хранившихся в дворцовых и усадебных библиотеках. Книги получили распространение в придворных кругах, отчего часть сохранившихся

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-09-41021 «Императорская коллекция в подносных экземплярах Великих княжон (По материалам российских, зарубежных библиотек и аукционных продаж)».

экземпляров, связанных с кругами белой эмиграции и заполненные автографами известных лиц, оказалась в фондах не только крупнейших библиотек России, но также ближнего и дальнего зарубежья [2].

Ил. 1. Титульный лист антологии «Дума за думой. Памятная книга на каждый день». (СПб.: Изд-во Товарищества М. О. Вольф, 1885)

«Памятная книга на каждый день» имеет поэтический заголовок «Дума за думой», указывающий на чередование «дум» (избранных мест из русской поэзии XIX в.), возводит генезис антологии-календаря к средневековым флорилегиям («цветникам»), в итальянском просторечии именуемым солянками (цибальдон, Zibaldone). Составитель одного из образцов подобного жанра — Дж. Ручеллаи — определил жанр представленной им рукописи как «салат из множества трав»[3]. Книга памятных записей на каждый день — это способ их увековечить: наполнить сентенциями, заметками, пословицами, афоризмами, максимами, цитатами, письмами, стихами, молитвами, юридическими формулировками и даже рецептами, представленными в отрывках. Поэтические строфы подобных компендиумов, как правило, заучивались наизусть, к ним можно было вернуться за новым вдохновением. Со времен Бэкона и Мильтона подобные сборники обязательно включались в программу классической риторики, являясь популярным и почти забытым сегодня методом обучения.

При желании подобный вид книги можно отнести к жанру интеллектуального дневника. В предшествующих публикациях мы привели примеры заполнения упомянутых книг. У каждого альбома есть своя «ключевая дата». День рождения владельца или владелицы альбома. Кроме того, как было отмечено при описании личного экземпляра великой княжны Анастасии, поэзия XIX в. «накладывается» на даты, за которыми «проглядывают» личности венценосных особ. Обратимся к текстам, чтобы проиллюстрировать нашу мысль.

Так, на дату 17 апреля (день рождения императора Александра II Освободителя) в литературной (печатной) части альбома-альманаха помещены две строфы — из М. П. Розенгейма[4] и А. К. Толстого: «…Хвала и честь тому / Тому, кто, как пророк евреям Богом данный, / Воздвинул свой народ от рабства и ему / Открыл широкий путь в земле обетованной» (М. П. Розенгейм), «И в Русь милосердия внес он закон» (А. К. Толстой).

Страница 27 июля[5] увенчана текстом Ф. И. Тютчева, посвященным императрице Марии Александровне: «Как неразгаданная тайна, / Живая прелесть дышит в ней / Мы смотрим с трепетом тревожным / На тихий свет ея очей. / Земное ль в ней очарованье / Иль неземная благодать? / Душа хотела б ей молиться / А сердце рвется обожать…», с подписью «3 ноября 1864 г.» — дата создания стихотворения.

На день рождения императора Александра III помещены строки Вяземского и Хомякова: «Народная любовь — сокровище Царей». (П. А. Вяземский. 16 апреля 1866 г.); «Наша сила, Русский крест!» (А. С. Хомяков «На перенесение Наполеонова праха», 1840 г.).

Сборники подносились для заполнения их автографами лицам из ближайшего окружения по выбору. Сохранилось любопытная запись на 19 мая, внесенная в альбом «Дума за думой», хранящийся в библиотеке ИРЛИ РАН (шифр 26 8/22, записи 1887–1888, 1890 гг.). Шуточная стихотворная запись точно передает атмосферу в момент ее внесения в альбом:

Напоили меня, накормили меня
День рожденья учтиво спросили,
Приказали стихом обезсмертить себя
И за письменный стол усадили.

Что-ж, сказал я, могу, что могу написать?
Что бы стоило молвить стихами?
Стану повара Вашего я расхвалять
И скажу, чтобы сущую правду сказать,
Что красна здесь изба пирогами.

Всего альманах-календарь ИРЛИ содержит 42 записи, многие из которых внесены 29 декабря 1887 г. Можно предположить, что в этот день праздновали рождение владелицы альбома — некой Китти, оставившей свое имя на странице «своего» дня — 29 декабря.

Процитированное стихотворение-экспромт принадлежит А. Бобри<нскому>, запись внесена в том же декабре 1890 г. на «свой» день — 19 мая. Вечер, устроенный, вероятно, по случаю дня рождения владелицы альбома, соответствовал канону званого торжества: бал, праздничное угощение, шарады, альбом — непременные развлечения и досуг молодежи тех лет. Альбом — изысканная новинка в 1887 г., его популярность была очень велика.

Владельческие и дарственные записи, элементы оформления и внутренние признаки в большинстве случаев позволяют точно атрибутировать принадлежность экземпляров. При поднесении книг членам императорской семьи мы безошибочно узнаем имя владельца и, достаточно часто, обстоятельства дарения. «В них хранились мысли, впечатления, стихи, напутствия, благодарности, шутки, сказанные порой невзначай, а порой обдуманно и серьезно — в зависимости от человека, его настроения, обстановки. Альбомы эти являли собой характер взаимоотношений между людьми и часто — значительными. Иной раз они оставались неизвестными десятилетия после смерти владельцев, а потом издавались»[6].

Экземпляр великой княжны Анастасии хранится в ОР РГБ[7] и относится к редким документам эпохи. Он стоит в одном ряду с записной книжкой автографов раненых офицеров, находившихся на лечении в госпитале Большого Екатерининского дворца в Царском Селе[8]. Однако дневник Анастасии гораздо шире записной книжки, он заполнен автографами тех, кто был рядом с семьей русского царя в 1912–1918 гг., принял мученическую кончину, разделив судьбу царской семьи, погиб на полях сражений в годы Гражданской и Первой мировой войны, умер от ран, сгинул в тюрьмах Румынии… Этот альбом в большей своей части — мартиролог по убиенным и замученным. Он помогает восстановить правду, назвать имена, проследить судьбы ближайшего окружения императорской семьи — фрейлин и комнатных девушек великих княжон и императрицы, офицеров Собственного Е. И. В. Конвоя и Федоровского лазарета, тесными узами связанных с жизнью семьи.

Антологию 1885 г. открывает титульный лист, на котором посеребренной вязью выведено: «Дума за думой: Памятная книга на каждый день. Издана под покровительством Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской в пользу Дома милосердия. СПб., издание Товарищества М. О. Вольф, 1885». На дополнительном листе — эпиграф: «Дума

за думой, лица за лицами / Милые тут имена; / Книга настольная — жизни страницами, / Памятью сердца полна»[9].

Книга предназначена для памятных записей, и эпиграф прямо связывает ее содержание с «памятью сердца». В принадлежавшем великой княжне Анастасии экземпляре автографами заполнены примерно две трети страниц, записи вносились в период с 1912 по 1917 г. (одна из записей была внесена ранее остальных — 18 января 1909 г., когда книга была, вероятно, подарена императорской чете). Всего здесь 114 автографов, но очевидно, что альбом заполнен не полностью. На обороте верхней крышки книги детской рукой выведено «Отъ Мама и Папа Анастасіи Романовой. Петергофъ. 5 июня 1912. — Царское Село»[10] — свидетельство того, что книга была передана великой княжне Анастасии Николаевне родителями на 11-летие.

Мистическое впечатление, которое производят тексты, соотносимые с автографами царственных мучеников и лиц из их ближайшего окружения, усиливается приуроченностью этих записей к строго определенным датам годового круга. Пересечение имен, поэтических образов дат и событий позволяет рассматривать альбом не только как уникальный фактографический источник, но и как метатекст, в полифонии которого прочитываются актуальные для современности темы.

Имя непосредственной составительницы альманаха «Дума за думой» — графини Александры Андреевны Толстой — до недавнего времени было заслонено титульным указанием на имя высочайшей покровительницы издания, принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской (ил. 2). (Действительно, принцесса Евгения оказалась самым непосредственным образом причастна к появлению издания. Она финансировала его, и, разумеется, имя тети Eugenie предопределило появление книги в нескольких дворцовых и многочисленных усадебных библиотеках России, способствуя формированию литературного вкуса в частных домах и учебных заведениях, попутно отражая весь тот охват интересов, которой был присущ самой Евгении Ольденбургской. Внучка Императора Николая I от любимой дочери великой княгини Марии Николаевны (1819–1876), великая княжна Евгения провела свое детство в Мариинском дворце, подаренном ее матери дедом-императором. Девочка получила прекрасное образование (в том числе и художественное), обладая теми природными качествами, которые позволили ей, выйдя замуж за принца Александра Петровича Ольденбургского (правнука Павла I), включиться

в ту благородную деятельность на ниве отечественной благотворительности, которая осуществлялась по призванию.

Ил. 2. Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская и графиня Александра Андреевна Толстая

Мы склонны допустить, что высочайшая покровительница издания 1885 г., принцесса Евгения Ольденбургская, принимала самое непосредственно участие в появлении альманаха «Дума за думой» не только идеей его создания, но художественным решением. Будучи высокоодаренной натурой, она, как известно, сама неплохо владела кистью. В справочнике художественных изданий Попечительского комитета о сестрах Красного Креста, изданного в 1915 г. под покровительством принцессы Евгении, на 77 странице представлен перечень отпечатанных по рисункам принцессы открыток (ил. 3). Здесь же представлены открытки, изданные по рисункам великой княгини Елизаветы Федоровны и великой княгини Ольги Александровны[11].

В оформлении книги «Дума за думой» нами обнаружены скрытые автографы принцессы Евгении. На страницах 109 и 135,

Ил. 3. Открытое письмо с «авторским знаком» — вензелем ЕМ (Е. М. Ольденбургская) в правом нижнем углу открытки. ОР РГБ. Ф. 253. П. 16. Ед. хр. 11

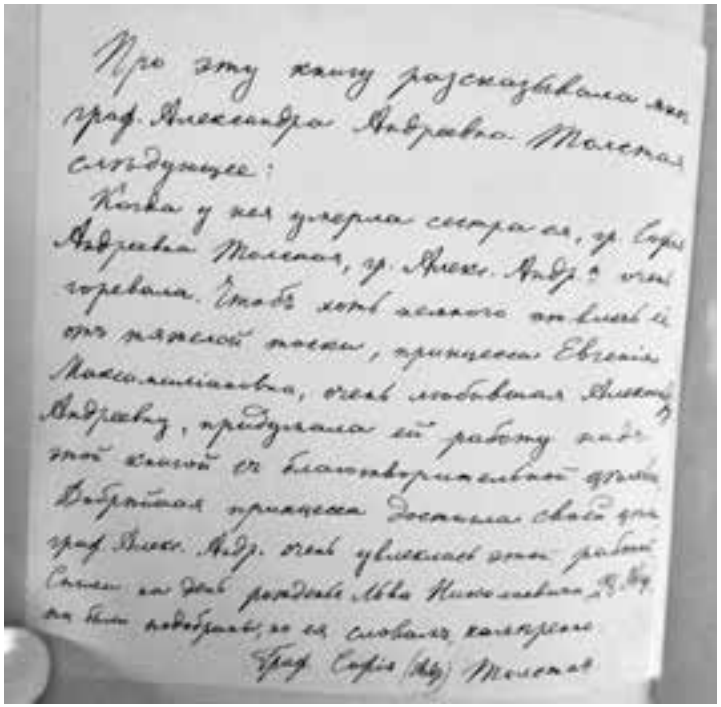
при внимательном рассмотрении, в отростках виноградной лозы, спускающихся вниз, можно увидеть переплетение инициалов ее имени — ЕМ. Подобные криптонимы присутствуют на открытке, отправленной принцессой Евгенией великому князю Сергею Александровичу в июле 1900 г.[12] Открытка была отпечатана в картографической типографии А. А. Ильина[13] и вложена в конверт с отправленным письмом. На открытке изображена царевна допетровской Руси, а в правом нижнем углу можно заметить едва различимый «авторский знак» — вензель ЕМ. Удалось установить, что это одна из 22 акварелей, авторство которых закреплено за принцессой Евгенией в указанном справочнике[14].

Однако ничуть не меньший интерес представляет заслоненное указаниями титульного листа имя непосредственного автора «идеи» «Памятной книги» — графини Толстой, и мы позволим себе обратить на это внимание.

Сохранился редкий автограф С. А. Толстой на переплете экземпляра, хранящегося в библиотеке в Ясной Поляне и, вероятно, подаренного семейству Толстых составительницей в один из приездов[15]. Согласно этой записи, поводом для начала работы стали некоторые обстоятельства, о которых поведала Софья Андреевна, сославшись на разговор с графиней А. А. Толстой: «…Рассказывала мне граф<иня> Александра Андреевна Толстая следующее. Когда у нее умерла сестра ее граф<иня> София Андреевна Толстая[16], граф<иня> Алекс<андра> Андр<еевна> очень горевала[17]. Чтобы хоть немного отвлечь ее от тяжелой тоски, принцесса Евгения Максимилиановна, очень любившая Александру Андреевну, придумала ей работу над этой книгой с благотворительной целью. Добрейшая принцесса достигла своей цели, граф<иня> Алекс<андра> Андр<еевна> очень увлеклась этой работой. Стихи на день рождения Льва Николаевича, 28 августа были подобраны, по ее словам, намеренно» (ил. 4).

Итак, начало работы над книгой «Дума за думой» имеет точкой отчета, по-видимому, конец 1870-х гг., время личных утрат графини Толстой: смерть отца в 1879 г., одной из сестер, кончина императрицы Марии Александровны в 1880 г., убийство императора Александра II в 1881 г. В силу своего положения при дворе графиня воспринимала эти трагедии так же тяжело, как потерю близких.

Годы работы над альманахом «Дума за думой» совпали с важными событиями в жизни России: прогремевший в январе 1878 г. выстрел Веры Засулич, оправданной присяжными, открыл путь терроризму, последовал ряд покушений на царскую семью. Именно

Ил. 4. Форзац книги «Дума за думой» в записи Софьи Андреевны Толстой
Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». Инв. № 107167

на этот период приходятся начавшиеся расхождения с Л. Н. Толстым, с которым она находилась в многолетней переписке, по вопросам веры, вызванные искажением и произвольным истолкованием писателем догматов православия. Все это не могло не вызывать глубокую озабоченность Александры Андреевны — отсветом грядущего, которое она в какой-то степени предвидела (в 1901 г. Толстой был отлучен от церкви и от причастия, его пример стал заразителен для русского общества).

На день 28 августа — дату, о которой говорит в своей записке С. А. Толстая, день рождения Л. Н. Толстого — в альбоме помещены строки Л. А. Мея: «Изредка снова былые сомнения к нему возвращались / Снова вопросы тревожно с душевного дна поднималась / В присных вопросах природы отыскивал снова / Он вековечное Слово». Как показал анализ текстов, подбор включенных в альманах стихотворений и во всех других случаях является глубоко продуманным, каждое стихотворение соответствует той странице

и дате, на которой оно помещено. Эти даты связаны с событиями — рождением, крещением, венчанием, коронованием, кончиной, и в самом расположении текстов просматривается внутренняя логика, которая угадывается в перекличке января и декабря.

Образ мчащейся вдаль ладьи, устремленной в будущее под русскими парусами Божьей правды и любви (текст январского шмуцтитула — стихотворение А. Хомякова, 1858 г.): «Парус поднят; ветра полный, / Он канаты натянул / И на ропщущие волны / Мачту длинную нагнул. / Парус русский. Через волны / Уж корабль несется сам. / И готов всех братьев челны / Прицепить к крутым бокам. / Поднят флаг: на флаге виден / Правды суд и мир любви. / Мчись, корабль: твой путь завиден… / Господи, благослови!» резко контрастирует с образом кибитки, мчащейся по скользкой крутизне разбитой дороги (декабрьский шмуцтитул — стихотворение князя П. А. Вяземского «Ухабы. Обозы» из цикла «Зимние карикатуры», 1828 г.): «Какой враждебный дух, дух зла, дух разрушенья, / Какой свирепый ураган / Стоячей качкою, волнами без движенья / Изрыл сей снежный океан? / Кибитка-ладия шатается, ныряет: / То вглубь ударится со скользкой крутизны, / То дыбом на хребет замерзнувшей волны / Ее насильственно кидает… <…> Покажется декабрь — и тысяча обозов / Из пристаней степных пойдут за барышом, / И путь, уравненный от снега и морозов, / Начнут коверкать непутем…».

Следует еще сказать, что представленная в альманахе поэзия несет яркий отпечаток не только личного литературного и художественного вкуса Alexandrine, но отражает и выбор ее ближайшего окружения, включая членов императорской семьи. Толстая, как известно, была воспитательницей дочери великой княгини Марии Николаевны — Марии Максимилиановны (сестры принцессы Евгении), около 15 лет она жила вместе со своей воспитанницей в Мариинском дворце. Когда дети подросли, Alexandrine получила должность воспитательницы великой княжны Марии — любимой дочери Александра II. Соответственно, круг ее тесного общения составляли дети императоров, сами будущие монархи.

Графиня Толстая была дружна с художниками, поэтами, писателями, с некоторыми из них она была в родстве, сама была высокоодаренной натурой. Она дружила с Ф. П. Толстым и Ф. И. Тютчевым, В. А. Жуковским и М. Н. Загоскиным, Н. П. Павловым и П. Я. Чаадаевым, А. С. Хомяковым и А. Н. Майковым, Я. П. Полонским и А. К. Толстым. Как и Евгения Ольденбургская, она неплохо рисовала[18]. Судя

по тому, что в составленном Толстой литературном альманахе присутствуют многие стихотворения П. А. Вяземского, вполне вероятно, что и он входил в круг общения Alexandrine. С Пушкиным, как известно, Александра Андреевна однажды танцевала 9-летней девочкой[19].

Она хорошо знала И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. А. Мея, общалась с Ф. М. Достоевским, передав, незадолго до его кончины, несколько смущавших ее писем Л. Н. Толстого. Используя свои связи, А. А. Толстая много раз хлопотала по делам писателей перед высочайшими особами, помогая им «в минуту жизни трудную».

Лично общавшийся с А. А. Толстой И. Н. Захарьин (Якунин) посвятил ей очерк, в котором писал: «Это только немногие черты из жизни этой замечательной русской женщины минувшего века, так высоко стоявшей и сумевшей сохранить на этой высоте все лучшие духовные стороны человека: выдающийся ум, разностороннее образование и солидную эрудицию, — все это у нее соединялось с неизменной приветливостью, бесконечною добротою сердца и чуткой отзывчивостью на все скорби родины»[20]. Весьма показательна оценка графини Толстой А. А. Половцовым, который, в свойственной ему манере ядовитого сарказма, все же выделил, на наш взгляд, важнейшую роль Толстой при дворе: «Это был коновод подтасованных ею будто бы представителей *русского* при дворе настроения… (курсив мой. — *Т. И.* В оригинале — с большой буквы)»[21].

На день рождения принцессы Евгении Ольденбургской, покровительницы издания, 20 марта, графиня Толстая публикует строфу из стихотворения князя Вяземского: «В васъ много женственности милой / Но есть и мужественный складъ, / Есть прелесть съ внутреннею силой, / Обвитый розами булатъ»[22].

На день кончины императрицы Марии Александровны, 22 мая, читателям предложена строка И. И. Козлова: «И мысль одним была полна, / Желал быть чистым, как она, / И с жизнью радостно проститься!..»[23].

На день 25 июня[24] она включила строки П. А. Вяземского из его стихотворения «Императрица»[25]: «Молись! Дает молитва крылья / Душе, прикованной к земле, / И высекает ключ обилья / В заросшей тернием скале. / Она — покров нам от бессилья. / Она — звезда в юдольной мгле».

На день рождения своей воспитанницы, великой княжны Марии Александровны[26], 5 октября, цитируются строки того же Вяземского: «Высоких дум и прелесть и согласность, / Любовь к добру,

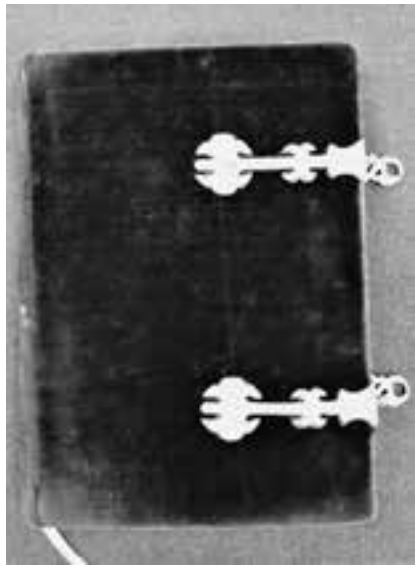
смиренье с правотой, / И тихая, безоблачная ясность / Души ея младенчески-простой». Второй отрывок — из графа А. К. Толстого: «Господь благослови / Тебя, царевна наша, Божья пташка, / Весенний цветик наш!».

Ряд этих соответствий без труда можно продолжить, если знать внутренний месяцеслов предпочтений составительницы. Задача такого «распознавания» представляется важной и интересной, и в дальнейшем мы намерены представить полный ряд соответствий имен и дат. В этом могут помочь записные книжки А. А. Толстой, хранящиеся сегодня в рукописном отделе Пушкинского Дома (ил. 5–6).

Итак, с точки зрения историко-филологической, книга «Дума за думой» имеет весьма интересное наполнение: литературная составляющая альбома коррелирует с календарной составляющей, исходя из личного выбора составительницы. Завершая страницу, посвященную альманаху «Дума за думой», мы отметим еще один день, отмеченный графиней Alexandrine соответствующим текстом. Это день 6 мая, являющийся днем рождения первенца императрицы Марии Федоровны и императора Александра III, цесаревича Николая Александровича, будущего императора. В свой альманах, как предзнаменование, Alexandrine внесет строки графа А. А. Голенищева-Кутузова: «Чтоб горю земному и дольним слезам / Никогда не достичь до него». Забегая вперед, отметим, что в альбоме своей младшей дочери Анастасии Николай II на дату 6 мая оставит автограф: «Папа. Июль 1912. Рейдъ Штандартъ». Поставит свою подпись под «своим» числом 25 мая и государыня императрица («Мама»).

Мы не намерены подробно останавливаться на историко-богословском аспекте, связанном с эволюцией альманахов во времени. Отметим лишь, что генетическая связь русского «великокняжеского» альманаха 1880-х гг. со средневековыми альманахами-календарями реализуется и в альманашном энциклопедизме, и в праздничной семантике («в честь», «по случаю»), интенции обозреть состояние словесности за отчетный временной промежуток. Переходность и неустойчивость заложена в структуре альманаха как комбинированного «собрания отрывков разных авторов», что проявляется в подвижности границы, отделяющей альманах от изданий смежных типов, относительно свободных сроках издания, жанровой пестроте, «отрывочной» структурной организации [27].

В настоящее время выявлены и изучаются экземпляры, хранящиеся в Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке, рукописном отделе и в библиотеке Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (из библиотеки А. Ф. Онегина), Государственном музее А. С. Пушкина (из библиотеки П. В. Губара), Государственном историческом музее (из библиотеки А. П. Бахрушина), Ивановском государственном историко-краеведческом музее (из библиотеки Д. Г. Бурылина), Музее-усадьбе «Ясная Поляна» (из библиотеки Л. Н. Толстого), Государственном мемориальном и природном музее-заповеднике А. Н. Островского «Щелыково» (из усадебной библиотеки).

Ил. 5. Дневник (записная книжка) А. А. Толстой. ОР ИРЛИ. Ф. 300. № 3. 1859 г.

Ил. 6. Страницы 208–209 дневника А. А. Толстой на 27 и 28 июля ОР Пушкинского Дома. Ф. 300. № 3. 1859 г.

Пытаясь определить место альманахов-«восьмидесятников» в литературной традиции, мы должны указать на важнейшую из их характеристик, связанную с сакраментальностью. Помимо отмеченных нами ранее совпадений и логических цепочек, можно указать на ряд признаков, выделяющих альманахи этого времени от альманахов пушкинской эпохи: тексты заполняют страницы в последовательности месяцев и дней годового круга. Этот минейный принцип заполнения «входящими» записями дает несколько уровней прочтения. Общее настроение, которым проникнуты оба великокняжеских альбома, точно выражено текстом Хомякова на дату 29 декабря: «По земле ходит Слово Божие / Греет жизнию, светит радостью».

Из сказанного видно, что анализ «памятных книг» говорит о создании целостного литературно-публицистического образа альманаха нового типа. Этот феномен проливает свет на эволюцию жанра и литературные вкусы дома Романовых, а исследование календарных литературных альбомов представляется важным шагом в раскрытии историко-культурного и религиозного наследия России.

[1] *Исаченко Т. А.* Неизвестный альбом великой княжны Анастасии. 1912–1917 гг. // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 61–81; *Исаченко Т. А.* Памятные записи как мегатекст: опыт многоуровневого прочтения альбома-календаря Великой Княжны Анастасии // Культурное наследие России. 2018. № 4. С. 43–59; *Исаченко Т. А.* Именослов альбома Великой княжны Анастасии Николаевны: памятные записи как мегатекст // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 2 (20). С. 1–10; *Исаченко Т. А.* Личный альбом Великой Княжны Анастасии Николаевны: поэтическая антология или книга памяти? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 245–267; *Исаченко Т. А.* Императорская коллекция: альбом великой княжны Ольги Константиновны — «Королевы эллинов» литературный альманах или книга памяти? (экземпляр цесаревича Николая Александровича) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 276–294; *Исаченко Т. А.* Письма принцессы Евгении Ольденбургской к великому князю Сергею Александровичу в фонде 253 Отдела рукописей РГБ // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2022. № 3 (42). С. 302–305.

[2] *Нещерет М. Ю.* «День за днем»: в поисках экземпляров раритетного альбома // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2022. № 3 (42). С. 314–318.

[3] Джованни ди Паоло Ручеллаи (1403–1481, Флоренция); *Kent, D. V.* Cosimo de' Medici and the Florentine Renaissance: the patron's oeuvre. New Haven, 2000. P. 69.

[4] Михаил Павлович Розенгейм (1820–1887) — русский поэт, публицист и переводчик; генерал-майор (1883).

[5] День рождения императрицы Марии Александровны — 27 июля 1824 г.

[6] *Киселева Е. Г.* Рассказы о дяде Гиляе. М., 1983. С. 194.

[7] ОР РГБ. Ф. 492. Дворцовые библиотеки. № 23.

[8] Записная книжка сохранилась в Государственном архиве РФ в фонде императрицы Александры Федоровны (Ф. 40. Оп. 1. Д. 18). Записи сделаны в период с 30 декабря 1914 г. по 15 октября 1916 г. Материалы опубликованы: Августейшие сестры милосердия / [авт.-сост. Зверева Н. К.]. М., 2006.

[9] ОР РГБ. Ф. 492. Дворцовые библиотеки. № 23. Л. 4.

[10] Даты в альбоме выстроены в системе старого стиля по юлианскому календарю, с разницей в 12 дней для XIX в. и 13 — для XX в.

[11] Справочный указатель художественных изданий, состоящего под покровительством ее Императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской Петроградского Попечительского комитета о сестрах Красного Креста. В пользу Общины Св. Евгении. 6-е изд. [Пг.], [1915]. С. 77, 78.

[12] Письма принцессы Евгении Максимилиановны к великому князю Сергею Александровичу хранятся в ОР РГБ (Ф. 253. Великий князь Сергий Александрович. П. 16. Ед. хр. 11) и датируются весной 1899–1900 гг. (см.: *Исаченко Т. А.* Письма принцессы…).

[13] Алексей Алексеевич Ильин (1857–1942) — действительный статский советник, член Государственного Совета по выборам от дворянства, член правления (Совета) Государственного банка и глава Российского общества Красного Креста. Унаследовал от отца картографическое производство в Санкт-Петербурге, достигшее к 1880-м гг. своего зенита, выпускавшее 90 % гражданской картографической продукции страны.

[14] Справочный указатель… С. 77. № 107, «Пасхальная карточка».

[15] Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание / предисл. В. Ф. Булгакова. Т. 1. Ч. 1. М., 1972. С. 272. № 1076.

[16] Софья Андреевна Толстая (1824–1895) — графиня, двоюродная тетушка Л. Н. Толстого, сестра А. А. Толстой.

[17] Здесь, вероятно, допущена неточность. Кончина С. А. Толстой датируется 1895 г., а выход альбома — 1885 г. Переживания А. А. Толстой были связаны с иными событиями.

[18] А. А. Толстая была ученицей П. Е. Заболотского (1803–1866), русского художника, академика Императорской Академии художеств.

[19] *Толстая А. А.* Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе / Пер. с фр. Л. В. Гладковой. М., 1996. С. 5–7.

[20] *Захарьин (Якунин) И. Н.* Гр. А. А. Толстая: Личные впечатления и воспоминания // Вестник Европы. СПб., 1904. Т. 2 (июль). С. 642.

[21] Дневник А. А. Половцова за 1877 г. (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Ед. хр. 13. С. 62).

[22] Принцесса Евгения действительно имела «мужественный склад» и «внутреннюю силу», о чем свидетельствуют ее энергичные начинания в области предпринимательства. Евгения любила носить мужской костюм, чем эпатировала великосветское общество.

[23] [*Козлов И. И.*] Собрание стихотворений Ивана Козлова. Ч. 1. СПб., 1833. С. 3–31.

[24] 25 июня — день обручения Александры Федоровны с Николаем I (1817 г.). 24 июня того же года она приняла православие и обрела свое венценосное имя.

[25] День 25 мая является одновременно днем рождения императрицы Александры Федоровны, которая в июне 1884 г., будучи 12-летней девочкой, впервые посетила Россию, приехав на свадьбу сестры, принцессы Эллы, и великого князя Сергея Александровича.

[26] Великая княжна Мария Александровна — любимая дочь Александра II.

[27] *Балашова Ю. Б.* Эволюция и поэтика Российского литературного альманаха как типа издания: автореферат дис. … доктора филологических наук: 10.01.10. [Место защиты: СПбГУ]. СПб., 2011. С. 12.

Казанина Наталия Валентиновна

ЖИЗНЬ ДВОРА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА ПО ФИНАНСОВЫМ ДОКУМЕНТАМ НАЧАЛА XIX В.

О повседневной жизни сильных мира сего, императоров и великих князей известно многое, так как сохранилось множество документов, отражающих их существование день за днем.

О жизни людей, обеспечивающих быт сиятельных особ, сохранилось мало сведений. О тех, кто создавал комфортную жизнь, содержал в порядке дворцы и резиденции, охранял и кормил, могут рассказать финансовые документы того времени.

Великий князь Константин Павлович, генерал-адъютант, командир Гвардейского корпуса, генерал-инспектор всей кавалерии, часто был в разъездах по делам армии. Но жизнь в его дворце и резиденциях не прекращалась, служащие четко выполняли свои обязанности.

«Касса» двора цесаревича и великого князя Константина Павловича, часть II, хранящаяся в Российском государственном историческом архиве, подробно отображает расходы на различные нужды по содержанию Малого двора с 1 сентября до конца декабря 1811 г., а также рассказывает о тех людях, которые служили у него в это время [1].

Этот финансовый документ написан подробно, красивым четким почерком, чтобы любой, а главное, дающий средства, мог прочитать и удостовериться, что деньги не украдены, а потрачены на дело. Неизвестно, кто автор документа, но в статье расходов на оплату жалования служащим есть запись о выплате жалования бухгалтеру Расторгуеву за сентябрьскую треть 198 руб.[2] Вероятно, этот документ выполнен им.

Кассовая книга содержит сведения о поступлении и расходе денежных сумм.

Приход денег поступал из Департамента уделов по третям. Есть запись, что в конце декабря 1811 г. поступила сумма на первую треть 1812 г. — 103 333,33 руб. За привоз этих денег счетчикам Департамента была выплачена сумма 30 руб. за счет двора [3].

Все остальные записи в Кассовой книге связаны с расходами.

Расходы расписаны по различным статьям, но чаще всего это выплаты придворному и конюшенному штату, расходы на фураж и провиант, на содержание Мраморного дворца, Софийского дома и Стрельнинской мызы, на гардероб и экипажи, пенсионное и институтское содержание, кухонную должность и погреб, мелочные расходы.

Во владении великого князя находились: Мраморный дворец, подаренный ему ко дню свадьбы, Стрельнинская мыза и Софийский дом, который располагался в южной части Царского Села на Почтовой дороге [4]. Забота об этих жилых домах ложилась также на плечи служащих двора.

В статье расходов по «Придворному штату» отражались различные выплаты служащим, в том числе оплата жалования, так называемой «порции», а также выдача денег «по высочайшему повелению».

В придворном штате числились служащие: «гоффурьеры, камердинеры и лакеи, состоящие при высочайшей особе; кассир, бухгалтер, ведающие расходами и бумагами, скороход, а также кастелянша, истопники, парикмахер, фельдшер, келлермейстер, повара, кондитеры, мундкох и кофешенк»[5] и многие другие, необходимые для повседневной жизни великого князя работники.

Выплаты жалования в начале XIX в. осуществлялись так же, как и в конце XVIII в. — три раза в год, по третям. Записи о выплате жалования придворным служащим указывают на то, что сумма назначалась индивидуально каждому — редко встречаются одинаковые суммы за одну и ту же должность.

Кроме того, если владелец дома отсутствовал и кухни не обеспечивали едой, то на питание выдавалась определенная денежная сумма, называемая «порцией». «Гоффурьеру Добовичу 74,25 руб. Ему ж порция на сентябрь 45 руб.»[6].

Сумма «порции» тоже была различной и могла составлять 20, 30 и даже 60 процентов от жалования, в зависимости от занимаемой должности. Например, «Камердинеру Дмитриеву порция на сентябрь 60. Ему ж жалованья за майскую треть 198»[7].

Необходимо отметить, что почти у каждого должностного лица были помощники и ученики, что обеспечивало обучение персонала и карьерный рост. Так, в расходах на 1 сентября 1811 г. в придворном штате числятся помощники и ученики лакеев, кондитера и повара.

В документе встречаются указания о выдаче суммы старшему служащему для раздачи младшим служащим и ученикам, что говорит о своеобразном контроле и ответственности за этих людей. Но суммы для выдачи жалования «старший» сам не назначал, только выдавал: «Гоффурьеру Бахиреву для выдачи официантам, ливрейным и прочим служителям порции по дежурству сентябрь с 1–16 число 585,60», «Кастелянше и для выдачи 7-ми прачкам порций на сентябрь месяц 93 рубля»[8].

Работа в праздничные дни оплачивалась дополнительно, кроме того, работников угощали вином: «Рабочим людям на вино в праздничные дни 24,22 рублей. Столярам за работу в праздничные дни 30 рублей»[9].

Не все служащие проживали во дворце или служебном доме при нем, таким работникам выплачивались квартирные деньги, для оплаты съемного жилья. «Камердинеру Загину выплачено квартирных на сентябрьскую треть 100 рублей»[10].

Гоффурьерам, лакеям и другим служащим, должность которых требовала выглядеть определенным образом и иметь форму или утепленную одежду, специально заказывали ее у портных и оплачивали за счет средств двора. Такие расходы записывались в статье «Платья и ливреи». За 12 августа 1811 г. есть запись: «За постройку ливреи на служителей придворного штата по расчету следующих 8451,43 руб. Перчаточнику Гецу за сделанные им для выездных лакеев Салтышева и Лесковского по одной паре замшевых панталонов и перчаток 50 рублей»[11]. Кроме того, служащим выдавались дополнительные суммы на чулки и мех: «Гоффурьеру Бахиреву для выдачи 6-ти камерлакеям, скороходу и 18-ти лакеям чулочных денег за 1811 год, каждому по 10 рублей»; «Гоффурьеру Рейнгарту для раздачи чулочных денег: камерлакеям Александрову, Андрееву и лакею Васильеву, каждому по 10, да на покупку мехов: для лакея Сазонова 35 руб., для истопников Сазонова, Дементьева, Том Лина, Костегова, Пантелеева и Андреева на каждого по 30 руб.»[12].

За гардеробом хозяина следили камердинеры. В их ведении были выбор и закупка тканей для пошива белья и одежды для господина, а также косметические средства. «Камердинеру Дмитриеву за купленный для сорочек Государя Цесаревича полотно: 2 куска по 300 и кусок 200. Итого 800 рублей. Ему же издержанных им в течение майской третьи на помаду, пудру, гребни и прочее 88 рублей»[13].

Большие суммы трат указаны в статье «Конюшенный штат». Туда входили расходы по оплате жалования и «порции» служащим конюшни, а также другие расходы, связанные с содержанием лошадей и экипажей. Во главе конюшенного штата стоял унтер-шталмейстер Михель, отвечающий за конюшню. В ведении его также была покупка лошадей и приобретение необходимых экипажей для великого князя Константина Павловича. В «Кассе» за сентябрь значится выдача «Унтер-шталмейстеру Михелю на платеж за купленных им для собственной Государя Цесаревича езды пять финляндских лошадей 850 рублей»[14].

В ведение унтер-шталмейстера входила также забота о починке различного инвентаря и экипажей: «Унтер шталмейстеру Михелю за купленную им для починки казенных экипажей разных сортов кожи, сукно, басон крашенину, железо и прочее 778.2 рублей»[15].

Работой берейторов руководил унтер-берейтор Зенин. Их основной обязанностью была забота о дрессировке лошадей и обучении верховой езде наездников, но они могли выполнять и другие поручения. Так, берейтору Штаубту кроме жалования и «порции» оплатили отдельно за «ковку верховых лошадей» и «медикаменты для верховых и цуговых Его Высочества лошадей», а также выдали деньги «для отдачи за вторую англизировку двух лошадей 50 рублей, и за починку барабана 5 рублей»[16].

Фуражмейстер Лосев, кроме закупки фуража, получал деньги для «раздачи конюшенным и служителям жалования за треть и денег на дрова»[17].

Кухонные книги, куда записывались траты на продукты, велись отдельно. В придворном штате по кухне числились несколько поваров, кондитеров и других работников. Повара: Кузьмин, Степанов, Ветчинкин, Спиридонов, «поваренный ученик» Костыгов, «кострюльница» Емельянова; кондитеры: Федор Ферт, Афанасий Зайцев; ученики кондитера: Алексеев, Куц, Филипов. В Кассовую книгу по статье «Кухонная должность» записывали траты общего порядка или дополнительные расходы. В августе метрдотелю Матоне выплатили деньги, «издержанные им на кухонную провизию в течение августа 4.025 рублей»[18]. Сюда же заносили расходы по «Тафельдекерской должности»: «Тафельдекеру Котомкину на платеж за купленные в тафельдекерскую должность тарелки: мелких 3 дюжины по 78,39 руб, да в кофешенскую должность 6 дюжин чашек

по 24, 14 руб.»[19], «Пекарю Герату за забранные у него в Тафельдекерскую должность разных сортов хлеба 36 рублей»[20].

В придворном штате были служители, ответственные за приготовление напитков — мундшенк, и за приготовление кофе — кофешенк.

В «Кассе» имеются расходы на «Кофешенскую должность» и запись о выдачи денег мундшенку Денисову, «издержанных им по кофешенкской должности в августе месяце с 17 по 1 число на сливки, молоко, масло и прочее»[21].

Иногда закупки для «мундшенской должности» делались другими служащими двора. Так, фуражмейстер Лосев получил деньги за купленную для мундшенской должности хрустальную позолоченную посуду 219,80 руб.[22]

Обеспечением винно-водочных напитков ведал келлермейстер Редриков. В расходной статье «Погреб» фиксировались платы за различные горячительные напитки. Так, в апреле значится выдача денег «для погреба за 2 ящика, в коих 100 штофов сладкой водки, по 140 за ящик, а также за купленные им для погреба 6 полубутылок полынного вина по 6 руб.»[23], а в декабре выплата «на покупку двух бочек, вина красного 570 бутылок, пива 2-го сорта по 45 за бочку»[24].

Служащие были самостоятельны в выборе поставщиков, продуктов для приготовления напитков и самих напитков. Они отвечали за их качество. От работников, прежде всего, требовали разнообразия хороших напитков и умения их приготовить.

24 марта (5 апреля) 1808 г. у Константина Павловича и госпожи Ульяны Михайловны Фридерихс родился сын — Павел Константинович Александров. В счетах появляется запись об оплате жалования кормилицы Гулявской 200 руб.[25]

Отдельная статья «Кассы» содержала расходы на врачей и лекарей. «Мозольному оператору Гартовые за майскую треть 100 рублей». «Дантисту Созероту жалование за майскую треть 66,66 рублей»[26].

К придворному штату относились должности живописца и музыкантов. За сентябрь 1811 г. имеются записи о выдачи денег: «Живописцу Орловскому 400 рублей. Ему же порция на сентябрь месяц 90 рублей. Музыканту Соловьеву для раздачи порций на сентябрь м-ц 12 класса Чулкову и 9-ти музыкантам по 50-ти на день 150, музыканту Луневу и 12-ти старшим ученикам по 25-ти, да 24-м младшим по 10-ти на день 162, и того 312», «Музыканту Соловьеву для раздачи

жалования за майскую треть 8-ми музыкантам по 50 руб., 9-три старшим ученикам по 16 руб., и 2-м младшим по 10,20 руб.»[27].

В придворный штат великого князя Константина Павловича брали проверенных людей. Часто это были дети служащих при дворе. В штат попадали также бывшие военные, которые служили под началом великого князя и по различным причинам были вынуждены оставить службу. Если на протяжении всего периода службы служащий зарекомендовал себя с хорошей стороны и не был «под судом или штрафами», он получал пенсию и чин. Пример тому — послужной список камердинера Александра Лыткина, вышедшего в отставку в чине гоффурьера 9 класса. «Камердинер Александр Михайлов сын Лыткин от роду ему 54 года. В службу вступил ко двору его Императорского Высочества Государя Цесаревича лакеем 1809 г., произведен в Камердинеры 1818 году. В гоффурьеры 11 класса при прежней должности с высочайшим утверждением в оном классе 1826 году. По Высочайшему повелению произведен в 9 класс 1832. В походах против неприятеля и самих сражениях не был, а в вояже со Штабом Государя Цесаревича находился в 1815 году в Париже. Женат, у него жена Марья Егорова, 28 лет и дети сыновья: Михайло 10, и Николай 5, да дочь Марья 3 лет»[28].

Если у служащего на иждивении были жена и дети, то после его смерти им назначалась пенсия. В расходах значится: «Вдове Ананьеной то же 33,33 руб., Вдове помощника Алексеева 33,33 руб., Вдове Ельчаниновой 24,66»[29]. Так как жалование выдавалось за треть, служащий мог успеть и поработать, и умереть за этот период. В документах за сентябрь числится оплата жалования Мундкоху Степанову, а также есть запись о выплате денег его дочери после его смерти: «Мундкоху Степанову оплата за сентябрьскую треть 188», и в этот же период времени имеется запись «Умершего мушдкоха Степанова дочери Катерине пенсии за майскую треть 33,33 руб.»[30]

После смерти великого князя Константина Павловича и ликвидации его двора всем служащим были выплачены существенные суммы, а служащим, прослужившим при дворе длительное время, пожалована пенсия [31].

В счетах почти нет записей о выдачи денег под отчет, то есть на приобретение чего-либо. Вся оплата производилась после получения товаров и услуг. Большинство товаров приобреталось в больших объемах: бочками, кусками материи, пудами.

Кредиторам приходилось уделять много времени и сил на напоминание об оплате и взыскивание денежных средств с должников. Государственные долги и долги двора не были исключением. Управляющий придворной канцелярией Его Высочества М. М. Томсон 6 апреля 1821 г. написал гофмейстеру двора великого князя Д. Д. Куруте: «Милостивый Государь Дмитрий Дмитриевич, при донесении от 23 июня прошлого года имел я честь представить вашему превосходительству подлинные счета и записки покойного архитектора Воронихина, а равно и комнатную книгу за 1808 год, по коим причитаемся доплатить разным кредиторам за произведенные в Мраморном и Стрельнинском дворцах работы 9620,45 р., причем учиненной справкой из помянутой книги доказано, что изначенные счета не подвержены никакому сомнению, во всем согласуются со статьями помянутых книг, писанные собственной рукой Вашего Превосходительства в сем предположении имею я честь испрашивать повеление за заплату вышеуказанных старых долгов из остающейся на платеж долгов суммы 10,396, стараясь между тем, сколько возможно, успокоить кредиторов обнадеживанием скорого удовлетворения. Но по неотступным ежедневным просьбам их вынужденным нахожусь представить о чем долге вновь на благоусмотрение вашего Превосходительства Дабы удалить терпящих от намерения утруждать самого Государя Цесаревича просьбами, а вместе с тем совершенно заключить уплату старых комнатных долгов. В ожидании разрешения имею честь быть с должным высокопоставленно и совершенной преданностью»[32].

Служба при дворе для простых людей была очень выгодна и престижна. Низшим сословиям она давала возможность приобрести состояние, чины и уважение в обществе.

Финансовые документы начала XIX в. показывают жизнь служащих двора великого князя Константина Павловича. В счетах, кроме сумм выплат, отражены особенности службы и обязанности простых людей, обеспечивавших сиятельному владельцу повседневную жизнь, заботу о его дворцах и резиденциях, лошадях и экипажах и сопровождавших его в походах и поездках.

[1] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 84. 1811 г. (Касса за 1811 г. Кассовая книга. Ч. II).
[2] Там же. Л. 9.
[3] Там же. Л. 10.

[4] Софийский дом предназначался генерал-адъютанту и действительному камергеру А. Д. Ланскому. После его смерти в 1784 г. Екатерина II выкупила его у наследников и передала Константину Павловичу. Именно с этого времени он получил название Софийский.
[5] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 84. 1811 г. Л. 9.
[6] Там же. Л. 10.
[7] Там же.
[8] Там же. Л. 3.
[9] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 341. 1804–1809 гг. (Оправдательные документы по расходу сумм на ремонтные работы в Мраморном дворце и Стрельнинской мызе (в том числе счета архитектора А. Н. Воронихина); алфавитный список служителей Мраморного дворца). Л. 9.
[10] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 84. 1811 г. (Касса за 1811 год. Кассовая книга. Ч. II). Л. 9.
[11] Там же. Л. 25.
[12] Там же. Л. 46.
[13] Там же. Л. 17.
[14] Там же. Л. 10.
[15] Там же. Л. 17.
[16] Там же. Л. 10.
[17] Там же.
[18] Там же. Л. 12.
[19] Там же. Л. 55.
[20] Там же.
[21] Там же. Л. 21.
[22] Там же. Л. 2.
[23] Там же. Л. 3.
[24] Там же. Л. 44.
[25] Там же. Л. 11.
[26] Там же. Л. 16.
[27] Там же. Л. 15.
[28] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1041. 1806–1811 гг. (Переписка по разным вопросам о вещах, хранящихся в кладовой Мраморного дворца). Л. 105.
[29] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 84. 1811 г. (Касса за 1811 г. Кассовая книга. Ч. II). Л. 24.
[30] Там же. Л. 10. Записи о выдачи жалования и выплате дочери на одном листе.
[31] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1117. 1832–1834 гг. (О ликвидации двора, увольнении и награждении служащих 14 января 1832 — 06 ноября 1834). Л. 94.
[32] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 244. 06 апреля 1821 — 09 октября 1828 (О выплате денег за работы, произведенные архитектором А. Н. Воронихиным в Мраморном и Стрельнинском дворцах). Л. 1.

Карпенко Ирина Александровна

«ЖЕЛАЮЩИМ ВНОВЬ ПОСТУПИТЬ НА СЛУЖБУ В НАЗВАННЫЙ ДВОРЕЦ…» СЛУЖИТЕЛИ АНИЧКОВА ДВОРЦА В 1917 И 1918 ГГ.

После революции 1917 г. для бывших подданных Российской империи радикально изменилась повседневная жизнь. Многие потеряли достаток, работу и свой социальный статус. Последствия революции затронули и служащих Министерства императорского двора, работавших при столичных дворцах. Их налаженный годами быт изменился почти в одночасье, когда прежние владельцы перестали быть хозяевами своей собственности и потеряли право проживать в своих домах и имениях.

Одной из резиденций императорской семьи с начала XIX в. был Аничков дворец в Санкт-Петербурге. С 1866 г. и до Февральской революции 1917 г. его владелицей была императрица Мария Федоровна. При жизни Александра III царская семья во время пребывания в столице жила в любимом доме на Невском проспекте. Аничков дворец был первым домом молодой великокняжеской четы. В этом особняке росли их дети, в том числе будущий император Николай II. После смерти Александра III вдовствующая императрица Мария Федоровна продолжала жить в этом особняке, бережно сохраняя фамильные реликвии и обстановку семейного дома. В неприкосновенности сохранялись комнаты ее супруга. Позже, в 1918 г., именно эта часть дворца станет музеем.

Императорская резиденция до Октябрьской революции 1917 г. представляла из себя сложную структуру[1]. Это был огромный комплекс зданий. Кроме самого Аничкова дворца на территории усадьбы располагались дома для дворцовых служителей, служебные постройки (конюшня, гаражи, ледники, электростанция). Отдельные корпуса (павильоны Росси) имели «музейное значение»: там располагался Арсенал, где хранилось историческое, а также строевое и наградное оружие, подарки, преподнесенные императору и наследнику во время дипломатических визитов. Фонды Арсенала продолжали пополняться за счет вещей, принадлежавших высшим

военным чинам до 1917 г.[2] Только после свержения монарха в это хранилище прекратили поступать новые предметы.

На территории усадьбы работали десятки людей. Это были и придворные вдовствующей императрицы (фрейлины, секретари, управляющий дворцом), и дворцовая прислуга (охранники, дворники, прачки и т. д.). Штат дворца со временем менялся. В начале Первой мировой войны он был сокращен, но все равно составлял значительную цифру. Перед Февральской революцией в штате дворцовых служащих состояло 92 человека[3]. В отсутствие императрицы, отбывшей в 1916 г. в Киев, они продолжали следить за домом и сохранностью дворцового имущества.

Служба при императорском дворе была не только почетной. Она обеспечивала неплохой доход, квартиру и в перспективе — пенсию по выслуге лет. Последнее было важно, так как до 1917 г. в России пенсию по достижении преклонных лет получало ограниченное число служащих: военные, государственные чиновники, служители Министерства императорского двора. В Аничковом дворце императрица Мария Федоровна создавала хорошие условия для людей, работавших на нее. Так, при усадьбе существовала школа для детей служащих, столовая для дворников и обслуживающего персонала, библиотека и даже медицинский пункт[4]. Во время Первой мировой войны императрица заботилась и о питании работников, что оказалось кстати в революционное время. Перед отъездом в 1916 г. она распорядилась сделать запасы продовольствия для служащих[5].

Сразу после Февральской революции радикальных изменений в жизни дворца не последовало. Служители продолжали свою работу. Из средств императрицы им платили жалованье и обеспечивали мелкий ремонт и закупку всего необходимого для выполнения служебных обязанностей. Саму усадьбу новые власти начали инспектировать.

В результате осмотров дворцового имущества все здания и служебные постройки были подробно описаны. Принимались решения о судьбе имущества, хранящегося во дворце. 15 мая 1917 г. помощник комиссара Министерства продовольствия П. М. Макаров приказал замуровать во дворце винный погреб[6]. В мае 1917 г. руководство Министерства продовольствия потребовало убрать из дворца телефонную связь с Мариинским театром[7]. Это была особенная телефонная линия, установленная еще в 1892 г. Благодаря микрофонам, установленным на театральной сцене, по этой линии

можно было слушать постановки Мариинского театра, не покидая Аничков дворец.

Новый владелец у усадьбы появился в июне 1917 г. Временное правительство передало Аничков в ведение Министерства продовольствия. При этом управление дворца, располагавшееся по адресу набережная реки Фонтанки, 33, было сохранено в структуре министерства.

В новом подчинении дворцовую усадьбу продолжали обслуживать дворники, прачки, швейцары, горничные. Служители дворца также жили в своих квартирах. В домовой церкви по-прежнему проходили церковные службы. Существовала даже должность главного архитектора дворца, которую занимал Ю. Ю. Бенуа. Его уволили с должности из управления дворца 2 сентября 1917 г. и тут же взяли снова на службу в Министерство продовольствия [8].

Летом-осенью 1917 г. дворцовые служители были вовлечены в процесс передачи имущества Романовых новому правительству. В усадьбе хранились изделия из драгоценных металлов: столовое серебро и различные ювелирные изделия, принадлежавшие императрице Марии Федоровне и ее детям. Владельцы пытались это имущество увезти из Петрограда.

В апреле 1918 г. великий князь Михаил Александрович смог забрать из Аничкова 55 ящиков и сундуков с ценностями [9]. Такую же попытку предприняла великая княгиня Ольга Александровна. Она попробовала через доверенных лиц изъять 11 ящиков с серебром из Сервизной кладовой [10], однако эта попытка не увенчалась успехом. По просьбе Марии Федоровны князь Ф. Ф. Юсупов попытался вывезти часть драгоценностей императрицы во время пребывания в Петрограде осенью 1917 г. Эта возможность у князя появилась благодаря лояльности дворцовых служителей. В своих мемуарах Юсупов пишет: «В Аничков дворец я отправился забрать большой портрет Александра III. Императрица Мария Федоровна дорожила им и просила меня привезти его. Я вынул его из рамы и скатал, как весной скатал своих Рембрандтов. А вот драгоценности проворонил. Их увезли в Москву по распоряжению Временного правительства» [11].

Упомянутые драгоценности были вывезены в 20-х числах сентября 1917 г. из камерального управления Кабинета Аничковой усадьбы [12]. Акт их передачи был подписан служителями Аничкова дворца: генерал-майором Ереховичем и помощником смотрителя Бабенко [13]. Позднее, в феврале 1918 г., в Москву отправились личные вещи вдовствующей императрицы: пасхальные яйца фирмы Фаберже, иконы, украшения, сувениры из драгоценных и полудрагоценных камней [14].

История с вывозом ценностей владельцами или их доверенными лицами в 1917 г. не могла повториться в 1918 г. В революционном 1917 г. еще можно было забрать какое-то имущество, если оно не было поставлено на строгий учет. В дальнейшем любая передача ценностей могла рассматриваться как преступление, и человека, вынесшего что-то из царского имущества или спрятавшего его, ждало серьезное разбирательство, которое могло закончиться тюрьмой.

Ценным имуществом считались не только драгоценности императорской семьи, но и коллекция Арсенала. 18 июля 1917 г. ее инспектировала комиссия в составе директора Артиллерийского музея Д. П. Струкова, П. И. Нерадовского, К. К. Романова и С. Н. Тройницкого [15]. Ценные предметы из Арсенала планировали увезти в Москву осенью. Но планы изменились, и императорское собрание оружия осталось в павильонах Росси до начала 1920-х гг.

После Октябрьской революции 1917 г. жизнь служителей дворца не могла остаться прежней. 7 ноября 1917 г. А. В. Луначарский объявил, что все служащие Министерства двора должны продолжать работу [16]. Но вскоре, постепенно, шаг за шагом, начались изменения.

В январе 1918 г. закрыли дворцовую церковь. В марте Аничков дворец перешел в ведение Комиссариата имуществ Республики, созданного для охраны зданий бывшего Министерства императорского двора. В его задачи входили ликвидация учреждений министерства, содержание зданий, охрана имущества. Ответственным за охрану дворца и усадьбы был назначен В. И. Ерыкалов.

Для многих людей 1918 г. стал крайне сложным периодом. Сотрудники, проработавшие во дворце в течение длительного времени, теряли свои места из-за «неправильного» социального статуса. Это касалось напрямую дворцовой охраны, чиновников, делопроизводителей.

Большую роль в получении и сохранении работы играли личные связи служителей и в особенности их прежние служебные обязанности. Например, Иван Николаевич Анненков, полицмейстер Аничкова дворца, сохранил свою работу в 1917 г. — 27 марта он был назначен заведующим зданиями Аничкова дворца. После Октябрьской революции остаться на прежнем месте он не смог, так как его

дореволюционная должность была связана с полицией. 9 марта 1918 г. он был уволен[17].

Служители по возможности помогали друг другу в трудоустройстве. Николай Константинович Акулов, бывший вахтер, также поступил на работу во дворец[18]. Акулов состоял в штате до 1928 г. и был уволен из-за того, что до 1917 г. работал в Аничковом, а значит, служил царской семье.

Приказ об увольнении 9 марта 1918 г. был подписан генерал-майором Ереховичем, который отправил в отставку себя и еще двадцать человек[19]. Служителям было предложено подать заявление об устройстве на новую работу: «Всем бывшим служащим при Аничковом дворце и его зданиях, желающих поступить на службу в названный дворец, предлагается подать письменное заявление комиссару Аничкова дворца В. Ерыкалову не позже 16 марта сего года, с указанием, какую должность желает занять и какую занимал раньше»[20].

Не все сотрудники могли снова трудоустроиться. Так, одним из уволенных 9 марта 1918 г. был Онуфрий Матвеевич Пех, смотритель дворцовых имуществ, нанятый еще в 1873 г.[21] Для него увольнение стало настоящей трагедией, так как в силу возраста другую работу найти он не мог.

Увольнение, особенно произошедшее в тяжелые для Петрограда 1918–1919 гг., означало потерю дохода и пенсии, на которую служители могли рассчитывать. Права на пенсию были оговорены в Пенсионном уставе 1896 г. и «Правилах о постоянных и единовременных пособиях служащим по Министерству двора, по найму, при оставлении ими службы от 12 октября 1910 г.». Кроме общих правил существовали также принципы выплаты пенсии, установленные членом царской фамилии в отношении своих подчиненных. В качестве такого примера можно привести распоряжение управляющему конторой двора великого князя Александра Михайловича. Великий князь установил следующие пенсии, которые выплачивались из собственных средств: для отработавших 10 лет пенсия в размере трети оклада, для отработавших 20 лет — половина оклада, 25 лет — две трети оклада, свыше 30 лет — назначается по особому докладу великому князю[22].

В революционном Петрограде для оформления пособия бывшие служители писали во все инстанции, обращая внимание на то, что им при прежнем правительстве полагалась пенсия за выслугу

лет. Ходатайствовать о назначении пенсии перед советской властью каждому уволенному приходилось индивидуально. Прошение направляли в Комиссариат имуществ Республики вместе с медицинским заключением и послужным списком[23]. Медицинские документы описывали состояние здоровья, из-за которого человек больше не мог работать и нуждался в социальной поддержке со стороны государства.

В целом для дворцовых служителей переход под управление Комиссариата был хорошим решением. Они становились советскими служащими, а, значит, кроме жалованья им полагался продовольственный паек. Это помогало выжить в самое тяжелое время.

Дворцовые служители и при новом владельце, как правило, оставались жить в своих прежних квартирах в Аничковом дворце. За право пользоваться этой жилплощадью из их жалованья удерживалась квартирная плата. Следить за состоянием зданий должны были и жильцы, и управляющий дворцом. Мелкий ремонт, вывоз мусора должен был организовать именно управляющий.

Важной частью обеспечения служащих было поддержание в рабочем состоянии отопительных систем зданий. На территории усадьбы отопление было печным. В первые послереволюционные годы в Петрограде обеспечение домохозяйств дровами было огромной проблемой, которая решалась централизованно, через организации.

В сентябре 1918 г. были введены новые «Правила отпуску, расходованию и учету топлива по зданиям Комиссариата имуществ Республики и народного просвещения»[24]. Правила устанавливали квоту отпуска дров на год на каждую «кубическую сажень» занимаемой площади. Размер этой квоты зависел от местонахождения здания (0,15 сажени дров на каждую кубическую сажень в Петербурге, и 0,18 сажени для загородных дворцов)[25]. Если квартира служителя находилась в неблагоприятных условиях (например, была угловой), норму расхода дров могли увеличить по согласию домового комитета, комитета служащих и смотрителя здания. Новые советские правила пытались предусмотреть все бытовые ситуации: большой была квартира или маленькой, на верхнем этаже или в полуподвальном, примыкали ли к квартире служебные помещения или только жилые[26]. Устанавливалась даже предельная температура для жилых помещений[27]. Составители «Правил…» предусматривали увеличение квот в зависимости от качества дров: березовые ценились выше,

чем осиновые или «смесь», а значит, их нужно было меньше. Все израсходованное свыше нормы домохозяйству нужно было оплачивать по действительной, то есть рыночной цене. На каждого жильца в служебных квартирах заводили специальные квитанционные книжки. Заявку на поставку дров отправляли учреждения: сначала они должны были обеспечить отопление здания, а затем служебных квартир.

Для первых послереволюционных лет казалась бы бытовая проблема — покупка дров — была очень важной. В неотапливаемой квартире было не пережить зиму. При совете коммунального хозяйства в Петрограде в 1918–1920 гг. существовал даже отдел топлива. Он занимался заготовкой и распределением дров между организациями, предприятиями, учреждениями и населением Петрограда[28]. Поэтому возможность получить дрова от работодателя, к тому же с доставкой до дома, была отличной поддержкой.

В материалах Музея Города сохранились акты и заявления, связанные с бытовыми конфликтами из-за дров. Поскольку с 1918 г. на территории Аничковской усадьбы в свободные комнаты начали вселять людей, не имевших раньше отношение к дворцу, а среди новых жильцов попадались и нечистые на руку. Огромный дом, где проживали хорошо знавшие друг друга люди, с 1918 г. превращался в большую коммунальную квартиру. Для решения спорных вопросов они писали докладные и заявления в Управление дворцом. Документов за 1918 г. сохранилось не так много, но выявленный более поздний документ хорошо показывает, какие ситуации возникали в усадьбе.

В 1921 г. было составлено заявление о негласном наблюдении за разгрузкой дров. История в духе рассказов Михаила Зощенко началась в 5 утра 1 ноября, когда «какой-то мужчина стал переносить дрова с набережной через парадную дверь, где живет комендантша Аничкова дворца. Мы дали ему возможность внести дрова в парадную и немедленно задержали. При задержании и нашем опросе незнакомец заявил нам, что ключ от парадной ему дан самой комендантшей, которая в это время дежурила у дров, так как ей была поручена охрана этих дров с 12 часов ночи до утра»[29]. После разговора с комендантом выяснилось, что дрова выносили многие жильцы. Она нисколько не смутилась и не испугалась, а заявила, что если ее привлекут к ответственности, она назовет поименно всех. Заявление касалось не столько кражи, сколько обиды, которую испытывал

составитель документа: комендантша обозвала его хулиганом. Эта история хорошо иллюстрирует и бытовые условия, и то, как люди повсеместно приспосабливались к ним, и то, что считалось преступлением.

В конце 1918 г. Аничков дворец снова поменял владельца: 4 октября усадьба была передана вновь созданному Музею Города. Бывшие дворцовые служители снова переходили на работу в новую структуру. На них сначала даже составляли отдельную требовательную ведомость на жалованье. Туда включали смотрителя здания Евтеева, смотрителя комнатного имущества Бабенко, сторожей, вахтеров, кладовщиков, арсенальных служителей, машинистов, монтеров (обслуживавших электростанцию), дворников, кочегаров. В декабре 1918 г. таких сотрудников было 88 человек[30], многие из которых служили еще при императрице Марии Федоровне. Управление дворцом и комиссар Ерыкалов продолжали работать до 1 января 1919 г. После этой даты бывшие служащие числились по хозяйственной части Музея Города. Исключение составлял С. Е. Бабенко, ставший музейным хранителем. Он проработал в музее десять лет и был уволен в 1928 г. из-за того, что был бывшим дворцовым служащим. В конце 1920-х гг. сотрудники, работавшие до революции в Аничковом дворце, были уволены. Сам музей подвергся реформированию и к середине 1930-х гг. дореволюционная история Аничкова дворца была предана забвению на долгие годы.

---

[1] Подробнее о жизни усадьбы до 1917 г. см.: *Зимин И. В.* Аничков дворец. Резиденция наследников престола. Вторая половина XVIII — начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2019.
[2] *Зимин И. В.* Аничков дворец… С. 456.
[3] *Попова Г. А.* Музей Города в Аничковом дворце. События, судьбы, коллекции. СПб., 1998. С. 21.
[4] Там же. С. 18, 20.
[5] Там же. С. 20.
[6] *Зимин И. В.* Аничков дворец… С. 543.
[7] Там же. С. 558.
[8] Там же. С. 211.
[9] Там же. С. 332.
[10] Там же.
[11] *Юсупов Ф. Ф.* Мемуары. М., 2007. С. 235.
[12] ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 60. Л. 1а.
[13] Там же. Л. 2, 134.
[14] Там же. Л. 134.

[15] *Зимин И. В.* Аничков дворец… С. 463.
[16] *Бенуа А. Н.* Дневник 1916–1918. М., 2016. С. 471.
[17] *Зимин И. В.* Аничков дворец… С. 586.
[18] *Попова Г. А.* Музей Города в Аничковом дворце… С. 39.
[19] ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
[20] РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 419. Л. 1.
[21] *Попова Г. А.* Музей Города в Аничковом дворце… С. 18.
[22] ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 144. Л. 3.
[23] См., напр.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 162 (Дело генерал-майора П. А. Ереховича).
[24] ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 25. Л. 100.
[25] Там же. Л. 101.
[26] Там же. Л. 101 об.–102.
[27] В «Правилах…» для расчета температуры используется шкала Реомюра, отмененная в России после 1917 г.
[28] ЦГА СПб. Ф. Р-1057.
[29] ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 90. Л. 18.
[30] ЦГАЛИ СПб. Ф. 29. Оп. 1. Д. 100. Л. 30–34.

Кащенко Елена Сергеевна

ЖИЗНЬ И ОБЫЧАИ КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА ЭПОХИ ЛЮДОВИКА XVI В ФИЛЬМАХ П. ЛЕКОНТА «НАСМЕШКА» (1996) И Б. ЖАКО «ПРОЩАЙ, МОЯ КОРОЛЕВА» (2012)

К теме Версаля — знаменитой резиденции Людовика XIV и его наследников — кинематографисты обращались довольно часто («Si Versailles m'était conté» (1954); «La Prise de pouvoir par Louis XIV» (1966); «Le Roi danse» (2000); «Marie-Antoinette» (2006)). Современный сериальный формат, имеющий как сторонников, так и противников, позволил по-новому сконцентрировать внимание на классической теме королевской власти и резиденции, выполняющей роль ее главного оплота. Так, действие франко-канадского сериала «Версаль» («Versailles», 2015–2018) начинается в 1667 г. и растягивается на десятилетия. Одним из несомненных достоинств этого проекта стало раскрытие темы взаимодействия исторических героев (в числе которых наиболее известные персоны двора Людовика XIV: герцог Орлеанский, принцесса Генриетта Английская, мадам де Монтеспан и др.) в границах интерьеров Версаля, «золотой клетки» для придворных, являющейся приспособлением для оказания безграничного влияния на них.

Роль Людовика XIV исполнил английский актер Джордж Благен, показавший не только сильные черты характера, присущие королю, но также слабости и недостатки обычного человека. Съемки 30-серийного проекта проходили в подлинных интерьерах и садово-парковых пространствах Версаля, а также других исторических французских резиденциях (например, в замке Во-ле-Виконт).

«При Людовике XIV правила этикета заставляли монарха всю жизнь находиться на глазах у людей и ясно показывали непреодолимую границу между сувереном, предстающим во всем своем величии, и остальными подданными; однако церемониал полностью контролировался королем. На протяжении XVIII века эти правила все больше теряли значение; придворные свели к минимуму свое пребывание в Версале, предпочтя ему столичные развлечения; сами монархи прекратили играть в ту игру, в которую больше не верили, и, отбросив

церемониал, зажили частной жизнью; их частная жизнь вызывала у людей сильнейший интерес и не менее сильное порицание»[1].

Описание супружеской четы, правящей предреволюционной Францией: Людовика XVI и его супруги, австрийской принцессы Марии-Антуанетты, обычно носит достаточно камерный и вместе с тем иронический характер. Король и королева на страницах литературных произведений и в художественных фильмах предстают в клишированном виде: неповоротливый увалень, интересующийся только техническими новинками, но неспособный управлять государством, и легкомысленная кокетка, чьи капризы и непомерные финансовые траты окончательно подорвали репутацию французской королевской семьи; к тому же иностранка, как ее презрительно называли недруги, — «австриячка». Разумеется, трагическая история этой пары и жестокая казнь создали вокруг них соответствующий мученический ореол: король и королева, заплатившие жизнью за беспечное поведение и недальновидность в управлении страной.

В данной статье, согласно общей теме конференции, нам бы хотелось представить сторонний взгляд на Людовика XVI и Марию-Антуанетту; субъективный взгляд героев двух фильмов. Французский режиссер-классик П. Леконт снял «Насмешку» («Ridicule») в 1996 г. Главный герой этого фильма Грегуар Понселюдон (Чарльз Берлинг) живет в провинции и разрабатывает проект осушения болот. Для финансирования постройки плотины он отправляется в Версаль, чтобы добиться аудиенции у короля Людовика XVI, который проявлял интерес к инженерным разработкам. Разумеется, это не так просто. Для того, чтобы быть представленным королю, и тем более получить деньги, нужно преодолеть множество препятствий: подтвердить свою родословную, показать проект советникам министра, выслушивая при этом иронические комментарии («Возможно, все эти проекты и нужны, но они слишком дорого стоят. Вы готовы осушить королевскую казну»), добиться расположения придворных, которые могут оказать протекцию. Как ни забавно это выглядит, но для одобрения постройки плотины герою необходимо овладеть главным умением придворного — остроумно выражать свои мысли. Изящная шутка может сделать дворянина любимцем королевского окружения, а неудачный каламбур — навсегда разрушить карьеру, что зритель и наблюдает несколько раз в течение фильма.

Король и королева Франции в данном случае показаны весьма условно. Это скорее проходные персонажи, чья задача обозначить

свое присутствие в судьбе главного героя. К финалу возникает ощущение, что такие честные и умные люди, как Понселюдон, и впрямь могут строить жизненный путь, лишь условно соотнося его с историческими обстоятельствами. Это же подтверждает и финальный титр: 1794 г. — Грегуар и его жена Матильда остаются во Франции. Теперь он — гражданин Понселюдон, но его профессиональные приоритеты не изменились.

Дворяне различной степени знатности, духовенство, красивые аристократки — все они стремятся оказаться на вершине светской пирамиды, попасть в круг приближенных короля, сказав не просто запоминающуюся остроту, а каламбур с двойным, а то и тройным смыслом. Людовик XVI выступает в качестве арбитра, оценивающего результаты состязаний в остроумии. Мария-Антуанетта показана капризной куклой в экстравагантном парике, и в данном случае охарактеризовать ее можно только так.

Фильм «Прощай, моя королева» («Les Adieux à la reine») режиссера Бенуа Жако был выпущен в 2012 г. и отличался впечатляющим кастингом. В данном случае мы можем говорить о монофильме про Марию-Антуанетту (Диана Крюгер), поскольку все действие подчинено только ее личности. Кроме Крюгер в картине снялись Леа Сейду (в роли Сидони Лаборд) и Виржини Ледуайен (в роли Жюли де Полиньяк). На экране возник настоящий треугольник чувств и эмоций: служанка — королева — официальная фаворитка.

Сидони Лаборд — чтица королевы — рассказывает о последних днях безмятежного существования Версаля. Время действия — с 14 по 17 июля 1789 г. Революция уже на пороге, но королева ведет беспечное существование и приказывает Сидони читать любовный роман. Ее занимают романтические увлечения и новые вышивки, а Сидони по совместительству отличная вышивальщица. Королева является центром ее маленького мира, причем интересно отметить, что в фильме достаточно много сцен происходит именно в замкнутом, ограниченном пространстве, а первая совместная сцена Сидони и Марии-Антуанетты снята в помещениях Малого Трианона.

Создатели фильма сделали, на наш взгляд, чрезмерный акцент на романтической близости в отношениях королевы и графини де Полиньяк. Однако не следует отрицать, что последняя действительно являлась важной фигурой в окружении Марии-Антуанетты.

Существует изумительная в своей грациозности скульптурная композиция из фарфора «Венера и грации, увенчивающие Красоту»

(Севр, 1775–1780). Создатель группы Л. С. Буазо наделил полуобнаженную Венеру чертами сходства с Марией-Антуанеттой, а моделью для Красоты, возможно, являлась графиня де Полиньяк [2].

Полиньяк в исполнении Виржини Ледуайен совсем непохожа на изящную, элегантную фарфоровую статуэтку. Это яркая, энергичная молодая женщина, чей яркий цвет платьев заметно контрастирует со сдержанной пастельно-сливочной гаммой королевского двора. В целом можно отметить, что кинематографисты показали Полиньяк темпераментной и непосредственной, она похожа на избалованного ребенка, который привык сразу получать желаемое.

Капризы Полиньяк ощутимо раздражают Сидони Лаборд, платонически увлеченную королевой. Служанка мысленно ставит себя на место фаворитки, сравнивает себя с ней. В финале фильма ей приходится в прямом смысле занять место Полиньяк: во время отъезда в Базель чтица, согласно приказу королевы, переодевается в придворное платье, чтобы обезопасить фаворитку при пересечении границы. Служанка и госпожа меняются местами: в том случае, если на графиню захотят совершить нападение, пострадает Сидони.

Известно, какое отношение к королеве и ее окружению сформировалось в предреволюционной стране. «Во Франции, где престиж королевского двора больше укоренен в культуре и больше влияет на политику, вал памфлетов среди прочего вызван теми новшествами, которые королева внесла в придворный церемониал. Мария-Антуанетта так и не смогла принять французский королевский этикет, считая его слишком чопорным и старомодным, несмотря на увещевания ее матери, императрицы Марии Терезии, не переставшей напоминать ей о значении церемоний и ритуалов. Напрасный труд! Для нее — сперва дофины, потом королевы — это не более чем формальность, лишенная всякого смысла. Ей ненавистны правила, ей тесны рамки королевского церемониала. Мать видит в этом каприз, смесь легкомыслия и безразличия»[3]. Появляется и развивается миф о распущенности нравов при дворе королевы Франции. Мария-Антуанетта хочет быть свободной от слишком многих условностей и тем самым вызывает неудовольствие как у простого народа, так и у придворных. Ее ближайшее окружение располагается в Малом Трианоне, а двор чувствует себя покинутым в Версальском дворце.

Бенуа Жако и его съемочная группа снимали в подлинных интерьерах; в основном при съемках использовался дневной свет, а в вечернее/ночное время — свечи, что помогло воссоздать на экране

настоящий «эффект Караваджо». Возникало ощущение двойственности: нарядные фасады и маленькие тесные внутренние помещения для проживания; просторные мощеные дворы и зловонные темные водоемы в парке. Затхлость, сырость и грязь в Версале — причины появления большого количества комаров и крыс.

Мария-Антуанетта в исполнении Дианы Крюгер выглядит в фильме непривычно решительной и, несомненно, интеллектуально развитой. Актриса словно развеивает миф о лени и капризах французской королевы. «Культура абсолютизма отразилась в области половой как галантность, как провозглашение женщины властительницей во всех областях, как ее безусловный культ. Век абсолютизма — классический век женщины. Она повелевает не только как тайная государыня, ее права царицы признаны официально перед лицом всего мира. Она открыто выставляет свой сан, как открыто пользуется связанными с ними привилегиями»[4]. В картине «Прощай, моя королева» зрители действительно видят мир женщин: от служанок до представительниц высшей знати. Это мир, наполненный, казалось бы, не слишком значительными занятиями: чтением вслух, вышиванием, придумыванием модных туалетов, катанием на гондоле. Однако именно эти мелочи жизни создают атмосферу любой эпохи, ее основу.

Э. Фукс писал: «Абсолютизм создал особый стиль дворцовых построек. Дворец уже не крепость, как в Средние века, пробуждающая в обитателях чувство безопасности от нападений и неожиданностей, а низведенный на землю Олимп, где все говорит о том, что здесь обитают боги. Обширная передняя, огромные залы и галереи. Стены покрыты сверху донизу зеркалами, ослепляющими взоры. Без зеркал не могут обойтись ни поза, ни жажда представительствования. Ничто не должно быть скрываемо; все должно стать выставкой богоподобия — даже сон государя»[5]. Оба фильма, проанализированные в данной статье, вступают в полемику с вышеприведенным описанием, поскольку показывают зрителю внутреннюю жизнь версальской резиденции. Под блеском парадных залов скрываются те, кто эти залы обслуживает, причем не только физически (слуги), но и эмоционально (аристократы). Недаром в фильме Бенуа Жако возникает один из таких «призраков Версаля» — престарелый маркиз, обладатель роскошного поместья, который, тем не менее, обитает в скромной комнате Версальского дворца только потому, что хочет два раза в день видеть короля, проходящего по галерее. Монарх нуждается в восхищении подданных, иначе его внешний блеск погаснет. В одной из финальных сцен фильма

«Прощай, моя королева» Мария-Антуанетта одиноко идет по коридору вдоль опустевших апартаментов придворных, а со стороны внутреннего двора доносится шум отъезжающих карет. Придворные покидают Версаль, эпоха абсолютизма бесповоротно завершается.

Сидони Лаборд на экране несколько раз оказывается в ситуации, когда сон переходит в явь; режиссер намеренно не поясняет, реальность перед нами или вымысел. Более того, в диалогах между героями возникают фразы: «Наверное, тебе приснилось»; «Вам пригрезилось» (это как раз о королеве, стучавшей, как видела Сидони, в двери покинутых покоев придворных). В принципе, это может быть связано с характером источника, все же воспоминания чтицы королевы — не самая достоверная историческая основа. Фантазии и эмоциональность молодой женщины, оказавшейся если не в самом центре исторических событий, то совсем рядом с ними, создают сугубо субъективное изображение характера и привычек королевы и короля. Людовик XVI, которого сыграл Ксавье Бовуа, представлен рассудительным и мужественным, ободряющим Марию-Антуанетту. Пожалуй, сцены с его участием в фильме наиболее реалистичны.

«Ты живешь книгами, но в жизни есть не только книги, и не только королева», — слышит Сидони от подруги-камеристки. Разумеется, это справедливо, но историкам важна не только реальность как таковая, но и комплекс субъективных впечатлений о ней. Поэтому фантазии мадемуазель Лаборд имеют значение — в них содержится ее собственная истина, истина очевидца.

В целом же история королевского французского двора второй половины XVIII в. явственно перекликается с сюжетом и композицией рисунка Т. Ф. Мондона (1709–1755) «Пора вечерних развлечений», где в центре группы нарядных дам и кавалеров присутствует фигура одинокого танцора в маске, странно заложившего руки за спину и вызывающего в памяти одну из фигур «пляски смерти»[6].

[1] *Лилти А.* Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850). СПб., 2018. С. 7.
[2] Птицы — вестники богов. Прикладное искусство Западной Европы XVI–XIX вв.: каталог выставки. СПб., 2013. С. 124–125.
[3] *Лилти А.* Публичные фигуры: Изобретение знаменитости (1750–1850). С. 259.
[4] *Фукс Э.* История нравов. Галантный век. М., 2018. С. 57.
[5] Там же. С. 13.
[6] Упоминается также другое название офорта: «Аллегория вечера». См.: *Ракова А. Л.* XVIII век в зеркале орнаментальной гравюры. Каталог выставки из собрания Эрмитажа. СПб., 1997. С. 30, 54.

Кислицына Ольга Сергеевна

КАМЕРЦАЛМЕЙСТЕРСКАЯ ЧАСТЬ ПЕТЕРГОФСКОГО ДВОРЦОВОГО ПРАВЛЕНИЯ

Камерцалмейстерская должность (также дела, контора, часть; нем. *kammer* — комната, *zahlmeister* — казначей), занимавшаяся убранством, в том числе меблировкой, императорских дворцов в Санкт-Петербурге, Москве и загородных местах, существовала при российском дворе с 1720-х гг. Первоначально эта служба была самостоятельным подразделением в структуре императорского двора. С 1783 г., кроме короткого периода с января 1796 по февраль 1797 г. подчинения Кабинету Е. И. В., находилась в ведении Придворной конторы; в 1827 г. вошла в состав Гофинтендантской конторы[1].

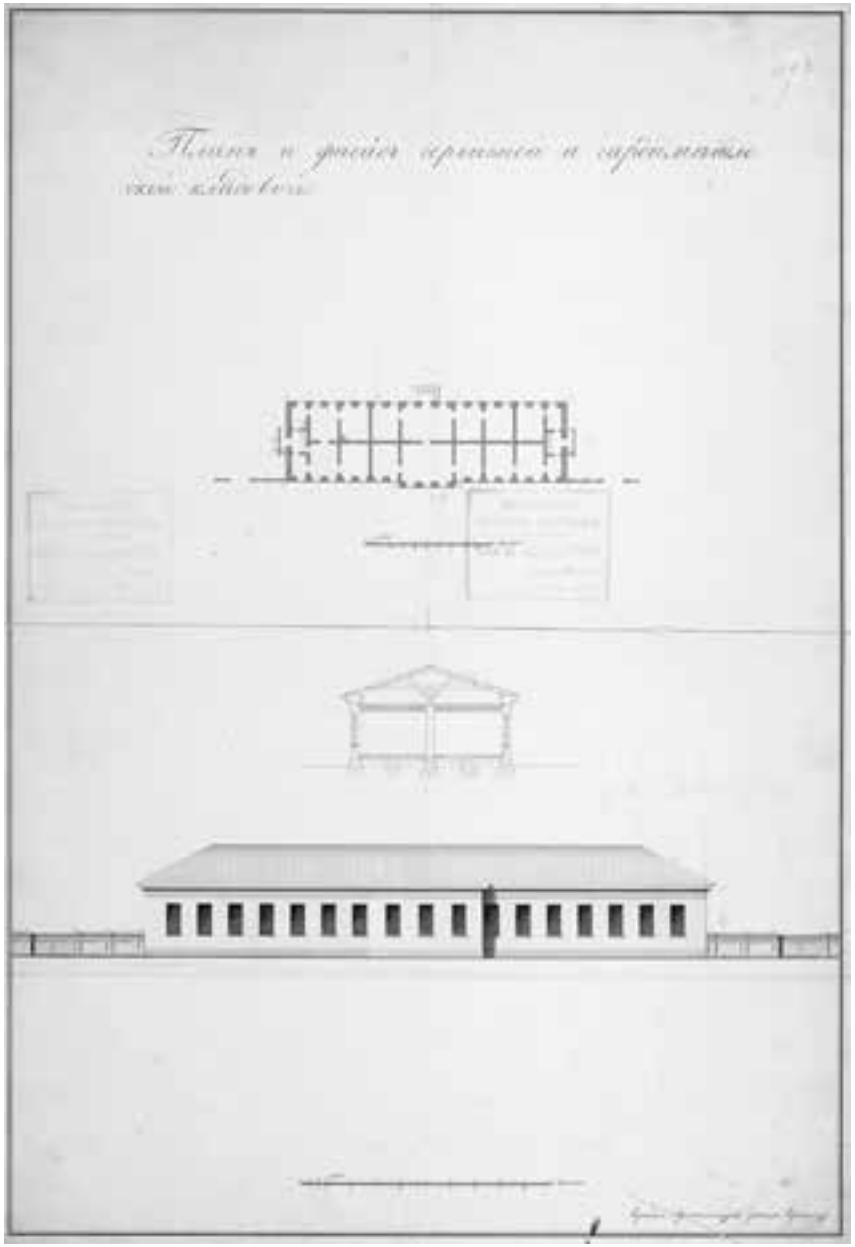
В конце царствования Екатерины II была предпринята попытка ограничить деятельность Камерцалмейстерской части только петербургскими зданиями, а «…все мебели и вещи по загородным дворцам находящиеся отдать под присмотр Капитанов замков»[2]. Это распоряжение вызвало возражение со стороны Гофинтендантской службы, в чьем подчинении находился «начальник над Петергофскими и Стрельнинскими дворцами и садами»[3], и мебельное убранство пригородных резиденций по-прежнему осталось в ведении Придворной конторы[4]. В конце 1790-х гг. при петергофских дворцах находился служащий Камерцалмейстерской должности гардемебель Павел Басков. Согласно отзыву начальства, должность исправлял «порядочно»[5]. В начале XIX в. его сменил Алексей Сергеев[6]. Позже, во второй половине 1810-х гг., это место занял помощник комиссара Иван Шолков. После десяти лет работы «за неисправное отправление должности и за медленную подачу расходных ведомостей, кои бывают большей частью неясны и ко вреду казны с настоящим употреблением несоответственны, из службы [был] отставлен»[7]. По мере надобности из Придворной конторы в Петергоф присылали мастеровых, выделяли деньги на приобретение необходимой мебели и других вещей[8].

В 1818 г. главноуправляющий Царскосельским, Петергофским и Ораниенбаумским дворцовыми правлениями Я. В. Захаржевский[9] обратился к начальнику Главного штаба его императорского

величества П. М. Волконскому с просьбой «…обязать Придворную контору отрядить навсегда одного помощника гардемебеля в Петергоф с пристойным числом служителей, с тем, чтобы они состояли уже в ведение сего правления, а за сим отпускалась бы в распоряжение оного и следующая на содержание Камерцалмейстерской должности сумма»[10]. По решению П. М. Волконского такая служба была создана при всех трех загородных дворцах, состоявших в подчинении Я. В. Захаржевского[11].

В штате Петергофского дворцового правления Камерцалмейстерская часть появилась в 1827 г.[12] Поводом послужила реорганизация придворных ведомств. Новое подразделение возглавил комиссар (с 1843 г. должность именовалась «старший смотритель»), в его подчинении находились два помощника, четыре обойщика, обойный подмастерье, два присяжных[13], два сторожа, часовой мастер, кастелянша, двадцать восемь прачек и поломоек. Здесь решали все хозяйственные вопросы, связанные с приобретением мебели (и других вещей[14]), ее ремонтом и утилизацией, а также хранением и учетом.

Мебель для дворцов и других казенных зданий, как правило, изготавливали сторонние подрядчики. В мастерских Петергофского правления обычно делали в небольшом количестве столярные изделия, предназначенные для служебных помещений. Для привлечения «вольных» исполнителей устраивали торги, объявление о которых публиковали в прибавлениях к Санкт-Петербургским Академическим ведомостям[15]. Хотя нередко в торгах принимали участие владельцы небольших мебельных мастерских, предпочтение отдавали постоянным поставщикам, которым, порой, «по убеждению Правления» приходилось делать «решительную сбавку»[16]. С ними заключали кондиции. Сметы на меблировку дворцов готовили архитекторы, они же отвечали за качество изготовленных вещей. Документы, а также рисунки или образцы мебели представляли на высочайшее утверждение. Для составления списка вещей, необходимых для обстановки квартир придворных чинов, нередко привлекали смотрителя Камерцалмейстерской части. В некоторых случаях характер убранства помещений определяли другие лица. Комнаты в западном флигеле Фермерского дворца, предназначенные для проживания и занятий сыновей Александра II, великих князей Александра и Владимира, были обставлены согласно рекомендациям их воспитателя Н. В. Зиновьева. За меблировку

Ил. 1. И. К. Чудинов. План, фасад и разрез здания, занимаемого сервизной и гардемебельской кладовой. Не ранее 1830 г. ГМЗ «Петергоф»

в 1898 г. Южного корпуса дворца Нижняя дача нес ответственность С. И. Сперанский, начальник Санкт-Петербургского дворцового управления. Придворные служители — метрдотель, гардеробщик императора или императрицы и другие — также могли высказать свои пожелания об устройстве помещений, в которых им предстояло работать.

Ремонт мебели производился в основном вольными мастерами по подрядам. Для выполнения несложных работ — переборки волоса в мебельных подушках, замены плетения на стульях и креслах, просушивания и выколачивания пыли из матрасов — нанимали солдат гвардейской Инвалидной роты [17]. Мастера казенного ведомства подавали в правление рапорты о числе поденных рабочих и писали требования о необходимых материалах. На их поставку в начале года объявляли торги. Смотрителю Камерцалмейстерской должности разрешали в исключительных случаях приобретать товары, которых не было в контрактах, но при этом купленная вещь не должна была быть «дороже справочной, прейскурантной или пятилетней сложной цены» [18]. Ткани, тесьму и другие материалы, необходимые для ремонта мебели и чистки помещений, а также недорогие предметы комнатной обстановки — карнизы, розетки для штор, уринники и прочее — покупали у владельцев лавок в петербургских гостиных дворах.

Ежегодно проводились подклейка деталей, чистка, полировка мебели, изготовление утраченной фурнитуры, замков, ключей. Поскольку убранство комнат в императорских дворцах имело репрезентативное значение и наряду с другими факторами способствовало формированию престижа государственной власти, предметам комнатной обстановки старались придать нарядный вид. В кондициях на исправление мебели часто встречается указание «приделать новую резьбу», старую позолоту и краску «всю до дерева очистить» и «вновь позолотить», «запачканные шкафы и комодные ящики внутри выстругать» [19]. Особые требования предъявляли к золоту, которое должно было быть червонным, «первой руки, 95 2/3 пробы» [20], и качеству золочения [21]. Тканные обивки на мебели меняли, как правило, через каждые десять-пятнадцать лет. В некоторых случаях делали это чаще [22].

В обязанности смотрителя Камерцалмейстерской части входило следить за состоянием убранства всех дворцов и казенных зданий и своевременно подавать управляющему Петергофским

правлением рапорт о замене предметов обстановки. Мебель «старых фасонов», не отвечавшую современным требованиям комфорта, из комнат высших придворных чинов передавали в служебные помещения. Ветхие, не подлежащие ремонту предметы продавали с торгов, употребляли на починки, а также на растопку печей для варки клея и крахмала. Видимо, в число вещей, предназначенных для продажи, попадала мебель из личных комнат императорской фамилии. В 1876 г. последовало распоряжение министра императорского двора «ни в каком случае» этого не допускать [23].

Для хранения мебели и других вещей предназначалось несколько кладовых. На Правленской улице, напротив Верхнесадского дома, находилась каменная кладовая, построенная в 1800 г. на месте деревянной [24]. В этом же здании помещалась придворная аптека, а во время приезда двора в Петергоф три комнаты отводили для сервизной и скатертной должности. Остававшиеся в распоряжении Камерцалмейстерской части три помещения были заняты шкафами с постельным бельем и материями [25]. Недалеко, «позади официантского дома», стояла «досчатая в столбах гардемебельская кладовая», сломанная в 1839 г.[26] Кроме того, часть мебели размещали в лавках Гостиного двора. Смотритель Камерцалмейстерской части С. Лыткин неоднократно обращал внимание правления, что кладовые «очень малы и отдалены, что затрудняет делать отпуски», «в тесноте сложенные мебели ломаются и портится на них лак», вещи «не могут быть рассортированы, в поспешных требованиях выставка их весьма затруднительна, и при отпусках всегда оказывается несвоевременная починка и остановка» [27]. Новая деревянная кладовая была построена в 1848 г. на месте разобранных строений Петергофской бумажной фабрики [28].

За сохранность вещей, находившихся во дворцах и кавалерских домах, отвечали гоффурьеры и ливрейные служители, которым подчинялись низшие служители — лакеи и истопники, получавшие печати и ключи от помещений, в которых работали [29]. В 1873 г. возник инцидент: одного из истопников обвинили в краже казенных вещей. После происшествия низшим придворным служителям запретили входить в комнаты без сопровождения гоффурьера и камер-лакея [30].

Перемещение мебели из одного здания в другое допускалось только по разрешению смотрителя Камерцалмейстерской части. Впрочем, это правило часто нарушалось. Для учета вверенного

имущества вели делопроизводство, частью которого являлись специальные описи. В первой половине XIX в. это были «сдаточные» описи, служившие для передачи вещей от одного смотрителя к другому[31] или составленные после завершения строительства и меблировки нового здания. Описания предметов в этих документах были очень краткими, и, как отмечали члены инвентаризационной комиссии, работавшей в петергофских дворцах в 1861 г., «определить такие ли именно вещи, как теперь находятся налицо, совершенно невозможно»[32].

В 1858 г. император Александр II издал указ о ревизии имущества в петербургских и загородных императорских дворцах, составлении новых описей и правил для их ведения. Ответственным назначили чиновника особых поручений С. И. Мережковского (1821–1908)[33]. К описанию камерцалмейстерских вещей, находившихся в Петергофе, приступили в апреле 1861 г., к осени комиссия завершила свою деятельность[34]. Впервые была введена валовая нумерация, номера вещей, указанные в описи, нанесли на предметы. Во время работы комиссии на вещи наклеивали временные бумажные ярлыки. Впоследствии казенные мастера, придворные служители, а в Александрии вольнонаемные маляры написали эти номера масляной краской. 84 тома новых описных книг составили в двух экземплярах: один — для хранения в Петергофском дворцовом правлении, второй — для смотрителя Камерцалмейстерской должности. На основании этих документов подготовили тетради комнатных описей, которые передали дежурным придворнослужителям, «…чтобы они хранились непременно в тех самых комнатах или помещениях, по которым были составлены»[35]. «Для сложения описей» столярный мастер Фриборг изготовил 200 застекленных рамок ясеневого дерева[36].

Поводом к новой ревизии камерцалмейстерского имущества явился инцидент, произошедший в одном из императорских дворцов. Картины, на которую обратил внимание Александр III, не оказалось в описи[37]. В результате сверки ценностей, находившихся к 1893 г. в петергофских дворцах, с описными книгами и комнатными описями, выявились многочисленные нарушения в их ведении. Деятельность комиссии по новой инвентаризации дворцового имущества продолжалась восемь лет. На этот раз описные книги были разделены на группы, внутри этих групп каждый «род предметов» (диваны, стулья, кресла и так далее) имел свою нумерацию. В описях

отмечались предметы, «наиболее замечательные в художественном отношении», вошедшие в изданный в 1885 г. каталог Д. В. Григоровича[38]. Как и в прошлый раз, на основании новых описных книг составили комнатные описи по каждому дворцу и зданию. Вновь присвоенные инвентарные номера наносили на предметы, находящиеся во дворцах и павильонах, красной или черной краской, в казенных зданиях — зеленой, на даче «Александрия» — голубой[39].

За 90 лет в петергофской Камерцалмейстерской части сменилось семь смотрителей. Первым возглавил эту службу К. А. Гульельми (1827–1831). В самый блестящий период императорской резиденции работами руководил С. М. Лыткин (1835–1859), прослуживший в должности «по большому числу дворцовых зданий весьма сложной, а во время Высочайшего присутствия, требующей чрезвычайной деятельности»[40] почти четверть века. Последний смотритель, П. Евсеев, получивший это место весной 1917 г., проработал всего несколько месяцев. Монархическая власть в России была свергнута, император Николай II и его брат великий князь Михаил Николаевич отреклись от престола, а смотритель продолжал беспокоиться о пропавшем кроватном белье, ремонте мебели, эвакуации имущества бывшего государева владения в Москву. С упразднением Министерства императорского двора и образованием Народного Комиссариата имуществ Республики Камерцалмейстерская часть Петергофского управления закончила свою деятельность.

Создание самостоятельной Камерцалмейстерской службы в составе Петергофского дворцового правления позволило оперативно и результативно решать вопросы, связанные с внутренним убранством дворцов и других казенных зданий загородной резиденции российского монарха. «Высочайшие одобрения» по поводу состояния дворцов, а также награды, которые получали служащие этой должности за свою работу, свидетельствовали об эффективной деятельности этого структурного подразделения.

---

[1] *Агеева О. А.* Преобразования русского двора от Петра I до Екатерины II. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2007. С. 509–528; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825). СПб., 1830. Т. 23. С. 848. № 17.421 от 22.12.1795; РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 141. 1796 г.; Ф. 472. Оп. 1. Д. 75. 1826–1827 гг. Л. 1, 1 об.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825). СПб., 1830. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. С. 291. К № 17.820 от 20.02.1797.

[3] РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 834-а. 1794 г. Л. 21–25 об.; Ф. 470. Оп. 5 (76/188). Д. 876. 1799 г. Л. 262, 263, 265.
[4] РГИА. Ф. 470. Оп. 5 (76/188). Д. 876. 1799 г. Л. 262, 263, 265; Ф. 470. Оп. 5 (76/188). Д. 877. 1799 г. Л. 389, 469; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825). СПб., 1830. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. С. 376, 377. К № 19.497 от 29.07.1800.
[5] РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 141. 1796 г. Л. 108 об. — 109; Ф. 490. Оп. 1. Д. 834-а. 1794 г. Л. 76.
[6] Назначен в ноябре 1800 г. «Ему Сергееву чрез камерцалмейстерскую должность предписано указом дабы он… имел за всеми состоящими как в самом дворце, так и в кладовых уборами, мебелями и прочими относящимися до камерцалмейстерской должности вещами надлежащее смотрение. Для чего на записку в приход и в расход всех уборов и мебелей за шнуром, печатью и за скрепой даны ему из придворной конторы три книги» (РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 66. 1804–1806 гг. Л. 7, 10). Дом для проживания гардемебельских помощников находился в «Малой Фрунтовой слободе» (на участке у Красного пруда).
[7] РГИА. Ф. 469. Оп. 14. Д. 71. 1819–1825 гг. Л. 183 об. — 184; Ф. 519. Оп. 1. Д. 886, 1791 г. Л. 3, 4; Ф. 519. Оп. 1. Д. 274. 1817–1819 гг. Л. 3. «Опись предметов, находящихся в Большом дворце, Эрмитаже, Оперном доме и каменных Кавалерских домах» (Архив ГМЗ «Петергоф». Инв. № ПДМП 6123-ар) была составлена И. Шолковым в 1816 г. при вступлении его в должность по требованию управляющего Петергофом Ф. Бердяева.
[8] РГИА. Ф. 486. Оп. 2. Д. 22. 1818 г. Л. 14.
[9] В 1817 г. Петергофское правление исключили из ведомства Гофинтендантской конторы и подчинили главноуправляющему Дворцовыми правлениями, который, в свою очередь, подчинялся непосредственно П. М. Волконскому, начальнику Главного штаба Е. И. В., а с 1826 г. министру императорского двора (РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 231. 1817 г., Ф. 519. Оп. 1. Д. 197. 1817 г.).
[10] РГИА. Ф. 486. Оп. 2. Д. 22. 1818 г. Л. 16.
[11] РГИА. Ф. 486. Оп. 1. Д. 5. 1818 г. Л. 1, 2. 25 августа был утвержден штат: комиссар, помощник комиссара, обойный подмастерье, четыре обойщика, два портных, два присяжных, четыре сторожа.
[12] РГИА. Ф. 786. Оп. 3. Д. 88. 1826–1829 гг. Л. 4; Ф. 472. Оп. 1. Д. 75. 1826 г. Л. 1, 1 об.
[13] В документе 1796 г. функции присяжных по Камерцалмейстерской части определены следующим образом: «Должность имеют ходить в кладовые с приходчиками и гардемебельскими помощниками и по одному дежурить при Камерцалмейстерской должности» (РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 141. 1796 г. Л. 118 об.).
[14] «К убранству комнат принадлежат: мебели, бронзы, мраморные, фарфоровые и гипсовые вещи, люстры, часы, канделябры, зеркала, драпировки, обои, ковры, кровати с постельными приборами и прочее; сюда же относятся: брезенты, покрышки, чехлы и вообще все вещи для соблюдения чистоты, в комнатах необходимые, сверх того: каминные приборы, туалетная и ночная посуда и проч.» Из инструкции смотрителя Камерцалмейстерской части Зимнего дворца 1843 г., пункт № 6 (РГИА. Ф. 470. Оп. 14. Д. 379. 1843 г. Л. 3–8).
[15] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1745. 1845 г. На торги подрядчиков приглашали также повестками. Для торгов Петергофское правление нанимало квартиру в Санкт-Петербурге, на Садовой улице у Никольского рынка (РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2959. 1856 г. Л. 18).
[16] «Полезнее заказать мастеру уже известному добросовестным исполнением заказов, иначе может случиться, что мебель будет поставлена рыночной работы, иногда не уступающая заказной по наружному ее виду, но крайне непрочная» (РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 4163. 1878 г. Л. 1 об.).
[17] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 538. 1831 г. Л. 61; Ф. 490. Оп. 2. Д. 275. 1837 г. Л. 33; Ф. 490. Оп. 2. Д. 1887. 1846 г. Л. 56; Ф. 490. Оп. 2. Д. 1900. 1847 г. Л. 59.
[18] РГИА. Ф. 470. Оп. 14. Д. 379. 1843 г. Л. 3–8.

[19] РГИА. Ф. 490. Оп 2. Д. 1875. 1845–1846 гг. Л. 53, 124; Ф. 490. Оп. 2. Д. 1900. 1847 г. Л. 151.
[20] Содержание золота в 96 частях сплава.
[21] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1875. 1845–1846 гг. Л. 53.
[22] В жилых комнатах императорской семьи употребляли новые материи. Диваны и кресла, находившиеся на половине императора, традиционно обивали сафьяном. В остальных случаях старались экономить. Исключение не делали даже для мебели из парадных залов Большого дворца. Нередко перелицовывали ткань, снятую со стульев и банкеток, использовали старые занавеси, драпировки со стен. Так поступали в основном во второй четверти XIX в. В то время в кладовых Петергофского правления хранились дорогие штофные материи, бархат, китайские расписные ткани XVIII в., переданные из магазинов Гофинтендантской конторы и Кабинета его величества.
[23] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 4101. 1876 г.
[24] Деревянная кладовая, стоявшая на этом месте, была перестроена в 1769 г. «с прочностью на тридцать лет». В 1800 г. архитектор Ф. Броуэр подготовил проект новой каменной кладовой в два этажа со сводами, однако император Павел I приказал построить здание по образцу находившихся здесь кавалерских домов (РГИА. Ф. 467. Оп. 2 (73/187). Кн. 102. Д. 13. 1764–1773 гг. Л. 170; Ф. 490. Оп. 2. Д. 49. 1800 г. Л. 45, 75).
[25] РГИА. Ф. 490. Оп. 9. Д. 1107. 1839 г. Л. 118.
[26] РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 834-а. 1794 г. Л. 130–134; Ф. 490. Оп. 3. Д. 209. 1821 г. Л. 28 об.; Ф. 490. Оп. 9. Д. 1107. 1839 г. Л. 118.
[27] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1900. 1847 г. Л. 58.
[28] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2090. 1848 г. Л. 2, 4, 5, 6. Деревянные строения бумажной фабрики, предназначенные к сносу, находились на территории Нижнего парка за Марлинским ручьем.
[29] РГИА. Ф. 469. Оп. 15. Д. 54. 1862–1863 гг. Л. 18, 26.
[30] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3943. 1873 г. Л. 15.
[31] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 553. 1831 г. Л. 154.
[32] РГИА. Ф. 469. Оп. 15. Д. 31. 1860–1863 гг. Л. 64–70.
[33] РГИА. Ф. 469. Оп. 15. Д. 1. 1858–1860 гг. Л. 1, 4 об.; Ф. 469. Оп. 15. Д. 54. 1862–1863 гг. Л. 12, 18, 26, 30.
[34] РГИА. Ф. 469. Оп. 15. Д. 31. 1860–1863 гг. Л. 40, 42 об., 44, 55, 60, 63, 64–70.
[35] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 4015. 1861–1875 гг. Л. 1, 2, 23.
[36] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 4016. 1861–1875 гг. Л. 15, 16. 38 об.; Ф. 490. Оп. 2. Д. 3114. 1858 г. Л. 58 об.; Ф. 490. Оп. 2. Д. 3175. 1859 г. Л. 153. В 1883 г. были разработаны новые формы описных книг (РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 4271. 1882–1883 гг. Л. 32, 33).
[37] РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 741. 1893–1901 гг. Л. 1.
[38] *Григорович Д. В.* Петергоф. Опись предметам, имеющим преимущественно художественное значение. СПб., 1885.
[39] «Описным называется имущество, предназначаемое для долговременного пользования и не имеющее определенного срока службы, как например, предметы обстановки, посуда, художественные произведения, драгоценные вещи, книги, живой инвентарь, растения, платье, механизмы, инструменты, экипажи, сбруя и т. п.» (РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 741. 1893–1901 гг. Л. 3, 4, 9 об., 15 а, 19–19 об., 20, 24, 45, 47, 86, 99, 112, 117, 119, 121, 122, 124, 129–30, 132, 134, 136; Ф. 472. Оп. 66. Д. 480. 1903 г.
[40] РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 1806. 1858 г. Л. 4, 5.

Клобукова (Голубинская) Наталья Федоровна

МУЗЫКА НА СЛУЖБЕ ЯПОНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ: ИСТОРИЯ ЦЕРЕМОНИЙ И РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Взаимоотношения власти и музыки — один из интереснейших пластов истории и культуры, исследования которого не теряют своей актуальности. Придворные ансамбли и оркестры, их участие в жизни власть предержащих; деятельность придворных композиторов, капельмейстеров, музыкантов; придворные музыкальные жанры, их функции, особенности, зарождение, эволюция; используемые музыкальные инструменты и так далее — вот лишь некоторые вопросы, составляющие предмет научных штудий. Безусловно, от эпохи к эпохе, от государства к государству облик придворной музыки менялся, сохраняя, однако, некоторую общность жанровых предпочтений. Торжественная музыка, восхваляющая короля, царя, князя, императора; духовная музыка, звучащая во время религиозных обрядов и праздников; камерная светская музыка, исполняемая на концертах; легкая музыка, служащая для развлечения; танцевальная музыка, сопровождающая балы и светские рауты, — эти и им подобные жанры можно найти практически в любой музыкальной культуре. Рассматриваемая в данной статье музыка японского императорского двора, следуя в общих чертах предложенной классификации жанров, все же сильно отличается от музыки при дворе французских королей или при дворе русских императоров и императриц.

Начало японскому императорскому дому, согласно легендам, положил первый земной император Дзимму, являвшийся прямым потомком богини Солнца Аматэрасу и правивший в VII в. до н. э. Однако истинный расцвет страны Ямато, нынешней Японии, связывают с правлением принца Сётоку тайси (574–622), при котором участились контакты Японии с континентальными государствами (в первую очередь с Китаем) и стали проводиться глобальные реформы государства и общества на основе заимствований в области политики, экономики, религии, культуры. Императорский двор, выстроенный по китайским канонам, перенял и музыкальные особенности своего бытования, основной из которых было неизменное участие в жизни двора церемониального оркестра *гагаку* (ил. 1).

Ил 1. Неизвестный художник. Оркестр *гагаку* эпохи Хэйан
Фрагмент рисованного свитка. X в. Токийский национальный музей (Япония)

Гагаку (雅楽, кит. *яюэ*, «элегантная, изящная музыка») — это не только придворный оркестр, без которого не обходилась ни одна религиозная церемония и ни одно светское развлечение. Это целая система музыкального мышления, основанная на концепции «совершенной музыки» Конфуция[1], согласно которой с помощью правильного взаимодействия ритуала и музыки создается упорядоченное государство, регулируется эмоциональная природа человека и достигается всеобщая гармония. Конфуцию приписывают следующее высказывание: «Чтобы изменить нравы и преобразовать обычаи, нет ничего лучше музыки»[2].

В VII–VIII вв. заимствование и ассимиляция музыки *гагаку* шли полным ходом; к началу эпохи Хэйан (平安, «мир и спокойствие», 784–1185), которая считается «золотым веком» развития всех видов японского традиционного искусства, музыка гагаку приобрела официальный статус, а ее профессиональные исполнители имели придворные ранги и должности[3].

Музыка гагаку выполняла при дворе две функции: внешнюю церемониальную и внутреннюю (камерную) развлекательную. Помимо многочисленных придворных и религиозных праздников, пышными церемониями отмечались также отдельные события в жизни двора — посещение дома экс-императора или регента, возвращение императрицы во дворец из родительского дома, выезд на соколиную охоту и т. д. Во время этих празднеств оркестр исполнял торжественные инструментальные пьесы[4], а также аккомпанировал церемониальным танцам *бугаку*, каждый из которых обладал некой

Ил. 2. Неизвестный художник. Танец *бугаку* эпохи Хэйан
Фрагмент свитка. XII в. Токийский национальный музей (Япония)

сюжетной основой и нес определенную смысловую нагрузку. Так, танцы «Мандзайраку» («Многие лета») и «Тайхэйраку» («Великий мир») носили благопожелательный характер и исполнялись в честь императора; танцы «Байро» («Разбивающий врагов») и «Босацу» («Бодхисаттва») являлись неотъемлемой частью буддийских церемоний (ил. 2). Особые танцы исполнялись в дни синтоистских праздников, связанных с природным календарем: дни весеннего и осеннего равноденствия, праздник посадки риса, день любования красными листьями и т. д. В те времена значение придворной музыки и танцев в жизни двора было столь велико, что, помимо профессиональных музыкантов и танцоров, буквально все придворные аристократы увлекались этим искусством, достигая порой удивительного мастерства. Изящным исполнением той или иной части танца[5] можно было продемонстрировать все свои достоинства, обратив на себя внимание государя и его приближенных и получив тем самым преимущество при продвижении по карьерной лестнице. Особо искусных певцов и танцоров государь одаривал драгоценной одеждой, порой со своего плеча, что было очень почетно. Сведения об этом можно почерпнуть в дневниках эпохи Хэйан, а также в памятниках художественной литературы того времени. Вот, например, как описывает придворная дама Мурасаки Сикибу танец в исполнении принца Гэндзи[6] на празднике любования алыми листьями кленов момидзи:

«Гэндзи исполнял танец „Волны на озере Цинхай“[7]. В паре с ним выступал То-но тюдзё из дома Левого министра. Сей юноша, выделявшийся среди прочих как нежной прелестью лица, так и благородством осанки, рядом с Гэндзи казался неприметным горным деревом, выросшим подле цветущей вишни. В то поистине незабываемое мгновение, когда лучи заходящего солнца внезапно осветили высочайшие покои, а музыка зазвучала громче, стало ясно, что этот танец никогда еще не исполнялся танцором с таким несравненно прекрасным лицом и такой величественной поступью. Когда же Гэндзи запел, собравшимся показалось, будто слышат они голос калавинки, птицы Будды. Право, столь трогательна была его красота, что Государь отирал невольные слезы, и скоро уже плакали все: и знатные вельможи, и принцы. Когда же, закончив петь, порозовевший от волнения Гэндзи поправил рукава и стоял некоторое время неподвижно, ожидая нового вступления музыкантов, он более, чем когда-либо, заслуживал прозвания Блистательный».

Кстати, упомянутый нами То-но тюдзё смог в дальнейшем на празднике цветов взять танцевальный реванш, так замечательно исполнив танец «Роща ив и цветов»[8], что «государь пожаловал ему платье, и все отметили это как необычайную милость»[9].

Надо отметить, что музыкальный и танцевальный таланты были своего рода нематериальным капиталом, которым очень дорожили и подчас ловко пользовались. Особую ценность представляла некая секретная (тайная) версия того или иного танца или музыкальной композиции. Эту версию тщательно оберегали, передавали от отца к сыну; в стремлении узнать ее могли выдать дочь замуж в семью, которая владеет этой тайной традицией. Известна печальная история о том, что Оно Сукэтада (1046–1110), известный исполнитель танцев *кагура*[10], был убит за отказ передать в другую семью тайную версию танца «Сайсоро» («Старик, собирающий тутовые ягоды»). Репутация аристократа и его значимость в глазах государя и его приближенных во много раз повышалась, если становилось известно, что он владеет секретной музыкальной традицией. Интересно, что сами по себе музыкальные способности при этом в расчет не брались. Так, в романе неизвестного автора X в. «Уцубо-моногатари» («Повесть о дупле») придворный Канэмаса, разговаривая с императором о своем сыне Накатада, скромно не признает в нем особого музыкального таланта. «Его обучили искусству, которым владел его дед, поэтому он, должно быть, знает

одно-два тайных произведения, — это все»[11]. Справедливости ради отметим, что Накатада при этом считался непревзойденным музыкантом своего времени. Если же говорить не о литературном персонаже, а о реальном человеке, то самым выдающимся музыкантом эпохи, по свидетельствам современников, был Минамото Хиромаса (918–980), который искусно играл практически на всех инструментах оркестра *гагаку*.

Помимо музыкального, высоко ценился также и поэтический талант. Ни одно придворное празднество не обходилось без пиршеств и, конечно, без застольных песен. Особой популярностью пользовались банкеты под названием *эндзуй*, то есть «питие у воды», когда пирующие гости располагались на берегу ручья, по которому пускались деревянные чаши с сакэ. Ожидая прибытия чаши, гость был обязан сложить стихотворение, которое должно было отличаться емкостью, уместностью в данной обстановке и поэтическим мастерством. Вот как описывает этот процесс Мурасаки Сикибу в своем «Дневнике»:

«Приспело время и для песен. Песню нужно было возгласить, когда тебе подносят чарку с сакэ, и мы шевелили губами, думая, как бы сказать поудачнее. Я сложила так:

Пусть эта чарка,
Что передает друг другу,
Под полною луной,
Искрится дивным светом
И счастье принесет навек»[12].

Помимо торжественных церемоний, пышных празднеств и застолий, музыка звучала, конечно, и в кулуарах придворной жизни, будучи не только излюбленным развлечением, но также порой и средством добиться расположения прекрасной дамы или благородного господина. В уже упомянутом нами романе «Повесть о Гэндзи», в главе «Акаси» принц Гэндзи, несправедливо обвиненный и сосланный в дальнюю провинцию Сума, слышит игру на цитре *кото* дочери местного аристократа и проникается к ней любовным чувством. Она же, в свою очередь, при расставании с принцем обещает никогда не перестраивать *кото* на другой лад, чтобы надолго сохранить память о возлюбленном (ил. 3).

Цитра *кото*, лютня *бива*, гобой *хитирики,* флейта *рютэки*, губной многоствольный орган *сё*, барабан *тайко* — таковы основные инструменты оркестра *гагаку*, умение играть на которых составляло

Ил. 3. Неизвестный художник. Принц Гэндзи музицирует на лютне *бива*
Иллюстрация к роману «Повесть о принце Гэндзи». Фрагмент рисованного свитка XII в.
Художественный музей Токугава (г. Нагоя, Япония)

предмет особой гордости придворных аристократов. Исторические документы сохранили описания самых различных случаев музицирования, во время которых «музыканты утешали сердца своих современников и оставляли о себе память в последующих поколениях»[13]. Среди этих историй есть поучительные, есть забавные, а есть и поистине трагические — как, например, история о Канэтоси из провинции Тикудзэн[14]. Процитируем манускрипт 1254 г.:

«Исполнение музыки требует большой осторожности. Бывший правитель провинции Тикудзэн, Канэтоси, получил приказ явиться во дворец, потому что там в то время недоставало исполнителя на органчике сё. На репетиции ему выдали знаменитый инструмент по названию кисакиэ, и, когда подошло время, он, ни о чем не беспокоясь, заиграл на нем, а в трубке находился паук, который попал ему в горло. Канэтоси начал задыхаться и отхаркиваться — император и придворные животы надорвали со смеху. Канэтоси показал себя очень глупо, и его лишили права посещения дворца. В подобных случаях надо действовать осмотрительно. Особенно если дело касается инструментов из императорской сокровищницы, — ими ведь не пользуются постоянно. Надо было попробовать органчик осторожно»[15].

Многочисленные упоминания о звуках инструментов оркестра *гагаку* находим также в «Записках у изголовья», повести конца X в. жанра дзуйхицу («вслед за кистью») придворной дамы Сэй-Сёнагон. Вот она восхищается пением молодых придворных на празднике

Ил. 4. Неизвестный художник. Камерное музицирование в эпоху Хэйан
Фрагмент свитка. X в. Токийский национальный музей (Япония)

Камо: «Музыкальная репетиция перед праздником Камо — большое наслаждение. Слуги ведомства двора высоко поднимают длинные сосновые факелы. Втянув голову в плечи от холода, они тычут концы горящих факелов во что попало. Но вот начинается концерт. Звуки флейт особенно волнуют сердце. Появляются юные сыновья знатнейших вельмож в церемониальной одежде, останавливаются возле наших покоев и заводят с нами разговор. Телохранители потихоньку велят толпе посторониться, расчищая дорогу своему господину. Голоса их, сливаясь с музыкой, звучат непривычно красиво»[16] (ил. 4).

Но особенности исполнения инструментальной музыки и не особо приятные тембры некоторых инструментов тоже фигурируют в этих записках: «Чудесно слушать, сидя в экипаже светлой, лунной ночью, звуки многоствольной флейты-сё! Правда, она громоздкая и на ней трудно играть. А какое лицо строит флейтист! Впрочем, он забавно надувает щеки, даже играя на обычной флейте. Бамбуковая флейта-хитирики утомляет слух. Она пронзительно верещит, словно кузнечик осенью. Не слишком приятно, когда на ней играют вблизи от тебя, а уж если плохо играют, это невыносимо. Помню, в день празднества Камо, еще до того, как танцоры появились пред лицом императора, флейты начали играть где-то позади помоста для танцоров… Ах, с каким восторгом я слушала! Вдруг в самой середине напева вступили бамбуковые свирели и стали

играть все громче и громче. Тут уж даже дамы, у которых были самые красивые прически, почувствовали, что волосы у них встают дыбом! Но наконец постепенно все струнные и духовые инструменты соединились вместе в полном согласии — и музыканты вышли на помост. До чего же это было хорошо!»[17] (ил. 5).

Однако прекрасная эпоха Хэйан сменилась долгим временем военной диктатуры, продолжавшимся вплоть до второй половины XIX в. На протяжении эпохи Камакура (1192–1333), а затем Муромати (1333–1573) музыкальное искусство *гагаку* во многом утеряло свои функции в силу ослабления императорской власти и значительного сокращения придворных церемоний. Кроме того, с установлением в Японии военного правительства стали развиваться музыкальные жанры, отвечающие потребностям правящего самурайского сословия. В результате примерно к середине XV в. музыкальная культура *гагаку* была почти утеряна. Однако к началу XIX в. усилиями сохранившихся центров придворной музыки в г. Нара (древней столице Японии), Киото и Осаке практика и репертуар *гагаку* стали понемногу восстанавливаться. В эпоху модернизации Японии, именуемую периодом Мэйдзи (1868–1912) именно музыканты оркестра *гагаку* стали обучаться игре на западных

Ил. 5. Фудзинара Митинори. Исполнитель на гобое *хитирики* оркестра *гагаку*. Рисунок из рукописи Синдзэй когаку дзу. Середина XII в. Опубл.: *Сисаури В.* Церемониальная музыка Китая и Японии. СПб., 2008. С. 96

Ил. 6. Современный представитель старинной музыкальной династии придворных музыкантов *гагаку* Хидэки Тоги (род. 1959) с губным органом *сё*. Фотография 2000-х гг.

музыкальных инструментах, создав уникальный в своем роде состав исполнителей, которые одинаково владеют как традиционным японским, так и классическим европейским репертуаром. Так, под Новый год и в день рождения императора музыканты оркестра исполняют концерт, в первом отделении которого звучат традиционные композиции гагаку, а во втором музыканты, переодевшись во фраки, играют произведения Бетховена, Штрауса, Брамса и Чайковского. По сей день в составе оркестра представители старинных музыкальных династий Тоёхара, Ога, Абэ, Тоги, Сиба, Хаяси, насчитывающих не один десяток поколений профессиональных музыкантов. Сословие придворной аристократии было упразднено в 1870-е гг., поэтому традиция любительского придворного музицирования прервалась. Однако японские императоры, как и много веков назад, продолжают заниматься музыкой, и нынешний император Акихито, вступивший на Хризантемовый трон в мае 2019 г., играет на альте в составе симфонического оркестра японского университета Гакусюин (ил. 6).

Традиция придворных церемоний и развлечений, таким образом, продолжает жить и как своеобразный звучащий музей, сохраняющий наследие прошлого, и как оригинальный, самобытный, не похожий ни на одну музыку мира звуковой пласт, служащий источником вдохновения современных композиторов и музыкантов.

[1] Конфуций (551–479 гг. до н. э.) — китайский ученый, философ, писатель, автор этического учения — конфуцианства, ставшего религиозной доктриной.
[2] Сяо цзин [Книга о сыновней почтительности]. Гл. 12. Цит. по: *Сисаури В.* Церемониальная музыка Китая и Японии. СПб., 2008. С. 12.
[3] В 701 г. был создан Музыкальный департамент Ута-дзукаса (впоследствии Гагаку-рё), ведавший всей деятельностью гагаку, а также определены основные репертуарные направления, по которым были созданы специальные отделы департамента (музыка Китая, музыка Кореи, музыка Японии и т. д.).
[4] Самой известной инструментальной пьесой гагаку с эпохи Хэйан и до настоящего времени является композиция «Этэнраку» («Музыка высокого неба»).
[5] Танцы *бугаку* делятся на три части согласно концепции дзё-ха-кю: медленное вступление — постепенное развертывание — стремительное завершение.
[6] Главный герой романа «Гэндзи-моногатари» (в русском переводе — «Повесть о Гэндзи»). Описанные события происходят в главе «Праздник алых листьев». Праздник проводился в десятый день десятой луны (10 октября). См.: *Мурасаки Сикибу.* Повесть о Гэндзи / Пер. с яп. Т. Соколовой-Делюсиной. М., 1993. С. 271.
[7] Традиционное название «Сэйгайха» («Волны синего моря»). Между разделами танца следовало исполнить песню.

[8] Традиционное название «Рюкаэн». См.: *Мурасаки Сикибу.* Повесть о Гэндзи. С. 285.
[9] Там же.
[10] В переводе с японского «музыка богов». Песни и пляски, исполнявшиеся на синтоистских церемониях.
[11] Уцубо-моногатари («Повесть о дупле»). СПб., 2004. Т. 1. С. 104.
[12] *Мурасаки Сикибу.* Дневник. СПб., 1997. С. 49.
[13] «Знаменитые истории древности и современности» («Кокон тёмондзю»). Цит. по: *Сисаури В.* Церемониальная музыка Китая и Японии. С. 217.
[14] В настоящее время — западная часть префектуры Фукуока.
[15] *Сисаури В.* Церемониальная музыка Китая и Японии. С. 227.
[16] *Сэй-Сёнагон.* Записки у изголовья / Пер. со старояп. В. Марковой. М., 1995. С. 130.
[17] Там же. С. 197.

Клочков Дмитрий Алексеевич

ПРИДВОРНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ДВОРЦОВОГО ПРАВЛЕНИЯ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

Состав и изменения в штате Царскосельского дворцового правления. 1801–1825 гг.

В царствование Александра I (особенно во второй половине) значение царскосельских резиденций — Большого и Александровского дворцов — постепенно росло. В 1820-х гг. «…государь стал часто удаляться, даже зимой, в свою любимую резиденцию в Царском Селе. Он вызывал к себе министров и вел очень уединенный образ жизни, без всяких других развлечений, кроме длинных прогулок по парку, простирающемуся на две-три версты»[1]. И хотя, по свидетельству графини С. Шуазель-Гуфье, «император Александр вел в Царском Селе деревенский образ жизни; двора не было…»[2], но обслуживанием императорской семьи занимался довольно обширный штат из состава Царскосельского дворцового правления (ЦДП).

Большую часть царствования Александра I структура и штат дворцовых правлений сохранялись такими же, как было установлено 18 декабря 1801 г.[3] (ЦДП входило в состав Гофинтендантской конторы и имело собственный штат «придворнослужителей»). В его составе числились (помимо придворных чинов, которые принадлежали к императорскому двору, ведениям отдельных служб и сопутствовали всем передвижениям царя по его загородным дворцам) два секретаря 8-го класса, управляющий, инженер-майор, главный смотритель 6-го класса, два комиссара, смотритель при садах, оранжереях, казначей, старший и младший лекари, надзиратель, три фельдшера, два магазейнвахтера, архитектор с двумя помощниками и двумя учениками, священник, «диакон», два псаломщика, просвирня, два сторожа (при придворной церкви), подмастерье «при разных мастерствах малярного и оконнишниго», восемь «маляров и оконнишников», мастер при заливных трубах, двое учеников мастеровых, мастер и подмастерье столярного дела, восемь столяров, двое учеников-медников, мастер слесарного дела, десять слесарей, два кузнеца, подмастерье кровельного и фонарного дела,

Ил. 1. Дж. Доу. Портрет императора Александра I в Царском Селе
Не позднее 1825 г. ГМЗ «Царское Село»
Император изображен в сюртуке, фуражке с чехлом на фоне Камероновой галереи

четверо кровельщиков и фонарщиков, мастер печного дела, трое печников, мастер каменного дела, мастер «квадратурный и лепной», подмастерье «у натирания во дворцов полов», 20 полотеров, «подбочистный» подмастерье, шесть трубочистов, мастер и ученик янтарного дела, мастер, два подмастерья и 30 учеников при садах и оранжереях в Царском Селе, шесть матросов, пять огородников, гоф-фурьер, два камер-лакея, семь лакеев, 30 истопников, 15 работников старшего и два младшего оклада, десять прачек, 15 поломоек «для мытья при дворцах полов», 30 инвалидов для караулов, четыре птичника, птичница, два рыболова, 40 «богадельных»[4]. Общее количество перечисленных чинов и служителей составляло 310 человек, но некоторые фактически находившиеся в Царском Селе придворные служители подчинялись определенным частям императорского двора (например, камерцалмейстерской части) и не отражались в царскосельском штате, хотя они осуществляли деятельность во дворцах Царского Села. Общая сумма затрат по ЦДП составляла 77 477 руб. 62¼ коп. в год [5].

В течение царствования Александра I штат ЦДП от 1801 г. многократно изменялся «по особым Высочайшим указам и повелениям»[6], ряд специализированных служб выделялись или переходили под другое подчинение, либо, наоборот, включались в состав Царскосельского правления, однако картину этих изменений можно восстановить только фрагментарно, а датировка этих изменений в полной мере не выявлена.

23 апреля 1817 г. ЦДП было исключено из ведения Гофинтендантской конторы, и теперь ему полагалось «быть в собственной зависимости Его Императорского Величества»[7]. Сделано это было с целью

Ил. 2. Генерал от артиллерии Я. В. Захаржевский, управляющий Царскосельским дворцовым правлением
Конец 1850-х гг. Опубл.: *Потоцкий П. П.* Столетие российской конной артиллерии. (1794–1894). СПб., 1894
Захаржевский изображен в форме 15-й конно-артиллерийской батареи, шефом которой он был назначен в 1855 г.

«дать Царскосельскому Дворцовому Правлению новое на лучших основаниях устройство в отношении к подведомственным оному крестьянам». Возглавил правление генерал-майор артиллерии Я. В. Захаржевский (1780–1865) — участник войн с Наполеоном, особенно отличившийся в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. В сражении под Лейпцигом он потерял правую ногу ниже колена, что не помешало его дальнейшей карьере. В должности управляющего ЦДП он находился почти пятьдесят лет, был произведен в генералы от артиллерии, был удостоен всех высших орденов империи, пользуясь благоволением всех трех императоров, при которых служил — Александра I, Николая I и Александра II. В день 60-летия службы Захаржевский получил от Александра II звание генерала, состоящего при Особе Его Величества, а в честь заслуг перед Царским Селом стал его первым почетным гражданином [8].

Вскоре после обособления ЦДП, в его подчинение были также переданы Петергофское (7 июня 1817 г.) и Ораниенбаумское дворцовые правления (официально 20 апреля 1823 г.[9], но фактически — ранее, в 1817 г.[10]), а впоследствии — еще и Гатчинское (28 декабря 1828 г.)[11]. В 1817 г. под управлением Захаржевского находилось управление городом Царское Село, «попечение по устроению онаго», заведывание городской больницей и богадельней, начальство над Царскосельским, Петергофским и Ораниенбаумским дворцовыми правлениями [12].

К этому времени в штат были внесены многочисленные изменения, были увеличены оклады и установлены дополнительные начисления, связанные со столовыми, квартирными деньгами,

компенсациями разъездов, закупки дров, свечей, расходов на изготовление платья и т. д. Некоторым категориям устанавливались дополнительные надбавки, связанные с многократным ростом цен. Генерал-майор Захаржевский отмечал в начале 1818 г., что «ныне цены на все возвысились почти вчетверо, при которых штатное положение, за 17-ть лет прежде сего учиненное, сделалось теперь совершенно недостаточно к содержанию как чиновников и служителей, так и прочих предметов; — при том же последовали по особым высочайшим вашего Императорского Величества повелениям, против означенных Штатов некоторые перемены и прибавка жалованья и хлебных денег служителям, ведомства Царскосельского и Ораниенбаумского правлений»[13]. И хотя доклад был «Высочайше апробован», даже в 1837 г. ЦДП продолжало руководствоваться штатом 1801 г., «…который с того времени в некоторых статьях изменился»[14].

К 1817 г. (?) состав Царскосельского правления возрос до 332 человек (см. приложение 1). Но и это количество не было окончательным, численность придворных служителей неуклонно росла. Не вникая в детали окладных начислений и надбавок, приведем состав правления по состоянию на 18 февраля 1837 г.[15] (см. приложение 2). Общее количество, исходя из предположения, что в числе канцелярских служителей, счетчика и сторожей числилось девять человек, составляло к 1837 г. уже 365 чиновников и служителей.

Рост числа придворнослужителей, усилившийся во второй половине 1810-х гг., можно объяснить возросшей интенсивностью посещения императором своей загородной резиденции и увеличением длительности пребывания в ней. Интересно, что и при преемниках Александра I эта тенденция продолжилась, обозначив возрастающую роль царскосельских императорских дворцов в составе высочайшего двора.

Особенности исполнения заказов по пошиву обмундирования придворных служителей

Большей части придворнослужителей полагалось регламентированное ливрейное и/или мундирное платье. Документы позволяют выявить особенности исполнения заказов по изготовлению обмундирования. Основные параметры — комплектация, материалы,

Ил. 3. Г. Шварц. Выход императора Павла I к караулу в Павловске. 1848
Фрагмент. ГМЗ «Павловск». В правом нижнем углу художник изобразил группу придворных служителей: двух лейб- (камер-) гусар, арапа и лакея в кафтане

расцветка и цены на обмундирование придворных служителей — были установлены еще при императоре Павле I 30 декабря 1796 г.[16] Последующие изменения в течение царствования Александра I были незначительными и в каких-либо приказах отражены не были.

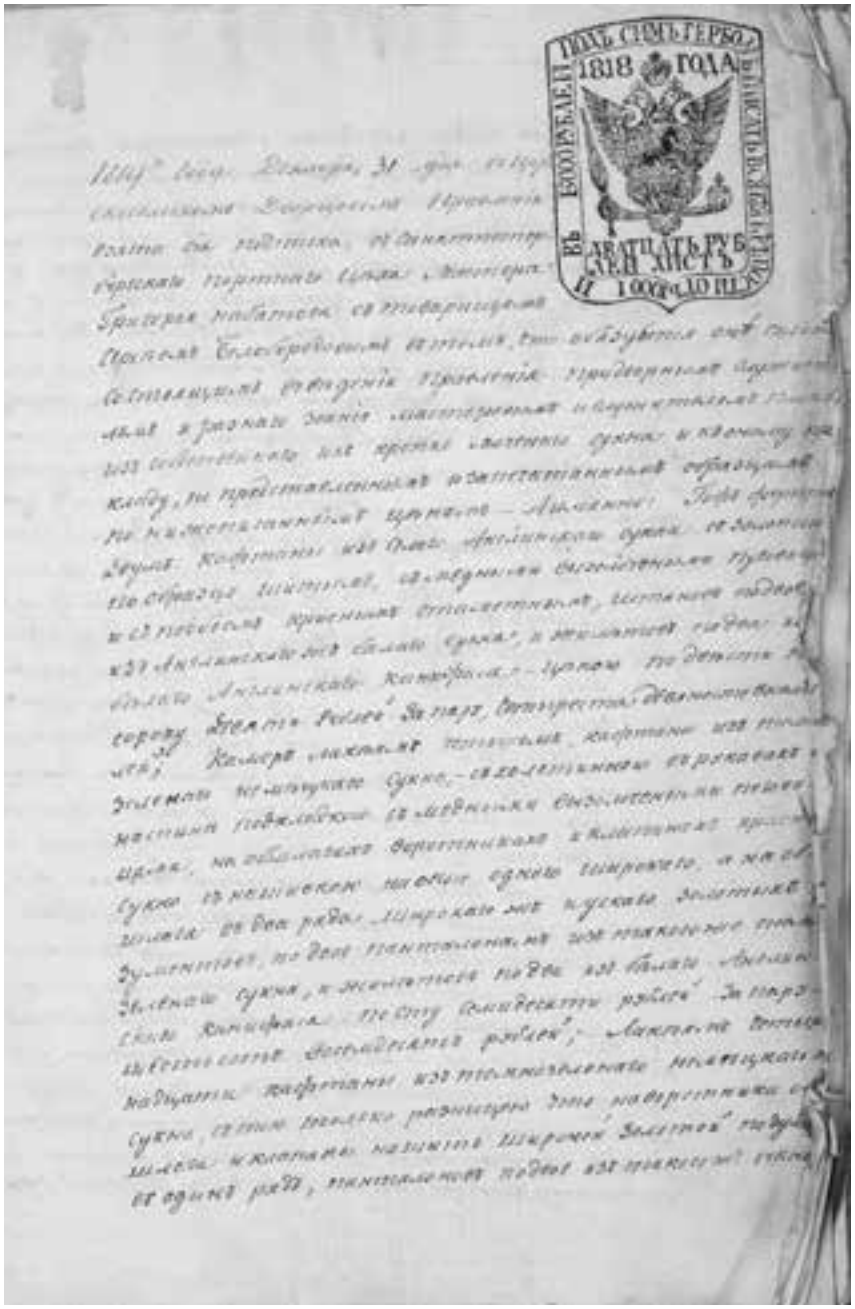
Заказы на изготовление обмундирования придворным служителям ЦДП, подобно современным госзаказам, проходили через «конкурсные процедуры» — торги, в которых участвовали купцы, мастера и портные. По результатам этих торгов с лицом (или лицами), предложившими минимальную цену, заключался договор («подписка»), содержавший условия («кондиции»), сроки, количественные и качественные характеристики, сроки исполнения договора. Комплекты обмундирования придворных служителей, заказанные в 1819 г. (аналогичные требования содержались и в условиях контрактов последующих лет), обязаны были соответствовать следующим требованиям по качеству: «Все оны платья должны быть сшиты из собственных лудчей доброты сукон и со всем принадлежащим к оным прикладом и непременно, по представленным и запечатанным образцам к 1-му числу марта будущего 1820-го года»[17].

Ил. 4. Г. Шварц. Выход императора Павла I в Гатчинском дворце. 1845
ГМЗ «Павловск». Слева художник изобразил камер-лакея (?) в кафтане, коротких панталонах (полагались темно-зеленые, но здесь изображены белые) и чулках с башмаками

В рамках этого же контракта 31 декабря 1819 г. в ЦДП была взята подписка «…с Санкт-Петербургского портного цеха мастера Григория Набатова с товарищем Сергеем Белобородовым в том, что обязуется оне сшить состоящим в ведении правления придворным служителям и разного звания мастеровым и служителям платья из собственного их крепко моченого сукна и к оному прикладу, по представленным и запечатанным образцам по нижеписанным ценам», при этом уступка в пользу казны составила 830 руб.[18], а итоговая сумма — 14 033 руб.[19] Подрядчики взяли обязательство «…всю постройку онаго платья непременно кончить марта к 15-му числу будущего 1820-го года; в обезпечение же казны представляют в залог ломбартной билет на четыре тысячи рублей; а в случае естли последует со стороны их какая неисправность, или остановка в сшитии всего онаго платья, то Правление имеет право нанять нащет их других портных и весь произойти имеющий от того казне убыток, взыскать с них Набатова и Белобородова на основании законов»[20].

Однако низкие цены нередко отрицательно влияли на качество продукции. Не было исключением и изготовление одежды

Ил. 5. Подписка об изготовлении платья придворным служителям и мастеровым, взятая с Г. Набатова и С. Белобородова. 1819. РГИА

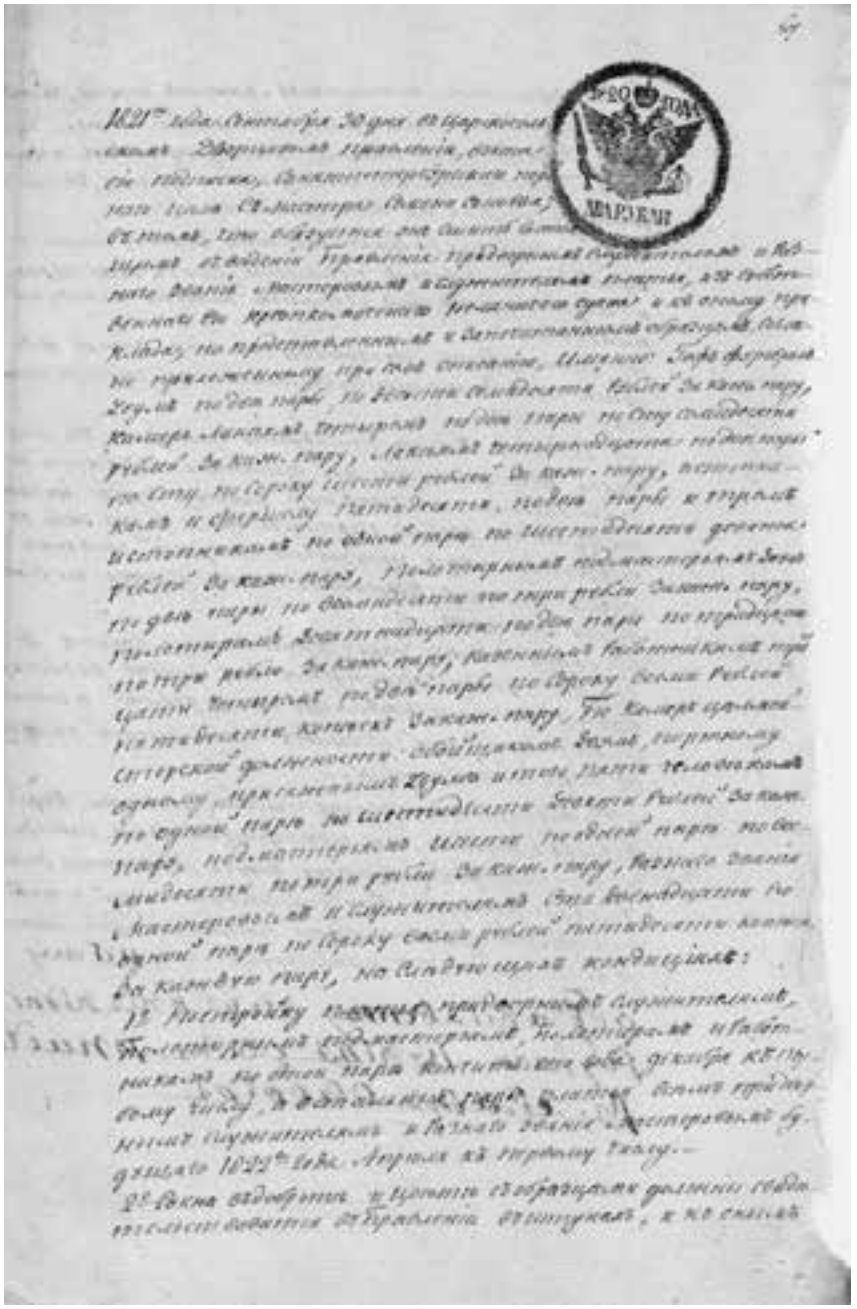
для придворных служителей Царского Села, хотя прием по качеству и контроль сроков проходили довольно строго. По рассматриваемому контракту от 31 декабря 1819 г. с портными Набатовым и Белобородовым платье для придворных служителей было «построено» в срок, к 15 марта 1820 г. Но, как они сами указывали в прошении на имя главноуправляющего Царским Селом Захаржевского, «…после того и имянно 27-го марта по свидетельству господина советника онаго Правления по строительной части зделанному оказалось, что якобы на некоторых придворных служителях не более десяти человеках, платье сшито не по препорции и прозумент не так плотен, и на мастеровых не более на двадцати пяти человеках тоже якобы не по препорции же, а у других сукна не противу образца»[21]. Подрядчикам пришлось исправлять недочеты, при этом некоторым было сделано «другое новое платье, а при том сверх контракта положили придворным лакеям и истопникам подкладку»[22]. Несмотря на переделку, впоследствии был выявлен еще ряд скрытых дефектов, и подрядчики не могли получить полной суммы денег по договору даже в октябре 1820 г., то есть спустя более полугода после сдачи платья: «…нам было объявлено в Управлении, что велено остановить две тысячи рублей по резолюции помянутого господина советника, учиненной на том прошении, что якобы платье наше во многом не сходствует в доброте с образцами; каковое заключение учинено господином советником неправильно, потому, что если бы он находил то платье не против образца, то при первом свидетельстве и приеме онаго, не принимал негодное мог бы забраковать и отдать нам обратно, или бы призвал других мастеров, отдал бы им построить вновь на наш щет, и передачу денег, какая бы сумма оказалась, велел бы вычесть из представленного нами залога; но всего того им не учинено и платье принято и роздано служителям, которые более шести м-цов оное уже носят»[23].

По-видимому, именно к этому разбирательству относится недатированный именной список ЦДП, хранившийся среди документов начала 1820-х гг.[24] Из него видно, что гоф-фурьеру С. Завитаеву были худо сшиты штаны, на кафтане камер-лакея Н. Сафонова требовалось «лацкан и спинку поправить, в панталонах назади узко», у камер-лакея И. Кондратьева панталоны были широки. Многим лакеям требовалось поправить воротник, у некоторых истопников оказались узки панталоны или «худо сшит» мундир, у «полотиров» — «худо сшит и старым сукном подбит; гнилого сукна»,

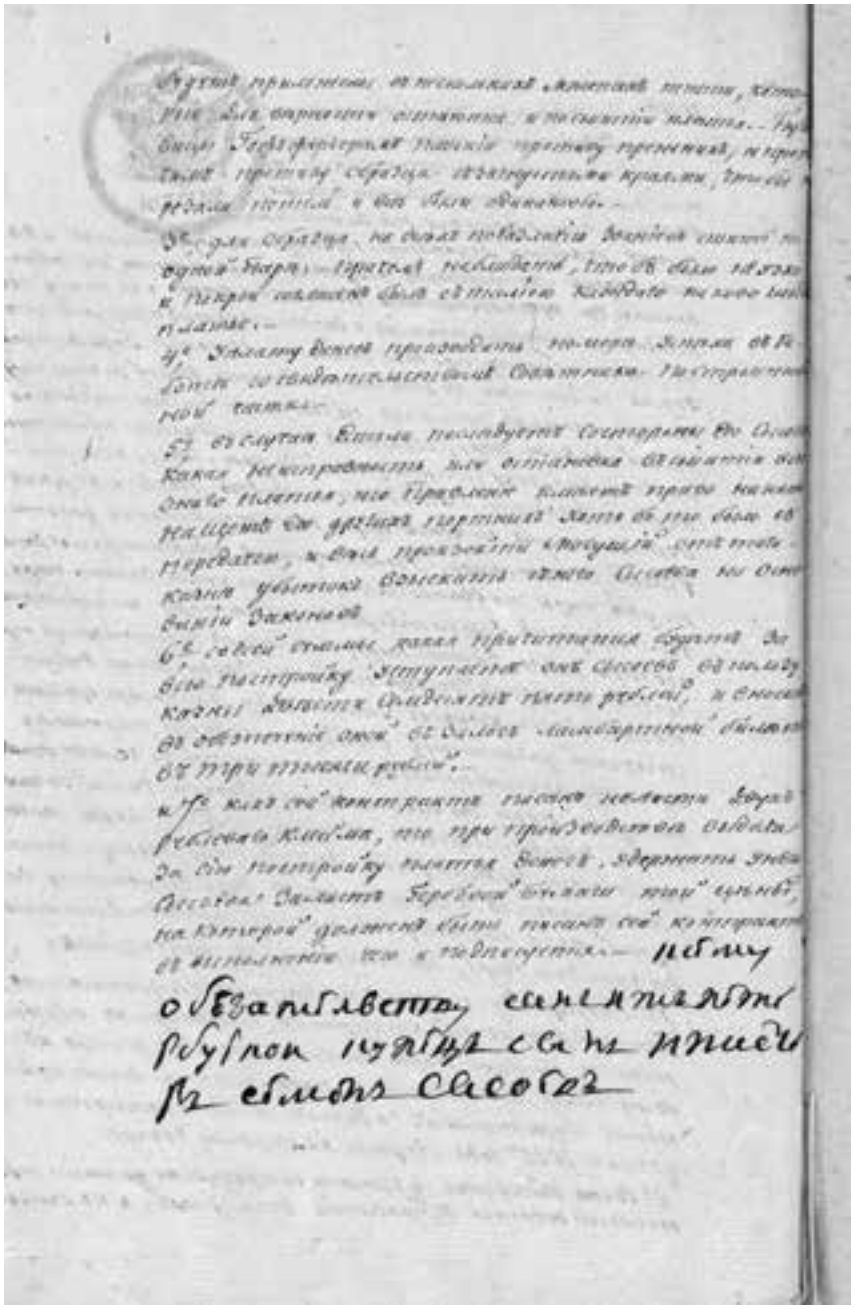
у работников при изготовлении им одежды использовалось сукно разных цветов, у некоторых был широк камзол, «панталоны и куртка линючи, куртка и панталоны не годны».

В разбирательстве принял участие сам Захаржевский, и по предоставленной ему справке можно судить об имевшихся при постройке платья дефектах и недоделках, а также о компромиссе, на который пришлось пойти нерадивым портным: «1-е. сукна вообще[,] а особливо московские доброты непрочной и мало мочены. 2-е. от худой кройки и многих поправок некоторые кафтаны и сертуки с куртками остались не так хорошо посаженными и 3-е. в куртках на подбой и у некоторых панталон на поясках употреблено старое сукно, за что следует вычесть у означенных подрядчиков некоторую часть из причитающейся им суммы денег. По призыву коих в присудствие сего Правления, согласились они взамен того, сшить на сей 1821 год — положенные по штату придворным полотирам на 19 человек, следующее годовое платье, из собственного гвардейского солдатского сукна с подлежащим прикладом безденежно, каковое ими ныне сшито на сей 1821 год — положенным по штату придворным полотирам 19-ти челов., следующее годовое платье, из собственного гвардейского солдатского сукна с подлежащим прикладом безденежно, каковое ими ныне сшито и здано по принадлежности Гоф фурьеру Швындину»[25]. В конечном итоге портные выполнили все взятые на себя дополнительные обязательства, и 28 января 1821 г. вся сумма, за вычетом стоимости двух листов гербовой бумаги, была выдана им на руки в размере 14 031 руб. 49½ коп.[26]

Следующий договор на постройку очередной партии платья для придворных служителей и мастеровых ЦДП был заключен 30 сентября 1821 г. с мастером Санкт-Петербургского портного цеха С. Сысоевым, который обязался изготовить одежду «из собственного его крепкомоченого нелинючаго сукна и к оному приклада, по представленным и запечатанным образцам, согласно приложенному при сем описанию…»[27]. По этому договору возникла угроза неисполнения сроков, в связи с чем секретарь правления направил подрядчику следующее письмо: «Царскосельское Дворцовое правление по приказанию Его превосходительства, господина управляющего оным, артиллерии генерал-майора и кавалера Захаржевского дает сим знать Ст. Петербургского портного цеха мастеру Семену Сысоеву: что ежели чрез неделю не будет доставлено в упомянутое правление следующее придворным служителям и мастеровым

Ил. 6.1. Подписка, взятая с мастера С. Сысоева об изготовлении платья придворным служителям и мастеровым. 1821. РГИА

Ил. 6.2. Подписка, взятая с мастера С. Сысоева об изготовлении платья придворным служителям и мастеровым. 1821. РГИА. Оборот

остальное платье, то: нащет твой имеет быть публиковано в газетах объяв[ление для] желающих портных для окончания такового платья»[28]. Однако портной Сысоев исполнил заказ вовремя и уже 25 сентября 1822 г. было приказано произвести ему оплату по договору [29].

Как известно, Александр I любил посещать Царское Село, что повышало интенсивность работы придворных служителей, хотя основной резиденцией императора по-прежнему считался Зимний дворец, для штата которого существовали особые нормы отпуска средств на заказ казенной одежды. Мундирные пары, кафтаны, жилеты, куртки, шляпы, штаны или панталоны обновлялись для штата загородных дворцов один раз в два года, а для Зимнего дворца — ежегодно, так как предполагалось, что император в загородных резиденциях проживает гораздо реже, чем в Санкт-Петербурге. Но увеличение объема работы царскосельских служителей неизбежно влекло за собой и усиление износа их одежды, как об этом рапортовал начальнику Главного штаба Е. И. В. генералу от инфантерии князю П. М. Волконскому управляющий Царским Селом генерал-майор Захаржевский 8 августа 1821 г.: «Загородных дворцов придворным Служителям по Штату положено казенное платье сроком на два года, при Зимнем же дворце таковым служителям строится оное каждый год. При таковом положении Царскосельские придворные служители неся с некоторого времени одинакую почти с принадлежащими к большему двору Службу, или можно сказать еще и более во время Высочайшего присутствия, находясь без прерывно при своих должностях — от всегдашнего употребления казенного платья обносились так, что многие принуждены уже от себя шить оное; каковая издержка при недостаточном их состоянии крайне им обременительна. По уважению сего, составив ведомость о сумме, потребной на единовременное обмундирование их, представляю оную при сем Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою: доложить Государю Императору и исходатайствовать Высочайшее повеление, об отпуске значущейся по той ведомости суммы — Всего 9970 руб. в единовременное пособие к положенному по Штату оным Служителям на два года платью. — Какое ж последует Высочайшее соизволение, не оставить меня своим предписанием»[30]. В приведенном перечне речь шла о 127 служителях: двух гоф-фурьерах, четырех камер-лакеях, 14 лакеях, 51 истопнике, фельдшере, «полотирном» подмастерье, 19 полотерах и 35 работниках [31]. Данная просьба была рассмотрена императором положительно, и уже 13 августа 1821 г. было

объявлено высочайшее повеление министру финансов об отпуске в распоряжение Захаржевского запрашиваемой денежной суммы ассигнациями [32].

Это не было разовым случаем — например, 11 марта 1825 г. гоф-фурьер Швындин рапортовал в ЦДП, что «служащие при Царскосельских дворцах придворные Служители, как то: камер лакеи, лакеи и истопники по нахождению в течение года по большой части в ливреи, по случаю частого высочайшего присутствия, положенное на двугодичное время платье, многие до того почти износили, что нельзя оного более уже употреблять. О чем Царскосельское Дворцовое Правление имею честь представить, не благоугодно ли будет построить им ныне таковое вновь»[33]. Вероятнее всего, и эта просьба была исполнена.

Кондиции на изготовление одежды для придворных служителей содержали указания на использование широкого ассортимента иностранных тканей: «англинского» сукна различных расцветок и сортов, пике и канифаса, немецкого сукна. Это вело к высоким затратам и не помогало развитию отечественного ткацкого производства, качество выпускаемой продукции которого постепенно улучшалось. В 1823 г. на это было обращено внимание высшего руководства Российской империи, и начальник Главного штаба князь Волконский обратился с настоятельными рекомендациями к управляющему Царским Селом генерал-майору Захаржевскому: «Г. Министр финансов относится ко мне, что чрезвычайное изобилие в сукнах, ныне на Российских фабриках приуготовляемых, поставляет сии последние в возможность снабжать оными не только армию и флот, но и разные ведения и команды, на счет казны обмундировываемые. Поелику же многие из сих заведений снабжаются сукнами иностранными, именно: Силезскими, Мезерицкими, низкой руки Голландскими и тому подобными, коих годичная потребность простирается до весьма значительного количества, за которое Россия платит деньги Иностранным Государствам; то с одной стороны для поддержания отечественных фабрик, а с другой для сбережения капиталов из Государства, на сию потребность восходящих, весьма бы желательно было, чтобы все казенные места, команды и заведения, на счет казны обмундировываемые, и коим нужны сукна тонее обыкновенных солдатских, приобретали оные не чрез подрядчиков или из лавок, но прямо на Российских фабриках, ибо ему Г. Министру известно, что выделка тонких сукон

на наших фабриках значительно усиливается и приготовляемые на них сукна ни в чем не уступают иностранным, того же рода сукнам; а посему он с достоверностью заключает, что казенным местам и заведениям Русские сукна не будут обходиться дороже иностранных; впоследствии же времени, при большом распространении тонкого сукноделия, оны, без сомнения стоить будут дешевле». Далее князь Волконский предлагал: «…неугодно ли будет гг. Управляющим придворными местами и ведениями закупать нужное для них количество сукон прямо с Российских фабрик. — При чем естли Начальствам Придворных команд и заведений нужно будет иметь обстоятельное сведение о тех фабриках, на коих таковые сукна выделываются и у коих оные заподряжать можно; то от них зависеть будет войти по сему предмету в непосредственное сношение с Департаментом Мануфактур и внутренней торговли»[34].

В соответствии с этими рекомендациями Захаржевский распорядился подведомственным ему дворцовым правлениям, в том числе и Царскосельскому, «иметь сие в виду на будущее время, при обмундировании придворных служителей»[35]. Уже в октябре 1823 г. советник ЦДП Харламов обратился в Департамент мануфактур и внутренней торговли, прилагая пять образцов различного сукна с просьбой «неоставить поспешить уведомить, по какой цене таковой доброты имеются в продаже сукна на российские фабрики и откуда удобнее их получить и к какому времени»[36]. Директор этого департамента вскоре сообщил в дворцовое правление, что «Охтенская графа Комаровского фабрика принимает на себя поставить точно противу образцов и все требуемое сим Правлением количество темнозеленых, белых и алых сукон, в течение Декабря месяца сего года. Цену же сим сукнам назначает: для гоф-фурьеров белое и алое по 25 руб., для камер-лакеев и лакеев темнозеленое по 12, а красное по 14 руб., для истопников и подмастерьев темнозеленое по 9, а красное по 10 руб., и наконец темнозеленое для полотеров по 7 руб. за аршин. Что касается до толстого темнозеленого сукна для работников и мастеровых, то оного на помянутой фабрике не приготовляется, в казну же, для обмундирования войск таковое сукно поставляется в нынешнем году по 3 руб. 50 копеек за аршин. Сверх сего Департамент Мануфактур и внутренней торговли имеет честь известить Царскосельское дворцовое правление, что фабрика купца Кожевникова в Москве, также занимается с успехом изготовлением сукон тонких и берет на себя подряды сего рода»[37].

В ЦДП тщательно следили за уровнем цен на материалы, по которым шилась одежда для придворных служителей у других подрядчиков. Так, в 1825 г. было отмечено, что в «В Ст Петербургских Академических ведомостях в № 83-м напечатано объявление от <…> [Гофинтендантской Е. И. В.] конторы, о вызове желающих к понижению цен, означенных в том объявлении, за сшитие придворным служителям и разного звания мастеровым платья, а как сии цены дешевле, по коим шьется таковое же платье, для придворных служителей и мастеровых царскосельских дворцов, почему Царскосельское Дворцовое Правление покорнейше просит Гоф-Интендантскую контору, для соображения прислать образцы оных сукон (и к оным прикладам) по коим в газетах показаны цены»[38]. В ответ Гофинтендантская контора уже 4 ноября 1825 г. препроводила в Царское Село «образцы сукнам[,] предъявленным при торгах на постройку ливрейного платья и амуниции служителям Гоф-Интендантского ведомства, с обозначением на каждом из них, для кого именно из чинов и служителей, какое сукно полагается»[39].

Однако «импортозамещение», по-видимому, было осуществлено только при Николае I. Как следует из текстов «подписок» (контрактов), до конца царствования Александра I их условия так и не были изменены, а одежда придворных служителей по-прежнему строилась в основном из иностранных тканей. Но уже в следующие царствования она подверглась и более строгой регламентации, и более значительным изменениям.

Приложение 1

«ТАБЕЛЬ СКОЛЬКО В ВЕДЕНИИ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ДВОРЦОВОГО ПРАВЛЕНИЯ ПО ШТАТУ ПОЛОЖЕНО ЛЮДЕЙ, И НЫНЕ НАХОДИТСЯ И КАКОЙ ОКЛАД ПОЛУЧАЮТ ЖАЛОВАНЬЯ И ХЛЕБНЫХ ДЕНЕГ», ОКОЛО 1817 Г.[40]

Наименование должности	**по штату положено**	**состоит налицо**
Управляющий	1	1
Советников	2	2
Секретарь	1	1
Казначей	1	1

Наименование должности	**по штату положено**	**состоит налицо**
Канцелярских чиновников	–	9
Канцелярских служителей	–	6
Сторожей	2	2
Комиссаров	4	8
Комиссарских помощников	1	2
Магазейн вахтеров	2	2
Гоф-фурьеров	2	2
Камер-лакеев	4	4
Лакеев	14	13
Истопников	55	54
Фельдшер («фершел»)	1	1
Кастелянша («костыляншa»)	1	1
Прачек	10	10
Поломоек	15	11
«Полотирных» подмастерьев	1	2
Полотиров	20	19
Работников	35	38
По камерцалмейстерской должности:		
Подмастерье	1	1
Обойщиков	4	3
Портных	2	1
Присяжных	2	2
Сторожей	4	4
При придворной церкви:		
Протоиерей	1	1
«Диакон»	1	1
Псаломщиков	3	3
Просвирня	1	1
Сторожей	2	2
По архитектурии:		
Архитектор	1	1
Помощников	2	2
Учеников	2	–

Наименование должности	по штату положено	состоит налицо
При пожарной предосторожности		
Смотритель	1	–
Мастер	1	–
Учеников	2	–
Разного мастерства		
«Живописной» мастер	1	1
«Молярной и оконничной» подмастерье	1	2
«Моляров и оконничников»	8	7
Столярный мастер	1	1
Подмастерье	1	1
Учеников	8	7
Слесарного и кузнечного инструмента мастер	1	1
Слесарей	10	9
Кузнецов	2	4
Кровельный подмастерье	1	1
Кровельщиков 4, медного и чеканного дела учеников 2	6	8
Печного дела мастер	1	–
Подмастерье	–	1
Печников	3	4
Каменного дела мастер	1	1
Подмастерье	–	1
Трубочистного дела мастер	1	1
Трубочистов	6	6
«Ентарного дела» мастер	1	–
Ученик	1	1
При садах и оранжереях:		
Садовых мастеров	3	3
Садовых подмастерьев	9	9
Садовых учеников	40	40
Матрозов	6	4
Птичников	4	4
Птичница	1	–
Рыболовов	2	–

Наименование должности	по штату положено	состоит налицо
При лазарете		
Штаб-лекарь	1	1
Лекарь	1	1
Сверх сего находится		
Бронзовый мастер	–	1
Токарный подмастерье	–	1
Итого	**323**	**332** [41]

Приложение 2

СПИСОК [42] ПОЛОЖЕННЫМ ПО ВЕДОМСТВУ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ДВОРЦОВОГО ПРАВЛЕНИЯ ЧИНОВНИКАМ И СЛУЖИТЕЛЯМ, С ПОКАЗАНИЕМ ОКЛАДОВ СОДЕРЖАНИЯ [43]

[Наименование должности]	Число чинов/людей
Управляющий	1
Советник по строительной части	1
Советник, в ведомстве которого должны состоять приписные к Царскосельскому правлению деревни и крестьяне, и прочее сельское хозяйство	1
Секретарь	1
Казначей	1
Помощник его	1*
Старший бухгалтер	1*
Помощник его	1*
Столоначальников	3*
Помощников их	3*
Журналист и Архивариус	1*
На канцелярских служителей, счетчика, сторожей и прочие канцелярские расходы (в оригинале количество этих категорий не указано, к 1817–1820 гг. имелся казначей, 2 сторожа при правлении [44] и 6 канцелярских служителей. — *Д. К.*)	–

[Наименование должности]	Число чинов/людей
Сверх сего еще положено канцелярских служителей	8*
Коммисар по деревенскому хозяйству и при надзирании за лесами	1
Помощник его	1*
Коммисаров: для приема материалов и хранения оных	2
При работах в садах и парке	1*
Лесничий при дачах Дворцового ведомства	1*
Магазейнвахтеров	2
Смотрители:	
Главный при казенных зданиях и мастеровых	1*
Помощник его	1*
При Дворцовой чистоте	1*
При Птичном корпусе	1*
При Ферме	1*
Камер-фурьер [45]	1*
Гоф-фурьеров	1 1
Камер лакеев	2 2*
Лакеев	7 11*
Истопников	30 25*
Фельдшер	1
Кастеланша	1*
Прачек	10
Поломоек	15
По камерцалмейстерской должности:	
Гардимебель или коммисар	1*
Помощник его	1*
Обойный подмастерье	1*
Обойщиков	4*
Портных	2*
Присяжных	2*
Сторожей	4*

[Наименование должности]	Число чинов/людей
В Придворной церкви	
Священник	1
Диакон	1
Псаломщиков	2
Просвирня	1
Сторожей	2
Архитектор	1
Архитекторских помощников	2
Архитекторских учеников	2
Землемер	1*
Лепного, живописного и скульптурного дела мастер	1
«Молярного и оконичного дела»:	
Подмастерье	1
«Моляров и оконичников»	8
Столярного дела:	
Мастер	1
Подмастерье	1
Столяров	8
Медного и чеканного дела учеников	2
«У натирания во Дворцах полов»:	
Подмастерье	1
«Полотиров»	20
Слесарного и кузнечного дела:	
Мастер	1
Слесарей	10
Кузнецов	2
Кровельного дела:	
Подмастерье	1
Кровельщиков	4
Печного дела:	
Мастер	1
Печников	3

[Наименование должности]	Число чинов/людей
Каменного дела мастеров два	1 1*
Трубочистного дела:	
Подмастерье (не позднее 1817 г. статус был повышен до мастера, с прибавкой к окладу. — *Д. К.*)	1
Трубочистов	6
Янтарного дела:	
Мастер	1
Ученик	1
При садах:	
Мастеров	1 1*
При оранжереях и цветочных теплицах	1*
При фруктовых теплицах	1* 1*
Подмастерьев	2 7*
Учеников	30 1* 4*
Огородников	5
«Матрозов»	6
Птичников	4
Работников по разным должностям	15 20*
При лазарете:	
Старший лекарь	1
Младший лекарь	1
Фельдшеров	2
Лекарский ученик	1*
Надзиратель	1
Работников	2
На ферме старший ветеринарный лекарь	1*
Царскосельская уездная повивальная бабка	1*

[1] *Шуазель-Гуфье С.* Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М., 1912. С. 226.
[2] Там же. С. 243.
[3] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 26. СПб., 1830. Ст. 20079 от 18 декабря 1801 г. С. 864.
[4] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отд. III и IV. СПб., 1830. Ст. 23461 от 30 января 1809 г. С. 116–121.
[5] Там же. С. 126.
[6] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1336. Л. 4. Ответ Я. В. Захаржевского П. П. Татаринову от 18 февраля 1837 г. № 348.
[7] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 34. СПб., 1830. Ст. 26810 от 23 апреля 1817 г. С. 223.
[8] *Мартьянова Л. С.* Я. В. Захаржевский — главноуправляющий дворцовыми правлениями и городом Царское Село // Хранители: материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб., 2005. С. 24–37.
[9] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 34. СПб., 1830. Ст. 26912 от 7 июня 1817 г. С. 379; Т. 38. СПб., 1830. Ст. 29433 от 20 апреля 1823 г. С. 937.
[10] Уже в январе 1818 г. генерал-майор Я. В. Захаржевский отправлял на высочайшее утверждение штаты не только Царскосельского и Петергофского, но и Ораниенбаумского дворцовых правлений (РГИА. Ф. 486. Оп. 1. Д. 4. Л. 5. Письмо генерал-майора Я. В. Захаржевского от 28 января 1818 г. № 110).
[11] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Т. 3. СПб., 1830. Ст. 2553 от 28 декабря 1828 г. С. 1225.
[12] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 34. СПб., 1830. Ст. 26998 от 12 августа 1817 г. С. 476.
[13] РГИА. Ф. 486. Оп. 1. Д. 4. Л. 5, 5 об. Доклад генерал-майора Я. В. Захаржевского от 28 января 1818 г. № 110.
[14] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1336. Л. 2. Ответ Я. В. Захаржевского П. П. Татаринову от 23 января 1837 г. № 144.
[15] Приложение к ответу Я. В. Захаржевского П. П. Татаринову от 18 февраля 1837 г. № 348 (РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1336. Л. 4).
[16] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 44. Ч. 2. Книга штатов. Отд. III и IV. СПб., 1830. Прибавление к книге штатов. Ст. 17 700 от 30 декабря 1796 г. Описание мундиров придворным чинам и служителям. С. 7–9.
[17] РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 393. Л. 5 об. О постройке платья для придворных служителей и разного рода звания мастеровых от декабря 1819 г.
[18] Там же. Л. 8.
[19] Там же. Л. 45.
[20] Там же. Л. 8 об.
[21] Там же. Л. 37. Прошение портного цеха от мастеров Григорья Набатова и Сергея Белобородова главноуправляющему Царским Селом артиллерии генерал-майору и кавалеру Якову Васильевичу Захаржевскому от октября 1820 г.
[22] Там же. Л. 37 об.
[23] Там же. Л. 38.
[24] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1322. Л. 7, 8. Именной список Царскосельского дворцового правления придворным служителям, кому именно непременно нужно переменить платье.
[25] РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 393. Л. 45, 45 об.
[26] Там же. Л. 45 об.

[27] РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 393. Л. 64, 64 об.
[28] Там же. Л. 89. Письмо секретаря Царскосельского дворцового правления мастеру Сысоеву от 24 августа 1822 г. № 1828.
[29] Там же. Л. 97 об.
[30] РГИА. Ф. 486. Оп. 6. Д. 37. Л. 1, 1 об. Рапорт управляющего Царским Селом, генерал-майора артиллерии Я. В. Захаржевского начальнику Главного штаба Е. И. В., генералу от инфантерии и кавалеру князю П. М. Волконскому от 8 августа 1821 г. № 348.
[31] Там же. Л. 2. Ведомость о потребной сумме по обмундированию придворных служителей ведомства Царскосельского дворцового правления.
[32] Там же. Л. 3. Уведомление от начальника Главного штаба князя П. М. Волконского генерал-майору Я. В. Захаржевскому от 13 августа 1821 г. № 589.
[33] РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 413. Л. 81. Рапорт гоф-фурьера Швындина в Царскосельское дворцовое правление от 11 марта 1825 г.
[34] РГИА. Ф. 486. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 1 об., 2. Сообщение начальника Главного штаба князя П. М. Волконского управляющему Царским Селом генерал-майору Я. В. Захаржевскому от 24 апреля 1823 г. № 577.
[35] Там же. Л. 3. Распоряжение генерал-майора Я. В. Захаржевского Царскосельскому дворцовому правлению от 30 апреля 1823 г. № 202.
[36] РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 413. Л. 21. Отношение советника Царскосельского дворцового правления Харламова в Департамент мануфактур и внутренней торговли от 10 октября 1823 г. № 1959.
[37] Там же. Л. 22, 22 об. Ответ директора Департамента мануфактур и внутренней торговли в Царскосельское дворцовое правление от 20 октября 1823 г. № 653.
[38] Там же. Л. 124. Отношение Царскосельского дворцового правления в Гофинтендантскую Е. И. В. контору от 28 октября 1825 г. № 2647.
[39] Там же. Л. 125. Ответ Гофинтендантской Е. И. В. конторы Царскосельскому дворцовому правлению от 4 ноября 1825 г. № 8453.
[40] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1322. Л. 1.
[41] В оригинале указано — 330, однако проверка суммирования показала 332 человека.
[42] Знаком «*» отмечены должности и штатные единицы, введенные после утверждения штата 1801 г. по высочайшим указам и повелениям.
[43] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1336. Л. 5–13. Приложение к письму Я. В. Захаржевского П. П. Татаринову от 18 февраля 1837 г. № 348. Оклады содержания не включены в таблицу, только списочный состав.
[44] РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 393. Л. 36 об.
[45] Упоминаний о наличии этой должности в составе ЦДП в царствование Александра I выявить не удалось, по-видимому, она была введена в штат уже при Николае I.

Лансере Наталья Николаевна

ПЕНСИОНЕРНАЯ КОНЮШНЯ И НЕКРОПОЛЬ ИМПЕРАТОРСКИХ ЛОШАДЕЙ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ: БЫТОВАНИЕ КОМПЛЕКСА ПРИ НИКОЛАЕ I И АЛЕКСАНДРЕ II

Ce singulier hôtel des invalides est parfaitement administer *
Le Magasin pittoresque. 1860. Sept.

В отдаленной части Александровского парка, недалеко от Фермы, находится уникальный комплекс построек, специально предназначенный для лошадей, неспособных нести дальнейшую службу «по старости и слабости своей». Возникновение Пенсионерной конюшни и кладбища лошадей в Царском Селе в конце 1820-х — 1830-е гг. отнюдь не случайно. Это было время, когда важность и ценность лошади как в жизни простого человека, так и в жизни императоров и членов их семьи трудно переоценить. Лошадей любили, разводили, специально заказывали из Европы, ими бесконечно любовались, их рисовали, они были неотъемлемой составляющей формирующихся конных полков. Конь через лучшие произведения русской литературы тех лет «стал выразителем силы и мощи нации и государства. Идеальным выразителем образа русского самодержца стал всадник»[1].

Именно царствование Николая I ознаменовано полной реорганизацией и усовершенствованием кавалерского устава. Это новая эра триумфов и конных парадов. Происходит своеобразный культ породистой лошади. Английская лошадь (как и ее производные) становится олицетворением роскоши и престижа. Еще с 1822 г. на английских или англизированных лошадей пересаживается почти вся российская гвардия. Английская лошадь становится живым символом русского имперского парада первой половины XIX в.[2]

В стране растут и множатся коннозаводческие предприятия. В 1827 г. было учреждено Скаковое общество. Первое «Рысистое общество» было организовано в Москве в 1834 г., второе — в Царском

* Этот уникальный «пансион» для инвалидов образцово устроен (фр.).

Селе в 1844 г.[3], третье — в Санкт-Петербурге в 1845 г. В Царском Селе был устроен ипподром, и в 1844 г. учрежден конкурс породистых лошадей: «Государь император, желая удостоить личного воззрения успехи отечественного коннозаводства, Высочайше соизволил учредить, с 1844 года, в Царском Селе, во время бывающих там в осеннее время скачек, ежегодно Конкурс породистых лошадей с заводов, находящихся в Империи, для избрания лучших из числа их под Собственное седло и в экипажи Его Величества»[4]. Таким образом, лошадь утвердилась не только как престижный атрибут, но и как атрибут власти. Иппомания захватила Российскую империю.

История комплекса Пенсионерной конюшни и кладбища лошадей упоминается в ряде книг и научных статей, посвященных царскосельской резиденции[5] (ил. 1).

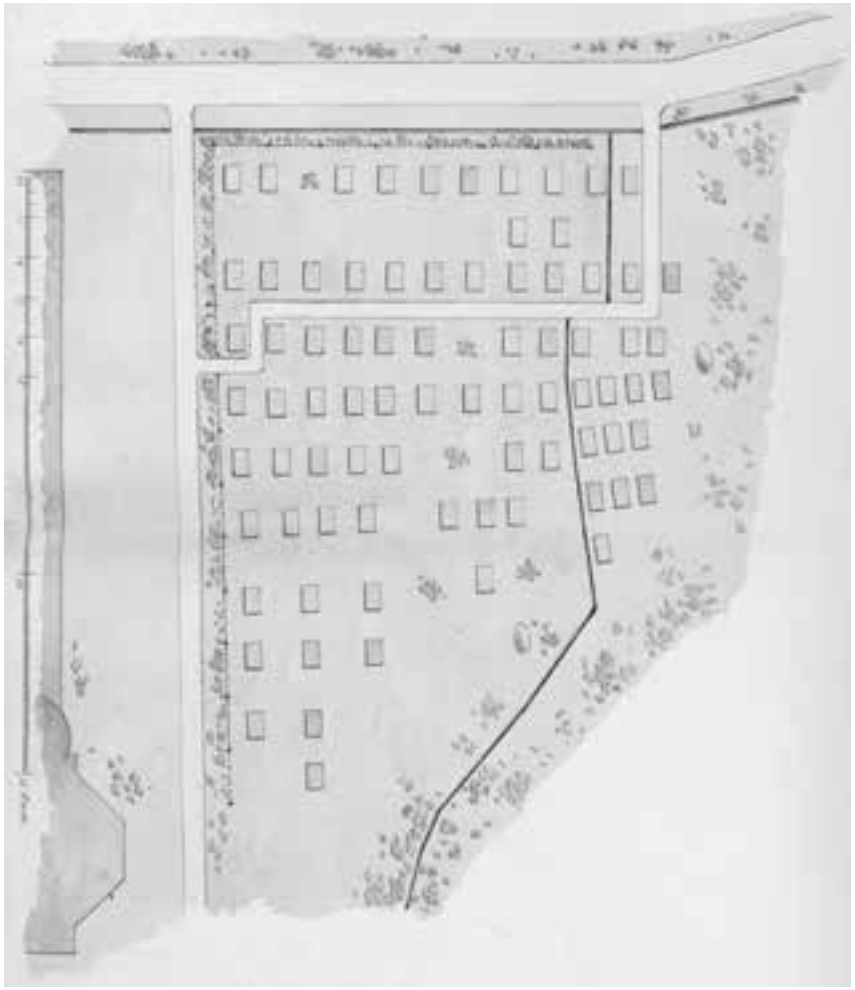
Ил. 1. Ph. Blanchard. Hôtel Imperial des Chevaux Invalides à Tzarskoe Selo 1859–1860. ГМЗ «Царское Село»

Самое раннее описание конюшни и кладбища встречается во французском научно-популярном журнале Le Magasin pittoresque за сентябрь 1860 г. Автор очерка восхищается прекрасным устройством и обеспечением жизни императорских лошадей-пенсионеров, называет комплекс едва ли не единственным в Европе, «если не в мире», упоминает двоих сотрудников журнала (M. M. Blanchard и Auguste Jourdier), посетивших Царское Село в 1859 г. и видевших пять лошадей-пенсионеров, из которых одна, семнадцатилетняя кобыла Виктория, принадлежавшая некогда первоклассному наезднику Николаю I, на их взгляд, была в прекрасной форме[6], а у другой, которой было уже 25 лет, «ноги были такими же красивыми, как у молодого жеребца»![7] Автор глубоко убежден, что лошади, несущие личную службу императору, живут так долго именно потому, что имеют отличный уход и содержание.

На единственном плане кладбища, хранящемся в архиве ГМЗ «Царское Село», который исследователь Е. А. Турова атрибутирует А. Ф. Видову и датирует концом 1870-х — началом 1880-х гг., зафиксировано 79 могил, расположенных в 11 рядов[8] (ил. 2).

Одним из первых профессиональных исследований на тему уникального комплекса в советское время стала справка к реставрации (1954 г.) научного сотрудника музея Г. В. Петровой, в которой автор уделила серьезное внимание истории появления и строительных работ, проводимых на Пенсионерной конюшне[9].

В 1997 г. изучением лошадиного кладбища и комплексом в целом занималась старший научный сотрудник, хранитель архитектурной графики Е. А. Турова. Наряду с историей возникновения комплекса автор на основе литературных и архивных источников рассматривает его устройство, формирование и бытование, организацию «музеума» с коллекцией походных уборов лошадей императорского седла, уделяет большое внимание первым лошадям, которые были отправлены на пансион, и первым захоронениям с эпитафиями, характеру и виду надписей и плит, их видоизменениям со временем. На основе археологических исследований территории конского кладбища, предпринятых в 1998–2000 гг. при активном содействии президента французской Ассоциации по распространению культуры верховой езды Ж.-П. Гуро (Франция), Е. А. Турова с археологом, сотрудником Государственного Эрмитажа А. В. Тимофеевским выявили 109 из 122 существовавших там намогильных сооружений[10]. В обследованиях, которые проводились раньше, в 1951 г., отмечено,

Ил. 2. А. Ф. Видов. План конского кладбища. Конец 1870-х — начало 1880-х гг.
ГМЗ «Царское Село»

что «выявлено 120 захоронений», что свидетельствует о постепенной деградации кладбища и разрушении, и даже уничтожении мемориальных плит [11]. По уточнению Е. А. Туровой, сотрудник музея-заповедника И. Г. Степаненко [12] зафиксировала надписи на девяти вкладных мраморных досках, полностью утраченных в середине 1990-х гг.[13] (ил. 3 а, б).

Данное сообщение дополняет информацию о бытовой составляющей комплекса и в основном затрагивает период правления

Ил. 3. а) Общий вид центральной части кладбища лошадей;
б) Могильная плита. Фотографии. 1998. ГМЗ «Царское Село»

Николая I и Александра II. На основании изученных архивных материалов нам удалось выявить новые сведения о проживании персонала в Пенсионерной конюшне, содержании лошадей, установить имена смотрителей, ухаживавших за ними. Благодаря изучению в РГИА рапортов Придворно-конюшенного ведомства по фактам смерти лошадей императорского седла, удалось выявить клички всех захороненных на кладбище лошадей и сделать сравнительный количественный анализ захоронений по правлениям. Важным дополнением к означенной теме могут служить сведения об аналогичных мемориальных захоронениях лошадей в странах Западной Европы и в Америке, приведенные в заключительной части статьи.

После смерти Александра I остро встал вопрос о судьбах верховых лошадей собственного седла императора Александра Павловича, оставшихся на дворцовых конюшнях. Из реестра, поданного шталмейстером князем В. В. Долгоруковым, животные были распределены среди новых владельцев. Исключение составили восемь верховых лошадей, которые находились на заслуженном отдыхе[14]. 26 февраля 1826 г. Николай I высочайше повелел «…состоящих на пенсионе восемь верховых лошадей собственного седла блаженныя памяти Государя Императора Александра Павловича поместить на зиму на большой каменной конюшне в угольном отделении, а для помещения на лето поручить Архитектору Менеласу представить план пристройки к Царскосельской ферме; ежели же оную сделать нельзя, то в таком случае составил бы он проект особому строению близь фермы»[15].

«Конюшня для лошадей, состоящих на пенсионе, с домом для служителей» (архитектор А. Менелас, руководитель каменными работами А. Боттани) была построена в 1827–1829 гг. в стилистике английской готики. Она представляла собой двухэтажное кирпичное здание с круглой лестничной башней-бельведером, двумя трехгранными эркерами и одноэтажной пристройкой с восемью денниками для «пенсионеров» в первом этаже. Достаточно подробный перечень всех отделочных работ этого «дома для Смотрителей и Служителей и конюшни для лошадей» хранится в РГИА[16].

Вследствие затянувшегося строительства Пенсионерной конюшни из восьми верховых лошадей «Блаженная памяти Государя Императора Александра Павловича», ждавших своего вселения в нововыстроенную конюшню, не осталось ни одной. Пять из них (мерин гнедой Троя, мерин темно-гнедой Баварский, кобыла рыжая

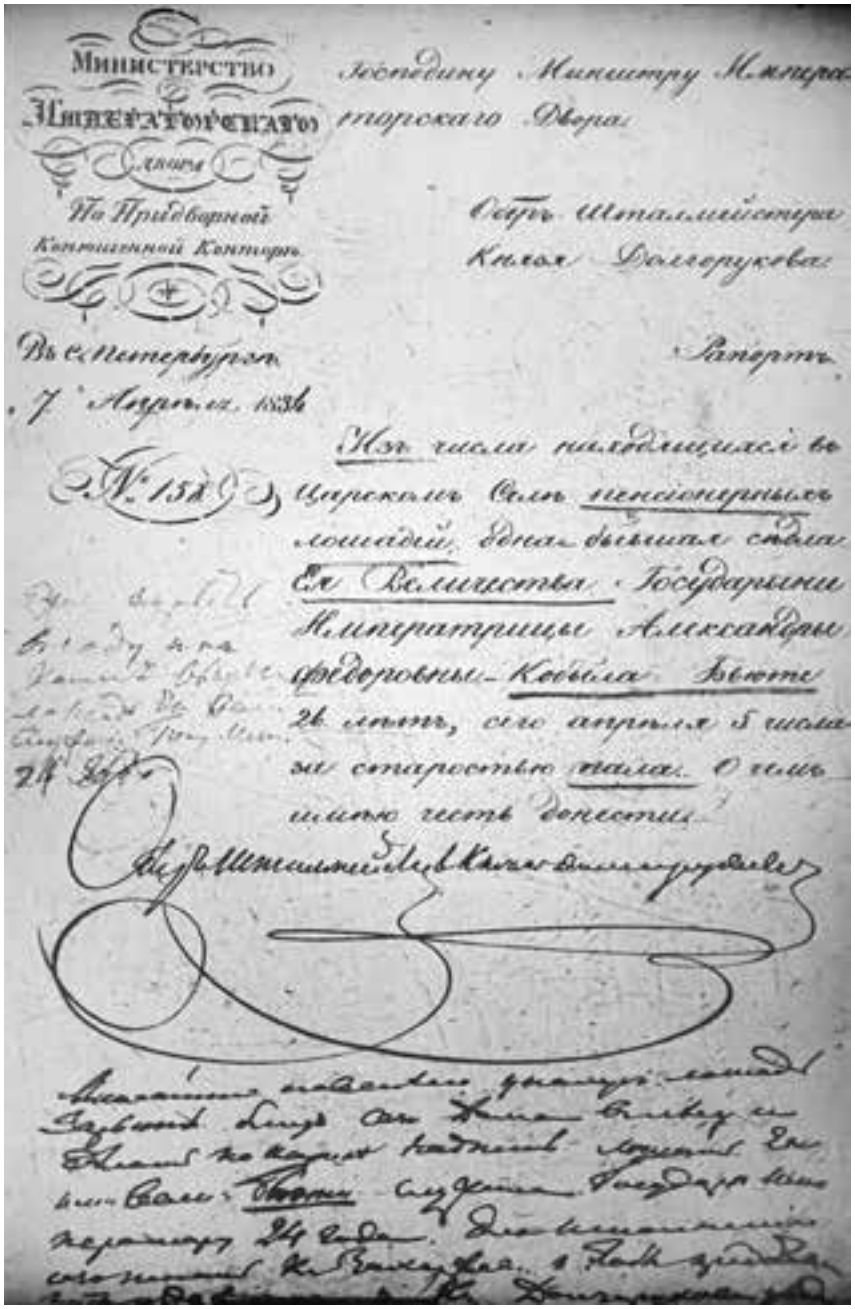
Бюти, кобыла гнедая Аталанта, мерин серый Орловский) умерли от старости и «изнеможднием сил», а три (мерин бурый Тормазовский, мерин гнедой Регент, мерин гнедой Дюпор Робин) скончались от «заразительной болезни». Однако были еще две лошади почившего в бозе императора Александра I, а именно «кобыла вороная Л'ами 21 года и мерин светлогнедой Сегай 15 лет», которых надлежало принять на пансион, о чем сообщил в своем рапорте от 20 августа 1829 г. шталмейстер В. В. Долгоруков[17].

Из другого рапорта князя Долгорукова от 26 августа 1829 г. узнаем, что кроме означенных лошадей император повелел препроводить в Царское Село на пансион и светло-серую кобылу Бьюте арапской породы 22 лет, принадлежавшую императрице Александре Федоровне, «…буде она может дойти», а также чтобы к прибывшим лошадям «прикомандирован был Рейкнехт Шаров, который бы и жил в доме при отстроенной здесь для пенсионеров конюшне»[18] (ил. 4).

Помимо трех означенных лошадей по приказу Николая Павловича в Пенсионерную конюшню отправили одно из «седел Его Величества, бывших в походах в Париж и других местах в время французской войны, со всем к нему приборам и попоною», для которого был сделан «особый шкаф со стеклами»[19]. Его разместили в шестиугольном помещении под названием «музеум» (на первом этаже), где в дальнейшем стали хранить сбруи и седла царских лошадей, а также другие памятные вещи[20].

С 20 марта 1833 г. при Пенсионерной конюшне в Царском Селе для присмотра за лошадьми находился некий Я. Десятерев, числящийся в «Конюшенном Штате Собственного Его Величества Дворца с жалованием 40 р. 77 к. и пенсионными 85 р. 71 к.» и 16 января 1837 г. официально назначенный на должность смотрителя царскосельской Пенсионерной конюшни[21].

5 апреля 1834 г. в возрасте 26 лет пала «за старостью» лошадь седла императрицы Александры Федоровны кобыла Бьюте, о чем донес в своем рапорте от 7 апреля 1834 г. князь Долгоруков[22]. Через три дня, 8 апреля, от него же поступил рапорт о том, что «кобыла Бьюте… зарыта была близ дома, в коем помещаются пенсионерные лошади, в лесу» и что на надгробном камне предполагается сделать надпись: «Лошадь Ея Императорского Величества Бьюте служила *Государю Императору* (так в документе; курсив наш. — *Н. Л.*) — 24 года»[23]. В связи, вероятно, с некоторой двусмысленностью надпись была исправлена и в окончательном варианте приобрела

Министерство Императорского Двора
По Придворной Конюшенной Конторе
Господину Министру Импера... Двора
Отъ Шталмейстера Князя Долгорукова
Рапортъ
В Санктпетербургъ 7 Апреля 1836
№ 158
Изъ числа находящихся въ Царскомъ Селѣ пенсіонерныхъ лошадей, одна бывшая стала Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны — Кобыла Бьюте 26 лѣтъ, сего апреля 5 числа отъ старости палла. О чемъ имѣю честь донести.
Отъ Шталмейстера Князя Долгорукова

Ил. 4. Рапорт с резолюцией на кончину Бьюте, первой похороненной на кладбище лошади императорского седла. 1834. РГИА

следующий вид: «Лошадь Ея Императорскаго Величества / Бьюте, служила *Их Императорским* / *Величествам* (курсив наш. — *Н. Л.*) — 24 года. 1834 — года»[24].

Изготовление памятника над павшей лошадью было поручено мастеру С. Анисимову за 200 руб. В соответствии с заданием каменотес должен был расположить надгробие на фундаменте «вышиною 12 вершков из Тосненской плиты — в два ряда цоколя путиловского чисто тесанного, вышиною восемь вершков и положенною на нее плиту путиловскую же — длиною два аршина шириною в пять четвертей; в плиту врезать доску белого Сибирского мрамора длиною пять четвертей, шириною десять вершков; на сей доске сделать надпись…»[25]. В дальнейшем саркофаги для лошадей, подобные этому (из известняковых плит[26] с врезанной в их крышку мраморной доской[27], украшенной эпитафией), будут эталонными вплоть до конца XIX в. Впоследствии намогильные плиты изготавливаются без мраморных вставок, а надписи вырезаются на путиловской плите.

Как показали археологические раскопки, лошадей хоронили на левом боку, «головой на северо-восток, мордой на восток». Передние ноги лошади сгибались в коленях почти под прямым углом, задние оставались вытянутыми. Череп лошади находился на 30 см выше, чем нижние кости таза[28] (ил. 5).

Вслед за Бьюте обрели вечный покой лошади императора Александра I Л'ами и Флора. Над их могилами было велено сделать памятники с «приличными надписями» и «уплатить по условию мастеру четыреста рублей ассигнациями»[29].

На царскосельскую Пенсионерную конюшню попадали лошади, уже не способные нести дальнейшую службу, хотя случалось отправлять на пенсион и полных сил лошадей. Так, в июле 1849 г. лошадь собственного седла государя императора Москва во время проездки скинула с себя военно-походного шталмейстера Гохштетера и была по высочайшему повелению передана в заведывание старшего берейтора А. А. Шишенкова. Но и тот не сумел совладать со вздорным характером животного. В первый раз Шишенков, сев на лошадь, только собирался тронуться, как она начала бить задом. Чуть не упав, наездник успел соскочить с нее. Во время очередной проездки норовистая Москва принялась за старое и сбросила берейтора на землю, в результате чего тот получил серьезные ушибы и потерял сознание[30].

Ил. 5. Скелет лошади. Могила № 64. Опубл.: *Трифонов В. А.* Археологические исследования лошадиного кладбища в Царском Селе. 1988–2000 // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2003. Вып. 1. Рис. 5

Были случаи, когда на свободное место в стойло Пенсионерной конюшни помещали ожеребившуюся кобылу. Так, из рапорта Ф. Е. Мейендорфа от 24 апреля 1840 г. известно, что «…кобыла вороная Джексоновская в прошлом марте месяце ожеребилась кобылкою, при которой находится купленная для вскармливанию кобылица…», но «по неудобному здесь на конюшне местоположению, [ее необходимо] отправить в Царское Село на ферму Пенсионной конюшни…»[31]. Так символично молодое поколение проживало под одной крышей с лошадьми старшего возраста.

Интересно, что в Пенсионерной конюшне доживал свои годы привезенный из Болгарии вместе с лошадьми Придворной конюшни осел Керим, который 13 октября 1879 г. «…пал от воспаления горла». За какие заслуги осел удостоился привилегии быть помещенным в царскосельскую Пенсионерную конюшню, остается загадкой.

В обязанности смотрителя конюшни входило ведение достаточно подробной описи прибывавших и убывавших лошадей, а также имущества, находившегося там. Вновь прибывшую лошадь смотритель принимал по специальной описи, где была указана кличка, масть, рост и возраст, а также подробное описание внешнего вида

и название места, откуда привезена[32]. Документы свидетельствуют о том, что каждый год умирали две или три лошади, но стойла при этом не пустовали: ушедшего из жизни животного тут же сменяло другое. Периодически даже образовывалась очередь из «пенсионеров», ожидавших вакантное место.

Захоронения располагались рядами, на одинаковом расстоянии друг от друга. На памятниках были вырублены в основном клички и возраст лошадей, а также означены принадлежность определенному царствующему владельцу и срок службы. В редких случаях помещалась расширенная эпитафия, как, например, на камне гнедой кобылы по кличке Милая: «Лошадь Ея Императорского Величества Милая. На сей лошади Его Императорское Величество Государь Император Николай Павлович изволил 14 го декабря 1825 года предводительствовать верною гвардиею против мятежников и, несмотря на несколько залпов, остался по милости Божией, невредим — лошадь также не была ранена»[33].

В рапорте от 5 января 1852 г. барон Ф. Е. Мейендорф сообщает пренеприятнейшее известие о том, что «…Яков Десятерев в ночи с 4 на 5 число сего января от болезни, пришедшей от старости лет, коих имел 75 ть, волею Божею помер»[34]. Его вдове Анне Михайловне 59 лет было выделено 114 руб. 30 коп. серебром на похороны мужа[35], а все ордена и знаки отличия, полученные Десятеревым, были отправлены в Капитул императорских орденов (административный орган, занимавшийся орденскими церемониалами), о чем свидетельствует документ № 481 от 26 января 1852 г. Министерства императорского двора[36]. Умершего смотрителя было велено похоронить «у Знаменской церкви, в Царском Селе, подле имеющейся гробницы Пажа, и поставить камень с надписью из его формуляра, отдав военныя почести как прапорщику; а вдове назначить в пенсион все содержание мужа»[37].

Проектный чертеж будущей гробницы умершего смотрителя представил архитектор И. А. Монигетти, а надгробную плиту из темно-серого сердобольского гранита вырубил и отполировал мастер А. Бакшеев; надпись на ней была вызолочена[38].

На открывшуюся вакансию смотрителя царскосельской Пенсионерной конюшни было два претендента. О замещении данной должности ходатайствовали нарядчик Ф. Иванов, служащий в Конюшенном ведомстве[39], и «отставной Лейбрейткнехт Блаженная памяти Императора Николая Павловича Тимофей Мамаев».

По высочайшему повелению звания смотрителя Пенсионной конюшни был в ноябре 1854 г. удостоен произведенный в первый классный чин Мамаев[40].

Император Александр II продолжил дело отца в отношении содержания лошадей-пенсионеров и ухода за кладбищем[41], хотя он не был таким искусным наездником, как Николай I, и не столь страстно любил верховую езду. В 1860 г. «директором конюшни», по словам французского очевидца, служил обер-шталмейстер барон Мейендорф (Mayendorff), которому помогал англичанин по имени Мосс, или Морс, «очень способный (умелый) в подковывании»[42]. Автор сообщает нам, что каждая лошадь имела свое отдельное удобное стойло, а время от времени прогуливается по большой, окруженной палисадником лужайке, в непосредственной близости от кладбища[43].

Уклад жизни конюшни, как и самих ее обитателей, доживавших здесь свои годы, был размеренным и неторопливым — кроме смотрителя его обеспечивали только три конюха и один дворник[44]. Неудивительно, что желающие занять ту или иную должность на далекой от придворной суеты Пенсионерной конюшне находились всегда. Однако, несмотря на удаленность, эта синекура порой инспектировалась первыми лицами, после чего, естественно, следовал ряд замечаний и принимались меры по их устранению.

Так, из рапорта графа С. А. Строганова от 8 мая 1863 г. узнаем, что императора Александра II при посещении им Пенсионерной конюшни удивило ее неопрятное состояние, а также озадачил вид смотрителя Мамаева. Государь высказал мнение, что последний «стар и дряхл» и явно не может продолжать дальнейшую службу[45]. После того, как 7 июня 1862 [1863] г.[46] Мамаев был уволен с жалованием в 295 руб. 66 коп. серебром в год, на его место стали прочить лейб-рейткнехтов Крутова и Алпова. Но первый отказался из-за болезни и старости, а второй не подошел «по его неблагонадежности и невоздержанному поведению»[47]. Известно только, что к 1874 г. должность смотрителя занял лейб-рейткнехт Черный, но и он был уличен в недобросовестности, а именно в использовании для личных целей упряжной лошади, вследствие чего на конюшне произошел конфликт. Ввиду сокращения расходов по Дворцовому правлению из-за того, что ежегодно наблюдался значительный перерасход средств на наемных лошадей (лошади с извозчиками обходились чрезвычайно дорого: в летние месяцы по 1 руб. 25 коп., зимой по 1 руб.), была прекращена доставка воды в царскосельскую Пенсионерную конюшню. В донесении графа А. А. Апраксина от 6 декабря 1874 г. читаем: «…в распоряжении Черного находится упряжная лошадь, которая могла бы возить воду; но… лошадь употребляется им единственно для разъездов по делам службы, а служители… принужденные носить воду на себе, отказываются от службы…»[48]. Выход из положения был найден довольно быстро. Лошади начали получать воду из имеющегося при конюшне колодца, а ключевую воду для служителей стала возить из источника близ Арсенала «состоящая в распоряжении Смотрителя упряжная лошадь… тем более, что вся деятельность Смотрителя вне присутствия Высочайшего Двора ограничивается в стенах конюшни…»[49].

В завершении вернемся к, вероятно, самому раннему (или одному из самых ранних) и крупному месту упокоения лошадей в истории[50] — царскосельскому Пенсионерному кладбищу, месту памяти горячо любимых и верно служивших императорских и великокняжеских любимцев. Справедливости ради хочется отметить важное, на наш взгляд, обстоятельство, связанное с царскосельским некрополем. Дело в том, что, несмотря на свою безусловную уникальность, на сегодняшний день подобный мемориал нельзя назвать «единственным в мире».

Известно кладбище лошадей членов голландской королевской семьи в Апелдорне, «спрятанное» в лесу Крундомейн в Хет Лоо, рядом со старым стрельбищем[51]. На нем помимо лошадей погребены и горячо любимые домашние питомцы королей. Самая старая могила датируется 1886 г.: «Здесь покоится Бэби, первый пони шестилетней принцессы Вильгельмины» — начертано на каменной доске. В Гамбурге есть небольшое кладбище, датируемое началом XX в., где захоронены восемнадцать скаковых лошадей[52]. И, конечно, нельзя обойти вниманием американское кладбище в Ленсингтоне, штат Кентукки, создателем которого является Дж. Э. Мэдден (John Earl Madden), занимавшийся разведением и тренировками лошадей, а в 1908 г. построивший свое конное кладбище в форме подковы, которое насчитывает тринадцать захоронений[53]. Все эти кладбища созданы позже царскосельского, но пока не вполне очевиден ответ на вопрос об английских захоронениях лошадей, тоже существовавших, и тема требует отдельного исследования. Из современной нам истории известно, что британский королевский дом всегда был неравнодушен к лошадям и скачкам. Королева Елизавета II,

например, имела множество лошадей и свою фаворитку кобылу Сьюзен, умершую в 1959 г. в возрасте пятнадцати лет, повелела похоронить в парке Сандрингема и установить на могиле плиту с надписью: «Сьюзен, верная подруга королевы». Другая ее любимица, Бирманка, была с почестями погребена в Виндзоре и запечатлена в бронзе Дж. Осборном. Королева не первая, кто хоронил четвероногих своих друзей с почестями и в королевских имениях, для этого были предпосылки — о доме престарелых для британских лошадей упоминает французский путешественник, описывая царскосельский комплекс, но уточняет, что в Англии нет ничего подобного ухоженному кладбищу, с ровно лежащими могильными плитами с надписями-эпитафиями, изображенному на гравюре Ф. Бланшара (Ph. Blanchard) в вышеупомянутом журнале 1860 г.[54]

Как знать, страстный англоман Николай I, много заимствовавший из английской архитектуры, влюбленный в готику и романы Вальтера Скотта, «последний рыцарь Европы», был ли первым, кто создал моду на захоронения любимых лошадей, или повторил эту затею, как повторял на царскосельской земле замки, башни, часовни и капеллы средневековой Англии?..

Так или иначе, совершенно очевидно, что ни в одной европейской стране к середине XIX в. не существовало столь хорошо обустроенного и ухоженного дома для престарелых лошадей собственного императорского седла и большого мемориального кладбища при нем.

Всего на кладбище по данным архивных и археологических исследований до 1917 г. насчитывалось 122 захоронения. Дополнительная, 123-я, могила была выявлена сотрудниками «Спецпроектреставрации» в процессе разработки проектной документации по фотографии на почтовой открытке 1930-х гг. из коллекции Шмит-Фогелевича[55].

В результате ознакомления с рапортами, подаваемыми по факту смерти каждой лошади (РГИА. Ф. 472 и 477) автором установлены 124 клички лошадей[56], похороненных на кладбище Пенсионерной конюшни, а также эпитафии, ранее считавшиеся утраченными. Так, во времена правления Николая I (1825–1855) было захоронено 29 лошадей, при Александре II (1855–1881) — 44, при Александре III (1881–1894) — 17, при Николае II (1894–1917) — 34. Эта ценная информация позволит в дальнейшем воссоздать захоронения и намогильные плиты в полном объеме.

Ил. 6. Здание Пенсионерной конюшни в процессе реставрации. Фотография автора. 2022

Одними из последних на кладбище обрели вечный покой конь Коб, служивший Александру III, и знаменитый серый мерин Серко, о котором стоит сказать особо. Родившийся в 1877 г., он в 1890 г. был подарен цесаревичу Николаю Александровичу сотником Д. Н. Пешковым, преодолевшим на нем расстояние в 8283 версты от Амура до Балтики.

Как мы видим, окончив свой короткий век, императорские лошади-пенсионеры непременно пополняли уникальный некрополь царскосельского Пенсионерного кладбища, что продолжалось вплоть до 1917 г.

С 2019 г. силами специалистов ООО «ПСБ «ЖилСтрой» проводится реставрация фасадов и интерьеров Пенсионерной конюшни, приспособление внутренних инженерных систем и оборудования (ил. 6). Второй очередью будет реставрировано и благоустроено кладбище лошадей. Так, задуманный еще Николаем I уникальный комплекс, обретет новую жизнь, станет объектом показа и местом интереснейших экскурсий для многочисленных гостей Царского Села.

Автор выражает благодарность М. П. Лебединской за помощь в подготовке статьи.

[1] *Шапиро Б.* Русский всадник в парадигме власти. М., 2021. С. 7.
[2] Там же. С. 336, 337, 347.
[3] Систематические бега в Царском Селе начались в 1845 г. (Альбом в память пятидесятилетнего юбилея императорского С.-Петербурскаго общества поощрения рысистаго коннозаводства: 1861–1911 / Сост. Л. А. Велихов, А. А. Красовский. СПб., [1914]. С. 22).
[4] Статистическое обозрение коннозаводства в России. СПб., 1847. С. 315.
[5] *Вильчковский С. Н.* Царское Село. СПб., 1911. С. 192; *Петров А. Н.* Пушкин. Дворцы и парки. М., 1964. С. 110.
[6] «Кобыла рыжая Виктория» пала 5 декабря 1865 г. в возрасте 23 лет (РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 904. Л. 1).
[7] L'Hotel Impérial des chevaux invalides, à Tzarskoe-Selo, en Russie // Le Magasin pittoresque. T. XXVIII. 1860. Septembre. P. 298.
[8] *Турова Е. А.* К истории комплекса Пенсионерной конюшни в Царском Селе // Судьбы музейных коллекций / Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2000. С. 46.
[9] *Петрова Г. В.* Здание бывшей «Пенсионной конюшни» в Александровском парке. Историческая справка. Пушкин. 1954 (ГМЗ «Царское Село». Рукописные материалы и исторический архив. Инв. № 349).
[10] *Турова Е. А.* К истории комплекса Пенсионерной конюшни в Царском Селе. С. 49. Сноска 19.
[11] *Степаненко И. Г.* Плановое задание на реставрацию Пенсионерского кладбища при Пенсионерских конюшнях в Александровском парке. 1985 (ГМЗ «Царское Село. Рукописный и исторический архив. Инв. № 2947).
[12] Ирина Григорьевна Степаненко (1951–2018) — старший научный сотрудник ГМЗ «Царское Село», многолетний хранитель скульптуры и парковых павильонов.
[13] *Турова Е. А.* К истории комплекса Пенсионерной конюшни в Царском Селе. С. 47.
[14] Там же. С. 42.
[15] РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2484. Л. 1.
[16] Там же. Л. 75.
[17] РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 746. Л. 1, 2.
[18] Там же. Л. 3.
[19] Там же. Л. 6, 7.
[20] ГМЗ «Царское Село». Музейная коллекция «Рукописные материалы». Инв. № ЕД-92-XV. (Комнатная опись по пенсионерной конюшне). 1861 г. Л. 7.
[21] Яков Десятерев «С 1 января 1793 г. находился на службе в Харьковском драгунском полку. 13 июня 1808 г. был переведен в конный полк. 10 октября 1815 г. был отправлен в отставку в звании унтер-офицера. Определен Рейкнехтом в Конюшенный штат Собственного его Величества Дворца 1 июня 1817 г. По высочайшему повелению Государя Императора произведен в 14 класс и помещен к Собственному Его Величеству Дворцу в число Конюшенных Офицеров 21 октября 1828 г. С 16 января 1837 г. назначен Смотрителем Пенсионерной конюшни. Умер 4 января 1852 г.» (РГИА. Ф. 477. Оп. 5. Д. 299. Л. 9 об.).
[22] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 570. Л. 1.
[23] Там же. Л. 3.
[24] Фотография плиты с надписью была опубликована на сайте Энциклопедия Царского Села ([Электронный ресурс]. URL: https://www.tsarselo.ru/ (дата обращения 10.09.2019), но после обновления его версии исчезла из публикации о Пенсионерной конюшне и кладбище.
[25] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 570. Л. 5.
[26] В основном могильные плиты были двух размеров: 142 (143) × 88 см и 142 (143) × 71 см. См.: ГМЗ «Царское Село». Рукописный и исторический архив. Инв. № 2947 (*Степаненко И. Г.* Плановое задание на реставрацию Пенсионерского кладбища при Пенсионерских конюшнях в Александровском парке). 1985 г. Л. 1.
[27] Размером 44 × 88 см.
[28] Подробнее см: *Трифонов В. А.* Археологические исследования лошадиного кладбища в Царском Селе. 1998–2000 гг. // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2003. Вып. 1. С. 160–176.
[29] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 965. Л. 3.
[30] РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 975. Л. 3 об.
[31] РГИА. Ф. 477. Оп. 5. Д. 121. Л. 1.
[32] РГИА. Ф. 477. Оп. 5. Д. 578. Л. 1.
[33] РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 281. Л. 2.
[34] РГИА. Ф. 477. Оп. 5. Д. 299. Л. 4.
[35] Там же. Л. 5.
[36] Там же. Л. 22. «Знак Отличия Военного Ордена; Орден Святой Анны; Прусский Железный крест, Серебряная медаль в память 1812 г. — за взятие г. Парижа и 1814 г. за взятие Праги; 1794 г. за Турецкую войну 1828 и 1829 гг., Австрийскую и Прусскую получил по случаю в нижних воинских чинах и Знак Отличия беспорочной службы за XX лет».
[37] Там же. Л. 6.
[38] Там же. Л. 32.
[39] РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 1787. Л. 1 об.
[40] Там же. Л. 4 об., 8.
[41] В ряде источников указывается, что при императоре Александре II в связи с нехваткой средств конюшня и кладбище перестают финансироваться и приходят в запустение, но ряд фактов, в частности очерк 1860 г. о кладбище во французском журнале Le Magasin pittoresque, говорит об обратном. Возможно, сведения о недостатке финансирования относятся к более позднему периоду правления Александра II.
[42] L'Hotel Impérial des chevaux invalides, à Tzarskoe-Selo, en Russie. P. 298.
[43] Ibid. P. 297.
[44] РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 1317. Л. 2.
[45] РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 1454. Л. 1.
[46] В документе указан 1862 г., но, скорее всего, ошибочно и имеется в виду 1863 г.
[47] РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 1454. Л. 7.
[48] РГИА. Ф. 477. Оп. 6. Д. 1317. Л. 1.
[49] Там же. Л. 2.
[50] Речь идет именно о мемориальных захоронениях, а не ритуальных, когда лошади приносились в жертву, известных в Европе еще с I в. н. э.
[51] [Электронный ресурс]. URL: https://www.deafscheidsfotograaf.nl/paardenbegraafplaats-kroondomein-het-loo/ (дата обращения 18.08.2022).
[52] [Электронный ресурс]. URL: https://www.thoroughbredu.com/94/ (дата обращения 08.08.2022).
[53] [Электронный ресурс]. URL: https://kyhorsepark.com/ (дата обращения 08.08.2022).
[54] L'Hotel Impérial des chevaux invalides, à Tzarskoe-Selo, en Russie. P. 297–298.
[55] Проект реставрации надгробных плит. «Пенсионерные конюшни» в Александровском парке. «Спецпроектреставрация». Разд. 3. Ч. 3. Т. 11.2 «Архитектурные решения» (ГМЗ «Царское Село»).
[56] Лошадей императорского седла нарекали очень выразительными именами (например, Гамлет, Роланд, Ахиллес, Драгун, Гомер, Японец, Людмил, Глазунчик, Царскоселец, Мисс-Жени, Султанчик, Кролик, Карасик, Анубис, Мальчик и т. п.) и практически никогда, за исключением дважды использованных кличек Гамлет, Гомер и Полтава, они не повторялись.

Маньков Сергей Александрович

КРАЖИ ИЗ ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ПРИДВОРНОЙ ЦЕРКВИ

Повседневность существования любого социального института, населенного пункта или архитектурного объекта можно рассматривать с точки зрения истории череды происшествий. Данный микроисторический подход нередко оживляет описание, характеризуя эпоху и более значимые процессы, происходящие в обществе на макроисторическом уровне.

Хотя история придворной церкви Воскресения Христова в Большом (Екатерининском) дворце Царского Села неоднократно затрагивалась в трудах исследователей в XIX–XXI вв., большого отдельного труда, посвященного этому интереснейшему храму, по сей день не создано, в силу чего многие страницы из жизни Царскосельского дворцового правления остаются в забвении.

Одной из негативных сторон храмовой жизни являлись воровство и кражи. Случаи святотатства как имущественного посягательства на священные или освященные предметы, а также на церковное имущество в целом известны с древнейших времен. Жажда наживы и корыстный мотив нередко перебарывали нравственные императивы в сознании даже у людей, рожденных и воспитанных в традиционном религиозном обществе.

В законах царя I-й Вавилонской (Аморейской) династии Хаммурапи за кражу «достояния бога» предусматривалась смертная казнь [1]. Кража храмового имущества по индийским законам Ману-смрити относилась к преступлениям, за которые следовала «казнь без промедления»[2]. В ветхозаветной книге Иисуса Навина предписывалось: «обличенного в похищении заклятого пусть сожгут огнем, его и все, что есть у него» (Нав: 7:15)[3].

С формированием христианского церковного права (Кодекс Юстиниана, Эклога, Прохирон, Эпанагога) святотатство рассматривалось как тяжкое преступление против государственной церкви, веры и нравственности [4]. Естественно, что это восприятие было экстраполировано на Русь. Нормы, предусматривавшие ответственность за кражу, совершенную в церкви, имелись в Псковской судной

грамоте, Судебнике 1497 г., Судебнике 1550 г. и Уставной книге Разбойного приказа [5].

Ил. 1. Вид придворной церкви Воскресения Христова Большого (Екатерининского) дворца

Соборное уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича также санкционировало «церковных татей казнить смертью же безо всякого милосердия, а животы их отдавати в церковные татьбы»[6]. Столь суровые меры были не только слепым следованием устоявшейся правовой традиции, уходившей своими корнями в глубь веков, либо волей церковных иерархов, но и в значительной мере отражали религиозные воззрения большинства христианских европейский обществ, сознание которых полагало святотатство крайней формой девиации и пренебрежения ко всему тому, что воспринималось современниками как сама «человеческая суть». Вот почему в петровскую эпоху, сопровождавшуюся коренной реформой всех сторон жизни российского общества и введением законодательства на европейский манер, статьи за религиозные преступления в Артикуле воинском 1715 г., во многом дублировавшие кодексы протестантских стран, ничуть не смягчились, а напротив уточнились и увеличились количественно.

Общее смягчение наказаний за религиозные преступления, в том числе святотатство, произошло при императрице Елизавете Петровне, указы которой от 18 июня 1753 г. и 30 сентября 1754 г. заменили «натуральную смертную казнь» на «политическую», которая выражалась в ссылке «на каторжные работы, предварительно подвергнув: наказанию кнутом с вырыванием ноздрей и постановлением клейма» или без такового [7].

По оценкам дореволюционных юристов преступления против веры (в том числе и святотатство) составляли небольшую часть от всех уголовных преступлений в России (менее 1 %)[8]. Однако они

признавались весьма значимыми в православном обществе Российской империи. В 1827 г. Государственный совет предпринял попытку законодательно сформулировать понятие «святотатство»[9]. Однако только в 1832 г. в «Своде законов» впервые были собраны и выделены статьи, касающиеся данного вида преступлений. Святотатство было отнесено к преступлениям против веры, и статьи о нем были включены в шестую главу второго раздела книги первой «Свода законов уголовных». Святотатство, согласно 210 статье «О преступлениях против веры» XV тома «Свода законов», определялось законодателем как «похищение церковных вещей и денег, как из самых церквей, так и из часовен, ризниц и временных и постоянных церковных хранилищ, хотя бы они и вне церкви состояли»[10]. За совершение данного вида преступления в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. предписывалось обвиняемого лишать всех прав состояния и ссылать на каторжную работу от 6 до 12 лет.

За время существования института придворных церквей их имущество несколько раз становилось объектом преступных посягательств. Каждый из таких случаев рассматривался как экстраординарный, поскольку наследственным ктитором и владельцем всей собственности придворных храмов был сам император. Соответственно кража в придворной церкви являлась кражей лично у российского монарха.

В истории Царскосельской дворцовой церкви дореволюционного периода удалось выявить два подобных эпизода.

11 мая 1824 г. Санкт-Петербургская палата уголовного суда осудила царскосельского придворного работника Якова Судовникова за кражу церковных свечей стоимостью 15 руб. 67 коп., купленных для «принесения жертвы Богу», и приговорила «наказать кнутом десятью ударами», после чего он был заклеймен, заклепан в кандалы и определен в каторжную работу[11]. Битье кнутом определялось тогдашним российским законодательством как «жестокое наказание» («торговая казнь»)[12]. Вопрос об отмене кнута поднимался императором Александром I, для чего был создан особый комитет, которому было объявлено высочайшее мнение, что «наказание кнутом, будучи бесчеловечной жестокостью, которой усиление зависит от произвола палача, следовало бы отменить»[13]. Комитет также высказался в этом смысле, но дело кончилось лишь указом 1817 г. об отмене вырезания ноздрей. Окончательное уничтожение кнута оказалось отложено до издания нового «Уложения о наказаниях» в 1845 г.

Ил. 2. Икона Казанской Божией Матери 1806. ГМЗ «Царское Село»

Ил. 3. Икона Феодоровской Божией Матери XIX в. ГМЗ «Царское Село»

Другое более громкое и запутанное дело, перекинувшееся из Царского Села на несколько регионов и затронувшее множество ведомств и учреждений, произошло в эпоху правления императора Николая I.

14 июля 1846 г. протоиерей дворцовой церкви Воскресения Христова Гавриил Михайлович Одоевский (1786–1867) обратился в Царскосельскую градскую полицию с просьбой взять под стражу крестьянина Арефия Семенова «за утайку выданной ему иконы Божией матери, облаченную в золотой канительной работы ризу, принадлежащей Придворной Царскосельской церкви»[14].

Полиции удалось выяснить, что крепостной крестьянин деревни Рылово Даниловского уезда Ярославской губернии Арефий Семенов, 42 лет от роду, находился в Санкт-Петербурге на отхожем промысле по паспорту, полученному от своей госпожи Екатерины Нарышкиной. Занимался «каменным мастерством» в Санкт-Петербурге в Императорском училище правоведения, где и квартировал[15]. В 1844 и 1845 гг. Семенов был бригадиром мастеровых, проводивших переделки в Прицерковном зале Большого Царскосельского дворца.

По запросу царскосельского полицмейстера майора Александра Ефимовича Матюнина и распоряжению директора Училища правоведения действительного статского советника Семена Антоновича Пошмана, исправляющий должность смотрителя дома училища,

губернский секретарь Михаил Андреевич Кузнецов [16] допросил А. Семенова 15 июля 1846 г., который показал, что: «с 1843 года занимался каменными работами при Царскосельском императорском дворце и жил в Лицейском флигеле. В 1845 г., в котором месяце не помню, с дозволения Архидиакона Царскосельской придворной церкви, от сторожей Лазаря Прокофьева, а другого имени не упомню, получил под расписку мою икону Казанской Божией Матери, которую Архидиакон, по причине находящихся в оной драгоценных камней, приказал переменить и мне дана была тем же сторожем Прокофьевым икона Божией Матери, обложенная не золотою, а по довольно белому отливу надо полагать серебряною позолоченною ризою»[17].

Далее крестьянин говорил: «1 марта 1846 года переезжал я в Санкт-Петербург заниматься работами в Училище Правоведения — и сперва уехал было один; спустя же нескольких дней приехала ко мне на квартиру жена моя Афросинья Дементьева со всем имуществом, а как квартира моя в Училище Правоведения не была отстроена, то остановилась она у знакомого нам крестьянина Ярославской губернии, Романо-Борисоглебского уезда /деревни не могу помнить/ Кириллы Мартианова [Трутнева], и оставила у него все имущество и того же дня отправлена была мною в деревню Рылово. В три недели когда квартира моя в Училище Правоведения была готова, отправился я к Мартьянову, который несколько дней пред сим, как мне сказано было торговыми людьми вместе с ними квартировавшими уехал в свою деревню, а сложенное на квартире у него имущество мое взял и перевез в свою квартиру, а помянутой иконы не нашел потому что Мартьянов увез ее с собою. Тогда поехал я в Царское Село к сторожу Прокофьеву рассказав ему об этом, просил дать мне время для вытребования той иконы обратно.

Сперва на Фоминой недели через отправлявшегося одного из знакомых Мартьянова в ту же деревню, наказывал ему о возвращении указанной иконы Божией Матери. На что он по прошествии трех недель отвечал словестно, что скоро вышлет.

В первых числах сего июня месяца прислал на квартиру ко мне в училище Правоведения с каким-то из своих знакомых той же деревни, имени его не упомню, завернутую икону, которая — как меня не было тогда дома, оставлена была, принесшим оную в моей квартире на столе. Когда я возвратился и осмотрел ту икону — то и нашел — что, сколько мне помнилось, хотя в лике и сходство, но риза не та. Тогда я с доставленною ко мне иконою обратился к сторожу

Прокофьеву. Объявив ему свое замечание просил обождать потому что послан нарочный к Мартьянову для получения настоящей иконы Божией Матери. Сторож же взял у меня ту икону и понес к отцу протоиерею придворной церкви, который объявив мне, что риза не та приказал явиться через три дня с настоящей иконой. Я же просил обождать две или три недели до возвращения посланного мною человека. Теперь вновь покорнейше прошу дать мне времени недели две, а я обязуюсь послать вторично и требуемую икону непременно к тому времени доставить…»[18].

Внешне ситуация выглядела как недоразумение, и отходнику А. Семенову поверили. В последующие месяцы полицмейстер Царскосельской градской полиции А. Е. Матюнин регулярно отправлял уведомления директору Училища правоведения о неявке крестьянина в Царское Село. Арефа Семенов постоянно просил о продлении срока представления иконы. Директор училища уведомил о взятии подписки с крестьянина Семенова об обязательной явке в полицию и «отобрании у него паспорта» [19].

Одновременно пристав исполнительных дел Литейной части штата Санкт-Петербургской полиции неоднократно брал у Арефы Семенова обязательства о представлении иконы, которые им также многократно нарушались [20].

Спустя полгода терпение полицейских властей Царского Села кончилось, и 17 января 1847 г. они просили пристава Литейной части штата Санкт-Петербургской полиции «законными мерами принудить Семенова явиться в полицию» [21].

Царскосельский полицмейстер письмом от 20 апреля 1847 г. № 1598 изложил дело и уведомил Санкт-Петербургского обер-полицмейстера генерал-майора, генерал-адъютанта Сергея Александровича Кокошкина, что «…крестьянин Арефий Семенов, хотя и имеет за собою квартиру в … доме Берникова, но в оной не бывает и квартира заперта, а постоянно с давнего времени находится при работах в Царском Селе, Павловске и при железной дороге», чем нарушил обязательства не отлучаться из Санкт-Петербурга [22].

Поняв, что разрешение дела затягивается, а о пропаже иконы узнало столичное полицейское начальство, придворный протоиерей Гавриил Одоевский 9 июня 1847 г., дабы обелить свою роль в данной ситуации, сообщил в Царскосельское дворцовое правление обстоятельства дела и об обращениях в полицию. Настоятель писал, что «икона была увезена без его ведома», что он «пастерски

неоднократно увещевал Арефия Семенова к возвращению образа, веря его заверениям в скором доставлении иконы и дабы не затруднять начальства» и уличил последнего «в святотатственном случае, в попытке подменить вместо выданного поддельный образ»[23].

9 сентября 1847 г. в Царскосельское дворцовое правление полицией был прислан паспорт Арефия Семенова от 24 сентября 1846 г., последним местом работы которого был казенный десятник при строительстве Царскосельского госпиталя[24]. В октябре 1847 г. крестьянин, наконец, был взят под стражу и содержался под арестом[25].

Дело приобрело новый поворот после того, как в Царскосельское дворцовое правление было доставлено письмо от 1 ноября 1847 г. коллежского регистратора Алексея Силича Баженова, проживавшего в собственном доме № 414/2а в 5-м квартале 4-й части Санкт-Петербурга. Послание содержало положительную характеристику крестьянина Арефия Семенова, производившего работы в его доме, и предложение отправить брата Семенова в Москву для розыска иконы, куда она была продана[26].

К письму Баженова прилагались письма и расписки, полученные им от свободного хлебопашца села Хатуни, Серпуховского уезда, Московской губернии, жительствовавшего в Москве на Таганке в Дурном переулке в доме финляндского купца Белякова, Петра Ивановича Бушуева 46 лет. Мещанин Бушуев утверждал, что своими силами провел расследование и добыл документы, которые оправдывали А. Семенова в умышленной продаже иконы и изобличали в этом крестьянина Ярославской губернии и уезда госпожи Десентуан Кирилла Матриановича Трутнева. По словам Бушуева, в 1845 г. икона была продана московской цеховой девице Прасковье Иовне Чистовой[27].

Царскосельское дворцовое правление 26 ноября 1847 г. переслало все полученные материалы московскому обер-полицмейстеру генерал-майору Ивану Дмитриевичу Лужину[28]. По поручению начальства пристав Рогожской части провел обыск в Яузской части в доме московского цехового Кожного цеха Иова Гавриловича Чистова, где проживала его дочь, девица Прасковья Чистова 29 лет, но иконы там не оказалось. Цеховая подтвердила, что в 1845 г. купила икону у крестьянина Кирилла Трутнева за 295 руб. ассигнациями, который уверял ее, что взял образ в Санкт-Петербурге в Старообрядческой молельне в доме мещанина Дмитриева у крестьянина госпожи Нарышкина Арефия Семенова за имеющийся на нем долг. Позже эту икону пытались купить у нее за 100 руб.

серебром старообрядцы «одной с ней секты по Преображенскому кладбищу», упомянутый Петр Бушуев и живущий с ним в одном доме московский мещанин Огородной слободы Григорий Нестерович Шлюхин 66 лет. Но продавать за эту цену она им отказалась. А купил подосланный ими неизвестный старообрядец из Стародуба, уроженец Ростова.

Ил. 4. Главноуправляющий III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии и шеф жандармов, генерал от кавалерии, генерал-адъютант граф Алексей Федорович Орлов (1786–1861)

Обыски полиции прошли у Бушуева и Шлюхина, но икона найдена не была. Оба они отказывались сознаться, что пытались купить икону у Чистовой и подсылали к ней «ростовца». Бушуев добровольно представил переписку с несколькими лицами, подтверждавшими, что он пытался разыскать икону для спасения крестьянина Семенова из-под ареста.

13 декабря 1847 г. цеховая Чистова принесла икону в полицию Рогожской части, пояснив, что неизвестный «ростовец», узнав о розыске данного образа властями, принес ей его на квартиру и отдал на условиях возвращения уплаченных им за нее денег 100 руб. серебром[29].

Выяснилось, что все причастные к расследуемому делу, включая Арефу Семенова, оказались старообрядцами. Случай укрывательства императорской иконы, в числе других случаев, послужил поводом для усиления ограничительных мер в отношении московских старообрядцев, воспринимавшихся в период правления Николая I как «раскольники и вероотступники»[30].

8 января 1848 г. икона была доставлена в Царское Село. Однако дело этим не закончилось. Им заинтересовалось III отделение Собственной Е. И. В. канцелярии, главноуправляющий которого генерал от кавалерии, генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов в письме от 23 декабря 1847 г. № 3420 на имя министра императорского двора отмечал: «До сведения моего дошло, будто бы протодиакон Царскосельской дворцовой церкви обвиняется, по частным слухам в похищении

из этой церкви иконы, которую он передал крестьянину Ярославской губернии Арефию Семенову и хотя последний, по подозрению в этом святотатстве арестован при Царскосельской полиции, однако вероятно не будет доведен до сознания, ибо отдал икону за значительную сумму раскольникам Ярославской губернии, Романо-Борисоглебского уезда в село Норское, с тем чтобы в случае разысканий в этом селе она перевезена была Московской губернии в село Ивановское…»[31].

Министр императорского двора светлейший князь Петр Михайлович Волконский, пребывавший в неведении всего происходящего, потребовал от генерала от артиллерии Я. В. Захаржевского произвести «строжайшее исследование, когда и какая икона похищена и какой именно протодиакон подевается в сем похищении»[32].

Генерал Захаржевский указал, что речь идет об иконе «весьма древней живописи Феодоровской Божией Матери», уже возвращенной в Большой дворец, и что «в утайке сей, произошедшей в 1845 г., бывший при здешней придворной церкви протодиакон Божуков нисколько не подозревается, но виноват в том, что позволил себе отдать икону без ведома протоиерея Одоевского»[33].

Но возмущенный министр вновь и вновь уточнял у Захаржевского: «…был ли продиакон Божуков призван к следствию… требовали ли от него надлежащие объяснения…»[34].

Служивший с 1833 по 1847 г. в придворной церкви Воскресения Христова протодиакон Григорий Алексеевич Божуков (1808–1882) благодаря певческим талантам являлся любимцем нескольких членов императорской фамилии. Сын сельского диакона из Тверской губернии, в юном возрасте 23 июля 1825 г. был избран из семинарии в Тверской певческий хор. Уже через несколько месяцев, 16 ноября 1825 г., стал певчим в Санкт-Петербургском Александро-Невском певческом хоре. Замеченный на одной из служб императором Николаем I, 28 октября 1833 г. по высочайшему повелению рукоположен в диаконы Царскосельской дворцовой церкви. 30 августа 1842 г. возведен в протодиаконы. Пение протодиакона Божукова настолько восхищало императрицу Александру Федоровну, что он удостоился чести находиться при особе императрицы и великой княжны Ольги Николаевны во время поездки в Италию в Палермо, Неаполь и Флоренцию в феврале — июле 1845 г., за что был пожалован 300 руб. серебром. 18 июля 1847 г. по высочайшему повелению переведен к придворному собору Зимнего дворца[35]. В дальнейшем он участвовал в коронации императора Александра II в Москве в 1856 г.

Ил. 5. Главноуправляющий Царскосельским дворцовым управлением и городом Царское Село, генерал от артиллерии Яков Васильевич Захаржевский (1780–1865)

Ил. 6. Н. Шевалье. Портрет диакона Григория Алексеевича Божукова (ок. 1809–1882). Бумага, карандаш. 1874

В 1856–1857 и 1860 гг. сопровождал вдовствующую императрицу Александру Федоровну в поездках в Ниццу, а императрицу Марию Александровну в 1857, 1859–1860, 1864–1865 и 1868 гг. в Гессен-Дармштадт[36]. Пользуясь высочайшей милостью, протодиакон Божуков удостоился Ордена Св. Анны 3-й ст. (4 апреля 1865 г.), неоднократно награждался денежными суммами и драгоценными подарками (золотыми часами, табакерками), а под конец жизни получал колоссальную даже для придворных диаконов сумму 1036 руб. 74 коп. в год[37].

Несмотря на все свое влияние, протодиакон имел весьма натянутые отношения со своим бывшим царскосельским настоятелем, протоиереем Гавриилом Одоевским, отличавшимся деспотическими методами руководства приходом[38]. В дальнейших комментариях всего царскосельского придворного причта усматривается явная тенденция сделать протодиакона единственным виновником данного дела.

Протоиерей в объяснениях от 7 февраля 1848 г. указывал: «В июне 1846 г. псаломщик Иван Бобровский заявил об отсутствии в алтаре образа Феодоровской Божией матери и что с разрешения

протодиакона Божукова она выдана крестьянину Семенову сторожем Тимофеем Тюриным»[39], а ранее он молчал об оплошности протодиакона из «христианского человеколюбия». Псаломщик Бобровский показал, что протоиерей Одоевский говорил протодиакону Божукову, чтобы он предпринял действия к возвращению иконы[40]. Церковный сторож Лазарь Прокофьев утверждал, что умерший 24 июня 1846 г. «от старости»[41] сторож унтер-офицер Тимофей Тюрин поменял иконы (Казанскую на Федоровскую) с ведома протодиакона[42].

За Божукова заступился императорский духовник и обер-протопресвитер придворного духовенства Николай Васильевич Музовский, а сам протодиакон в присутствии пресвитера собора Спаса Нерукотворного Образа в Зимнем дворце дал присягу о «домашних» недоразумениях с протоиереем Одоевским и о том, что «никакого образа дать не мог без воли настоятеля»[43].

В итоге министр двора встал на сторону протодиакона Божукова и 18 марта 1848 г. довел до дворцового правления, что «Государь Император поветь изволил сделать строгий выговор протоиерею Одоевскому за выдачу иконы без позволения духовного начальства»[44].

Таким образом, одно происшествие вместило в себя повседневность существования дворцового управления, межличностные противоречия в среде придворного клира, политику властей в отношении старообрядчества, практику ведения следствия в николаевскую эпоху. Дело о пропавшей иконе, хотя и не сказалось на карьере придворного причта, но показало, что такое явление как кражи церковного имущества являлось хотя и редким, но все же имевшим место даже в столь закрытой структуре, как придворные церкви.

[1] *Якобсон В. А.* Законы Хаммурапи как источник по истории древней Месопотамии: Дис. … докт. ист. наук: 07.00.09. Л., 1987. С. 134–136.
[2] *Лукьянов С. А.* Святотатство как вид религиозного преступления в российском уголовном законодательстве (X — начало XX в.) // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 150.
[3] Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М., 2014. С. 211.
[4] *Попов А. В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 19.
[5] *Солнышкин А. А., Корнева Н. М.* Ответственность за святотатство в Российской империи XIX — начала XX века (право и правоприменение) // Научный диалог. 2021. № 7. С. 467.
[6] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. I: С 1649 по 1675: от № 1 до 618. СПб., 1830. С. 139.

[7] *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право: лекции: часть общая: [в 2 т.]. Т. 2. М., 1994. С. 139.
[8] *Тарановский Е. Н.* Религиозные преступления в России // Вестник права. 1899. № 4. С. 1–3.
[9] *Лукьянов С. А.* Святотатство как вид религиозного преступления в российском уголовном законодательстве (X — начало XX в.). С. 153.
[10] *Солнышкин А. А., Корнева Н. М.* Ответственность за святотатство в Российской империи XIX — начала XX века (право и правоприменение). С. 467–468.
[11] РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 240. Л. 3.
[12] *Сергеевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. С. 149.
[13] Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Т. 15: Керосин — Коайе. СПб., 1895. С. 465.
[14] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1319. Л. 4.
[15] Там же. Л. 5.
[16] Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1846 год. Ч. 1. СПб., 1845. С. 265.
[17] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1319. Л. 5 об.
[18] Там же. Л. 6.
[19] Там же. Л. 7–13.
[20] Там же. Л. 14–22.
[21] Там же. Л. 23.
[22] Там же. Л. 26–27.
[23] Там же. Л. 32.
[24] Там же. Л. 34–35.
[25] Там же. Л. 37.
[26] Там же. Л. 38.
[27] Там же. Л. 38 об.
[28] Там же. Л. 39.
[29] Там же. Л. 45–47.
[30] *Лукьянов С. А.* Формирование системы полицейского надзора в отношении старообрядцев в Российской империи // Российская полиция: три века служения Отечеству: Сб. статей юбилейной междунар. науч. конф. В 2 ч. Москва, 21 декабря 2018 г. / под ред. В. Л. Кубышко. М., 2019. С. 172.
[31] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1319. Л. 86.
[32] Там же. Л. 87.
[33] Там же. Л. 90.
[34] Там же. Л. 95.
[35] РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 444. Л. 18.
[36] РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2958. Л. 340–343.
[37] РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1422. Л. 1–2.
[38] *Маньков С. А.* Придворная карьера протоиерея Гавриила Одоевского (1786–1867) // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 386–400.
[39] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1319. Л. 98.
[40] Там же. Л. 102–103.
[41] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 420. Л. 59 об.–60.
[42] РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1319. Л. 99–100 об.
[43] Там же. Л. 109, 114.
[44] Там же. Л. 131.

Метелкина Анна Геннадьевна

КОНТАКТЫ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА С ОДНОФАМИЛЬЦАМИ «СОВЕРШЕННО МОДНОГО ЖИВОПИСЦА» Ф. КРЮГЕРА

Собранные воедино три истории однофамильцев Ф. Крюгера приоткрывают сложную и порой неоднозначную картину взаимоотношений членов Российского императорского дома с художниками так называемого третьего круга.

В царствование Николая I русские и иностранные художники не имели возможности вступать в переписку и преподносить свои произведения в дар императору, императрице и великим князьям, минуя посредников. В первые годы правления Александра II вопрос о непреодолимых препятствиях между дарителями и одариваемыми был затронут министром народного просвещения Е. П. Ковалевским. В 1857 г. он поддержал инициативу руководства Московской 4-й гимназии познакомить цесаревича с выпускником этого учебного заведения. Осуществить задуманное планировалось через поднесение в дар наследнику литографированного альбома с портретами русских писателей. Преследовал ли Ковалевский корыстную цель ввести в окружение будущего императора своего человека — неизвестно, поскольку, вопреки ожиданиям, знакомство не состоялось [1].

Очевидно, что удачно литографированный эстамп служил для художников пропуском в любое общество [2]. В сопроводительных надписях и подписях, как правило, наряду с именем портретируемого указывались фамилии литографа и автора оригинала, а также литографское заведение, в котором осуществлялась печать.

Примером для такого опыта могли послужить поведение и манера работать придворного живописца Ф. Крюгера [3]. К юбилейным торжествам, посвященным 25-летию вступления на престол Николая I, художник исполнил карандашный портрет императора «в двух экземплярах»[4]. Он виртуозно владел техникой рисования на литографском камне и планировал портрет Николая I литографировать [5] и пустить в продажу [6].

Подобными портретами члены августейшей семьи одаривали родственников и подданных. Об этом факте свидетельствуют воспоминания фрейлины Тютчевой: «1854 год 21 апреля. Мне сегодня минуло 25 лет. <…> Великий князь (наследник — *А. М.)* также поздравил меня и подарил мне литографированный портрет императора Николая. Я не могу сказать, как я тронута и удивлена таким баловством и вниманием»[7].

Работы Крюгера, размноженные в технике литографии отечественными и немецкими мастерами, получили в Российской империи широкую известность. В собрании отдела гравюры XVIII — начала XXI в. ГРМ на листах, литографированных с оригиналов Крюгера, имеется надпись латиницей «Fr Krüger», в то время как на эстампах его однофамильцев можно встретить различное написание немецкой фамилии Krüger в русской транслитерации: Крюгер, Крегер и Кригер. Подтверждение этому найдено в периодической печати, к примеру, в 1845 г. в еженедельном журнале «Иллюстрация» за 1845 г. в статье Н. В. Кукольника, где можно прочесть: «Когда профессор Кригер был первый раз в Петербурге, все только и говорили о знаменитом живописце…»[8].

Слава придворного художника распространилась и на эстампы его однофамильцев, работавших в России. Некоторые из них не преминули воспользоваться этим обстоятельством.

В начале XX в. коллекционеры Н. А. Обольянинов [9], А. В. Морозов [10] и Е. Н. Тевяшов [11], систематизируя обширный листовой материал, полагали, что их автором является некий художник Крюгер, фамилия которого в подписях под изображениями варьировалась — Кригер, Крегер. В справочнике «Тиме-Беккер» (Thieme-Becker) опубликованы сведения о художниках-литографах с распространенной фамилией Krüger, живших в разных странах и в разное время [12].

Архивные материалы, которые бы дали возможность подробно рассказать о жизни и творчестве художников по фамилии Krüger, а также об их контактах с членами Российского императорского дома, крайне немногочисленны. По мере накопления сведений также оказалось, что с фамилией Крюгер происходят метаморфозы, и даже в одном архивном деле в разных официальных документах она трансформируется то в Кригер, то в Крегер. Несмотря на это, работа с архивными материалами дает возможность систематизировать знания о трех однофамильцах художника Ф. Крюгера, а также

провести атрибуции авторства эстампов, хранящихся в ГРМ в фонде отдела гравюры VIII — начала XXI в.

В начале 2000-х гг. на первом этапе работы над темой «Художники литографского заведения, специализировавшегося на изготовлении иллюстраций издания А. В. Висковатова „Историческое описание одежды и вооружения Российских войск“ (СПб., 1841–1862)[13]» автором статьи на основе немногочисленных сведений было выдвинуто ошибочное предположение о том, что придворный живописец участвовал в переводе рисунков издания на литографские камни, а также открыл литографское заведение в Российской империи. Поводом так считать послужили, во-первых, надписи под изображениями «Крюгер» на листах издания «Историческое описание» и, во-вторых, дело под названием «О дозволении Живописцу Крюгеру устроить в Дерпте Литографию. Началось 14 декабря 1837 г. Решено 18 Марта 1839 г. На 12 лл.»[14], хранящееся в РГИА. Факт открытия мастерской был любопытен, но возникал вопрос, почему в Дерпте, а не в Санкт-Петербурге?

В скором времени первоначальная версия была отведена, поскольку, в то время, когда Ф. Крюгер скончался в январе 1857 г. в Берлине, его однофамилец числился в штате литографского заведения Редакции Российской военной хроники. На самом деле, при ознакомлении с материалами дела оказалось, что просителем выступил не Франц Крюгер, а его однофамилец — Вольдемар Крюгер.

Сведения о художнике В. Крюгере, опубликованные в справочнике «Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960» (Köln; Wien: Böhlau, 1970)[15], дополняют и уточняют материалы, почерпнутые в РГИА в фондах Академии художеств (Ф. 789) и Департамента МВД (Ф. 1286). Среди них основными документами являются прошения Крюгера в Правление Академии и министру внутренних дел.

Вольдемар Фридрих Антонов сын, Крюгер (Woldemar Friedrich Krüger), ландшафтный живописец и **литограф** (выделено автором. — *А. М.*)[16] (21 декабря 1807 (2 января 1808) — 24 декабря 1893 (5 января 1894)), родился в Эстлянской губернии и по окончании курса учения в Дерптском университете несколько лет путешествовал по Германии и Италии с целью усовершенствования в рисовальном искусстве[17].

В декабре 1837 г. он обратился к министру внутренних дел Д. Н. Блудову с просьбой о позволении открыть в городе Дерпте литографскую мастерскую. По утверждению художника, он

намеревался тиражировать исключительно свои работы и потому отметил в своем прошении: «<…> пробывши несколько лет за границею для усовершенствования в рисовальном искусстве, я ныне по возвращении моем в Россию, поселился в родине моей, в Дерпте, и намереваюсь устроить здесь литографию, которая, однако же, должна ограничится единственно литографированием собственных моих рисунков, а отнюдь не чужих произведений, особенно письменных сочинений и т. п.»[18].

Эстляндский гражданский губернатор заверил начальство в благонадежности Крюгера, и в мае 1838 г. дозволение было получено, поскольку «завести Литографию в Дерпте препятствий не нашлось»[19]. Мастерская была открыта 1 августа 1838 г., «со взятием у Крюгера подписки» о том, что он будет соблюдать все правила, предписанные законами[20].

Из прошения Крюгера в Правление Академии художеств стало известно, что в 1838 г. за ландшафт, написанный им масляными красками, он «…имел счастие получить из ИАХ аттестат от 5-го сентября 1838 под № 571», дававший ему право определения в звание учителя рисования в гимназиях и уездных училищах. 6 февраля 1839 г. он был определен в звание учителя рисования при Городской девичьей школе[21].

Крюгер получил известность как пейзажист, как автор портретов профессоров Дерптского университета и как иллюстратор научных изданий по ботанике[22]. В настоящее время художественное наследие мастера хранится в Эстонском художественном музее (Eesti Kunstimuuseum, Таллин).

Однофамилец Франца и Вольдемара Крюгеров художник литографского заведения Редакции Российской военной хроники Крегер не только никогда не занимал почетного места среди корифеев русской живописи, но и его имя до настоящего времени оставалось загадкой для специалистов. Первые краткие сведения о художнике были почерпнуты автором статьи из материалов дела Канцелярии Императорской Академии художеств (РГИА) «О лицах ищущих звания свободного художника 1863 г.»[23].

Известна точная дата поступления Крегера в Академию — 16 октября 1847 г. Осип (Иосиф) Яковлевич Крегер, вольноприходящий ученик, в течение 9 лет прошел все рисовальные и натурный классы, занимаясь в художественном классе этюдами, также слушая лекции по архитектуре и перспективе. В 1856 г. он прервал занятия

в Академии по причине болезни. После выздоровления, с 1857 г. Крегер был зачислен в штат литографской мастерской Редакции Российской военной хроники, специализировавшейся на изготовлении иллюстраций к изданиям А. В. Висковатова «Историческое описание»[24]. В 1863 г. он предполагал представить свои работы в Совет Академии для получения звания свободного художника[25]. Заведующий Редакцией генерал-адьютант Н. А. Огарев ходатайствовал перед Правлением Академии художеств о том, чтобы Крегеру «…благоволили представить это звание, буде работы его того заслужат, не требуя, чтобы он вновь посещал этюдный класс — ибо занятия Крегера в Редакции Российской Военной Хроники не оставляют ему нисколько свободного времени»[26].

В декабре 1863 г. Н. А. Огареву была объявлена резолюция, вынесенная Правлением Академии: Крегеру было предложено подвергнуться «испытанием из наук» на основании Устава Академии и представить свои работы, засвидетельствованные его наставником, не ранее как с 20 июля по 20 августа 1864 г., поскольку звание художника присваивалось вольноприходящим ученикам «…только раз в году при годичном Академическом экзамене, бывающем в последних числах Августа»[27].

Из материалов дела неясно, повлияло ли ходатайство Н. А. Огарева на судьбу Крегера. По-прежнему остается открытым вопрос, был ли он удостоен Советом Академии художеств звания художника? Документы свидетельствуют, что 18 июня 1865 г. архитектурные проекты на пяти листах, представленные Крегером[28] в Академию, были выданы ему обратно, а за их получение расписался «…**А** Кр**ю**геръ Художникъ»[29] (выделено автором. — *А. М.*), с которым он, вероятно, находился в родственных отношениях[30].

Известно, что в ноябре 1865 г. Крегер состоял в штате мастерской Редакции Российской военной хроники[31], а в 1868 г. числился вольнонаемным «живописцем» литографского заведения Музеума Главного Интендантского управления с окладом 720 руб. в год[32].

Круг произведений, приписываемых этому мастеру, до настоящего времени ограничивался иллюстрациями к изданиям: «Историческое описание», «Портреты лиц, отличившимися заслугами и командовавших действующими частями в войне 1853, 1854, 1855 и 1856 годов» (СПб., 1857–1863)[33] и «Альбом современных карикатур» (СПб., 1855)[34]. По мнению автора статьи, он также привлекался к исполнению частных заказов, и в 1866 г. одна из его

работ была поднесена в дар великой княгине Ольге Федоровне. Об этом можно судить по эстампам «Юбилейный лист в память 100-летней годовщины Смольного института 5 мая 1864 года»[35] и «В ознаменование прибытия в С. Петербург Ее Королевского Высочества принцессы датской Марии Федоровны 17-го сентября 1866 года». На бумажном листе, приклеенном к экземпляру эстампа из собрания ГРМ[36], можно прочесть текст, адресованный супруге наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича: «Ея Императорскому Высочеству Благоверной Государыне Великой Княгине Ольге Федоровне: С Благоговением и верноподданнейшею преданностию имеет счастие поднести Издатель, — верноподданный Коллежский Секретарь Василий Александров Андреев Служащий в Конторе Дирекции Императорских СПетербургских Театров…».

Групповой портрет сопровожден надписями с указаниями имен автора-издателя, литографа и литографского заведения в столице. Под изображением: слева — «Рисовал на камне Крегер.», справа — «Сост. и Рисов. Кол. Секр: В. Андреев. Собст. Изд:». Ниже посередине название в две строки: «В Ознаменование прибытия в С. Петербург Ея Королевскаго Высочества / Принцессы Датской Марии Феодоровны 17-го Сентября 1866 года». Ниже: слева — «Дозволено цензурою 21 сентября 1866 г.», посередине — «Копировать воспрещается. Собственность издателя», справа — «Лит. А. Траншеля. Невский пр. д. № 45–1».

Следует отметить кратчайший срок, за который рисунок был переведен Крегером на литографский камень, а также тот факт, что с момента прибытия Марии Федоровны 17 сентября на отпечатывание тиража и получение билета Санкт-Петербургского Цензурного Комитета издатель потратил не более пяти дней.

Еще один однофамилец — Готфрид Кригер (1803–?)[37] — вошел в историю как участник «совершенно скверного дела»[38].

В феврале 1830 г. министр народного просвещения К. А. Ливен обратился к президенту Академии художеств А. Н. Оленину с просьбой подвергнуть испытанию Г. Кригера[39]. По итогам экзамена Советом Академии было определено, что «…Г. Кригер оказался очень слабым в рисунке, но не без способностей…». Ему было рекомендовано учиться с прилежанием, посещая рисовальные классы, где он смог бы «…со временем приобрести сведения нужные, для того чтобы быть Рисовальным Учителем»[40].

Четверть века спустя Кригер, будучи учителем чистописания 2-й Санкт-Петербургской гимназии, обратился к министру народного просвещения А. С. Норову с прошением о законной защите своих интересов и покровительстве. Осенью 1851 г. по собственной инициативе он вознамерился составить «краснописанный, художественный листок, изображающий Русскую Церковную молитву: „Спаси, Господи, люди Твоя“»[41]. Как утверждал Кригер, он составил «…план соответствующим эмблемам»[42] и взял на себя исполнение каллиграфической «чистописной части сего листка»[43]. Оформление эмблем по просьбе Кригера принял на себя художник А. М. Малевский[44] за 2000 руб. ассигнациями.

По словам Кригера, «…как скоро листок казался сделаться великолепным»[45], Малевский посоветовал ему непременно посвятить его императрице. Вместе они планировали тиражировать листок с целью продажи.

Кригер сетовал, что впоследствии Малевский требовал от него, чтобы он, кроме обещанной ему суммы, «назначил ему половину денег выручаемых по напечатании листка»[46], а также позволить ему, как сотруднику, наравне с Кригером посвятить листок императрице. Он согласился на все требования художника, несмотря на то, что с 1851 по 1854 г. израсходовал около 400 руб. серебром.

Когда работа над листком была завершена, Малевский уговорил Крегера отдать ему листок, «…дабы и он мог его совершенно окончить»[47]. Необходимо признать, что главное достоинство художественного листка, безусловно, заключалось в рисунках Малевского, а не в надписях, исполненных учителем чистописания. В результате, по мнению Кригера, он лишился листка «…по коварному, лукавому и безбожному поступку злого человека»[48]. Кригер писал о своем напарнике: «В самых обидных и оскорбительных выражениях он объявил мне, что оный листок единственно его одного труд, к которому я более и коснуться не смею»[49].

Для законной защиты своих интересов Кригер обратился к генерал-адьютанту графу Орлову. Он напомнил своему покровителю о том, что во время работы над листком уже представлял его на благосклонное усмотрение и ему самому, и непосредственным начальникам гимназии, и начальнице Патриотического института С. И. Засс, и многим знатным особам. Особо Кригер подчеркнул, что «…даже Их Императорския Высочества Великие Князья

Николай и Александр Александровичи удостоили снисходительным вниманием упомянутый труд»[50].

Свое прошение Кригер завершил, казалось бы, неожиданным требованием: в том случае, если Малевский «от злонравия, коего можно ожидать всех безчинств, изорвет или испортит частоупоминаемый листок, то осмеливаюсь всепокорнейше просить дабы Ваше Превосходительство благоволили мне **приказать составить и написать новый лист, изображающий вышеозначенную молитву, для учебных заведений** (выделено автором. — *А. М.*)»[51].

Безусловно, Кригер хотел воспользоваться ситуацией и надеялся получить от министра народного просвещения официальный заказ на новый лист, тиражирование которого, с целью распространения в учебных заведениях, состоящих в ведомстве народного просвещения, принесло бы Кригеру материальные выгоды. О таком заказе мечтали многие издатели.

Министр народного провещения не оставил без внимания прошение Кригера с просьбою об оказании ему защиты. Норов, «не входя в разбирательство этого совершенно скверного дела»[52], в котором упоминались имена императрицы и великих князей, передал его на усмотрение начальнику Корпуса жандармов Дубельту.

О том, что Кригер не оставил своих намерений, стало известно из материалов дела «По письму Министра Народного Просвещения о дозволении коллежскому асессору Кригеру поднести Государыне Императрице написанной им картины под названием Эмблема Русского Царства и об отлитографировании с оной снимков и покупки для учебных заведений»[53]. В настоящее время два экземпляра эстампа под названием «Эмблема Русского Царства» хранятся в ГЭ[54] и один экземпляр — в собрании СПб ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга»[55].

Изображение сопровождают надписи с указаниями издателя Г. Кр**ю**гера (выделено автором. — *А. М.*), автора оригинального рисунка академика Ф. Г. Солнцева, литографских мастерских Р. Гундризер в Санкт-Петербурге и Ф. Швабе в Берлине. Из архивных документов стало известно, что Кригер выдавал себя за автора, в то время, когда акварель была исполнена Ф. Г. Солнцевым.

В марте 1861 г., в последнем квартале траура, объявленного по смерти супруги императора Николая I, главноуправляющий IV отделения Собственной Е. И. В. канцелярии представил государыне акварель под названием «Эмблема Русского Царства»[56].

Акварель сопровождала просьба Кригера о посвящении ее августейшему имени императрицы. По мнению министра императорского двора, даритель рассчитывал на выгодную сделку, поскольку цель поднесения картины государыне заключалась «…в литографировании оной и покупке литографий для учебных заведений, состоящих под покровительством ея Величества»[57].

Несмотря на то, что Кригеру покровительствовал министр народного просвещения[58], государыня, пожаловав подарок за его труды, отклонила посвящение и отказалась от предложения приобрести для женских учебных заведений эстампы, выполненные с этого рисунка[59]. Подарок — бриллиантовый перстень с сапфиром, полученный из Кабинета Е. И. В., был передан принцем П. Г. Ольденбургским[60].

В апреле 1861 г. Кригер получил письменное извещение, в котором было сказано, что государыня благосклонно приняла поднесение. Издатель посчитал, что «…осчастливленный сею Монаршею милостию, он не мог сомневаться, что вместе с принятием его труда, последовало разрешение и на испрашиваемое им посвящение»[61]. Воодушевленный благосклонным вниманием Кригер на свои средства тиражировал рисунок в технике хромолитографии и отпечатал тираж за границей, приурочив его выход в свет к помолвке цесаревича великого князя Николая Александровича с дочерью короля Дании Христиана IX[62]. Он счел себя вправе сделать на эстампе «Эмблема Русского Царства» надпись о посвящении рисунка августейшему имени императрицы.

30 сентября 1864 г. Кригер адресовался к министру императорского двора[63] с просьбой обратить внимание на его 12-летний труд «Эмблема Русского Царства». Идея этой картины была объяснена им на прилагаемом печатном листке[64]. Вместе с тем Кригер льстил себя надеждою, что В. Ф. Адлерберг «…благоволит принять отеческое участие в распространении Эмблемы среди учебных заведений, находящихся под высоким покровительством…». Автор указал цену за экземпляр 10 руб. серебром[65].

В октябре 1864 г. Адлерберг объявил Кригеру, что продажа хромолитографированных эстампов «с посвящением Августейшему Имени Ея Императорского Величества разрешена быть не может»[66]. После проведенного разбирательства, производившегося по документам Кабинета Е. И. В.[67], выяснилось, что учитель чистописания проигнорировал волю императрицы.

Очевидно, что ни экономические, ни социальные перемены, произошедшие в Российской империи в конце 1850–1860-х гг., не изменили порядок взаимоотношений художников с их покровителями.

[1] *Метелкина А. Г.* Портрет М. Ю. Лермонтова из издания «Собрание портретов русских литераторов. Тетрадь 1 и 2» (М., 1857). К вопросу о литографе Николае Карловиче Зенгере // Лермонтовские чтения — 2019. Сборник статей. СПб., 2020. С. 90, 91.
[2] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3142. 1846 г. Л. 1–5.
[3] *Асваріщ Б. И.* «Совершенно модный живописец» Франц Крюгер в Петербурге. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 1997.
[4] РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (98/936). Д. 22. 1851 г. Л. 242.
[5] В фонде отдела гравюры XVIII–XXI вв. хранится портрет императора Николая I, литографированный П. С. Смирновым с оригинала Ф. Крюгера не ранее 1852 г. ГРМ. Инв. № Гр. П-178.
[6] Там же.
[7] Тайны царского двора (из записок фрейлин): Сборник / сост. И. В. Еремина. М., 1997. С. 217.
[8] Иллюстрация. 1845. № 7. С. 109.
[9] *Обольянинов Н. А.* Каталог русских иллюстрированных изданий 1725–1860 гг. М. 1915. Т. 1. С. 7. № 32, С. 27, 28. № 127, С. 82, 83. № 378, С. 299. № 1500; Т. 2. С. 435. № 2162; *Обольянинов Н. А.* Русские граверы и литографы. Добавление к «Словарю русских граверов» и «Описанию нескольких гравюр и литографий» Тевяшова. М., 1913. С. 49. № 169.
[10] *Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных литографированных портретов. Т. II: Д — Л. М., 1913. Ст. 588.
[11] *Тевяшов Е. Н.* Описание нескольких гравюр и литографий. СПб., 1903. С. 36, 110, 179. Исследователь указывает художника Крюгера с инициалом «В», перечисляя живописные работы Франца Крюгера: портреты императора Николая I и императрицы Александры Федоровны.
[12] *Thieme U., Becker F.* Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. V. 21. Knip — Krüger. Leipzig, 1927. P. 604.
[13] Далее — «Историческое описание».
[14] Начиная с 2014 г. исследователи могут ознакомиться с делом через электронный читальный зал РГИА и на сайте Президентской библиотеки.
[15] Deutschbaltisches Biographisches Lexikon 1710–1960 / Im Auftratge der Baltischen hist. Kommiss. begonnen von Olaf Welding und unter Mitarb. von Erik Amburger und Georg von Krusenstjern hrsg. von Wilhelm Lenz.-Köln; Wien: Böhlau, 1970. V. 4. P. 419, 420.
[16] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2505. 1840 г. Л. 7.
[17] Там же.
[18] РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. Д. 217. 1837 г. Л. 1, 2.
[19] Там же. Л. 6.
[20] Там же. Л. 12.
[21] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2505. 1840 г. Л. 1, 2.
[22] Эстамп, исполненный В. Крюгером, хранится в ГБУК города Москвы «Государственный биологический музей имени К. А. Тимирязева».
[23] РГИА. Ф. 789. Оп. 4. Д. 102. 1863 г.

[24] Составлено по экземпляру издания «Историческое описание» из собрания научной библиотеки ГРМ: Часть 15 (1858): как литограф — № 2104, 2109–2111, 2120, 2130; Часть 16 (1859): как литограф — № 2138, 2141, 2171, 2176, 2183, 2186, 2191, 2192, 2202, 2214, 2218, 2231, 2241, 2252, 2264, 2267, 2281, 2303, 2304; Часть 17 (1860): как литограф — № 2322, 2326, 2373, 2383, 2388, 2396, 2406; Часть 20 (1861): как литограф — № 207; Часть 27 (1862): как литограф — № 932, 959, 966, 972; Часть 29 (1862): как литограф — № 1075, 1141, 1162; Часть 30 (1862): как литограф — № 1300, 1317–1319, 1321, 1323–1325, 1332, 1335.
[25] РГИА. Ф. 789. Оп. 4. Д. 102. 1863 г. Л. 30.
[26] Там же. Л. 30 об.
[27] Там же. Л. 31.
[28] В 1867 г. О. Я. Крегер проживал в Санкт-Петербурге по адресу: Невский проспект, дом 105, квартира 85.
[29] РГИА. Ф. 789. Оп. 4. Д. 102. 1863 г. Л. 31 об.
[30] Об архитекторах Крюгерах см.: *Щиголев Н., Исаченко В.* Династия художников // Нева. 2004. № 7. С. 235.
[31] РГВИА. Ф. 374. Оп. 1. Д. 31. 1865 г. Л. 2.
[32] РГВИА. Ф. 499. Оп. 14. Д. 1. 1868 г. Л. 22 об. № 21.
[33] Далее — «Портреты лиц, отличившихся заслугами». Составлено по экземпляру издания «Портреты лиц, отличившихся заслугами» из коллекции Отдела эстампов РНБ (Шифр Э / Ал П/3–15/1): А. В. Ершов, А. С. Меньшиков, В. А. Корнилов, В. Л. Баран-Ходоровский, И. Д. Тархан-Моуравов, И. Е. Мачабели, К. А. Ермолов, К. К. Рейсих, Л. И. Драке, Л. О. Бялый, М. П. фон Кауфман, Н. Д. Скарятин, И. Е. Шван, Н. Н. Муравьев-Амурский, П. В. Преснухин, С. П. Хрущов, Я. З. Игнатьев.
[34] *Обольянинов Н. А.* Русские граверы и литографы… С. 49. № 169.
[35] ГРМ. Инв. № Гр-26639. Помимо ГРМ экземпляры эстампа хранятся в коллекциях ГЭ и в ГМИ СПб.
[36] ГРМ. Инв. № Гр. П-492.
[37] РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 350. 1857 г. Л. 3 об.
[38] РГИА. Ф. 735. Оп. 3. Д. 215. 1854 г. Л. 3 об.
[39] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1195. 1830 г. Л. 1.
[40] Там же. Л. 1 об.
[41] РГИА. Ф. 735. Оп. 3. Д. 215. 1854 г. Л. 1.
[42] Там же.
[43] Там же.
[44] Малевский (Малявский) Александр Матвеевич (годы жизни неизвестны) — рисовальщик; посторонний ученик ИАХ, удостоен двумя серебряными медалями за рисунки с натуры — в 1826 и 1827 гг., а в 1839 г. удостоен звания свободного художника исторической живописи. В штате Департамента военных поселений (далее — ДВП) занимался литографированием рисунков издания «Историческое описание» с жалованием по 285 руб. 71 3/7 коп. серебром в год. В 1842 г. уволен от службы по ДВП и назначен вторым преподавателем в класс рисования цветов, орнаментов, голов и прочих предметов в женском отделении Рисовальной школы для вольноприходящих.
[45] РГИА. Ф. 735. Оп. 3. Д. 215. 1854 г. Л. 1.
[46] Там же.
[47] Там же. Л. 1 об.
[48] Там же.
[49] Там же.
[50] Там же.
[51] Там же. Л. 2.
[52] Там же. Л. 3 об.

[53] РГИА. Ф. 472. Оп. 19 (114/951). Д. 64. Л. 13.
[54] ГЭ. Инв. № ЭРГП-4420, ЭРГ-9726.
[55] ГМИ СПб. Инв. № I-А-2567 л.
[56] РГИА. Ф. 472. Оп. 19 (114/951). Д. 64. 1861 г. Л. 11 об.
[57] Там же. Л. 1.
[58] Евграф Петрович Ковалевский (1790–1886) — министр народного просвещения (март 1858 — июнь 1861).
[59] РГИА. Ф. 472. Оп. 19 (114/951). Д. 64. 1861 г. Л. 12.
[60] Там же. Л. 10.
[61] Там же. Л. 12.
[62] Помолвка состоялась 16 сентября 1864 г.
[63] Владимир Федорович Адлерберг (1791–1884) — министр императорского двора (1852–1870).
[64] РНБ. Шифр хранения 18.121.3.264.
[65] РГИА. Ф. 472. Оп. 19 (114/951). Д. 64. 1861 г. Л. 5.
[66] Там же. Л. 13.
[67] Там же. Л. 12 об.

Муравьева Ирина Борисовна

ПЕДАГОГИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И ОБУЧЕНИЕ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ

Российские императоры в XIX в. заботились о достойном образовании своих детей. При этом они хотели, чтобы их сыновья не только освоили тонкости военных, гуманитарных и юридических наук, но разбирались и в естественных, и в технических вопросах, а также знали азы промышленности. XIX в. был временем новых научных открытий, технической революции и промышленных усовершенствований. Российская империя также стала активно развиваться в этом направлении. Создавались профильные институты. Одним из первых технических учебных заведений был Санкт-Петербургский практический технологический институт, который имеет непосредственное отношение к обучению представителей императорской династии.

Указ Сенату о создании Технологического института, представленный Николаю I в ноябре 1828 г. министром финансов графом Е. Ф. Канкриным, был императором утвержден [1]. В образовании самого Николая Павловича техническим наукам (математике, физике, артиллерийскому делу) отводилась большая роль. Из занятий он больше всего любил «уроки полковника Джанотти, преподававшего ему инженерную часть»[2], и впоследствии часто говорил: «…мы, инженеры»[3]. В 1818 г. он получил звание генерал-инспектора по инженерной части. В Фундаментальной библиотеке Технологического института сохранился второй том книги М. Ш. Комба «Пособие по эксплуатации рудников»[4] с надписью на шмуцтитуле (рукой писаря): «Отъ Его Величества / 24 ноября 1844». В 1896 г. к столетию Николая I Технологический институт получил его имя [5].

Из преподавателей института трое обучали императорских детей. Первым из них был Герман (Генрих) Иванович Гесс (1802–1850), известный химик, с 1830 г. — академик. Уроженец Женевы, он приехал в Россию в детстве вместе с отцом-живописцем. Окончил Дерптский университет с золотой медалью. Совершенствовался в Стокгольме. Служил врачом в Иркутске, с 1829 г. — преподавал химию в Институте инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге [6]. В 1831 г. был назначен инспектором классов в только

Ил. 1. Г. И. Гесс. 1840-е. Литография
Коллекция Ю. Г. Епатко

Ил. 2. Н. Ф. Лабзин. Фотография
Двадцатипятилетие деятельности товарищества нефтяного производства братьев Нобель. 1879–1904. СПб, 1904

что отстроенный Технологический институт, где им были составлены графики занятий, подобраны преподаватели и устроена первая институтская химическая лаборатория [7]. В 1833 г. оставил эту должность, так как инспектор классов не имел права непосредственно преподавать. С 1832 по 1848 г. — профессор химии и технологии Главного педагогического и Горного институтов.

В 1832 г. академик Г. И. Гесс, сменив А. Б. Кеммерера, стал обучать основам химии будущего императора Александра II [8], которому на тот момент было 14 лет. 17 апреля 1834 г. Александр Николаевич достиг совершеннолетия, и занятия прекратились.

Вторым педагогом института, преподававшим теперь уже сыновьям Александра II, был Николай Филиппович Лабзин (1837–1926). После окончания в 1857 г. Технологического института с золотой медалью он «…был приглашен преподавать механику сначала к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Александровичу и руководить столярными и токарными ремеслами», а затем к «Государю Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу и Великому Князю Владимиру Александровичу»[9]. Как сообщается в соответствующем документе, Н. Ф. Лабзин

получал «за Наследника — 285 р. в год, а за младших Великих Князей (Александр и Владимир Александровичи. — *И. М.*) — по 5 р. за урок»[10]. В 1860 г. механика как дисциплина «за недостатком времени» была исключена из учебной программы, но Лабзин должен был продолжать «в течение полугодия, а если потребуется, то и несколько долее» практические занятия, а также посещать с великими князьями «…один раз в неделю в свободное от уроков время разные фабрики и заводы», а по воскресеньям «…подготовлять их в краткой беседе к тому, что предназначалось к осмотру в течение будущей недели»[11]. Лабзин успешно справился с поставленной задачей. Во всяком случае, когда сыновья Александра II посетили «выставку произведений русской промышленности», проходившую в 1861 г. в Санкт-Петербурге, то она «возбудила живое любопытство младших Великих Князей», то есть будущего Александра III и Владимира Александровича[12]. В этом же году преподавание Н. Ф. Лабзина великим князьям завершилось. Вознаграждением за труд молодого механика стала пожизненная пенсия в размере 642 руб. ежегодно (214 руб. за занятия с наследником и 428 руб. — с великими князьями)[13] и благосклонность императорской фамилии. По достижении великими князьями совершеннолетия ему жаловались бриллиантовые перстни как память и знак признательности. За обучение цесаревича Николая Александровича Н. Ф. Лабзин получил перстень 8 сентября 1859 г., перстень «с вензелем и именем Его Высочества» Александра Александровича (будущего Александра III) — 19 июля 1865 г., а перстень за преподавание великому князю Владимиру Александровичу — 17 июня 1867 г.[14] Надо заметить, что совершеннолетие по тем временам наступало для наследника в 16 лет, а для великих князей — по достижении ими 20-летнего возраста.

Одновременно с преподаванием великим князьям Н. Ф. Лабзин работал помощником директора Самсониевской шерстопрядильной и бумагопрядильной мануфактуры, а с 1864 г. по конкурсу получил кафедру для преподавания технологии металлов и дерева в Технологическом институте, где читал лекции до 1904 г. В 1888 г. стал заслуженным профессором института. Оставив чтение лекций, он еще некоторое время продолжал заведовать мастерскими[15]. Одновременно с работой в Технологическом институте, Н. Ф. Лабзин преподавал и в других высших и средних учебных заведениях[16]. При этом связи с императорским двором тоже сохранялись. В 1867 г., через три года после смерти старшего сына Александра II Николая

(1843–1865), Лабзин был «…приглашен Государем Наследником Цесаревичем Александром Александровичем… в Комиссию для разработки предложений об устройстве в Санкт-Петербурге Ремесленного училища Цесаревича Николая»[17]. Лабзин принял активное участие в организации этого училища и был его первым директором[18]. Он же создавал Техническое училище в Череповце, которое было «удостоено милостивого соизволения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича (Александра Александровича. — *И. М.*) именоваться Августейшим Его Высочества именем» и стало Александровским[19]. В 1881 г. с разрешения императора Александра III был принят «капитал для учреждения в Александровском Техническом училище на проценты стипендии имени Инспектора работ Технологического Института Н. Ф. Лабзина»[20]. А в 1916 г. Лабзин «имел личный доклад у Государя в Царском Селе с отчетом об устройстве Лазарета для раненых воинов… в свободном помещении Женской Рукодельной Школы Имени Императрицы Марии Александровны, устроенный на средства… пожертвованные членами Дома призрения»[21]. Государем тогда был уже Николай II, сын Александра III, который в том же году пожаловал Н. Ф. Лабзину орден Св. Александра Невского[22]. Любопытно отметить, что профессор Лабзин, продолживший после революции преподавательскую деятельность, умер в интернате для престарелых ученых, располагавшемся в бывшем дворце (флигеле, выходившем на Миллионную улицу) одного из его учеников — великого князя Владимира Александровича. Этот дворец благодаря А. М. Горькому стал (и остается) Домом ученых.

Ил. 3. Э. П. Цитович. 1913
Фотография. ЦГИА СПб

Третьим преподавателем института, который занимался с царскими детьми, был Эраст Платонович Цытович (1874–1941). Он окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского

Императорского университета (1895), служил в Министерстве народного просвещения. С 1901 по 1912 г. состоял лаборантом при физической лаборатории Санкт-Петербургского (позже Петроградского) Технологического института [23], а с 1913 по 1917 г. — преподавателем по физике при той же лаборатории [24]. С 1907 г. он был директором Царскосельского реального училища императора Николая II.

С 1910 по 1917 г. Э. П. Цытович преподавал математику и физику дочерям Николая II: сначала Ольге и Татьяне, а затем Марии и Анастасии. Выпускник Царскосельского реального училища Б. Н. Моисеев (1902–1986) вспоминал, что «директор… Эраст Платонович Цытович преподавал физику не только ученикам училища, но в вечерние часы дочерям императора, которые приезжали на уроки в его физический кабинет. Красивый, несколько грузный мужчина (видимо, ввиду его хромоты [25]), с черной бородой, взгляд которого моментально останавливал разбаловавшихся учеников»[26]. Между прочим, автор этих слов окончил в 1928 г. Технологический институт (с 1924 — имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов)[27], после чего работал в целлюлозно-бумажной промышленности. Он вспоминал также, что видел Э. П. Цытовича в институте уже после революции [28]. С 7 января 1914 г. Эраст Платонович стал вести занятия по арифметике с «Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем» Алексеем Николаевичем [29]. В Александровском дворце Царского Села на втором этаже находилась комната для занятий наследника. Там стоял учебный стол-парта из серого бука, специально сконструированный в 1913 г. студентом Технологического института Львом Мееровичем Шварцем (окончил институт с отличием в 1914 г.). Крышка стола регулировалась по высоте, как и спинка стула [30].

Цытович был одним из основателей движения скаутов в России, возглавлял Царскосельский отряд скаутов и по желанию Николая II записал туда наследника престола. Именно Э. П. Цытович в своем докладе на Первом Всероссийском съезде по скаутизму в декабре 1915 г. впервые произнес знаменитый впоследствии пионерский лозунг: «Будьте готовы! — Всегда готовы!»[31]. После Октябрьской революции он оказался в Екатеринодаре в составе правительства Кубанской народной республики (1918–1920), воевавшей против «красных» и вечно споривший с «белыми». Он

исполнял обязанности помощника министра народного просвещения и возглавлял скаутское движение [32]. После взятия Екатеринодара (Краснодара) Красной армией преподавал физику в Краснодарском университете, занимался научной работой. Известно его письмо председателю Академии наук В. И. Вернадскому от 22 мая 1930 г., в котором он вполне по-будничному обсуждает напечатание своей научной статьи в «Докладах АН»[33]. Правда, еще в марте 1921 г. он был арестован «красными» как политический заложник, но через восемь дней был выпущен на свободу [34]. К 1930-м гг. тучи потихоньку начинают сгущаться. Его снимают с заведования учебной частью и с преподавания физики в Индустриальном техникуме за «идеологическую отчужденность в силу большого прошлого». Для ясности в скобках поясняется, что под «большим прошлым» имеется в виду, что он был «товарищ министра просвещения при Деникине, воспитатель царских детей»[35]. Цытович не стал дожидаться дальнейших разбирательств. В 1930 г., видимо, не без помощи В. И. Вернадского и Академии наук, он уезжает в Ашхабад и становится директором Ашхабадской геофизической обсерватории. В 1932 г. выходит его брошюра, посвященная обсерватории и дальнейшим перспективам ее работы [36]. В ноябре этого же года он выступил в Ленинграде на 1-й Всесоюзной конференции по радиоактивности и в том же году был арестован и сослан на четыре года в город Березники на Северном Урале, где преподавал в институте. После ссылки поселился с семьей в городе Рубежное Ворошиловградской области (ныне Луганская народная республика), где заведовал кафедрой физики в Химико-технологическом институте. В начале Великой Отечественной войны уехал к дочери в Куйбышев (ныне Самара), где умер в августе 1942 г.[37]

Преподаватели Технологического института учили императорских детей химии, механике, физике и математике. Таким образом, естественные, точные и прикладные науки были не чужды царственному семейству. Жаль, что многочисленные труды, как дореволюционные, так и нынешние, касаясь образования великих князей, обращают больше внимания на их обучение гуманитарным, юридическим и экономическим наукам, сообщая широко известные имена преподавателей этих предметов. В то время как преподаватели естественных и технических наук остаются в тени, кроме разве военных: артиллеристов, саперов, моряков и т. п. Будем надеяться, что такое положение исправится.

[1] Технологический институт имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Сто лет. Т. 1. Л., 1928. С. 12.
[2] *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 20.
[3] Там же.
[4] *Combes, M. Ch.* Traité del'explotation des mines. Paris, 1844.
[5] Известия Технологического института Императора Николая I. 1896. Т. XI. СПб., 1897. С. 155, 156.
[6] *Волков В. А.* Российская профессура. XVIII — начало XX в. Химические науки: Биографический словарь. СПб., 2004. С. 56.
[7] *[Евневич И. А.]* Краткий исторический очерк о С.-Петербургском Практическом Технологическом Институте. 1828–1878 // Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института. 28. Ноября 1878. Приложение 2. СПб., 1879. С. 5–9 (пагинация раздельная).
[8] *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 55.
[9] ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Л. 2 об. Благодарю директора Музея СПбГТИ (ТУ) О. В. Щербинину за возможность ознакомиться с архивными документами.
[10] *Татищев С. С.* Детство и юность Великого Князя Александра Александровича: В 2 кн. // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. М., 2002. Сноска к с. 146. [Электронный ресурс]. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/vka/vka-0052.htm (дата обращения: 14.05.2022).
[11] Там же. С. 272.
[12] Там же. С. 276.
[13] Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического института. 28 Ноября 1878. Приложение 2. СПб., 1879. С. 224 (пагинация раздельная); *Татищев С. С.* Детство и юность Великого Князя Александра Александровича: В 2 кн. Сноска к с. 272. [Электронный ресурс]. URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/vka/vka-0052.htm (дата обращения: 14.05.2022).
[14] ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Л. 2 об., 4 об.; Д. 2150. Л. 14.
[15] Сведения об окончивших полный курс в С.-Петербургском Технологическом Институте // Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского практического технологического института, ныне Императора Николая I. 28-го Ноября 1903 г. СПб., 1903 г. С. 185–186.
[16] Подробнее о Н. Ф. Лабзине см.: *Муравьева И. Б.* От великих князей до советских инженеров // Здесь бывал сам государь: к 175-летию императора Александра III. Материалы научно-практической конференции из цикла «Императорская Гатчина» (Гатчина, 4–5 марта 2021 г.). Гатчина, 2021. С. 106–115.
[17] ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Л. 7. В советское время училище стало Военно-механическим институтом. Ныне это Балтийский государственный университет «Военмех» имени Д. Ф. Устинова.
[18] *Афанасьев Н. И.* Современники: Альбом биографий. Т. 1. СПб., 1909. С. 151.
[19] Там же; Краткое описание Александровского технического училища, учрежденного братьями И. и В. Милютиными в городе Череповце. СПб., 1870. [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/education/main/remeslo/6.htm (дата обращения 19.08.2020).
[20] ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Л. 9.
[21] Там же. Л. 26.
[22] Там же.

[23] *Евневич И. А., Феодоров И. Ф.* Сведения о лицах, служивших и служащих в С.-Петербургском Технологическом Институте Императора Николая I // Семидесятипятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института, ныне Императора Николая I. 28-го Ноября 1903 г. СПб., 1903. С. 89 (пагинация раздельная); Краткий отчет по Технологическому Институту Императора Николая I за 1901 г. // Известия Технологического Института Императора Николая I. Т. XV. СПб., 1903. С. 2 (пагинация раздельная); Краткий отчет по Технологическому Институту Императора Николая I за 1912 г. // Известия Технологического Института Императора Николая I. СПб., 1913. С. 433.
[24] Краткий отчет по Петроградскому Технологическому Институту Императора Николая I за 1914 и 1913 гг. // Известия Технологического института Императора Николая I. Т. XXIII. Пг., 1915. С. 399.
[25] В детстве Э. П. Цытович сломал ногу, которую вылечили не очень удачно.
[26] *Моисеев Б. Н.* Царскосельское детство / Подготовка текста, предисловие и комментарии Ю. Б. Моисеева и К. И. Финкельштейна. [Электронный ресурс]. URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Genealogy/Vosp_BN_Moiseeva.htm (дата обращения 16.05.2022).
[27] Список лиц, окончивших Технологический институт за 100 лет // Технологический институт имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Сто лет. Т. 1. Л., 1928. С. 668.
[28] *Моисеев Б. Н.* Царскосельское детство. [Электронный ресурс]. URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Genealogy/Vosp_BN_Moiseeva.htm (дата обращения 16.05.2022).
[29] Краткий отчет по Петроградскому Технологическому Институту Императора Николая I за 1914 и 1913 гг. // Известия Технологического института Императора Николая I. Т. XXIII. Пг., 1915. С. 417.
[30] *Зимин И. В.* Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011. С. 305; Технологический институт имени Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов… С. 740.
[31] *Цытович Э. П.* Взаимоотношения семьи, школы и организации скаутов (Из цикла докладов 1-го Съезда по скаутизму). Царское село, 1915. [Электронный ресурс]. URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Dokl_Tsitovich.htm (дата обращения 23.05.2022).
[32] *Гурова А.* «…Я на свою судьбу никогда не жалуюсь» (о директоре Царскосельского реального училища императора Николая II Э. П. Цытовиче) // Наследники великого города. Вып. 23. СПб., 2015. С. 194, 195.
[33] Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1775. Л. 1.
[34] *Рожков А. Ю., Пасилецкая А. С.* «Большой эрудиции и большого опыта»: Биографическое эссе о профессоре Э. П. Цытовиче // Голос минувшего. 2015. № 3–4. С. 192.
[35] Там же. С. 196.
[36] *Цытович Э. П.* Работа Ашхабадской геофизической лаборатории и ее дальнейшие перспективы. Ашхабад, 1932.
[37] *Рожков А. Ю., Пасилецкая А. С.* «Большой эрудиции и большого опыта»… С. 197.

Новиков Александр Юрьевич

БОТАНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ВО ДВОРЦЕ

Всегда буду помнить сияющее счастьем лицо главного хранителя в 1980-е гг. дворцов-музеев Ораниенбаума Нины Алексеевны Румянцевой, которая почти каждый день летом приносила огромный букет цветов и ставила его в Портретной Китайского дворца. По дворцу разносился аромат сирени, левкоев или пионов… Дворец оживал. Окруженный парком и садами, сам изображающий сказочный сад, дворец наполнялся жизнью, которая, к сожалению, теперь редко присуща музеям, даже украшенным самыми совершенными искусственными цветами. Ныне дворцы-музеи напоминают мне засушенную редкую бабочку, пришпиленную булавкой.

Дворец всегда связан с садом: в нем живут «небожители», а они могут жить только рядом с Эдемом. Древние восточные дворцы были просто садами с размещенными в них в принятом в той или иной культуре порядке павильонами, изображавшими само Мироздание [1]. Персидские, арабские, турецкие дворцы — драгоценные оправы для регулярных садов, наполненных цветущими растениями вокруг фонтанов с бассейнами. Норманнские дворцы Сицилии, а позже португальские и испанские алькасары унаследовали эту восточную традицию [2].

Древнегреческие сады знакомы нам по немногочисленным поэтическим описаниям. Зато хорошо известно садовое устройство дворцов (и вилл) Древнего Рима. Жизнь римского богатого дома вращалась вокруг дворика-сада — перистиля. Виллы в окрестностях Везувия (три виллы древней Стабии), в Остии, на термальных источниках Тосканы хорошо сохранились. Грандиозны императорские виллы в Тиволи, Сирмионе, Равенне, Пьяцце-Армерине, Неннинге , окруженные роскошными садами, всегда были связаны с водой [3]. Мы хорошо знаем культурный растительный мир тех времен. Плиний Старший и Плиний Младший — известные садоводы и владельцы уникальных вилл, указывают на аканф, нарциссы, гиацинты, лилии, маки, фиалки, плющи, дикий и плодоносящий виноград, розы, лавры, платаны, кипарисы, мирты. Римлянам были известны десятки видов пальм, инжир, гранат, яблони, груши, айва, персики, абрикосы, вишни [4].

Ил. 1. Вилла Сан-Марко. Стабии. Фотография А. Ю. Новикова. 2013

В римскую эпоху впервые формируется развитый «ботанический» язык — культивируемые растения делятся на предназначенные для украшений (в срезке, прежде всего для гирлянд и венков), для высадки в кадках (предшественники домашних растений и оранжерейных посадок будущего) и садовые для посадки в грунт. Причем садовые четко делятся на утилитарные и декоративные растения. В свою очередь утилитарные растения могут быть как съедобными травами, овощами, целебными лекарственными растениями, так и плодоносящими деревьями. В римскую эпоху впервые появляется художественная стрижка кустов. К сожалению, античные источники почти ничего не сообщают о технологиях возделывания садов.

Совсем иной мир окружает нас в европейских средневековых замках, и позднейшие сады, высаженные преимущественно в XVIII–XIX вв. (например, во французских Лоше или Шиноне), не должны вводить нас в заблуждение. Наиболее яркая и подробная иллюстрация того мира — «Великолепный Часослов герцога Беррийского» [5] — свидетельствует о том, что владельцам средневековых европейских замков были чужды сады. Хотя сам «Часослов» был создан

в начале XV в., он иллюстрирует пейзажи вокруг более ранних средневековых сооружений. Садов внутри замковых комплексов не было. Отчасти это было связано с изменением климата, отчасти с военной необходимостью. Сады же, окружавшие замки, носили, вероятно, сугубо утилитарный характер и обхаживались крестьянами для сбора урожая. Что касается существовавших в то время городских дворцов, достаточно посмотреть сегодня на любой снимок средневекового итальянского города с высоты птичьего полета. Там нет места для садов. Однако в это время, судя по многочисленным свидетельствам, уже появились комнатные растения. Мы совсем мало знаем о средневековой культуре использования срезанных цветов. Гирлянды и венки продолжают быть популярными. Существовали ли букеты в нашем понимании? Неизвестно, однако уже бытовал язык цветов, появившийся, возможно, среди римского жречества или у кельтских друидов. Очевидно, что не были диковинкой и домашние растения в горшках — достаточно вспомнить знаменитую «Новеллу о горшке с базиликом» из «Декамерона» Бокаччо[6], не вызывавшую вопросов у современников и блестяще экранизированную П. П. Пазолини.

Интерес к экзотической растительности и возможности ее акклиматизации в Европе не прерывался никогда. Достоверно известно, что уже в XII в., а возможно, и ранее, в Италии появляются первые лимоны. Лавры, пальмы, самшиты медленно движутся на север Европы из арабской Сицилии и с Пиренейского полуострова. Венецианская республика тайно завозит тутовник и создает первые производства шелка. С наступлением Нового времени и Великих географических открытий наступает и новая эра в садово-парковом искусстве. Вместе с золотом, серебром, фарфором и драгоценными тканями завозятся невиданные ранее растения. Ботаника становится всеобщим увлечением и захватывает строящиеся новые европейские дворцы с окружавшими их садами. В сущности, «ботаникой» как наукой начали интересоваться еще в начале XIV в. — тогда же появились первые ботанические сады (размером с современный небольшой газон) в Салерно, Равенне, Падуе (сейчас все они воссозданы). Но к дворцам они не имели отношения и чаще всего относились к монастырям. Настоящая ботаническая жизнь во дворцах развернулась немного позднее, в XV–XVI вв.

Первенцем дворцовой ботаники была, как всегда, Италия. Небольшие по размерам (за исключением туринской Венарии Реале

Ил. 2. Замок Шенонсо. Партер Дианы. Фотография А. Ю. Новикова. 2013

и Реджо ди Казерта под Неаполем) итальянские сады появляются в неимоверных количествах. Каждый уважающий себя итальянский дворянин должен был иметь виллу и сад — многочисленные папы, кардиналы, короли, герцоги, маркизы и графы в маленькой по площади Италии владели разнообразными виллами и парками. Мексиканские агавы и опунции, индонезийские саговники и чилийские араукарии быстро осваивают лужайки и террасы итальянских дворцов. Берега «старой» (ставшей каналом) Бренты от Венеции до Падуи, альпийских озер Гарда, Комо и Маджоре, долина реки По вокруг Турина[7], берега моря в окрестностях Генуи, пригороды Милана, практически вся Тоскана, Рим и его пригороды, Золотая миля от Неаполя до Помпей, Казерта, Палермо и Багерия на Сицилии — все эти места становятся всемирно признанными памятниками садово-паркового искусства вплоть до начала XX в. Сады XV–XVIII в. создают преимущественно итальянские архитекторы, а не садовники, а в XIX в. также театральные художники (сад виллы Дураццо-Паллавичини в Пельи под Генуей). В XX в. им на смену в Италии приходят эксцентричные британцы (достаточно вспомнить грандиозные сады виллы Таранто в Вербании на озере Маджоре, созданные почти сто лет назад шотландским капитаном Н. Мак-Ихарном, и сад Ла Мортелла четы Уолтонов у города Форио на острове Искья). Стоит отметить, что традиция использования

Ил. 3. Террасы на Изола-Белла. Озеро Маджоре. Пьемонт. Фотография А. Ю. Новикова. 2018

садов для дворцовых приемов и театральных постановок идет также из Италии и сохраняется поныне.

Франция, где, пожалуй, лучший ренессансный «собственный сад» Екатерины Медичи у замка Шенонсо[8] в сравнении с итальянскими садами напоминал скорее плохо ухоженный огород, до Людовика XIV находилась в аутсайдерах ландшафтного искусства: красота садов Вилландри или Шамбора — все это более или менее удачная реконструкция «a posse ad esse» XIX–XXI вв. Революционный прорыв во французской дворцовой ботанике происходит в XVII в. Уязвленный великолепием сада Во-ле-Виконт, созданного А. Ленотром для Н. Фуке, Людовик XIV приказал разбить «всем садам сад» в Версале, с тех пор являющийся всеобщим образцом. К счастью, климат Франции в этот век уже позволял использовать парковые партеры, кабинеты и аллеи для дворцовой жизни. Сад становится частью дворца. Посвященные «королю-солнцу» сад и дворец наполнены солнечной символикой[9].

Версальский сад со множеством затей замечателен еще и созданием полуподземных галерей-гротов, приспособленных для оранжерей. Растения в кадках весь год поддерживались в утепленных оранжереях для того, чтобы быть выставленными на открытый воздух в летнее время. Вплоть до конца XVIII в. ботаническая наука еще не знала явления фотосинтеза и, хотя, скорее всего, садовники

Ил. 4. Партер перед оранжереями Версаля. Фотография А. Ю. Новикова. 2016

догадывались о животворящем для растений солнечном свете, оранжереи не имели серьезного освещения и остекления. Остается только догадываться, каких ухищрений стоило содержание растений в огромных оранжереях Версаля, находящихся под одним из водных партеров сада[10].

Вслед за созданием Версаля почти на столетие мода на грандиозные регулярные парки, окружавшие дворцы, захватила всю Европу. Парковые ансамбли «а ля Версаль» были созданы в Германии, Испании, Швеции, Дании, Польше и России.

Русская «ботаническая жизнь» во дворцах начинается раньше, однако нам мало известно о садах допетровской эпохи в московских и пригородных дворцовых комплексах. Очевидно, что сады были многочисленны, но в основном это были плодовые посадки. Существенным отличием от Западной Европы было отсутствие закрытых со всех сторон дворцовых территорий: русские дворцы часто были деревянными, обширными по площади, с большими садами, открытыми к окружавшим лесам. Часто дворцы располагались на территориях кремлей или детинцев, здесь уместно вспомнить, что почти в каждом русском городе вокруг крепостей существовали подворья, с непременными Садовыми улицами и Садовыми кольцами.

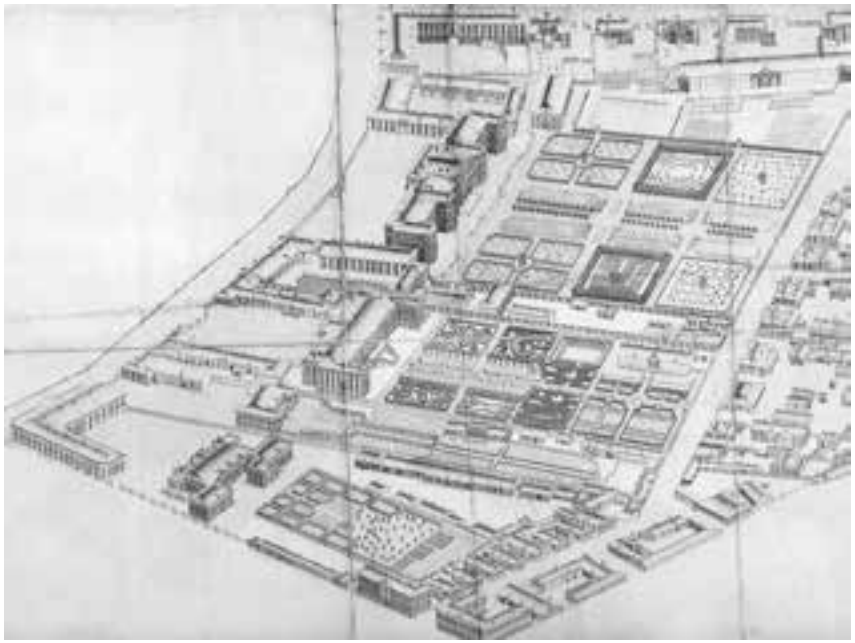
Также как его отец, царь Алексей Михайлович, Петр I проявлял большой интерес к садоводству. Его детство прошло в садах

московского Кремля. Огромные московские царские сады окружали пригородные дворцы Измайлова и Коломенского, в изобилии украшенные цветущими пионами, тюльпанами, лилиями, розами, гвоздиками, фиалками. Здесь росли яблони, груши, вишни, сливы, смородина, крыжовник, кедры, пихты и даже грецкие орехи [11].

С основанием Санкт-Петербурга Петр I особое внимание уделял созданию в будущей новой имперской столице дворцово-парковых резиденций. Остается только удивляться, насколько у императора хватало времени и терпения вести подробную переписку с указаниями покупки в Европе и транспортировки из всей России огромного количества саженцев, огородных культур, цветов и лекарственных трав. Переписка Петра I, посвященная садовым затеям, хорошо сохранилась [12].

Сады разбивались по европейскому (на голландский и французский манер) образцу, выдающиеся итальянские, французские и немецкие архитекторы выполняли волю царя. Город с не самым лучшим климатом на Земле к концу царствования Петра Великого превращался в сад. В «ботаническую» жизнь во дворцах в эту эпоху включаются образцовые партеры-огороды с лекарственными травами и овощами, появляется новая пока еще культура букетов из срезанных цветов (можно вспомнить «тюльпанницы», мода на которые пришла из Голландии). Санкт-Петербург, Екатерингоф, Стрельна, Петергоф и Ораниенбаум получают сады, являющие полноценными продолжениями дворцов с очерченными постриженной зеленью кабинетами и открытыми партерами, использующимися как дворцовые залы. Фонтаны и иллюминации становятся повсеместной традицией на долгие годы [13].

К середине царствования императрицы Елизаветы Петровны Санкт-Петербург окончательно стал городом дворцов. Граница Адмиралтейской части проходила по реке Мойке, где по левому «загородному» берегу десятки дворцов знати украшали огромные сады [14]. Непременным новшеством каждого такого дворцового участка было наличие теплицы и оранжереи, где в товарных количествах выращивались экзотические цветы, фрукты и овощи. Изобретались все новые и новые технологии отопления. В замечательной книге-исследовании «Старый Петербург. Садоводство и цветоводство в Петербурге в XVIII веке» П. Н. Столпянский указывал на повсеместное выращивание ананасов в дворцовых усадьбах города. У графа И. И. Шувалова во дворце на Итальянской улице

Ил. 5. Усадьбы на реке Мойке. Фрагмент «Аксонометрического плана Санкт-Петербурга 1765–1773 гг.». Опубл.: Аксонометрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 гг. (план П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и др.) / Росархив, РГАМФ; [Сост. Т. П. Мазур]. СПб., 2007

в 1755 г. был снят первый урожай «смоковницы индийской» — так тогда назывался банан. Изучив сотни газетных объявлений, начиная с петровского времени, Столпянский составил подробнейшее описание всей существовавшей в XVIII в. в городе и окрестностях культурной флоры, с указанием фамилий, имен и мест деятельности многочисленных садовников, приказчиков, подрядчиков и купцов, осуществлявших торговлю растениями для владельцев садов тогдашнего Санкт-Петербурга [15]. Свое повествование Столпянский открывает многочисленными цитатами из поэмы «Сады» Ж. Делиля [16], как основоположника нового «ботанического» мышления, с середины XVIII в. перевернувшего ландшафтное искусство. Много позже почти к тем же выдержкам из Делиля будет обращаться в своей знаменитой книге «Поэзия садов» академик Д. С. Лихачев [17].

XVIII в. вносит свои новации в дворцовое ландшафтное искусство. Естество, как признак хорошего вкуса и стиля, постепенно вытесняет рациональный по своей сути регулярный сад. Повсеместно,

наряду с еще не потерявшими актуальность регулярными садами, появляются новомодные английские пейзажные парки, часто с элементами «китайщины»[18]. В садовый оборот вводятся «китайские» жасмины и чубушники, цветущие сливы и вишни, многоцветные рододендроны и камелии. Самая старая в Европе огромная камелия, живущая в открытом грунте в Пильнице — резиденции в «китайском стиле» Августа Сильного, до сих пор каждую осень и до следующего лета огораживается специальной разборной оранжереей. В новой концепции ландшафтного искусства меняется роль дворца в саду, который уже не может быть «интерьером» под открытым небом. Сады украшают впечатляющие руины в античном или готическом духе, руины же на полотнах Г. Робера проникают в интерьеры. В дворцовых помещениях с конца XVIII в. впервые часто появляются «комнатные» растения. С развитием фаянсового, стеклянного и позже фарфорового производства вазы стали использоваться для формирования сначала застольных цветочных композиций, а потом и просто букетов. В эпоху романтизма драгоценности на костюмах светских красавиц часто заменяют бутоньерки с живыми цветами.

В России пейзажные английские сады быстро соединяются художниками-декораторами с типично русскими ландшафтами — так возникают истинно русские парки, как, например, район «Белая береза» в Павловске.

Но регулярный стиль повсеместно используется в небольших «собственных» садах, предназначенных для узкого круга лиц, окружавших императриц, увлекавшихся садоводством и ботаникой. Античными мотивами исполнены выдающиеся регулярные сады Царицына и Ольгина павильонов в Петергофе.

Ботаника является несомненным элементом классического дворцового образования — хорошо известна программа естественнонаучного обучения будущего императора Александра II, включающего собрание гербария[19].

С развитием стекольной и металлообрабатывающей промышленности, начиная с середины XVIII в. и особенно в следующем столетии, во дворцах создаются зимние сады и «уголки живой природы». К сожалению, от былого величия этих садов почти ничего не осталось — достаточно вспомнить зимний сад Большого Екатерининского дворца в Царском Селе, почти равный по площади Большому залу, сохранившиеся только на акварелях зимние сады

Ил. 6. Зимний сад Мраморного дворца. Фотография А. Ю. Новикова. 2019

в Зимнем дворце и Малом Эрмитаже, великолепный зимний сад Таврического дворца и не менее роскошный сад во дворце Мариинском. Остатки былой «ботанической» жизни еще можно увидеть в Мраморном и Владимирском дворцах, однако с приходом капитализма в Россию, а затем и революции, ботанику во дворцах постигла участь чеховского «Вишневого сада». Вернувшийся тридцать лет назад капитализм уничтожил почти все зимние сады во дворцах культуры советского времени. Ждет своей неминуемой участи даже уникальный зимний сад Дворца молодежи, построенный уже при моей жизни, который будет снесен в самом скором времени для строительства очередного «человейника» в городе.

Радует, что с открытием экспозиции на жилой половине Николая II в Александровском дворце Царского Села вновь зацвела сирень в залах. Может быть, это и есть начало новой ботанической жизни во дворцах?

---

[1] *Регель А. Э.* Изящное садоводство и художественные сады: историко-дидактический очерк. СПб., 1896.

[2] *Курбатов В. Я.* Всеобщая история ландшафтного искусства. Сады и парки мира. М., 2008.
[3] Всеобщая история архитектуры. Т. II. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / Ред. Б. П. Михайлов. М., 1973.
[4] *Морева-Вулих Н. В.* Сады Древнего Рима. СПб., 2003.
[5] Великолепный Часослов герцога Беррийского / [Сост. А. Астахов]. М., 2021.
[6] *Бокаччо Дж.* Декамерон / Пер. А. Н. Веселовского. М., 2016.
[7] *Новиков А. Ю.* Магия садов и парков Пьемонта // Сады и парки. Энциклопедия стиля: материалы XXV Царскосельской научной конференции. Ч. 2. СПб., 2019.
[8] *Вим, А. де.* Замки Долины Луары. Нант, 2006.
[9] Интересный эффект автор статьи неоднократно обнаруживал в Версале у фонтана Аполлона в момент солнечного заката: если в это время дня взглянуть на дворец, то можно увидеть, что Зеркальная галерея отражает последние лучи уходящего светила, и в какой-то миг, на секунды покажется, что весь дворец охвачен пожаром. Очевидно, что это незабываемое зрелище не было случайным, но было «спроектировано» архитектором короля.
[10] Versailles. Connaissance des Arts. Paris, 1996.
[11] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990.
[12] *Сергеева Г. И.* О некоторых закупках за границей для царских огородов (по материалам переписки Петра I с разными лицами) // От «царского огорода» к музею-заповеднику: сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2018.
[13] Придворная жизнь. 1613–1913. Коронации, фейерверки, дворцы. Выставка гравюр и рисунков. СПб., 1913.
[14] Аксонометрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 гг. (план П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и др.) / Росархив, РГАМФ; [Сост. Т. П. Мазур]. СПб., 2007.
[15] *Столпянский П. Н.* Старый Петербург. Садоводство и цветоводство в Петербурге в XVIII веке. СПб., 1913.
[16] *Делиль Ж.* Сады. Л., 1987.
[17] *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб., 1991.
[18] *Джекобсон Дж.* Китайский стиль. М., 2004.
[19] *Катцова М. А., Пранцузова С. А.* «…Знакомя питомца с тем, что окружает его». К истории создания и бытования гербария великого князя Александра Николаевича // От «царского огорода» к музею-заповеднику: сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2018.

Новикова Ольга Валерьевна

УПРАВЛЯЮЩИЙ ПРИДВОРНОЙ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА КАНЦЕЛЯРИЕЙ М. М. ТОМСЕН. ЖИЗНЬ МРАМОРНОГО ДВОРЦА В НАЧАЛЕ XIX В.

Мраморный дворец, подаренный Константину Павловичу Екатериной II в качестве свадебного подарка, стал постоянной резиденцией великого князя только в 1798 г.[1] Жизнь его проходила в окружении большого количества людей. В первую очередь, это были приближенные — круг людей, с которыми он зачастую находился в дружеских отношениях. Следующее ближайшее окружение — свита, которую составляли «особы», занимавшие различные должности, а также придворные чины — самая большая по численности группа, осуществлявшая обслуживание и обеспечение жизнедеятельности двора великого князя.

Придворный персонал Константина Павловича четко регламентировался высочайше утвержденным «Придворным штатом от 30 декабря 1796 года» и являлся структурным подразделением дворцового ведомства в сфере личного состава.

По сословному признаку придворные служители представляли собой весьма неоднородную группу: высшие чины — из дворянской аристократии, служащие-специалисты — из мещанства и духовенства, и нижние придворные служители, социальное происхождение которых было в основном из городских низов. В сфере услуг двора было задействовано немало лиц, исполнявших достаточно утилитарные функции: кучера, рассыльные, судомойки и т. д. Материальное положение придворных служителей было достаточно стабильным. В их содержание включалось жалованье, столовые, ливрейные, квартирные деньги, предусматривалась назначаемая по разрядам пенсия.

Руководство отдельными службами двора обычно возлагалось на лиц, имевших особые придворные чины. Имена одних историкам известны, других — незнакомы, но вклад их в российскую историю чрезвычайно важен и, к сожалению, малоизвестен.

Цель работы — воскресить забытые имена и привлечь внимание к неизвестным личностям, к их повседневным обязанностям. Эти люди далеко не все выдающиеся. И все же их присутствие было необходимо в жизни великого князя.

Основным источником исследования являются документы, находящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Это счета, письма, рапорты и формулярные списки фонда «Придворной канцелярии великого князя Константина Павловича», благодаря которым мы можем весьма подробно представить себе людей и особую атмосферу эпохи.

Малый великокняжеский двор существовал с 1783 по 1832 г. Главным лицом при дворе великого князя Константина Павловича был гофмейстер двора цесаревича, граф Д. Д. Курута, генерал от инфантерии и начальник Главного штаба великого князя [2]. В его обязанности входило управление дворцовым хозяйством и штатом придворных. Также он решал все хозяйственные и строительные вопросы по Мраморному дворцу, мызе Стрельна и всем вотчинным владениям цесаревича. Кроме этого он утверждал назначение помещений для проживания служащих малого двора.

Константин Павлович, принимая участие в походах А. В. Суворова, в военных действиях русских войск 1805, 1806–1812 гг., в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах, редко жил в Мраморном дворце. Став главнокомандующим польскими армиями, цесаревич в 1815 г. переселился в Варшаву. Гофмейстер его двора находился там вместе с ним.

Поэтому вторым главным лицом при дворе великого князя стал Матвей Михайлович Томсен, действительный тайный советник, управляющий Придворной Его Высочества Цесаревича Канцеляриею, имеющий главный надзор над управлением Военною Его Высочества Канцеляриею в Санкт-Петербурге и главный директор над Стрелинскими ведениями.

Деятельность М. М. Томсена, как государственного чиновника, не получила освещения в русской исторической науке, в то время как она достойна внимания. В течение 29 лет он был доверенным лицом великого князя в Санкт-Петербурге и держал в своих руках управление над всеми его владениями. Подчинялся он гофмейстеру двора цесаревича — графу Д. Д. Куруте. Томсен (1760/61–?) — дворянин. В военных походах не бывал, в сражениях не участвовал. В 1777 г. вступил в службу в Выборгскую провинциальную

канцелярию к камеральным делам авскультантом [3]. Через два года Правительствующий сенат определил его к генерал-прокурорским делам, затем Томсена направили в Экспедицию государственных финансов. В 1797 г. при упразднении Рижского наместничества его перевели в Выборгскую казенную палату асессором. В течение последующих двух лет он стал коллежским советником и контрольным бухгалтером в Рижской гражданской палате. За отличную работу император Павел I пожаловал Томсену две тысячи рублей [4].

В 1802 г. Матвея Михайловича назначили советником правления по придворной части цесаревича. Главной задачей М. М. Томсена было «всемерное увеличение доходности удельного хозяйства и пресечение всевозможных злоупотреблений». Томсен, находясь на должности советника правления менее трех лет, навел порядок в своем ведомстве и способствовал сбережению в пользу казны более полумиллиона рублей. Карьера его шла успешно.

В штате двора великого князя в разные периоды было различное количество служащих (от 162 человек в 1797 г. до 220 в 1831 г.). Наиболее полный алфавитный список лиц, проживавших в Мраморном дворце, относится к 1809 г. В него включены не только непосредственно чиновники двора великого князя с семьями и прислугой, но и служители дворца с женами и детьми, а также работники по найму. Только количество придворных служителей, находившихся во дворце, составляло 189 человек. Общее число жителей дворца было 302 человека [5]. Во дворце и Служебном доме помещений для жилья не хватало.

Вначале XIX в. начались ремонтные работы, связанные с приспособлением обширных помещений дворца под жилые квартиры. Проведение работ поручили придворному архитектору великого князя А. Н. Воронихину [6]. Перестройка затронула не только все этажи Мраморного дворца [7], но и часть помещений Служебного дома [8].

Эта многолетняя работа по приспособлению больших помещений под жилые квартиры отражена в письменных источниках: счетах, письмах и отчетах архитектора, и подтверждается сравнением архитектурных описей и поэтажных планов XVIII и первой четверти XIX в. [9]

На исторических поэтажных планах прочитывается назначение помещений, а также указаны фамилии людей, занимавших квартиры и комнаты в Мраморном дворце. Согласно им, в погребном

этаже дворца располагались кладовые, ледники, погреба, кучерская, кухня и квартиры сторожей.

В нижнем этаже находились хозяйственные помещения, бассейн для сбора воды, церковь с ризницей, квартиры священнослужителя и служителей двора, а также комнаты, принадлежавшие придворным великого князя и имевшие сугубо служебное значение.

Второй этаж занимали покои великого князя Константина Павловича, Павла Константиновича Александрова[10] и квартиры придворных чинов: генерал-майоров Н. Ф. Хитрово и Ф. В. Баура.

В верхнем этаже дворца, помимо квартир придворных служителей, располагались Придворная и Военная канцелярии, библиотека, кассирская и офицерская.

Работы по перепланировке помещений велись несколько лет, и объем их был столь велик, что в 1806 г. архитектор А. Н. Воронихин направил в Придворную канцелярию великого князя на имя управляющего двором Константина Павловича письмо с просьбой «выплатить крестьянину-судовщику Кузьме Нимифорову 240 рублей за вывоз из дворца 48 судов мусора»[11].

Непосредственное смотрение за строительными работами в разные годы осуществляли помощники архитектора А. Н. Воронихина Я. М. Шелковников, архитектор Д. Феррари, Устинов и коллежский асессор Филиппов (в документах инициалы не указаны)[12]. Однако Томсен также вел надзор за переустройством комнат и осуществлял оплату счетов от поставщиков, подрядчиков и мастеров. Кроме того, он обязан был посылать регулярные отчеты о строительных работах гофмейстеру двора графу Д. Д. Куруте.

В 1812 г. Томсен стал Управляющим Придворною Государя Цесаревича Канцеляриею. В его ведении находились финансовые вопросы, он «…заведовал собственными суммами и капиталами со специальными назначениями, находящихся в распоряжении великого князя… производил дела по прошениям, подаваемым на высочайшее имя… решал денежные вопросы с частными благотворительными обществами, воспитательными и учебными заведениями»[13], состоящими под покровительством Константина Павловича. В отсутствии гофмейстера принимал решения по всем хозяйственным и строительным вопросам. Ему необходимо было вникать во все детали по внутреннему хозяйству дома, соблюдать во всем экономию и порядок. Через пять лет, в 1817 г., по воле цесаревича, на Томсена возложили и главный надзор за управлением

Военною Канцеляриею Его Высочества, образованной в 1795 г. для производства дел, относящихся к ведению великого князя[14]. К должностным обязанностям Томсена добавились новые: составление отчетов по военным делам и финансовым сметам, наблюдение за их исполнением, заведывание «эмиратальной» (пенсионной) кассой, делопроизводство по наградам, хозяйственным и административным вопросам.

Работа управляющего Придворной и Военной канцеляриями хорошо оплачивалась. Помимо «квартиры с отоплением и освещением», Матвею Михайловичу полагались «прислуга и экипаж… а также натурою сверх того на положенные приборы сахару рафинаду 8 фунтов, кофе — 24 фунта, чаю черного — 24 фунта в год, да сливок по одной бутылке на день»[15]. Жалование его составляло 8 тыс. 800 руб. в год (4 тыс. оклад и 12 руб. порции на день). Кроме того, выдавались деньги «…сверх сего из Государственного Казначейства пенсии по 3200 р… пансион по 2000 рублей в год сверх жалованья <…> и пенсион по смерти 1200 р.»[16]. По императорскому указу капитал был переведен на счет М. М. Томсена в Государственное Казначейство[17].

В 1819 г. по воле великого князя на Томсена «…возложили сверх настоящих должностей с личной ответственностью Главное Управление Стрелинскими ведениями и вотчинами Государя Цесаревича»[18].

Матвей Михайлович, с присущей ему ответственностью, взялся за вновь порученное дело и в течение 12 лет правления Стрельной и вотчинами великого князя «…к пользам Казны, уничтожив разные беспорядки и учредив по всем частям существующее ныне благостройство и экономию, изысканными способами и приращению и увеличению доходов с оборочных статей… и сами мерами сберег в пользу Казны без малейших налогов 800 тыс. р.»[19]. За отличное выполнение своих служебных обязанностей «Его Императорское Высочество всемилостивейшее пожаловал его Кавалером и орденом Св. Анны 1 класса и единовременным награждением в 12 тысяч рублей»[20].

Конечно, Матвею Михайловичу было сложно уследить за порядком в таком большом хозяйстве. Поэтому в декабре 1820 г. он обратился с просьбой к великому князю «…определить под его начальством постоянным Управляющим Стрельною Мызою[21] Коллежского Советника Гершельмана. <…> С тем, чтоб он там имел пребывание… И назначить ему приличную квартиру в Стрельной

Мызе с отоплением и с освещением. На случай же приездов его в Санкт-Петербург иметь для него комнату в Мраморном дворце»[22].

На свое обращение Томсен в декабре того же года получил депешу от гофмейстера двора великого князя графа Куруты: «…ответственность за порядок и пользу по Санкт-Петербургу и Стрелинским ведениям Двора Его Императорского Высочества Цесаревича наложена на Вас, то не только поддержание прежнего порядка в делопроизводстве, но и учинении перемен в оном соответственных существующим обстоятельствам зависит совершенно от собственного Вашего усмотрения и потому все подведомственные Вам места и лица имеют беспрекословно получить направление своих занятий от Вашего Превосходительства, следовать оным в точности их смысла… Кроме Секретаря и Кассира Придворной Канцелярии, определение и содержание коих остается на прежнем основании»[23].

Исполняя свои обязанности на службе у великого князя Константина Павловича в течение 30 лет, Томсен способствовал сбережению в пользу Казны нескольких миллионов руб.

За всеми этими постами и званиями лишь смутно угадываются человеческие качества. Граф Курута в письмах к князю П. М. Волконскому восхвалял неподкупную честность Матвея Михайловича, отсутствие у него мелкого честолюбия, твердость убеждений и прямоту — достоинства, редкие у государственных служащих.

После смерти великого князя М. М. Томсен подал прошение об отставке и получил «всемилостивейшее увольнение вовсе от службы, с производством в пенсион из Государственного Казначейства за 54-летнее беспорочное прохождение службы по 9 тысяч в год»[24].

С выходом в отставку он не покинул Мраморный дворец. Переехав в Служебный дом, Матвей Михайлович продолжил работу по передаче дел Придворной канцелярии в архив. Сохранилось письмо гофмейстера двора Константина Павловича графа Д. Д. Куруты министру императорского двора П. М. Волконскому: «…господин Томсен, хотя и уволен от службы с пенсионом, но как Придворный Его Высочества Блаженной памяти Государя Цесаревича Канцелярии по ныне находится в полном ее действии, о чем Вашему Сиятельству было известно из донесений от 15 августа № 402 и 16 октября № 460, где имел я честь подробно изложить в чем состояли заказы сей Канцелярии и до какой степени обременена текущая часть оной… Остановка которой… невозможна из-за общей

реформы ведений, в состав коей вошло более 600 лиц, о которых производилась переписка и большая часть коих снабжена от канцелярии аттестатами, паспортами и формулярными списками. При таковых обстоятельствах и в уважении того, что даже по сие время Канцелярии с разными посторонними ведениями производятся за подписанием ея Управляющего Тайного Советника Томсена — он и самое необходимое число уволенных от службы чиновников не могли быть освобождены от прежних должностей своих. Содержание их временно производится из сумм Его Высочества»[25].

В декабре 1832 г. на имя министра императорского двора Волконского правитель дел двора Константина Павловича Л. И. Ломан написал докладную записку относительно снабжения чиновников цесаревича аттестатами: «При упразднении Придворной и прочих ведений Его Императорского Высочества Цесаревича оставлены были впредь до совершенного окончания дел необходимейшие чиновники, официанты и служители при прежних их должностях, как по Санкт-Петербургу, так и по Варшавскому отделениям дворца. Но ныне всем отставным чиновникам аттестаты и формулярные списки выдаваемы были за подписанием г-на правившего должность гофмейстера, покойного генерала от инфантерии, графа Куруты, а официантам и служителям за подписанием Управляющего Придворной Его Императорского высочества Канцелярией и закреплено секретарем. Но ныне канцелярия сия упразднена с 1 февраля, а вскоре потом скончался г-н Курута, по сему, приемлю смело всепокорнейшие испрашивать повеление Вашего Сиятельства за чьим подписанием должны быть теперь выданы аттестаты и паспорта чиновникам и служителям, оставшимся при прежних должностях? Впрочем, имею счастье почтительнейше повергнуть на благозаключение Вашего Сиятельства, что Управляющий Придворной Канцелярией г. Тайный Советник Томсен со дня закрытия оной хоть и прекратил свои занятия по службе, но поелику он по чину и известному долговременному служению есть одни из высших и старших чиновников Блаженной памяти Государя Цесаревича, а сверх того большая часть ныне уволенных, были ему непосредственно подчинены, то и не надлежит ли ему по выше изъясненным причинам аттестовать службу сих последних? Если сие предположение удостоится соизволения Вашего Сиятельства, то нужно по предмету сему снабдить Томсена предложением, проект коего имею честь у сего нижайше представить»[26].

Возможно, М. М. Томсен исполнял свои обязанности до конца 1833 г. и оставался жить в Служебном доме. Дальнейшая его судьба, как и дата смерти, неизвестна.

Матвей Михайлович Томсен приложил свой труд и способности к процветанию великокняжеского двора. Его биография помогает полнее представить историю, общественную жизнь и обязанности высших чиновников императорских и великокняжеских дворов России первой трети XIX в.

[1] Став владельцем Мраморного дворца в 1796 г., 16-летний великий князь Константин Павлович еще не готов был жить отдельным двором. Екатерина II «…за его недостойное поведение» определила ему место жительства в Шепелевской доме, примыкавшем к Зимнему дворцу, чтобы великий князь находился под ее присмотром. В 1797–1798 гг. Мраморный дворец стал резиденцией последнего короля Польши — С.-А. Понятовского, который был приглашен для участия в работе финансово-политической комиссии. Понятовский 1 февраля 1798 г. скоропостижно скончался от апоплексического удара, и великий князь вместе с супругой, великой княгиней Анной Федоровной, в том же 1798 г. возвратился в Мраморный дворец.

[2] Генерал-майор, граф Д. Д. Курута стал управлять гофмейстерскою частью великого князя Константина Павловича в 1814 г. До этого времени, с 1799 г., в должности гофмейстера был П. И. Озеров, полковник лейб-гвардии Конного полка, полковник и адъютант великого князя.

[3] Авскультант — низшее должностное лицо в судах.

[4] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 109. 1831 г. Л. 6.

[5] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 341. 1804–1809 гг. Л. 160–219.

[6] Андрей Никифорович Воронихин (1759–1814) — придворный архитектор великого князя Константина Павловича с 1799 г. (РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 920. 1799 г.).

[7] *Белковская В. М., Новикова О. В.* Участие А. Н. Воронихина в перестройках Мраморного дворца. 1803–1810 гг. // Материалы научно-практической конференции Андрей Никифорович Воронихин. Мастер. Эпоха. Творческое наследие. СПб., 2010. С. 145–150.

[8] *Новикова О. В.* Служебный дом Мраморного дворца (история бытования, конец XVIII — середина XIX века) // Страницы истории отечественного искусства. Вып. 35. СПб., 2020. С. 381–391.

[9] РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 69. 1840 г. Л. 1–4.

[10] Павел Константинович Александров (1808–1857) — внебрачный сын великого князя Константина Павловича и Жозефины (Ульяны Михайловны) Фридрихс.

[11] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 341. 1806 г. Л. 54.

[12] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 327. 1806 г. Л. 3, 4.

[13] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 109. 1831 г. Л. 6.

[14] Великий князь Константин Павлович занимал ряд должностей: был шефом Санкт-Петербургского гренадерского (1795 г.), лейб-гвардии Измайловского (с 1796 г.) полков, главнокомандующим гвардией (с 1804 г.), председателем совета о военных училищах (с 1804 г.), генерал-инспектором всей кавалерии (с 1807 г.), Главнокомандующим Польской армией (с 1815 г.) и Литовским отдельным корпусом (с 1822 г.).

[15] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1003. 1831 г. Л. 25.

[16] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 102. 1831 г. Л. 6.

[17] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1003. 1831 г. Л. 126.

[18] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 102. 1831 г. Л. 6.

[19] Там же. Л. 11.

[20] Там же. Л. 14 об.

[21] Стрелинское имение, принадлежавшее великому князю Константину Павловичу, после его кончины было пожаловано великому князю Константину Николаевичу высочайшим указом, данным 25 сентября 1831 г., и тогда же поступило в заведывание Удельным ведомством. При этом для управления Стрелинским дворцом с парками и мызою Стрельна был назначен особый смотритель, подчиненный непосредственно Департаменту уделов, а приписанные к дворцу деревни и земли присоединены были для управления к Красносельской Удельной конторе (История уделов за 100-летние из существования 1797–1897. Т. 1. СПб., 1902. С. 629).

[22] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 990. 1825–1829 гг. Л. 3, 11.

[23] РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 102. 1831 г. Л. 11, 14.

[24] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 947. 1829–1833 гг. Л. 1.

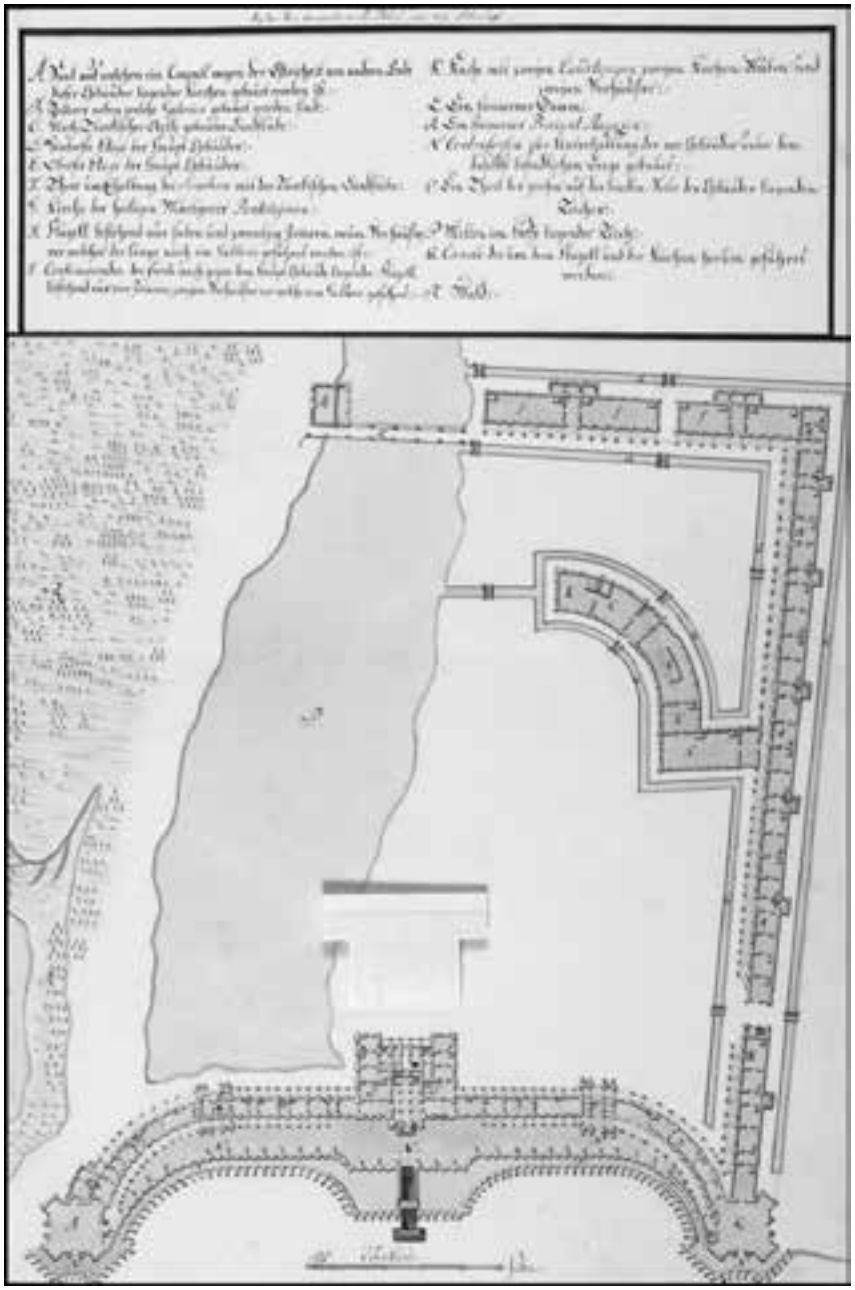
[25] РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1122. 1832–1833 гг. Л. 45.

[26] Там же. Л. 69.

Павлова Марина Анатольевна

ДВОРЕЦ А. Д. МЕНШИКОВА В ОРАНИЕНБАУМЕ: СЛУЖБЫ И МАСТЕРСКИЕ

Большой дворец — старейшее сооружение на территории Ораниенбаумского архитектурно-ландшафтного комплекса. Он был построен для светлейшего князя А. Д. Меншикова в 1711–1727 гг. Впоследствии дворец неоднократно переходил из рук в руки, но память о первом владельце была жива. О нем напоминает и современное наименование музея, хотя экспозиции, развернутые в «Большом Меншиковском дворце»[1] в помещениях с декором второй половины XVIII — начала XX в., не дают представления о жизни здесь во времена Меншикова. В отличие от фасадов здания, которые сохранились без существенных изменений, от ранней отделки дворцовых интерьеров почти ничего не осталось. Немногочисленные находки и открытия, сделанные в процессе натурного изучения памятника, из тех, что имеют отношение к организации дворцового быта в первой четверти XVIII в., носят археологический характер. Только письменные источники позволяют говорить о первоначальном назначении различных частей Большого дворца. К слову, при Меншикове дворец еще не назывался «большим», хотя отзывы, сохранившиеся в дневниках и заметках иностранных путешественников, бывавших в Ораниенбауме при жизни его первого владельца, свидетельствуют о том, что и тогда современники выделяли приморские палаты А. Д. Меншикова среди прочих дворцов и дач, расположенных на берегах моря с Ингерманландской стороны. Так, по мнению автора «Краткого описания города Петербурга и совершившегося в нем в 1720 году», известного в историографии раннего Санкт-Петербурга как «поляк-очевидец», виденный им в Ораниенбауме дворец был «прекрасен»[2]. Несмотря на продолжавшиеся в 1720 г. строительные работы (автор отмечает, что «…флигели еще кладут»), он мог оценить архитектурные достоинства главного фасада дворцового здания с развернутыми дугой одноэтажными крыльями, на концах которых возвышались башенные павильоны[3]. Голштейн-готторпский придворный камер-юнкер Ф. В. фон Берхгольц, осматривавший дворец год спустя, в дополнение к перечисленному обратил внимание на только что построенный служебный

Ил. 1. Большой дворец в Ораниенбауме. План дворца с террасами. 1740-е
Национальный музей Швеции, Стокгольм

флигель, протянувшийся к югу от западного (Церковного) павильона: «длинное здание для прислуги князя, сквозь которое идут ворота во двор и над которыми возвышается большая башня, где будут поставлены дорогие куранты»[4]. А французский путешественник О. де ла Мотрэ, посетивший Ораниенбаум в 1726 г., рассказывая о загородном доме Меншикова и восхищаясь его великолепием, упомянул среди прочего «красивые конюшни»[5], возведенные у оконечности западного дворцового флигеля в 1722–1723 гг.

Никто из названных авторов не оставил подробных описаний дворцовых интерьеров и совсем не уделил внимания служебным помещениям, хотя, вполне вероятно, не упустил случая заглянуть повсюду, как, например, Берхгольц, решившийся в отсутствие хозяина осмотреть «славную баню», устроенную во дворце. И только то обстоятельство, что «в ней было так жарко, что в платье невозможно было выдержать», не позволило гостю удовлетворить свое любопытство в полной мере, в связи с чем он потом сожалел о том, что «не мог осмотреть ее [баню] так, как бы желал, тем более что никогда не видел бани в этом роде»[6].

Мы же имеем возможность совершить виртуальный осмотр всех помещений благодаря описи, составленной в 1728 г. в связи с передачей конфискованного у А. Д. Меншикова ораниенбаумского дворца в ведение Канцелярии от строений[7]. Этот документ, введенный в научный оборот в 1950-х гг.[8], неоднократно использовался исследователями как для теоретической реконструкции облика парадных и жилых покоев ораниенбаумского дворца[9], так и в качестве источника «исторических аналогий» при изучении и реставрации других памятников, например, при создании экспозиции василеостровского дворца Меншикова, подробных описаний которого не сохранилось[10]. В данном случае с помощью этой описи мы «осмотрим» только служебные помещения Большого дворца, опираясь на планы конца 1730–1740-х гг.[11] и черпая дополнительную информацию из других источников. К ним прежде всего относятся описи 1736[12], 1737[13] и 1740 гг.[14], когда во внутреннем устройстве бывшего дворца, переданного в Адмиралтейств-коллегию для размещения Морского госпиталя, сохранялось еще многое из того, что было создано при Меншикове.

Для начала заглянем в помещения восточного крыла, протянувшегося от центрального корпуса к восточному (будущему Японскому) павильону. Его строительство началось в 1716 г.

В следующем году здесь уже действовала «мыльня», сооруженная «турецких бань мастерами» Елисафуилом и Павлом Давыдовыми[15]. В октябре 1717 г., за несколько дней до визита в Ораниенбаум Меншикова и Петра I, недавно возвратившегося из заграничного путешествия, дворецкий князя Ф. А. Соловьев наставлял ораниенбаумского «управителя» А. Никитина: «…мыльню турецкую прикажи по вся дни держать, подле оной мыльни полаты все прикажи по тому ж по вся дни продерживать, а сверх того вели уголье в катлы положить и прозжечь им оные, в них все вели вносить и сушить как лутше, дабы воздуху сырова никакова не было»[16]. В «Повседневных записках делам князя Меншикова», кроме того, отмечен факт посещения турецкой бани Петром I в июне 1718 г.: «В 7 день… его светлость в 7-м часу пополуночи встав и убрався, ожидал его царскаго величества в Аранимбом прибытия, куда его величство в 10-м часу прибыть изволил. И мало мешкав, изволил итти для обдержимой болезни в турецкую мыльню, в которой пользуясь медикаменты, вышед, изволил опочивать, потом кушал…»[17].

По своему внутреннему устройству восточное крыло дворца представляло анфиладу из одного ряда помещений, разбитую надвое «турецкой мыльней», фасад которой был скрыт за массивными «фальшивыми» (то есть без прохода) воротами наружных галерей. Компактный объем турецкой бани включал помещения собственно бани («мыльни») и предбанника с «нужником»[18]. В отличие от других помещений восточного крыла, имевших плоские перекрытия, турецкая баня была перекрыта каменным куполом, в котором были оставлены световые отверстия, забранные стеклянными «колпаками». Оба отделения бани нагревались горячим воздухом, поступавшим по каналам, проложенным под полом и в стенах от печи в сенях. В описях упоминается медный котел, который, как следует из документа 1737 г., был «закладен в каменную стену»[19] и, очевидно, служил для нагревания воды, а также играл роль парообразователя (пар, образовавшийся при кипении воды, должен был выходить через специальное отверстие). Вода с помощью насосов подавалась в баню по желобу из накопительного пруда, расположенного к югу от дворца («…против сеней зделаны и опущены в пруд два пумпа для наливания во оную баню от них по желобу воды»). В стены бани были вделаны мраморные чаши с медными кранами для горячей и холодной воды. Помимо этого, здесь была сложена большая ванна из каменных плит. Плитами же был выстлан пол, что было

в традиции оборудования турецких бань, где основными отделочными материалами являлись камень и мрамор.

К востоку от турецкой бани располагалась «русская мыльня» с предбанником и сенями[20]. В помещении «мыльни» — здесь были устроены банные полоки и поставлены три деревянные ванны — стены были затянуты холстом и выбелены, потолок оштукатурен, большая кирпичная печь облицована цветными голландскими изразцами. Соседнее помещение («перед мылнею палата»), очевидно, служило комнатой для отдыха. Несмотря на отсутствие обоев, стены были украшены картинами «в рамах круглых золоченых резных», а меблировка включала двуспальную кровать и стол голландской работы.

В 1730-х гг., после передачи дворца Адмиралтейств-коллегии и превращения его в госпиталь, «русская мыльня» прекратила свое существование, уступив место жилой палате. Турецкую баню тогда решили оставить «в прежнем состоянии» (речь идет о сохранении функции), поскольку, как отмечалось в пояснении к проекту приспособления, «…в переломке могло быть не без труда, а покою из того произойдет мало, а ныне… быть удобна для потовой, ежели какие болезни к тому будут приличны»[21]. «Турецкая мыльня» сохранялась до конца 1740-х гг., но в процессе реконструкции дворца для великого князя Петра Федоровича на ее месте также были устроены жилые комнаты и сени[22].

Прежде чем покинуть помещения восточного крыла, заметим, что комнаты (пять «палат» и сени) между центральным корпусом и турецкой баней, судя по их внутреннему убранству, зафиксированному в описи 1728 г.[23], могли принадлежать к числу личных покоев Меншикова. Еще три «палаты» и сени, уместившиеся на участке крыла, примыкавшем к восточному павильону, на момент составления описи не были обставлены мебелью[24]. Однако наличие здесь картин «в золоченых рамах», как и непосредственная близость к «покоям Его Императорского Величества»[25], свидетельствуют о том, что во дворце Меншикова эти комнаты также рассматривались как парадные (были или должны были стать таковыми в будущем).

Продолжая знакомство с бытовой стороной жизни дворца, переместимся в помещения западного крыла, соединяющего главный дворцовый корпус с Церковным павильоном. Как и в случае с восточным полуциркулем, представление о первоначальной планировке и использовании этой части дворца дают планы конца 1730–1740-х гг. и описи 1728, 1736, 1737, 1740 гг.[26]

В центре западного крыла существовали ворота «на восьми столбах», служащие для прохода внутрь двора. В планировке восточного крыла им соответствовала «турецкая мыльня». Как и последняя, ворота были оформлены монументальными порталами, образованными парными колоннами дорического ордера. На участке между главным корпусом и воротами при Меншикове располагались службы. Ближайшее к воротам помещение на пять осей занимала большая дворцовая кухня, оборудованная, согласно описи 1728 г., простыми сосновыми столами и кирпичными печами («две печи кирпишных, в том числе у одной заслонка железная»). В одной печи выпекали хлеб («хлебная печь… и при ней железной заслон» упоминаются в описи 1740 г.). Вторая служила для приготовления пищи, как уточняет составитель описи 1740 г.: «…вместо печи зделан ис кирпича к трем стенам очаг»[27], то есть большая, на всю ширину помещения, плита примыкала к западной стене — единственной, где не было проемов[28]. Над плитой был устроен кирпичный вытяжной шатер, опиравшийся на железные стойки: «…зделан ис кирпича свод с выводною трубою на железных связях и подставах»[29].

Как известно, аналогичный вытяжной колпак над бывшей печью был раскрыт во дворце Меншикова на Васильевском острове в процессе реставрационных работ 1978–1979 гг. С трех сторон он был врублен в стены, а с четвертой опирался бортом на две ухватообразные железные стойки[30]. Такая же конструкция была использована в помещении кухни в Летнем дворце Петра I. Историк архитектуры А. Л. Пунин упоминает об устройстве вытяжных колпаков над плитами в кухнях обоих названных дворцов и указывает, что это были «первые примеры использования несущих конструкций, выкованных из железа, в архитектуре Петербурга Петровской эпохи»[31]. На основании приведенных данных мы можем включить в список аналогичных примеров и кухню ораниенбаумского дворца[32].

К востоку от кухни, в сторону главного корпуса, размещалась «палата», или «хлебная»[33]. Судя по тому, что первоначально (согласно описи 1728 г.) в этом помещении не было печей, оно могло использоваться как продуктовая кладовая. Из предметов мебели здесь упоминаются длинные сосновые столы «плотничной работы» и поставец. В следующем к востоку помещении стоял «станок сосновой

столярной работы, где платья лащат и на нем платья катают», то есть оно служило гладильней.

Внутренняя отделка помещений западного полуциркуля, исполнявших служебно-хозяйственные функции, была достаточно простой: дощатые или кирпичные полы, оштукатуренные стены и потолки, окна с одинарными переплетами на 30 стекол, глухие филенчатые или «прорезные» (то есть светлые) двери столярной работы.

Практически ничем не отличалась и отделка двух «палат», расположенных к западу от ворот. В большей из них (на 3 оси по фасаду), вероятно, помещалась дворцовая канцелярия («палата, где имеютца письменные дела»[34]). Ее обстановка в 1728 г., на момент составления описи, включала сосновый стол и дюжину березовых стульев, обитых черной кожей, поставец с выдвижными ящиками «в два яруса», стол для письма, а также «три ящика, в том числе окованы железом два, в которых письма кладут»[35]. Это же помещение, как и следующее за ним, могло служить местом временного или постоянного проживания отдельных служителей князя. Во всяком случае, в описании обеих «палат» упоминаются кровати «на точеных ножках». Обе комнаты отапливались кирпичными печами. Потолки и стены были оштукатурены.

О первоначальном использовании трех следующих комнат западного полуциркуля трудно сказать что-либо определенное. Ко времени описания конфискованного дворца Меншикова в двух из них отсутствовала какая бы то ни было мебель. Однако характеристика их отделки отличается от других помещений полуциркуля. В частности, в одной из «палат» потолок и стены были обиты холстом («шпалером полотняным»). Такая отделка нередко использовалась в жилых покоях. К 1736 г. обивка уже сильно обветшала, а на одной стене «шпалер» не было совсем. В двух других комнатах «подволоки» были «подбиты прутками», а стены оставались «не подмазаны», т. е., скорее всего, здесь ранее также существовала обивка, или же отделочные работы, начавшиеся при жизни Меншикова, еще не были завершены. Столярные заполнения окон в последних комнатах, судя по документам, также отличались от всех остальных. Только применительно к этим трем помещениям в описи 1728 г. имеется указание на то, что оконные рамы были изготовлены из дуба, тогда как при описании других комнат (включая парадные интерьеры главного корпуса) говорится об окнах «в горбылях».

Принимая во внимание близость названных помещений к Пантелеймоновской церкви, размещавшейся в западном павильоне, и подтвержденный документами факт дальнейшего использования крайней «палаты» полуциркуля для помещения церковной ризницы, можно предположить, что уже на раннем этапе существования дворца назначение западных комнат было связано с функционированием дворцовой церкви. В частности, именно здесь могла находиться комнатная походная Троицкая церковь, действовавшая до завершения отделочных работ и освящения церкви Св. Пантелеймона в сентябре 1727 г.[36]

Минуя церковь, устроенную в западном павильоне дворца, заглянем теперь в помещения примыкающего к нему служебного флигеля. В своем нынешнем виде эта постройка (часть дворца) представляет произведение начала XX в., результат капитальной перестройки флигеля 1770-х гг., который, в свою очередь, появился после реконструкции флигеля, построенного при Меншикове.

Флигель протяженностью в 100 саженей разделялся воротами на две неравных части, каждая из которых была распланирована в виде непрерывной анфилады комнат. Фактически эти анфилады состояли из компактных групп помещений, разделявшихся входными сенями. Так, на участке от павильона до ворот было расположено пять комнат, из которых первая («палата передняя»), отделенная сенями от других, примыкала к церкви и, вероятно, была связана с ней функционально[37]. Вторые сени делили оставшуюся часть флигеля на два блока, по два помещения в каждом. По своей внутренней отделке эти комнаты не отличались от служебных помещений западного крыла. Единичные предметы мебели (столы во второй и третьей «палатах»), как и их отсутствие (в четвертой), ничего не говорят о характере использования комнат. Исключением является «палата пятая столярная»: не только вполне определенное наименование, но и оборудование, включая восемь сосновых верстаков и различные инструменты («две пилы одноручных галанских, две кастрюлки медные, двойные ручки и ношки железные, весом двенатцать фунтов, да разных рук инструментов восемдесят шесть штук») отличали помещение мастерской от соседних комнат[38].

По другую сторону ворот также помещались дворцовые мастерские: токарная, стекольная («где оконешники работают»), малярная (или живописная) и резная. Равные по площади (на две оси по фасаду) и единообразные по отделке (оштукатуренные стены,

кирпичные полы и печи, небольшие окна в сосновых переплетах с мелкой расстекловкой), эти помещения различались только оборудованием. Так, осматривая токарную мастерскую, составители описи зафиксировали станки и инструменты: «два станка такарных с калесы, в том числе одно колесо точеное, да один станок без колес; при них инструменту: верхних долот дватцать восемь, нутреных же напарей [39] девять, цыркалей круглых три, тапаров два, пила галанская двоеручная одна»[40]. Следующая за столярной стекольная мастерская была оборудована тремя верстаками для работы мастеровых-оконнишников [41] и паяльщика, а среди утвари и инструментов, находившихся здесь, упоминаются: «два алмаза, один коловарот медной [42], один ковш железной… двое ножницы большие, одна наковалня, кабыла железная [43], одне щипцы, лопатка железная отпорная»[44]. В «малярной» можно было увидеть круглую мраморную плиту «на чем краски трут» и кожаную подушку «на чем золато режут»[45]. Инструменты соответствующего назначения наличествовали и в резной мастерской, а именно: «разных долот дватцать два, да два крюка железных, два топора»[46].

Летом 1722 г. «при работах» в ораниенбаумском дворце числилось полтора десятка «служителей», включая четырех столяров, трех оконнишников, двух токарей, двух кузнецов, а также маляра, резчика, кафельника и часового мастера [47]. Все они, исключая кузнецов [48], могли работать в мастерских нового флигеля. В столярной готовились оконные рамы для многочисленных помещений дворца (так, например, за одну только неделю августа было изготовлено «пятьдесят станков оконнишных без горбылей»), после чего за дело принимались оконнишники. Кузнецы делали печные дверцы, а также обеспечивали необходимыми инструментами других мастеровых. Токари и резчик занимались изготовлением балясин [49]. Известно также, что в дворцовых мастерских делали мебель [50].

Интересно, что при упоминании резной мастерской в описи 1728 г. названо имя мастера: «…полата пятая, в ней работает рещик Холмитенинов»[51]. В том же документе можно найти и другие имена мастеровых, трудившихся в Ораниенбауме. Так, при описании жилых дворов, расположенных в окрестностях дворца и слободе, упоминаются оконнишник Филипп Лазарев, токарь Филипп Архипов, живописец Петр Зыбин, повар Петр Вуи [52]. Из других документов известно, что Ф. Лазарев числился среди служителей ораниенбаумского дома князя Меншикова еще в 1719 г.[53], а имя «живописца

из меншиковых» П. Зыбина, известное по работам в Петропавловском соборе в конце 1720-х гг., в документах, связанных с Меншиковым, появляется в 1710 г.[54] Токарь Ф. Архипов фигурирует среди ораниенбаумских служителей Меншикова, опрошенных в качестве свидетелей по делу о насильственной смерти пономаря Авраама Стефанова в ноябре 1726 г.[55] В том же списке упоминаются: столяр Семен Баскаков, оконнишник Ефим Соколов, писари Федосей Короткий, Василий Скорняков, Филипп Кривцов, подьячий Иван Лобанов — все они работали во дворце, в служебных помещениях западного крыла и мастерских во флигеле. Не будет преувеличением сказать, что каждый из них, будь то писарь, подьячий или мастеровой, провел во дворце Меншикова больше времени, чем сам хозяин. При этом для большинства упомянутых служителей дворец не являлся местом жительства.

Однако в западном флигеле было около полутора десятков комнат («палат»), назначение которых невозможно определить, опираясь на данные описи 1728 г. В помещениях, расположенных вслед за мастерскими, отсутствовала какая бы то ни было домашняя утварь, но все они были оборудованы печами и, наверное, могли использоваться как временное жилье для слуг, сезонных работников (из числа копорских крепостных Меншикова) и караульных солдат. К слову, отсутствие последних в 1728 г. (солдаты, которые раньше несли караул «при аранибомском доме», после ареста Меншикова были отозваны в Военную коллегию «к смотру») привело к многочисленным кражам и порче имущества, что было отмечено в описи.

В описании «14-й палаты» — одной из комнат в ряду безымянных помещений западного флигеля — упоминаются «хлебные» кирпичные печи, «хлебный» стол и две скамьи, что позволяет назвать ее общей кухней или столовой для работников. Три последних помещения в западном флигеле, где стояли длинные сосновые скамьи, вероятно, предназначались для конюхов, ухаживавших за господскими лошадьми. Рядом находились каретный сарай («сарай каменной, где ставятца кареты») и большая, на 47 стойл, каменная конюшня [56], возведенные у южной оконечности флигеля под углом к нему около 90 градусов [57].

С севера, запада и юга дворцовые постройки ограничивали обширное пространство внутреннего двора, превращенного впоследствии в парадный курдонер. При Меншикове южный двор имел, скорее, хозяйственное значение и, кроме того, являлся

средоточием повседневной жизни обитателей ораниенбаумской усадьбы. Ф.-В. Берхгольц оставил нам описание обряда водосвятия на пруду у ораниенбаумского дворца, свидетелем которого он стал 1 августа 1721 г.: «…мы увидели устроенный на пруде, позади двора, большой широкий помост, на котором и вокруг которого стояло множество народа. Мы подошли поближе и, спросив у нашего вожатого, немца, о причине такого собрания, узнали, что священник освящает воду… Когда священник окончил церемонию и опустил несколько раз в воду крест с изображением распятия, все люди наперерыв бросились к помосту, чтобы наполнить кружки и бутылки святою водой… Некоторые окунали по шею в четырехугольное отверстие помоста детей лет трех или четырех, в платье, как они были, и вытаскивали их совершенно мокрыми, что, разумеется, не обходилось без крику и плача. Но молодые ребята раздевались при всех донага, прыгали в воду и весело плавали вокруг помоста…»[58]. Разумеется, подобные сцены народной жизни, разворачивавшиеся на фоне княжеского жилища, менее всего предназначались для глаз именитых гостей Меншикова. Прибывая в Ораниенбаум со стороны моря, знатные визитеры оказывались перед главным фасадом великолепного дворца, демонстрировавшего богатство и политические амбиции «полудержавного властелина» (достаточно вспомнить массивную корону, венчающую главное здание). Но, как видим, были и те, кто по мере возможности интересовался не только парадной, но и «закулисной» жизнью Ораниенбаума. И сегодня, изучая историю ораниенбаумского дворца, нам тоже не следует ограничивать себя вопросами строительства и оформления парадных интерьеров. Необходимо также уделять внимание проблемам «повседневности», пытаться реконструировать бытовую сторону жизни дворца, представляющую не меньший интерес.

[1] Несмотря на исключительную ценность и солидный возраст постройки, музей «Большой Меншиковский дворец» — один из самых молодых на территории комплекса. Открытие первых парадных залов в сентябре 2011 г. стало главным подарком к трехсотлетию Ораниенбаума. К настоящему времени доступно большинство интерьеров на втором этаже центрального корпуса, отреставрированы вестибюль, лестница, парадные и жилые комнаты в западной части нижнего этажа, завершились работы в Японском и Церковном павильонах. Кроме того, летом 2016 г. ГМЗ «Петергоф» представил мультимедийную экспозицию «Ораниенбаум сквозь века», разместившуюся в помещениях западного крыла.

[2] Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году / Пер. с польск. // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 151.

[3] Объемно-пространственная структура дворца представляет комплекс разновременных элементов, подчиненных общему замыслу. Формирование главного северного фасада завершилось в 1719 г. В следующем году началось строительство западного флигеля. Подробнее о строительной истории дворца см.: *Горбатенко С. Б.* Архитектура Ораниенбаума. Западная дистанция Петергофской дороги. СПб., 2014; *Павлова М. А.* Ораниенбаумские тетради. Вып. 2: Большой дворец. СПб., 2017.

[4] Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721-го по 1725-й год / Пер. с нем. И. Аммона. М., 1858. Ч. 1. С. 131–132.

[5] *Мотрэ, О. де ла.* Из «Путешествия…» / Пер. с англ. // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 232.

[6] Дневник камер-юнкера Берхгольца… С. 132.

[7] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 68 а. Л. 170–212. Полный текст описи опубликован: *Андреева Е. А.* Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: Описания палат, хором и сада. Исследования и документы. СПб., 2013. Приложение II. С. 259–301. В дальнейшем при ссылках на этот документ будет указываться его наименование («Опись 1728 г.») и номера листов в архивном деле.

[8] ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 63. Л. 5.

[9] См., например: *Павлова М. А.* Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII — середины XIX века // Ораниенбаумские чтения. Вып. 6. СПб., 2006. С. 11–38; *Горбатенко С. Б.* Архитектура Ораниенбаума… С. 54–62.

[10] *Андреева Е. А.* Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII в… С. 11, 12.

[11] И. Дешкин. Большой дворец в Ораниенбауме. Фасад и план. Чертеж. 1738 (?). (ГЭ. Инв. № 23611); Большой дворец в Ораниенбауме. Планы. 1740-е. (Национальный музей Швеции, Стокгольм. Инв. № THC-163 a, 163 b, 164); Мастерская Ф. Растрелли. Большой дворец в Ораниенбауме. План и фасад центрального корпуса и западного крыла с Церковным павильоном. 1740-е. (Национальная библиотека Польши, Варшава. Инв. № I. Rys. 5364 (WAF. 97)).

[12] РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 81. Л. 227–260. В дальнейшем при ссылках на документ будет указываться только его наименование («Опись 1736 г.») и номера листов.

[13] РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 114. Д. 61448. Л. 157–173 об. В дальнейшем при ссылках на документ будет указываться только его наименование («Опись 1737 г.») и номера листов.

[14] РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 63. Л. 549–566. В дальнейшем при ссылках на документ будет указываться только его наименование («Опись 1740 г.») и номера листов.

[15] В расходной книге домовой конторы Меншикова имеется запись от 20 октября 1716 г.: «По указу его светлости армянам Елисафиулу да Павлу Давыдовым за дело турецкой бани, которую делали они в Аранибоме, в приказ 40 рублев» (РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1182. Л. 247 об.). Названные мастера были наняты в 1709 г. в Константинополе послом П. А. Толстым. В Москве ими были сделаны две бани «на образец» — в слободских дворцах А. Д. Меншикова и С. Рагузинского. С 1710 г. работали в Санкт-Петербурге (*Горбатенко С. Б.* Формирование ансамбля Большого дворца в Ораниенбауме в первой четверти XVIII века // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С. 421, примеч. 12).

[16] Архив СПбИИ РАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 30. Л. 72, 72 об.

[17] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. [Т.] X. М., 2000. С. 237.

[18] Сведения о турецкой бане приводятся в описях 1728 г. (Л. 179, 179 об.), 1736 г. (Л. 232, 232 об.), 1737 г. (Л. 162) и 1740 г. (Л. 550 об., 551).
[19] В описи 1740 г. дается несколько отличная информация: «…для нагревания воды ж *под полом* закладен медной котел» (Л. 550 об.).
[20] Краткие сведения о «русской мыльне» и связанных с ней помещениях приводятся в описях 1728 г. (Л. 183 об., 184), 1736 г. (Л. 236 об.) и 1737 г. (Л. 164).
[21] РГА ВМФ. Ф. 212. Д. 17. 1736 г. Л. 91.
[22] В расходной ведомости за апрель 1751 г. имеется запись о выдаче денег плотникам «за зделание во правом флигиле в двух покоях и одних сенях, *где была напред турецкая баня*, три новые полы плотнишною и столярною работою» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 114. Д. 61495. Л. 45).
[23] Опись 1728 г. Л. 179 об.–180 об.
[24] Там же. Л. 183 об.
[25] Комнаты, предназначенные специально для Петра I, примыкали к восточной оконечности крыла и павильону со стороны двора; просуществовали до середины XVIII в. и были разобраны при строительстве восточного флигеля.
[26] Опись 1728 г. Л. 182, 184, 184 об.; опись 1736 г. Л. 235, 237, 237 об.; опись 1737 г. Л. 163 об.–164 об.; опись 1740 г. Л. 555 об., 556.
[27] Опись 1740 г. Л. 556.
[28] Местоположение очага зафиксировано на плане 1740-х гг. из Национальной библиотеки в Варшаве.
[29] Опись 1740 г. Л. 556.
[30] *Трубинов Ю. В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003. С. 79.
[31] *Пунин А. Л.* Архитектура Петербурга середины и второй половины XIX в. Т. 1: 1830–1860-е годы. Ранняя эклектика. СПб., 2009. С. 141.
[32] Тот факт, что кухонный очаг был устроен до передачи дворца Адмиралтейств-коллегии, то есть еще в бытность Меншикова, подтверждается упоминанием о нем в дефектной ведомости 1736 г. (РГА ВМФ. Ф. 212. Д. 17. 1736 г. Л. 100), которая была составлена накануне реконструкции дворца, проводившейся в 1737–1740 гг. с целью превращения его в госпиталь.
[33] Наименование «хлебная» приводится в дефектной ведомости 1736 г. (РГА ВМФ. Ф. 212. Д. 17. 1736 г. Л. 100).
[34] Такое наименование используется в одном из документов 1726 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 46. Л. 15).
[35] Опись 1728 г. Л. 184 об.
[36] См. об этом: *Павлова М. А.* Первый ораниенбаумский священник Никон Пахомиев // Петровское время в лицах — 2018: Материалы науч. конф. [Труды Государственного Эрмитажа XCVII]. СПб., 2018. С. 274–284.
[37] На плане И. Дешкина это помещение, как и Церковный павильон, обозначено литерой А с соответствующим пояснением: «Церковь с папертью».
[38] Здесь и далее для характеристики помещений западного флигеля используется опись 1728 г. Л. 187 об.–194.
[39] Напарье (напарья) — бурав, сверло (см.: Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2003. Вып. 13. С. 249).
[40] Опись 1728 г. Л. 190 об.
[41] Оконнишник — мастер по изготовлению и ремонту оконных рам и остеклению окон (см.: Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2006. Вып. 16. С. 241).
[42] Инструмент для сверления.
[43] Кобылка — приспособление, подставка, рама различного назначения (см.: Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1998. Вып. 10. С. 73).

[44] Опись 1728 г. Л. 190 об., 191.
[45] Там же. Л. 191.
[46] Там же. Л. 191 об.
[47] Архив СПбИИ РАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.
[48] Кузница помещалась в отдельной постройке, расположенной недалеко от дворца.
[49] Архив СПбИИ РАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 41. Л. 5, 5 об.
[50] В декабре 1726 г. в Санкт-Петербург были отправлены «зделанные в Оранибоме по рижскому манеру два стола» (см.: Щукинский сборник. М., 1910. Вып. 9. С. 111–112).
[51] Из другого документа известно, что ораниенбаумского резчика звали Федором (РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 60 б. Л. 564).
[52] Опись 1728 г. Л. 199, 199 об.
[53] Архив СПбИИ РАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 163.
[54] РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 23. Л. 523. О работах П. Зыбина см.: *Павлова М. А.* «Живописец из Меншиковых» Петр Зыбин // Петровское время в лицах — 2003: Краткое содержание докладов науч. конф., посвященной 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 84–91.
[55] Сохранился «Экстракт из следствия дела о смертном убивстве аранимбомской церкви пономаря Аврама Степанова» (РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 46. Л. 13–21).
[56] Опись 1728 г. Л. 194, 194 об.
[57] В конце 1730-х гг. бывшие меншиковские конюшни и каретный сарай превратились в жилые покои, а в 1750-х гг. эти постройки были разобраны.
[58] Дневник камер-юнкера Берхгольца… С. 132.

Платонова Мария Анатольевна

КОЛЛЕКЦИЯ ПОСМЕРТНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА В ОРАНИЕНБАУМЕ. ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Известный музейный деятель советского времени А. М. Кучумов, разбирая фонды Ораниенбаумского музея в 1950 г., составил опись музейных предметов по рангам значимости. Что-то он предполагал отправить как особо ценное в Центральное хранилище, что-то вынес в разряд не имеющих художественной и исторической ценности и не представляющих интереса. В последней категории находился посмертный портрет великой княгини Елизаветы Михайловны, умершей в Висбадене в 19 лет во время родов в 1845 г.[1]

Начать разговор можно с вопроса о том, почему эти портреты через сто лет после их создания были не интересны историкам искусства XX в.? Думаю, по той же причине, по которой они вызывают недоумение и у нас: мы не понимаем причину их создания и практику использования.

При исследовании темы оказалось, что в Ораниенбаумском дворце, принадлежавшем в XIX в. семье великого князя Михаила Павловича, к рубежу XIX–XX вв. хранилась интересная коллекция семейных посмертных портретов. Этот портретный жанр был распространен, особенно во второй половине XIX в. Заказчиками таких произведений в европейских странах были, прежде всего, представители правящих фамилий и аристократии. В США это практиковалось в городской культуре средними классами[2]. К рубежу XIX–XX вв. указанный жанр процветал. Тогда смертный лик сколько-нибудь значительной персоны обязательно запечатлевался в живописи, графике, фотографии и эти портреты тиражировались средствами печатной графики в листах и на страницах периодической печати. Сейчас традиция создания посмертных фотографических портретов сохранилась на уровне народной городской и сельской культур, особенно в США и в России, вне зависимости от вероисповедания покойников и их родственников. Но в этом

случае запечатлеваются не столько умершие персоны, сколько прощание с ними живых и похороны[3].

Основную роль в развитии посмертного портрета как специфического поджанра, с нашей точки зрения, сыграл протестантизм. Появившись в XVI в., он декларировал иное, по сравнению с католичеством и православием, понимание загробной судьбы человеческой души. Католики и православные верили, что оставшиеся на земле люди могут своими молитвами повлиять на дальнейший загробный путь души. Согласно католическому вероучению, состояние, в котором пребывают души, нуждающиеся в очищении от последствий совершенных грехов, называется Чистилищем. Протестантизм подобной концепции не имел. По учению М. Лютера, все зависело от праведности земной жизни человека и после смерти ничего изменить было нельзя, тем более что искупительная жертва Иисуса Христа уже спасла всех. Может быть, поэтому для протестантов взгляд на лицо человека, которого только что оставила жизнь, со всеми ее тревогами и радостями, имел особенное значение. Для живых это сохраняло связь с душой умершего и веру в то, что после смерти души, в разное время пересекшие границу миров, могут вновь встретиться. К последней тезе в конце XVIII в. присоединились и католики[4].

К началу XIX в. в европейской культуре сформировалось и представление о красоте посмертного лика, в котором все наносное жизнью стирается, остается лишь возвышенное, прекрасное, с чем ассоциируется понятие вечности и памяти. Так же к этому времени и отношение к трупам изменилось: они стали восприниматься не как хладная материя, но как средоточие и вместилище чувств, оставшихся в земной жизни любивших их людей[5].

Все эти тенденции культуры нашли отражение и в литературе. В. А. Жуковский, наставник в русском языке двух принцесс протестантского исхода — Александры Федоровны и Елены Павловны, уверял читателей, что лик умершего полон особенного значения и что души любящих друг друга в земной жизни людей встречаются в загробном мире. В 1803 г. он сформулировал надежду на встречу с умершим А. Тургеневым: «Покойся, милый прах; /… / …Увидимся опять; / Во гробе нам судьбой назначено свиданье! / Надежда сладкая! приятно ожиданье! / С каким веселием я буду умирать!». После смерти А. С. Пушкина Жуковский написал: «Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем / Мертвому прямо в глаза; были закрыты

глаза, / Было лицо его мне так знакомо, и было заметно, / Что выражалось на нем, /… / Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью / Было объято оно: мнилося мне, что ему / В этот миг предстояло как будто какое виденье, / Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?». Очевидно, что у поэта с годами интерес к покойникам углубился: от созерцания он перешел к разговорам.

Английская литература напрямую апеллировала к мертвому телу, посреднику между умершим и живыми. Так, в 1818 г. в воображении М. Шелли возник образ ученого Франкенштейна, оживившего мертвеца, правда, это создание вызывало в людях ужас. Обыкновенный труп таких чувств не вызывал. В романе Э. Бронте «Грозовой перевал» 1847 г. любящий разрывает могилу и вскрывает гроб, чтобы увидеть труп любимой. В романе Ш. Бронте «Джейн Эйр», того же года, девочка греет своим телом умирающую подругу и, просыпаясь, обнаруживает рядом труп. При этом ужас ее не охватывает[6]. Все это было, безусловно, результатом существовавшего в культуре конца XVIII — начала XIX в. культа смерти как доказательства непрерывности существования души.

Упоминание об образах, созданных английскими авторами, не случайно. Вспомним о воспитателях и гувернантках, служивших при русском императорском доме и в других правящих домах Европы: многие из них были англиканского вероисповедания.

Нельзя не вспомнить и культ героя, выросший из истории жизни и смерти Наполеона Бонапарта, им, например, увлекались все мужчины семьи Николая I[7]. Именно Наполеон окрасил лик умершего вечной, неодухотворенной красотой. По отношению к его изображениям на смертном ложе мы имеем дело с двумя разновидностями этих портретов: изображение, когда персона только отошла от земной жизни, и уже готовая к погребению (в форменном одеянии). И те, и другие посмертные портреты императора французов первыми в истории этого жанра получили беспрецедентное распространение через продажу многочисленных тиражей гравюр и литографий. Это повлияло на рост популярности посмертных изображений.

В этом месте уместно вспомнить, что в российской культуре первое и единственное до середины XIX в. посмертное живописное портретное изображение появилось с кончиной Петра Великого. Его изобразили три живописца: И. Никитин, Г. Таннауэр, Л. Каравакк. Это явление было из разряда «впервые», потому интерпретация его

смысла и значения будет еще продолжаться[8]. Данные произведения запечатлели два разных момента — только что умершего и готового к погребению монарха. Они являлись средствами прославления великого государя и запечатлели его величие на образном уровне, как положено было по канонам культуры отношения к смерти правителя в XVII в.[9] В западноевропейских странах, особенно протестантского вероисповедания, бытовали гравированные изображения покойных государей, которые часто печатали с текстами, приуроченными к заупокойным службам. После их сохраняли, и они включались в коллекции гравированных портретов на равных правах с портретами, изображавшими государей живыми. Возможно, эта традиция повлияла на появление столь совершенных в художественном отношении посмертных портретов первого русского императора.

Петр, будучи в первом заграничном путешествии, посетил Англию. Он воспринял там многое, в том числе способы представления государя для народа, и, в частности, формы прославления монарха при жизни и после ее окончания. О последнем в 1723 г. он приказал собрать сведения послам в Париже, Берлине, Стокгольме и Вене[10]. Не следует забывать, что, хотя Петр исправно посещал церковь и пел в хоре, его отношение к православной религии нельзя назвать образцовым, поэтому традиции православной церкви в вопросе «жизни после смерти» он нарушить мог.

Безусловно, именно в Англии он узнал о традиции использования восковых персон монархов в погребальных церемониях, как замещающих умершего монарха в период междуцарствия[11]. И о практике использования восковых масок с живых и покойных правителей. Отметим, что эти формы все были далеки от каноничного отношения христианства к смерти и к покойнику, в любом его варианте[12]. Нельзя не провести аналогию, например, между нашей восковой персоной Петра, одетой в парадный костюм, и восковыми персонами английской четы монархов Вильгельма III и королевы Марии (они принимали Петра I в Англии), сидящих на тронах, которых с 1725 г. выставили в церкви на обозрение публики, и здесь собирались толпы. Использование сакрального пространства церкви связывает эти предметы с заупокойным культом англиканской церкви. Помолиться за души в загробном мире было нельзя, но, возможно, обратиться к душе умершего было можно[13]. Восковой Петр Великий был использован императрицей Екатериной I как знак присутствия

в земном мире умершего супруга, короновавшего ее и обеспечивавшего ее права на престол, — это было продумано при жизни Петра I. Ее преемницей, Анной Иоанновной, персона была отправлена в Кунсткамеру, как предмет памяти о выдающемся монархе и, в некотором роде, кунштюк. Посетителям было интересно посмотреть, как Петр выглядел на самом деле, и маловероятно, чтобы желания смотрящих на него русских шли дальше: например, поговорить с его душой. Но рудиментарные остатки прижизненного почитания царя по отношению к статуе проявлялись, например, в поклонении «пред нею до лица Земли» или обращении к ней, как к иконе, с лобызанием башмаков и утверждением, что дух его «жив во всяком российском воине»[14]. Российская культурная традиция по отношению к особенному почитанию мертвых и общению с их душами через образ посмертного лика (в живописных портретах или посредством восковой персоны, как в случае с Петром Великим) в XVIII в. была еще не готова. Так, насколько известно, игра с этим у нас приостановилась до XIX столетия.

Входившие посредством браков в конце XVIII — начале XIX в. в российскую императорскую семью великие княгини изначально были протестантками. Большинство из них, со слов историков, известны как «горячо» и всей душой принявшие православие. Так ли это было на самом деле? Великая княгиня Ольга Николаевна, будучи уже в зрелом возрасте, написала: «Для Мама религиозным направлением были впечатления ее протестантского воспитания. В нашей религии для нее радостью и утешением были только молитвы об умерших, оттого, что они теснее соединяли ее с покойной матерью. Ни Богослужения, ни молитвы не могли умилить ее до слез»[15]. Бывшие протестантки и их дети, отданные под смотрение протестантов-воспитателей, всей душой принимали концепт о возможности общения с душами умерших родных, и это укрепляло их веру во встречу с близкими за порогом смерти, хотя они это не афишировали. Ольга Николаевна пишет далее: «Перед церковной службой часто Адини и я тайком пробирались туда (в малый кабинет. — *М. П.*), становились на колени перед семейными реликвиями и целовали портреты предков, усердно молясь перед ними. Страх быть пойманными и выбраненными, вероятно, еще усиливал потребность к этим тайным богомольям, благодаря которым мы научились молиться от сердца»[16]. Последнее означает, что в семейном религиозном бытии был, по сути, культ предков, молились в присутствии образных воплощений последних, пока еще представлявших их при жизни.

Отметим, что у женщин императорской семьи мысли о возможности попадания души в ад не было. Это объяснить можно. Представительницы российского императорского дома в земной жизни работали над тем, чтобы этого не произошло. Их труды на ниве благотворительности историки связывают с их глубоким духовным принятием православия. Я бы связала с их прошлым протестантизмом, когда только своими трудами на благо людей, и в связи с этим на благо своей души, человек мог достичь счастливого места вечного упокоения. Обширная благотворительная деятельность не в последнюю очередь была направлена на обеспечение счастливой загробной обители.

Несмотря на искреннее исповедование православия, императрицы и великие княгини сохраняли стремление установить связь с душами покойных близких после их и своей смерти. Письма овдовевшей императрицы Елизаветы Алексеевны полны мыслями об умершем Александре I, ее слова «Наш Ангел в небесах» стали известны всем. Она беспокоилась, что религиозное чувство в ней умрет[17], но верила в воссоединение за порогом собственной смерти. Это в обобщенном виде было выражено в подписи к ее гравированному портрету в трауре работы Т. Райта 1826 г. с надписью: «Надеюсь вскоре с ним соединиться», и к аллегорическому посмертному литографированному изображению 1827 г.: «К Нему парю! С улыбкой ты вещаешь, прости Земля. Мой ангел в небесах!»[18]. Но в случае с этой монаршей четой, с точки зрения иконографии, эстампированные посмертные портреты Александра и Елизаветы распространения не получили. Возможно, потому, что Александр I являлся антитезой Наполеона. Вместо этого была выполнена только посмертная маска[19].

Смерть Александра I дала пример необычного воплощения памяти о теле мертвого монарха посредством создания предметов для отправления церковных служб. Связано это было с дворцовой церковью Св. Пантелеймона в Ораниенбауме, тогда имение принадлежало императрице Елизавете Алексеевне, куда после кончины императора был отправлен комплект траурных риз черного бархата с серебряной отделкой, изготовленный из «погребальных одежд», использованных во время его похорон. В комплект входили одеяния для причта и одежды на престол, жертвенник и пр.[20] Таким образом, любая траурная служба становилась и службой памяти об Александре. Предметы религиозного культа стали заместителем посмертного портрета.

После кончины в Висбадене великой княгини Елизаветы Михайловны в 1845 г., дочери великого князя Михаила Павловича, супруги герцога А. Нассауского, ее отпевание было совершено ее духовником в русской православной церкви. После этого в специальной зале евангелический священник сказал надгробное слово. Супруг, искренно ее любивший и оплакивавший, с согласия российского двора, употребил деньги, данные ей в приданое, на строительство надгробной православной церкви. Казалось бы, все действия, возможные с точки зрения официальных религиозных ритуалов, были выполнены. Однако для ее матери, великой княгини Елены Павловны, уход из жизни Елизаветы был настолько болезненным, что она заказала ее живописный посмертный портрет. Очевидно, что этот портрет давал возможность матери сопережить момент перехода дочери в мир горний, обратиться к ее душе с молитвой поминовения и с обещанием встречи после смерти.

В ноябре 1846 г. умерла старшая дочь Михаила Павловича, великая княжна Мария Михайловна. Она скончалась от туберкулеза во время пребывания семьи в Вене. Отношение к ее смерти матери никем не описано. Есть упоминания о том, что отец тяжело переживал эту утрату. Поскольку статус великой княжны предписывал похороны в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, печальный поезд отправился в столицу Российской империи. Удрученный отец поехал сначала в Варшаву, затем в Санкт-Петербург. К моменту похорон родителей в столице не было, отпевание было совершено в Вене. Очевидно, что тот момент, непосредственно после смерти, в прощании, был самым важным. Но «…родительское сердце не утерпело… великий князь Михаил Павлович вернулся из Новгорода и в 9 часов утра 13-го числа приехал дать последнее целование родному гробу»[21]. После Михаил Павлович уехал. Был ли заказан ее живописный портрет после кончины, мы не знаем. Но в немецком иллюстрированном издании был опубликован вид гроба с телом великой княжны.[22] Следовательно, кто-то рисовал великую княжну после смерти, возможно, было выполнено изображение ее лица. Наверное поэтому Елена Павловна не последовала за мертвым телом дочери: с нею оставался ее посмертный лик. Обращаясь к нему, она ее оплакивала. Очевидно различное отношение к праху дочери родителей, православного отца и воспитанной в протестантизме матери.

Таким образом, идея сохранения посмертного изображения умерших для членов семейств правящего дома была в тот период

очевидна, но готова ли была тогда смотреть на это российская публика? Персоной, предпринявшей попытку распространения таких изображений, был император Николай I. В сентябре 1849 г. умер его любимый брат, великий князь Михаил Павлович. Во время смотра войск в Варшаве у последнего случился удар, он был парализован и умер в присутствии своей жены и дочери, великой княжны Екатерины Михайловны. Тело великого князя было отправлено в Санкт-Петербург для захоронения в усыпальнице Петропавловского собора.

Николай Павлович был удручен этим событием и заказал в литографии Главного управления путей сообщения и публичных зданий изображения Михаила Павловича, «в Бозе почивающего». В июне 1850 г. ему были доставлены четыре экземпляра[23]. Судьба их неизвестна, и мы не знаем, как был изображен великий князь. Возможно, на смертном одре. Возможен и иной вариант, как был сделан один из портретов цесаревича Николая Александровича, «В Бозе почивающего», изображенного как бы живым, но отраженным в зеркале — одна из форм представления души покойника, находящейся между земным и небесным обитанием[24]. Почему портрет Михаила Павловича не был распространен — неизвестно[25].

Вдова почившего отметила печальное событие по-своему: из погребальных одежд, что были на гробе, катафалке, балдахине, использовавшихся во время похорон мужа, она приказала изготовить праздничный ризничный набор для ораниенбаумской церкви Св. Пантелеймона. Из «малинового бархата с золотым глазетом» и шитьем были выполнены одежды для причта, уборы на престол, аналой, жертвенник. Елена Павловна приказала вышить имя великого князя Михаила Павловича на «оплечье» риз священнослужителей как «вензель В. К. М. П.»[26]. Получается, что праздничные службы в церкви свершались в том, что было на и рядом с мертвым телом великого князя[27]. Для нас звучит жутковато, но тогда и люди, и православная церковь это приняли. Елена Павловна в попытке объединить поминовение двух дорогих ей душ, дочери Елизаветы и супруга, в 1855 г. сделала распоряжение об отправке этой праздничной ризницы в Висбаден, в церковь Св. Елизаветы к ее освящению. Потом отменила этот приказ и оставила ее в Ораниенбауме, в своей придворной церкви[28]. Сейчас трудно понять, к чему это должно было бы привести: к увеличению вероятности встречи в загробном мире душ отца и дочери или к усилению молитвенной поддержки души Елизаветы.

В конце правления Николая Павловича в российской культуре изображения членов правящей семьи на смертном одре прижились и стали предметом распространения в тех слоях общества, которые могли оплатить приобретение эстампа или фотографии. Сначала это не были именно посмертные лики. Так, после преждевременной кончины дочери Николая I, Александры Николаевны, был написан ее портрет в образе возносящейся Св. Царицы Александры К. П. Брюлловым: то есть не живая, но и не мертвая, — образное решение изображения души, повторение опыта посмертного изображения Елизаветы Алексеевны. Он был эстампирован и поступил в собственное собрание императора [29], рисунки находились у Александры Федоровны в кабинетах Зимнего дворца и в Коттедже [30]. Но такое аллегорическое изображение умершего члена семьи было скорее редкостью. Тиражирование в литографиях посмертного лика Николая Павловича с рисунков В. И. Гау и П. К. Клодта было уже широкомасштабным [31]. Эти изображения чаще всего находились в личных апартаментах императорских дворцов: уборных, кабинетах. Например, в Фермерский дворец изображения покойных Николая Павловича и Александры Федоровны поступили в 1861 г.[32] В 1865 г. добавилось изображение «в Бозе почивающего» наследника Николая Александровича. Портреты императора и наследника находились в собственности императрицы Марии Александровны и были помещены в столовой [33]. Возможно, таким образом, всякий прием пищи превращался одновременно и в поминание. Правда, портрет Николая I закрывался створками рамы, а покойного цесаревича — нет. Посмертный портрет Александры Федоровны был в уборной императора [34].

Аналогичных портретов следующей императорской четы — Александра II и его супруги на смертном одре — сохранилось еще больше, и они были выполнены с фотографий. Вообще, с момента смерти императрицы Марии Александровны, фотографии, а не эстампы стали чаще использовать для тиражирования посмертных изображений. Возможно, из-за более натуралистичного способа передачи лика умершего. Фотографический оттиск тогда был дороже листа печатной графики, и это увеличивало ценность предмета. Примечателен факт, что на день рождения цесаревича Николая Александровича родители среди подарков поднесли ему «…портрет в Бозе почивающего Государя императора Николая Павловича в золоченой рамке под стеклом…», что также

свидетельствует о том, что изображения усопших членов семьи были обязательны в оформлении комнат подрастающего поколения [35]. Таким образом, в середине XIX столетия традиция хранения в личных комнатах такого рода изображений укрепилась.

Тем временем в январе 1873 г. умерла великая княгиня Елена Павловна. Ее высоко ценили императоры Николай Павлович и Александр Николаевич. Эти похороны имели общегосударственное значение, во главе траурной процессии шел Александр II. Живописное изображение великой княгини на смертном одре было заказано художнику И. Н. Крамскому [36] (местонахождение этого предмета не известно). Образ, запечатлевший посмертный облик, был размножен в фотографии [37]. Отметим, что для семьи покойной живописное прочтение этого момента художником было важнее, нежели натуралистическое и более точное, которое сделал бы фотограф. Возможно, что из семейного опыта считалось, что общение с душой покойного лучше происходит посредством живописного изображения.

Для личности Елены Павловны понимание православия во многих областях религиозной культуры менялось на протяжении ее жизни. В 1864 г. она призналась своему духовнику Порфирию Успенскому перед исповедью: «Ваше учение о таинстве покаянии исповеди, изложенное Вам в сочинении Confession, сначала озадачило меня так, что я полгода думала, правильно ли оно, потом при зрелом размышлении о нем, признала его правильным. Надобно вам знать, что я, до моей исповеди у вас думала, как и вся императорская фамилия думает, что от исповедующегося требуется только перечет грехов духовнику <…> и ничего более до конца жизни… только перечисляете грехи свои, пожалуй с сокрушением сердечным… и потом живете по-прежнему… Надо вселить в себя образ Спасителя нашего и следовать ему»[38]. Это свидетельство того, что, возможно, ее понимание посмертных изображений могло измениться к концу жизни, мог ли вселенный в душу образ Спасителя позволить общение с мертвыми?

Через три года, в 1876 г., умер супруг Екатерины Михайловны герцог Г. А. Мекленбург-Стрелицкий. Его похороны были совершены по особому церемониалу, разработанному для супруга великой княгини российского императорского дома, но являющегося по рождению членом другого правящего семейства и принадлежащего к иной христианской конфессии. В торжественных проводах гроба

с телом покойного приняли участие члены императорской фамилии, представители военных подразделений, где герцог служил или числился шефом. Отпевание было произведено в лютеранской церкви Св. Анны, куда гроб перевезли из Каменноостровского дворца. Затем тело было доставлено в императорские покои Варшавского вокзала, откуда поездом отправилось на родину герцога для захоронения в семейной усыпальнице.

Для своего молитвенного утешения Екатерина Михайловна приказала изготовить из погребальных одежд, использовавшихся во время траурной церемонии, еще одну ризницу для ораниенбаумской церкви Св. Пантелеймона [39]. Фотография почившего во гробе вошла в состав небольшой коллекции посмертных изображений членов семьи [40]. Значит, для Екатерины Михайловны местонахождение мертвого тела — захоронение — не имело значения в ее мыслях о покойном. Последние были связаны с созерцанием его посмертного лика. Получается, что ризница для православной церкви из материи, бывшей при мертвом теле во время похорон, и посмертное изображение материально обеспечили вечную память и надежду на загробную встречу православной и лютеранина.

Смерть самой великой княгини Екатерины Михайловны в 1894 г. вызвала большой интерес публики к похоронам персоны императорской фамилии. Сохранились воспроизведенные в периодических изданиях фотографии похоронной процессии, проследовавшей из Михайловского дворца в Петропавловскую крепость. Но мы не нашли воспроизведения ее посмертного лика. На уровне устной традиции среди коллег считается, что такая фотография была выполнена. Трудно предположить, что этого не произошло. Другой вопрос, почему ее не растиражировали? Достоверных сведений об этом пока нет, возможно, это было желанием покойной. Но если фотография была, то она пополнила фамильную коллекцию.

Последним членом семьи, чей посмертный лик вошел в семейную галерею, стал сын великой княгини Екатерины Михайловны Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий. Он умер в 1910 г., неожиданно для всех, в доме на Фонтанке. Его похороны были совершены надлежащим образом, как подобало офицеру высшего состава российской императорской армии и сыну великой княгини. Несмотря на то, что герцог принадлежал лютеранскому вероисповеданию, панихиды по нему и отпевания проводились в церкви Троицкого подворья, находившегося на Фонтанке. На службах присутствовали

родственники из императорской фамилии и семьи его супруги, исповедовавшие православие. Герцог завещал похоронить его в Ораниенбауме, поэтому после прощания в зале дома на Фонтанке траурная процессия с телом покойного отправилась на станцию Балтийской железной дороги. Из воспоминаний его сына, графа Карлова, впоследствии герцога фон Мекленбург-Стрелицкого, известно, что художник Э. К. Липгарт всю ночь рисовал посмертный портрет только что умершего. О судьбе этого рисунка ничего не известно, но, определенно, он находился в Ораниенбауме.

В личных покоях членов семьи Михаила Павловича, скорее всего, были отведены специальные места для хранения посмертных портретов. Пока невозможно точно определить, где находились все эти изображения, но можно предположить, что тиражированные посмертные портреты могли быть в нескольких резиденциях, как это было в семьях императоров. Эта необычная коллекция демонстрирует нам ту часть истории нашей культуры, о которой мы забыли. Совершенно очевидно, что типологически это явление скорее антропологическое и языческое, которому пытались дать образное решение. Это отражение присущего людям стремления жить вечно, если не физически, то духовно, в памяти потомков, и желания не бояться смерти.

---

[1] Архив Ораниенбаума ГМЗ «Петергоф». Итоговые справки о движении и акты сверки наличия фондовой коллекции с учетной документацией. 1.07.47–1959. Акт № 214 октября 1950 г., г. Ломоносов. «Список № 1. 91 Предмет не имеет музейного значения и переводится на музейное оборудование. КД 803/1 — портрет мертвой Елизаветы Михайловны». Предмет хранится в фондах ГМЗ «Петергоф». Инв. № ОДМП 443-ж.

[2] *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. М., 1992. С. 367.

[3] См.: *Бойцова О.* «Не смотри их, они плохие»: фотографии похорон в русской культуре // Антропологический форум. 2010. № 12.

[4] *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. С. 352.

[5] В нашем случае мы оставляем в стороне вопрос о некрофилии того времени, которая нашла отражение и в искусстве (см.: об этом: *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. С. 317).

[6] *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. С. 358.

[7] Гравюры, иллюстрировавшие его жизнь и деяния, хранились в резиденциях императора, его наследника, Николая, Константина и Михаила Николаевичей.

[8] *Закатова А. В.* «Портрет Петра I в гробу» И. Г. Таннауера из собрания Государственного Эрмитажа // Известия РГПУ имени Герцена. Т. 16. № 40. 2007.

[9] *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. С. 170.

[10] *Гендриков В. Б.* Западноевропейские влияния в императорском погребальном ритуале // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVI: Российский императорский двор

и Европа. Диалоги культур: Избранные материалы конференции 18–20 октября 2005 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2007. С. 170–176.

[11] *Федоров С. Е.* Посмертные изображения монарха в раннестюартовской Англии // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти: [сборник статей]. М., 2006.

[12] См., например: *Куликова Е. В.* Восковые фигуры императоров в церемонии апофеоза // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 22. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2008.

[13] См.: *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. С. 169.

[14] Кабинет Петра Великого или подробное и обстоятельное описание его величества изображения… Ч. 1–2 / Издано трудами и иждивением надзирателя Императорския Кунст-камеры, Осипа Беляева. СПб., 1793. С. 29–30, 84–86.

[15] Николай Первый. Рыцарь самодержавия. М., 2007. С. 247.

[16] Там же. С. 246.

[17] См: *Исмаил-Заде Д. И.* Александр I и императрица Елизавета Алексеевна //Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба…». Каталог выставки. СПб., 2005. С. 113. Ил. на с. 113.

[18] Цит. по: *Шаровская Ю. В.* Императрица Елизавета Алексеевна в портретах // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба…». Каталог выставки. СПб., 2005. С. 142. Ил. на с. 178. Кат. описание № 319.

[19] Там же. Ил. на с. 169. Кат. описание № 359.

[20] Архив Ораниенбаума ГМЗ «Петергоф». Оп. КДМ 61. Опись церкви 1873 г. Раздел: г) № 31–40 и г) № 41–44.

[21] *Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 367.

[22] Illustrirte Zeitung. 1846. B. VII N 180. Dec. 19.

[23] ГЭ. Ф. II. Оп. XIV А. 1850 г. Ед. хр. 23. Л. 1. О литографиях и картинах, посланных на имя г. дежурного камердинера Государя Императора для предоставления Его величеству.

[24] См. портрет из собрания РНБ. Э Л. П./4. Н. 635. Инв. 10042. Традиция народной православной культуры требовала, чтобы на время пребывания тела в доме все зеркала завешивались тканью. Данный портрет принадлежит «лубочному» варианту печатной графики. (Благодарю Э. А. Тарасову, сотрудника ГЭ, за это ценное наблюдение, высказанное ею при посещении выставки гравюр «Вся жизнь их должна быть посвящена народу». ГМЗ «Петергоф». 2015 г.)

[25] Рукописный отдел ГЭ. Ф. II. Оп. XIV А. 1850 г. Ед. хр. 23. О литографиях и картинах, посланных на имя г. дежурного камердинера Государя Императора для предоставления Его величеству. Л. 4.

[26] Архив Ораниенбаума ГМЗ «Петергоф». Оп. КДМ 61. Опись церкви 1873 г. Раздел: в) № 31–41.

[27] РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 131. 1849–1850 гг. Л. 35. Дело о кончине ГВК Михаила Павловича. «Имею честь довести до сведения Дворцового Правления, что Ризница, устроенная в память почивающего в Бозе Великого Князя Михаила Павловича из малинового бархату, бывшего в употреблении при погребении тела Его Императорского Высочества, для придворной Пантелеймоновской церкви прошлаго года 29 декабря мною получена из придворной конторы двора ВКЕП… в торжественный день начала нового лета и празднования Церковного рождения Ея Императорского Высочества освящена по чиноположению и обновлена на священнослужении литургии и молебна, и за сим передана диакону для хранения и внесения в опись Пантелеймоновской Церкви».

[28] РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 1500. 1855 г. Л. 4, 11. Об уступке, имеющейся при Ораниенбаумской церкви праздничной ризницы новой православной церкви в Висбадене.

[29] Например, в 1851 г. был принят на хранение библиотекарем Николая Павловича Жилем «…экземпляр гравюры Avant la lettre, изданный Г-жой Песоцкою, с картины Брюллова, избражающей Св. Царицу Александру» (Рукописный отдел ГЭ. Ф. 1. Оп. 1. 1851 г. Ед. хр. 3. Л. 4. О книгах, литографиях и эстампах, поступивших в 1-е отделение Эрмитажа в 1851 году).

[30] Рукописный отдел ГЭ. Ф. 1. Оп. VI «Д». Д. 2. Каталог рисунков и эстампов, принадлежащих Ея Величеству Государыне императрице Александре Федоровне (Феодоровне). 1856 г. Номера указанных в тексте предметов по каталогу: 36 (66) и 124.

[31] РГИА. Ф. 472. Оп. 18 (108/945). Д. 25. 1855 г. По просьбам разных лиц о дозволении им издать рисунки, изображающие в Бозе почивающего императора Николая Павловича, сделанные после кончины его величества, а также внутренность кабинета, в котором он скончался. Тут же о заказе профессору барону Клодту конной статуи покойного государя и о дозволении издать рисунки погребального шествия.
В деле содержатся прошения 13 художников и издателей об издании «печальных» изображений.

[32] РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3401. 1860–1861 гг. Л. 7. О вещах, присланных на дачу Александрия и отправленных с оной.

[33] Рукописный отдел ГЭ. Ф. 1. Оп. VI «Д». Д. 6. 1858 г. Каталог рисунков и эстампов Ея величества государыни императрицы Марии Александровны. 1–111. Номера указанных в тексте предметов по каталогу: 82, 1346.

[34] Рукописный отдел ГЭ. Ф. 1. Оп. VI «Д». Д. 5-а. 1859 г. Опись рисунков и эстампов, принадлежащих Его Величеству государю императору Александру Николаевичу. Номер указанного в тексте предмета по каталогу: 916.

[35] РГИА. Ф. 472. Оп. 9. (51/885). Д. 3. 9 февраля 1855 г. — 31 декабря 1855 г. О художественных произведениях и вещах, покупаемых и заказываемых по высочайшему повелению. Тут же о художественных произведениях и вещах, назначаемых в подарок членам императорской фамилии и иностранным владетельным особам. Л. 100 об.

[36] Известно, например, что он выполнил такой же портрет Ф. М. Достоевского, и это свидетельство бытования подобных портретов в обществе того времени.

[37] Предмет в хранении ГМЗ «Петергоф» (КП 80973. Инв. № ОДМП 129-ик).

[38] Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. 8. СПб., 1902. С. 59, 60.

[39] РГИА. Ф. 556. Оп. 1. Д. 569. Записка протоиерея Любимова об Ораниенбаумской придворной церкви. 30 мая 1896 года. «Облачения со всеми принадлежностями для священника, диакона и двух псаломщиков устроенные из покрова золотого глазета, под которым до погребения покоился блаженной памяти герцог Георгий Георгиевич Мекленбург — Стрелицкий, поступили из церкви Михайловского дворца». Л. 4 об.

[40] Предмет в хранении ГМЗ «Петергоф» (КП 80973. Инв. № ОДМП 167-ик). См. сноску 36.

Платонова Мария Анатольевна

ПРОТОИЕРЕЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ПРИДВОРНОЙ ЦЕРКВИ В ОРАНИЕНБАУМЕ ГАВРИИЛ ЛЮБИМОВ: СЛУЖБА БОГУ, ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ СЕМЬЕ И В СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ

Священник Гавриил Маркович Любимов (1820–1899) остался в исторической памяти священником, прославившимся строительством и возобновлением церковных зданий и развитием благотворительных заведений. До смерти великой княгини Екатерины Михайловны в 1894 г. под его управлением находились четыре церкви и две часовни Ораниенбаума, не считая молельных домов в отдаленных деревнях имения. Его служба была связана с великокняжеским двором, что, по нашему мнению, способствовало расцвету тех областей его деятельности, о которых исторические работы молчат.

Причина возникновения положительного исторического образа очевидна. Любимов занимался самопиаром. Публикуя тексты о том, как надо молиться, он позиционировал себя пастырем, который заботился о духовном благополучии прихожан. Изданные им брошюры о развитии богоугодных заведений в Ораниенбауме свидетельствовали, что все они процветали исключительно его радением.

Отношение к институту православной церкви великих княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны требовало, чтобы все внешне оставалось в рамках предписанных правил. Например, настоятель дворцового храма в глазах прихожан всегда должен был оставаться честным и добрым. Это сделало возможным «расцвет» такого типа священника, который знал, как связать службу во Славу Божию и личную выгоду. Ему прощали все, он развивал свои проекты в условиях наибольшего благоприятствования: священнический сан делал его лицом неприкосновенным [1].

В тот период сословная сплоченность служителей белого православного духовенства была усилена радением о родственных связях. Г. М. Любимов после окончания Санкт-Петербургской духовной академии в 1845 г. со степенью кандидата был отправлен в Пермскую духовную семинарию учителем. Но молодой, честолюбивый священник хотел работать в столице или ее окрестностях. В 1846 г.

он был рукоположен к Ораниенбаумской церкви Св. Пантелеймона с согласия Елены Павловны. Скорее всего, похлопотал об этом А. А. Благовещенский, на тот момент бывший настоятелем дворцового храма, на дочери которого женился молодой священник [2]. В 1847 г. Благовещенский был уволен от службы [3] и остался жить в Ораниенбауме рядом с семьей преемника.

Так было обеспечено благополучное начало службы священника Г. М. Любимова со стабильным жалованием от Ориниенбаумского дворцового правления (ОДП). Последнее важно: его жизнь не зависела от численности и щедрости прихожан.

Ил. 1. Портрет священника Г. М. Любимова
Фототипия. Опубл.: Пятидесятилетие Свято-Троицкого богадельного дома в г. Ораниенбауме. СПб., 1911

Ил. 2. Вид на Дворцовую церковь Св. великомученика Пантелеймона
Открытка. Конец XIX — начало XX в. РНБ

Ораниенбаумская церковь была в редкой категории придворных церквей, имевших также прихожан. И это ее двойственное состояние открывало священнику Любимову пути становления уважаемого всеми статуса священника и улучшения собственного материального положения. Самые действенные способы в этом смысле: учреждение благотворительных институтов, ремонт и строительство церковных зданий, ведущие к усилению благолепия служб, авторитету у владельцев и росту церковного рвения прихожан.

К действиям по улучшению службы в старинном храме Св. Великомученика Пантелеймона и теплой церкви во имя Св. Равноапостольных Константина и Елены новый настоятель приступил сразу же. В 1847 г. он инициировал переделку и обновление Зимней церкви, «вновь устроенной» в 1838 г. для служб зимой, в интересах прихода [4]. В нашем случае заодно с ремонтом церкви Г. М. Любимов организовал устройство квартиры своей семье, в которой предполагались две комнатки для Благовещенского [5], а также сарая и конюшни, при этом Любимов выхлопотал специальное содержание на лошадь. Переделка теплой церкви состояла в обновлении образов и устройстве клиросов, обивке войлоком двери, что действительно было актуально в зимнее время [6]. Все было одобрено Еленой Павловной, и у семьи Любимова появилась удобная квартира на содержании великой княгини.

Вопросы финансирования и контроля деятельности ораниенбаумских церквей в 1830–1840-х гг. находились в ведении Санкт-Петербургской Епархиии и Ораниенбаумского дворцового правления. Настоятелю храма Св. Пантелеймона разрешалось взимать деньги за церковные требы для прихожан: крещение, венчание, отпевание — цена каждой из них была определена. Средства, по статье «церковных», поступали в банк. Церковный капитал контролировался ораниенбаумовским правлением, с него тратились средства на нужды ремонта и пр.[7] Все денежные траты, которые предполагались «на содержание и развитие» предприятия, проходили рассмотрение управляющего имением и утверждались великой княгиней.

Молодому и активному священнику это было неудобно. В 1848 г. он обратился к великой княгине с просьбой разрешить, на основании того, что церковь имеет приход, «…кружечный и кошельковый сбор от прихожан в церкви, поскольку он принят повсеместно и с незапамятных времен; он может быть полезен храму божию…». Елена Павловна разрешила [8]. Сколько набиралось средств в кружках, знали только священник и староста церкви, и совершенно не очевидно, что суммы собранного и сданного были одинаковы.

В 1853 г. Любимов озаботился переведением церкви Св. Пантелеймона в ведомство придворного духовенства, поскольку с 1801 г. она официально состояла в Епархиальном [9], но продолжала выполнять распоряжения, поступавшие по придворному духовному управлению. Перевод должен был повысить статус настоятеля и давал возможность сосредоточиться только на служебных придворных требованиях. В прошении о переводе Любимов указал на возникающие из-за двойного подчинения сложности в отправлении обязанностей причта. Перечисляя их, Любимов подчеркивал, что страдают интересы хозяев имения. Так, Любимову было велено отправиться в Гостилицы на крещение евреев, и он пропустил всенощное бдение на тезоименитство Елены Павловны, «…оставил хождение с крестом и святой водой по домам православных крестьян Ея Императорского Высочества, что для них составляет святыню, завещанную им предками»[10], отметим, что во время таких хождений он собирал церковные пожертвования. Это событие великокняжеского двора было более важным для владелицы церкви и ораниенбаумской паствы. Церковное начальство не могло с этим не согласиться.

Потребовали справки о церкви. Оказалось, что к дворцовому храму приписана кладбищенская Св. Троицы церковь, не имеющая собственного причта. Это церковное учреждение с XVIII в. имело приход из жителей Ораниенбаума и окрестных деревень. Узнав о предстоящем изменении статуса придворного храма, горожане обратились к великой княгине с просьбой оставить существующее положение дел без изменений в силу сохранения традиций, они опасались, что им будет запрещено посещать храм Св. Пантелеймона, и «…не отлучить их от возможности приносить молитвы Св. Угоднику в церкви его имени»[11]. В сентябре 1853 г. дворцовый храм была переведен в Придворное ведомство и остался приходским для города. Приписанная к нему кладбищенская церковь — в Епархиальное с сохранением прихода сельских жителей [12]. Такое решение не вызвало поддержки у Ораниенбаумского дворцового правления и настоятеля. В специальном прошении Любимов указал, что крестьянам неудобно ходить в нее, что содержание церкви и богадельни при ней происходит от горожан. Существенными были соображения финансового характера. Церковь при кладбище имела значительные сборы, при вступлении в силу этого указа

необходимо было бы нанимать для нее отдельно причт и платить ему содержание из этих денег, вести отдельную отчетность перед Епархией и пр.[13] Во втором прошении было подчеркнуто, что оно написано по поручению Елены Павловны, заботящейся о прихожанах и пожелавшей, чтобы все осталось как прежде[14]. Кладбищенская церковь была возвращена в ведение Любимова[15]. Таким образом, сохранив все, что было, настоятель церкви исключил епархиальное начальство как контролирующий орган.

В эти же годы, когда Любимов вел ремонт храма Св. Пантелеймона, по его ходатайству было отремонтировано и помещение ризницы. Можно констатировать, что объективно настоятель улучшил состояние вверенных его попечению церквей, усилил благолепие молитвенного утешения, сохранив при этом все возможные способы получения допускаемых церковью доходов.

Все это время, с момента вступления в должность, Г. М. Любимов занимался преподаванием Закона Божия в учебных заведениях Ораниенбаума. Кроме того, он, в назидание пастве, опубликовал в 1850 г. брошюру о праздновании храмового праздника Св. Пантелеймона, объясняя его смысл и значение, и книжечку с объяснением смысла дней страстной недели, пропагандируя верное понимание и этого важного события в жизни каждого верующего[16]. На поприще духовного воспитания Г. М. Любимов справедливо оставил по себе добрую память.

Но при этом священник искал пути к улучшению собственного благосостояния. Он решил, что эффективный способ для этого — сбор средств для перестройки и расширения богадельни при кладбищенской церкви. В XIX в. благотворительность в обществе почиталась необходимым делом. Если же это давало возможность еще и обеспечить себе постоянное поминовение после смерти, то такой «вклад» денег, особенно среди рационального купечества, считался особенно полезным и выгодным.

В богадельне при Троицкой церкви с 1818 года жили старушки, добывавшие себе пропитание сбором подаяний в городе. Подавая им, жители города были уверены, что они, вернувшись ночевать, помянут их ушедших родственников в кладбищенской церкви, улучшив их положение на том свете. Молитва от таких людей считалась самой действенной. В 1820 г. императрица Елизавета Алексеевна, владелица Ораниенбаума в то время, обратила августейшее внимание на это заведение и обеспечила его обитателей одеждой,

Ил. 3. Вид на Свято-Троицкий богадельный дом. Опубл.: Пятидесятилетие Свято-Троицкого богадельного дома в г. Ораниенбауме. СПб., 1911

постельными принадлежностями и едой. Этот высокий пример стал образцовым, и Любимов неоднократно обращался к нему как к эталонному поведению по отношению к богадельне[17]. Позже учреждение находилось под покровительством великих княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны[18], ибо богадельня находилась на их земельных владениях. С конца 1850-х гг. Любимов начал собирать деньги на улучшение богадельни. Покровительство августейших персон и то, что деньги собирались на «вечное поминовение» благодетелей, обеспечило успех проекта.

Собирая пожертвования, священник несколько расширил религиозное сознание жителей Ораниенбаума. Он стал собирать средства не только для того, чтобы поминовение за упокой душ постоянно осуществлялось после смерти родных жертвователя и его самого, но и на то, чтобы при жизни благодетелей творились постоянные молитвы за их здравие. Мысль простая, рациональная, богоугодная. Это сработало, люди стали жертвовать капиталы и недвижимость, чтобы на проценты этих вкладов содержались «кровати», а их пользователи обеспечивали бы непрерывное моление. К 1861 г. Свято-Троицкий богадельный дом был заново отстроен, меблирован, освящен и высочайше утвержден. Он успешно работал

многие годы, в 1884 г. там содержалось 115 человек[19]. О типе этого заведения попечитель Любимов написал: «Существует в виде полуиноческой обители с постоянными службами поминовениями благодетелей»[20]. Учреждение было превращено настоятелем в значимое и уважаемое.

Но за этим человеколюбивым и богоугодным деянием скрывалась история о воровстве. Великой княгине Елене Павловне пришлось буквально оплачивать ситуацию, созданную Любимовым. После торжественного открытия дома в 1861 г., к 1862 г. оказалось, что за богадельным домом числится долг. Пока строили и улучшали помещение богадельни и служебные флигели на собранные благотворителями средства, Любимов выстроил двухэтажный дачный дом на этой же территории и в счет тех же денег[21]. Дворцовое правление выявило долг по строительству не согласованного с ним сооружения. Сумма была определена в 10 тыс. руб. серебром, 3 тыс. руб. уже были оплачены из средств ораниенбаумского имения. Священник должен был вернуть всю сумму. Он, указав, что «не имеет возможности уплачивать долги за дом»[22], предложил продать от имени правления дом тестю, протоиерею Благовещенскому, так, чтобы тот выплатил 7 тыс. руб. кредиторам, а уже оплаченные 3 тыс. руб. взял из ссудного капитала ораниенбаумского правления под проценты, прибавив к ним еще 800 руб. для окончательной отделки дачного дома[23]. Сделку великая княгиня Елена Павловна утвердила[24]. Потом Любимов попросил Елену Павловну передать безвозмездно землю под домом и окружающую территорию с садом в вечное и потомственное владение Благовещенскому. Великая княгиня разрешила[25]. Очевидно, что в семье Благовещенского-Любимова «деньги водились», а щедростью хозяйки имения и ее желанием избежать публичного скандала ловко пользовались.

К 1866 г., когда умер Благовещенский, ситуация усугубилась. За истекшее время никто долга в 3800 руб. не платил, учитывая проценты, сумма его увеличилась, и это обремененное долгом имущество перешло в собственность жены Любимова[26]. Пришло время вновь решать проблему. Любимов, не стесняясь, сообщает ОДП, что хочет подарить от имени жены дачный дом в пользование богадельни, хотя на нем долг 4623 руб.[27], но он уверен, что сумеет собрать от благодетелей к концу года до 30 тыс. руб. на вечное поминовение, увеличит капитал богадельни и решит проблему с долгом[28]. Любимову отказали[29]. К 1868 г. проблема была

еще не решена. Последовала новая попытка подарить дом с долгом богадельне. Не удалось. Переписка Любимова с правлением велась долго, на многих страницах дела ораниембаумские служащие Елены Павловны подсчитывали возможные доходы богадельного дома из ценных бумаг и недвижимости, кстати, дачный домик приносил доход за лето в 600 руб.[30] В результате, с мягкой формулировкой, «…прот. Любимов, увлекаясь первоначальными успехами в собирании денег на устройство богадельного дома, по неопытности в таких делах, впустился в слишком обширные постройки, с которыми впоследствии средства оказались малыми, уже долгое время страдает под бременем принятых им лично обязательств и более еще в том внимании, что весь богадельный дом существует только вследствие его, Любимова стараний, то ДП полагало бы возможным, дачный дом со всеми пристройками, мебелью и прочим принадлежностями принять в собственность и распоряжение богадельни за сумму 8000 р. <…> за этим освободить протоиерея Любимова и тестя его Благовещенского от всяких обязательств, касающихся до этого дома»[31]. Елена Павловна утвердила это решение, переложив всю финансовую тяжесть решения проблемы на свое Дворцовое правление. Представляется, что объяснение этому простое: хозяйка имения, учитывая общественное признание деяний Любимова по расширению богадельни, не хотела «выносить сор из избы». Имение было ее собственностью, и чувство фамильной чести развитым. Получается, на самом деле именно она вложила большую долю капитала — дарением земли и дачным домом — в существование Свято-Троицкого дома призрения. Любимов получал доходы от дачного дома с 1861 по 1868 г. в свою пользу. Но имя великой княгини как основного спонсора этого учреждения так нигде и не прозвучало.

Другим родом деятельности протоиерея Любимова, сделавшим его известным, было строительство и возобновление церквей и часовен в Ораниенбауме и окрестностях. Мы расскажем об одной из этих историй: о неоднократном возобновлении часовни Св. Преподобного Арефы в городском ораниенбаумском лесу. Это дело вызвало особый интерес главы Придворного духовного ведомства из-за вмешательства общественности.

В июле 1885 г. к протопресвитеру И. Л. Янышеву (1826–1910) обратился гофмейстер двора Елены Павловны с просьбой приписать к кладбищенской церкви Св. Троицы часовню Св. Арефы, находящуюся в ораниенбаумском лесу. Речь шла о сооружении,

возведенном в середине 1830-х гг. при кладбище военного госпиталя, тогда учрежденного. После окончания Крымской войны госпиталь был переведен в Петергоф, а кладбище закрыто. Часовня осталась, «хотя и в ветхом виде». «Назад тому 3 или 4 года часовня возобновилась, усердием частного лица и оную стали посещать, в значительном числе богомольцы, возжигая лампады и масло и принося с собой масло и свечи.»[32] Опасаясь пожара, Городская дума Ораниенбаума решила поставить здесь караулку для сторожа, но часовня «не находится ни в каком духовном ведомстве»[33]. Теперь просят приписать ее к кладбищенской Св. Троицы, состоящей при Пантелеймоновской придворной церкви[34]. Прошение было вызвано необходимостью определить ответственность за здание и сборы от кружек, которые предполагалось направить «в пользу Ораниенбаумского Общества вспомоществования бедным и для безплатного лечения бедных в тамошней больнице»[35].

Глава придворного духовенства, как и Елена Павловна, не нашел препятствий для присоединения часовни к системе ораниенбаумских придворных церквей и дал об этом указание. Часовня Св. Арефы была особенно важна для ораниенбаумского причта, поскольку летом она привлекала к себе огромное количество богомольцев. В брошюре о часовне Г. М. Любимов рассказал: «Но Господу угодно было чтобы часовня была возобновлена. Плотник Анисим Данилов страдал болезнью глаз, не мог вылечится, и решил сделать доброе дело — возобновить часовню. После этого болезнь прошла. И это событие прославило часовню, сюда стали стекаться богомольцы». После совершения чудесного исцеления, с 1881 г. стали свершать молебствия и крестные ходы, первые собиравшие 200–300 человек, вторые — 1000 человек и более[36]. Указанное количество богомольцев мы вспомним позже, но сейчас отметим, что такое количество людей оставляли в церкви много денег, и это происходило без контроля со стороны церковных и светских властей до 1885 г., притом что все молебствия и сбор денег осуществлял ораниенбаумский причт.

В октябре 1886 г. Янышев выразил недоумение, что, хотя часовня была внесена «в табель часовен придворного духовного ведомства», из отчетов Любимова «не следует о ней никаких сведений»[37]. В деле приведена полученная от Любимова справка, из которой становится ясно, что он считает часовню все еще не находящейся официально в его ведомстве и пишет, что «до мая текущего (1886 г. — *М. П.*),

не было богослужений в часовне. Исключая частного приглашения и желания богомольцев»[38]. Отметим разницу изложенного с приведенной цитатой из брошюры этого же автора, где годом начала богослужений и крестных ходов обозначен 1881 г. Важна оговорка «частного приглашения», значит, действительно, все доходы от деятельности в часовне ораниенбаумского причта официально не фиксировались. Однако нельзя было утаить, что деньги там собирались, и Любимов признает: «Мною в нее дано 2 кружки одна в пользу сирых г. Ораниенбаума, вторая на масло в лампады в часовне. Продажа свеч производится не официально. Деньги идут на содержание сторожки, сторожа, дорог к часовне. Ассигнования думы недостаточно»[39]. Отметим, что сразу определился и расход, который забирает доход, думские деньги, и, главное, этого не хватает. Последнее станет лейтмотивом всех писаний Любимова к Янышеву по поводу часовни.

Ил. 4. Вид на часовню Преподобного Арефы Печерского. Фототипия Опубл.: *Любимов Г. М.* Часовня в честь преподобного Арефы Печерского чудотворца в городском лесу, близ гор. Ораниенбаума С.-Петербургской губ. М., 1896

Через год по поводу часовни разразился скандал. Янышев получил письмо, подписанное почтенным гражданином, прихожанином церкви Архангела Михаила и домовладельцем в городе Ораниенбауме, отставного флота генералом-майором Василием Захаровым. Последний выразил беспокойство тем, что в газетных статьях «Кронштадского вестника» (№ 87 от 26 июля и № 95 от 14 августа) сказано, что прихожане не понимают, как ораниенбаумский причт использует собираемые в часовнях деньги.

Янышев был неприятно поражен тем, что это обсуждается прихожанами, стало быть, страдает общественное «лицо» придворного духовенства в целом. Понятно, что любые истории, связанные с воровством, ведут к потере денег для придворной церкви как организации. О последнем было сказано в письме: «Вообще сбор в церквах настолько достаточен, что город мог бы иметь свой собственный

причт[40] — это доказывается тем, что в настоящее время, протоиерей Любимов нанимает для служб, находящихся здесь заштатных священников и дьяконов»[41]. Далее из письма следовало, что Любимов состоит в родстве со старостой двух крупнейших церквей ораниенбаумского церковного объединения. Любимов и Чистяков (староста, на дочери которого был женат сын Любимова. — *М. П.*) заставили честного старосту Маятникова оставить эту выборную должность в церкви Св. Троицы, поскольку тот рассказал о «…странных требованиях протоиерея Любимова касательно этих денег, на которые Маятников не соглашался как на противозаконные, заставили его, по настоянию-же Любимова, сложить с себя обязанность старосты, против своего желания, чтобы не входить в пререкания с священником и удалиться от зла и греха»[42]. Генерал-майор добавил, что священники и староста, по сути, спекулируют местами на кладбище и не известно куда идут доходы от пожертвованных и купленных для церкви домов[43].

Известие о том, что у Пантелеймоновской придворной церкви имеются в собственности дома, сдаваемые внаймы, которыми заведует Чистяков и которые перепродавались через Любимова[44], возмутило главу придворного духовенства, поскольку он о них не знал и в документах доходы от них не обозначались. Налицо было нарушение правил службы в Придворном духовном ведомстве.

19 января Янышев направил ораниенбаумскому причту и старостам вверенных ему церквей требование ответить на эти вопросы. «Усмотрев из напечатанной в газете „Кронштадский вестник“ за минувший 1887 год №№ 87 и 95, на сих дня доставленных мне двух корреспонденций из Ораниенбаума, что вверенная вам часовня преп. Арефа, возобновленная в 1883 году была в 1886 году перенесена на другое место и вместо нея построена г. Вишняковым новая обширившая часовня, предлагаю вам объяснить мне, справедливы ли сообщаемые корреспондентом известие, и если справедливо, то почему, вопреки церковным постановлениям <…> допустили вы построение новой часовни без моего разрешения и что сделано с первой часовней? В тех же корреспонденциях сообщается о щедрых будто бы денежных даяниях, поступающих в кружки при помянутой часовне. Усматривая, что в годичных отчетных ведомостях о приходах и расходах сумм по Оран. Церквам вы досель не означали количества суммы, высыпаемой из часовенных кружек считаю долгом, во избежание… неосновательных предположений на этот счет, предоставить вам в отчетной ведомости за истекший 1887 год раздельно и с точностию обозначить, сколько поступило за год пожертвований в кружки при часовне преп. Арефы, а равно в кружки городской часовне, и сообщить, сколько было таких поступлений в 1884–1886 годах.»[45]

Ответный рапорт Г. М. Любимова от 4 февраля был полон изъявлений недоумения, раскаяния в очевидных проступках и уверений в лояльности к департаменту. По делу там сообщалось следующее: действительно, когда купец Вишняков взялся построить новую, большую по размеру часовню для удобства богомольцев в 1886 г., часовня уже состояла с 1885 г. в ведомстве придворного духовенства, и строительство необходимо было согласовать с Янышевым. Любимов признает и раскаивается в своем проступке, оправдываясь интересами членов августейшей фамилии: «Принимая во внимание, что в первом возобновленном виде часовня не удовлетворяла требованиям богомольцев и угрожала опасностью пожара, что неоднократно имели усердие посещать оную члены императорской фамилии: государь великий князь Николай Николаевич старший и государыня великая княгиня Екатерина Михайловна, дочь ея высочество принцесса Елена, что… окончательной отделки и украшение часовни в лучшем втором возобновленном виде (которое произошло бы в случае, если бы он сообщил о строительстве в департамент. — *М. П.*) можно было лишиться <…>, я затруднился стеснять усердие г. Вишнякова <…>, в чем искренно, с сознанием нашей виновности и прошу милостивого Вашего Высокопреподобия прощения и отеческаго снисхождения»[46]. Священник добавил, что первая часовня была разобрана, а новая стоит на том же месте[47]. Что касается доходов по часовне, со слов Любимова, их нет, есть только долги, сделанные на проведение дороги и сторожку[48].

Но, учитывая наличие карандашных помет Янышева по ходу чтения всего доклада, Любимову ввести его в заблуждение не удалось. У главы департамента было много вопросов и по церковной недвижимости, где показания самого Любимова противоречили тем отчетам, которые он же присылал несколькими годами раньше. Воровство денежных сумм, жертвуемых прихожанами и собираемых от аренды церковного имущества, было очевидным.

Но вернемся к часовне Св. Арефы. В декабре 1889 г. часовня, по рапорту от Любимова к Янышеву, сгорела дотла[49]. Теперь планы и фасады новой церкви были официально утверждены

в Строительном отделении СПб губернского правления и у Янышева испросили разрешения на возведение нового здания[50]. К июню1891 г., к открытию дачного сезона, она была полностью отстроена за счет страховки, щедрости богомольцев и пр. История со строительством и туманностью расходования денежных средств повторилась, хотя на сей раз в департамент придворного духовенства были отправлены списки жертвователей и собранных средств, но без сметы строительства и истории их расходования.

И в этом случае протоиерей Г. М. Любимов не был наказан. Во всяком случае, документов об этом пока не найдено. Безусловно, воровство не является столь тяжким нарушением церковного устава как ересь. В результате историческая оценка деятельности главы ораниенбаумского причта осталась исключительно как образцовая.

[1] Примечательно, что в короткий срок, когда управление имением находилось в ведении гофмаршала двора великого князя Михаила Павловича, отношение к предшественнику в должности и будущему тестю Любимова протоиерею А. А. Благовещенскому (1783–1866) было жестким. Так, в ответ на его просьбу предоставить ему в вечное и потомственное владение землю для строительства собственного дома ему ответили следующим образом: «…готовы отдать на 15 лет, как везде почти нынче принято с тем, чтобы по истечении оных оно опять вместе со строениями, какие возведены будут, должно поступить в Дворцовое правление». Очевидно, что Михаил Павлович не сделал для священника исключения (РГИА. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2354. Дело о прошении священника Благовещенского об исходатайствовании ему в вечное пользование места у Троицы между придворными флигелями. 1834 г. Л. 5–5 об.).

[2] РГИА. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2374. О формулярных списках Ораниенбаумской придворной церкви. 1855 г. Л. 6 об., 7 об.

[3] РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 1245. Разные списки о чиновниках и служащих в ведомстве Ораниенбаумского дворцового правления. 1846–1849 гг. Л. 33.

[4] РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 1035. По отношению священника Придворной Пантелеймоновской церкви Благовещенского об освящении устраиваемой вновь теплой церкви в притворе, смежном с холодною Большою Церковью во имя Св. Равноапостольных Константина и Елены. Л. 1, 10.

[5] Хотя по статистическим епархиальным сведениям «О. Андрей был переведен сюда из Ропши и, сдавши место зятю в пятидесятых годах, еще долго после этого жил в *своем домике* (выделено мною. — *М. П.*), находящемся в городе на одной из верхних улиц» (см.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. В. 9. [I]. СПб., 1884 [5]. С. 26).

[6] РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 1253. О переделке и устройстве придворной церкви и поправке квартир, занимаемых разными лицами в зданиях дворцовому правлению принадлежащих. 1847–1849 гг. Л. 10.

[7] Там же. Л. 8 об.

[8] Там же. Л. 19, 20.

[9] РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Ед. Хр. 146. По запросу канцелярии МИДа о том, состояли когда-нибудь церкви Каменноостровская, Госпитальная, городов Павловска и Ораниенбаума в Придворном ведомстве. 1839 г. Л. 8 об.

[10] РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 1419. Об оставлении дворцовых крестьян на прежнем основании при Придворной Пантелеймоновскй церкви. 1853–1853 гг. Л. 10.

[11] Там же. Л. 16–16 об.

[12] Там же. Л. 20, 21.

[13] Там же. Л. 23 об, 26, 28 об.

[14] Там же. Л. 30.

[15] Там же. Л. 33–33 об.

[16] См: Два слова в храмовый праздник Св. Великомученика и Целителя Пантелеймона. — 27 июля, произнесенная в Ораниенбаумской придворной Пантелеймоновской церкви священником Гавриилом Любимовым. СПб.,1850; Три слова на страстную седмицу, произнесенные в ораниенбаумской придворной Пантелеймоновской церкви священником Любимовым. СПб., 1850.

[17] См., например: *Любимов Г. М.* Богадельный дом при церкви Св. Живоначальной Троицы в Ораниенбауме на кладбище. СПб.,1860.

[18] См., например: Свято-Троицкий Богадельный дом в Ораниенбауме, состоящий под Августейшим покровительством Ея Имп. Выс. Государыни Великой Княгини Екатерины Михаиловны первое 25-летие. 1861–1882. 28 июля. СПб., 1886.

[19] Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. С. 29.

[20] Свято-Троицкий Богадельный дом в Ораниенбауме… С. 4.

[21] РГИА. Ф. 492. Оп. 2. Д. 1808. По рапорту священника Любимова о продаже дачного дома, находящегося при богадельне Протоиерею Андрею Благовещенскому. 25 апреля 1862 г., 15 июля 1865 г. Л. 25 об. В 1865 г. Ораниенбаумское дворцовое правление, возвращаясь в очередной раз к рассмотрению этого дела, сформулировало это в докладе великой княгине Елене Павловне следующим образом: «Дачный дом устроен Любимовым вместе с Богадельным домом в 1861 году. Но не был принят с Богадельным за неуплату употребимых к его устройству денег и с использованием материалов на сам Богадельный дом и таким образом дачный дом остался собственностью Любимова…».

[22] Там же. Л. 1.

[23] Там же. Л. 2.

[24] Там же. Л. 8.

[25] Там же. Л. 12, 14.

[26] Там же. Л. 15–15 об.

[27] Там же. Л. 17–17 об.

[28] Там же. Л. 27.

[29] Там же. Л. 26 об.

[30] Там же. Л. 30.

[31] Там же. Л. 39–39 об.

[32] РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1522. О приписке к кладбищенской церкви г. Ораниенбаума принадлежавшей военному госпиталю часовни Св. Арефы, находящейся около Ораниенбаума в городском лесу. Здесь же о пожаре этой часовни в 1889 г. и о постройке новой часовни на этом же месте в 1890 г. 1885–1892 гг. Л. 1–1 об.

[33] Там же. Л. 2.

[34] Там же. Л. 1 об., 2.

[35] Там же.

[36] Часовня в честь преподобного Арефы печерского чудотворца, в городском лесу, близ города Ораниенбаума, С.-Петербургской губернии. М., 1896. С. 3.

[37] РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1522. О приписке к кладбищенской церкви г. Ораниенбаума принадлежавшей военному госпиталю часовни Св. Арефы, находящейся около Ораниенбаума в городском лесу. Здесь же о пожаре этой часовни в 1889 г. и о постройке новой часовни на этом же месте в 1890 г. 1885–1892 гг. Л. 3 об.
[38] Там же. Л. 5.
[39] Там же. Л. 5 об.
[40] Речь идет о городском храме Ораниенбаума, построенном и освященном в 1866 г. во имя Архангела Михаила, который был приписан к придворной церкви Св. Пантелеймона.
[41] РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 1522. О приписке к кладбищенской церкви г. Ораниенбаума принадлежавшей военному госпиталю часовни св. Арефы, находящейся около Ораниенбаума в городском лесу. Здесь же о пожаре этой часовни в 1889 г. и о постройке новой часовни на этом же месте в 1890 г. 1885–1892 гг. Л. 11 об.
[42] Там же. Л. 11.
[43] Там же. Л. 11 об, 12.
[44] Там же. Л. 11–11 об.
[45] Там же. Л. 6 об.
[46] Там же. Л. 14–14 об.
[47] Там же. Л. 14 об.
[48] Там же. Л. 15 об.
[49] Там же. Л. 19.
[50] Там же. Л. 21.

Распопова Ирина Петровна,
Ушенина Ольга Сергеевна

АРЕНСЫ В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ АДМИРАЛТЕЙСТВЕ

Аренсы — старинный немецкий дворянский род. По некоторым источникам, первый представитель их рода И. Аренс приехал в Санкт-Петербург в 1739 г. из Ганновера и служил при дворе Анны Иоанновны. По другим источникам, Аренсы приехали из Голландии еще при Петре I. Русские Аренсы никогда не были богаты и обеспечивали свое благосостояние службой, по преимуществу военной. Имена представителей этой семьи можно найти в военных энциклопедиях и справочниках [1].

В данной работе речь пойдет о заведующем загородными судами и Петергофской военной гаванью, хранителе Большого Готторпского глобуса Е. И. Аренсе, его семье и их пребывании в царскосельском Адмиралтействе [2].

Евгений Иванович Аренс родился 4 января 1856 г. в Киеве. Проходил обучение в Морском училище [3] в Санкт-Петербурге. С 1873 по 1875 г. кадетом совершал плавания по Финскому заливу на корветах «Варяг», «Гиляк», «Боярин». В 1876 г. произведен в гардемарины и 1 декабря зачислен в отряд Гвардейского экипажа [4]. Еще гардемарином, в ходе Русско-турецкой войны (1877–1878), он был прикомандирован к действующей армии, в рядах которой принимал участие в военных действиях на реке Дунае. Там он был награжден знаком отличия Военного ордена 4-й степени, которым гордился более своих последующих отличий, хотя был удостоен всех российских орденов до Белого Орла включительно (1916)[5]. Дело в том, что орден Св. Георгия являлся чрезвычайной редкостью среди морских офицеров, которые, в отличие от сухопутных, даже в военное время не производились из нижних чинов. Аренс же получил свой солдатский крест еще до того, как в 1877 г. стал мичманом за отличие, после чего был удостоен первой офицерской боевой награды — ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

В 1880 г. Аренс был назначен членом Комиссии по описанию действий морских команд на Дунае. Эта Комиссия работала

Ил. 1. Е. И. Аренс. Опубл.: Петровское время в лицах — 2011. К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011). СПб., 2011

в рамках создания многотомной истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

После войны Е. И. Аренс служил на миноносцах Балтийского флота. В 1883–1885 гг. совершил кругосветное плавание на клипере «Стрелок»[6].

На протяжении нескольких лет, с 1886 по 1891 г., Аренс плавал на императорской паровой яхте «Держава». В 1892 г. заведовал катерами императорской фамилии. С 1893 по 1898 г. плавал в должности старшего офицера на императорской яхте «Александрия» между Санкт-Петербургом, Кронштадтом и Петергофом[7].

В 1896 г., по окончании Николаевской морской академии, Евгений Иванович стал председателем Комиссии по написанию истории Гвардейского морского экипажа, в котором служил.

Одним из самых важных этапов в карьере Аренса стало приглашение в том же году читать курс лекций по русской военно-морской истории в Николаевской морской академии. Ранее в программе единственного высшего военно-морского заведения России такого предмета не было — именно Аренс занялся его разработкой и расширил программу, охватив период с древнейших времен до конца XIX в.[8]

14 февраля 1898 г. приказом № 40 по Морскому ведомству был отчислен с должности старшего офицера императорской яхты «Александрия»[9]. С 13 апреля по 14 июня 1898 г. плавал на императорских гребных катерах и был их заведующим.

29 июня 1898 г. приказом № 139 по Морскому ведомству капитан 2 ранга Гвардейского экипажа Е. И. Аренс был назначен на должность заведующего загородными судами и Петергофской военной гаванью[10].

В своей статье «Евгений Иванович Аренс — хранитель Большого Готторпского глобуса с 1901 по 1913 год»[11] правнучка

Аренса А. Г. Каминская пишет, что «…с конца XIX в. квартиру в здании Адмиралтейства занимал морской офицер Евгений Иванович Аренс с семьей, исполнявший к этому моменту должность заведующего загородными судами императорской флотилии и Петергофской военной гаванью». Ссылаясь на рукописные дневники известного искусствоведа и зятя Е. И. Аренса Н. Н. Пунина, автор статьи утверждает, что в первом этаже жилой половины здания Адмиралтейства располагались кабинет, библиотека, столовая и гостиная, а на втором этаже были комнаты детей, спальни, еще одна библиотека и гостиная.

Поскольку в ГМЗ «Царское Село» никаких сведений о расположении служебной квартиры заведующего загородными судами в здании Адмиралтейства не сохранилось, была поставлена цель: найти какие-либо архивные документы о пребывании семьи Аренс в царскосельском Адмиралтействе.

В РГИА, в фонде Царскосельского дворцового управления (ЦДУ), хранятся пять книг «для записывания прибывающих и отбывающих по зданиям Екатерининского и Александровского дворцов», а также всех парковых павильонов, в том числе по зданию Адмиралтейства.

В книге за 1902–1903 гг.[12] имеется самая ранняя отметка о прибытии Е. И. Аренса в Адмиралтейство, датируемая 11 октября 1901 г., когда он вместе с супругой Евдокией Семеновной, тремя дочерями Верой, Зоей, Анной и сыном Львом въехал в служебную квартиру в здании Адмиралтейства. При этом в графе «Откуда и когда прибыл в дом» стоит отметка «Возобновлен 16 октября 1898 г.». Вероятно, именно в этот день впервые семья Аренс прибыла из Санкт-Петербурга в выделенную им квартиру в Царском Селе, после назначения Евгения Ивановича на должность заведующего Царскосельской флотилией.

В РГА ВМФ было найдено письмо, написанное бароном В. Б. Фредериксом управляющему Морским министерством П. П. Тыртову, датируемое 14 апреля 1899 г., следующего содержания: «Уважаемый Павел Петрович! / В виду значительных неудобств квартиры, занимаемой зимой в Царском Селе заведующим загородными судами и Петергофской военной пристанью капитаном 2 ранга Аренсом, и невозможности, несмотря на производимый ремонт, устранить эти неудобства, начальник Царскосельского Дворцового Управления, за неимением других помещений, остановился на мысли

приспособить для квартиры заведующего загородными судами свободное ныне здание шлюпочной мастерской при Адмиралтействе в Царском Селе, не изменяя при том ничего в наружном виде зданий Адмиралтейства. / Так как упомянутая шлюпочная мастерская, по сведениям Царскосельского Дворцового Управления, построена была в 1864 г., распоряжением Морского Министерства и хотя впоследствии ремонтировалась на суммы Министерства Императорского Двора, но в Дворцовое ведомство не была передаваема, то я имею честь предварительно покорнейше просить Ваше Превосходительство уведомить меня, не встречается ли с Вашей стороны каких-либо препятствий к осуществлению вышеобъясненного предположения генерал-майора Ионова. Барон Фредерикс»[13].

На основании этого письма можно предположить, что в год назначения на должность заведующего Е. И. Аренсу была предоставлена квартира не в комплексе Адмиралтейства, а в другом месте. Кроме того, текст письма свидетельствует о том, что до семьи Аренсов в здании шлюпочной мастерской при Адмиралтействе никто не жил и что как жилое помещение оно было приспособлено специально для его семьи. Таким образом, летом 1899 г., после передачи шлюпочной мастерской в ведение Царскосельского дворцового управления[14], семья Аренсов была определена в служебную квартиру в комплексе «Адмиралтейство».

«Книги пребывающих и отбывающих…» уточняют некоторые факты жизни семьи: в 1901, 1907–1912 гг. семья покидала Царское Село в конце весны — начале лета, переезжая в Петергоф, где находилась Петергофская военная пристань, начальником которой являлся Евгений Иванович. Очевидно, что в летнее время объем работы заведующего в Петергофе был значительно больше, чем в других резиденциях, поскольку военная пристань была местом прибытия и отправления императорских, великокняжеских и иностранных судов — присутствие заведующего там было важнее, чем в Царском Селе.

Несмотря на отсутствие в книгах за 1900 и 1902–1906 гг. записей о пребывании Е. И. Аренса, можно предположить, что на летние месяцы семья Аренсов каждый год покидала Царское Село, переезжая в Петергоф. Сведений о служебной квартире Евгения Ивановича в Петергофе пока не обнаружено.

Летом в Адмиралтейство приезжал другой представитель фамилии. Это был брат Евгения Ивановича — Аполлон Иванович Аренс[15] со своей семьей: супругой Верой Владимировной, сыном

Ил. 2. Семья Аренсов. Слева направо: Евдокия Семеновна, Вера, Анна, Лев, Зоя, Евгений Иванович. Царское Село. 1908. Опубл.: *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма. М., 2000

Георгием и дочерью Лидией. Однако, судя по отметкам, сделанным в книгах, Аполлон Иванович не заменял своего брата по службе, а проживал в Адмиралтействе как «на даче». Именно такая пометка стоит в книгах напротив его фамилии.

Также стало известно, что у обеих семей Аренсов был свой штат прислуги, включая бонн, портних, нескольких гувернанток, учительниц, лакея и комнатного мальчика. Были те, кто работал в семьях на протяжении нескольких лет, переезжая с ними с места на место, и те, кто не задерживался даже на месяц. Например, имеются сведения о пребывании с семьей Е. И. Аренса в Адмиралтействе с 1902 по 1907 г. французской гражданки М.-Ж. Леру, которая работала бонной. Другая французская гражданка Р. Лоше с 1 июня по 29 августа 1905 г. была «надзирательницей за детьми» Аполлона Ивановича. Также осенью 1906 г. и весной 1907 г. зафиксировано пребывание гувернантки Эмилии-Марии Антоновны Михальской. С ноября 1909 г. по январь 1910 г. при Е. И. Аренсе был лакей С. Т. Магний, жена которого с 1908 г. была прислугой в доме Аренсов.

В одной из книг 1906 г. имеется запись о пребывании на службе в Адмиралтействе титулярного советника Гвардейского экипажа Ф. М. Кичигина[16] с супругой и племянником Иваном. У Кичигиных также была своя прислуга.

Помимо Аренсов и Кичигина, весной в Адмиралтейство на несколько месяцев приезжали шлюпочные мастера, которые, вероятно, занимались подготовкой шлюпок к летнему сезону катания на Большом озере.

В 1903–1904 и 1904–1905 гг., с осени до весны, с семьей Евгения Ивановича жил студент юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета В. А. Гаккель, ставший в 1912 г. мужем Веры Аренс. С ноября 1905 г. по сентябрь 1906 г. с Аренсами жил его брат А. А. Гаккель, который был студентом историко-филологического факультета этого же университета. Напротив их фамилий в книге стоит пометка «В гостях у Аренса».

После того, как сведения о пребывании семьи Аренса в Царском Селе были подкреплены архивными источниками, стало логично выяснить, что входило в обязанности заведующего загородными судами. К сожалению, на данном этапе работы поиски должностной инструкции заведующего не увенчались успехом. Однако были найдены различные документы, по которым можно представить приблизительную картину обязанностей Евгения Ивановича.

В РГА ВМФ был обнаружен документ «Об объединении должностей заведующего загородными судами и начальника Петергофской военной гаванью», датируемый 1885–1887 гг., в котором представлена подробная историческая справка об объединении и разделении вышеуказанных должностей между офицерами Гвардейского экипажа. Из документа следует, что до 1875 г. эти две должности были объединены и исполнялись одним офицером. В январе 1875 г. последовало высочайшее разрешение «обязанности эти разделить между двумя лицами, с выделением каждому столовых по 1200 рублей и морского довольствия по 60 рублей в месяц»[17]. В 1885 г. было принято решение вновь объединить эти должности.

Известно, что, кроме своих прямых обязанностей заведующего, Е. И. Аренс занимался написанием трудов по истории флота. Очевидно, что над основными своими работами, такими как «Роль флота в войне 1877–1878 гг.» (1903), «Конспект по русской военно-морской истории» (1910), «Морская сила и история после 1910 г.» (1912) Аренс работал именно в Царском Селе в зимние и весенние месяцы,

Ил. 3. Масленичный маскарад в царскосельском Адмиралтействе. Февраль 1912 г. Опубл.: *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма. М., 2000

когда шлюпки были убраны в сараи на хранение и работы становилось меньше. В конце предисловия одной из книг можно увидеть дату и место написания: «29 апреля. 1912 г. Царское Село».

Как любой занимающий высокую должность офицер, Е. И. Аренс готовил отчеты и доклады, которые отправлял в Главный морской штаб. Так, 15 апреля 1907 г. из ученого отдела Главного морского штаба Аренс получает запрос, в котором его просят сообщить следующие сведения: «1. В чьем распоряжении состоят загородные суда в Гатчине, Петергофе, Царском Селе, Павловске и Стрельне; 2. В чьем пользовании находятся эти суда и в случае, если ими не пользуются высочайшие особы, на какой срок, какие именно и на каких условиях предоставляются они в общее пользование; 3. В каких местах хранятся суда и кому принадлежат здания хранилищ, и на чей счет производится ремонт этих зданий; 4. Как распределены нижние чины в каждом из пунктов и какие обязанности исполняются ими в разные времена года. Какую роль играют нижние чины в тех случаях, когда шлюпки отдаются для общественного использования»[18]. Попросили Аренса изложить по возможности, «хотя бы вкратце» историю возникновения гребных судов в каждом

из загородных пунктов, а также уточнить, на чей счет были заведены гребные суда разных типов.

В ответ Е. И. Аренс составляет подробные разъяснения: «1. Прежде, все загородные суда состояли в ведении Морского Министерства и в непосредственном распоряжении заведующего этими судами. Но в 1892 г., согласно предписаниям Командира Санкт-Петербургского Порта за № 20374 и 23731, суда в Павловске и в Стрельне были сданы местным дворцовым управлениям, и выписаны в расход 16 декабря этого же года. 2. За исключением Стрельны, где судами пользуются только Высочайшие особы, в остальных загородных резиденциях суда служат также и для надобностей публики, причем установлен следующий порядок: А. В Царском Селе все шлюпки (типы разных речных судов), кроме собственно Императорских (в Александровском парке), предоставляются с Высочайшего соизволения для катания публики на Большом Царскосельском озере, безвозмездно, на все время навигации. Б. В Гатчине, во время пребывания там Высочайших особ, все шлюпки находятся исключительно в Их распоряжении. В остальное время они, за незначительными изъятиями, отпускаются публике на тех же основаниях. В. В Петергофе, кроме Царских (в Александрии) и портовых шлюпок (в гавани) имеется также несколько ялов для публики (на Ольгином острове). Последними можно пользоваться лишь во время Высочайшего пребывания в Петергофе, тоже безвозмездно. Г. В Павловске, всеми шлюпками, за исключением состоящих в распоряжении Великого князя Константина Константиновича, предоставлено пользоваться публике в течение всей кампании безвозмездно. 3. В Царском Селе, в Гатчине и в Стрельне суда хранятся в помещениях и на земле Дворцового ведомства; в Павловске частью в сарае Дворцового Управления (у Розового павильона), частью в Голландии Морского ведомства; в Петергофе — в военной гавани. Здания ремонтируются теми ведомствами, коим они принадлежат. 4. Зимой, когда в кампании находятся лишь Царское Село и Гатчина, в этих пунктах состоят на морском довольствии 34 человека; в Петергофе, на береговом довольствии, 13 человек. Летом — по программе плавания, до 100 человек, причем они распределяются примерно таким образом: Петергофская военная гавань — 34; Сад «Александрия» — 18; Стрельна — 4; Павловск — 7; Царское Село — 15; Гатчина — 18. Нижние чины обслуживают свои суда, участвуют в их ремонте, занимают посты у мачт, паромов, Голландии и прочее, а в Петергофе несут и особые обязанности по морской охранной службе. Кроме того, они принимают участие в рыбной ловле Высочайших особ, в устройстве ледяных гор в Гатчине и т. п. Во время катания шлюпок с публикой, они, руководствуясь существующими для этого правилами, наблюдают за безопасностью катающихся и за сохранностью судов»[19].

На вопрос об истории возникновения судов Е. И. Аренс ответил: «Для составления хотя бы краткой истории возникновения загородных судов документальных данных пока в моем распоряжении, к сожалению, не имеется. Если впоследствии мне удастся их добыть, то я не премину препроводить их в дополнение к настоящей справке. 22 мая 1907 года»[20].

Таким образом, очевидно, что в подчинении у Аренса находилось около 100 человек матросов, которые должны были поддерживать в порядке загородные суда. Можно сказать, что роль Евгения Ивановича была в большей степени управленческой. Из доклада видно, что историей возникновения загородных флотилий до 1907 г. он не занимался и, скорее всего, в дальнейшие годы — тоже.

В 1906 г. в ведении Е. И. Аренса было 165 загородных судов, 65 из которых находились в Царском Селе. Царскосельская флотилия оставалась самой богатой вплоть до 1917 г. Об этом свидетельствует рапорт уже следующего заведующего, подполковника Кичигина, от 8 июня 1917 г., к которому он прилагает список паровых, парусных и гребных судов, находившихся в загородных резиденциях по состоянию на 1 мая 1917 г. Общее количество судов, находившихся в Павловске, Гатчине, Царском Селе, Петергофе, Стрельне и селе Ильинском, в 1917 г. составляло 172. Из них 65 судов находились в Царском Селе, 45 — в Гатчине, 30 — в Петергофе.

Как уже было сказано выше, семья Аренсов состояла из шести человек: родителей, трех дочерей и сына. Две старшие девочки (Вера и Зоя) воспитывались в Смольном институте, младшая Анна (домашнее имя Галя) окончила царскосельскую школу Е. С. Левицкой, где обучались совместно мальчики и девочки, что для того времени было необычайно прогрессивно. Сын Лев учился в Николаевской гимназии. Вера стала поэтом и переводчиком, Зоя посвятила себя педагогической деятельности с глухонемыми, составляла для них пособия и книги, Анна поступила в 1-й женский медицинский институт и работала врачом-терапевтом, Лев, закончив университет, стал ученым энтомологом и поэтом.

Пушкинские места, поэтический облик дома и, главное, присутствие трех милых девушек и молодого человека, образованных, интересующихся литературой, музыкой, театром, почти неизбежно должны были сделать Адмиралтейство местом встреч, бесед, развлечений, центром молодежных вечеров.

В гостях у Аренсов по вечерам собиралась молодежь, чтобы обсудить стихи, рассказы, статьи, как собственного сочинения, так и признанных и начинающих мастеров. Здесь устраивались праздники, маскарады, загадывались шарады, ставились спектакли. Встречи в Адмиралтействе приобрели регулярный характер, их одухотворял общий интерес к искусству, придававший смысл этим собраниям. Кружок был назван молодыми людьми «Салоном наук и искусств». Общение участников «Салона наук и искусств» происходило в тесном творческом симбиозе, колыбелью которого стало Царское Село.

Адмиралтейство в этот период посещали многие будущие деятели культуры, искусства и науки. В рукописном архиве Российской национальной библиотеки сохранилось письмо химика-технолога, искусствоведа и коллекционера, профессора В. А. Щавинского Вере Аренс: «Я очень рад, Вера Евгеньевна, что Вам понравилась опера. Вы не должны меня очень ругать за то, что я не приехал к Вам на костюмированный вечер. Знаете ли, я совсем не умею веселиться коллективно»[21].

Сохранилась любительская фотография, на которой запечатлен масленичный маскарад 1912 г. в Адмиралтействе: кто-то в турецкой чалме, кто-то в костюме восточного звездочета. В пестрой толпе можно различить сестер и брата Аренсов, братьев Пуниных (Николая и Леонида) и их сестру, поэта графа В. Комаровского. Присутствовали на нем и В. М. Дешевов[22], Е. А. Полетаев[23], а также Николай Гумилев, Владимир Гаккель, Мария Степанова[24]. Всего 36 человек.

Очаровательные дочери Евгения Ивановича не могли не волновать умы и сердца молодых людей, собиравшихся в Адмиралтействе. Красотой Веры Евгеньевны, старшей дочери, многие очаровывались. В нее влюблялись пылкие юноши, чьи надежды и чаяния были разбиты в прах в 1912 г., когда девушка вышла замуж и всем своим завидным женихам предпочла скромного инженера В. Гаккеля. Но знаки мужского внимания Вера, как истинная женщина, всегда ценила. В 1912 г. она записала в своем дневнике: «Размышляя

Ил. 4. Неизвестный фотограф. Вид на комплекс «Адмиралтейство» и пристань на берегу Большого пруда в Екатерининском парке. 1890-е. ГМЗ «Царское Село»

о том, что хотелось бы остаться жить в памяти людей после смерти, и, отчаявшись оставить большой исчерпывающий портрет (картину), хочу, чтобы на могильном камне были вырезаны слова Н. Гумилева о моей красоте: „Многоуважаемой Вере Евгеньевне Аренс. / Микеланджело, великий скульптор, / Чистые линии лба изваял; / Светлый ласкающий пламенный взор / Сам Рафаэль в минуты восторга писал. / Даже улыбку, что нету нежнее, / Перл между перлов и чудо чудес, / Создал веселый властитель Кипреи / Феб златокудрый, возничий небес“» (Н. Гумилев. Путь конкистадоров. 1905)[25].

Две из сестер впоследствии ответили взаимностью на галантные ухаживания братьев Пуниных. Спустя время, когда семья уже проживала в Санкт-Петербурге, Зоя вышла замуж за Александра, а через несколько лет Анна (Галя) стала женой Николая. Но все неоднократно замечали, что именно Царское Село «обвенчало» их. В своих воспоминаниях сами они не раз возвращались в юные годы, в наполненные возвышенными чувствами царскосельские вечера.

Из дневника Н. Н. Пунина: «6 марта 1915 г. В понедельник я мог быть свободен, но мне необходимо быть на выставках. За мной теперь числятся в „Аполлоне“ — статья о Федотове и рецензия на Денисова, в „Северных записках“ — статья о выставках, статья

о скульптуре и рецензия на А. Бенуа, в музее — каталог и в моем сердце — рассказ о царскосельском парке»[26].

В. Е. Аренс получила признание в кругу поэтов, занималась переводами. Было найдено оригинальное свидетельство ее посещения литературно-артистического кабаре «Бродячая собака», одного из центров культурной жизни Серебряного века, — записка на визитной карточке художника Е. Е. Лансере, сына известного скульптора Е. А. Лансере, с просьбой «пропустить на свои собрания в качестве собрата по искусству Веру Евгеньевну Аренс-Гаккель»[27].

С 1913 г. Вера печатала свои стихотворения в различных журналах и альманахах. Она выступала на вечерах в Доме искусств вместе с М. Кузминым и О. Мандельштамом.

С гимназических лет Лев Аренс пробовал свои силы в литературе, писал стихи. Он обращался за помощью и поддержкой к Гумилеву и записал в воспоминаниях: «Гумилев прослушал мои стихи, прочитал новеллы, и отозвался о них довольно-таки критически, сказал, что слог мне не удается, слишком много прилагательных и т. д. Отзыв Гумилева охладил мой творческий пыл, и я бросил писать почти до 30-ти лет, когда я вошел в группу, примыкавшую к футуристам. В 1910 г. я услышал, что Гумилев женится на неизвестной мне тогда Ахматовой. Вскоре он нанес вместе с ней визит моим родителям в Адмиралтействе, я в это время был там и увидел ее впервые. Запомнилось, как Гумилев шел под руку с Ахматовой по коридорам Адмиралтейства»[28].

Увлечение Гумилева далекими африканскими странами сложилось из множества факторов. Творческая интеллигенция Серебряного века тяготела к новым землям и людям, их населявшим: одной из особенностей искусства этого времени стало обращение к культуре «нецивилизованных» этносов. Еще в бытность учеником Царскосельской гимназии будущий поэт интересовался опытом русских военных офицеров, побывавших в Африке. Среди них был и Е. И. Аренс. Рассказы о путешествиях, экзотические фотографии, привезенные Евгением Ивановичем, не могли не взволновать юношу. Вдохновленный Гумилев совершил несколько поездок в Эфиопию, и, как следствие, его поэзия была пронизана африканскими мотивами. Также он собрал богатый этнографический материал, который впоследствии вошел в состав коллекции Музея антропологии и этнографии[29].

Пребывание семьи Аренсов в царскосельском Адмиралтействе послужило особым импульсом к появлению

литературно-художественного кружка, где переплетались творческие, романтические и дружеские линии судеб участников. Даже спустя годы дети Е. И. Аренса будут тесно связаны с именами ключевых поэтов Серебряного века — Гумилевым и Ахматовой. Так, через полвека, когда Ахматова проводила свои летние месяцы в комаровской «будке», за ней обычно ухаживали и вели хозяйство супруги Аренсы — Сарра Иосифовна и Лев Евгеньевич.

Царскосельское прошлое объединяло А. А. Ахматову, Н. Н. Пунина и А. Е. Аренс в послереволюционные годы всеобщей ломки и перемен. В революционное время семья Аренсов уничтожила сведения, касающиеся их жизни в Царском Селе. Свет на данный вопрос проливают воспоминания современников, в частности изданные дневники Н. Н. Пунина, собранные в книге «Мир светел любовью».

Как подтверждение особенной, символической значимости Адмиралтейства в жизни семьи Евгения Ивановича и участников «Салона наук и искусств», в июне 1913 г., когда Аренсы покинули Царское Село навсегда, Пунин написал: «Только что вернулся из Адмиралтейства и бесконечно грустное настроение. Вышел на „Праще“ на озеро, закатывалось солнце, Адмиралтейство было огненным, были, как иглы, раскаленные стволы сосен. Объехал вокруг острова, вокруг Шквала, один; первый раз было грустно как бы до боли и первый раз не хотелось грусти, уйти бы куда-нибудь, потому что это ужасно, что все проходит. Потом прошел по пустым комнатам дома, снял шляпу в гостиной из благоговения, постоял, подумал, не хватало подойти к роялю и взять какую-нибудь ноту. В сущности, я ничего не думал, ничего не вспоминал, но было сиротливо, как матери после смерти детей, как мужу, от которого ушла жена…»[30].

Приложение 1

СВЕДЕНИЯ О ПРЕБЫВАНИИ В АДМИРАЛТЕЙСТВЕ СЕМЕЙ Е. И. АРЕНСА, А. И. АРЕНСА И ДРУГИХ ЛИЦ

ФИО	Род занятия, место службы	Откуда и когда прибыл в дом	Когда и куда выбыл
Семья Евгения Ивановича Аренса			
Аренс Евгений Иванович С супругой и детьми	На квартиру	Возобновлен 16 октября 1898 г.	Не указано
		11 октября 1901 г. Из Петергофа	Не указано
		12 ноября 1907 г. Из Петергофа	4 июня 1908 г. в Петергоф
		Сентябрь 1909 г. Из Петергофа	Не указано
		Возобновлен 28 января 1910 г.	20 мая 1910 г. в Новый Петергоф
		6 сентября 1910 г. Из Петергофа (с женой и дочерью Анной)	26 мая 1911 г. В Петергоф
		Из Севастополя 1 ноября 1911 г.	18 июня 1912 г. В Петергоф
Аренс Евдокия Семеновна	При муже	Возобновлен 16 октября 1898 г.	Не указано
		22 октября 1907 г. Из Петергофа	11 июня 1908 г. в Петергоф
		Не указано	23 мая 1910 г. в Петергоф
		6 сентября 1910 г. Из Петергофа	26 мая 1911 г. В Петергоф
		из Севастополя 14 декабря 1911 г.	Не указано
Аренс Вера Евгеньевна Дочь	При матери	Из Петергофа 22 октября 1907 г.	В Севастополь 22 ноября 1907 г.
		Из Санкт-Петербурга 28 января 1910 г.	30 апреля 1910 г. за границу
		Из-за границы 30 сентября 1910 г.	18 апреля 1911 г. за границу
		Из Севастополя 14 декабря 1911 г.	Не указано

ФИО	Род занятия, место службы	Откуда и когда прибыл в дом	Когда и куда выбыл
Аренс Зоя Евгеньевна Дочь	При отце	Из Санкт-Петербурга 1 апреля 1910 г.	30 апреля 1910 г. за границу
		Из-за границы 30 сентября 1910 г.	26 мая 1911 г. в Петергоф
		Из Севастополя 1 ноября 1911 г.	Не указано
Аренс Лев Евгеньевич Сын	При матери	Из Петергофа 22 октября 1907 г.	В Петергоф 4 июня 1908 г.
		Из Петергофа 25 августа 1908 г.	Не указано
		Из Санкт-Петербурга 15 октября 1909 г.	Выбыл 6 июля 1910 г. в Новый Петергоф
		Из Санкт-Петербурга 12 ноября 1911 г.	Не указано
Семья Аполлона Ивановича Аренса			
Аренс Аполлон Иванович Его жена Вера Владимировна Дочь — Лидия, сын — Георгий	На даче	Из Санкт-Петербурга 22 июня 1899 г.	В Санкт-Петербург [дата не указана]
		Из Санкт-Петербурга 23 мая 1910 г.	6 июля 1910 г. в Санкт-Петербург
		Из Санкт-Петербурга 14 июня 1911 г.	16 августа 1911 г. в Санкт-Петербург
Аренс Вера Владимировна Жена подполковника Дочь — Лидия (14 лет) Сын — Георгий (11 лет)	На даче	19 июня 1904 г.	3 сентября 1904 г.
		Из Ялты 1 июля 1905 г.	28 августа 1905 г. в Санкт-Петербург
		28 июня 1906 г.	18 августа 1906 г. в Санкт-Петербург
		23 мая 1910 г.	6 июля 1910 г.
		14 июля 1911 г. из Санкт-Петербурга	16 августа 1911 г. в Санкт-Петербург
Другие лица			
Зинченко Олимпиада Варфоломеевна Дочь потомственных дворян	В гостях в Адмиралтействе	Из Киева 12 июля 1900 г.	На родину 1 августа 1900 г.

ФИО	Род занятия, место службы	Откуда и когда прибыл в дом	Когда и куда выбыл
Александров Захар Крестьянин Могилевской губернии Женат	Шлюпочный мастер	Из Петергофа 6 марта 1908 г.	19 мая 1908 г. в Павловск
		10 марта 1909 г.	23 мая 1909 г. в Санкт-Петербург
		Из Санкт-Петербурга 3 марта 1911 г.	17 мая 1911 г. в Санкт-Петербург
Васильев Александр Мещанин, г. Боровичи Новгородской губернии Женат	Шлюпочный мастер	Из Санкт-Петербурга 2 апреля 1908 г.	19 мая 1908 г. в Павловск
		28 мая 1908 г. Из Павловска	27 октября 1908 г. в Павловск
		Из Санкт-Петербурга 2 апреля 1909 г.	9 мая 1909 г. в Санкт-Петербург
Рехи Александр Юганов	Шлюпочный мастер	2 апреля 1908 г.	19 мая 1908 г.
		28 мая 1908 г.	14 июня 1908 г.
Кичигин Федор Максимович Титулярный советник Гвардейского экипажа. Его жена — Анна Филипповна	На службе	Переведен 16 октября 1906 г.	Не указано
Кичигин Иван Племянник Ф. М. Кичигина	Воспитанник	Из Кронштадта 9 апреля 1907 г.	В Вологду 6 июня 1907 г.
		21 октября 1907 г.	29 октября 1907 г.
		22 августа 1911 г.	Не указано
Гаккель Владимир Андреевич, ставший в 1912 г. мужем Веры Аренс	В гостях у Аренса	Из Санкт-Петербурга 20 сентября 1903 г.	12 июня 1904 г.
		Из Вологды 4 сентября 1904 г.	2 июня 1905 г. в Вологду
Гаккель Андрей Андреевич Студент	В гостях у Аренса	Из Санкт-Петербурга 18 ноября 1905 г.	25 сентября 1906 г.

Таблица составлена на основе сведений из архивных дел РГИА: Ф. 487. Оп. 9. 701. Книга для записывания прибывающих и отбывающих по зданию Адмиралтейства. 1902–1903 гг.; Ф. 487. Оп. 9. 704. Книга для записывания прибывающих и отбывающих по зданию Адмиралтейства. 1902–1903 гг.; Ф. 487. Оп. 9. Д. 706. Книга для записывания прибывающих и отбывающих по зданию Адмиралтейства. Начато в 1907 г.

Приложение 2

СВЕДЕНИЯ О ПРЕБЫВАНИИ В АДМИРАЛТЕЙСТВЕ ПРИСЛУГИ СЕМЕЙ Е. И. АРЕНСА, А. И. АРЕНСА И Ф. М. КИЧИГИНА

Откуда и когда прибыл в дом	ФИО	Возраст	Вероисповедание	Род занятия, место службы	Когда и куда выбыл
Из Санкт-Петербурга 19 октября 1899 г.	Белова Любовь Алексеевна Крестьянка Вологодской губернии	39 лет	Православная	Прислуга при Адмиралтействе	В Санкт-Петербург 13 мая 1900 г.
Из Санкт-Петербурга 12 июля 1899 г.	Ваишля (?) Агата Андреевна Крестьянка	33 года	Католичка	Прислуга	В Санкт-Петербург 21 августа 1899 г.
Из Санкт-Петербурга 22 июня 1899 г.	Грипфельд Матильда Митавская Мещанка	20 лет	Лютеранка	Бонна	В Санкт-Петербург 12 августа 1899 г.
5 июня 1899 г.	Иванова Авдотья Крестьянка Псковской губернии	20 лет	Православная	Прислуга Адмиралтейства	1 сентября 1899 г.
15 января 1910 г. С родины					30 апреля 1910 г. в Санкт-Петербург
С родины 29 октября 1901 г.	Королькова Александра Клементьевна Крестьянка Олонецкой губернии	23 года	Православная	Прислуга у Аренса	В Санкт-Петербург 1 января 1902 г.
Из Санкт-Петербурга 25 сентября 1899 г.	Кузик Мария Петровна Крестьянка Лифляндской губернии	22 года	Лютеранка	Бонна Адмиралт.	В Санкт-Петербург 26 июня 1900 г.
14 июля 1899 г.	Мальгина Наталья Герасимовна Крестьянка Олонецкой губернии	35 лет	Православная	Кухарка при Адмиралтействе	16 апреля 1900 г.

Откуда и когда прибыл в дом	ФИО	Возраст	Вероисповедание	Род занятия, место службы	Когда и куда выбыл
17 марта 1899 г.	Стурит Минна Михайловна Крестьянка Лифляндской губернии	28 лет	Лютеранка	Бонна при Адмиралтействе	В Санкт-Петербург 12 августа 1899 г.
Из Санкт-Петербурга 13 мая 1900 г.	Абрамова Варвара Петровна Ярославской губернии	30 лет	Не указано	Прислуга	Выбыла в Царское Село д. Сергеево. 7 сентября 1900 г.
Из Царского Села 29 октября 1901 г.	Носкова Мария Пантелеевна Крестьянка Санкт-Петербургской губернии	32 года	Православная	Прислуга у Аренса	2 ноября 1901 г.
Из Царского Села 27 сентября 1901 г.	Пыскло Франциско Ламжинской губернии	31 год	Католичка	Прислуга у Аренса	В Санкт-Петербург 2 октября 1901 г.
Из Павловска 1 февраля 1902 г.	Алексеева Ольга Крестьянка Псковской губернии	16 лет	Православная	Прислуга Ее сестра Алена — 19 лет — прислуга у боцмана до апреля 1902 г.	Выбыла в Павловск 20 февраля 1902 г.
Из Санкт-Петербурга 1 февраля 1902 г.	Рубин Агнетта Ивановна	26 лет	Католичка	Прислуга у Аренса	Не указано
Из Санкт-Петербурга 21 мая 1902 г.	Короткина Ирина Яковлевна Крестьянка Могилевской губернии	26 лет	Православная	Прислуга у Аренса	На родину 26 сентября 1902 г.

Откуда и когда прибыл в дом	ФИО	Возраст	Вероисповедание	Род занятия, место службы	Когда и куда выбыл
17 мая 1902 г.	Леру Маргарита-Жозефина (французская гражданка)	45 лет	Не указано	Бонна у Аренсов	11 февраля 1903 г.
28 сентября 1904 г.					12 июня 1905 г. в Петергоф
Из Петергофа 21 сентября 1905 г.					6 июля 1906 г. в Петергоф
18 сентября 1906 г.					21 мая 1907 г. в Петергоф
14 октября 1903 г.	Гогешевская (?) Жердели-Каролина Крестьянка Виленской губернии	36 лет	Католичка	Кухарка у Аренса	28 января 1904 г.
11 ноября 1902 г.	Короткина Мария Яковлевна Крестьянка Новгородской губернии	23 года	Православная	Прислуга у Аренса	19 июня 1903 г. в Павловск
24 июня 1903 г.	Короткина Ирина Ивановна Крестьянка Могилевской губернии	56 лет	Православная	Прислуга полковника Аренса	22 августа 1903 г.
17 ноября 1903 г.					12 февраля 1904 г.
С родины 11 ноября 1902 г.	Гущина Елена Дмитриевна Крестьянка Санкт-Петербургской губернии Девица	18 лет	Не указано	Прислуга у Аренса	3 мая 1903 г.
С родины 20 сентября 1903 г.					11 мая 1904 г.
19 июня 1904 г.	Кириллова Татьяна Крестьянка Новгородской губернии	23 года	Православная	Прислуга у Аренса	3 сентября 1904 г.
15 апреля 1906 г.					6 июня 1906 г.
18 сентября 1906 г.					14 марта 1907 г.

Откуда и когда прибыл в дом	ФИО	Возраст	Вероисповедание	Род занятия, место службы	Когда и куда выбыл
19 июня 1904 г.	Дюбка Ефимия Матвеевна Крестьянка Витебской губернии	23 года	Православная	Прислуга у Аренса	2 января 1905 г.
Из Санкт-Петербурга 1 июня 1905 г.	Лоше Роза Французская подданная Из Гранвиля	32 года	Р. Католичка	Гувернантка Надзирательница за детьми	29 августа 1905 г.
5 декабря 1905 г.	Лузин Эва Индрикова Крестьянка Лифляндской губернии	25 лет	Лютеранка	Неразборчиво	9 декабря 1905 г.
19 июня 1904 г.	Герасимова Аксинья Крестьянка Новгородской губернии	59 лет	Православная	Кухарка у Аренса	3 сентября 1904 г.
18 сентября 1906 г.					22 января 1907 г.
Из Царского Села 4 апреля 1904 г.	Алексеева Наталья Крестьянка Тверской губернии Вдова	Не указано	Православная	Прислуга у Аренса	В Петергоф 27 мая 1904 г.
7 января 1905 г.					2 июня 1905 г. в Петергоф
18 октября 1905 г.					3 января 1906 г.
Из Санкт-Петербурга 1 июня 1906 г.	Сидорова Татьяна Васильевна Мещанка Калужской губернии	31 год	Православная	Горничная у Аренсов (вероятно, у Аполлона Ивановича)	29 августа 1905 г.
11 января 1906 г.	Городова Вера Ильинична Вологодская мещанка Девица	51 год	Православная	Кухарка у Аренса	22 апреля 1906 г.
11 января 1906 г.	Смирнова Ефимия Семеновна Крестьянка Витебской губернии	17 лет	Старообрядка	Прислуга у Аренса	5 июня 1906 г. в Петергоф

Откуда и когда прибыл в дом	ФИО	Возраст	Вероисповедание	Род занятия, место службы	Когда и куда выбыл
12 апреля 1906 г.	Брокан Анна Григорьевна Крестьянка Витебской губернии	45 лет	Не указано	Прислуга у Аренса	18 сентября 1906 г.
Из Санкт-Петербурга 25 июля 1907 г.	Демидова Евдокия Васильевна Крестьянка Архангельской губернии	16 лет	Православная	Прислуга	28 мая 1908 г. в Царское Село
С родины 15 марта 1907 г.	Кудесова Наталья Васильевна Крестьянка Вологодской губернии	24 года	Православная	Портниха у Кичигиных	27 мая 1907 г. в Санкт-Петербург
С родины 11 февраля 1909 г.	Кудесова Александра Васильевна	21 год	Православная	Портниха у Кичигина	28 апреля 1909 г. в Санкт-Петербург
9 ноября 1906 г.	Бишоп Карлина Оттовна Крестьянка Лифляндской губернии Девица	20 лет	Лютеранка	Прислуга у Аренса	21 мая 1907 г. в Петергоф
21 октября 1907 г.					11 июня 1908 г. в Петергоф
1 сентября 1908 г. Из Петергофа					11 июня 1909 г. на родину
Из Царского Села 6 ноября 1908 г.	Геращенкова Василиса Петровна Крестьянка Витебской губернии	35 лет	Старообрядка	Прислуга у Кичигиных	19 марта 1909 г. в Царское Село
20 мая 1908 г. из Софии	Магдий Дарья Александровна Крестьянка Подольской губернии Замужняя	26 лет	Православная	Прислуга у Аренсов	9 марта 1909 г. в Софию
Из Царского Села 23 мая 1909 г.					2 июля 1910 г. на родину

Откуда и когда прибыл в дом	ФИО	Возраст	Вероисповедание	Род занятия, место службы	Когда и куда выбыл
23 марта 1909 г.	Попова Вера Яковлевна	27 лет	Православная	Кухарка Кичигина	22 сентября 1909 г. в Софию
10 июля 1909 г.	Попова Пелагея Яковлевна	29 лет	Православная	Прислуга Кичигина	23 августа 1909 г. в Санкт-Петербург
С родины 11 февраля 1909 г.	Кудесова Александра Васильевна Крестьянка Вологодской губернии	21 год	Православная	Портниха у Кичигина	28 апреля 1909 г. в Санкт-Петербург
Из Санкт-Петербурга 14 мая 1909 г.				Портниха у Аренса	18 июня 1909 г. в Санкт-Петербург
Из Санкт-Петербурга 9 марта 1911 г.		22 года		Портниха у Кичигина	18 марта 1911 г. в Санкт-Петербург
Из Санкт-Петербурга 22 августа 1911 г.				При квартире у капитана Кичигина	6 сентября 1911 г. в Санкт-Петербург
Из Санкт-Петербурга 4 ноября 1909 г.	Магдий Сергей Трофимович Матрос I степени Гвардейского экипажа; из крестьян Подольской губернии. Женат	27 лет	Православный	Лакей у генерала Аренса	8 января 1910 г. в Санкт-Петербург
Из Севастополя 22 сентября 1906 г.	Михальская Эмилия — Мария Антоновна — домашняя учительница	23 года	Р. Католичка	Гувернантка у Аренса	В Москву 4 декабря 1906 г.
Из Москвы 17 марта 1907 г.				В гости к Аренсам	2 мая 1907 г. в Санкт-Петербург
Из Санкт-Петербурга 12 ноября 1907 г.					10 декабря 1907 г.
Из Санкт-Петербурга 20 апреля 1911 г.					3 мая 1911 г. в Санкт-Петербург

Откуда и когда прибыл в дом	ФИО	Возраст	Вероисповедание	Род занятия, место службы	Когда и куда выбыл
Из Санкт-Петербурга 26 октября 1907 г.	Тишкина Ирина Григорьевна Крестьянка Могилевской губернии Девица	18 лет	Не указано	Прислуга у Аренсов	В Петергоф 11 июня 1908 г.
Из Царского Села 28 сентября 1908 г.					В Петергоф 11 июня 1909 г.
С родины 20 августа 1909 г.					20 мая 1910 г. в Петергоф
Из Петергофа 6 сентября 1910 г.					30 октября 1910 г. в Севастополь
С родины 30 марта 1910 г.	Демьянова Ольга Михайловна Мещанка Могилевской губернии	17 лет	Православная	Прислуга у Аренсов	6 июля 1910 г. в Новый Петергоф
Из Петергофа 6 сентября 1910 г.					10 ноября 1910 г. в Санкт-Петербург
Из Санкт-Петербурга 23 мая 1910 г.	Грехнева Степанида Андреевна Крестьянка Вологодской губернии	27 лет	Православная	Прислуга у Аренса	6 июля 1910 г. в Санкт-Петербург
Из Санкт-Петербурга 9 октября 1910 г.	Виксна Эмма Яковлевна Крестьянка Лифляндской губернии Девица	19 лет	Лютеранка	Прислуга у Аренса	13 июня 1911 г. на родину
Из Санкт-Петербурга 11 ноября 1910 г.	Васильева Дарья Васильевна Крестьянка Санкт-Петербургской губернии	42 года	Православная	Прислуга у Аренса	19 января 1911 г. в Санкт-Петербург

Откуда и когда прибыл в дом	ФИО	Возраст	Вероисповедание	Род занятия, место службы	Когда и куда выбыл
Возобновлено 17 апреля 1911 г.	Андреева Пелагея Крестьянка Смоленской губернии Замужняя	30 лет	Православная	Прислуга у генерала Аренса	Уехала 26 мая 1911 г. в Петергоф
Из Санкт-Петербурга 13 июня 1911 г.	Грехнева Степанида Андреевна Крестьянка Вологодской губернии	28 лет	Православная	Прислуга у Аренса (вероятно, у Аполлона Ивановича)	16 августа 1911 г. в Санкт-Петербург
Из Санкт-Петербурга 11 декабря 1911 г.	Вишнякова Евдокия Филипповна Крестьянка Ярославской губернии	24 года	Православная	Прислуга у Аренса	Не указано
Из Санкт-Петербурга 12 ноября 1911 г.	Маркова Юлия Марковна Крестьянка Тверской губернии. Девица	22 года	Православная	Не указано	Не указано
21 августа 1912 г.					
21 августа 1912 г.	Андреев Василий Никонорович	13 лет	Православный	Комнатный мальчик у Аренса	Не указано
Из Санкт-Петербурга 17 февраля 1912 г.	Николаева Мария Николаевна Крестьянка Вологодской губернии	22 года	Православная	Портниха у Аренса	18 июня 1912 г. в Петергоф

Таблица составлена на основе сведений из архивных дел РГИА: Ф. 487. Оп. 9. 701. Книга для записывания прибывающих и отбывающих по зданию Адмиралтейства. 1902–1903 гг.; Ф. 487. Оп. 9. 704. Книга для записывания прибывающих и отбывающих по зданию Адмиралтейства. 1902–1903 гг.; Ф. 487. Оп. 9. Д. 706. Книга для записывания прибывающих и отбывающих по зданию Адмиралтейства. Начато в 1907 г.

[1] *Каминская А. Г.* Евгений Иванович Аренс — хранитель Большого Готторпского глобуса с 1901 г. по 1913 г. // Петровское время в лицах. 2011. Материалы научной конференции. Труды ГЭ. СПб., 2011. С. 190.

[2] Комплекс из трех павильонов, называемый Адмиралтейством, был возведен по проекту архитектора В. И. Неелова на берегу Большого пруда в Екатерининском парке. В нижнем этаже центрального корпуса хранились лодки, использовавшиеся для катания придворных по Большому пруду. В XIX — XX вв. здесь находилась коллекция гребных судов разных стран мира, включавшая трешкоуты императрицы Екатерины II и турецкий каик Николая I (подарок султана). В 1901 г. в Большом зале центрального корпуса был установлен знаменитый Готторпский глобус, который был преподнесен в подарок императору Петру I в 1713 г. По сторонам от центрального павильона располагаются два корпуса, издавна называвшиеся Птичными домиками, или Птичниками, в которых прежде содержались различные водоплавающие птицы (утки, лебеди), а также фазаны и павлины. В архитектурный комплекс Адмиралтейства входил Матросский домик, построенный в 1780-х гг. Здесь жили матросы-гребцы, которые в XVIII в. катали по пруду и перевозили гуляющих по парку на остров Большого пруда.

[3] Морское училище — старейшее военно-морское учебное заведение в Санкт-Петербурге. Первоначальное название — Морской кадетский шляхетский корпус (создан в 1752 г.). За годы существования заведения название менялось несколько раз: известно как Морской кадетский корпус (1762–1860-е; 1891–1906), Его Императорского высочества наследника Цесаревича Морской корпус (1906–1916).

[4] Гвардейский экипаж — военно-морская часть русской императорской гвардии.

[5] *Емелин А. Ю.* Морской кадетский корпус: в воспоминаниях воспитанников. СПб., 2003. С. 26.

[6] В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся тетради с его рукописными заметками, с зарисовками каюты, сделанными во время плавания. Там же хранится большая, красиво оформленная папка с фотографиями разных стран, сделанными или приобретенными Е. И. Аренсом во время его путешествия.

[7] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 122. Л. 1. Аренс Е. И. Послужные списки чинов флота и морского ведомства. 1895–1911 гг.

[8] *Емелин А. Ю.* Морской кадетский корпус: в воспоминаниях воспитанников. С. 27.

[9] РГА ВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 72. Л. 57. Приказы по Морскому ведомству за 1898 г.

[10] Там же. Л. 202. Приказы по Морскому ведомству за 1898 г.

[11] Петровское время в лицах — 2011. К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011). Материалы научной конференции. СПб., 2011. С. 190–198.

[12] РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 704. Книга для записывания прибывающих и отбывающих по зданию Адмиралтейства. 1902–1903 гг.

[13] РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 3. Д. 379. 1899 г. Л. 1. Дело о передаче шлюпочной мастерской в Царскосельском Адмиралтействе в ведение Министерства Императорского Двора.

[14] Из доклада по Главному управлению кораблестроения и снабжений от 7 июня 1899 г.: «На постройку этого здания, вместе с эллингом и сараями для хранения гребных судов, было израсходовано в 1863 г. 12 249 руб. и в 1866 г. — на переделку шлюпочной мастерской — 1404 руб. из сумм Морского Министерства, но затем как здание шлюпочной мастерской, так и эллинг с сараями всегда ремонтировались на средства Царскосельского Дворцового Управления. Вследствие того, что Морское ведомство в здании шлюпочной мастерской не имеет надобности, а оное необходимо Царскосельскому Дворцовому Управлению, долгом поставляю испрашивать высочайше Вашего Императорского Величества разрешение на передачу вышеозначенного здания в ведение Министерства Императорского Двора. / На подлинном собственной Его Императорского Высочества Великого князя генерал-адмирала рукой написано: Высочайше разрешено». (Там же. Л. 5).

[15] Аренс Аполлон Иванович (1860–1916) — военный инженер, генерал-майор, штатный преподаватель Николаевской гимназии.
[16] Кичигин Федор Максимович (1854–?) — титулярный советник Гвардейского экипажа. С 1862 по 1865 г. учился в Спасском удельном училище. Был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, светло-бронзовой медалью за войну с Турцией 1877–1878 гг., серебряной медалью в память царствования императора Александра III, Сиамским орденом короны 5-го класса и Румынским железным крестом. С 4 июля 1877 г. по 27 апреля 1878 г. находился в действующей армии в сухопутном походе с Гвардейским экипажем. С 1878 г. регулярно плавал на императорских яхтах «Держава», «Александрия». В 1890 г. назначен Комиссаром императорской яхты «Полярная звезда», на которой плавал до 1905 г. Императрица Мария Федоровна пожаловала ему золотые часы с гербом с такой же цепочкой и в 1903 г. — золотые запонки, украшенные бриллиантами. Был женат, детей не имел (РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 12. Д. 871. Л. 1–9. Кичигин Феодор Максимович. 1 января 1906 г.).
[17] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2. Л. 10. Об объединении должностей заведующего загородными судами Гвардейского экипажа и начальника Петергофского порта. 1885–1887 гг.
[18] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3638. 1907 г. Л. 188.
[19] Там же. Л. 189–190.
[20] Там же. Л. 190.
[21] ОР РНБ. Ф. 33. Д. 30. Л. 5. Письма к В. Е. Аренс-Гаккель. 1910 г.
[22] Дешевов Владимир Михайлович (1889–1955) — советский композитор, царскосельский музыкант-вундеркинд, автор первых советских опер и балетов.
[23] Полетаев Евгений Алексеевич (1885–1937) — филолог, переводчик, библиограф, выпускник Императорской Николаевской Царскосельской гимназии 1903 г.
[24] Степанова Мария Владимировна — дочь командира корабля «Енисей» В. А. Степанова, отказавшегося покинуть тонущий корабль во время Русско-японской войны (1904–1905).
[25] Советские власти не раз напоминали В. Е. Аренс о дружбе с расстрелянным в 1921 г. Гумилевым. Вера Евгеньевна умерла в 1962 г., в возрасте 78 лет и была захоронена на бывшем Преображенском кладбище, ныне кладбище Памяти жертв 9-го января.
[26] *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма. М., 2000. С. 82.
[27] ОР РНБ. Ф. 33. Оп. 13 Д. 20. Л. 1. Лансере Евгений Евгеньевич, художник. Записка на визитной карточке с просьбой о допуске Веры Евгеньевны и Владимира Андреевича Аренс-Гаккелей на собрание в «Бродячей Собаке». 1910-е гг.
[28] *Аренс Л. Е.* Воспоминания // Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991. С. 28–29. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumilev.ru/biography/131/ (дата обращения 16.05.2022).
[29] Альбом «Эфиопская коллекция Николая Гумилева», Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук. [Электронный ресурс]. URL: http://www.collection.kunstkamera.ru/entity/ALBUM/ 1242178607 (дата обращения 07.10.2022).
[30] *Пунин Н. Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма. С. 48.

Рогатнев Алексей Сергеевич

ГВАРДЕЙСКОЕ ОЗОРСТВО

БЫТОВЫЕ ЗАРИСОВКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

За первые пятьдесят лет XIX столетия Российская империя провела двенадцать крупных войн общей длительностью 62 года, если не считать Кавказскую войну, продолжавшуюся 29 лет. Ход этих войн достаточно хорошо изучен, написаны сотни трудов в дореволюционное и советское время и в современной России. Мирная жизнь этой эпохи также привлекала внимание исследователей, ведь это время Пушкина, Лермонтова, декабристов. Однако, отдавая должное подвигам предков на поле боя, на литературной стезе и в общественной жизни, мы должны отметить, что их повседневная бытовая жизнь долгое время оставалась в тени. В последние два десятилетия одним из важнейших направлений исторической науки стала историческая антропология — появились замечательные публикации по истории быта русского общества XV — начала XX в.[1] В том числе и по интересующему нас периоду. Основой данной работы стали нарративные источники, поскольку рассматриваемая тема являлась для современных исследователей лишь одним из направлений, причем не самым главным. Нам же представляется, что изучение подобных явлений жизни русского офицерства достойно описания. И вот почему.

Из дневников, воспоминаний и исследований известно, что офицеры времени правления Александра I постоянно подвергались различным дисциплинарным взысканиям. Ситуация еще более усугубилась при императоре Николае I. Уже в конце царствования Александра I, когда братья императора, великие князья Николай и Михаил, получили под свое командование гвардейские полки, один из офицеров лейб-гвардии Московского полка Н. И. Лорер писал: «Приятности военного звания были отравлены, служба всем нам стала делаться невыносимой!»[2]. Надо учитывать, что это воспоминание будущего декабриста, хотя и вполне лояльные к режиму офицеры позволяли себе позднее, в мемуарах, разделять точку зрения опального бунтовщика. За что же офицеры попадали под репрессии, реальные или мнимые, от вышестоящих чинов?

Необходимо отметить, что мы не рассматриваем чисто уголовные преступления, которые случались в офицерской среде: убийства, подделка ассигнаций и векселей, драки, казнокрадство. Особенно брутальными преступлениями грешили гвардейцы второй четверти XVIII в. — «классика жанра» от лейб-кампании: пьянство на посту, кабацкие драки с использованием оружия, избиения обывателей и сослуживцев, нарушения чинопочитания и субординации и т. п.[3] К началу XIX в. император Павел I подтянул дисциплину в гвардии. Однако и в первой половине XIX в., благодаря описаниям современников, известны чудовищные проделки гвардейских офицеров-балагуров[4]. Что подвигало офицеров на явные нарушения уставов и приказов и в чем эти нарушения выражались?

Первым и самым главным проявлением балагурства мы бы назвали фрондерство офицеров по отношению к власти вообще, и непосредственному командованию в частности. Разумеется — 99 % офицерского корпуса были вполне лояльны власти и постоянно доказывали свою преданность на полях сражений. Даже те, для кого гвардейское озорство в мирное время было одним из основных способов времяпрепровождения. Более того, весьма показательный факт, что во время событий декабря 1825 г. многие фрондеры дистанцировались от декабристов и весьма активно поддерживали нового императора. Среди них были и те, кого Верховный уголовный суд позднее привлекал к расследованию.

Второй мотив — попытка вырваться из военной рутины. Хотя этот мотив достаточно часто связан с первым, как и первый — со вторым. Для большинства офицеров, как гвардейских, так и армейских, решение общества коллег было абсолютной инстанцией. При этом решение офицерского собрания могло противоречить даже воле великих князей и императора. Принятые коллегиально решения проводились в жизнь разными способами, в том числе и весьма экстравагантными.

Третий — поклонение «Его величеству азарту». Не секрет, что русское общество XIX в. было поклонником игр. Имения закладывались, состояния проигрывались, часто в игру включались казенные суммы. В легендах остался проигрыш жены чиновником А. Н. Голициным офицеру гвардейского полка Л. К. Разумовскому.

Четвертый, и самый, по нашему мнению, главный мотив — банальное «гусарство», желание выделиться, возможность стать, хотя бы и на краткое время, центром слухов или модным кутилой.

Пятый — постоянное противостояние офицеров, особенно гвардейских, чиновникам статской службы и штатским обывателям, особенно — мещанам. Шестой, как это не покажется странным, — попытка влиять на внешнюю политику империи. Фрондерство в отношении державы, с которой, по мнению офицеров, Россия дружит зря, — обязательный элемент общего озорства. Причем — элемент общеевропейский. Вспомним, например, как прусские офицеры точили свои сабли о ступени посольства Франции в Берлине в преддверии 1806 г.

Если говорить о фрондерстве, то следует вспомнить, что в офицерской среде ходили легенды, в которых уминались те или иные известные шутники гвардии. Как, например, легендарный вызов на дуэль великого князя Константина от кавалергардского офицера Лунина? Согласно классической версии легенды, Константин Павлович был недоволен смотром полка и в сердцах бросил фразу, что, мол, оскорбленные всегда могут потребовать у него сатисфакции. Лунин тут же выехал из строя и выразился в том роде, что такая честь — драться на дуэли с великим князем — не может пройти мимо него. Он — первый в очереди! Скорее всего, эпизод легендарный, так как в воспоминаниях современников и в работах поздних авторов содержится много противоречий по этому сюжету. Однако в реальность этого события верили все вплоть до краха империи. Не важно — был этот случай в реальности или нет, главное — в него верили. Лунин был легендой, он мог абсолютно все: на пари проскакать голышом по столице на коне; поменять вывески ночью на Невском проспекте. Все сумасшедшие пари столицы, все дуэли и выходки — и это Лунин. Он мог и великого князя вызвать на дуэль. Ахиллес русской гвардии! Даже если правдива только четверть рассказов о нем, Лунин достоин встать на один пьедестал с Гермесом. Он — легенда, причем не только среди современников, поскольку его биография продолжала обрастать «подробностями» даже в конце XIX в. Он стал «иконой стиля» гвардейского офицера для нескольких поколений. Замечательную историю со слов И. Д. Якушкина приводит в своих воспоминаниях Н. А. Белоголовый. Одному из генералов очень не нравилось, что офицеры в красносельских лагерях купались обнаженными. Лунин узнал, когда генерал поедет мимо пруда, где купались офицеры, и тут же погрузился в воду. «Генерал еще издали мог увидать странное зрелище барахтающегося в воде офицера, а когда поравнялся, Лунин быстро

вскочил на ноги»[5]. При этом Лунин был в полной парадной форме кавалергарда — в колете, каске, портупее, лосинах, с палашом и ботфортами. Генерал посмотрел на кавалергарда озадаченным взглядом, и тут бравый Лунин почтенно доложил, что генерал запретил купаться в неглиже, потому, «согласно приказу высокопревосходительства», он купается одетым!

Борьба с рутиной в офицерской среде приобретала самые разные формы. Кто-то читал и учился, кто-то играл, а некоторые от скуки хулиганили. Сослуживец Лунина по кавалергардскому полку С. Г. Волконский вспоминал, что, когда полк выводили летом на Черную речку и в Новую Деревню, офицерам часто положительно нечем себя было занять. Они с Луниным держали девять собак, которые развлекали их, приставая к прохожим. Более того, одну из собак научили по команде «Бонапарт» (!) срывать с пешехода шляпу[6]. В другой раз, для одной из девиц, офицеры полка дали концерт на Черной речке. Каждый принес с собой музыкальный инструмент, и офицеры «загудели поднебесный концерт, к крайнему неожиданию прохожего общества»[7]. Все бы ничего, но перед началом серенады все участники залезли на деревья, которыми «речка была обсажена». В другой раз концерт был дан с воды на лодке для императрицы Елизаветы Алексеевны, которая проживала летом на Каменном острове. За нарушителями покоя погнался 12-весельный катер, от которого трубадуры сбежали в устье Черной речки[8]. Еще одним способом развлечения были «кутежные обеды», часто плавно переходившие в ужины. Такие застолья нередко заканчивались либо скачками в неглиже по центру столицы, либо соревнованиями офицеров в прыжках через ящики с шампанским. При этом в таком «стипль-чезе» не считал для себя зазорным принимать участие даже командир кавалергардов генерал Депрерадович[9].

Господин азарт! Он правил офицерским обществом. Причем совсем не обязательно верховодили карты. Так С. Н. Марин сообщает, что в 1804 г. их батальон охватила эпидемия игры с крупным денежными ставками в… шахматы! Буквально все офицеры сделались мастерами, но все заканчивалось если и не дуэлью на шпагах, то дракою с «тасканием за волоса» — точно[10].

Другим вариантом проявления азарта было пари. Часто весьма рискованное. Так, некий офицер Ваксель[11] в царствование Павла I побился об заклад с другими офицерами, что дернет императора за косу. На ближайшем вахт-параде Ваксель вышел из строя, быстро подошел сзади к Павлу и аккуратно дернул его за косу. Недоуменно обернувшемуся императору он со всей почтительностью поведал: «Коса лежала криво, и я дерзнул, поправить, чтобы молодые офицеры не заметили»[12]. За эту выходку Ваксель заслужил благодарность императора и восхищение товарищей. Кавалергард А. П. Чоглоков, видимо подражая Лунину, проскакал по всей Старой Деревне в полной парадной форме — в каске, кирасе и с палашом, но на корове. Корова от огорчения пала[13]. Юный гусарский офицер — будущий знаменитый генерал М. Д. Скобелев — на пари выпрыгнул из окна второго этажа[14]. По утверждению М. И. Пыляева, князь Ф. Ф. Гагарин в 1812 г. поспорил с товарищами, что доставит Наполеону в его главную квартиру два фунта чая. Доставил, был обласкан французским императором и отпущен в расположение русской армии[15].

О страстной любви графа Гагарина к карточной игре ходили легенды. Однажды во время польской кампании офицеры метали банк в палатке. Вдруг под полог просунулась рука с картой, а затем, вместе со ставкой: «Пятерка пик идет ва-банк!», показалась и лысая голова графа[16]. Любые подозрения в нечестной игре наказывались очень жестко. Император Александр I повелел арестовать на две недели четырех офицеров — участников скандальной карточной игры[17]. Ничего доказано не было, но двоих перевели из гвардии в армейские полки. Далеко не всегда пари заканчивались благополучно. Знаменитый гусар, друг Д. В. Давыдова А. П. Бурцов, погиб в результате несчастного случая: Алексей Петрович в пьяном виде заключил пари, «упал с лошади и ударился головой и умер»[18].

Политическое фрондерство выражалось в том, что гвардейские офицеры игнорировали балы, которые давал французский посланник в Санкт-Петербурге А. де Коленкур. Офицеров наказывали, сажали под арест, но они вновь игнорировали приглашения. Более того, был составлен своего рода заговор — офицеры узнали, что в угловой комнате в доме Коленкура стоит на некоем «подобии трона» портрет Наполеона. Темной зимней ночью офицеры вооружились «удобно-метательными каменьями», забросали ими гостиную и скрылись на санях. Розыск ничего не дал[19]. С экипажем другого посланника, графа Р. Савари, уже упоминавшийся Ваксель спровоцировал дорожно-транспортное происшествие — кареты сцепились на Полицейском мосту. Ваксель ни за что не хотел уступать, ругал Савари из кареты до тех пор, пока французский экипаж

не отъехал назад и не пропустил Вакселя. И тот, с видом триумфатора, проследовал мимо восхищенных зрителей [20].

У офицеров, особенно в гвардии, корпоративный дух был чрезвычайно высок. Отсюда постоянные столкновения военных со статскими чиновниками и гражданскими персонами, из которых победителями, разумеется, чаще всего выходили именно военные. Например, два офицера-кавалергарда отдыхали после утомительных учений на летних квартирах в Новой Деревне. Гуляющие немцы-дачники смехом и песнями разбудили наших героев. Пущенный из окна неверной уставшей рукой кувшин с водой дачников не впечатлил. Песни и смех продолжались. Тогда один из офицеров предпринял смелую атаку с колом в руках и разогнал дачников [21]. Тем же немцам-колонистам доставалось от другого кавалергарда Волконского. После обильного обеда он с товарищами заметил большую компанию немцев, которые катались с ледяных гор на салазках. Тут же был составлен план кампании — ватага оккупировала обе стартовые площадки на горках, при попытке съехать бравые гвардейцы ногой выбивали салазки из-под катающихся. В результате почтенные матроны и их мужья ехали по льду совсем не на санках. Дело дошло до губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Балашова, который передал Волконскому от императора высочайший выговор [22]. В другой раз Волконский спустил с лестницы посланца гражданского чиновника и получил домашний арест.

Пыляев пишет, что в александровское время среди гвардейских офицеров существовал даже специальный термин — «гросс-шкандал». Столичные бюргеры любили отдыхать со своими семействами в трактирах на Крестовском острове, в Екатерингофе и в Красном кабачке. Военная молодежь подпаивала бюргеров, заставляла дюжих «маменек и тетушек» вальсировать до упаду, пела хором немецкие песни, а в завершении программы «обыкновенно следовала генеральная баталия с немцами»[23]. По итогам разбора обывательских жалоб высшими инстанциями обыкновенно объявлялись выговоры и даже кратковременные домашние аресты.

Заграничные обыватели тоже страдали от проделок русских офицеров. После знаменитой атаки кавалергардов в сражении при Аустерлице пленные русские офицеры оказались в Вене. Подлечив раны, получив суммы «на обзаведение» от самого императора, они начали вести светскую жизнь. Однажды, после посещения театра, наняли всех «людей с фонарями и в сопровождении

их отправились домой, так что остальная публика должна была возвращаться домой в потемках»[24].

Офицеры соперничали не только внутри русской армии между полками, но и с коллегами из других стран. В 1817 г. 12 лучших гардемаринов были направлены на бриге «Феникс» в ознакомительное плавание по Балтийскому морю. В программу путешествия входило посещение королевских дворов балтийских государств. Будучи в Дании, два гардемарина не рассчитали своих сил и употребили чрезмерное количество горячительных напитков. Датский адмирал Снидорф, директор местного морского училища, посмеялся над ними — русские, будущие флотские офицеры, а пить не умеют. На следующий день гардемарины пригласили адмирала на утреннюю прогулку по саду. В первой беседке адмирал увидел в живописной позе спящего молодого человека. Снидорф посчитал, что это опять не сдюжил кто-то из русских. Однако, подойдя ближе, узнал в пьяном своего воспитанника. В следующей беседке — еще одного и т. д. Всего за утро наши проказники успели споить и принести в сад четверых. Адмирал хохотал и даже рассказал королю о таком оригинальном и замысловатом мщении «изобретательных русских плутишек»[25].

Гусарство, или балагурство, — наиболее распространенное нарушение дисциплины среди офицеров, проявлялось не только в поступках и поведении, но и во внешнем виде. Офицерам были строго регламентированы способы ношения предметов мундира. Строго указаны цвет и материалы, из которых изготавливалась военная фурнитура. Было запрещено, к примеру, носить очки. Офицеры и придворные чины должны были получать специальное разрешение на их ношение [26]. Дельвигу во время обучения в Лицее все женщины казались красавицами. Когда он закончил Лицей и смог носить очки, он был в женщинах сильно разочарован [27].

Офицеры носили зеленые перчатки вместо белых, цветные жилеты под мундирами, султаны из страусовых перьев на шляпах вместо петушиных и т. д. Возьмем, к примеру, портрет полковника (!) лейб-гвардии Семеновского полка Н. А. Челищева кисти К. К. Фогеля фон Фогельштейна: углы рубашки выпущены поверх галстука и мундирного воротника (запрещено. — *А. Р.*), рогожка на поле эполет не гладкая, уставная, а узорная (запрещено. — *А. Р.*), пуговицы на мундире в два раза меньшего размера (запрещено. — *А. Р.*), на клапане обшлага расстегнуто две пуговицы вместо одной (запрещено. — *А. Р.*). Офицер императорской гвардии высокого ранга

на основании этого портрета достоин двух-трехнедельного ареста и высочайшего выговора.

На портретах периода заграничных походов 1813–1814 гг. у офицеров пехотных полков часто встречаются усы, которые были разрешены только офицерам легкой кавалерии. Шеф кавалергардского полка П. Ф. Уваров приехал в манеж наблюдать за ездой. После просмотра генерал заметил командиру полка, что в карауле видел усатого офицера Волконского. Депрерадович послал за ним. Но друзья успели предупредить, и Волконский одолжил у нижних чинов бритву, «…выскоблил с болью усы, и когда подошел Уваров, отдал ему (шефу полка. — *А. Р.*) честь; он остался в дураках, а Депрерадович за меня торжествовал»[28]. Офицер лейб-гвардии Московского полка К. А. Булгаков попался на глаза великому князю Михаилу Павловичу в запрещенных калошах. Приговор великого князя: «Булгаков! Галоши?! На гауптвахту!». На следующий день великий князь встретил Булгакова на прогулке. «Как, ты не выполнил мое приказание?!» «Выполнил, — отвечал офицер: мои калоши на гауптвахте». По другой версии рассказа, великий князь приехал проверить гауптвахту, а застал там только калоши[29]. В другой раз Булгаков забыл дома шпагу. Великий князь встретил Константина Александровича на улице, арестовал и отвез в своей карете в Михайловский дворец, чтобы предъявить разгильдяя полковым командирам гвардии, которые собирались у него перед разводом. Великий князь Михаил Павлович запер нарушителя в своем кабинете и вышел в приемную. Долго рассказывал генералам о недопустимости нарушений формы одежды офицерами и, наконец, вызвал из кабинета Булгакова для примера. Офицер смиренно встал за его спиной. Начальство недоуменно переглядывалось, а великий князь продолжал обличать. Наконец кто-то из генералов перебил Михаила Павловича и отметил — офицер одет по полной форме. Великий князь обернулся, и действительно, — Булгаков был уже при шпаге. Пока Михаил Павлович распекал командиров, Булгаков нашел в его кабинете шпагу и исправил свой внешний вид. Ареста не последовало, но Булгаков все-таки был отправлен на несколько дней на гауптвахту в качестве дежурного офицера. Узнав, что великий князь уехал в Павловск, Булгаков, у которого как раз случились именины, по этому поводу устроил такой «фестиваль», что перепоил даже арестованных и нижних чинов. Великий князь приехал ночью на гауптвахту, застал всех спящими и, не обнаружив

часового при барабане, забрал барабан в Павловск. На следующее утро он издал приказ по Московскому полку о срочном строевом смотре на плацу. В 12 часов дня рота Булгакова должна была стоять в строю при барабане. Так и случилось: рота стояла с новым барабаном, который нижние чины украли в Гвардейской артиллерийской бригаде[30]. Булгаков пообещал самому ловкому (в оригинале — «вороватому». — *А. Р.*) солдату из своей роты 25 руб. за новый барабан.

Однако встречались и исключения — некоторые офицеры старались не нарушать форму одежды. В 1818 г. молодой барон А. Е. Розен встретил на Малой Морской улице императора. Шляпа у офицера была надета с поля — то есть углом вперед, на руках были зеленые перчатки. Александр I погрозил пальцем и прошел молча мимо. С трепетом Розен ожидал неизбежной кары, но, поняв, что ее не будет, больше никогда в жизни не отступал от установленной формы[31]. Однако основная масса офицеров позволяла себе нарушения. Тот жен барон Розен вспоминает — пример офицеры часто брали со своих начальников-генералов: Милорадовича, Сипягина, Потемкина. Знаменитый генерал Кульнев носил на голове колпаки, скуфьи и ермолки. Он до состояния ветоши выносил подаренный Давыдовым кисет из зеленого сафьяна с золотым шитьем, который использовал как головной убор. Несмотря на то, что генерал никогда не позволял себе вольности в строю, образец балагурства был перед глазами подчиненных на биваке и вне службы[32].

Сам Д. В. Давыдов во время партизанской одиссеи абсолютно не походил на строевого офицера гусарского полка. Однако обмундирование во время боевых действий — отдельная история. Упомянем лишь, что во время наступления русской армии в октябре-декабре 1812 г. все страдали от холода и даже офицеры носили то, что смогли найти в дороге, то, чем могли с ними поделиться местные жители.

Нельзя не упомянуть, что во время боевых действий офицеры не оставляли балагурство на зимних квартирах. Братья Муравьевы разыграли во время отступления летом 1812 г. штаб 1-й кирасирской дивизии. Николай отлично имитировал голос великого князя Константина Павловича. В сумерках, в сопровождении двух «адъютантов», он проскакал мимо генерала Депрерадовича с криком: «Под арест, под арест, офицеры, по своим местам!» Утром Депрерадович явился к великому князю на суд и расправу. Однако Константин Павлович не знал, за что он должен был наказывать.

Но на всякий случай объявил генералу выговор за неисправность на походе[33]. Еще более жестко, если не жестоко, пошутил генерал фон Засс, который командовал в 1830 — начале 1840-х гг. участком Кавказской линии. Однажды он пригласил к себе на обед одного из друзей-офицеров из прибалтийских немцев. Майор в коляске покинул Ставрополь, но по дороге его похитили горцы, завязали глаза и увезли в горы. Вокруг тьма и враги, лязг кинжалов и страшные крики абреков. Майора долго везли тайными тропами, наконец, ввели в какой-то дом и сняли повязку с глаз. Перед ним был обеденный стол с жареным гусем с черносливом и яблоками — он в собственном кабинете фон Засса![34]

Проступки, связанные с гусарством и балагурством, достаточно лояльно рассматривались начальством. Да, получить домашний арест или арест на гауптвахте было делом вполне возможным. Но начальство всегда ценило офицеров, которые могли ответить дерзко, на грани, а иногда и за гранью, фола. Таким «балагурам» прощалось очень многое. Того же Лунина по делу декабристов великий князь Константин Павлович отстаивал перед Николаем I до последней возможности. С другой стороны — наибольшую известность получили шутки и поступки именно этих любимчиков: Лунина и Булгакова, Вакселя и Волконского. Именно они попали в воспоминания современников. Сколько таких же, а может, и более дерзких шуток не дошло до нас? Сложный вопрос. Скорее всего, наиболее яркие вошли в мемуары. Сможем ли мы когда-нибудь выявить имена «балагуров», кроме приведенной выше четверки? Нет сомнений, эти четверо лишь наиболее рельефные представители веселой военной молодежи.

[1] Например, см.: *Ивченко Л. Л.* Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2008; *Целорунго Д. Г.* Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения. Историко-социологическое исследование. М., 2002.

[2] Цит. по: *Лапин В. В.* Семеновская история. 16–18 октября 1820 года. Л., 1991. С. 71.

[3] См.: История кавалергардов 1724–1799–1899 / Сост. С. А. Панчулидзев. Т. 1: Служба Кавалергардов при Священных Коронованиях; Кавалергарды с 1726 по 1762 гг. СПб., 1899; Приказы, рапорты, прошения чинов Лейб-Кампании. Выдержки из документов канцелярии роты 1740–1750-е годы // Наш восемнадцатый век: Военный сборник. М., 2014. С. 344, 345.

[4] Термином «балагурство, балагурит» в начале XIX в. обозначали не только способность рассказать интересную историю или к месту пошутить. Балагурство — это совокупность поведения, поступков, манеры разговора и т. п.

[5] *Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. СПб., 1901. С. 70.

[6] Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста) / с послесловием издателя, князя М. С. Волконского. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб., 1902. С. 68.

[7] Там же. С. 69.

[8] Там же.

[9] Там же. С. 70.

[10] *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 140.

[11] Скорее всего, М. И. Пыляев использует вымышленное имя.

[12] *Пыляев М. И.* Замечательные чудаки и оригиналы. СПб., 1898. С. 367.

[13] Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826 / Сост. С. Панчулидзев. СПб., 1906. С. 366.

[14] Сборник биографий кавалергардов. 1826–1908 / Сост. С. Панчулидзев. СПб., 1908. С. 235.

[15] *Пыляев М. И.* Замечательные чудаки и оригиналы. С. 10.

[16] Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. С. 137.

[17] Подробнее см. Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. С. 207.

[18] *Файбисович В. М.* Дело в шапке. Комментарий к повести «Выстрел» // Болдинские чтения 2022 / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино» / Отв. ред. И. С. Юхнова. Нижний Новгород, 2022. С. 43.

[19] Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). С. 61, 62.

[20] *Пыляев М. И.* Замечательные чудаки и оригиналы. С. 368.

[21] Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. С. 324.

[22] Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). С. 134.

[23] *Пыляев М. И.* Замечательные чудаки и оригиналы. С. 42.

[24] Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. С. 111.

[25] *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. 2-е русское издание. СПб., 1910. С. 33.

[26] Например, офицер кавалергард С. А. Яковлев получил разрешение в октябре 1830 г. (см.: Сборник биографий кавалергардов. 1826–1908. С. 55).

[27] *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). С. 129.

[28] Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). С. 67.

[29] *Малышев С. А.* Военный Петербург эпохи Николая I. СПб., 2012. С. 464, 465.

[30] *Пыляев М. И.* Замечательные чудаки и оригиналы. С. 55, 56.

[31] *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907. С. 42.

[32] *Файбисович В. М.* Дело в шапке. Комментарий к повести «Выстрел». С. 47.

[33] См. *Ивченко Л. Л.* Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. С. 323, 324.

[34] Мемуары декабристов / [Сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Немзера]. М., 1988. С. 519.

Саламатова Елена Александровна

«МИЛАЯ, ДОРОГАЯ НАСТЕНЬКА…»

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ АНАСТАСИИ ПЕТРОВНЫ ОРЛОВОЙ, УЧИТЕЛЬНИЦЫ ДЕТЕЙ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

Представители Императорского дома Романовых тщательно выбирали кормилиц, нянь, воспитателей и учителей для своих детей. Такой подход к воспитанию и разностороннему домашнему обучению был и в чадолюбивом семействе августейшего поэта К. Р., великого князя Константина Константиновича (1858–1915), отца шестерых сыновей и трех дочерей.

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН среди документов великого князя Константина Константиновича есть литография в виде сепии 1909 г. художника Э. К. Липгарта (1847–1932), где изображены в профиль восемь великокняжеских детей (кроме умершей во младенчестве княжны Наталии) (Ф. 137. Оп. 1. Д. 252. Л. 1–1 об.). На обороте почерком великого князя выведена дарственная надпись: «Милой, дорогой Настеньке в память многих лет любви и привязанности. Константин», «Елка. 1909» (адресатом же ошибочно названа великая княгиня (княжна?) Анастасия Николаевна)[1]. Автором этой статьи убедительно доказано[2], что адресатом является Анастасия Петровна Орлова (годы жизни неизвестны), учительница детей Константиновичей по русскому языку и арифметике, проводившая и чтения Закона Божия. Ее обаятельный образ отражен на страницах дневников и писем великого князя и его детей как «милой Настеньки», воспитанницы «Благочестивого семейства» генерала от артиллерии Кеппена Павла Егоровича (1846–1911), управляющего двором великой княгини Александры Иосифовны, матери К. Р. О семье, в которой дочь надворного советника Анастасия Петровна Орлова воспитывалась, нужно рассказать особо. Павел Егорович Кеппен, педагог с передовыми для своего времени взглядами, «принимал вплоть до своей смерти ближайшее участие в вопросах образования Князей»[3]. В 1875 г. он поступил на службу к великому князю Константину Николаевичу воспитателем его сына Вячеслава

Ил. 1. Великий князь Константин Константинович и великая княгиня Елизавета Маврикиевна с детьми. Слева направо: Георгий, Игорь, Олег, Константин, Татьяна, Гавриил, Иоанн, великая княгиня Елизавета Маврикиевна, великий князь Константин Константинович. Павловск. 3 июля 1905 г. Фотография К. Ягельского. ГА РФ

(1862–1879)[4], многолетним служением снискал уважение и сердечную привязанность к нему всех Константиновичей, ласково называвших его «Павкой» и «Палиголиком». Великий князь Константин Константинович в дневниках пишет: (12.03.1890) «Павел Егорович мой советчик по всем затруднительным вопросам; я безусловно верю его мнению»[5]; (28.06.1890) «Палиголик — лучший наш друг и советчик»[6]; (31.08.1890) «Незаменимый он человек»[7]; (31.12.1890) «Все, что касается детей, Палиголик близко принимает к сердцу»[8]; (7.03.1892) «…в жизни каждого из нас <…> нет вопроса, в котором можно было бы обойтись без Павла Егоровича. И дети, и домашние порядки, и заботы, и служба, и Академия Наук, и мои стихи — на все нужно мнение Кеппена»[9]. Когда заболевший Кеппен не смог вести всех обязанностей управляющего двором, возникает дневниковая запись: (18.09.1892) «Без Павла Егоровича все как без рук. Он так приучил нас ни во что не вмешиваться, ни о чем не думать, сам вникая в малейшие подробности нашего обихода, и заботясь о каждой

мелочи, что теперь, когда Палиголик болен, и мы стараемся его не расстраивать, доводя до него возникающие вопросы, приходится самим распоряжаться…»[10]. В «Благочестивом семействе» Кеппенов, или же коротко «Благочестии», великий князь находил душевную и духовную поддержку многие годы, как и его брат и сестра — великий князь Дмитрий Константинович (Дяденька, как называли его дети Константиновичи) и Ольга Константиновна, королева Эллинов; радостно посещали гостеприимный дом и дети, князья императорской крови.

В прекрасной Флоренции августейший поэт К. Р. написал стихотворение «Письмо»[11] (1882), посвященное «Семейству П. Е. Кеппена»:

В вашем доме я столько участья,
Столько дружбы всегда находил;
С вами я и мгновения счастья,
И минуты печали делил.
Если ж сердце порой изнывало
Среди всякой тревоги мирской,
В вашем доме, как путник усталый,
Находил я и мир, и покой.

«Благочестием» великий князь называл жену Павла Егоровича Веру Александровну Кеппен, урожденную Баравскую (?–1907), ее сестру, потомственную дворянку[12] Любовь Александровну, Любиньку (?–1906), и их мать, вдову священника[13] Надежду Алексеевну Баравскую (?–1905), «Муттерхен», которую любили княжеские дети. Они были сердечны, добры и гостеприимны. Великий князь отмечает свои посещения семейства: (17.08.1890) «Поутру заходил в Благочестивое семейство поздравить с днем рождения «муттерхен» — старушку Надежду Алексеевну»[14]; (17.09.1890) «Утром были с женой и мальчиками у Благочестивого семейства, поздравили всех трех именинниц (именины Веры, Надежды и Любови. — *Е. С.*) и пили кофе»[15]; (13.09.1891) «Пошел в Благочестивое семейство. Там всегда близко к сердцу принимают все наши радости и печали; а потому в тяжелые минуты так отрадно бывать там»[16]; (15.03.1892) «В воскресенье было рождение Веры Александровны Кеппеной. Я ходил с поздравлением утром, и пил в Благочестивом семействе кофе»[17]; (05.08.1892) «Ко мне к завтраку приехала жена со старшими мальчиками, В. А. Кеппеной и Настей. Дети радовались и веселились; смотрели Петрушку в садике, ходили на конюшню. — Вера Александровна и Настя повезли их обратно в Стрельну, а мы с женой ездили пить чай к Мама»[18]; (29.06.1902) «Наш Палиголик именинник, был в Благочестивом семействе три раза: утром, днем и вечером»[19]; (07.08.1902) «Я с детьми ходил в Благочестивое семейство. Радостное настроение от встречи с милыми держалось весь день»[20].

Настенька по окончании петербургской гимназии получила аттестат и звание наставницы и перед началом своего педагогического пути вместе с женщинами Благочестия совершила паломничество в Троице-Сергиеву лавру для молитвы и благословения архимандрита Леонида (Кавелина)[21].

Традиционно курс обучения князей складывался так: до 6 лет ежедневно устраивали чтения по Закону Божию, а затем начинались систематические занятия по русскому языку, арифметике, естественным наукам, гимнастике, рисованию, музыке, танцам. Анна Петровна читает и растолковывает Закон Божий младшим детям Олегу и Игорю Константиновичам, что радует великого князя: (24.10.1902) «Зайдя поутру к маленьким, т. е. Олегу [10 лет] и Игорю [8 лет], застал их еще в кроватях <…>. У них была Настенька и рассказывала им про икону Божией Матери «Всех скорбящих радости», празднуемую 24 октября, и про препод[обного] Николу — Святошу Печерского, в мире князя Святослава, которому эта икона явилась. Настенька насаждает в души наших маленьких семена веры и благочестия в истинно-православном духе, и это ее незаменимая заслуга»[22]. Молодая учительница преподает князьям русский язык и арифметику: в «Отзывах преподавателей об успехах в течение 1902/1903 г.» экзаменатором М. И. Бородиным поставлена оценка «8» (по 12-балльной шкале), с анализом Н. К. Кульмана усвоенного материала князя Олега Константиновича по русскому языку: «Грамматический материал, намеченный в программе, усвоен сознательно: выработана наиболее ценная способность — чутье (подчеркнуто Н. К. Кульманом. — *Е. С.*) к грамматическим категориям. Орфография удовлетворительна. Выразительное чтение стихотворений и басен не позволяет желать лучшего. Рассказывает хорошо. Недостаток — некоторая торопливость»[23]. Преподаватели отмечали крайне добросовестное отношение князя Олега к наукам, но особенно любовь к литературе. Знания по арифметике оценены экзаменатором К. В. Фохтом средней оценкой «10» с его же отзывом: «Олег Константинович обнаружил на испытаниях достаточное

развитие и сообразительность. Механизм действий, хотя и был им уже усвоен, но не доставало еще навыков. Занимается очевидно арифметикой охотно»[24]. Служащие при дворе Константиновичей относятся уважительно и с симпатией к учительнице, отмечая ее влияние на детей и доверие к ней со стороны их августейших родителей. В письмах великокняжеской семьи всегда передаются поклоны и наилучшие пожелания Петру Егоровичу, Благочестивому семейству и «милой Настеньке».

На момент написания статьи нам не удалось найти фотографию Настеньки: известно, что карточка была у князя Гавриила Константиновича в заграничном путешествии (письмо августейшим родителям (06.03.1903) с острова Капри: «Уже будут две недели, как мы расстались и кроме одной карточки Насти, из дому ничего нет»[25]. Интересно, что из письма 8-летнего Гавриила (август 1895) родителям мы узнаем, что и Павка, и Настенька научились ездить на велосипеде по Павловскому парку; а в письме матери (05.06.1901) он сообщает: «Дяденька подарил Насте верховую лошадь, ее зовут (Байрон), она очень хорошая. Мы каждый день ездим верхом…»[26].

У Анастасии Петровны были два брата (родные?) — Борис (в письме сыну Константину (10.10.1904) великий князь пишет: «Настин брат Боря поступил вольноопределяющимся лейб-гвардии в Егерский полк»[27]) и Александр. Они частые гости в Благочестивом семействе.

Великий князь в письме (25.02.1904) Иоанчику пишет о том, что его духовное музыкальное произведение «Милость мира» исполнили за обедней и оно снискало одобрение, а «Настеньке понравилось, что сочинено скромно и просто, без замысловатых выкрутасов — и это справедливо. Регент сам, очень красиво, списал твои ноты и подарил Игорю [Константиновичу]»[28].

Документальное подтверждение того, что жизнь Анастасии Петровны — самоотверженное служение семье Константиновичей, хранится в Рукописном фонде Пушкинского Дома — тонкая синяя тетрадь (РО ИРЛИ. Ф. 214. № 117. 16 л.) Веры Александровны Кеппен с дневниковыми записями с 25 октября 1901 г. по 7 февраля 1902 г., которые отражают будни и праздники любимой воспитанницы. Этот документ впервые мы вводим в научный оборот. Текст написан черными чернилами, неуверенным почерком пожилого человека, с многочисленными сокращениями имен, отчеств и фамилий — в дневнике упоминаются около пятидесяти человек:

Ил. 2. Э. К. Липгарт. Дети великого князя Константина Константиновича
Слева направо: Иоанн, Гавриил, Татьяна, Константин, Олег, Игорь, Георгий, Вера
Литография в виде сепии. 1909. РО ИРЛИ

представители великокняжеской семьи и их служащие, императорская семья и великие князья, здесь отражены и встречи с родственниками и знакомыми; некоторые имена и фамилии, а порой и даты жизни, установлены благодаря изданным источникам (среди них издания историка Татьяны Анатольевны Лобашковой, а также сведения от потомков семьи Кеппенов — научного сотрудника отдела письменных источников Государственного исторического музея в Москве Татьяны Александровны Цапиной (по линии брата Павла Егоровича — Егора Егоровича Кеппена) и петербургского искусствоведа Марии Михайловны Бредовой[29].

Вера Александровна фиксирует события без подробностей, но пунктуально уточняет время, которое «Настенька», «Настюша» уделяет посещению Кеппенов: 20 минут, полчаса, 45 минут, час, полтора часа… Она прибегает в их служебную квартиру в Мраморном дворце (Миллионная улица, 5) выпить кофе или чаю, пообедать и немного отдохнуть — в это время с детьми гуляет Дяденька (великий князь Дмитрий Константинович) или великая княгиня Елизавета Маврикиевна, Настя отдыхает от службы (20.11.1901) во время завтрака семьи великого князя с великим князем Сергеем Александровичем и великой княгиней Елизаветой Федоровной[30]. Девушка пропускает свой абонемент в театре: ее 11-летняя воспитанница княжна Татьяна нуждается в процедурах из-за проблем со здоровьем, каждый вечер наставница укладывает девочку спать.

Вечерами Благочестивое семейство посещают великие князья Константин и Дмитрий Константиновичи, и тогда Настенька поздно уходит к себе — в 12 часов, а то и в час ночи. Это те душевные вечера, которыми так дорожит великий князь Константин Константинович. О чем они разговаривают? К сожалению, Вера Александровна об этом не пишет. Но и за скупыми записями, простой фиксацией событий мы чувствуем ее любовь к Настюше и родным, с которыми часто встречаются женщины Благочестивого семейства (Павел Егорович, как правило, на службе).

Уклоняясь от больших приемов Благочестивого семейства, Настя предпочитает узкий круг общения[31]. Но всегда присутствует на Кульмановских чтениях по четвергам, их с нетерпением ожидали дети (записи в дневнике 29 ноября и 21 декабря 1901 г.). Алексей Михайлович Максимов, воспитатель князей Олега и Игоря Константиновичей (1903–1907), вспоминал, что «четверги» с талантливым чтением Николая Карловича Кульмана «пользовались большой симпатией», при этом слушатели занимались «какой-либо механической работой». Дети их ожидали, «как любимое лакомство и после обеда вперегонку мчались в комнаты Сестры»; внимательно следили за мимикой чтеца (читался Тургенев, Пушкин, Гоголь и др.), при чтении «…то возгласы ужаса, то облегченные вздохи благополучия, то радостные улыбки на лицах слушателей говорили о переживаемых ими душевных настроениях и захватывающем интересе к действующим лицам произведения. Задушевность чтения достигала такой глубины, что однажды, например, при чтении „Вия“ Игорь Константинович упал в обморок…»[32]. Отметим, что «искорку любви к родному языку, родной литературе»[33] зажгла в князе Олеге именно Анастасия Петровна, а учитель русского языка Н. К. Кульман (позднее подготовивший к изданию книгу о своем питомце князе Олеге) развил и укрепил эту страстную любовь талантливого ученика, так рано ушедшего из жизни и не вполне воплотившего свой литературный дар…

Анастасия Петровна помогает богадельне (?) «Ясли» общества попечения о бедных и больных детях[34], участвует в заседаниях вместе с П. Е. Кеппеном[35], попечителем Педагогических курсов при петербургских женских гимназиях, преобразованных в 1903 г. в Женский педагогический институт (сюда Кеппен завещает свою библиотеку в 20 000 томов). 8 августа 1902 г. великий князь Константин Константинович, Ольга Константиновна, королева Эллинов,

Павел Егорович и Настя посещают молебен в Павловске по поводу открытия курсов для сельских учителей и учительниц[36].

Вера Александровна с радостью отмечает, что «Татьяна Конст[антиновна] была особенно мила и ласкова с Настей, обнимала и целовала ее много раз. Подойдя ко мне и обнимая меня сказала, „а мы опять у Вас Настиньку сцапали“, я ей говорю: „да вот какая Вы проказница“; а она мне отвечает: „проказница не я, а Т[атьяна] В[асильевна] (Олсуфьева, воспитательница княжны. — *Е. С.*)“. Впрочем, я очень рада, что мы опять с милой моей Настенькой, нам так хорошо на новом месте, мы очень рады»[37].

Ил. 3. Княгиня Татьяна Константиновна
Фотография М. Мадура. 1903. ГА РФ

Вот и праздник: выходит замуж любимая няня детей Катя, Екатерина Федоровна Спиридонова (в замужестве Чернобурова) (11.11.1902), на всякий случай накануне Настя подарила ей «разливательную ложку», однако смогла присутствовать на свадьбе, которая была «очень скромная и очень чинная», молодых благословили великая княгиня Елизавета Маврикиевна и великий князь Константин Константинович[38]. Автор дневника пишет о богослужениях в церквях, молебнах; сестры Баравские наносят визиты родным и знакомым или же принимают их у себя в служебной квартире, в которой живут уже 25 лет, с 1876 г. Подробно Вера Александровна описывает (17.11.1901) присоединение к православию живущей в богадельне матери своего супруга Софьи Карловны Кеппен (1822–1911), в присутствии сыновей и родных[39]. Отсутствие глубоко верующей Настеньки в таком важном обряде можно объяснить только ее службой. Вера Александровна пишет, как 26 ноября 1901 г. в Георгиевский праздник Настенька с детьми приглашены в Зимний дворец: «Татьяна К[онстантиновна] была в розовом платье, а Настя в сером шелковом и белой газовой шляпе. Пробыли во Дворце

2½ ч., видели все очень хорошо. Настюша в восторге от Императрицы Марии Федоровны, она выглядит моложе и даже красивее Алек[сандры] Фед[оровны]. Хороша была Елиз[авета] Фед[оровна]. Вернулись домой, завтракали и пошли гулять в Михайловский сад, катались на лыжах. К нам Настюша пришла веселая, довольная в 6 ч. и все время болтала, в 7 ч. ее позвал Олег готовить с ним естественную историю. Она ушла совсем, т. к. уставши и хотела спать»[40].

22 декабря «пришли ее поздравить Маня и Соня Бредовы (племянницы Павла Егоровича. — *Е. С.*), Галюша Крахоткина, Ика (Ангелика Клейн, бонна младших детей Константиновичей. — *Е. С.*) с Над[еждой] Мих[айловной] и Ольга Егор[овна]. Все завтракали. Вел[икий] князь Конст[антин] Конст[антинович] прислал Настюше корзину живых цветов с Его визитной карточкой. Елиз[авета] Мавр[икиевна] накануне поздравила ее и подарила мешок серый с блестками и воротник никуда не годный, принимала Настю в потемках. Великая Княгиня Алек[сандра] Иосифовна накануне прислала Насте чудную шубу на белках и с воротником шантеля, крытую сукном сероголубым, и Ад [нрзб.] по приказанию Вел[икой] Княг[ини] принесла ее и поздравила и от M-me Гарфелд (Гарфельд Мария Григорьевна, камер-фрау при комнатах великой княгини Александры Иосифовны. — *Е. С.*), а позже пришла чудесная телеграмма и от Ея Высочества с поздравлениями Настюши и благопожеланиями»[41]. Позднее «Т[атьяна] К[онстантиновна] встретила с портретом Кости (ее брата, князя императорской крови. — *Е. С.*) в рамке, фотографию и рамку выпросила у маменьки и подарила от Матери, как бы стыдясь за подарки, сделанные матерью, и была особенно любезна и нежна с Настей»[42]. 24 декабря Павел Егорович с Настей были на елке у великих князей[43]. Наконец-то 28 декабря 1901 г. Настя смогла посетить спектакль итальянской оперы: «Шли Пуритане, пели превосходно Маркони, Тетрацини и Аримонди»[44], а на следующий день была на новоселье у Бредовых (семья Софьи Егоровны Бредовой, урожденной Кеппен. — *Е. С.*) в городке Сангали. Потом в Благочестивое семейство приехали на елку их родственники с детьми, все остались довольны[45]. Вера Александровна пишет, что княжна Татьяна дала просвирку для заболевшей Насти, вынутую за здоровье: «Очень участливо спрашивала про Настино здоровье и когда она придет»[46]. И снова праздник: (06.01.1902) «поехали в русскую оперу на Фауста с Шаляпиным и Фигнерами, приехали восхищенные оперой и исполнением. Представление было торжественное»[47].

Дневник интересен как документ, в котором отражено самоотверженное служение Анастасии Петровны в качестве воспитательницы и учительницы детей великого князя Константина Константиновича, также сопровождавшей их на прогулках, молебнах, экскурсиях.

Приходят в Благочестивое семейство несчастья: в течение трех (!) лет уходят из жизни все три старшие женщины. О кончине и проводах Муттерхен княжна Татьяна подробно пишет в письме к брату Иоанну (13–25.03.1905): «23-го тихо скончалась Муттерхен. Они шли на молитву перед сном, вдруг почувств[овала] боли в груди, села на диван и скончалась»[48]; «Старушка такая милая лежала, будто молится, а Кеппены, несмотря на большое горе, имеют духовную радость. С улыбкой на лице. <…> у нас все время было чувство, что Муттерхен радуется»[49].

Через год опять несчастье (23.04.1906), отраженное в дневнике великого князя: «В семействе Павла Егоровича тихо скончалась от болезни почек милая крошка Любинька»[50]; (25.04.1906) «Хоронили Любовь Александровну Баравскую — Любиньку из Благочестивого семейства. Мы с Митей (великим князем Дмитрием Константиновичем. — *Е. С.*) были на выносе и шли за гробом до Смоленского кладбища, где я оставался, пока не опустили гроб в могилу»[51].

19 декабря 1906 г. великий князь за утренним чаем поздравляет с 60-летием Павку и с горечью отмечает: «На Веру Александровну больно смотреть: у ней неизлечимая болезнь почек, и она постепенно разрушается, слабеет, гаснет»[52]. Через год (04.02.1907) К. Р. пишет: «…нам сообщили полученное по телефону известие о кончине Веры Александровны Кеппеной. За последнее время ее здоровье становилось все хуже, болезнь почек, видимо, быстро развивалась; но все же мы не думали, что конец так близок. Дорогая наша Вера Александровна скончалась в 6 ч. вечера»[53].

Печальна запись великого князя: (17.09.1907) «…заехал к Павлу Егоровичу; бывало, 17 сентября весело справляли у него день ангела трех именинниц Веры, Надежды и Любови; теперь ни одной из них не осталось в живых»[54].

14 апреля 1909 г., накануне серебряной свадьбы великого князя Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны, Павел Егорович пишет: «Я любил Вас для Вас, для Вашего блага и возвеличивания, в которых полагал свой долг и призвание. Чувства мои к Вам всегда разделяли моя дорогая Настенька и незабвенные мои

покойницы, их праведными молитвами и нашими усердными пожеланиями да подаст Вам Господь в счастии, благополучии [нрзб.] и в трудах служения [нрзб.] как семейных детьми и внуками прожить грядущие 25 лет и достигнуть золотой Вашей свадьбы. Верноподданный П. Кеппен»[55].

В 1911 г. Павел Егорович угасает от тяжелой болезни. 12 апреля в Пасхальную неделю великий князь записывает в дневнике: «У Павла Егоровича умерла мать на 89-м году (Софья Карловна Кеппен, урожденная Штрольман. — *Е. С.*). Он очень слаб. — Мой поставщик Владимиров изготовил мне по рисунку Петюши (великий князь Петр Николаевич. — *Е. С.*) серебряную лампаду с розовыми турмалинами и надписью: „Упокой, Господи, души раб Твоих Веры, Надежды и Любве“. Я повешу ее в Мраморном, в церкви, над тем местом у окна, где во время богослужения всегда, бывало, стояло семейство Павла Егоровича»[56].

Несмотря на сильную слабость Павла Егоровича (по обычаю, по телефону его извещали обо всем, что происходит во дворце), до конца «верноподданный», 23 июня он по-христиански простился с великой княгиней Александрой Иосифовной (1830–1911) перед ее уходом из жизни[57]. В дни подготовки похорон великий князь отмечает (24.06.1911): «Просили Фредерикса (министра императорского двора и уделов. — *Е. С.*) исходатайствовать обеспечение Настеньки в случае кончины Павла Егоровича не как воспитанницы его, а как бы жены. — П[авел] Е[горович] говорил Муринову (Дмитрию Андреевичу, доктору при дворе великой княгини Александры Иосифовны, с 1911 г. при дворе великого князя Константина Константиновича. — *Е. С.*), что подумывал было жениться на Настеньке с единственной целью предоставить ей вдовье обеспечение»[58]; (25.06.1911): «Были утром у Палиголика. Он заговорил о том, что тревожит его будущность Настеньки. Мы сказали, что просим Государя ее обеспечить. Он разрыдался от радости»[59].

После смерти Павла Егоровича (05.08.1911) К. Р. 29 августа записал: «Настенька жертвует книги и приборы покойного Павла Егоровича по школьной гигиене, которым мы отведем в Институте особую комнату»[60]. А 3 октября Анастасия Петровна уже выезжала из служебной квартиры в Мраморном дворце[61] в новую — на Васильевский остров (12-я линия, 15). Общение с великокняжеской семьей не прерывается: ей наносит визит сам великий князь, она бывает и в Мраморном дворце, а самое главное, августейший поэт

К. Р. дорожит мнением Анастасии Петровны о его драме «Царь Иудейский»: (23.05.1912) «Настенька <…> пишет мне в глубоком от него восторге. Она не умеет быть неискренна, а потому ее отзыв для меня неожиданно радостен. Но она, между прочим, говорит: „Трепет и ужас берут, как подумаешь, что эта чудная молитвенная симфония предназначается для сцены… Шествие на Голгофу, крестный путь Христов, да и многое другое, не могу себе представить на тех же подмостках, где исполняются обыкновенные театральные сцены“. Я не согласен с этим взглядом, но все же он заставляет задуматься»[62].

После посещения Орловой на новой квартире няня Екатерина Федоровна Спиридонова (в замужестве Чернобурова) пишет князю Игорю (21.04.1913): «…очень рада, что видела, как она устроилась по своему желанию, поближе к своим дорогим покойничкам (Кеппенам и Баравским, похороненным на Смоленском кладбище Васильевского острова. — *Е. С.*), — ведь она вся живет в прошлом. А то у меня все сердце болело за нее, такая она одинокая осталась»[63].

Впереди еще одна невосполнимая утрата: накануне своего 22-летия от смертельной раны, полученной на поле боя в годы Первой мировой войны в Восточной Пруссии, 29 сентября 1914 г. умирает ее питомец, князь Олег, так и не воплотивший в полной мере свой литературный талант. И вместе с семьей Константиновичей она провожает его в последний путь[64].

В 1915 г. уходит из жизни великий князь Константин Константинович. Наступают страшные времена. Пришедшие к власти в 1917 г. большевики жестоко убивают представителей Императорского дома Романовых: в Екатеринбурге (17.07.1918) — всю семью императора Николая II с приближенными, а в Петропавловской крепости (29.01.1919) — великих князей Павла Александровича и Дмитрия Константиновича (Дяденьку); в ночь на 18 июля 1918 г. под Алапаевском приняли мученическую кончину великая княгиня Елизавета Федоровна с монахиней Варварой (причислены православной церковью к лику святых), братья князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи, сын великого князя Павла Александровича талантливый поэт Владимир Палей, великий князь Сергей Михайлович и управляющий его делами Федор Михайлович Ремез.

Как пережила эти трагические события глубоко верующая Настенька? О ее дальнейшей судьбе мы пока не знаем. В изгнании оказываются великая княгиня Елизавета Маврикиевна с младшими

детьми Верой и Георгием, старший сын Гавриил, Татьяна с детьми Теймуразом и Наталией… Так счастливо начавшаяся судьба княжны Татьяны, воспитанницы Анастасии Петровны Орловой, претерпела много испытаний: геройски погибает (19.05.1915) на поле боя в Первую мировую войну горячо любимый муж князь Константин Александрович Багратион-Мухранский (1889–1915), спустя три месяца после заключения брака умирает от болезни верный друг Константиновичей, второй супруг и первая ее девичья любовь (девочка называла его Ангелом в своих дневниках) Александр Васильевич Короченцев (1877–1922). Покинув мирскую жизнь, в 1946 г. княгиня Татьяна Константиновна Багратион-Мухранская в Женеве приняла монашество и переселилась на Святую Землю в Иерусалим, став игуменьей Тамарой. В 1958 г. она вспомнит о том, как после угощения на свадьбе дочери воспитателя великого князя Ильи Александровича Зеленого (дата нам неизвестна) «знавшая все секреты» Настенька отозвала свою воспитанницу за колонну со словами: «Я хочу Вам что-то сказать, но так, чтобы не слышали». Увела подальше от гостей и сказала: «Оставайтесь, как я, не выходите замуж». Татьяна побежала к отцу жаловаться, поскольку эти слова шли вразрез с общим настроением. Игуменья Тамара вспоминает, как отец ничего не ответил и «со взором тоски и понимания ее смотрел в лицо Настеньки»[65]. В Женеве Н. Беляков, бывший офицер Измайловского полка, к которому принадлежал и августейший поэт К. Р., рассказал дочери К. Р. о секрете великого князя: Константин Константинович просил разрешения у императора Александра III поступить в монастырь, получив исчерпывающий ответ: «Костя, если все мы уйдем в монастырь, кто будет служить России?»[66].

В 1917 г. Анастасия Петровна Орлова все так же жила на Васильевском острове, предположительно, занималась педагогической деятельностью и сотрудничала с Женским педагогическим институтом. Мы надеемся найти архивные документы, чтобы проследить ее дальнейшую судьбу. Ничто не пропадает бесследно: в ее бывшей воспитаннице проявился педагогический дар: княжна Татьяна Константиновна, в замужестве княгиня Багратион-Мухранская, спустя десятки лет став игуменьей Тамарой, вспоминает впитанные ею в детстве от любимой Настеньки дидактические методы и применяет их в воспитании и обучении арабских девочек, принявших православную веру и живших при Свято-Вознесенском монастыре в Иерусалиме[67].

[1] В РО ИРЛИ художник указан как неизвестный. *См.*: Дом Романовых в Пушкинском Доме: Материалы из собраний Пушкинского Дома / Сост. Г. В. Маркелов. СПб., 2013. С. 160.

[2] *Филичева В. В.* XVII научные чтения Рукописного отдела // Русская литература. 2014. № 1. С. 255.

[3] [*Кульман Н. К.*] Князь Олег. Пг., 1915. С. 4.

[4] В годы службы в Финляндии (1865–1875) проявилась склонность П. Е. Кеппена, выпускника Полоцкого кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища, служащего приемщиком военных повозок, к педагогической и просветительской деятельности: он ратовал об учреждении школ детей военнослужащих, организовал детские сады — в Гельсингфорсе и в Двинске, читал лекции. Главный врач Двинского военного госпиталя Н. З. Зубовский, через князя Э. А. Ухтомского, адъютанта великого князя Константина Николаевича, рекомендовал на службу воспитателем князя Вячеслава Константиновича именно Павла Егоровича, как «хорошего, сердечного и стойких убеждений человека, знакомого с педагогической деятельностью» (*Кайгородов Н. Н.* Памяти почившего Павла Егоровича Кеппена. СПб., 1912. С. 7). Подробнее о П. Е. Кеппене *см.*: *Цапина Т. А.* П. Е. Кеппен и августейшее семейство // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы: сборник статей. СПб., 2017. С. 282–302.

[5] Дневник великого князя Константина Константиновича. 1890–1891 гг. / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 60.

[6] Там же. С. 123.

[7] Там же. С. 172.

[8] Там же. С. 263.

[9] Дневник великого князя Константина Константиновича. 1892 год / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2016. С. 61.

[10] Там же. С. 188.

[11] *К. Р.* Времена года: Избранное / Вступ. ст., сост., коммент. А. Б. Муратова. СПб., 1994. С. 43–44.

[12] Весь Петербург на 1904 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., [1904]. С. 41.

[13] Там же.

[14] Дневник великого князя Константина Константиновича. 1890–1891 гг. С. 158.

[15] Там же. С. 180.

[16] Там же. С. 404.

[17] Дневник великого князя Константина Константиновича. 1892 год. С. 66.

[18] Там же. С. 152.

[19] Дневник великого князя Константина Константиновича. 1902–1903 гг. / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 60.

[20] Там же. С. 95.

[21] *См.*: *Цапина Т. А.* П. Е. Кеппен и августейшее семейство. С. 289–290.

[22] Дневник великого князя Константина Константиновича. 1902–1903 гг. С. 423.

[23] РО ИРЛИ. Ф. 214. № 89. Л. 5.

[24] Там же. Л. 5 об.

[25] Князь императорской крови Гавриил Константинович (1887–1955): Биография и документы / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2016. С. 135.

[26] Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874–1918 гг. / Авт. предисл., коммент. и сост. Т. А. Лобашкова. М., 2013. С. 278.

[27] Князь императорской крови Константин Константинович (1890–1918): Биография и документы / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2014. С. 118.
[28] Князь императорской крови Иоанн Константинович (1886–1918): Биография и документы / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2017. С. 202.
[29] См. книгу об ученом-физике, внуке сестры Павла Егоровича Кеппена Софьи Егоровны Бредовой, урожденной Кеппен: Михаил Михайлович Бредов. Страницы биографии. Воспоминания (к 100-летию со дня рождения) / Под общ. ред. М. М. Бредовой. СПб., 2016.
[30] РО ИРЛИ. Ф. 214. № 117. Л. 4.
[31] Там же. Л. 5.
[32] РО ИРЛИ. Ф. 214. № 120. Л. 14 об.–15.
[33] [*Кульман Н. К.*] Князь Олег. С. 52.
[34] Весь Петербург на 1900 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., [1900]. С. 427.
[35] РО ИРЛИ. Ф. 214. № 117. Л. 5.
[36] Дневник великого князя Константина Константиновича. 1902-1903 гг. С. 95–96.
[37] РО ИРЛИ. Ф. 214. № 117. Л. 10 об.
[38] Там же. Л. 1 об.–2.
[39] Там же. Л. 3–3 об.
[40] Там же. Л. 4 об.–5.
[41] Там же. Л. 8 об.
[42] Там же. Л. 9.
[43] Там же.
[44] Там же. Л. 10.
[45] Там же. Л. 10 об.
[46] Там же. Л. 12.
[47] Там же. Л. 16 об.
[48] Княжна императорской крови Татьяна Константиновна (1890–1979), в замужестве Багратион-Мухранская: Биография и документы / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 195.
[49] Там же. С. 196.
[50] Дневник великого князя Константина Константиновича. 1906-1907 гг. / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 51.
[51] Там же. С. 52.
[52] Там же. С. 205. 14 лет назад в письме (17.05.1892) к находящемуся за границей на лечении великому князю Павел Егорович писал: «Во-вторых почки и лечение. Меня это интересует и ради Вас собственно, и для Веры Александровны. Анализ показал то же, что у Вас, но посильнее. Придется летом пить воды и от Вас надеемся получить указания» (ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 362).
[53] Дневник великого князя Константина Константиновича. 1906-1907 гг. С. 272.
[54] Дневник великого князя Константина Константиновича. 1907-1909 гг. / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 44.
[55] ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 362. 1909 г.
[56] Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911-1915 / Отв. ред., сост., автор вступ. ст. В. М. Хрусталев; коммент., словарь ист. лиц. В. М. Хрусталев, В. П. Кочетов. М., 2013. С. 77.
[57] Там же. С. 108-109.
[58] Там же. С. 110.

[59] Там же.
[60] Там же. С. 133.
[61] Там же. С. 141.
[62] Там же. С. 181.
[63] Князь императорской крови Игорь Константинович (1894–1918): Биография и документы / Сост., авт. предисл., коммент. и биограф. справочника Т. А. Лобашкова. М., 2014. С. 231-232.
[64] Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911-1915. С. 356-357.
[65] Игуменья Тамара. К столетию рождения поэта К. Р. // Сборник памяти великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р. / Под ред. А. А. Геринга. Париж, 1962. С. 55-56.
[66] Там же. С. 56.
[67] *Холодюк А.* Игуменья Царского Рода: Княжна Татьяна Константиновна, Елеонская игуменья Тамара. М., 2018. С. 96.

Сафонов Михаил Михайлович

ОПОЧИВАЛЬНЯ ПАВЛА I 11 МАРТА 1801 Г.

«Вашему высочеству свиньями командовать, а не людьми», — с такими словами император Павел обратился к великому князю Александру утром 11 марта 1801 г. во дворе Михайловского замка во время развода. Свидетели этой полусемейной, полугосударственной сцены (семейной, потому что главными действующими лицами были отец и сын, государственной — оттого, что император обращался к своему наследнику) заметили, что вместо того, чтобы отдать вежливый поклон, как того требовал этикет, Александр отвернулся и закусил губу[1]. Не прошло и суток, как обезображенный до неузнаваемости труп Павла был брошен на полу его спальни, а на престол вступил его сын Александр и первым же своим манифестом объявил, что будет управлять 30 млн, населяющими Россию, «по законам и по сердцу» Екатерины II[2].

Будучи наследником, он осуждал строительство замка, во дворе которого потом произошла эта крайне неприятная для него сцена. «Миллионы пропадают на строительство Михайловского замка, который лишь умножает число ненужных дворцов, — написал он своей записной книжке. — Я думаю, что он с пользой может быть употреблен. Если его превратить в род Palais Royale и соединить в нем разные к общему просвещению служащие предметы, как то публичную книгохранительницу, картинную галерею и прочие произведения наук и художеств. Местонахождение сего здания споспешествует весьма к подобному заведению, быв между двух публичных прекрасных садов и имея при том ту выгоду, что все может быть в оный привезено водою»[3]. Но, став императором, Александр не смог осуществить свой проект. Мешала опочивальня Павла. Она не могла стать ни «книгохранительницей», хотя в соседнем помещении располагалась библиотека бывшего императора, ни картинной галереей, несмотря на то, что стены спальни украшали произведения искусства, и весь замок, как таковой, являлся произведением искусства, отразившим вкусы и художественные предпочтения хозяина[4]. Как писал Н. М. Карамзин, «…Павел строил неприступный дворец, а соорудил гробницу»[5]. Сын убиенного не мог смириться с тем, что она стала местом для «экскурсий», но публика буквально

Ил. 1. И. И. Колпаков. Фасад Михайловского замка со стороны церкви. Гравюра. 1801

ломилась, чтобы увидеть историческое место, особенно опочивальню, где отец Александра «почил в бозе» от «апоплексического удара», как было объявлено официально. М. А. Фонвизин вспоминал: «Вступив в службу в гвардию в 1803 году, я лично знал многих, участвовавших в заговоре: много раз слышал я подробности катастрофы, которая была еще свежей в памяти и служила предметом самых живых рассказов в офицерских беседах. Не раз, стоя в карауле в Михайловском замке, я из любопытства заходил в комнаты, занимаемые Павлом, и в его спальню, которая долго оставалась в прежнем виде; <…> Очевидцы объясняли мне на самых местах, как все происходило»[6]. Хотя личных вещей Павла, «les muets témoine du crime»[7], то есть «немых свидетелей преступления», как выразился первый директор Гатчинского дворца В. П. Зубов, потомок одного из «героев» мартовских событий Н. А. Зубова, там уже не было.

Вдова убитого императрица Мария Федоровна перевезла вещи мужа — одежду, сапоги, окровавленные простыни и подушки, кровать и ширмы — в Павловский дворец и поместила их перед входом в свой кабинет, так что каждый, кто посещал императрицу, должен был проходить мимо этих немых свидетелей убийства[8]. Эта экспозиция производила на окружающих тяжкое впечатление, но вдовствующая при всех своих перемещениях всегда возила ее с собой. С тех пор она приняла образ скорбящей вдовы, преследующей заговорщиков, но не за то, что они сделали ее вдовой, а за то, что не позволили ей сесть на освободившийся после смерти мужа

престол[9]. В последнем варианте своего завещания вдова передала окровавленный реликварий супруга своему второму сыну, цесаревичу Константину Павловичу[10]. После его смерти Николай I велел переместить мемориальные вещи отца в Гатчинский дворец[11], где была создана мемориальная комната.

Мы не знаем, как цесаревич воспринял загробный «подарок» матери. Едва ли с восторгом. Не только потому, что, как писал В. П. Зубов, среди вещей Павла царила «la majesté de la mort»[12] (в русском переводе это выражение передано как «торжественность смерти»[13], но я бы перевел по-другому: царила «ее величество смерть»). Ведь это было неприятное напоминание цесаревичу о мартовских событиях. Во всяком случае, нет свидетельств того, что Константин имел мемориальный кабинет Павла I в Стрельнинском дворце, откуда вещи убиенного передали в Гатчину[14].

Исследователи переворота не обратили внимание на то, что Мария Федоровна, всю жизнь занимавшаяся негласным расследованием обстоятельств убийства мужа[15], напоследок передала вещи со следами убийства из опочивальни Павла I именно Константину. Ни Николаю, ни Михаилу, которым во время катастрофы было соответственно четыре и три года, а именно Константину. Между тем это очень важный факт. Как свидетельствовал А. Коцебу, после убийства Константин на коленях клялся перед матерью, что он не был «соучастником»[16]. «Великий князь Константин Павлович не знал о заговоре и мог оплакивать несчастного отца с покойною, безупречной совестью», — писал М. А. Фонвизин[17].

Принято считать, что в мартовских событиях цесаревич был единственным «не замешанным членом царской семьи»[18]. Но это далеко не так. Легенду о неведении Константина создал пресловутый А. Ланжерон. Историки полагали, что «…нужен особый талант, чтобы заснуть в ночь переворота»[19], но все же наивно верили в то, что, когда разыгрывалась драма, Константин «…спал как сурок и ничего не знал», как сообщает об этом А. Ланжерон[20]. Но записки этого французского эмигранта, «балавовшегося» литературой, являются литературной мистификацией. Одесский градоначальник попал в опалу при Александре I и своеобразно отомстил «обидчику»: в своих воспоминаниях он изобразил императора отцеубийцей, якобы давшим согласие на умерщвление Павла[21]. Константина же представил абсолютно к заговору непричастным. Более того, Ланжерон утверждал: «Император Александр не захотел открыть

своему брату тайну замышляемого заговора, он страшился его нескромности и, быть может, его честности и прямоты. Пален внушил ему также опасение, что если великий князь узнает о проекте свергнуть с престола Павла, он может открыть все отцу в надежде погубить своего старшего брата и самому занять его место. Без сомнения, Константин был далек от подобного расчета, но очень вероятно, что он оказал бы долгое, энергичное и, может быть, действительное сопротивление решению своего брата. Пален и об этом подумал: ничто не ускользнуло от него»[22].

Противопоставив двух братьев, Ланжерон тем самым как бы усугубил «вину» старшего. Историки до сих пор считают записки Ланжерона важнейшим достоверным источником и постоянно на них ссылаются, хотя легенда об абсолютном неведении Константина давно уже разоблачена в исторической литературе[23] — достаточно внимательно прочитать записки Н. А. Саблукова, чтобы убедиться в том, насколько цесаревич «не участвовал».

Вопрос об участии Константина в перевороте теснейшим образом связан с тем, как из Михайловского замка был устранен конногвардейский караул, последняя защита императора. Константин являлся шефом Конногвардейского полка. 11 марта 1801 г. эскадрон этого полка нес караул в прихожей перед библиотекой императора. Караул состоял из 24 рядовых, трех унтер-офицеров и одного трубача. Дежурным по караулу был корнет С. С. Андреевский[24]. Этот караул представлял наибольшую опасность для заговорщиков, так как им командовал полковник Н. А. Саблуков, не состоявший в заговоре. Нейтрализация этого караула была одной из самых трудных задач руководителя переворота П. А. Палена.

После переворота адъютант Конного полка поручик Ушаков одним из первых получил повышение. Уже 14 марта он был произведен из поручиков в штаб-ротмистры[25]. Поэт В. Гете, записавший рассказ дочери Павла Марии Павловны, назвал ротмистра Ушакова в числе заговорщиков, единственного из Конной гвардии[26]. В 10 ч утра 11 марта на плац-параде Ушаков сообщил Саблукову, что *по именному приказанию великого князя Константина Павловича* (курсив Саблукова. — *М. С.*) он назначается дежурным по полку. Это было вопиющим нарушением военной дисциплины, так как на полковника, эскадрон которого стоял в карауле, никогда не возлагалось никаких других обязанностей. Как ни был раздражен Саблуков, он не мог не исполнить приказания шефа полка

Константина. Так из караула около спальни Павла был удален преданный царю начальник.

Когда в 8 ч вечера Саблуков явился в Михайловский замок сдать рапорт Константину, находившемуся под домашним арестом, он сразу же погрузился в атмосферу ожидания каких-то важных событий. У большого подъезда камер-лакей собственных его высочества апартаментов Рутковский, знакомый Саблукова, предложил ему не ходить к Константину, так как лакей был обязан тотчас донести об этом государю. Доверенный камердинер цесаревича с удивлением спросил Саблукова, зачем он сюда пришел, и только тогда отпер дверь. Саблуков отрапортовал о состоянии полка. Тотчас же явился Павел. Константин стоял перед ним «с руками, бьющимися по карманам, словно безоружный человек, очутившийся перед медведем». После его ухода Константин сказал Александру, который находился тут же: «Ну, братец, что вы скажете о моих?». Александр спросил Саблукова: «Так вы ничего не знаете?». «Ничего, — ответил полковник, — кроме того, что я дежурный не в очередь.» «*Я так приказал*», — сказал Константин (курсив мой. — *М. С.*). В передней Рутковский, подавая Константину стакан воды, увидел в ней перышко и произнес загадочную фразу, бросая его на пол: «Сегодня оно плавает, а завтра потонет»[27].

После полуночи в казармы Конного полка к Саблукову прибыл ездовой от Константина и передал ему записку шефа: «Собрать тотчас весь полк верхом, как можно скорее, с полной амуницией, но без поклажи и ждать моих приказаний» (записка хранилась в распоряжении английских издателей мемуаров Саблукова). Она была написана Константином примерно в 11 ч 30 мин. На словах ездовой передал, что великий князь велел сообщить, что дворец окружен войсками, и чтобы зарядили карабины и пистолеты боевыми патронами»[28]. Так опровергается легенда о неведении Константина, содействовавшего нейтрализации караула перед опочивальней.

Что же касается караула конногвардейцев, то Палену удалось внушить Павлу недоверие к ним. Уже после ужина в 9 ч 45 мин. Саблуков был вызван к императору через фельдъегеря. Царь заявил ему, что они якобинцы, и велел сменить караул. Это произошло в 10 ч 16 мин. Конногвардейский полк было велено в 4 ч ночи выслать из города. Мне посчастливилось обнаружить подлинный приказ Павла I, видимо, последний в его жизни документ, которым конногвардейцы высылались из Санкт-Петербурга. Приказ

полностью подтверждает достоверность рассказа Саблукова. «Константин Павлович! Повелеваю Вам, — писал Павел, — с вверенным вашему высочеству лейб-гвардии Конным полком выступить сего марта 23 часа и следовать одному эскадрону в Царское Село, одному эскадрону в Петергоф, одному в Гатчино и двум в Павловское, где и содержать караулы до смены их Кирасирским ромадановским полком. По прибытии же оного собраться всему полку вам вверенному в Павловске. Пребываю вам благосклонным. Павел. В Михайловском замке. Марта 11 дня 1801 г.»[29] Корнет Андреевский, командовавший конногвардейским караулом, 14 марта, как и Ушаков, был повышен в чине — стал подпоручиком[30].

На место конногвардейцев в караул поставили двух камер-гусаров. Следует уточнить местоположение конногвардейского караула. Саблуков, описавший в своих мемуарах этот важнейший эпизод, нарисовал план комнаты перед опочивальней и обозначил расположение дверей, у которых стояли конногвардейцы[31]. Если принять, что конногвардейцы находились в помещении перед опочивальней, дверь из которого открывалась в спальню, как пишет мемуарист, то получается, что караул Конной гвардии после снятия с поста удалился через нее, а Павел отправился восвояси через окно. Но все становиться на свои места, если принять, что конногвардейцы стояли в небольшом помещении возле винтовой лестницы, двери которого выходили в библиотеку, непосредственно предшествующую спальне императора[32]. Именно из этих дверей Павел вышел к караулу, возвращаясь с ужина, как рассказывает Саблуков. Следовательно, два лакея заменили конногвардейцев, стоявших перед дверьми в библиотеку, из которой дверь вела уже непосредственно в опочивальню императора. Итак, два камер-лакея вместо 29 вооруженных военных. Таков был итог «неучастия» Константина, вследствие чего его отец фактически оказался без охраны в ту роковую ночь.

После ужина у командира Преображенского полка П. А. Талызина на Миллионной улице заговорщики разделились на две группы. Одна под руководством П. А. Зубова и Л. Л. Бенигсена пошла через Летний сад по маленькому подъемному мостику к Рождественским воротам замка. Отсюда в бельэтаж вела винтовая лестница, выходившая в прихожую перед библиотекой, где теперь стояли два камер-лакея. Другая, во главе с П. А. Паленом, отправилась через Невский проспект, к главному входу под Воскресенскими воротами. По сведениям Гете, в колонне Зубова было 26 человек, с Паленом — 13[33].

Ил. 2. Рождественские ворота
Современный вид

Ил. 3. План опочивальни Павла I
Современная реконструкция

Самая ответственная роль выпала на долю П. А. Зубова. Во главе колонны шел адъютант лейб-гренадерского батальона А. В. Аргамаков[34]. Ему позволено докладывать царю о пожарах в любое время суток[35]. Заговорщики прошли по винтовой лестнице. Один часовой семеновец, охранявший ее, пропустил их беспрепятственно. У двери, соединяющей прихожую и библиотеку, стояли два камер-гусара, один камер-лакей у входа на винтовую лестницу. Затем у двери, ведущей из библиотеки в опочивальню, находились еще два камер-гусара. Между двойными дверями спальни помещался камер-лакей и, возможно, еще два камер-гусара. Согласно адрес-календарю здесь дежурили четыре камер-гусара: Сагин, Кириллов, Сулимов и Ропшинский[36]. Если прибавить к ним еще двух, поставленных вместо конногвардейцев, то получится шесть. Впоследствии И. М. Муравьев-Апостол вспоминал, что в Семеновском полку солдат Агапеев показывал рубец на голове, который он получил, охраняя этот пост перед спальней императора[37]. В копии придворной конторы о служителях, находившихся при Павле, значится лейб-лакей Агапов, которому 7 апреля было обращено жалование в пенсион. Быть может, это один и тот же человек, который потом служил в Семеновском полку. Ланжерон называет Кириллова, который получил удар в голову[38]. Имя П. Кириллова значится

Ил. 4. Гатчинский дворец. Туалетная Павла I. ГМЗ «Гатчина»

в адрес-календаре. 13 марта он был пожалован в камердинеры и ему было приказано находиться при вдовствующей императрице[39]. Локателли называет очевидцем убийства Кислова. В указе придворной конторе предписывается тайному камериру 5-го класса Кислову быть при Эрмитаже с переименованием в статские советники[40].

Кто-то из этих людей получил сабельный удар в голову, кого-то, зажав рот, утащили, в кого-то стреляли, но пистолет дал осечку. Аргамаков постучал в дверь. После короткого диалога дверь была открыта, и заговорщики вошли в опочивальню Павла. Когда они вышли, на полу остался труп императора.

Вот описание трупа, сделанное писателем А. Коцебу со слов лейб-медика Гриве: «На теле были многие следы насилия. Широкая полоса кругом шеи, сильный подтек на виске, <…> красное пятно на боку, но ни одной раны острым орудием, как полагали сначала; два красных шрама на обеих ляжках, — вероятно, его сильно прижали к письменному столу; на коленях и далеко около них значительные повреждения, которые доказывают, что его заставили стать на колени, чтобы легче задушить. Кроме того, все тело вообще покрыто было небольшими подтеками; они, вероятно, произошли от ударов, нанесенных уже после смерти»[41]. «Ну, Саблуков, хорошая

была каша в тот день!», — сказал Константин полковнику спустя несколько дней[42]. Что же это была за «каша»?

Восстановить произошедшие довольно сложно. Источников много, и они противоречат друг другу[43]. Большинство восходят к рассказам Л. Л. Бенигсена. Он же «обладал непостижимым искусством представлять почти невинным свое участие в заговоре»[44]. Поэтому ни одному его слову нельзя верить[45]. Разобраться нам поможет все тот же Константин.

В Отделе рукописей РНБ, в фонде Н. К. Шильдера я обнаружил выписку из дневника барона К. И. Остен-Сакена, бывшего воспитателя Константина. В дневнике зафиксирован подлинный рассказ цесаревича о том, как убивали его отца императора Павла I. Запись сделана 15 апреля 1801 г. Это единственное свидетельство о мартовской драме, исходящее от члена императорской фамилии. Несомненно, что, сыграв столь важную роль в устранении отца, младший брат Александра хорошо знал, что произошло в спальне императора¸ хотя сам там не присутствовал. Но в тоже время надо иметь в виду, что, будучи активным участником мартовской драмы, он не мог не быть тенденциозным в своих воспоминаниях.

Из дневника явствует, что спустя месяц после переворота цесаревич приехал в гости к бывшему своему ментору и рассказал, как все произошло. По словам Константина, «революционеры» (так он назвал заговорщиков) воспользовались тем обстоятельством, что Павел I подражал Фридриху II во всем, что касалось военных дел. Царю стало известно, что прусский король в том случае, если ночью возникнет пожар, отдал приказ адъютанту гвардейского полка стучать в дверь его спальни. Русский император приказал своему гвардейскому адъютанту делать то же самое. Конспираторы воспользовались этим обстоятельством. «Le prince Zouboff et 5 autres personnes le général major Bennigsen, les colonels de l'artillerie prince Yaschvil, Tatarinoff, le comte Nicolas Zouboff, l'adjutant Löscher de Hertzfeldt enrèrent dans la chambre à coucher de Paul, le prince Zouboff lui declarant qu'il était arrêté qu'il n'était plus Empereur; Il avait demandé par quell ordre, et en lui répondant que c'était par celui de la nation mécontente de son règne, Il a prie de lui laisser la vie en promettant de se corriger; mais les personnes craignant les suites, et d'ailleurs prés de vin pour être hardie, le prince Zouboff leur avait dit ce proverbe trivail: on ne fait point d'omlette sans casser les oeufs, le prince Yaschvil a été le premier à lui donner un grand coup à la tête dont Il s'atait évanoui, les autres assassins l'ont achevé en l'étrangant.»[46] («Князь Зубов и 5 других лиц: генерал-майор Беннигсен, полковники артиллерии князь Яшвиль, Татаринов, граф Николай Зубов, адъютант Лешер де Гертцфельдт вошли в спальню императора. Князь Зубов объявил Павлу, что он арестован и больше не император. Павел спросил, по чьему приказу? „По приказу нации, недовольной его правлением“, — ответил Зубов. Павел умолял сохранить ему жизнь и обещал исправиться. Но эти лица опасались последствий, к тому же для смелости они изрядно выпили. Князь Зубов сказал им слова известной поговорки: „Нельзя сделать омлет, не разбив яйца“. Князь Яшвиль первым нанес императору сильный удар по голове, от которого он потерял сознание. Остальные убийцы добили царя, задушив его.»)

Рассказ Константина примечателен тем, что цесаревич называет имена шести лиц, вошедших в опочивальню. П. А. и Н. А. Зубовы, Л. Л. Беннигсен, В. М. Яшвиль и И. М. Татаринов фигурируют в большинстве рассказов о мартовских событиях (правда, чины Беннигсена и Яшвиля у К. И. Остен-Сакена указаны неверно[47]), но Löscher de Hertzfeldt, то есть, Лешерн фон Герцфельдт (так писалось это имя в русской транскрипции) среди цареубийц в этой записи появляется впервые[48]. Его нет ни в одном списке заговорщиков, приводимом мемуаристами. Нет его и в списках конспираторов, составленных исследователями дворцового переворота 11 марта 1801 г. по другим источникам. А в спальне он был! За ночной «подвиг» на следующий день после переворота отставленный подполковник Кирасирского полка Лешерн фон Герцфельдт был вновь принят в службу полковником[49]. Приказ императора находится в одной связи с повышением Ушакова и Андреевского. Очевидно, Константин был хорошо осведомлен, лучше других «очевидцев»: никто не знает, а цесаревичу известно! Знает он и о том, что фразу об омлете, призывающую к активным действиям, произнес в спальне императора вовсе не военный губернатор, на месте убийства не присутствовавший, а последний фаворит Екатерины II П. А. Зубов. А ведь до сих пор считалось, что этими сакраментальными словами, дающими санкцию «на кровь и убийство»[50], напутствовал заговорщиков Пален, когда они только отправлялись в Михайловский замок[51].

Запись К. И. Остен-Сакена позволяет по-иному поставить вопрос и о распределении вины непосредственных участников. Несомненно, главным действующим лицом был П. А. Зубов. Не случайно же он выступил в роли оратора. Он и призвал заговорщиков

к решительным действиям. В. М. Яшвиль, а вовсе не Н. А. Зубов, как гласила молва [52], нанес сильный удар императору, сбивший его с ног [53]. Что касается Беннигсена, то, по-видимому, он был в числе «les autres assassins», то есть «прочих убийц». Он не играл первенствующей роли, и, если даже вышел из спальни или отвернулся в момент убийства, как потом убеждал современников [54], это никак не повлияло на развитие событий.

Вместе с тем из того факта, что Константин прекрасно знал о том, что произошло в спальне, вовсе не следует, что мы должны доверять во всем рассказу его воспитателя. Сразу бросается в глаза, что рассказ этот очень тенденциозен. Ни малейшего сочувствия убитому отцу в нем нет. Напротив, рассказ проникнут враждебностью к Павлу, которого цесаревич не только смертельно боялся, но и ненавидел. Недаром же Константин через два дня после убийства написал Елене Любомирской: «Моего отца нет в живых. Мой обожаемый брат император… весь Петербург как бы снова родился, а Россия, мое дорогое отечество, свободно дышит грудью» [55]. В первой же фразе о том, что Павел во всем подражал Фридриху II и тем самым сам открыл путь своим убийцам, сквозит не просто осуждение отца. В интерпретации Константина прослеживается та же закономерность, что и во всех мемуарах, авторы которых были негативно настроены к Павлу. Цесаревич сообщает, что царь умолял о пощаде, обещал «исправиться». Очевидно, рассказчик чего-то не досказывает. В этом предложении кроется логическая неувязка. Если заговорщики объявили Павлу, что по приказу недовольной его правлением нации он лишается сана императора и подлежит аресту, Павел же просил «de lui laisser la vie en promettant de se corriger», то это значит император не согласился лишиться власти, так как обещать «исправиться» он мог лишь в том случае, если не упустит из своих рук бразды правления. То есть он отверг «предложения» заговорщиков и не дал себя арестовать. И в этом заключалась причина разыгравшейся трагедии. Но Константин же, по понятным причинам, предпочитал об этом не вспоминать.

Попробуем соотнести рассказ цесаревича с другими источниками о мартовских событиях. Очевидно, все многочисленные и несогласованные между собой рассказы могут быть сведены к нескольким версиям.

Версия 1. Преднамеренное убийство. Ее излагают А. Н. Вельяминов-Зернов, М. И. Муравьев-Апостол, А. Ф. Воейков, М. Леонтьев,

Ил. 5. С. Тончи. Портрет Павла I 1800 (?)

Ил. 6. Г. Кюгельхен. Портрет императрицы Марии Федоровны в траурном платье. 1800-е

Д. В. Давыдов, Д. П. Рунич, А. Ф. Ланжерон. Эта версия существует в двух вариантах.

Вариант А: Павел принял все условия заговорщиков и подписал отречение. Тогда один из лидеров, П. А. Зубов или Л. Л. Бенигсен, призвал к решительным действиям, и с Павлом покончили.

Вариант Б: Павел подписал условия заговорщиков. Бенигсен вышел. В этот момент царя убили пьяные конспираторы во главе с П. А. Зубовым.

Версия эта не может быть принята ни в одном из вариантов, потому что она исходит от лиц, которые не принимали непосредственного участия в убийстве и никак не были связаны с заговорщиками. Все рассказы, излагающие эту версию, отличаются незнанием конкретных деталей, топографии Михайловского замка. Сплошь и рядом встречаются совершенно неправдоподобные подробности.

Версия 2. Непреднамеренное убийство. Ее излагают Н. А. Саблуков, А. Коцебу, К. Гейкинг, М. А. Фонвизин, А. Карр, А. де Барант, М. Биньон, Наполеон, Серра-Каприолла, анонимный автор сочинения «Описание 23 марта 1801 года», Локателли, Г. М. Армфельт, Стедингк, К. Ф. Розенцвейг, Ла-Рош-Эмон, Росс, А. А. Чарторыйский, П. В. Чичагов [56]. Согласно этой версии, Павлу предложили отречься, но он не только отказался, но оказал отчаянное сопротивление, затеял ссору, в которой был убит. Варианты версии расходятся в том,

присутствовал при этом Бенигсен или вышел, но Зубовы здесь — главные действующие лица. Согласно одному из вариантов этой версии Павел действовал двояко: вначале угрожал заговорщикам карами, потом пытался разжалобить их и даже сумел поколебать их решительность. И тогда лидеры призвали к активным действиям, и даже сами их начали. Орудиями убийства называют табакерку, шарф, рукоятку пистолета, эфес шпаги. Хотя едва ли когда-либо удастся восстановить в деталях истинную картину произошедшего, эта версия представляется более близкой к действительности.

Впервые эта версия прозвучала ночью 12 марта 1801 г. на парадной лестнице Михайловского замка, где Пален узнал от Ф. П. Уварова о смерти Павла. Не осведомляясь о подробностях, Пален сообщил Александру, что император отказался отречься, пытался ударить тех, кто ему это предлагал, и тогда заговорщики убили его [57]. Наиболее полно эта версия изложена в анонимной записке «Notice sur la mort de Paul 1er, Empereur de Russie»[58], опубликованной в Париже в 1806 г.

Благодаря рассказу Константина мы можем утверждать: «апоплексический удар», от которого согласно официальной версии умер Павел I, нанес В. М. Яшвиль. Тем самым снимается вопрос о подлинности табакерки Н. А. Зубова как орудия убийства [59]. Более того, мы имеем возможность абсолютно точно сказать, что убийц было трое, и назвать их имена. В конце августа 1801 г. в Санкт-Петербурге появился швейцарец Ф. С. Лагарп, бывший воспитатель императора Александра. Он приехал из Парижа, но своего ученика в столице не застал. Двор в это время находился в Москве на коронации. Как только Александр возвратился Санкт-Петербург, Лагарп дважды встретился со своим бывшим учеником. Как в свое время Константин, великий князь тоже рассказал своему воспитателю, как убили их отца. Они обсуждали вопрос о том, как поступить с заговорщиками. После второй встречи 30 октября наставник написал Александру письмо, в котором посоветовал предать суду главарей заговора или по крайней мере удалить из столицы трех непосредственных убийц Павла [60]. Царь нашел, «…что это совершенно невозможно при теперешнем настроении умов, волнуемых слухами о реформах и, в виду сильной аристократической партии, привыкшей к дворцовым катастрофам и опирающейся на гвардию»[61]. Тем не менее 1 ноября 1801 г. «Санктпетербургские ведомости» сообщили об отставке полковников В. М. Яшвиля и И. М. Татаринова [62].

Оба они упомянуты в рассказе Константина в числе тех шести, кто вошел в опочивальню. Это лишний раз подтверждает достоверность его свидетельства.

Нет никакого сомнения, что это они были убийцами Павла. Третьим же был Н. А. Зубов. Его Александр не мог удалить, потому что позиции семейного клана последнего фаворита Екатерины II П. А. Зубова в этот момент были еще сильны. Но в начале 1802 г. все братья Зубовы оказались не у дел. А дверь в опочивальню вскоре заколотили [63].

---

[1] Русский архив. 1913. № 9. С. 314.

[2] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. № 19779.

[3] РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 700. Л. 5, 5 об.; *Сафонов М. М.* Северный сфинкс // Смена. 1995. 23 декабря.

[4] *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 446–460.

[5] *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 45.

[6] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 201.

[7] Souvenirs de la revolution Russe (1917–1925) Par le Compt Valentin Zoubov // Butler Library. Columbian University Library. Manuscript Collections. Bakhmeteff Archive. Valentine P. Zoubov Collection. P. 34.

[8] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 105.

[9] *Сафонов М. М.* «Ich will regieren» (Императрица Мария Федоровна 11 марта 1801 г.) // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XIX века): биографический аспект. СПб., 2005. С. 84–88.

[10] Русская старина. 1882. Т. 34. С. 361; *Семенов В. А.* «Клии страшный глас…» // Михайловский замок. Ч. II. СПб., 1999. С. 69, 70.

[11] *Фарафонова А. Н.* «Музей памяти»: развитие мемориального комплекса императора Павла I в Гатчинском дворце в царствование императора Николая I // Император Павел I — взгляд XXI века. К 250-летию со дня рождения: материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 131.

[12] Souvenirs de la revolution Russe (1917–1925) Par le Compt Valentin Zoubov. P. 34.

[13] *Зубов В. П.* Страдные годы России: Воспоминания о революции (1917–1925). М., 2004. С. 59.

[14] В 1882 г. в гатчинской мемориальной комнате Павла, закрытой для посещения, побывал камердинер матери Николая II императрицы Марии Федоровны А. Е. Степанов. «…Шесть лет назад до высочайшего воспрещения, случайно пришлось быть в нижних комнатах „светлицах“ цесаревича Павла Петровича в Гатчинском дворце — светлые, уютные и простенькие покои: здесь бережно хранятся все его книги и учебные тетради его детства; невинная и прекрасная душа отражается в них — сюда другою возвышенной душою перенесены и его последние вещи из Замка, грустные и томительные для чувства: вот его протертая библия… его простая донельзя складная походная кровать с грубейшим бельем и с такими же двумя подушками (на них три последние почерневшие капли крови…), вкруг изголовья обветшалые разорванные и по дереву местами выстроганные от крови белоатласные ширмы: на них давно заметны разорванные

следы последней смертельной борьбы — они служили последним убежищем и защитой несчастному человеку — царю и они остались свидетелями жестокости двуличного злодея Бенигсена; к углу прислонена трость владыки полумира… с правой стороны постели стоит кресло с перекинутым через спинку мундиром, снятым перед сном… вечным сном. Здесь же на полу стоят и его высокие сапоги с ржавыми шпорами… но довольно» (ОР РНБ. Ф. 859. К. 29. Д. I. Л. 27, 28. Сочинение памяти императора Павла Петровича. 1754–1801–1883 г.).

[15] *Чиркова Е. А.* Императрица Мария Федоровна и граф Валериан Зубов // Император Павел I — взгляд XXI века. С. 110–125.

[16] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 399.

[17] Там же. С. 212.

[18] *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 249.

[19] Там же. С. 281.

[20] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 189.

[21] *Сафонов М. М.* Андро Ланжерон и убийство Павла I // Россия — Франция. Alliance культур. Материалы XXII Царскосельской научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2016. С. 162–180.

[22] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 189, 190.

[23] *Бикеман И.* Цесаревич Константин и 11 марта 1801 года // Голос минувшего. 1915. Кн. 10. С. 102–111.

[24] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 73.

[25] Санктпетербургские ведомости. 1801. 14 марта.

[26] *Дурылин С. Н.* Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6. М.-Л., 1932. С. 128.

[27] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 75–78.

[28] Там же. С. 81.

[29] РГИА. Ф. ВУА. Д. 16680. Л. 1.

[30] Санктпетербургские ведомости. 1801. 14 марта.

[31] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 79.

[32] *Семенов В. А.* «Клии страшный глас…». С. 72.

[33] *Дурылин С. Н.* Русские писатели у Гете в Веймаре. С. 128.

[34] О нем см: *Сафонов М. М.* Вокруг Михайловского замка (К истории дворцового переворота 1801 года) // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 411–413.

[35] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 87; *Сафонов М. М.* Племянник Фонвизина — убийца Павла I? // Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 24 марта.

[36] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 382.

[37] *Муравьев-Апостол М. И.* Воспоминания и письма / Декабрист М. И. Муравьев-Апостол; предисл. и прим. С. Я. Штрайха. Пг., 1922. С. 30, 31.

[38] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 187.

[39] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 206. Л. 79; *Семенов В. А.* «Клии страшный глас…». С. 69.

[40] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 382.

[41] Там же. С. 401.

[42] Там же. С. 101.

[43] *Сафонов М. М.* Французские источники публикации о смерти Павла I в «Историческом сборнике» А. И. Герцена и Н. П. Огарева // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 128–135; *Сафонов М. М.* Мемуары цареубийцы или Тайна семнадцатого пакета // Час пик. 1997. 12 марта; *Сафонов М. М.* Загадка «Дневника современника» // Смена. 2000. 23 марта; *Сафонов М. М.* Убийство Павла I: намеренно или случайно? // Ваш тайный советник. 2000. № 11; *Сафонов М. М.* Циничный омлет российской истории // Коммерсант. 2001. 12 марта; *Сафонов М. М.* 200 лет назад, 12 марта, был убит Павел I // Комсомольская правда. 2001. 14 марта.

[44] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 400.

[45] *Сафонов М. М.* Великий князь Николай Михайлович — публикатор письма Бенигсена о смерти Павла I // Книга в России: Проблемы источниковедения. Сборник научных трудов. СПб., 1991. С. 47–55; *Сафонов М. М.* Стоит ли бить яйца для такого омлета? // Вечерний Петербург. 2001. 3 марта; *Сафонов М. М.* Исповедь цареубийцы или где семнадцатый пакет? // Смена. 2001. 17 марта; *Сафонов М. М.* III отделение и мемуары Л. Л. Бенигсена // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. IX. СПб., 2012. С. 17–22.

[46] ОР РНБ. Ф. 859. К. 22. Д. 14. Л. 96, 97.

[47] Л. Л. Беннигсен назван генерал-майором, но был генерал-лейтенантом, В. М. Яшвиль же являлся генерал-майором, а не полковником артиллерии и служил генерал-фельдцейхмейстером флота.

[48] *Сафонов М. М.* Неизвестный участник цареубийства 11 марта 1800 г. // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. (XVIII–XX вв.). Вып. 11. СПб., 2018. С. 41–45.

[49] Санктпетербургские ведомости. 1801. 15 марта.

[50] *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. С. 294.

[51] Михайловский замок. Ч. II. СПб., 1999. С. 76, 77.

[52] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 88, 130, 189, 210, 274, 384.

[53] *Сафонов М. М.* Был ли Лев Яшвиль убийцей Павла I? // Российская история. 2016. № 2. С. 162–166; *Сафонов М. М.* «Наши руки обагрились кровью не из корысти…» (В. М. Яшвиль — участник дворцового переворота 11 марта 1801 года) // Грузино-российские научно-культурные связи в истории Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 240, 241.

[54] *Сафонов М. М.* «Наши руки обагрились кровью не из корысти…». С. 240, 241.

[55] *Бикеман И.* Цесаревич Константин и 11 марта 1801 г. С. 111.

[56] См. подробно: *Сафонов М. М.* «Наши руки обагрились кровью не из корысти…». С. 240.

[57] *Barante A.* Souvenir du baron de Barante. T. I. [s. l.]. P. 81.

[58] См. подробно: *Сафонов М. М.* «Наши руки обагрились кровью не из корысти…». С. 241, 242.

[59] О ней см. подробно: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. С. 321; *Семенов В. А.* «Клии страшный глас…». С. 155, 156.

[60] *Николай Михайлович (великий князь).* Император Александр I. СПб., 1912. С. 19–22.

[61] *Сухомлинов М. И.* Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб., 1889. С. 121.

[62] Санктпетербургские ведомости. 1801. 1 ноября; *Сафонов М. М.* Кто убил Павла I // Секретные материалы. 2002. № 21 (91); *Сафонов М. М.* Наши руки обагрились кровью не из корысти: сегодня мы можем точно назвать имена убийц Павла I // Смена. 2002. 11 марта.

[63] Цареубийство 11 марта 1801 года: Записки участников и современников. С. 105.

Сидорова Анна Николаевна,
Эдельман Ольга Валериановна

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ. ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ

Жизнь во дворце сложно представить без интриг, сплетен и тайн. А если речь заходит о царской резиденции, то жизнь многочисленного императорского двора немыслима без сопутствующих ей подобных сюжетов. Да и сами августейшие владельцы дворцов зачастую имели свои потаенные секреты.

В 2004 г. во время подготовки выставочного проекта, посвященного императору Александру I, О. В. Эдельман обнаружила, что хранившийся в фонде императрицы Елизаветы Алексеевны в Государственном архиве Российской Федерации фрагмент ее дневника [1] является не обычным дневником, а интимными поденными записями, фиксирующими зарождение влюбленности императрицы в офицера Кавалергардского полка А. Я. Охотникова.

Дневник этот, написанный императрицей по-французски, был переведен и опубликован совместно с Е. Э. Ляминой [2], в дальнейшем на основании этого источника был написан ряд статей о любовном романе императрицы [3]. Интимный дневник Елизаветы Алексеевны является практически единственным дошедшим до нас женским дневником эпохи начала XIX в., в котором синхронно (а не спустя много лет в мемуарах), пусть и весьма кратко, рассказывается о развитии влюбленности.

Дневник имеет весьма необычный для документов этого жанра внешний вид. Как правило, дневники писали в специальных альбомах, тетрадях или изящных записных книжках, в особенности, когда владелицей являлась утонченная высокопоставленная дама. В случае дневника императрицы Елизаветы перед нами отдельные листки. Собственно, имеются две части этого дневника. Первая (листы дела 22–34), за период с 10–11 февраля по конец августа 1803 г., написана на семи отдельных двойных листках тонкой бумаги, заполненных последовательно и пронумерованных рукой Елизаветы Алексеевны, но не вложенных друг в друга и без следов

Ил. 1. Обложка дневника императрицы Елизаветы Алексеевны. 1802–1803. ГА РФ

брошюровки. Листки чуть различаются размером (примерно 11,0 × 9,5 см), плотно исписаны чернилами, убористым мелким почерком с сокращениями слов, и когда-то были сложены пополам. Текст начинается с середины фразы в записи за 10 февраля, в следующем предложении появляется первая дата — 11 февраля. Очевидно, эти листки были продолжением дневника и когда-то отделились от своего начала. Вторая часть дневника (листы дела 2–7) выглядит более привычным образом: три вложенных один в другой двойных листка картона хорошей выделки (10,5 × 7,0 см) со следами краски на обрезе и дырочками от прошивки по корешку, то есть ранее эти листки входили в миниатюрную записную книжку. Это подтверждается и записью на первой странице «Получено в подарок от моей сестры Амалии на Каменном Острове 25 августа 1803». Конечно, подарком принцессы была записная книжка, а не отдельные листы. Записи в ней сделаны тонким карандашом, охватывают промежуток с декабря 1803 по начало февраля 1804 г., на первой странице кратко перечислены важные для императрицы события осени 1803 г.

Дневник сообщил много нового о старинной любовной истории, про которую прежде было известно чрезвычайно мало. Большинство сведений восходили к работе великого князя Николая Михайловича [4], который начало романа относил к осени 1805 г., назвал Охотникова отцом второго ребенка Елизаветы Алексеевны и изложил фантастическую версию об убийстве возлюбленного императрицы, не выдерживающую критики, но, тем не менее, бытовавшую в литературе довольно долго. Упоминания о неверности Елизаветы Алексеевны существуют также в позднейших дневниковых записях супруги Николая I, императрицы Александры

Ил. 2. Записи в дневнике императрицы Елизаветы Алексеевны. 1802–1803. ГА РФ

Федоровны, и секретаря вдовствующей императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламова[5]. В обоих случаях упоминается любовная связь, тайные свидания, тогда как в потайном дневнике Елизаветы Алексеевны отразилась ранняя, платоническая стадия ее любовного романа. За весь год (с февраля 1803 по февраль 1804 г.) скованная приличиями и этикетом, осторожная императрица видела тронувшего ее чувства молодого офицера лишь мельком и на расстоянии: он попадался навстречу во время прогулок, дежурил в карауле в дворцовых залах, она видела его издали в театре или из окна, иногда они успевали встретиться взглядом. Оставалось неясным, когда эти отношения начались, почему дневник императрицы имел такой необычный вид, да и почему, собственно, он дошел до нас, а не был сожжен с другими бумагами после ее смерти. В значительной мере все это проясняется в связи с новой находкой еще одной части интимного дневника Елизаветы Алексеевны, хронологически предшествующей опубликованной ранее части дневника.

Находка была сделана А. Н. Сидоровой в 2021 г. во время плановой работы с архивным фондом императора Николая I среди

комплекса бумаг его супруги, императрицы Александры Федоровны. Изящная записная книжка значилась по архивной описи как записная книжка неизвестного лица[6]. Сличив почерк в этой книжке с почерками особ российской императорской фамилии, А. Н. Сидорова смогла атрибутировать книжку как еще один фрагмент потайного дневника Елизаветы Алексеевны. Совпадало все: почерк, манера ведения записей (сокращения, подчеркивания и т. д.), наконец, содержание[7].

Записная книжка карманного формата (11,5 × 7,0 × 0,7 см) имеет переплет из красной кожи с петлями-держателями для карандаша и медными накладками на обложках. На медных пластинах в центре верхней и нижней обложек — гравированные надписи: «Ah», «&C°», обозначающие, очевидно, фирму-изготовителя. На внутренней стороне обложек имеются карманы, обтянутые шелковой тканью темно-голубого цвета. Внутри записной книжки восемь листов, заполненных чернилами аккуратным почерком Елизаветы Алексеевны на французском языке. Все листы выпадают из переплета, вероятно из-за того, что самой владелицей ранее из книжки было вырвано несколько страниц. Первая запись датирована 6 апреля 1802 г., последняя 10 февраля 1803 г., и эта запись оборвана на середине предложения, так как закончился последний листок в книжке. Это прерванное предложение точно смыкается с начинающейся с середины фразы записью за то же число в опубликованной части дневника. Таким образом, текст двух частей дневника предстает целиком.

Теперь, держа в руках все три части вместе, можно предположить, почему дневник приобрел необычный внешний вид. Елизавета Алексеевна начала делать заметки о встречах с Охотниковым в отдельной записной книжечке в апреле 1802 г., когда зародился ее интерес к молодому кавалергарду. Когда книжка закончилась, Елизавета Алексеевна продолжила писать на отдельных листках, которые, будучи сложены пополам (след такого сложения имеется), совпадают с форматом книжечки, так что напрашивается вывод, что императрица хранила их вместе, приложенными или вложенными в книжку, а быть может, в кармашек при ее переплете. Примечательно выглядит последний из листков, находящийся ныне в составе записной книжечки (л. 8), — он вырезан из листа большего формата так, что получилось три складных клапана сверху, снизу и справа, то есть этот листок, заполненный с одной стороны продолжением текста книжечки, одновременно должен был служить конвертом-обложкой или самой

книжки, или тех продолжавших ее листков, что впоследствии оказались в другом архивном фонде. Затем, осенью 1803 г., императрица возобновила свои записи в новой, подаренной сестрой Амалией записной книжке. Позднее, после смерти Охотникова, Елизавета Алексеевна сохраняла эти записи вместе с другими реликвиями своего чувства. На шелковом форзаце верхней обложки вновь найденной книжки вписаны две стихотворные строки на итальянском языке из поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», повторенные затем перед началом дневниковых записей. В этих стихах Эрминия оплакивает погибшего возлюбленного, очевидно, Елизавета Алексеевна вписала эту цитату, выражая собственное горе.

Но как записная книжка Елизаветы Алексеевны оказалась в составе архива императрицы Александры Федоровны и пролежала среди ее документального наследия почти два столетия?

После смерти Елизаветы Алексеевны в 1826 г. в Санкт-Петербург к Николаю I были доставлены бумаги покойной императрицы из Таганрога и из ее рабочих кабинетов в петербургских и пригородных дворцах. Николай Павлович лично просматривал бумаги усопшей. Все ее дневники были сожжены, так как при них находилась собственноручная записка императрицы: «После моей смерти сжечь»[8]. В одной из шкатулок, найденных в Каменностровском дворце, была обнаружена переписка Елизаветы Алексеевны с Охотниковым. Здесь же лежал его портрет и вещи дочери императрицы от возлюбленного. Николай I писал матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, 1 июля 1826 г.: «В одном из ящиков стола в кабинете Императрицы был найден пакет с записками и портретом О. Я предлагаю их сжечь, но прежде чем это сделать я испрашиваю Вашего мнения, дорогая Матушка, которое, очевидно, совпадает с моим. Эта находка нас удивила, поскольку я полагал, что все этого рода было предано аутодафе с содержимым того ящика, где хранился дневник»[9]. Посовещавшись с матерью, Николай Павлович приказал предать огню компрометирующие бумаги. Однако перед сожжением он дал почитать документы своей жене, Александре Федоровне, которая отметила этот факт в собственном дневнике: «4/16 июля. Если бы я сама не видела этого, возможно, у меня оставались бы какие-то сомнения. Но вчера ночью я прочитала эти письма, написанные Охотниковым, офицером-кавалергардом, своей возлюбленной, императрице Елизавете, в которых он называет ее „ma petite femme“, „mon amie, ma femme, mon Dieu, mon Elise, je

Ил. 3. Ф. Вендрамини. Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны
Гравюра по рисунку Л. де Сент-Обена. 1813. ГА РФ

t'adore[10]“ и т. д. Из них видно, что каждую ночь, когда не светила луна, он взбирался в окно на Каменном острове или же в Таврическом дворце и они проводили вместе 2–3 часа, полагая себя в раю. С письмами находился его портрет, и все это хранилось в тайнике, в том самом шкафу, где лежали портрет и памятные вещи ее маленькой Элизы, вероятно как знак того, что он был отцом этого ребенка. Моя кровь бросилась в голову от стыда, что подобное могло происходить в нашей семье»[11]. По всей вероятности, Александра Федоровна, шокированная раскрывшейся любовной связью Елизаветы

Алексеевны, решила втайне от мужа сохранить для потомства фрагменты ее дневника за 1803–1804 гг. и припрятать маленькую записную книжку с записями за 1802 г. Так эти интимные бумаги оказались в архиве императрицы Александры Федоровны. После смерти Александры Федоровны в 1860 г. разбором ее бумаг занимались секретарь Н. А. Шторх и фрейлина Е. Ф. Ферзен во главе с великим князем Николаем Николаевичем[12]. Часть писем, адресованных Александре Федоровне, были отправлены авторам или их родственникам, другая часть писем, согласно воле покойной императрицы, были сожжены или переданы в государственные учреждения. Дневники и записные книжки автоматически стали частью «домашнего архива» семьи Романовых[13]. Логично предположить, что среди многочисленных записных книжек императрицы затерялась и книжечка с интимными записями императрицы Елизаветы Алексеевны.

Впоследствии, уже в советское время, бумаги семьи Романовых несколько раз меняли места хранения, находились последовательно в нескольких архивных учреждениях, прошли долгий путь переформирования и пересистематизации из дворцовых коллекций в личные императорские фонды. Хранящиеся в настоящее время в ГА РФ фонды Елизаветы Алексеевны (Ф. 658) и Николая I (Ф. 672) по сути своей являются не собранием бумаг, находившихся в их кабинетах или письменных столах, а искусственно сформированными коллекциями. Видимо, при очередной такой систематизации листки дневника императрицы Елизаветы Алексеевны попали в ее личный фонд, а маленькая записная книжечка, припрятанная в свое время императрицей Александрой Федоровной, так и осталась лежать среди ее записных книжек.

Кратко охарактеризуем содержание дневника императрицы Елизаветы Алексеевны. Она делала краткие и слегка завуалированные записи, в них нужно внимательно вчитаться, чтобы догадаться, что за перечнем маршрутов прогулок, посещений Летнего сада, дворцовой церкви и театра скрыто перечисление мест и моментов, когда ей удавалось увидеть увлекшего ее молодого кавалергарда. Сам Охотников если и упоминается иногда, то только под прозвищем Vosdu — что оно означало и откуда произошло, еще предстоит выяснить. Прозвищами обозначены и другие лица, и кто именно скрывается под ними, можно лишь в отдельных случаях предполагать. Так «Обжору» можно отождествить с Александром Львовичем Давыдовым, будущим героем наполеоновских войн,

единоутробным братом генерала Н. Н. Раевского и родным братом декабриста В. Л. Давыдова, приятелем и адресатом стихов А. С. Пушкина. А. Л. Давыдов славился физической силой и любовью вкусно поесть. «Господином У.» императрица, вероятно, именует Ф. П. Уварова — генерал-адъютанта и шефа Кавалергардского полка.

Спутницами и наперсницами императрицы были ее сестра баденская принцесса Амалия, с 1801 г. гостившая в России, а также любимая фрейлина княжна Н. Ф. Шаховская, в замужестве княгиня Голицына. В кругу близких лиц Елизаветы Алексеевны она была прозвана Принчипессой (Principessa). К приближенным императрицы относились также графиня А. И. Толстая, графиня С. В. Строганова и ее сестра графиня Е. В. Апраксина. Подругой Елизаветы Алексеевны была также герцогиня Антуанетта Вюртембергская, жена герцога Александра Вюртембергского, находившегося на русской службе.

Повседневные маршруты, упоминаемые в дневнике, связаны с тем, в какой резиденции императрица находилась в то или иное время года. Зимой она жила в Зимнем дворце, выезжала на прогулку в экипаже по неизменному маршруту, выходила из экипажа и гуляла пешком по Летнему саду, иногда по саду Таврического дворца. С наступлением лета перебирались в Каменноостровский дворец, в некоторые годы ближе к середине сезона — в Царское Село. Конец лета и начало осени, до холодов, проводили также на Каменном острове. Каменноостровский дворец стоит на оконечности острова вблизи мостов через Большую и Малую Невку. За Большой Невкой на берегу была дача Строгановых с большим садом, куда императрица наведывалась во время прогулок. Чуть дальше, на Черной речке в Новой деревне находились летние квартиры кавалергардов, поэтому Охотников часто проезжал мимо по дороге в город и обратно, и потому в дневнике столь часто упоминаются мосты.

Подводя итог, можем констатировать, что сохранившийся дневник императрицы Елизаветы Алексеевны в целом охватывает период с апреля 1802 г. по февраль 1804 г. Полный текст дневника в настоящее время готовится к изданию.

[1] ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–7, 22–34.

[2] *Лямина Е. Э., Эдельман О. В.* Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба…». Каталог выставки. СПб., 2005. С. 116–131.

[3] *Эдельман О. В.* Императрица Елизавета Алексеевна и кавалергард Алексей Охотников // Отечественная история. 2007. № 2. С. 169–179; *Эдельман О. В.* Развитие чувств: императрица Елизавета Алексеевна в Таврическом дворце // Таврические чтения 2009 (Ч. III). Три века под сенью Таврического дворца: политика, дипломатия, литература, искусство. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей. Ч. 2. СПб., 2011. С. 57–62; *Лямина Е. Э., Эдельман О. В.* Пленительные мгновения: Сердечная тайна императрицы Елизаветы Алексеевны // Родина. 2011. № 7. С. 53–57; *Лямина Е. Э., Эдельман О. В.* «Не стану я жалеть о розах»: интеллектуальный гардероб императрицы // Российские императрицы. Мода и стиль. Конец XVIII — начало XX века. Альбом-каталог выставки в Выставочном зале Федеральных архивов 4 апреля — 13 июня 2013 г. М., 2013. С. 188–201.

[4] Великий князь Николай Михайлович подготовил главу о романе с Охотниковым для своей книги о Елизавете Алексеевне (*Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. В 3 т. СПб., 1908–1909). Публикацию этой главы запретил Николай II, но текст ее на французском языке сохранился в архиве великого князя. Впервые опубликован С. Н. Искюлем в «Cahiers du monde russe» (Vol. XXXVI, fasc. 3, juillet-septembre 1995. P. 345–376). В русском переводе впервые см.: *Исмаил-Заде Д. И.* Императрица Елизавета Алексеевна. Единственный роман императрицы. М., 2002. С. 84–120.

[5] Выдержки из дневников Г. И. Вилламова и Александры Федоровны вошли в текст «секретной» главы великого князя Николая Михайловича (см. *Исмаил-Заде Д. И.* Императрица Елизавета Алексеевна. Единственный роман императрицы. С. 93–104). Оригинал дневника Г. И. Вилламова — ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 748. Ч. 1, о дневнике Александры Федоровны см. ниже.

[6] ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 387.

[7] Текст найденного фрагмента дневника Елизаветы Алексеевны недавно опубликован: *Сидорова А. Н., Эдельман О. В.* Потайной дневник императрицы Елизаветы Алексеевны: вновь найденный фрагмент (6 апреля 1802 — 10 февраля 1803) // Русский Сборник: Исследования по истории России: 300 лет Российской империи. Т. XXXII. М., 2022. С. 246–279.

[8] См.: *Исмаил-Заде Д. И.* Императрица Елизавета Алексеевна. Единственный роман императрицы. С. 328, 329.

[9] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1418. Ч. 3. Л. 35. Перевод с франц. яз.; опубликовано в кн.: Больше, чем архив. К 100-летию Государственного архива Российской Федерации: Каталог выставки. М., 2020. С. 63.

[10] «Моя женушка, мой друг, моя жена, мое Божество, моя Элиза, обожаю тебя» (франц. яз.).

[11] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2363. Ч. 3. Л. 72. Перевод с франц. яз.; опубликовано в кн.: Больше, чем архив. К 100-летию Государственного архива Российской Федерации: Каталог выставки. М,. 2020. С. 63.

[12] РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Д. 371.

[13] Подробнее см.: *Сидорова М. В., Сидорова А. Н.* Шкатулка императрицы Александры Федоровны // Кучумовские чтения. Сборник докладов научной конференции «Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций». СПб., 2017. С. 242.

Сидорова Марина Викторовна

ДВОРЕЦ КОТТЕДЖ В ПЕТЕРГОФЕ. НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ АРХИТЕКТОРА В. П. СТАСОВА

Дворец Коттедж в Петергофе — один из самых романтичных дворцов петербургских императорских резиденций. Несмотря на то, что в нем проводили жаркие летние месяцы несколько поколений семьи Романовых, Коттедж навсегда остался домом Николая I и его супруги, хозяйки дворца императрицы Александры Федоровны.

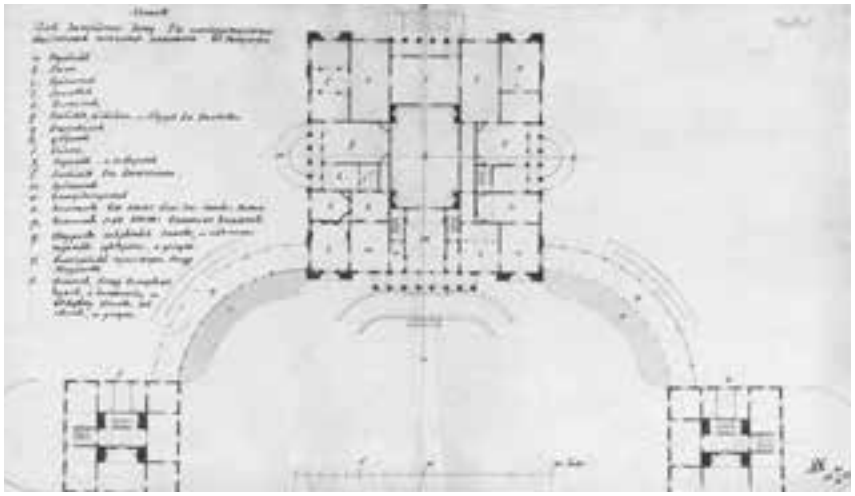
О Коттедже написано много исторических, искусствоведческих и архитектурных исследований[1]. Каждая новая работа добавляет какие-то неизвестные детали как в вопросы строительства дворца, так и в жизнь его обитателей. Но главное остается неизменным — дворец был построен в 1826–1829 гг. архитектором А. Менеласом в стиле неоготики по архитектурному образцу коттеджа принца-регента в Большом парке Виндзора[2]. В литературе никогда не затрагивался вопрос — а была ли альтернатива Менеласу и были ли какие-либо другие проекты дворца?

Вместе с тем в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца хранится дело «Планы загородного дома Великого Князя Николая Павловича в Петергофе. Планы и чертежи конюшен и сараев там же. 1825»[3]. Согласно листу-заверителю указанного дела, его неоднократно смотрели исследователи, в том числе и бывший директор ГМЗ «Петергоф» В. В. Знаменов. Однако рисунки и чертежи из дела не вошли в научный оборот и не стали предметом исследования. Одной из причин этого, очевидно, можно назвать анонимность лица, сделавшего пометы и надписи на чертежах, а главное, нерасшифрованная подпись-монограмма архитектора, исполнившего чертежи и планы. Кроме того, на рисунках изображен загородный дворец в лучших традициях классицизма, и он никак не похож на известный менеласовский Коттедж. Опубликованные нами записные книжки великого князя Николая Павловича[4] позволили не только атрибутировать чертежи, но и показать предысторию его возведения изнутри, от имени самих заказчиков.

Моя работа началась с рассматривания чертежей указанного дела. Меня привлекли профессионально выполненные планы и рисунки фасада некоего дома с плоским куполом, колоннами, флигелями, оригинальными террасами, конюшнями и сараями. На одном из листов с подробным планом основного здания была дана экспликация всех помещений постройки. Озаглавлена эта экспликация как «план для загородного дому Его Императорского Высочества Николая Павловича в Петергофе». В правом нижнем углу каждого чертежа стояла дата «14 XI 1825» и подпись-монограмма из двух переплетенных букв, в которой достаточно четко просматривалась буква «В». Историки архитектуры, очевидно, сразу бы узнали эту монограмму, но меня очень смущало, что дело с этими чертежами смотрели многие специалисты и никто не ввел эти чертежи в научный оборот. Поэтому я решила, что вначале надо просмотреть архитектурные справочники и словари и подобрать «подходящие» кандидатуры с буквой «В» в имени или фамилии. Но буква «В» могла оказаться и латинской «B», и работа могла быть долгой и трудоемкой. К счастью, все оказалось значительно проще, и помог в этом поиске сам великий князь Николай Павлович! На столе лежала книга с публикацией его дневников, и я решила посмотреть, а что же написал сам хозяин будущего дома о предполагаемой постройке. Так как чертежи датированы 14 ноября 1825 г., то я посмотрела записи всех ближайших к этой дате дней. Оказалось, что 18 ноября 1825 г. к Николаю Павловичу приходил «…Стасов с планами нашей деревни»[5]. Действительно, завиток, который в монограмме первоначально представлялся мне лишь украшающим и завершающим элементом монограммы, оказался буквой «С», и соответственно монограмма стала читаться как «ВС» — характерная подпись-монограмма

Ил. 1. В. П. Стасов. Проект загородного дома для великого князя Николая Павловича в Петергофе. Рисунок фасада со стороны моря. Первый вариант. 1825. ГА РФ
Публикуется впервые

Ил. 2. В. П. Стасов. Проект загородного дома для великого князя Николая Павловича в Петергофе. План дома. Первый вариант. 1825. ГА РФ
Публикуется впервые

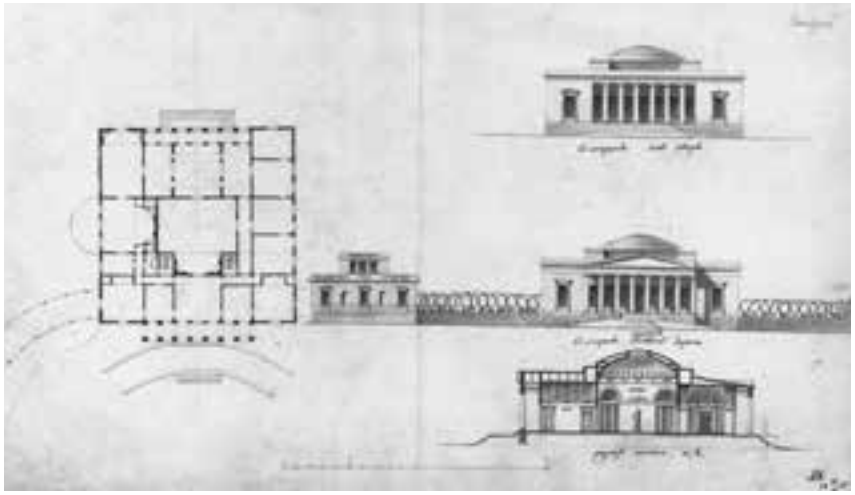
В. П. Стасова. Обратившись за консультацией в Музей архитектуры имени А. В. Щусева, я получила образец подписи-монограммы архитектора и уже не сомневалась в авторстве наших чертежей[6].

Прежде чем подробно рассмотреть эти проекты, еще раз обратимся к дневникам Николая Павловича и попробуем прояснить предысторию постройки петергофской дачи. Из текста дневников понятно, что Николаю давно нравилась местность в Петергофе вокруг сохранившихся руин недостроенного дворца А. Д. Меншикова. Будучи в Петергофе по долгу службы, он обязательно выбирал время и возможность, чтобы приехать сюда один или с адъютантом, обойти местность, осмотреть руины. Когда двор находился в Петергофе на отдыхе, великий князь вместе с женой Александрой Федоровной также приезжали к руинам Меншиковского дворца и часто сидели на скамейке под известным старым дубом, который рос неподалеку от руин и представлял диковину Петергофа. Николай Павлович в своих записях называл эту местность Лукоморьем[7].

29 августа 1825 г. император Александр I, будучи в гостях у матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, на Елагином острове, пригласил с собой на прогулку по парку великую княгиню Александру Федоровну и долго с ней беседовал. После прогулки великая княгиня объявила мужу, что «Ангел покупает нам Знаменское

или дарит нам Меншиков дом»[8]. Уже на следующий день, 30 августа, Александр I объявил это решение самому Николаю Павловичу, но сделал конкретное существенное уточнение: «…хотел приобресть и подарить Мятлеву дачу[9], но что просили цену несбыточную, и что он, по желанию нашему, жалует нам место близ Петергофа»[10]. Интересно отметить, что 30 августа братья виделись в последний раз, на следующий день утром Николай Павлович выехал в служебную командировку в Бобруйск, а император в ночь на 1 сентября уехал в Таганрог. Как бы предчувствуя, что царствовать ему остается совсем немного, Александр I очень старался уладить все семейные дела, в том числе и покупку земли для наследника престола[11].

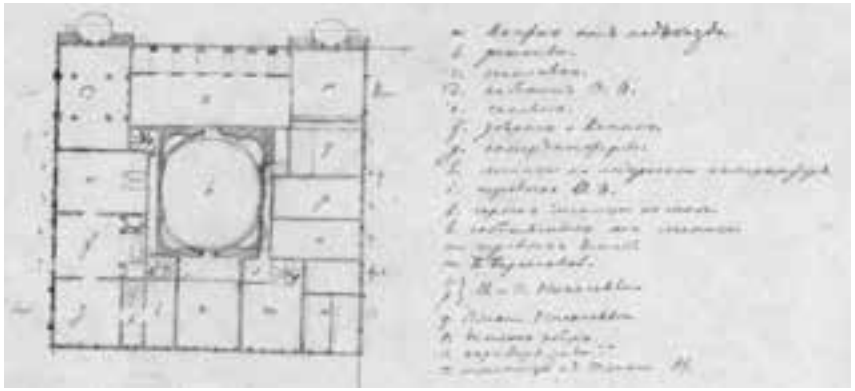
4 ноября 1825 г. Николай Павлович зафиксировал в дневнике, что к нему приходил доверенное лицо императора князь А. Н. Голицын с поручением «от Ангела уладить все, чтобы дать нам участок Меншикова. Стасов, говорил»[12]. Заметим, что имя В. П. Стасова появляется в дневнике вместе с именем А. Н. Голицына и упоминанием о бумагах про великокняжеский земельный участок. Не исключено, что Стасов, очень много строивший во времена Александра I в Царском Селе и Петергофе, пришел к великому князю именно по протекции или по желанию императора. Через две недели, 18 ноября, Стасов уже принес великому князю планы «нашей деревни», и опять имя архитектора появляется в записях Николая Павловича рядом с именем князя Голицына[13]. На следующий день принесенные планы Николай рассматривал вместе с женой Александрой Федоровной и уже утром 20 ноября, несмотря на сильный ветер и 13-градусный мороз, поехал в Петергоф, очевидно, соотнести планы на местности. Сам прекрасно разбиравшийся в инженерном и строительном деле, он взял с собой в поездку специалиста — начальника инженеров Гвардейского корпуса Н. Г. Сазонова[14]. Заночевав в Петергофе и осмотрев по долгу службы новые казармы и конюшни расквартированных в Петергофе полков, 21 ноября Николай вернулся в столицу. На следующий день и к вечеру 23 ноября к великокняжеской семье приходил А. Менелас. В эти же дни были получены первые бюллетени из Таганрога о серьезной болезни императора Александра I, а 27 ноября известие о его кончине. Николай Павлович провел в дневнике через всю страницу жирную черту и поставил крест, как бы разделив этим свою жизнь на две части. «Нашего Ангела нет больше на этой земле! — конец моему счастливому существованию, что он для меня создал!», — записал Николай[15]. Записи всех

Ил. 3. В. П. Стасов. Проект загородного дома для великого князя Николая Павловича в Петергофе. Рисунки фасадов, план и продольный разрез. Второй вариант. 1825. ГА РФ
Публикуется впервые

последующих дней были посвящены сложным и беспокойным дням междуцарствия. Дневник заканчивается 13 декабря 1825 г., и больше Николай Павлович никогда дневниковых записей не вел, поэтому услышать от самого заказчика Коттеджа почему не был принят проект В. П. Стасова не представляется возможным. Тем не менее проект существует. Рассмотрим его подробнее.

Проект загородного дома Стасов исполнил в нескольких вариантах. Первый вариант выполнен на двух листах, на одном из которых (12×42) представлен проект фасада со стороны моря, а на другом (24×42) — план с подробной экспликацией всех помещений. Проекты выполнены карандашом с обводкой тушью, фасады раскрашены акварелью. Масштаб расположен внизу по центру, в правом нижнем углу есть монограмма «ВС» и дата дробью «14 XI 1825». Оба листа имеют авторскую надпись карандашом в правом верхнем углу «первый». Ансамбль состоит из главного корпуса и двух симметрично расположенных флигелей, соединенных с домом террасами. Основное здание является одноэтажным и увенчано излюбленным Стасовым плоским куполом. С каждой стороны купол обрамляют небольшие двухколонные лоджии, сверху украшенные балюстрадой. В центре главного фасада, обращенного на подъездную дорогу, зодчий расположил восьмиколонный ионический портик с фронтоном, а со стороны

Ил. 4. Великий князь Николай Павлович. План расположения помещений первого этажа загородного дома в Петергофе. 1825. ГА РФ. Публикуется впервые

моря — пятипролетную ионическую лоджию. На каждой стороне от них расположено по одному большому окну прямоугольной формы, оформленному наличниками и увенчанному треугольными сандриками на кронштейнах. Рядом с окнами находятся полуциркульные лоджии с кессонированным полукуполом. По всему периметру здания проходит карниз на модульонах. Данный фасад является композицией фасада здания «на площади или перед газоном» из серии примерных фасадов для уникальных зданий, не включенных в известное «Собрание образцовых фасадов»[16]. Два симметрично расположенных по сторонам от главного здания флигеля имеют одинаковую планировку. Флигели двухэтажные, причем второй этаж занимает не весь периметр здания, а лишь его центральную часть, образуя своеобразный бельведер. Первый этаж одного из флигелей предназначался для размещения кухни, второй — для прислуги. Второй флигель отводился под размещение свиты и прочего обслуживающего персонала. Фасады первого этажа флигелей украшали три больших прямоугольных окна с двумя полуциркульными лоджиями между ними, а по фасаду второго этажа-бельведера размещалась двухпролетная лоджия с балюстрадой. Интересное решение Стасов нашел для соединения флигелей с основным зданием: это были полукруглые террасы, поверху которых архитектор предлагал устроить галереи-берсо с вьющимися растениями. Под террасами должны были быть закрытые переходы во флигели, эти переходы маскировались от посторонних глаз виноградными оранжереями, уступами спускающимися вниз, наподобие виноградных террас дворца Сан-Суси в Потсдаме.

К проекту дома Стасов приложил и подробный план помещений. В центре располагалась большая прямоугольная зала с полуциркульными угловыми нишами. Вокруг залы группировались основные жилые помещения, причем зоны были четко разделены: с левой стороны от входа комнаты Николая Павловича и Александры Федоровны, справа — комнаты детей и общая столовая. Зная любовь Николая Павловича к непритязательному образу жизни, зодчий отвел для него всего лишь три небольших помещения сразу после входа: камердинерскую, приемную и кабинет, выходящий на террасу. Просторная приемная Александры Федоровны располагалась по центральной оси сразу после большой залы. К ней примыкала не менее вместительная гостиная и аналогичное по объему помещение, разделенное четырьмя колоннами на три зоны: кабинет, библиотеку и будуар. Спальня, уборная и ванная делили великокняжеские покои Николая Павловича и Александры Федоровны на две части — мужскую и женскую. Для великого князя Александра Николаевича предполагались два просторных помещения с правой стороны от входа напротив апартаментов отца. Рядом с комнатами цесаревича, напротив помещений Александры Федоровны, располагались комнаты великих княжон — Марии, Ольги и новорожденной Александры. Пройти в них можно было как через Большую залу, так и из Приемной матери через общую столовую. Три небольшие лестницы вели, судя по всему, на антресольный этаж.

Второй вариант проекта был исполнен более подробно с точки зрения изображения фасадов здания, но не давал представления о предназначении помещений дворца. На одном листе (24×41) архитектор совместил три проекции: фасад дома со стороны моря, со стороны дороги и поперечный разрез здания. На этом же листе Стасов поместил и план здания, но, в отличие от первого варианта, не дал никакой экспликации. Так же, как и первый вариант, данный лист подписан монограммой Стасова, имеет аналогичную дату и авторскую надпись в правом верхнем углу «второй». Второй вариант архитектурно более лаконичен — Стасов убрал выступающие полуциркульные боковые ниши, но увеличил ширину боковых фасадов. Становятся значительно меньше по объему и угловые пристройки, подпирающие купол, с них исчезают балюстрада и ниши. Внутренние помещения изменяются незначительно, за исключением Большой залы, которая во втором варианте становится почти квадратной и с входной полуротондой.

Очевидно, оба варианта были внимательно рассмотрены Николаем Павловичем, который имел собственное представление о будущем загородном доме. Великий князь собственноручно нарисовал для Стасова подробный план дома с обозначением каждого помещения[17]. Центральную залу, которая у Стасова в первом варианте была прямоугольной, а во втором квадратной с полуротондой, Николай превратил в круглое помещение, украшенное с четырех сторон полукруглыми нишами и назвал Ротондой. Он увеличил и количество лестниц в доме, так как свои помещения и помещения великого князя Александра Николаевича Николай пожелал разместить на втором этаже, оставив первый этаж здания для Александры Федоровны и дочерей, причем пятимесячной Адини было выделено довольно просторное помещение. Отдельная комната появилась и у воспитательницы великих княжон Ю. Ф. Барановой. Большое помещение по оси здания за Ротондой отводилось Николаем под общую столовую.

Судя по всему, по предложенному великим князем плану, Стасов исполнил третий вариант проекта. К сожалению, в архивном деле есть только часть этого проекта, а именно переделанный по указаниям Николая Павловича план первого этажа дома, который учитывает все пожелания будущего императора[18]. К предложенным Николаем полукруглым нишам вокруг Ротонды Стасов добавил по две колонны на каждую нишу, а также разделил колоннами на три секции довольно большое помещение Столовой. Углы Спальни Александры Федоровны и две комнаты великих княжон архитектор сделал закругленными, придав комнатам уютный и элегантный вид. Четкая правая граница нарисованного плана точно совпадает с такой же границей плана на листе с изображением второго варианта проекта, а остатки масштабной линейки внизу чертежа позволяют с большой долей вероятности говорить, что этот план является частью листа, на котором был изображен третий вариант фасада загородного дома Николая Павловича в Петергофе, выполненный Стасовым по великокняжескому плану. К сожалению, найти этот чертеж пока не удалось.

Одновременно с домом Стасов проектировал и хозяйственные постройки — конюшни и сараи. Проект, выполненный на одном листе (24 × 41), состоит из двух рисунков боковых фасадов конюшни и сарая и одного изображения основного фасада, который предполагался одинаковым для обоих зданий. Конюшни и сараи архитектор делает двухэтажными, с жильем для обслуги на втором этаже. На этом же листе расположены и схематические планы помещений.

Внизу листа размещены масштабная линейка, поясняющая авторская надпись, подпись-монограмма в правом нижнем углу и та же дата: 14 ноября 1825 г.[19]

Через пять дней умрет император Александр I, и великий князь Николай Павлович станет российским императором Николаем I. Спустя некоторое время проекты В. П. Стасова для постройки великокняжеского дома заменятся на проекты императорского дворца Коттедж А. Менеласа.

В заключении отметим, что обнаруженные в ГА РФ чертежи В. П. Стасова для строительства загородного дома великого князя Николая Павловича в Петергофе интересны сразу с нескольких позиций. Во-первых, они представляют новые, не введенные в научный оборот чертежи известного зодчего. Во-вторых, они интересны тем, что это первоначальный проект дома Николая Павловича в Петергофе, альтернативный проекту А. Менеласа. И в-третьих, на примере проекта Стасова видно, как изменялись вкусы и предпочтения заказчика в связи с изменением жизненных и государственных обстоятельств. Стасов проектировал дом для великого князя, Менелас строил Коттедж уже для императора. Между проектами двух архитекторов всего лишь полгода, но за это время многое произошло в жизни Николая Павловича и его семьи: трудные тяжелые дни междуцарствия, восшествие на престол, попытка государственного переворота, суд и следствие над восставшими. Полностью согласимся с мнением В. М. Файбисовича, что «после 14 декабря гражданские идеалы античности были заподозрены в неблагонадежности. Утрата доверия к нравственным постулатам классической древности подорвала веру и в незыблемость ее эстетических ценностей. Наполеоновский ампир создал декорацию для французского Цезаря, но александровский классицизм стал декорацией для русских Брутов… В поисках идеологии, способной противостоять гражданственным идеалам декабристского толка, император Николай обратился к средневековому идеалу чести»[20]. Эти взгляды полностью разделяла с мужем и Александра Федоровна, воспитанная в прусской королевской семье, где средневековые идеалы были очень сильны. Задуманный еще в 1825 г. как собственная великокняжеская дача Николая Павловича дворец вскоре становится красивым подарком царя-рыцаря любимой даме сердца. И предложенный «готический» проект А. Менеласа как нельзя лучше подходил под эту идею.

[1] Некоторые историографические обзоры даны в работах: *Белов А. А.* Августейшие заказчики и создание Собственной Ее Величества дачи Александрия в Петергофе // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций. Материалы научной конференции. СПб., 2012. С. 28–42; *Хоружая Т. И.* О необходимости современного путеводителя: Дворец Коттедж в Петергофском парке Александрия // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца. Сборник статей по материалам научно-практической конференции 27–28 апреля 2015 г. СПб., 2016. С. 212–217.

[2] Подробнее см.: *Пащинская И. О.* Петергофский Коттедж. К истории загородного дома императорской семьи // Здесь бывал сам государь. К 175-летию императора Александра III. Материалы научно-практической конференции из цикла «Императорская Гатчина». СПб., 2021. С. 191–200.

[3] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1243а.

[4] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой. М., 2013.

[5] Там же. С. 669.

[6] Приношу искреннюю благодарность сотрудникам Государственного музея архитектуры имени А. В. Щусева и лично директору музея Е. С. Лихачевой за возможность ознакомиться с подписью-монограммой В. П. Стасова на чертежах, хранящихся в музее.

[7] Подробнее см.: *Сидорова М. В.* К вопросу о местонахождении Лукоморья. Небольшой комментарий к записным книжкам великого князя Николая Павловича // Сады и парки. Энциклопедия стиля. Сборник научных статей XXV Царскосельской конференции. СПб., 2019. С. 241–245.

[8] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 632.

[9] Имеется в виду усадьба «Знаменское» близ Петергофа.

[10] Николай I. Записки о вступлении на престол // Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2008. С. 126.

[11] 16 августа 1823 г. император Александр I подписал манифест о передаче прав на престол после его смерти великому князю Николаю Павловичу. О существовании этого документа знали несколько доверенных лиц. Четыре экземпляра манифеста хранились в запечатанных конвертах в Успенском соборе Московского Кремля, в Госсовете, в Сенате и Синоде. Манифест был оглашен 13 декабря 1825 г. вместе с манифестом о вступлении на престол императора Николая I.

[12] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 661.

[13] Там же. С. 669.

[14] Там же. С. 669–670.

[15] Там же. С. 674.

[16] *Пилявский В. И.* Архитектор Стасов. Л., 1963. С. 30–31.

[17] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1243а. Л. 3. Как указывает В. И. Пилявский в своей монографии о В. П. Стасове, аналогичный случай произошел в 1816 г., когда император Александр I собственноручно изобразил для архитектора П. В. Неелова план дачи Кочубеев в Царском Селе (см.: *Пилявский В. И.* Архитектор Стасов. С. 89).

[18] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1243а. Л. 9.

[19] Там же. Л. 6.

[20] *Файбисович В. М.* Об идеологических истоках александровской и николаевской неоготики // В тени «больших стилей». Материалы VIII Царскосельской научной конференции. СПб., 2002. С. 101.

Скурлов Валентин Васильевич

ПОДАРКИ ИЗ КАБИНЕТА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПРИДВОРНОСЛУЖИТЕЛЯМ

Тема повседневной жизни Российского императорского двора наиболее подробно отражена в серии книг И. В. Зимина. Период первой половины XIX в. по данной теме нашел отражение в исследовании Л. В. Выскочкова [1], в котором автор перечисляет профессии «придворной челяди», в том числе такие «экзотические», как арапы («арапы» — звание служащих негритянского происхождения, в парадной свите), скороходы, ламповщики, гладильщики, полотеры, истопники [2].

В связи с развитием технического прогресса со временем появились и другие профессии при дворе — электротехники и телефонисты. Истопников уже повсеместно заменило центральное отопление, однако к этому времени резко увеличилось количество дворцовой охраны. Штат постоянно менялся, несмотря на известный консерватизм дворцовых учреждений. Появился большой объект пребывания царской семьи в Крыму — дворцовое имение «Ливадия». Не забывала царская фамилия свои польские владения в княжестве Ловичском и Варшавское дворцовое управление, а также дворец и охоту в Беловежской пуще.

По подсчетам И. В. Зимина, на рубеже XIX и XX вв. общее число должностей придворнослужителей в Санкт-Петербурге (вместе с дворцовыми пригородами) и в Москве составило около трех тысяч человек. Состав «придворной челяди» (определение середины XIX в.) был разнообразным. Численность и структура многочисленного отряда придворнослужителей претерпела эволюцию на протяжении 90-летней истории (1826–1917 гг.) существования Министерства императорского двора и уделов. К общим установлениям министерства относился Кабинет Е. И. В. К особенным установлениям — Управление Гофмаршальской частью, Управление Собственным Е. И. В. дворцом (Аничковым), а также дворцовые управления: Санкт-Петербургское, Московское, Царскосельское, Петергофское, Гатчинское, Варшавское, управление Павловском и княжеством Ловичским. В этих управлениях было сосредоточено подавляющее большинство придворнослужителей. Были еще царские дворцы

и имения по стране со своим штатом служащих, например, в Ливадии или Мариинской дворец в Киеве, но они не подчинялись напрямую Министерству императорского двора. Мариинский дворец в Киеве после реконструкции 1870 г. (вплоть до 1917 г.) считался резиденцией для посещающих Киев членов императорской семьи. Ливадия — бывшая южная резиденция российских императоров — являлась имуществом Ливадийско-Массандровского дворцового управления, при этом составляла личную собственность императора и могла быть завещаема и делима по частям.

В данной работе, на основании изучения документов фонда Кабинета Е. И. В., реконструирована практика награждения российских придворнослужащих «кабинетскими» подарками, знаками и наградами в эпоху царствования императоров Александра III и Николая II, то есть с 1881 по 1917 г.[3] Этот период характеризуется некоторыми реформами в деятельности Кабинета и его Камеральной части (отделения) и дальнейшей стабилизацией системы награждения. Так, по рекомендации управляющего Кабинетом тайного советника Н. С. Петрова в 1884 г. было введено такое новшество, как обозначение государственного герба или короны на царских подарках, чтобы отличать их от аналогичных ювелирных изделий, которые можно было приобрести в магазинах. На карманных (жилетных) часах, даримых из Кабинета, двуглавый орел появился в 1868 г. Резко увеличилась по количеству предметов группа портсигаров, которой до середины 1880-х гг. вообще не было (вместо портсигаров были «табачницы»). В конце 1880-х гг. большое место стали занимать предметы, объединенные названием «разные драгоценные изделия», которые чаще всего использовались как дипломатические подарки. По вкусу императора Александра III (эту традицию продолжал и Николай II) это были изделия в русском стиле: ковши, братины, чарки, вазы, ендовы и тому подобные изделия, а также столовое серебро, включая «сюрту-де-табли», настольные часы и скульптуры.

Самым распространенным подарком для придворнослужителей были карманные часы, с цепочками и без. Они выпускались фирмой «Павел Буре» в широком ценовом диапазоне — от 29 до 250 руб. и более. Дороже всего ценились часы, украшенные вензелем императора и драгоценными камнями. Цена таких часов доходила до 600 руб. Однако придворнослужителей такими часами не награждали — подавляющее большинство часов для них стоило в пределах 30–40 руб.

Нами проанализирована система награждения придворнослужителей за четыре года, с 1913 по 1916 г. За основу взят документ под названием «Алфавит № 17 награжденным подарками из Кабинета Его Величества. 1913–1916 гг.»[4]. Следует отметить, что «Алфавит», к сожалению, содержит не все фамилии награжденных, поскольку существовало естественное запаздывание внесения записей по персоналиям или их невнесение вообще. Например, подарки Кабинета, врученные вдовствующей императрицей Марией Федоровной во время ее пребывания в Киеве в 1916 г., обезличены. В делах Кабинета записано: «Взяты Императрицей Марией Федоровной для вояжа»[5]. Кроме этого, существовала путаница с принадлежностью дворцов. Так, Александровский дворец в Царском Селе чиновники Кабинета путали с Александринским дворцом в Москве, резиденцией московского генерал-губернатора. Камердинеры и лакеи из имения «Кучук» (близ Алушты) или дачи «Голландия» (в Севастополе), которые посещали члены императорской семьи, не относились к штату придворнослужителей, но получали подарки на общих основаниях.

По годам подарки распределялись следующим образом: 1913 г. — 333 фамилии; 1914 г. — 85; 1915 г. — 53; 1916 г. — 11. Всего за эти годы было 482 награжденных. По ассортименту подарки выглядели так: часы — 371 (в том числе часы дамские — 37, из которых восемь получили мужчины); броши — 30 (в том числе четыре броши-кулон; одну брошь получил мужчина А. Ладунг, гардеробщик Его Величества); портсигары — 23; деньги получили 16 человек, запонки — 10, булавки — 10, перстни — 4, кулоны — 2, столовое серебро — 2.

Помимо имен в списках отмечались должности, профессии, специальности. В рассматриваемые годы подарки получили шесть камердинеров: в 1913 г. Кондратьев, камердинер Ее Величества (часы, 150 руб.), Катов, камердинер Его Величества (часы, 125 руб.); Лио, камердинер Ее Величества (запонки с эмблемой, 135 руб.); Чемодуров, камердинер Его Величества (часы, 125 руб.); в 1914 г. Зеленцов, камердинер Ее Величества (портсигар, 135 руб.); в 1915 г. Катов, камердинер Его Величества (портсигар, 315 руб.).

В 1913 г. памятными предметами одарили и сотрудников Дворцовой полиции. Подарков удостоились 60 человек, в том числе городовые — 17 (часы по 75, 90 и 100 руб.) и 6 филеров[6].

Часами награждали и лакеев. За рассматриваемый период таких подарков было 38, в том числе лакеям 1-го разряда — 16: в 1913 г.

Трупп (часы, 125 руб.), Богатов (часы, 75 руб.), Галкин (часы, 125 руб.), Корюкин (часы, 125 руб.), Сипович (часы, 100 руб.), Шашов, лакей 1-го разряда (часы, 100 руб.); в 1914 г. Акулов (часы, 125 руб.), Саломасов (часы, 125 руб.), Сайгушкин (часы, 90 руб.), В. Соловьев, камер-лакей (часы, 125 руб.), А. Сипович, отставной лакей 1-го разряда (столовое серебро, 90 руб.); в 1915 г. Ступпель (часы, 150 руб.).

Семь лакеев 2-го разряда и один лакей 3-го разряда также получили подарки от императора.

В списках названы 16 «работников» (из них 7 — «Московские дворцовые мастерские»), 13 фурьеров (из них 6 — гоф-фурьеры, 2 — камер-фурьеры, 5 — помощники гоф-фурьеров).

Гоф-фурьер — должность придворного служителя, получавшего после 10 лет работы с высочайшего разрешения право на чин, соответствующий 9-му классу «Табели о рангах». Гоф-фурьер мог быть произведен в камер-фурьеры и при назначении на эту должность награждался чином 6-го класса. Во всех дворцовых управлениях состояли гоф-фурьеры, задачей которых было заведование прислугой.

Камер-фурьер — чин 6-го класса по «Табели о рангах» (без дальнейшего производства), должность при высочайшем дворе, из числа высших в этой категории, в которую также входили гоф-фурьеры (чин 9-го класса, без производства): камердинеры и официанты (мундшенки, кофишенки, кондитеры, тафельдекеры и прочие, соответствовавшие 12-му классу). Назначались камер-фурьеры из гоф-фурьеров и камердинеров. По классу «Табели о рангах» этот чин соответствовал гражданскому чину коллежского советника. В обязанности камер-фурьеров входило заведование придворными служителями и ведение особых камер-фурьерских журналов (дневников), в которых изо дня в день отмечались все события при дворе.

В списках 1913–1916 гг. названы имена камер-фурьеров, получивших подарки: в 1913 г. Бахтин (часы, 200 руб.); М. Михайлов, (булавка с гербом, 180 руб.); далее названы гоф-курьеры: в 1913 г. Богатов, гоф-фурьер Московского дворца (перстень, 90 руб.); Машаров, гоф-фурьер Московского дворца (перстень, 112 руб.); Маропуло, гоф-фурьер Ливадийского дворца (булавка с эмблемой, 90 руб.); в 1914 г. П. Аболинг (часы золотые); в 1915 г. М. Канзафаров (часы, 90 руб.); Г. Козловский (часы дамские, 75 руб.).

В рассматриваемый период подарки (в основном часы по 90 руб.) получили 20 садовников, их помощники и садовые

мастера, 31 певчий, включая «малолетних» — 12 чел., два преподавателя Придворной капеллы.

В юбилейном 1913 г. няни также получили подарки: Путрева — брошь за 50 руб., Теглева, «няня при комнатах Ее Величества», — брошь за 90 руб.[7] В 1914 г. брошь за 150 руб. получила М. Левитон, Е. Романова была отмечена брошью за 75 руб.

Три камер-казака — Плешаков и Митиченко в 1913 г. и Кудинов в 1914 г. — получили часы стоимостью по 100 руб.

Поощрили и трех работников императорского гаража: в 1913 г. А. Кегресс, заведовавший технической частью гаража, получил портсигар за 300 руб., а письмоводитель И. Иванов — портсигар за 135 руб.; в 1914 г. шофера Гензеля одарили часами (за 100 руб.).

Камер-юнгферы — девушки, помогавшие при одевании государыни, великих княгинь и княжон и прислуживавшие им, также присутствуют в списке подарков. В 1913 г. брошь за 180 руб. получила Занотти; брошь за 135 руб. — Тутельберг; брошь за 75 руб. — горничная великой княгини Ольги Александровны Э. Тензо (Мимка); в следующем, 1914 г., брошь за 180 руб. получила Грюнвальд.

Список продолжили десять «комнатных женщин» (подарки от 30 до 50 руб.); сторожа и вахтеры (14 человек), камеристки (8), курьеры (7), рассыльные (7), печники (3), один кузнец и два официанта — оба получили часы по 29 руб. Подарками одарили и двух учителей, и трех учительниц. В списке присутствуют и «установщики электричества» (4 человека), начальник электрической станции в Ливадии, семь телеграфистов.

Среди поощренных подарками были и три рейткнехта — эта должность существовала только в штате комнатной прислуги императора. Рейткнехты отвечали за выезды государя и своевременное предоставление ему лошадей или экипажа. Им непосредственно подчинялись конюхи, ухаживавшие за императорскими лошадьми. Кроме того, рейткнехт выполнял при комнатах императора функции «гардеробного помощника». В 1913 г. «рейткнехты комнат Его Величества» Наддачин, Осипов и Скадинский получили часы стоимостью 125 руб.

В списке названы и гардеробщики (3 человека), и их помощники, которые обеспечивали порядок и сохранность костюмов императора и императриц. Учитывая объем гардероба (так, в гардеробе Николая II было около 500 предметов военной формы, а также около 30 единиц штатской одежды), особо скучать им не приходилось.

Они также вели учет всех костюмов и аксессуаров в особых журналах и маркировали одежду специальными бирками. В 1913 г. подарки получили А. Горохова, заведовавшая гардеробом (часы, 112 руб.), и гардеробщики Ладунг и Мартышкин — оба золотые часы по 125 руб. В 1915 г. в списке упомянут Антон Ладунг, получивший брошь за 135 руб.

Если рассматривать подарки и награжденных с точки зрения «географии», то картина получается следующая.

В 1913–1916 гг. в Ливадии было 69 награжденных. Такое количество придворнослужителей, отмеченных императором, связано с тем, что в Крыму царская семья провела осень 1913 г. и весну 1914 г. В мае 1915 г. император с супругой посетили Георгиевский монастырь близ Севастополя, в мае следующего, 1916 г., — Евпаторию. И, несмотря на войну, по прежнему обычаю вручили большое количество «кабинетских» подарков. Ювелир Фаберже в 1915 и 1916 гг. традиционные императорские пасхальные яйца выпускал по цене в 5–6 раз меньшей, чем на Пасху 1913 г. В 1916 г. на Путиловском заводе было исполнено из стали и отправлено в ставку в Могилев пасхальное яйцо, скромно украшенное ювелирами фирмы.

В рассматриваемый период служащие Московского дворцового управления получили 55 «кабинетских» подарков; Петергофского — 10, Аничкова дворца — 6, Царскосельского дворцового управления — 12, Гатчинского — 3, Массандры — 7, княжества Лович — 7, Беловежской пущи — 5.

Так, в 1913 г. подарок получил царскосельский столяр Александров (часы серебряные, 47 руб.), чиновницы телеграфной конторы царскосельского дворца В. Малкоче и А. Миняева (дамские часы стоимостью 25 руб.), помощник начальника Царскосельской почтовой телеграфной конторы Нейман (портсигар, 55 руб.), лакей царскосельского дворца Попов (часы, 47 руб.), чиновник Царскосельской почтовой телеграфной конторы Я. Пук (запонки, 50 руб.), губернский секретарь Царскосельского дворцового управления (ЦДУ) Ротс (часы, 75 руб.), «контролер Царскосельсткой сети» Сурнович (часы, 75 руб.). В 1914 г. список продолжили бухгалтер ЦДУ М. Маторин, получивший 200 руб., и в 1915 г. — делопроизводитель ЦДУ, статский советник Курбатов, получивший в подарок часы (за 150 руб.).

В заключение хочется подробнее остановиться на подарках человеку, который играл в жизни двора особую роль. Речь идет об акушерке Е. К. Гюнст. В главе «Рождение детей в семье Николая II» историк И. В. Зимин[8] рассказывает о важной роли Евгении Кондратьевны, которую в документах называли «повивальной бабкой» или просто «бабкой», невзирая на возраст. Гюнст принимала роды у императрицы Александры Федоровны, однако ее служение при российском дворе началось еще в конце 1880-х гг. За свою работу акушерка получала значительные ювелирные подарки и собрала к 1917 г. целую коллекцию. От ювелиров Бутца и Иванова — по одному изделию, от ювелира Кехли — два, от К. Гана — три и от К. Фаберже — семь.

Гюнст получала гонорары за каждые роды. Кроме этого, с 1897 г. ей ежегодно выплачивалось из средств императрицы 1000 руб. и раз в год оплачивалась дорога (в оба конца) для поездки на крымские курорты. Эти выплаты шли вплоть до января 1917 г.

Из архивных документов становится известно, какие именно подарки получала Е. К. Гюнст[9]: «№ 281. 12.08.1888. Брошь с рубином и бриллиантами, от ювелира Бутца, 115 руб. — …Бабке Гюнст, новорожденного Греческого Принца Христофора Георгиевича; <…> № 386. 08.05.1890. Брошь с изумрудом и бриллиантами, от ювелира Кехли, 450 руб. — …Повивальной бабке Гюнст, в день Святого крещения Великой Княжны Марии Павловны; № 454. 08.11.1891. Брошь с бриллиантом, от Фаберже, 335 руб. — …Крещение Дмитрия Павловича, акушерке Гюнст; № 517. 23.06.1894. Брошь с рубином и бриллиантами, от ювелира Гана, 375 руб. — …Акушерке Е. К. Гюнст по случаю Святого крещения Его Высочества, Князя, Игоря Константиновича».

Акушерка Гюнст получала не только броши. В перечне ювелирных изделий были серьги (№ 28. 08.07.1901. Серьги с сапфирами и бриллиантами. Ювелир Иванов, 270 руб.), браслеты (№ 85. 02.05.1906. Браслет с короной, рубинами и бриллиантами, ювелир Кехли, 250 руб.; переделан из браслета, 375 руб.) и вновь броши (№ 118. 02.11.1896. Брошь с сапфиром и бриллиантом, Фаберже, 280 руб.; № 166. 15.02.1897. Брошь с рубинами и бриллиантами, ювелир Ган, 465 руб.; № 357. 28.05.1898. Брошь розовой эмали с бриллиантами, Фаберже, 310 руб.; № 758. 12.09.1901. Брошь с аквамарином, рубином и бриллиантами, Фаберже, 400 руб. — «12.09.1901. Представлена Е. В. Г. И. Александре Федоровне для подарка акушерке [Е. К. Гунст] по случаю св. крещения Его Выс. князя императорской крови Дмитрия Александровича (сын великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны. — *В. С.*);

№ 1036. 04.06.1903. Брошь с рубинами и бриллиантами, ювелир Ган, 375 руб.)».

В 1904 г. подарок получила и девушка, находившаяся в услужении у г-жи Гюнст: «№ 80. 02.09.1904. Брошь с орлом, Фаберже, 35 руб.», а в 1905 г., как и в следующие годы, — вновь сама акушерка: «№ 164. 24.03.1905. Брошь, с орлом, переделана из Броши с орлом, Фаберже, 375 руб. (была цена 275 руб.) — …Акушерке Гюнст, бывшей при рождении Ея Выс. Княжны императорской крови Наталии Константиновны»[10]; «№ 377. 04.03.1913. Брошь-кулон с эмблемой в память 300-летия Дома Романовых, ювелир Фаберже, 135 руб.; № 378. 04.03.1913. Брошь-кулон с эмблемой в память 300-летия Дома Романовых, ювелир Фаберже, 135 руб. — 05.05.1914. Госпоже Гюнст; № 1173. 12.05.1915. Брошь с изображением государственного герба, украшенная бриллиантами, приобретена от госпожи Е. Гюнст, 350 руб.»[11].

Интересно обратить внимание на последний факт — приобретение у Гюнст «броши с изображением государственного герба». Аналогичная ситуация была зафиксирована под номером 233 от 21 января 1898 г. — «брошь с рубинами и бриллиантами, куплено от Е. К. Гюнст, 465 руб.». 1 апреля этого года брошь была подарена вдове лодзинского фабриканта А. Шейблер[12].

В работе предпринята первая попытка анализа системы награждения придворнослужителей подарками из Кабинета Е. И. В. Исследован короткий период — 1913–1916 гг., но по определенной схеме: географии дворцовых учреждений, роду занятий и многочисленным профессиям и должностям. В списках указаны 482 фамилии. В научный оборот введено 59 имен, награжденных подарками. Подробно изложены сведения о подарках, полученных из Кабинета Е. И. В. Е. К. Гюнст, которую можно назвать «придворной акушеркой». Исследование необходимо продолжить, поскольку введение в научный оборот новых фамилий имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

[1] *Выскочков Л. В.* Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012.

[2] В период 1881–1917 гг. арапов среди награжденных кабинетскими подарками нет.

[3] Мы не рассматриваем служащих дворов великих князей и княгинь, а также придворнослужащих иностранных государств, которые получали многочисленные подарки от русского царя. Церковнослужители царских дворцов нами тоже не учитывались, хотя они состояли в штате придворного духовенства — особого установления Министерства императорского двора.

[4] Справочный отдел Российского государственного исторического архива. Ф. 468. «Алфавит № 17 награжденным подарками из Кабинета Его Величества. 1913–1916 гг.».

[5] В Описной книге по кладовой драгоценных вещей Камерального отделения Кабинета Е. И. В. (РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1311) приводятся такие записи: «№ 6145. 23.01.1916. Часы серебряные мужские: 10 — 40 р.; 8 — 30 р.; 10 — 25 р.; золотые: 1 — 150 р.; 4 — 125 р.; 3 — 100 р. — Разным лицам по путешествию Е. В. Г. И. Марии Федоровны по России. См. Список». Список в архивных делах о вояже не обнаружен. Согласно тому же архивному делу, во время вояжа Марии Федоровны в 1916–1917 гг. взято 186 золотых часов в диапазоне цен от 75 до 350 руб. и 264 серебряных по цене от 24 до 75 руб.

[6] С 1 мая 1905 г. начальником Дворцовой полиции был назначен подполковник (с 1907 г. полковник) Б. А. Герарди (1870–1919). Штаты Дворцовой полиции, утвержденные 11 октября 1905 г., состояли из начальника, двух его помощников, восьми чиновников для поручений, 34 полицейских надзирателей, одного лекарского помощника, 94 городовых и четырех писарей. Из архивных документов известно, что Герарди не раз награждался памятными подарками: 14 мая 1903 г. получил «портсигар золотой с короной, ювелир Карл Ган, 125 руб.»; 1 апреля 1915 г. назначен в подарок «портсигар золотой, с государственным гербом, ювелир Бланк, 500 руб.», который получил только 23 мая 1917 г., в то время, как Февральская революция свершилась 23 февраля (3 марта) 1917 г.

[7] Эта брошь фирмы К. Фаберже сегодня находится в коллекции ГМЗ «Царское Село» (см.: *Ботт И. К.* Пьер Жильяр и семья Николая II. С. 78 настоящего сборника).

[8] См. *Зимин И. В.* Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружения. М., 2013.

[9] РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 995.

[10] РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1002.

[11] РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1003.

[12] РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 1018.

Слюнькова Инесса Николаевна

ИСТОРИИ УВОЛЕННЫХ СО СЛУЖБЫ В ЛИВАДИИ ПО СОКРАЩЕНИЮ ШТАТОВ 1882 Г.: УЧЕНЫЙ САДОВНИК Ф. Д. ЛАНГ, БОЦМАН Н. МАКАРОВ, ПРОТОДИАКОН О. КИЛЬЧЕВСКИЙ И ДРУГИЕ

Тема повседневности в истории и культуре, с фокусом внимания на обыденных взаимоотношениях аристократов и приближенных, господ и прислуги в ракурсе жизни дворца, — на самом деле не так проста, как может показаться вначале. В ней кроется своя драматургия, связанная с разбросом примеров — от великодушия и благородства господ по отношению к подчиненным до отнюдь не благостных картин несправедливости, жестокосердия, унижения достоинства ближнего.

Русская классическая литература является ярким свидетельством реалий мрачной атмосферы жизни дворца с его сословной иерархией, деспотизмом, уродливым самодурством, преступлением против личности. Между тем в последнее время происходит смена парадигмы, и акценты исследований, связанных с историей внутренней жизни дворцов и усадеб, постепенно смещаются в сторону свидетельств христианского милосердия, внимания и уважения сильных мира сего к ближайшему кругу служащих. Справедливым будет говорить о характерных для нашей истории и не прописанных законом правилах русского дворянства, а вслед за ним и купечества добровольно принимать на себя обязательства социального обустройства жизни подчиненных внутри и в окружении дворца. Наряду с основными экономическими книгами по ведению хозяйства в крупных загородных владениях русской аристократии существовала и книга под названием «Благотворительная часть». В нее заносились расходы на помощь и дела во благо ближнего, где звучали имена многих и многих служителей, прислуги, приближенных к дворцу людей, вне зависимости от их социального статуса и сословной принадлежности. Интерес представляет и то, каким образом на поворотных этапах истории менялись обычаи и правила обустройства дворцовой жизни, невозможной без труда и участия многих занятых на службе работников. Материалы XXVIII Царскосельской научной конференции очевидно позволят отыскать новые

подходы и нетривиальные решения поставленной проблемы, привнесут ранее неизвестные фактические данные.

Рассмотрим один из эпизодов сложения механизмов взаимодействия владельцев и служащих загородной дворцовой резиденции в послереформенной России. Сюжет посвящен сокращению штата персонала императорской Ливадии и опирается на архивный документ, озаглавленный «Об увольнении должностных лиц, не получивших назначение по штату, и о выдаче им пособий…»[1].

После гибели Александра II в марте 1881 г. императорское имение в Крыму унаследовал Александр III. По воле нового монарха проводилась тотальная ревизия недвижимых объектов императорской резиденции, вносились изменения в ее административное и хозяйственное устройство. Владение хотя и приносило некоторый доход, но сверх того требовало огромных расходов. Государь распорядился сократить суммы на имение и установил для него фиксированный бюджет: «По Высочайше утвержденному расписанию расходов по Министерству Уделов на 1882 год назначено на содержание Ливадийского Е. И. В. имения с фермами 159.968 р. 64 к.»[2]. Исполнение указа курировал министр императорского двора граф Илларион Иванович Воронов-Дашков. Сокращение штатов состоялось 1 июля 1882 г.

На место бывшего управляющего имением Н. П. Горбунова был назначен подполковник (затем полковник и генерал) Плец, сторонник по-военному жесткой дисциплины и человек авторитарный. Он составил список лиц на увольнение, но никто из них не согласился добровольно покинуть Ливадию, и каждый написал прошение оставить его на службе. Обращения были написаны по общей форме, с указанием должности и времени работы, семейного положения и числа иждивенцев. Уволенные лишались работы, средств к существованию и предоставленного им жилья. Плец направил рапорт министру: «Согласно вновь Высочайше утвержденному штату… должны быть уволены 82 лица, означенных в принимаемом при сем списке. Все лица, остающиеся за штатом и подлежащие увольнению находятся в крайне бедственном положении, не имея никаких собственных средств на выезд из Ливадии и на содержание себя и своих семейств впредь, до приискания каких либо мест»[3].

Потребовалось решать вопрос с выходными пособиями. Управляющий писал: «…имею честь испрашивать разрешения Вашего Превосходительства на предоставление означенным лицам оставаться

в Ливадии на занимаемых ими квартирах, и до первой возможности освободить их, а равно почтительнейше ходатайствовать о назначении этим лицам, то есть выдаче чрез Ливадийское Удельное управление единовременных пособий на выезд и содержание до приискания места в размере, в каком Ваш Превосходительству будет угодно признать возможным»[4]. В итоге сумма выплаты была назначена в размере месячного оклада: «…управляющему имением Ливадия выдано пособие на переезд, — месячный оклад содержания всем лицам, которые были уволены от службы при введении в Ливадии нормальной сметы, с отнесением сего расхода на счет суммы, ассигнованной на содержание имения Ливадия в текущем году»[5].

Под сокращение штатов попали не только рабочие, но и высокопоставленные служащие. Таким был архитектор, коллежский секретарь С. И. Тихомиров, с ежегодным окладом 2300 руб. Женатый и бездетный, он служил в Ливадии с 22 августа 1879 г., а с 11 марта 1881 г. числился в штате Удельного ведомства[6]. Позднее, в 1891 г., штатная единица архитектора Ливадии была восстановлена и по протекции того же Плеца ее занял ялтинский архитектор П. К. Теребенев.

Последующая карьера Тихомирова сложилась вполне успешно. Он получил должность архитектора Императорских московских театров и обосновался в Москве, участвовал в надзоре за эксплуатацией и строительством крупных государственных зданий города. Начиная с 1887 г. занимался частной архитектурной практикой, а в 1890 г. снова поступил на службу и трудился в должности губернского архитектора Саратова.

Среди уволенных в Ливадии значительную часть составляли садовые работники, осуществлявшие уход за парками, оранжерейным хозяйством, теплицами, огородами, питомниками, дорогами и в целом за обустройством гигантских ландшафтных территорий. Императорский парк охватывал всю дворцовую часть Ливадийского имения и занимал около 4,5 га. Его генплан, составленный примерно в те же годы, дает возможность составить представление о значительной протяженности парковой дорожной сети, площади партеров и посадок редких пород деревьев, кустарников, цветников, газонных насаждений, органически увязанных с застройкой дворцового ансамбля (ил. 1).

Уход за парками и садовым хозяйством имения вместе с оплатой труда рабочих составлял существенную долю расходов по имению.

Ил. 1. План парка в имении Ливадия. Около 1880 г. РГИА

Под сокращение попали садовые служащие во главе с назначенным сюда по воле императрицы Марии Александровны главным архитектором Филиппом Даниловичем Лангом. Рассказ об этом будет долгим, и мы представим его позднее.

Освобождались от должности два помощника главного садовника с годовым жалованием по 420 руб. Первый, по фамилии Лютц, работавший в имении с 1874 г. и не имевший семьи. Второй, Крутиков, служивший с 1876 г., был женат и имел на иждивении четырех детей. Увольнению подлежали четыре садовых подмастерья с жалованием по 300 руб. Это Поддубный (работавший с 1862 г.), Хариков (с 1867 г.), Слепченко (с 1878 г.), Ребан (с 1869 г.) — все семейные, и у каждого имелось от 5 до 2 детей. Без работы остались 18 садовых рабочих, нанятых в основном в 1880–1881 гг. и получавших около 200 руб. каждый: Драгель, Иван Хлебников, Акинфий Данилов, Максим Ворона, Алексей Титов, Терентий Раструба, Дмитрий Катилевский, Иван Матросов и десять других[7].

Действия администрации не обременялись моральными обязательствами, но принцип жесткого администрирования в отдельных случаях давал сбои. Это касалось служащих со стажем, привлеченных в Ливадию по личному распоряжению Александра II и Марии Александровны.

Яркой фигурой был отставной боцман Николай Макаров, хотя известно о нем совсем немного и только то, что сам он написал в записке на имя графа Воронцова-Дашкова. За краткой автобиографией встает неординарный человек, поистине героического склада: «С 1836 г. состоял на государственной службе в составе Черноморского флота и имел честь участвовать в обороне Севастополя, состоя в строю, в звании боцмана в составе Севастопольского гарнизона на 4 бастионе все время осады, а с 1 января 1858… в отставке»[8].

После военной службы Макаров десять лет находился в отставке. 21 мая 1868 г. с учетом его воинских заслуг перед Отечеством он был зачислен в штат служителей императорской резиденции в Крыму. Макаров писал, что «поступил на службу в имение Е. И. В. Ливадия, где состоял приказчиком и был посылаем при постройке дворца на Эреклике в разные города по разным поручениям, и потом заведовал придворными кладовыми в Ливадии»[9]. Боцман был женат и имел троих детей. Начиная с 1870 г. и до увольнения в 1882 г. он служил в должности приказчика кладовых Дворцового имущества, с ежегодным содержанием 480 руб.[10] Макаров был уволен на общих основаниях, несмотря на его заслуги.

Массовое сокращение штатов носило прагматичный характер, и в планы не входило частное разбирательство дел. Исключение составляли два лица, прошения которых рассматривались более

подробно. Неординарное решение было вынесено по делу священнослужителя, протодиакона Онуфрия Кильчевского. В докладе о нем читаем: «На службе в Удельном Ведомстве с 16 ноября 1878, служит в сане диакона с 1855, в Ливадию командирован был ежегодно с 1861 года до зачисления в штат Ливадийского причта. Содержание 800 р. Вдов, детей не имеет»[11].

За скупыми строками стояли двадцать лет в Ливадии, с того дня, как императрица Мария Александровна учредила здесь регулярные православные церковные службы. Они вначале проходили в походной церкви, привезенной из Царского Села, а затем совершались во вновь построенном царском Крестовоздвиженском храме, заложенном в 1861 г. и освященном в 1866 г. Дворцовая церковь была задумана в первый приезд монархини в Ливадию и сразу же после торжественной закладки Владимирского собора в Херсонесе, в церемонии которой участвовала императорская чета. Для клира дворцового храма Ливадии Мария Александровна велела пригласить иеромонаха Херсонесского монастыря Епифания, а дьяконом к нему был определен Кильчевский. В камерном по размерам дворцовом храме службы проводились исключительно для царской семьи. Епифаний и Кильчевский, служивший на тот момент протодиаконом Александро-Невского собора в Мелитополе, командировались в Ливадию на время пребывания в ней монархов.

Кильчевский окончательно переехал в Ливадию после строительства в ней второй, приходской и кладбищенской церкви Вознесения Господня. Ее освятили в 1876 г. на празднование тезоименитства Марии Александровны и в присутствии императорской четы. Священнослужителями нового храма были назначены те же самые духовные лица — архимандрит Херсонесского монастыря Епифаний и протодиакон Кильчевский.

7 июля 1882 г. Кильчевский направил рапорт на имя министра двора с прошением оставить его на службе в Ливадии. Он писал, что «был командируем сюда для служения на время пребывания Высочайшего Двора в Дворцовой Ливадийской церкви по Высочайшей воле ежегодно с 1861 до 1878 года, когда [был причислен] к штату Ливадийского причта и при назначении готовой квартиры (одна комната в доме причта)… с содержанием по 600 р. и столовых по 200 р. в год»[12].

Постоянный клир для храмов Ливадии был необходим, и решение об отставке священнослужителя пересмотрели: «На будущий

Ил. 2. Вознесенская церковь в Ливадии. Фото конца XIX в.

1883 год предполагается восстановить должность диакона Ливадийской церкви, с приглашением на эту должность бывшего при этой церкви протодиакона Кильчевского»[13]. Он был единственным из списка Плеца, кто после увольнения вернулся в Ливадию (ил. 2).

Крушением дела жизни стала отставка для бывшего главного садовника имения. В бумагах он значился как «надзиратель за парками и оранжереями Ливадийского Удельного Управления, Гессен-Дармштадтский подданный ученый Садовник Филипп Лангъ»[14].

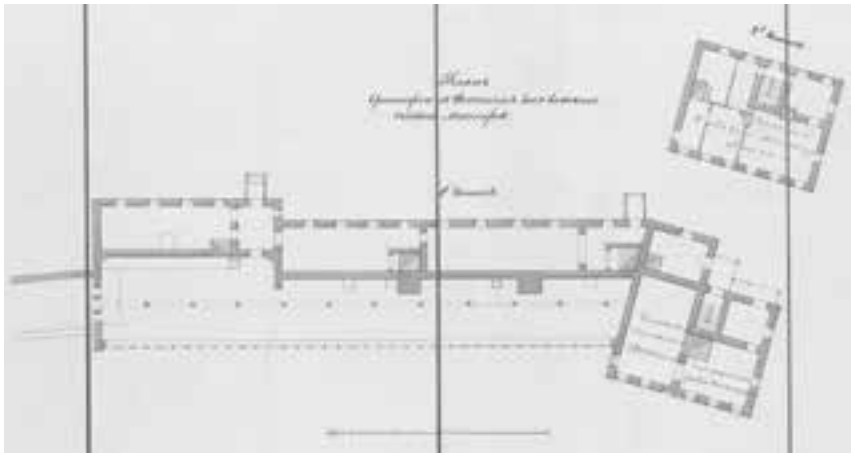
Своей службой в России он был обязан императрице Марии Александровне и о себе писал следующее: «По приезде из-за границы по повелению в Бозе почившей Государыни Императрицы Марии Александровны я в 1860 году поступил на службу по ведомству Императорского Двора Помощником Главного садовника Императорского С.-Петербургского Ботанического Сада под руководством Доктора Регеля; в 1865 году с 5 февраля по распоряжению Председателя Департамента Уделов Графа Стенбока переведен на службу в Удельное ведомство Главным садовником и Смотрителем имения Е. И. В. Государыни Императрицы Ильинское близ Москвы, а в следующем году и во вновь купленное имение Усово; с тех пор, состоя

беспрерывно на службе в Удельном ведомстве, имел честь неоднократно быть командирован как по России, так и за границу по надобностям Удела; представлял на выставки растения, следствием чего было присуждение экспертами Ильинскому имению высшей за то награды большой серебряной медали…»[15].

Уточним некоторые обстоятельства придворной службы Ланга. В 1864 г., после покупки Ильинского, в нем создавалась новая загородная резиденция императрицы Марии Александровны, подаренная ей Александром II. Для флористической декорации дворца и обустройства парка из Петербурга был вызван главный садовый мастер Департамента уделов Климент Иванович Геккель. Но вскоре, 1 февраля 1865 г., он был назначен главным садовником в строившуюся Ливадию. После этого возглавить работы по парку Ильинского был призван Ланг.

За его высочайшим назначением стояли личные мотивы, воспоминания монархини о родине и почитание памяти родителей. Ее чувствительное сердце не могло не откликнуться на трогательный поступок садовника, бескорыстно ухаживавшего за их могилами в Дармштадте. История эта вначале не выходила за пределы семейного круга царской фамилии, но после просочилась в прессу. О ней упоминалось в газетном очерке, написанном со слов М. П. Степанова, адъютанта великого князя Сергея Александровича, унаследовавшего Ильинское от матери.

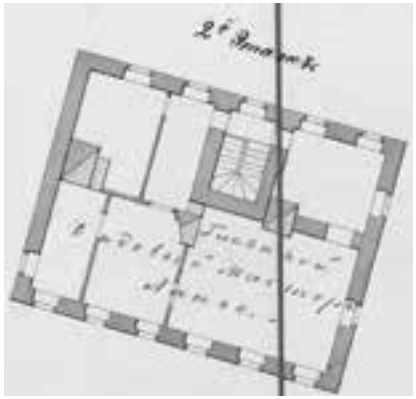
Теперь по порядку. Филипп Данилович Ланг родился в 1829 г., был сыном гоф-шваб-вакенмейстера двора великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига II. Сообщалось, что, будучи истинным подданным своего правителя, он «по чувству личной преданности украшал их могилы цветами… и чтобы вознаградить такого искренно преданного слугу, [Мария Александровна] приказала назначить его садовником в Ильинское»[16]. Лангу было 36 лет, и к тому времени он был уже зрелый, образованный и опытный садовый мастер, имевший за плечами солидный послужной список работ в разных местах Германии, а также в Петербурге под руководством знаменитого ученого, ботаника Э. А. Регеля. Лично Александру II Ланг был представлен 18 августа 1865 г., во время предварительного осмотра монархом Ильинского, перед приездом сюда императрицы с младшими детьми. Император, знакомый с обстоятельствами приглашения садовника в подмосковную усадьбу, приветствовал его словами «А Вы из Дармштадта, давно Вы здесь?»[17].

Ил. 3. План оранжереи в Ильинском. Около 1866 г. РГИА

В Ильинском Лангу назначалось жалование 600 руб. и поручалось иметь «в ближайшем своем заведывании как здания имения с находящимися в них вещами и мебелью, так и сады, парк, оранжереи и все садовые учреждения, согласно данной им расписке» (18 марта 1866 г.)[18]. Работал он совместно с помощником главного садовника (с оплатой 300 руб.), старшим подмастерье (200 руб.) и двумя младшими подмастерьями (по 144 руб.), не считая рабочих.

Фамилия мастера оканчивалась на «ять» («ъ»), и с учетом особенностей перевода на русский язык ее писали поначалу в транскрипции «Ланге». Надпись «главный садовый мастер Ланге» находим среди листов коллекции планов Ильинского, датированных примерно 1866 г. Таким образом была указана квартира, в которой проживал садовник. Она располагалась на втором этаже башенного корпуса каменного здания оранжереи[19] (ил. 3, 4).

Ил. 4. Фамилия Ланге на чертеже
Фрагмент плана оранжереи. РГИА

Работы Лангу вскоре прибавилось вдвое, ему повысили жалование и добавили помощников. По рапорту в Министерство императорского двора управляющего Московской удельной конторы И. И. Маслова, «с присоединением к имению Ея Величества Ильинскому купленного в сем году у генерал-майора Казакова имения Усова, значительно увеличились труды и занятия имеющего наблюдение за тем и другим имением, главного садовника имения Ильинскаго, Ланге… имею честь испрашивать о назначении к получаемым Г. Лангом 600 р. добавочного содержания по 200 р. в год, собственно за имение Усово»[20] (5 октября 1867 г.).

Начиная с 1869 г. Ланг все чаще выполнял поручения, связанные также и с Ливадией. Так, в 1872 г. он был командирован в Германию для закупки растений для Ильинского и Ливадии. Авторитет Ланга был настолько высок, что крайне амбициозный Климент Геккель, будучи главным садовником Ливадии, почел за честь определить к нему на обучение второго сына. Вынося это решение на усмотрение начальства, Геккель старший писал: «я отправил моего сына Карла в Ильинское, к немалому удовольствию Ланга, который обещал мне принять его под свое покровительство; зная Ланга с хорошей стороны, я нисколько не сомневаюсь, что он сделает из него хорошего практического садовника. Но вместе с сообщением, Ланг требовал от меня, чтобы для избежания каких-либо недоразумений я попросил Вас написать к Г. Маслову, что переход к нему моего сына был не без согласия на то Вашего Сиятельства»[21] (4 января 1873 г.). Прошение было удовлетворено, и с 1 апреля 1873 г. Карлу Геккелю были определены в Ильинском «пособие и стол» в размере по 15 руб. в месяц[22].

Триумфом признания успехов Ланга стала выставка 1–8 апреля 1874 г., состоявшаяся в Экзерциргаузе в Москве и устроенная Российским обществом любителей садоводства под началом В. И. Ахшарумова. Экспонаты из оранжереи Ильинского были удостоены высоких наград. Маслов сообщал в письме Ю. И. Стенбоку: «На открытую в Москве выставку растений… было представлено, с разрешения Вашего сиятельства, из Ильинских оранжерей до 900 растений. Экспертная комиссия выставки присудила за лучшую культуру Ильинских растений большую золотую медаль и сверх того за культуру нового растения „рубусъ аустралисъ“ большую серебряную, за китайские лимоны с устроенным для них искусственным столом среднюю золотую медали»[23]. Отмечались персональные заслуги садовника: «…имею честь ходатайствовать о представлении Главному садовнику Ильинского и Усовского имений Лангу присуждения Комиссией медали, так как, благодаря трудам Ланга и превосходному

знанию им дела, выставленные из Ильинского растения имели такой значительный успех и обратили на себя внимание любителей цветоводства»[24].

Не меньшее признание получили работы Ланга и в следующем 1875 г. Растениям его селекции эксперты присудили три серебряных медали: за один из сортов картофеля, за розаны и китайские померанцы. Эти награды были отданы на хранение в контору Ильинского имения, поскольку к тому времени Ланг уже был в Ливадии[25]. 4 июня 1874 г. он был назначен главным садовником Ливадии, а 13 июля его место в Ильинском занял помогавший ему ранее прусский подданный Юлий Фогт[26].

Императрица одобрила решение уволить из Ливадии Геккелей, отца и сына (очевидно старшего, по имени Александр). Вместе с инженером Козловским они допустили серьезные просчеты по возведению одного из гидротехнических сооружений. Вышло постановление: «Находящегося в имении Ея Величества Ливадии главного Удельного садового мастера, потомственного почетного гражданина Геккеля 1-го откомандировать обратно в Ропшу, а садового мастера имения Ливадия Геккеля 2-го назначить помощником садовника в Ропшу»[27]. Отстранение Геккелей обошлось без серьезных взысканий, и они вернулись в Петербург, не потеряв прежний уровень окладов.

Ланг обосновался в Ливадии и здесь через год женился, правда имя его избранницы остается неизвестным. При регистрации брака управляющий имением дал в высшей степени высокую оценку личным качествам мастера: «Специальные знания, практическая опытность и нравственные служебные его качества до сего времени постоянно заслуживали одобрения начальства. Полезная и усердная его служба вместе с тем отмечается примерными добросовестностью и исполнительностью. По случаю вступления в барк было назначено Лангу единовременное пособие… 300 р.»[28] (13 февраля 1875 г.).

Ланг кардинально изменил систему цветочного оформления в Воздушном парке Ливадии, вокруг Большого императорского дворца. С его приходом здесь прекратили срезать розы для украшения комнат. Взамен для флористического убранства дворцовых зданий садовник устроил в оранжерейном комплексе специальный питомник роз и других цветочных растений, оснащенный по последнему слову техники. Ланг заменил видовой состав розового

сада, что располагался к востоку от Большого дворца и стелился вдоль дорожек в южном направлении по склонам парка.

Помимо выполнения обязанностей главного садовника, Ланг обучал своему предмету местных детей. Он писал, что «с 1876 года преподавал в Императорской Ливадийской школе понятия о жизни и питании растений за вознаграждение 100 р. в год»[29].

После перехода Ливадии во владение Александра III мастера вначале понизили в должности. По Удельному ведомству вышел указ № 10: «Ланг, находившийся на должности Главного Садовника в имении Ливадия, был определен Надзирателем за парками, садами и Оранжереями в Ливадии, с ограничениями»[30] (1 июля 1881 г.). Ему оставили прежнее жалование 1600 руб. в год, но только без выплат на содержание.

Это и второе распоряжения администрации, означавшее окончательное отстранение от должности, мастер выполнил беспрекословно: «…с 19 июня [1882 г.] Вашим Высокоблагородием мне объявлено, что с 1 сего июля должность моя упраздняется и поручено мне передать все имеющееся у меня на руках и в заведывании садовнику Гуфу. Ныне мною это исполнено и все передано в исправности»[31]. Ланг уходил, освободив свою прежнюю вакансию главного садовника ранее служившему у него в подчинении саксонскому подданному Вильяму (Вильгельму, Василию) Гуфу, который оставался работать в Ливадии до своей кончины, наступившей в 1896 г.

Прилежный и покладистый Ланг безоговорочно следовал указаниям начальства, включая роковое для него сокращение штатов. Это позволило чиновникам писать о нем как о покинувшем работу якобы по собственной воле. В позднейших документах читаем за подписью делопроизводителя: Ланг «уволен от службы по прошению»[32]. Официальный послужной список ученого садовника завершался словами: «19 июня 1882 года по семейным обстоятельствам уволен из Ливадии»[33].

В действительности все было иначе. Место садовника Ливадии Ланг покинул против своей воли. В 53-летнем возрасте он в одночасье остался ни с чем — без любимой работы, без места жительства и без средств к существованию. На свое жалкое положение он с горечью указывал в прошении на имя графа Воронцова-Дашкова. Процитируем: «Таким образом, прослужив в Удельном Ведомстве в имениях Е. И. В. Государыни Императрицы, а ныне Е. И. В. Государя Императора около 18 лет, а по Министерству Императорского Двора

вообще 22 года и 8 месяцев, я ныне, будучи в преклонных летах и с семейством, оставлен без должности и в полной неизвестности относительно того, на что я могу надеяться. Такое положение при неимении собственных средств, вынуждает меня утруждать Вас покорнейшею просьбою исходатайствовать перед высшим удельным начальством за долговременную мою службу Их Императорским Величествам пенсии из удельных сумм и единовременное пособие при увольнении по примеру выдачи такового, предшественнику моему, главному садовнику Ливадии Геккелю. Ученый Садовник Ф. Ланг»[34].

Пенсия Лангу была определена в унизительно малом размере. Постановление о ней гласило: «…в виду его долговременной и полезной службы, преклонности лет и неимения средств к жизни… бывшему надзирателю за парками, садами и оранжереями Гессен-Дармштадтскому подданному Лангъ» с 1 января 1883 г. назначена пенсия из удельных сумм в размере 300 руб.[35]

О назначении искомой пенсии Ланг узнал, находясь в Москве. И здесь он оформил расписку: «Я, нижеподписавшийся Филипп Данилович Ланг, дал эту подписку Управлению 2-го участка Арбатской части в том, что содержание отношения Департамента уделов от 11 ноября мне объявлено. В чем и подписует Околоточный надзиратель Николин»[36] (29 ноября 1882 г.).

Вскользь упоминается, что Ланг искал себе новое место службы в ведомстве уделов. Но далее его следы теряются. Царская милость прежних государей, Александра II и Марии Александровны во втором поколении, под действием администрации Ливадии, обернулась небрежением заслуг ученого садовника по украшению дворцов и парков императорских Ильинского, Усова, Ливадии, а после и полным забвением в истории имени Ланга.

Требования рентабельности и экономии средств, помноженные на жесткое администрирование, легко переступали через те высокие идеалы, что представляли ценность в эпоху романтизма, когда ближайший физический мир дворца мыслился аналогом литературного понятия нравственного мира. Пространственное измерение дворца и имения в физическом выражении населявших его людей — живущих собственным трудом специалистов, служителей и прислуги — мыслилось не чем иным, как рабочим механизмом, который подлежит отладке и изменениям под конкретные прагматичные цели. Все образно сводилось в итоге к знакомой коллизии чеховского «вишневого сада» с его героем старым слугой Фирсом.

[1] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1244.
[2] Там же. Л. 56.
[3] Там же. Л. 1 об.–2.
[4] Там же. Л. 1–1 об.
[5] Там же. Л. 1 об.
[6] Там же. Л. 3 об.
[7] Там же. Л. 6 об.–8 об.
[8] Там же. Л. 27.
[9] Там же. Л. 27–27 об.
[10] Там же. Л. 5 об.
[11] Там же. Л. 4.
[12] Там же. Л. 13–13 об.
[13] Там же. Л. 56.
[14] Там же Л. 20.
[15] Там же. Л. 20–20 об.
[16] *Ярцев А.* Подмосковные прогулки // Московские ведомости. 1892. 14 авг. № 223. С. 3.
[17] *Слюнькова И. Н.* Царская, великокняжеская резиденция: Ильинское и Усово. М., 2016. С. 123.
[18] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 113. Л. 2 об.–3.
[19] РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 137. Л. 7.
[20] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 113. Л. 1–2.
[21] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1656. Л. 3.
[22] Там же. Л. 5.
[23] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 931. Л. 3–3 об.
[24] Там же. Л. 3 об.
[25] Там же. Л. 9–10 об.
[26] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 834. Л. 2–2 об.
[27] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 828. Л. 1.
[28] Там же. Л. 12–12 об.
[29] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1244. Л. 20 об.
[30] Там же. Л. 97.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 374. Л. 51. Формулярный список Ланга. См.: *Арбатская Ю. А., Вихляев К. А.* Ливадия — цветочная корона Дома Романовых. Симферополь, 2013; *Арбатская Ю., Вихляев К.* Садовники Крыма. Именной список лиц, служивших в садоводстве на территории полуострова за два века его истории. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kajuta.net/node/3280 (дата обращения 07.08.2022).
[34] РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1244. Л. 20–21 об., 47–47 об.
[35] Там же. Л. 56 об.–57, 96 об.
[36] Там же. Л. 96 об.

Спащанский Андрей Николаевич

ВРАЧЕБНЫЕ ТАЙНЫ ЕЛИЗАВЕТИНСКОГО ДВОРЦА. О ЧЕМ МОЛЧИТ «КАМЕР-ФУРЬЕРСКИЙ ЖУРНАЛ»

В 1871 г. в «Архиве князя Воронцова» была опубликована записка о состоянии здоровья императрицы Елизаветы Петровны, составленная в конце августа 1759 г. в Петергофе доктором А. Пуассонье (в публикации Боасонье. — *А. С.*)[1]. Она почти не известна, хотя имеет немалую ценность, ибо позволяет нам не только раскрыть некоторые тайны медицины XVIII в., но также проникнуть во внутренние комнаты Елизаветы Петровны и узнать, что происходило в них, когда императрица не совершала выходов.

Те, кто исследуют придворную повседневность, постоянно обращаются к «Камер-фурьерскому журналу», однако не каждое царствование в нем обстоятельно расписано. Изучать по этому документу двадцатилетнее правление Елизаветы Петровны довольно трудно. В основном тексте или в приложениях иной раз мы находим уникальные данные, такие как распоряжения императрицы о приготовлении постных блюд для застолий в Царском Селе, детали придворных церемониалов, как, например, требование присутствовать в Петергофе в особом «куртажном платье», сообщения о беспечности прислуги и др. Но такие сообщения не искупают многочисленных пропусков (иногда до недели и более) или кратких записей: «Ничего особливого не было».

Камер-фурьер не имел доступа во «внутренние Ее Величества покои», поэтому мы можем только предположить, что в такой день императрица отдыхала от церемониалов, застолий и танцев или болела, особенно если речь идет о последних годах ее жизни, поэтому записывать было нечего. Хотя не будем отрицать, что пропуски могли быть связаны также с «нерадением» должностных лиц, из-за чего «многие обстоятельства либо совсем выпущены или весьма темно означены». Так, по крайней мере, объяснял пропуски один из камер-фурьеров В. Рубановский[2].

В 1759 г., с 30 июля до 4 сентября, Елизавета Петровна пребывала в Петергофе. По состоянию здоровья она уже не ездила верхом, не охотилась и не танцевала. Она редко покидала свои комнаты

в Монплезире и выходила к публике только ради спектаклей, приемов или богослужений. После нескольких «высочайших выходов» 22 и 24 августа императрица вообще была крайне утомлена. Так, 22 числа перед ней были торжественно пронесены «военнопленные» прусские знамена и штандарты, затем состоялся куртаг в присутствии придворной публики. А в ночь с 24 на 25 августа Елизавета Петровна три часа провела в театре, после чего до 5 утра ужинала в компании придворных и иностранных посланников. Поэтому 25 августа камер-фурьер сделал в журнале знакомую нам запись: «25-го числа, в Среду, ничего не происходило особливого»[3]. Но именно 25 числа неизвестному придворному лицу была передана записка, которую мы приводим здесь:

Ил. 1. Е. П. Чемесов с оригинала П. А. Ротари. Портрет императрицы Елизаветы I. 1761. ГЭ

«*Записка о состоянии здоровья императрицы Елизаветы*.

Учинив старательное исследование сообщенной мне г-м Кондоиди[4] с докторским советом от Мая 20 дня 1758 г. записки для сообщения мне точного известия всех обстоятельств, занимающих дражайшее Ее Величества здоровье, я почел, купно с прочими докторами, что все аксиденты, коих Она испытала при разных приступах, должны почесться яко действие истерического припадка.

Припоминая первое явление оных месяца Ноября 1754 г. по случаю у Е. И. В. Государя Великого князя Павла Петровича сильной колики[5], можно ясно уразуметь, доколе страх, живо поразивший Ее Императорское Величество ради страху за жизнь малолетнего Государя, повредил Ее нервы, особливо же *маточные*, тем более, что прошлого году в Москве[6] Она испытала *кровоизлияние*, уже возвестившее некоторое неспокойствие, и что у Нее случились р…[7], внезапно прекратившиеся; затем оные продолжились в непорядке до октября месяца 1756 г.

Приступ, Ее Императорскому Величеству случившийся в Царском Селе Сентября месяца 1757 г., был потому силен, что Она отказалась от всех предосторожностей, коих опасное время полной остановки р… делало весьма к соблюдению надобным.

Между тем, успех сей болезни, коя вообще более страшна, нежели опасна, был прекращен малым средством, которого г-ну Кондоиди дозволено было употребить, и, без всякого сомнения, оная болезнь была бы совершенно истреблена, когда Ее Императорское Величество восхотела точнее соблюдать план поведения, которого сей доктор Ей предложил и который равно доказывает его обширную просвещенность и к Ее Императорскому Величеству привязанность. Еще остающееся от тех истерических аксидентов не должно сохранять в Ее Императорском Величестве беспокойства. Оные неприметно убавятся при употреблении указанных средств. Я даже наблюдаю, что нервы, мало-помалу укрепляясь, вскоре сделаются менее подвержены возбуждению; но очевидно также, что по мере удаления от молодых лет, жидкости делаются густы и медленны, особливо, когда оные имеют характер скорбутический [8]. Сии два взгляда, которые простым и точным образом показывают нынешнее Ее Императорского Величества состояние здоровья, должны, стало быть, равно показать и направление советам Ее докторов и давать Ей знать необходимую надобность исполнения оных со всею твердостью и точностью. Их верный успех будет тем более велик, ибо Ее Императорское Величество имеет превосходное сложение, которое обещает ей многих лет жизни; надлежит только избавить тело от дряхлости.

Лекарства, что г-н Кондоиди избрал для достижения сего важного намерения, несомненно, заслуживают предпочтения. Ее Императорское Величество самолично узнавала их доброе действие всяк раз, как изволила употребить; но как Она отказывается от продолжения принятия оных по Своем успешном исцелении, потому что их неприятно брать, а от всех лекарств она вообще испытывает сильное отвращение, коего нельзя одолеть даже силою разума, то ради одоления Ее Императорского Величества отвращения, сколь сие возможно, я предлагаю давать Ей под видом пилюль то, что доселе она принимала в растворе; так можно следовать предписанному, ибо будет составлено в тех же ингредиенциях. Следственно по тому, мое мнение таково:

1. Пред сентябрьским равноденствием Ее Императорскому Величеству долженствует произвесть прочищение и пустить кровь.

2. Сразу по том долженствует Ее упросить начать употребление предписанных пилюль, и оных обворачивать в небольшую часть мармеладу из апельсинного цвету, да сверх того давать одну или две чашки настойки липового цвету за чай. Порцион пилюль будет зависеть от способа, коим вызывают два или три испражнения ежечасно, но надлежит продолжать их употребление, по крайней мере, в течение месяца, оканчивать же употребление обыкновенным прочищением.

Ил. 2. Прочищение. Иллюстрация Ш. Д. Ж. Эйзена к сказке Ж. де Лафонтена «Лекарство». 1762. Собрание автора

3. Весьма желательно, дабы Ее Императорское Величество изволила согласиться ежевечерне по уложении в постелю принимать кофейную ложку *Гофмановой наливки*, смешанной со стаканом подслащенной воды или легкого лимонаду. Сия наливка, совсем не похожая на то, что именуют лекарством, ибо весьма приятна, имеет отличное свойство подкреплять нервы, не разгорячая оных. Прибавляя сих средств, можно достигнуть поразительного очищения важных проходов и дать жидкостям свободное обращение для исправления скорбутического основания, истребления истерического расположения и напоследок восстановления действий тела в порядке и в их природном состоянии.

4. Ее Императорского Величества порядок жизни состоит в прибавлении в супы вместо обыкновенных кореньев *пивонного* (пионного. — *А. С.*) корня, коего вкус столь же хорош, как и действие, и в приготовлении Ей большинства прочих кушаний с приправлением оных диким *refort*. Особливо надлежит Ее просить воздерживаться от жирных и тяжелых кушаний, как молочное, пироженное и проч., густых и худо перебродивших напитков. Но независимо от предосторожностей в течение предлагаемого мною лечения нарушением моего долга станет сокрытие от Нее, сколь сей род кушаний

ей вредителен. Я согласен, что Ее Императорское Величество от детских лет привычна к оным, но когда обстоятельства переменяются, равно надлежит переменить и привычки. Нынче ей долженствует нечувствительно привыкнуть к тем, кои доставляют питание не столь жирное, чтобы с большею уверенностью избавиться от аксидентов, коих густые жидкости и происходящая от того закупорка чрева не преминут вызвать изнова.

По сему я наблюдаю, что огородные травы, такие как *латук*, *цикорея*, *шпинат*, *щавель*, *наперстянка* и *брункресс*, уваренные в телячьем соке, Ее императорскому Величеству особливо приличны. Употребление оных, особенно в вечеровое время, в смеси с соком белого жареного мяса или чуть приправленного сохранит свободное прохождение во чреве, что есть предмет наибольшего попечения; ежели приключится даже, что сей выбор кушаний иной раз не воспрепятствует запору, Ее Императорское Величество ни при малом даже обстоятельстве не должна отказываться от прочищений; невозможно, чтобы оные причинили малую какую-нибудь неудобность, противно тому, от них можно получить многих выгод.

5. Для сохранения Ее Императорского Величества здоровья не менее важно, дабы Она не вела жизнь сидячую, коя кажется живости Ее характера и продолжительным движениям, коим она предавалась до 45 лет, решительно противною. Ей достает силы и проворства; растерять и не воспользоваться оными было бы противно природе. Верно, что в течение зимы в сем климате трудно предаваться упражнениям; но к числу тех, что облегчают тело, рассеивая дух, можно причислить частые и многоразные зрелища и прочие средства, коими поспешают Ее Императорское Величество увеселять, когда можно только заподозрить, что сии забавы Ей равно полюбятся и станут полезны. Я не оставляю Ея Императорскому Величеству повторять советы доктора мудрого и просвещенного, коего Она удостоила своей доверенности, но я бы почел себя счастливейшим из людей, ежели умел соучаствовать в склонении Ее следовать тем советам всенижайшими представлениями, коих дерзаю присовокупить к оным; они внушены чувством глубочайшего почтения и безмерной к Ее Священной особе привязанности, коих я во всю свою жизнь стану разделять с Ее самыми верными подданными / Боасонье / В Петергофе / Августа 25 дня 1759 года».

Приведенный документ рассказывает нам о нездоровье императрицы, о способах лечения, которые включали не только лекарства

и травы, но и распространенные в то время рвотные и слабительные средства и прочищающие клистиры. Вместе с этим он показывает, до какой степени Елизавета Петровна оставалась сложным пациентом, которому диета была неприемлема, который не любил лечение, отказывался от неприятных на вкус лекарств и тотчас бросал их, когда почувствовал облегчение.

Нас не должна удивлять диагностика и названия заболеваний. Как мы хорошо знаем, в XVIII в. микробы и вирусы еще не были известны, большинство болезней определялось как «горячка» и «лихорадка», и истинная их причина становилась известна слишком поздно, незадолго до смерти или при вскрытии. Проникать внутрь тела без нанесения ему безболезненных повреждений доктора еще не умели, и происхождение многих недугов они приписывали неравномерному распределению по организму четырех жидкостей — крови, флегмы (слизи), черной и светлой желчи, которых возвращали в равновесие кровопусканиями. Не случайно эту процедуру применяли при простудах, обмороках, внутренних воспалениях и всех видах тяжелых заболеваний, даже таких, как оспа и туберкулез! Один из современников — А. Ф. Бюшинг — считал, что и жизнь императрицы Елизаветы можно было продлить более частым кровопусканием![9]

Серьезные проблемы со здоровьем у нее стали наблюдаться с середины 1750-х гг. Уже в 1756 г. она испытывала боли по всему телу, постоянно и сильно кашляла. У нее распухали ноги, большое затруднение она испытывала при подъеме по лестницам и от этого начинала задыхаться, так что везде для нее были устроены специальные приспособления, облегчавшие подъем[10].

Понятно, что все это влияло на распорядок придворной жизни и, вероятно, даже на календарь государственных торжеств, число которых после начала войны с Пруссией могло увеличиться. Так, по сообщению француза И.-Б. Шерера, осенью 1761 г. императрица «вознамерилась оставить Петергоф для празднования своего триумфа в столице», где перед ней «долженствовало пронести знамена, провезти пушки и всю прочую военную добычу, у короля Прусского отнятую». Но когда «она возжелала взойти в карету, ей приключился нечаянный приступ эпилепсии, который принудил отменить пронесение знамен и продлил пребывание в том увеселительном доме»[11]. Здесь приходится поверить автору, так как его свидетельство мы ничем не можем подтвердить; в тексте «Камер-фурьерского

журнала» всего лишь перечислены разные события петергофской придворной жизни, перемежающиеся записями «при дворе ничего особливого не происходило», а переезд в Санкт-Петербург отмечен 19 августа «в 8-м часу»[12].

Автор приведенной выше записки А. Пуассонье во время войны с Пруссией состоял главным врачом французской армии в Вестфалии и слыл хорошим специалистом по женским заболеваниям, поэтому по совету французского посланника и с разрешения короля в конце 1758 г. он приехал в Санкт-Петербург. Сначала он изучал болезни императрицы на расстоянии и заподозрил у нее грудную водянку. Только через полгода он получил должность лейб-медика, и ему было дозволено осмотреть высочайшую пациентку. Своего первого диагноза он не отменил, но главной причиной недомоганий счел «меланхолию», происходившую от имевшихся женских заболеваний[13].

Нынешние медицинские знания находятся на совершенно другом уровне, и определения болезней по имеющимся описаниям даже на расстоянии столетий могут быть гораздо точнее. Поэтому историк медицины Б. А. Нахапетов, используя «современную нозологию», на основании разных свидетельств предположил, что государыню свел в могилу портальный цирроз печени, связанный, возможно, с пороком сердца и длительной сердечно-сосудистой недостаточностью (отчего происходили опухоли в ногах), который был осложнен смертельными кровотечениями из варикозно расширенных вен пищевода (они вызывали рвоту с кровью)[14]. Так что никакие кровопускания помочь страждущей не могли.

Записка доктора Пуассонье — ценное свидетельство дела государственной важности, каковым являлось здоровье монарха. Даже Людовик XV, отправив в далекий Санкт-Петербург специалиста, очень нужного ему в армии, руководствовался не только дружескими чувствами и теплыми воспоминаниями о планировавшемся, но не состоявшемся браке с дочерью Петра Великого. Его немало заботило здоровье важного союзника по антипрусской коалиции[15].

Многие обстоятельства повседневной жизни наших монархов не отражены в документах. Но, если для истории оставлена запись «при дворе ничего не было», это вовсе не значит, что все процессы во дворце останавливались. Они продолжались, но протекали вдали от придворных летописцев и от посторонних глаз.

[1] Архив князя Воронцова: Бумаги графа Михайла Ларионовича Воронцова. М., 1871. Кн. 2. С. 633–636. Оригинал на французском языке.

[2] Церемониальный, банкетный и походный журналы 1759 года. [СПб., 185?]. С. 219–220.

[3] Там же. С. 145–149.

[4] Доктор П. З. Кондоиди был лейб-медиком императрицы.

[5] Колика (фр. *Colique*, по-русски «колотье») — в старину симптом множества заболеваний, которые сейчас определяются как гастроэнтерологические, нервные и сердечно-сосудистые.

[6] Последнее пребывание императрицы Елизаветы в Москве длилось с 18 декабря 1752 по 13 мая 1754 г.

[7] Возможно, «reflux» (выделения?).

[8] В описываемое время «скорбутом» называли цингу.

[9] Антон Фридрих Бюшинг был священнослужителем, ученым, литератором, по совместительству лекарем. В наше время о нем вспоминают преимущественно в связи с издававшимся им с 1767 по 1788 г. «Магазине новой истории и географии», в котором среди прочего было опубликовано немало ценных документов о царствовании Петра I (в собрании ГМЗ «Петергоф»: инв. № ПДМП-1011–1032-рк). В Санкт-Петербурге он находился дважды: в 1750 и в 1761–1765 гг. О лечении императрицы он добавлял, что два ее лейб-медика за каждое кровопускание якобы получали по 2 и по 3 тыс. руб., и чтобы никто не заподозрил в их делах злого умысла, они не прибегали к этому средству, чем повредили здоровье высочайшей пациентки (*Брикнер А. Г.* Антон-Фридрих Бюшинг // Исторический вестник. СПб., 1886. Т. 25. С. 12).

[10] *Искюль С. Н.* Год 1762: Документальная хроника. СПб., 2001. С. 58.

[11] [*Sherer*] Anecdotes intéressantes et secretes de la Cour de Russie, tirées de ses archives… À Londres et à Paris, 1792. T. VI. P. 158, 159. Иоганн-Бенедикт Шерер (1741–?) был уроженцем Страсбурга, в России находился на протяжении 13 лет (с 1761 по 1774?), служил в Юстиц-коллегии, затем на дипломатической службе. В 1792 г. он дважды издал свое шеститомное сочинение под разными названиями (одно: «Занимательные и секретные анекдоты о дворе Российском»; второе: «Анекдоты и собрание обычаев и особенностей по части естественной истории, свойственных разным народам России»), в котором без всякого порядка расположил множество известий, совершенно несекретных, но большинство из которых и сегодня представляют немалый интерес. Седьмой том, посвященный перевороту 1762 г. (его он наблюдал сам) и знаменитым российским личностям (Г. Г. Орлову, Г. А. Потемкину и др.), издан не был и в настоящее время хранится в фонде рукописей Российской национальной библиотеки. Избранные анекдоты из сборника 1792 г. опубликованы в «Русском архиве» в 1877 г. (№ 10–12).

[12] Журналы Камер-фурьерские, 1761 года. [СПб., 185?]. С. 110.

[13] Подробнее: *Лиштенан Ф. Д.* Елизавета Петровна: Императрица, не похожая на других. М., 2012. С. 487–490. Не исключено, что здесь под «меланхолией» стоит разуметь не просто печаль, а состояние здоровья, как представляли доктора XVIII в., вызванное разлитием по телу черной желчи.

[14] *Нахапетов Б. А.* Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007. С. 45–47.

[15] *Лиштенан Ф. Д.* Елизавета Петровна: Императрица, не похожая на других. С. 487, 488.

Тарханова Анна Викторовна

«ПРИСУТСТВИЕ» В БАБОЛОВСКОМ ДВОРЦЕ И ЕГО СОДЕРЖАНИЕ «В НАДЛЕЖАЩЕМ ВИДЕ» (1780–1790-е)

В данной статье история Баболовского дворца дополняется выявленными данными, касающимися его устройства и последующего содержания «в надлежащем виде», особенно в периоды высочайших присутствий и предоставлений покоев дворца (в некоторых случаях, предметов его обстановки) для проживания иностранных посланников.

Вряд ли теперь можно найти в Царском Селе более таинственное место, чем Баболовский парк и руины его дворца. Они напоминают английские пейзажи с готическими объектами, украсившие роскошный фаянсовый сервиз «La Grenouille»[1] (Сервиз с зеленой лягушкой[2]) Екатерины II, изготовленный в 1774 г. на фабрике стаффордширского керамиста Дж. Веджвуда (ил. 1, 2, 4).

Летом 1774 г., когда готовый сервиз показывали английской королеве[3], Екатерина II наблюдала завершение этапов грандиозного строительства Таицкого водовода по проекту инженера-гидротехника Ф. Б. Бауэра[4] при участии И. К. Герарда, Э. Карбоньера и П. Позднева. Таким образом, Таицкий водовод и сервиз «La Grenouille», декор которого существенно дополнял опубликованные виды Англии и Шотландии[5], создавались одновременно для последующего воплощения ландшафтных преобразований в Царском Селе и его окрестностях (ил. 2–4).

По сведениям И. Ф. Яковкина, во время одной из прогулок вдоль Баурского канала Екатерине II приглянулось уединенное красивое место «на правой стороне ручья Кузьминского, в полуторе версте от Царскосельского сада к югу», не доезжая чухонской деревни Баболово[6]. Имевшиеся поблизости ресурсы (лес, залежи глины и типы почвы) позволяли превратить этот заболоченный уголок в изящный английский ландшафт, с чередой сменяющихся пленительных видов, схожих с лучшими образцами английской пейзажной живописи[7] и гравюры. Располагая увражами и многочисленными видами достопримечательностей Англии и Шотландии, украшавшими сервиз «La Grenouille», которым уже пользовались

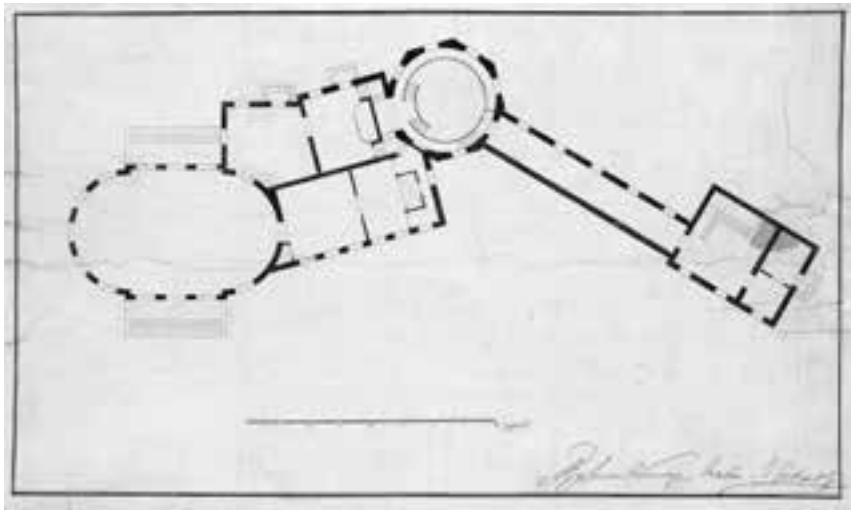

Ил. 1. а) Вид разрушений Баболовского дворца. Фотография. 2014. Фрагмент; б) И. В. Неелов. Фасад Баболовского дворца. Проект. Конец XVIII в. Бумага; перо, тушь, кисть, акварель. Инв. № ОР-45143. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2022

в Чесменском дворце, императрица могла повелеть воплотить выбранный — в реальность.

Идиллия английских пейзажей, в полной мере воспетая в поэмах и стихах[8], достаточно легко создавалась в российских дворцовых угодьях и имениях благодаря справочной литературе по английскому садоводству. В книгах указывались способы выращивания цветов и растений, плодовых и экзотических разновидностей деревьев и кустарников[9] и приводились рекомендации по непременному

Ил. 2. а) Блюдо овальное. Сервиз с зеленой лягушкой. Завод «Веджвуд», Стаффордшир 1773–1774. Фаянс; надглазурная роспись. Инв. № ГЧ-8665. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2022; б) И. В. Неелов. План Баболовского дворца в Царском Селе. Конец XVIII в. Бумага; перо, тушь, карандаш. Инв. № ОР-45142. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2022

Ил. 3. а) Грот у Таицкого водовода. [Грот «Монах»]. Фотография. Лист № 8 из альбома «Виды Царского Села». Москва, фотоателье «Шерер, Набгольц и К˚». 1870. ГМЗ «Царское Село». Инв. № ЕД-331/9-XVII; б) G. Beckham. The Temple of Modern Virtues [Храм современных добродетелей]. Ил. № 30 из альбома «The Beauties of Stow». 1756

Ил. 4. а) Компотьер овальный с изображением грота-пещеры в Шотландии. Ил. из кн.: Williamson, G. Ch. The Imperial Russian Dinner Service: A story of a Famous Work by Josiah Wedgwood. London, 1909 (фотографии предметов сервиза для книги были сделаны с разрешения императора Николая II); б) Блюдо овальное. Сервиз с зеленой лягушкой Завод «Веджвуд», Стаффордшир. 1773–1774. Фаянс; надглазурная роспись. Инв. № ГЧ-8631 © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2022; в–г) Блюдо круглое и тарелка десертная. Сервиз с зеленой лягушкой. Завод «Веджвуд», Стаффордшир. 1773–1774 Фаянс; надглазурная роспись. Инв. № ГЧ-8847, ГЧ-9156. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2022

устройству английского сельского домика или каменного, напоминающего замок, павильона.

Екатерина II повелела выделить понравившийся ей надел земли и устроить на возвышении для Потемкина «…за 3984 руб. 17 коп. деревянной небольшой дом со службами по правую сторону ручья»[10]. Для ценителя английского стиля Г. А. Потемкина, великого военачальника, гостеприимного хозяина и азартного игрока, неоднократно проигрывавшего свои владения, имение было вполне подходящее. «Потемкина часто причисляют к англоманам за его

дружбу с английскими дипломатами, покупку произведений искусства, в частности у герцогини Кингстон»[11], — характеризует интересы генерал-фельдмаршала Е. М. Орехова.

В путеводителе по Царскому Селу С. Н. Вильчковский указывает границы баболовского сада Потемкина: «Вокруг дворца и служб, по воле Императрицы Екатерины, был разбит английский сад, доходивший до просеки. Остальная часть парка оставалась под лесом и полями и не имела дорог, кроме той, что идет от Орловских ворот вдоль по Бауэровскому каналу»[12].

Вероятно, для устройства деревянного дома Потемкина был приспособлен один из типичных английских проектов: «Архивные материалы по дому не сохранились, и автор проекта неизвестен»[13], — отмечает в исторической справке А. П. Науменко и сообщает, что в доме было восемь помещений, включавших зал для приема гостей, личные покои, просторную ванную с балюстрадой вокруг мраморной чаши и с галереей, размещенной наверху, и баню. Таким образом, из покоев хозяина можно было выйти на галерею и, спустившись по лестнице, оказаться в просторной ванной комнате.

Можно допустить, что мраморную ванну в доме Потемкина окружали кадки с экзотическими растениями, деревьями и кустами. Это предположение требует дальнейшего исследования, но вызывает интерес, поскольку в самой Англии размещение «английского сада» в интерьере среди покоев владельца появилось уже к 1785 г.[14] Кроме того, исследователи отмечают, что мода на проектирование дома с оранжерейными помещениями (будущие домашние зимние сады)[15] появляется в Англии в 1790-е гг.

В камер-фурьерском журнале за 1781 г. приведено описание первого посещения Екатериной II 19 июня «…находящегося за Бауровским каналом» деревянного домика, предназначенного для проживания Потемкина. «В Субботу[16], по полудни, в обыкновенное время, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволила иметь обыкновенное кушанье в своих покоях за малым столом… В три четверти 7-го часа ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО с ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЫСОЧЕСТВАМИ соизволила воспринять ВЫСОЧАЙШЕЕ шествие со всеми в свите находящимися обоего пола персонами в домик Его Светлости Князя Григория Александровича Потемкина, состоящий неподалеку от Царского Села за Бауровским каналом…

Прибыв ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО с ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЫСОЧЕСТВАМИ к домику встречена у оного Его Светлостью Князем

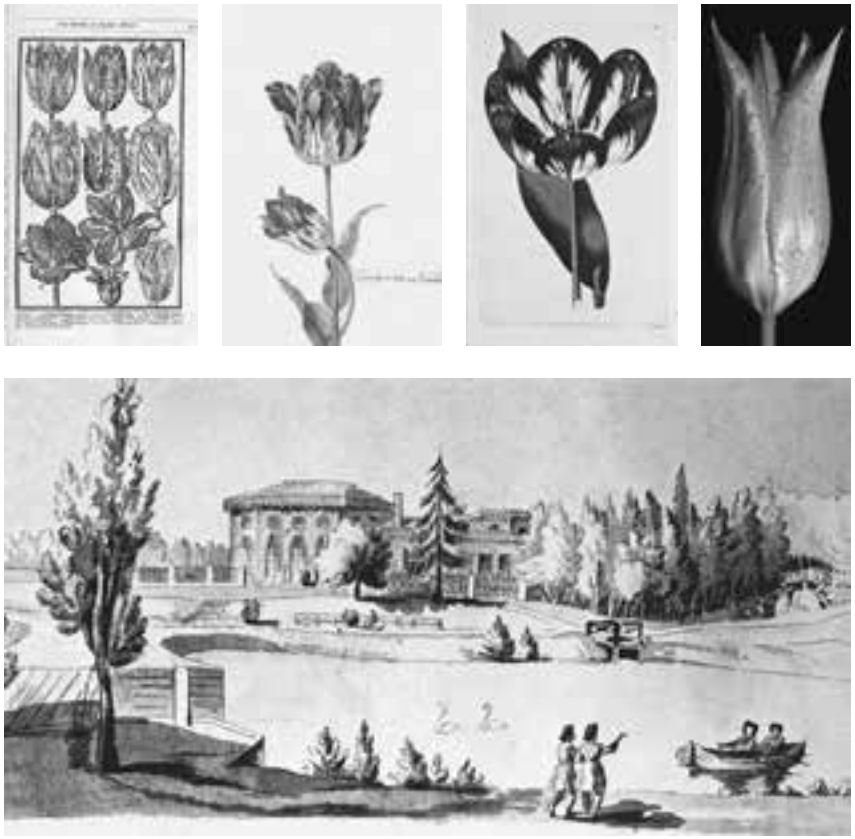
Потемкиным с бывшими при нем знатными ж обоего пола персонами, причем ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, пожаловав встретившихся Особ к руке, потом шествовала с ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЫСОЧЕСТВАМИ в покои того домика, где по продолжении разговоров, благоволила сесть играть в карты, приглася к тому ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ и некоторых из знатнейших обоего пола персон…

В три четверти 9-го часа, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО и ИХ ИМПЕРАТОРСКИЕ ВЫСОЧЕСТВА, окончив игру, благоволили присутствовать за вечерним столом, к которому приглашены были как находящиеся в свите ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА и ИХ ВЫСОЧЕСТВ придворныя знатныя обоего пола Особы, так и случившиеся кроме оных знатные ж персон до 40-ка кувертов, и в продолжении стола играла духовая музыка»[17].

В документах не указано, какой именно сервиз использовали при сервировке стола, но тем вечером в сельском домике генерал-фельдмаршала Екатерина II могла в полной мере оценить достоинства консервативного английского вкуса, ведь именно званый ужин был кульминационным завершением благоустройства созданного по ее указу ландшафта. Потемкин, скорее всего, угощал гостей блюдами, приготовленными с использованием плодов и растений (в том числе и специй) из своего собственного сада.

В саду и доме Екатерина II наслаждалась красотой цветения луковичных (тюльпанов, нарциссов, ирисов, гиацинтов и т. п.)[18], турецкое и персидское происхождение которых придавало особенный символический смысл вечеру. Определить, какие цветы и растения могли украшать новый английский сад Потемкина, можно, сопоставляя краткие архивные данные и справочные издания — руководства по английскому садоводству[19] (ил. 5 а–г). Списки сортов луковичных растений, закупавшихся в 1780–1820-е гг., опубликованы в справочнике «Английский садовник, или Трактат о положении, почве, ограждении и планировке огородов…»[20], составленном современником императрицы У. Коббеттом (William Cobbett, 1763–1835) — английским памфлетистом, журналистом, политиком и цветоводом. В юности он работал батраком[21] в замке Фарнхэм, затем садовником в Королевском саду в Кью[22].

В 1781 г. к Екатерине II возвратились из Англии архитекторы отец и сын Нееловы, которые привезли альбомы, справочники и руководства по обустройству английских садов и возведению архитектурных

Ил. 5. а) Сорта тюльпанов. Ил. из кн.: Paradisi in sole paradisus terrestris… London, 1629; б) Я. Марель. Тюльпаны. Голландия. XVII в.; в) Э. Д. Смит. Tulipa Gesnariana var. Strongii [Тюльпан Стронга «Верховный адмирал»]. Ил. из кн.: The Florist's Guide, and cultivator's directory, containing coloured figures of the choicest flowers, cultivated by florists. London, 1827–1832; г) Дикий тюльпан, с XVI в. и до сих пор вывозимый из Турции в Европу; д) Дж. Кваренги. Баболовский дворец. Конец 1780-х гг. Музей Сфорцеско, Милан Коллекция чертежей Бертарелли

сооружений. После апробации их достижений императрица дала 1 ноября 1782 г. указ о постройке каменного дома вместо деревянного «баболовского дома», пришедшего в негодность (ил. 5 д).

Само повеление императрицы упомянуто И. Ф. Яковкиным: «…построить, по смете в 15 595 р. 4 коп. каменной небольшой дворец с 7 комнатами, длиною 15, шириною 5.5 сажен, поместив в одной круглой мраморную ванну, за 1560 руб. отработанную, около дворца сего развести Английский сад, окружив его со стороны поля

и дикого лесу валом и каналом для обсушения места и непропускания в сад снежной и дождевой воды; по другую же сторону ручья Кузьминского, на супротив дворца выстроить каменные в один этаж жилые дома для дворцовой прислуги покои и конюшни с каретником»[23].

Архитектором И. В. Неловым были сделаны планы и фасады будущего каменного дома Потемкина с кухней и службами и составлена «Опись каменного строения, где теперь построен деревянной», в которой пояснялась отделка здания: «9. Во всех оных покоях, где только понадобится печей изращатых и к ним заслонки медные, вьюшки чугунные. 10. Щекатурная работа как стены, так потолки и карнизы делать какие даны будут щеблоны по окончании оного строения вчерне. 11. Во оном строении во всех покоях должны быть штучные полы из пальмы, из черного дерева, из черного дубу и березы, а в кухне и протчих простые чистые строганые, панели во всех покоях столярные. 12. Двери, в окнах переплеты и протчее, что показано будет, из масла или из подводу выкрасить белилами как надлежит»[24].

Прежний деревянный баболовский дом со службами подлежал сносу. Поэтому в кондициях на строительные работы Неелов указал: «Все оное деревянное строение сломать и положить в удобное место»[25]. Известны сведения о расходах на каменные работы: «По указу 1782 года ноября 1 числа на строение при деревне Баболовой каменного домика и на дело мраморной ванны к выданным 9000 руб. еще каменного дела мастеру Минчаки 200 руб.»[26].

В 1786 г. обновлением покоев Баболовского каменного дома занимался столярный мастер И. Шпонгольц[27]: в доме были починены и «чищены» штучные паркетные полы; в Гостином зале сделаны наличники и плинтусы, десюдепорты и «занавесных 11 досок». Шпонгольц изготовил для Спальни деревянную «выгибную» нишу с «карнизом, дверями и прочим прибором» и столярную «со столбиками» одну кровать. В Ванну сделал нишу и перегородку с «филенчатыми дверями и карнизами», и диван на ступенчатом подиуме[28].

На одном из планов Баболовского дворца И. П. Неелова (Государственный Эрмитаж, инв. № ОР-45142) видно, что в стене комнаты с мраморной ванной предусмотрено устройство печи, повторена галерея с лестничным маршем, ведущая в личные покои Потемкина и в коридор, к бане. Сохранилось первое описание ванны: «Из покоев две лестницы в ванну деревянные столярной работы. Ванна марморная вся, при ней наверху перила деревянные столярной работы,

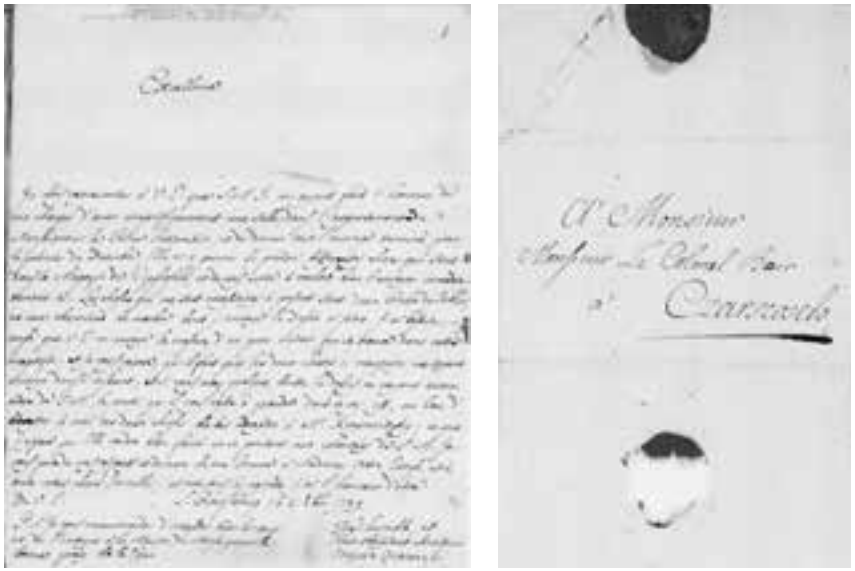
из нее вверх столярной работы лестница с перилами; во оной ванне 5 окошек с бемскими стеклами, в каждом по одной паре задвижек с медною приправою»[29].

Вокруг дворца в 1786 г. соорудили подземную каменную трубу для предотвращения сырости и соединили ее с Таицким водоводом[30]. Ванна наполнялась водой из каменной водосточной трубы со шлюзом для впуска воды, а когда вода в ванну не требовалась, то использовали другую трубу, небольшую, предназначенную для отвода воды каскадом в пруд[31].

Первое кратное описание Баболовского дворца и сада содержит «Опись всем царскосельского ведомства казенным Строениям Статуям и бюстам, как то дворцам и Прочим Зданиям…», составленная в ноябре 1789 г. архитектором П. В. Нееловым: «При деревне Баболове Каменной Баболовской дом, длиною двенатцати шириною пять с половиною сажень, с кухнями в особом отделении и при нем сад, и маленькой деревянной домик, расстояние от Села Царскаго по водопроводному Каналу в 2-х верстах»[32]. Таким образом, до 1789 г. Баболовский каменный дом со службами и садом находился в ведении Царскосельского дворцового правления. Он стал составной частью великолепного ландшафта Царского Села.

В ноябре 1789 г. императрица Екатерина II поручила отделку парадного зала Баболовского дворца итальянскому архитектору Дж. Кваренги[33], готовясь к ожидаемому приезду Г. А. Потемкина. Это обстоятельство упомянуто в письме Дж. Кваренги (ил. 6): «…ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Соизволила сделать мне честь, Поручив убрать Наивеликолепнейшим образом Зало Его Светлости Князя Потемкина в его покоях и всю онаю работу приказано кончить к 1 декабря, и для онаго позволила взять разныя вещи, которые находятся в магазейне Села Царского и употребить оные, а к вам об оном отписать, чтоб изволили прислать сюда в немедленности… вещи, которые мне необходимо нужны теперь, то две подношки столовые и один камин мраморной, посылаю к тому рисунок, Я также имею нужду Ваше Превосходительство, мне прислать большой величины зеркало, которое находится в нашей Магазейне, Я вам подтверждаю, что надобно оные две вещи назначенные прислать мне во мгновение ока, и естли Вы имеете какое во оном сумнение, не имев прежде на оное от Ея Императорскаго Величества Повеления…»[34].

В рапорте комиссара И. Тенегина от 9 октября 1790 г. указан присланный в Баболовский дворец камин: «По приказанию оной Канторы

Ил. 6. а) Письмо, написанное Дж. Кваренги, с просьбой прислать предметы для отделки большого зала Баболовского дворца; б) Фрагмент конверта этого письма с сургучной печатью — оттиск в виде овальной камеи с изображением Весты/весталки (?)
РГИА. Ф. 487. Оп. 17. Д. 348. Л. 1, 12. Публикуется впервые

отпущен мною прошлого 1789-го году в ноябре месяце архитектору Гваренгию для украшения… комнат для Его Светлости Господина Генерала Фельдмаршала Князя Григория Александровича Потемкина Таврического камин большой из белого мрамора, украшенной разноцветными каменьями и позолотой бронзовой один…»[35].

К 1791 г. Кваренги, вероятно, разработал элементы убранства не только большого зала, но и других интерьеров. В реестре 1793 г. перечислены предметы и элементы убранства, сделанные в 1791 г. для комнат Г. А. Потемкина. Среди них: пара березовых «окрашенных под лаком» стульев с обивкой из ситца «бумажного тонкаго англицкого», восемь стульев «красного дерева», обитых зеленым штофом; в Спальню — «кровать железная 4-х столбовая двойная Завесы потолок и подзоры штофныя зеленыя подложены тафтою белою На ней пуховик и мадрац в наволочках Атласных алых», а для кроватной ниши — комплект распашных занавес, обшитых бахромой, с фестонами и банграсами, с кистями и шнурами, и средними медными кольцами, на стенки этой ниши — обивка «с заборкою», комплекты миткалевых занавесей для двух дверей; для «боковых»

покоев — оконные миткалевые занавеси, суконные голубые занавеси к трем дверям, да в нишу диван с фестончатым покрывалом из ситца, обшитым бахромой и украшенным кистями, и с двумя подушками в ситцевых наволочках, подиум для дивана со ступенчатыми спусками и пр.[36]

Генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний Г. А. Потемкин, успешно проводивший военные операции, крайне редко приезжал в столицу. Последнее его пребывание в Царском Селе состоялось в мае-июле 1791 г. Так, в камер-фурьерских журналах указано: 2 мая 1791 г. «…в обыкновенное время, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволила кушать обеденное кушанье в Зеркальной комнате на 10-ти кувертах, к столу приглашены, как прибывшие накануне в свите ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, так и съехавшиеся сего утра из Санкт-Петербурга следующия персоны: 1. Анна Степановна Протасова. 2. Генерал-Фельдмаршал Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. 3. Граф Александр Сергеевич Строганов. 4. Дежурный Генерал-Адъютант Граф Ангальт. 5. Гофмаршал Князь Федор Сергеевич Барятинский. 6. Евграф Алексеевич Чертков. 7. Платон Александрович Зубов. 8. Валерьян Александрович Зубов. 9. Камер-Юнкер Дмитрий Александрович Зубов»[37].

Не все неполадки во дворце удавалось устранить вовремя. В апреле 1791 г. И. В. Неелов подает рапорт о ремонте Баболовского каменного дома, в котором, кроме указаний на проведение штукатурных и малярных работ, в частности упомянуто, что «около ванны деревянный балюстрад попортившись», а мраморные плитки ванны отстали и некоторые дали трещину[38]. Эти работы требовалось завершить к ожидаемому приезду Потемкина. 10 июня архитектор рапортом доносит, что «уже все то и исполнено»[39]. После чего Потемкин мог продолжить комфортное пребывание в Баболовском дворце, которое оказалось последним. 21 июля 1791 г. «из Царского Села поутру в 4 часа, Его Светлость Князь Григорий Александрович предпринял путь к Армии», а 12 октября того же года в Камер-фурьерском журнале появилась запись: «В вечеру получено известие о кончине Его Светлости Князя Григория Александровича Потемкина Таврического»[40].

К концу 1791 г. каменный дом с угодьями вновь поступил в казну. Прежние долги за отделочные работы до 1796 г. постепенно были оплачены — выплаты долгов Потемкина зафиксированы в «Перечневой ведомости о суммах Кабинета по Указам до 18 июля прошлого 1793-го года состоявшимся»[41].

В рапортах, поданных архитектором И. В. Нееловым в апреле 1793 г. на имя А. П. Кашкина, указано, что в Баболовском дворце необходимо провести ряд ремонтных работ, поскольку в нем обвалилась штукатурка и местами попортилась декоративная роспись стен и потолка.

В 1793–1795 гг. Баболовский дворец был предоставлен для проживания австрийскому посланнику графу Эстерхази и членам его семьи. Повелевалось «печи и камины осмотреть, чтобы топить можно было»[42]. К приезду посланника были сделаны распоряжения: «…диван переставить в предспальню… за нишем в маленьком кабинете вместо стола сделать полку в одну доску, также и в галерее, идущей к бане, и в других местах поставить пять простых шкафов»[43].

Среди архивных документов, касающихся выплат, осуществленных в 1791–1796 гг., есть сведения о копировании картин, тематический ряд которых близок деятельности генерал-фельдмаршала Потемкина: «Живописцам, Василью Петрову и Гавриле Сергееву[44] за скопированные ими виды: (В. П. Петрову[45]. — *А. Т.*) 1794 октября 25-го за вид Константинополя — 150; Декабря 9-го — такой же — 150; 1795 г. Марта 13-го идущего в Аравии каравана — 150; Цареградский — 150; Мая 13 древнего здания в Карамании — 150; Июля 3 Амфитеатра — 150; Августа 12 — развалин Диацина, Ефескаго Храма — 150; Сентября 8 Амфитеатра — 150; Сергееву: 1794 ноября 28 за два вида Константинополя — 300; Декабря 21 за вид такой же — 150; 27 такой же — 150; 1795 Марта 13 водовода Константинополького — 150; Молдавской столицы Ясс — 150; Мая 15 Константинополя от Мечети Рюппе по течению залива к Сералю — 150; Августа 21 Ипподрома в Константинополе и въезда Султанского — 150. Итого: 2400 р.»[46].

Эти сведения существенно дополняют имевшуюся ранее информацию о художниках Г. С. Сергееве и В. П. Петрове и убранстве Баболовского дворца. Для выявления картин, с которых могли быть сделаны копии, а также самих указанных в реестре копий требуется проведение дополнительного исследования.

В январе 1796 г. предметы убранства из Баболовского дворца были доставлены для устройства покоев в «царскосельские казенные» дома, в связи с прибытием в Санкт-Петербург персидского шаха и сопровождающих его лиц. Об этом визите упоминаний в литературе пока не выявлено. Поэтому приведем полностью рапорт гардемебеля комиссара И. Шуберта на имя генерал-майора В. С. Попова: «…Репорт / Сего Генваря 14 числа по приказанию Господина

камер-цалмейстера Голенищева Кутузова и камердинера Тюлпина в… Царскосельском ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ДВОРЦЕ в покои Их сиятельств графов Платона Александровича Зубова и Бараницкого к приезду персидского шаха с его свитою приуготовлено было из разных покоев снесенныя дватцать четыре кровати железных и деревянных с уборами с постелями и одеялами — и разныя мебели для переноски оных и обратно на прежние места, наняты были вольныя рабочия люди Иван Петров с товарищами четырьмя человекам за два дни по сороку по пяти копеек каждому на день а пяти человекам четыре рубли пятдесят копеек; тогож месяца 22 числа для перевоски из Баболовского Домика из покоев уборов и мебели в царскосельския казенныя, наняты мною были вольно и извощики Дмитрей Кононов с лошадью да при их два человека конному по одному рублю по пятидесяти копеек на день, а пешим по пятидесяти копеек каждому за два дни пять рублей; а всем с конным осми человекам за четыре дни следует денег девять рублей пятьдесят копеек; о чем вашему превосходительству покорнейше репортую и прошу показанным рабочим людям о выдаче оных денег. Резолюции Комиссар Иван Шуберт / Генваря 28 дня / 1796 года»[47].

Так завершился один из важнейших этапов истории Баболовского дворца, связанный с его строительством и отделкой для проживания легендарного генерал-фельдмаршала светлейшего князя Г. А. Потемкина.

---

[1] В переписке уполномоченного английского посла в России Кэткарта и Веджвуда будущий сервиз называли либо «Русским сервизом», либо, как в России, — по-французски: «La Grenouille» (по названию дворца «La Grenouillère», расположенного рядом с Петергофом, для которого, по их сведениям, он предназначался). Очевидно, чтобы не сокрушаться над неловким, но метким созвучием с названием традиционного английского пирога и меткой колкостью в адрес русской императрицы, надевавшей зеленое мундирное платье (см.: *Williamson G. Ch.* The Imperial Russian Dinner Service. A Story of a Famous Work by Josiah Wedgwood. London, 1909. P. 7).

[2] Сервиз представлен в собрании Государственного Эрмитажа (см.: *Ляхова Л. В.* С зеленой лягушкой. «Русский сервиз» Джозайи Веджвуда и британское краеведение // Русский Меценат. 2015. № 2/19, февр. С. 26–30. [Электронный ресурс]. URL: http://rusmecenat.ru/wp-content/uploads/2016/02/maecenas_19_.pdf (дата обращения 23.08.2022).

[3] «7 июня 1774 г… Они представлены в доме на Грик-стрит в Сохо, который назывался «Портленд Хаус»… выставку посетили королева Шарлотта и Его Королевское Высочество принц Эрнест Мекленбургский, ее брат» (см.: *Williamson G. Ch.* The Imperial Russian Dinner Service… P. 34).

[4] Фридрих Вильгельм фон Баур (1731–1783). В 1769 г. в начале первой Турецкой войны Баур по приглашению императрицы Екатерины II переходит на службу в Россию и назначается в армию Румянцева с чином генерал-майора и званием генерал-квартирмейстера. В турецкую компанию он одерживает блестящие победы при Ларге и Кагуле, а по окончании войны в 1772 г. приступает к преобразованию генерального штаба. Позднее занимается проектированием необходимых гидротехнических сооружений. Среди них: устройство гаваней в Кронштадтском и Рижском портах, системы Таицкого водовода (1774), Мытищинского водовода, Сиверсова канала (ЦГИА СПб. Ф. 951. Оп. 96. Д. 69. Л. 91).

[5] The Beauties of Stow: Or, a Description of the Most Noble House, Gardens, and Magnificent Buildings Therein, of the Right Hon. Earl Temple, Viscount and Baron Cobham. With Curious Copper-Plates of a General Plan of the Whole Garden. London, 1753–1756. [Красоты Стоу...]

[6] *Яковкин И. Ф.* История Села Царского. Ч. III. СПб., 1831. С. 292–293.

[7] См.: *Manwaring E. W.* Italian Landscape in Eighteenth Century England: A Study Chiefly of the Influence of Claude Lorrain and Salvator Rosa on English Taste, 1700–1800. New York, 1925 [*Мэнваринг Е. У.* Итальянский пейзаж в Англии восемнадцатого века; исследование влияния на англичан художественного наследия Клода Лоррена и Сальватора Розы, 1700–1800 гг.]; Английский вкус императрицы / альбом-каталог выставки «Царское Село Екатерины Великой». СПб., 2019. С. 224.

[8] *Manwaring E. W.* Italian Landscape in Eighteenth Century England… P. 243.

[9] Paradisi in Sole Paradisus Terrestris. Or a Garden of All Sorts of Pleasant Flowers which Our English Ayre Will Permitt to Be Noursed Vp: with a Kitchen Garden of All Manner of Herbes, Rootes, & Fruites, for Meate Or Sause Vsed with Vs, and an Orchard of All Sorte of Fruitbearing Trees and Shrubbes Fit for Our Land Together with the Right Orderinge Planting & Preseruing of Them and Their Vses & Vertues Collected by John Parkinson Apothecary of London 1629. [Рай под солнцем, земной рай. Или сад всевозможных приятных цветов, которые наш английский мир позволит выращивать: с огородом всевозможных трав, корнеплодов и фруктов, для мяса или соуса, а также с фруктовым садом всех видов. Плодовые деревья и кустарники, пригодные для нашей земли, вместе с правильным их устройством, посадкой и сохранением, а также и все их достоинства / Собраны аптекарем Джоном Паркинсоном из Лондона].

[10] *Яковкин И. Ф.* История Села Царского. С. 292–293.

[11] *Орехова Е. М.* «Великолепные чертоги…» Резиденции Г. А. Потемкина в Петербурге и окрестностях // «Это сам Потемкин!» К 280-летию светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического: каталог выставки Государственного Эрмитажа. СПб., 2020. С. 130–131.

[12] *Вильчковский С. Н.* Царское Село. Репринтное воспроизведение издания 1911 г. СПб., 1992. С. 186.

[13] Данные приведены в томе «Историко-научные исследования» проектной документации, разработанной ООО «Профиль» в 2017 г. (Шифр № 2017-270-ИНИ1; цит. по: *Науменко А. П.* Баболовский дворец в Пушкине. Историческая справка. КГИОП. 226-107 Н-831/1226-2. С. 9).

[14] Первая в Англии оранжерея, размещенная в доме и смежная с личными покоями владельца, была спроектирована не ранее начала 1780-х гг. Она была построена вместе с домом в 1783–1785 гг. в Аттингем-парке, недалеко от Атчема, в Шрусбери. Остальные оранжереи английских и шотландских домовладельцев были пристроены к уже существующим домам в процессе их бытования и использовались преимущественно для зимовки цитрусовых культур.

[15] Разнообразие ботанических коллекций привело к необходимости разработки новых вариантов их размещения и освещения (см.: *Tropp R.* The most original and interesting part of the design: The attached quadrant conservatory at the dawn of the nineteenth century [*Тропп Р.* Самобытное и интересное проектирование: пристроенный квадратный зимний сад на заре девятнадцатого века] // Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes. An International Quarterly, 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tandfonline.com/loi/tgah20 (дата обращения 20.07.2022).

[16] Вечер субботы традиционно считался в русских селениях банным днем.

[17] Камер-фурьерский журнал 1781 года. СПб., 1890. С. 334–338.

[18] С 1740-х гг. для Царскосельского дворца в Голландии закупали луковичные растения.

[19] Paradisi in Sole Paradisus Terrestris…

[20] The English Gardener. Or, a Treatise On the Situation, Soil, Enclosing and Laying-Out, of Kitchen Gardens, Etc. Concluding With a Kalendar, Giving Instructions Relative to the Sowings, Plantings, Prunings, and Other Labours, to Be Performed in the Gardens, in each Month of the Year. By William Cobbett, M. P. for Oldham. London, 1883. [Английский садовник. Или Трактат о расположении, почве, ограждении и планировке огородов и т. д., завершающийся календарем, дающим указания относительно посевов, посадок, обрезки и других работ, выполняемых в садах, в каждый месяц года].

[21] *Cole G. D. H.* The Life of William Cobbett. Westport, 1971. P. 16–18; *Green D.* Great Cobbett: The Noblest Agitator. Oxford, 1985. P. 18–19.

[22] *Clifford-Smith C.* William Cobbet: cottager's friend / Australian Garden History: journal of the Australian Garden History Society. 2008. May/June. P. 4–6.

[23] *Яковкин И. Ф.* История Села Царского. С. 292–293.

[24] Данные приведены в томе «Историко-научные исследования» проектной документации, разработанной ООО «Профиль» в 2017 г. (Шифр № 2017–270-ИНИ1; цит. по: *Науменко А. П.* Баболовский дворец в Пушкине. С. 82–86).

[25] Там же.

[26] Там же. С. 6.

[27] РГИА. Ф. 487. Оп. 13. Д. 63. 1786 г. Л. 1–2.

[28] Там же.

[29] Данные приведены в томе «Историко-научные исследования» проектной документации, разработанной ООО «Профиль» в 2017 г. (Шифр № 2017–270-ИНИ1; цит. по: *Науменко А. П.* Баболовский дворец в Пушкине. С. 97–99).

[30] *Семенова Г. В.* Царское Село знакомое и незнакомое. СПб., 2010. С. 130–131.

[31] *Яковкин И. Ф.* История Села Царского. С. 292–293.

[32] РГИА. Ф. 487. Оп. 15. Д. 10. Опись всем царскосельского ведомства казенным Строениям Статуям и бюстам, как то дворцам и Прочим Зданиям, также и деревянным строениям в коих помещены жить Разных Званий Служители, с означением каких мер, в положении длины и ширины и всем оным Построениям при чертежной имеются Планы, так же состоящие в ведомстве царскосельских Селениях, в Слободах Кузьминской Пулковской Славянской и в Федоровском Посаде церквам, священно и церковнослужительским домам. 1794 г. Л. 11–18 об.

[33] В Царском Селе архитектор уже оформлял интерьеры парковых павильонов и руководил обновлением комнат покоев императрицы в Зубовском флигеле Царскосельского дворца. Довольная убранством Баболовского дворца императрица поручила Кваренги строительство в Царском Селе загородного дворца для ее любимого старшего внука великого князя Александра Павловича.

[34] РГИА. Ф. 487. Оп. 17. Д. 348. Л. 2.

[35] Там же. Л. 8.

[36] РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 140. 1796 г. Л. 23–23 об. Требования по Камерцалмейстерской должности и сметы для убора Дворцов.

[37] Камер-фурьерский журнал 1791 года. СПб., 1890. С. 286–287.

[38] *Петрова Г. С.* Фасады Баболовского дворца. Историческая справка. 1955. Л. 11 (ГМЗ «Царское Село». Рукописные материалы и исторический архив. Инв. № 429).
[39] Там же.
[40] Камер-фурьерский журнал 1791 года. С. 11.
[41] РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 161. Л. 2. Ведомости и записки о деньгах, отпущенных Кабинетом за уплату пенсий и жалованья за купленные вещи и произведенные работы 1781–1791 гг.
[42] Там же.
[43] Цит. по: *Петрова Г. С.* Фасады Баболовского дворца. Л. 14.
[44] Сергеев Гавриил Сергеевич (1770-е — 1816) — художник-топограф, рисовальщик, акварелист, мастер видового рисунка. Служил военным топографом в чине майора при Депо карт. Профессионального художественного образования не получил; научился рисовать самостоятельно при снятии топографических планов, когда зарисовывал различные города и местности России, Финляндии, Турции. Исследователи считают Г. С. Сергеева первым русским художником, писавшим виды городов Османской империи и Египта. В 1793–1794 гг. находился в составе свиты генерал-лейтенанта и чрезвычайного посла России в Османской империи М. И. Кутузова, в доме которого долгие годы хранились акварели Г. С. Сергеева. См.: *Капарулина О. А.* Оригинал или копия? К вопросу об атрибуции акварелей и рисунков Г. С. Сергеева // «Мощно, велико ты было столетье!»: сборник научных статей, посвященных юбилею Т. В. Ильиной. СПб., 2014. С. 300–309; *Капарулина О. А.* Рисунки и акварели Г. С. Сергеева в Русском музее // Страницы истории отечественного искусства. XVIII–XX век. Вып. IX. СПб., 2003. С. 146–155; *Кистенева С. В.* «Османские листы» Г. С. Сергеева в собрании Угличского музея // Ярославский художественный музей. VII научные чтения памяти Николая Васильевича Перцева (1902–1981). Сборник статей. Ярославль, 2007. С. 93–104; *Кистенева С. В.* Османский альбом. Акварели Г. С. Сергеева 1793–1794 годов из личного архива М. И. Кутузова. М., 2008; *Кистенева С. В.* Посол и художник. Османские акварели Г. С. Сергеева из домашнего архива М. И. Кутузова // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 2006. М., 2008. С. 461–481.
[45] Петров Василий Петрович (1770–1810) — живописец, рисовальщик; пейзажист. Окончил живописное декорационное отделение Театрального училища при Дирекции Императорских театров в Санкт-Петербурге у Ф. Я. Алексеева. В 1787–1801 гг. преподавал рисование в Горном училище. В 1794 г. получил звание назначенного за картину «Вид мызы П. А. Соймонова», в 1799 г. — чин берггешворена 12 класса. В марте 1801 г. был определен «мастером живописи» в Императорский Эрмитаж. По указу Александра I от 8 июля 1801 г. В. П. Петров направлен в Сибирь «для срисовывания видов горных заводов». В 1806 г. получил звание академика «за оказанное усердие и познание в ландшафтном художестве». ([Электронный ресурс]. URL: https://rusmuseumvrm.ru/reference/classifier/author/petrov_vasiliy_petrovich/index.php (дата обращения 20.07.2022). В августе 1809 г. пришло высочайшее разрешение на возвращение в столицу. В ночь с 13 на 14 марта 1810 г. трагически ушел из жизни.
[46] РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 161. Л. 20. Ведомости и записки о деньгах, отпущенных Кабинетом на уплату пенсий и жалованья за купленные вещи и произведенные работы 1781–1796 гг.
[47] РГИА. Ф. 468. Оп. 37. Д. 145. Дело о принятых от купцов и мастеровых людей вещах и употребленных к убору Зимнего и прочих Дворцов в Генваре и Феврале месяцах сего 1796 года равно и причитающихся как за оные так мастеровыми и прачками за разныя исправления в сих месяцах к выдаче денег.

Трофимова Елена Ивановна

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА, МИЧМАН ЯХТЫ «ШТАНДАРТ» И ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ: НЕСЛУЧАЙНЫЕ СВЯЗИ

В дневниковой записи от 17 июля 1912 г. великая княжна Ольга Николаевна так отзывалась об императорской яхте «Штандарт»: «…Летние месяцы мы проводим на борту яхты „Штандарт“. Это наш плавучий дом»[1]. Действительно, построенное в Дании и спущенное на воду 26 февраля 1895 г. роскошное судно представляло собой сочетание императорского дворца и уютного семейного дома. С одной стороны — традиционные ритуалы и церемонии, с другой — интимная атмосфера жизни любящего семейства. Ограниченное пространство яхты неизбежно приводило к более тесным контактам царственных особ и обслуживающего их персонала — морских офицеров, матросов, слуг.

Что касается парадной стороны жизни на яхте, то стоит упомянуть следующие события. В летнюю навигацию 1897 г. на борту «Штандарта» принимали короля Сиама Раму V, германского императора Вильгельма II, президента Франции Ф. Фора. И в дальнейшем при посещениях России главы иностранных государств неоднократно встречались с русским императором на борту «плавучего дома». Зачастую эти посещения носили неформальный характер, но имели важное для Российской империи политическое и военное значения. К примеру, Вильгельм II трижды поднимался на палубу «Штандарта»: в июле 1902 г. во время маневров учебного артиллерийского отряда Балтийского флота, в июле 1907 г. в германском порту Свинемюнде (ныне Свиноуйсьце, Польша) во время встречи российского и немецкого императоров и позже, в июне 1912 г., при закладке в Ревеле нового порта Петра Великого. В августе того же года русский император встречался на «Штандарте» с премьер-министром Франции Р. Пуанкаре для обсуждения русско-французского союза, переросшего в Антанту.

Однако за внешним блестящим декорумом шла совсем другая, личная, человеческая жизнь. Жизнь без строгих масок, отработанных ритуалов, сдержанного «приличного» поведения. Дети шумно бегали и прыгали на палубе, взрослые позволяли себе

Ил. 1. Яхта «Штандарт» на ялтинском рейде. 1910-е

расслабиться — «расстегнуть воротнички», проводить время за простыми играми и приятными посиделками. Иерархические требования смягчались, офицеры и матросы становились приятелями, интересными собеседниками. Как отметила Ольга Николаевна в той же дневниковой записи от 17 июля 1912 г.: «Алексей столь тесно общается с матросами, что выучился игре на балалайке и ни за что не хочет играть на более „благородных“ инструментах, сколько бедная матушка его не уговаривает. А любимое наше с Танюшей занятие, наведываться в ходовую рубку корабля и украдкой угощать вахтенных офицеров пирожными и конфетами, дабы скрасить нелегкую и ответственную службу»[2].

Среди молодых офицеров был мичман Павел Алексеевич Воронов (1886–1964). Несмотря на молодость, на нем уже была печать романтического героя: в декабре 1908 г., будучи гардемарином крейсера «Адмирал Макаров», он участвовал в спасении гражданского населения во время Мессинского землетрясения. Несомненно, это производило сильное впечатление на юных княжон. Впрочем, молодой, высокий, симпатичный моряк нравился всем — и взрослым, и детям. Император нередко выбирал его в партнеры для игры в теннис, для поездок на лодках. Так, 19 июня 1913 г. Николай II записал в своем дневнике: «После завтрака отправился к теннису

с Кирой и Вороновым в байдарках»[3]. Для Ольги и Татьяны мичман был неизменным кавалером в танцах, а для цесаревича Алексея — старшим товарищем. Позже эту привязанность мальчика отмечала в своих воспоминаниях супруга Павла Алексеевича — О. К. Клейнмихель: «Маленький цесаревич Алексей очень его любил — императрица однажды сказала мне, что он всегда держал фотографию моего мужа возле своей постели и, конечно, мой муж был всецело предан мальчику»[4]. Мичман выполнял и другие поручения августейшей семьи: к примеру, отвечал за подготовку призов и подарков для благотворительных базаров.

Ил. 2. П. А. Воронов с цесаревичем Алексеем Николаевичем в Петергофе. 1910-е

Однако симпатии к Воронову в некоторых случаях приобретали иной характер. Речь идет о романтическом увлечении великой княжны Ольги Николаевны мичманом Вороновым. Тема эта уже достаточно разработана исследователями и публицистами. Но отметим некоторые факты.

Воронов поступил служить на «Штандарт» в 1911 г. Несколько сохранившихся фотографий убедительно говорят о том, что он органично вписался в атмосферу жизни императорской яхты. На одной фотографии он с цесаревичем Алексеем в Петергофе, на другой, взявшись крест-накрест за руки, танцует с великой княжной Ольгой на палубе. Особенно показателен снимок, где Павел Алексеевич сидит в компании великих княжон Татьяны и Ольги, причем последняя дружески-нежно положила свою руку на правую руку мичмана. Сближению молодых людей способствовала и романтическая обстановка, в том числе очарование и морских просторов, и береговых пейзажей. Вот так описывала эту сторону бытия «Штандарта» Клейнмихель: «По-прежнему меня очаровывает воспоминание об одном вечере — праздновании шестнадцатого дня рождения великой княжны Ольги. Бал в ее честь был дан в Ливадии. Красота

крымского пейзажа, с высокими скалистыми горами, чьи мощные силуэты вырисовывались на фоне глубокого южного неба, сверкающего мириадами звезд; сады, полные цветущих роз, отдаленный рокот волн где-то внизу и прелестная молодая принцесса. Ее глаза сияют от удовольствия, на ее щеках румянец волнения — все это было как сказка, которая чудесным образом стала явью…»[5].

Ольга Николаевна влюбилась в Павла Алексеевича, о чем свидетельствуют ее дневниковые записи. К примеру, 17 июля 1912 г. она пишет: «Особенно нравится мне офицер С., он так галантен, услужлив, но самое главное он, как и я, огорчен сегодняшним состоянием России», и там же «С. подарил мне цикл итальянских стихов Гумилева, написанных поэтом во время путешествия по этой стране»[6]. Здесь важно отметить, что «литературный дискурс» великой княжны и мичмана не был случайным. Ольга Николаевна не только интересовалась современной литературой, но понимала и проблематику, которую затрагивали русские писатели. Еще до знакомства с Вороновым, 5 ноября 1907 г., она пишет: «Получилось прочесть повесть „Поединок“ автора Куприна. Меня глубоко поразило это произведение. Это не простая военная повесть. Это нечто новое. Сюжетная канва произведения построена на перипетиях судьбы честного русского офицера, которого условия армейской казарменной жизни заставляют задуматься о неправильных отношениях между людьми. Куприн затрагивает и вопрос о причинах общественного неравенства людей, и о возможных путях освобождения человека от духовного гнета, и о проблеме взаимоотношений личности и общества, интеллигенции и народа. Автор заставил меня совершенно по-другому взглянуть не только на нашу армию, но и на все те события, которые происходят сейчас в России»[7]. Не оставались вне поля ее зрения и поэтические новинки. Красноречиво об этом говорит следующая запись дневника от 18 октября 1913 г.: «От скуки и тоски пристрастилась читать Анну Ахматову. Великая поэтесса, Великий человек. Она будто читает мои чувства, мысли и переносит их на бумагу»[8]. Литературные симпатии способствовали развитию чувств молодых людей — они явно шли по нарастающей. В записи от 18 октября 1913 г. читаем такие строки: «Лето пролетело как одно мгновение. С. остался в Крыму, а я здесь в Царском Селе. Очень скучаю. Каждую ночь вспоминаю, как мы кружились в танце на моем восемнадцатилетии»[9].

Однако если для великой княжны эта влюбленность была очевидной, что это было для Павла? Служебная любезность?

Ил. 3. Великая княжна Ольга и Павел Воронов на борту яхты «Штандарт». 1910-е

Дружеская симпатия? Романтическая влюбленность? Для нас это останется тайной. Понятно, что молодой моряк вряд ли мог рассчитывать на что-то серьезное, учитывая разницу социального положения. Как бы то ни было, но 7 февраля 1914 г. в Царском Селе в Феодоровском Государевом соборе Собственных Его Величества Конвоя и Сводного пехотного полка состоялось венчание лейтенанта П. А. Воронова и графини О. К. Клейнмихель (1894–1981). В церемонии участвовали члены августейшего семейства, а Николай II и Александра Федоровна были посаженными отцом и матерью. Об этом сохранилось упоминание в дневнике императора: «Поехал с Аликс и Сандро в полковую церковь на свадьбу П. А. Воронова и Ольги Клейнмихель поздравить молодых и выпить их здоровье»[10].

Служивший с 1906 г. в различных должностях на императорской яхте Н. В. Саблин (1880–1962) в своих мемуарах так описал это событие: «Всех наших офицеров пригласили на свадьбу в Царское Село, бракосочетание совершалось в Феодоровском соборе, присутствовал Государь с Княжнами. Потом состоялся прием у графини Клейнмихель. И Государь сделал честь молодым Своим с Княжнами присутствием на этом приеме»[11]. Ольга Николаевна, будучи подружкой невесты, записала в дневнике, что просит Господа дать молодым счастья.

Однако нас интересует другой аспект этой истории. Из чуть выше сказанного следует, что между мичманом и Ольгой имели место разговоры о литературе, в частности о поэзии Гумилева. Несомненно, что во дворце читали и детские, и юношеские произведения. Журнал «Задушевное слово» (об этом не единожды указывалось на его рекламных страницах) выписывался в Зимний дворец. С большой долей вероятности можно предположить, что и Воронов рассказывал великим княжнам о своей единокровной сестре Л. А. Чарской (1875–1937), очень знаменитой в те годы писательнице и постоянном авторе данного журнала.

В этой связи следует подробнее остановиться на истории семьи Вороновых. Отец семейства — Алексей Александрович Воронов (1850–1921), военный инженер, был женат на Антонине Дмитриевне, урожденной Крахоткиной, скончавшейся 19 января 1875 г. при появлении на свет дочки Лидии. Во второй брак вдовец вступил более чем через десять лет, обвенчавшись в 1885 г. со своей кузиной Анной Павловной, урожденной Вороновой. От этого брака родились сыновья Павел и Александр и дочери Анна и Наталья. Отношения мачехи и падчерицы Лидии, судя по автобиографическим повестям, переживали различные периоды, но безусловно одно — Лидия Алексеевна Чарская (она приняла этот театральный и литературный псевдоним в 1898 г.) любила своих единокровных братьев и сестер и всегда справлялась об их развитии, обучении, досуге, здоровье. Посвящала им «стишки» (ее название) и стихотворения. Например, обращенное к брату Саше «Познай родину» (1905): «Запомни доблесть тех мужей, / Что силы отдали России, / И тех, что поборов стихии, / Слегли в честь Родины своей»[12]. Более того, она всегда старалась оказывать всевозможную финансовую помощь отцу и его семье. Несмотря на то, что тот дослужился до генерал-майора, поддержка старшей дочери была крайне необходима. Ее брат Павел окончил Морской кадетский корпус, был приписан к Гвардейскому морскому экипажу и с 1911 г. стал служить на «Штандарте». Здесь следует заметить, что семейство Вороновых имело устойчивые связи с царским двором. Об этом говорит хотя бы тот факт, что крестным отцом Александра, младшего брата Павла, был великий князь Дмитрий Константинович.

Трудно поверить, что в своих разговорах с великими княжнами мичман не касался творчества своей сестры. Тем более что к тому

Ил. 4. Великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны с П. А. Вороновым. 1910-е

времени литературная слава Лидии Алексеевны достигла апогея[13]. Есть веские основания тому, что молодой мичман, выражаясь современным языком, поддерживал «информационный канал» между русской писательницей и императорской семьей.

Интересен и другой вопрос: а сколь внимательно читали царские дети произведения Чарской? Обратимся к хронологии. Ольга Николаевна родилась в 1895 г., в девятисотых годах известность и популярность писательницы Чарской в юношеской читательской аудитории России выросла необычайно. Трудно представить, что этот феномен прошел мимо августейшего семейства, которое следило за культурными новинками, в том числе и литературными. Тем более, что произведения Чарской, как уже отмечалось, публиковались в журнале «Задушевное слово», который читали во всех городах и весях Российской империи[14]. Ольга Николаевна, без сомнения, была внимательной и, выражаясь современным языком, квалифицированной читательницей.

Но есть и более убедительное доказательство, что в царском окружении имя Лидии Чарской было хорошо известно. В 1905 г. на страницах раздела «Почтовый ящик» в журнале «Задушевное слово» был опубликован отзыв Саши Лейхтенбергской. Приводим его дословно: «Мне больше всего нравится „Смелая жизнь“ [Лидии Чарской] … Я первый раз пишу в журнал. У меня есть 4 брата и 1 сестра…»[15]. А в другом ее письме, опубликованном в 1907 г.,

рассуждая о героине из новой повести Чарской «За что?», девочка пишет: «…не нравится мне ее эгоизм и сама Лида в детстве…»[16].

Автор этих незатейливых рецензий, почитательница Чарской из Зимнего дворца — герцогиня Александра Николаевна Лейхтенбергская[17] (1895–1960), внучатая племянница Николая II, ровесница Ольги Николаевны. Вполне вероятно, что она могла делиться своими литературными впечатлениями с великой княжной Ольгой. Предположение, что общение девушек было довольно тесным, подтверждает еще одна дневниковая запись великой княжны от 6 января 1913 г.: «…мы <…> поехали в СПб к Ирине. У нее были Зоя Штекель и Саша Лейхтенбергская. Ужасно милая. Мы ничего особенного не делали, но время провели очень весело. Пили чай впятером и много смеялись»[18].

В связи со сказанным возникает вопрос: а могли ли каким-нибудь образом встретиться воочию великая княжна и писательница? Здесь, за отсутствием прямых доказательств, мы вступаем в область предположений. Приглашали ли Чарскую в Зимний или Александровский дворец, мы не знаем. А вот императорский Александринский театр можно считать неким вариантом встречи, тем более Николай II с Ольгой и Татьяной неоднократно его посещали. К примеру, и в дневнике царя, и в записях Ольги мы находим упоминание о спектакле по пьесе П. П. Гнедича «Ассамблея». Ольга пишет 24 января 1913 г.: в «8 ч. 15 м. маленькие с Триной поехали домой, а мы две с Папа в Александринский театр — „Ассамблея“. Очень интересно»[19]. Этим же днем датирована запись Николая II «…в 8 час. отправился в Александр[инский] театр с Ольгой и Татьяной. Видели интересную пьесу „Ассамблея“. Вернулись в Ц. С. в 12»[20]. Таким образом, можно предположить, что, посещая театр, Ольга Николаевна видела в каком-нибудь из представлений сестру Павла. И уж точно Чарскую видели в парадном спектакле 1913 г. «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» по пьесе А. Н. Островского. Тогда в честь празднования 300-летия Дома Романовых труппа театра в полном составе была задействована на сцене. Итак, великая княжна Ольга знала о Чарской, читала ее произведения и, несомненно, автобиографическую трилогию («За что?», «На всю жизнь», «Цель достигнута»).

Но вернемся к интересующему нас вопросу: кого скрывала литера С. в записях великой княжны? И как расшифровать эту букву? Крымские исследователи (М. Земляниченко, Т. Данилова) предлагают следующие слова: «сердце, сокровище, солнце, счастье»[21]. Но мне

Ил. 5. Л. А. Чарская за рабочим столом. 1900-е

думается иное. Отзвуком этой романтической и литературной истории может служить обращение к отцу, которое мы находим в письмах Ольги Николаевны от 22 сентября и 23 октября 1914 г. «Ну, до свиданья, Папа-Солнышко. Спи сладко <…>. Твоя дочь Елисаветградец»; «Папа-Солнышко! Какая ужасная радость наши победы…»[22]. Это ласковое обращение «Папа-Солнышко» почерпнуто из произведений Чарской. Точно так — папа-солнышко — называла своего обожаемого отца Лидюша Воронская — «альтер эго» Чарской, да и сама писательница. Похоже, у нас имеются все основания полагать, что загадочная «С», шифровавшая Павла Воронова в дневнике великой княжны, пришла из произведений его сестры-писательницы, перешла и на Николая II, и на мичмана, как бы фиксируя таинственную связь императорской яхты, великой княжны и молодого моряка. Итак, слово найдено, это — Солнышко. В сложную и прихотливую партитуру этой романтической симфонии вплетена и негромкая партия Лидии Алексеевны Чарской.

По-разному сложились дальнейшие судьбы этого случайного или неслучайного «литературного треугольника».

Начало Первой мировой войны стало поворотной точкой в истории отношений четы Вороновых и царской семьи. Как писала О. К. Клейнмихель-Воронова: «В дождливую ночь, в начале

сентября мне пришлось сказать „прощай“ своему мужу. Перед его отъездом великая княжна Ольга дала каждому из нас по маленькой иконке, которые мы с тех пор всегда носили». И далее добавляет, что «после осмотра врачебной комиссией в Морском госпитале ему было предписано уехать на два месяца на лечение на водный курорт Кавказа»[23], поскольку в январе 1917 г. у Воронова начались проблемы с сердцем, и его вернули с фронта в Петроград.

С 1918 по 1920 г. П. А. Воронов служил при штабе Добровольческой армии. После поражения Белой армии начались зарубежные странствия семейства Вороновых. В 1920 г. они отбывают из Новороссийска на английском крейсере «Ганновер» в Стамбул, затем, в 1928 г., в США, где остаются навсегда. Павел Алексеевич находит работу сначала аналитиком в Военном министерстве, позже работает в разных инженерных фирмах Филадельфии и Чикаго. В 1922 г. у супругов родилась дочь Татьяна. Павел Алексеевич скончался в 1964 г. и был погребен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Совсем по-иному сложилась судьба Л. А. Чарской. Она не покидала Россию, продолжала преданно служить в любимом театре. Пыталась не оставить в стороне и литературную деятельность, несмотря на то, что прежняя широкая известность скорее мешала, нежели помогала при новых идеологических приоритетах. И все же ей удалось написать и выпустить в свет во второй половине 1920-х гг. несколько книжек для детей[24]: «Девочка и белочка», «Пров-рыболов», «Мастер Пепка — делай крепко!», «Про ленивого мышонка-Острого зубенка», правда, под псевдонимом «Н. Иванова». Произведения эти свидетельствуют о настоящем литературном таланте Чарской и, главное, об ее умении слышать ритм времени, понимать запросы читательской аудитории и творчески на них отвечать. В текстах очевиден разрыв с дореволюционной эстетикой, сочетавшей реалистическую традицию с элементами романтизма. Писательница понимает, что новый читатель во многом связан с крестьянским миром и его архаическими традициями, поэтому она намеренно избирает форму народного лубка, в котором сочетается речевая простота, неприкрытая назидательность, незамысловатость и одновременно сказочность сюжетов. Чарской удается примирить экспрессивную форму с энергией содержания, сделать текст художественно современным и одновременно понятным ребенку. Добавлю, что общий тираж этих небольших книжек составил более ста тысяч экземпляров.

Ил. 6. П. А. Воронов с супругой О. К. Клейнмихель-Вороновой. 1913

В сложной атмосфере 1920–1930-х гг. писательнице приходилось скрывать многие факты, касающиеся родственников: ее отец генерал А. А. Воронов и сын Г. Б. Чурилов (1896–1936) служили в Белой армии на Дальнем Востоке. В декабре 1924 г. с театральным стажем в 26 лет Чарская была уволена из театра Акдрамы, таковым стало название бывшего Императорского театра. После этого до самой смерти в 1937 г. она постоянно боролась с бедностью, одиночеством и тяжелым недугом (туберкулез III-й степени). Лишь в середине 1930-х гг., благодаря усилиям ее доброжелателей, и в первую очередь Л. П. Маториной[25], ей была назначена небольшая пенсия местного значения «За литературные заслуги в дореволюционное время».

Скончалась Чарская 18 марта 1937 г. и была похоронена на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга недалеко от часовни Блаженной Ксении Петербургской.

Земная жизнь великой княжны Ольги Николаевны трагически завершилась в Екатеринбурге в подвале Ипатьевского дома 17 июля 1918 г. Царственные мученики пополнили сонм русских святых.

---

[1] Из дневников великой княжны Ольги Николаевны. [Электронный ресурс]. URL: https://estetclub.5bb.ru/viewtopic.php?id=556 (дата обращения — март 2022 г.).

[2] Там же.

[3] Дневники императора Николая II: Т. II. 1905–1918. [Электронный ресурс]. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nikolaj-ii/dnevniki-imperatora-nikolaya-ii-tom-ii-1905-1918# sec_2 (дата обращения — апрель 2022 г.).

[4] Из воспоминаний О. Клейнмихель-Вороновой. [Электронный ресурс]. URL: https://ru-royalty.livejournal.com/2778068.html (дата обращения — март 2022 г.).

[5] Там же.

[6] Из дневников великой княжны Ольги Николаевны. [Электронный ресурс]. URL: https://estetclub.5bb.ru/viewtopic.php?id=556 (дата обращения — март 2022 г.).

[7] Там же.

[8] Там же. Стихотворение Ахматовой «Сладок запах синих виноградин…» настолько понравилось Ольге Николаевне, что она полностью переписала текст в свой дневник.

[9] Из дневников великой княжны Ольги Николаевны. [Электронный ресурс]. URL: https://estetclub.5bb.ru/viewtopic.php?id=556 (дата обращения — март 2022 г.).
[10] Дневники императора Николая II: Т. II. 1905–1918. [Электронный ресурс]. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nikolaj-ii/dnevniki-imperatora-nikolaya-ii-tom-ii-1905–1918#sec_2 (дата обращения — апрель 2022 г.).
[11] *Саблин Н. В.* Десять лет на Императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 312, 313.
[12] Задушевное слово. 1901. № 14. С. 237.
[13] Один из примеров: в вышедшем в 1910 г. первом поэтическом сборнике М. Цветаевой «Вечерний альбом» некоторые стихи навеяны творчеством Чарской, прежде всего, повестью «Княжна Джаваха».
[14] Среди корреспондентов, присылавших свои отзывы в журнал, было много детей знаковых для России фамилий, например, Пиотровские, Поленовы, Бахрушины, Юсуповы, Скалон, фон Витте, Набоковы, Капнист, Кузьмин-Караваевы, многие другие. В этот ряд можно добавить Елену Гоголеву, в будущем знаменитую советскую актрису, Александра Русанова — сына известного полярного исследователя.
[15] Задушевное слово. 1905. № 52 (раздел «Почтовый ящик», внутр. стр. обложки).
[16] Задушевное слово. 1907. № 50 (раздел «Почтовый ящик», внутр. стр. обложки).
[17] Лейхтенбергская (де Богарнэ) Александра Николаевна (1895–1969) с 1916 г. замужем за князем Л. Меликовым, разведена; с 1922 г. замужем за Н. И. Терещенко. Ее отец Н. Н. Лейхтенбергский [Богарнэ-Лейхтенбергский] (1868–1928) принадлежал к кругу высшей аристократии России и был близок к царю Николаю II; более шести лет князь командовал ротой Преображенского полка, в том числе ротой Его Величества, а затем 4-м и 1-м батальонами этого полка. В 1912 г. был произведен в полковники и назначен флигель-адъютантом.
[18] Из дневников великой княжны Ольги Николаевны. [Электронный ресурс]. URL: https://lastromanovs.blogspot.com/2018/05/dnevnik-olgi-nikolaevni-za-1913-god.html (дата обращения — март 2022 г.).
[19] Там же. Спектакль по пьесе П. П. Гнедича «Ассамблея» был поставлен А. И. Долиновым. Премьера состоялась 26 ноября 1912 г. в Александринском театре Санкт-Петербурга.
[20] Дневники императора Николая II. Т. II. 1905–1918. [Электронный ресурс]. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nikolaj-ii/dnevniki-imperatora-nikolaya-ii-tom-ii-1905–1918 (дата обращения — апрель 2022 г.).
[21] Крымские историки разгадали одну из тайн царской семьи. [Электронный ресурс]. URL: http://русскоедвижение.рф/index.php/orthodox-page/59-orthodox-page/26154-2015-02-21-06-07-45 (дата обращения — февраль 2022 г.); также: Тайное «счастье» Великой княжны Ольги: о ком писала в своих дневниках старшая дочь Николая II. [Электронный ресурс]. URL: https://kulturologia.ru/blogs/021018/40729/ (дата обращения — февраль 2022 г.).
[22] Из дневников и писем великой княжны Ольги Николаевны. [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/ladydi_17/otryvki-iz-dnevnikov-i-pisem-velikoi-kniajny-olgi-nikolaevny-romanovoi-5ddf878af2c2912a0dd2cc33 (дата обращения — март 2022 г.).
[23] Из воспоминаний О. Клейнмихель-Вороновой. [Электронный ресурс]. URL: https://ru-royalty.livejournal.com/2778068.html (дата обращения — апрель 2022 г.).
[24] *Трофимова Е. И.* «Слухи о моей смерти сильно преувеличены…» (Творчество Л. А. Чарской после революции) // «Убить Чарскую…»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е — 1930-е гг.): сборник статей. СПб., 2013. С. 88–95.
[25] Л. П. Маторина была редактором журнала «Работница и крестьянка» с 1922 по 1934 г. См.: *Полонская Е. Г.* Города и встречи. Книга воспоминаний. М., 2008. С. 454.

Фоменко Игорь Константинович,
Щербакова Екатерина Игоревна

ЖИЗНЬ В ПОРФИРЕ: ОТ РОЖДЕНИЯ ДО СМЕРТИ

Порфира — лучший саван.
Прокопий Кесарийский. Война с персами

Порфира, именуемая по-русски «багряницей», — это парадное одеяние правителя, мантия цвета пурпура, темно-красного с оттенком фиолетового, багряного. Византийский император носил пурпурный плащ-гиматий, сапожки-кампаги того же цвета, восседал на троне на пурпурных подушках и даже подписывал официальные бумаги пурпурными чернилами. Порфир — это и редкий камень вулканического происхождения, который добывали в каменоломнях Египта. С давних пор считалось, что порфир приносит удачу, и потомки константинопольских василевсов появлялись на свет в дворцовой палате, отделанной порфиром. Из того же чудесного камня изготавливали царские саркофаги владык Ромейской державы. Слово «порфира» неизменно ассоциируется с величием, царем, дворцом.

Попытаемся же проследить течение жизни в византийском императорском дворце, хотя сделать это совсем непросто. Важнейшим источником является книга «О церемониях византийского двора», которая была составлена для императора Константина VII Багрянородного (правил с 913 по 959 г.) и дополнена при Никифоре II Фоке (правил с 963 по 969 г.). В нашем распоряжении имеется немалое количество жизнеописаний василевсов, однако, если речь идет о быте, следует учитывать, что придворные хроники фиксируют выдающееся, необычное, типичное же большей частью остается за кадром как нечто всем известное, очевидное и не привлекающее внимания летописцев. Известно множество красочных описаний дворцовых построек и убранства интерьеров, но в контексте данной конференции мы вынуждены их пропустить.

Скажем буквально пару слов о «прекрасных царских палатах, в которых роскошь сочеталась с очарованием, а очарование с удивления достойной пользой»[1]. В Константинополе существовало несколько дворцовых комплексов, среди них знаменитый Буколеон (Вуколеон), Влахернский дворец, ставший императорской

резиденцией в XII в., и, конечно же, Большой дворец (Magnum Palatium), построенный Константином Великим в новой столице Римской империи на берегах Босфора.

В одном из константинопольских преданий говорится, что, выбирая место для дворца, Константин Великий повелел развесить в разных частях города куски печени. Здесь можно усмотреть античную традицию гадания по печени жертвенных животных или отсылку к знаменитому трактату Марка Поллиона Витрувия (I в. до н. э.) «Об архитектуре», где говорится, что прежде, чем строить дом, нужно осмотреть печень животных данной местности, в частности овец; печень не должна быть синей и поврежденной, в противном случае место не пригодно для человеческого жилья. Так вот, на следующий день выяснилось, что черви завелись во всех кусках печени, за исключением той, которая была помещена к северу от Адрианопольских ворот Константинополя[2]. В этом экологически чистом районе и была возведена императорская резиденция, которая оставалась главной вплоть до конца XI столетия.

Именно здесь располагалась палата, где появлялись на свет порфирородные отпрыски василевсов. Но прежде чем произойдет это событие, должен быть заключен брак, которому предшествует выбор невесты.

Брачный возраст в Византии составлял для юношей 14–15 лет, а для девушек 13–14. В среде аристократии практиковались и более ранние браки, в зависимости от экономических или политических соображений. Во время помолвки родители жениха и невесты, как правило, заключали письменный контракт[3].

Однако интересы интересами, а красота, как известно, — страшная сила. И при выборе невесты для василевса или его сына зачастую именно красота играла решающую роль. В VIII–IX вв. выбор невесты для императора выглядел как средневековый конкурс «Мисс Византия», где победительница получала золотое яблоко, приводящее на память суд Париса. Среди красавиц, наградой которым стала императорская диадема, Феодора Пафлагонская, Ирина из Афин, Мария Амнийская и Феофано из Лаконии.

Последняя стала супругой сына Василия I Льва, будущего императора Льва Мудрого (866–912). В житии Феофано, которая причислена православной церковью к лику святых, говорится о том, как проходили смотрины среди 12 финалисток этого своеобразного конкурса красоты. Заключительное испытание состояло в том,

Ил. 1. Helbert Antoine. Constantinople
Реконструкция части Большого дворца в Константинополе. [Электронный ресурс]
URL: https://vk.com/album-107905924_229879159 (дата обращения 29.09.2022)

кто из претенденток обуется первой. Трех победительниц мать Льва увела в свои покои, где им была приготовлена ванна, и произошел окончательный выбор[4].

Кстати об обуви: когда придворные чиновники прочесывали грады и веси в поисках невесты для императора, они возили с собой некий эталон, которому должна была соответствовать избранница, — изображение (лауратон), а также туфельку (цангион) определенного размера, которую примеряли претенденткам. В житии святого Филарета Милостивого, землевладельца из Пафлагонии, есть история византийской «золушки».

Императрица Ирина (правила с 780 по 802 г.), решив женить своего сына Константина VI (771–797), разослала во все пределы ромейской державы послов в поисках невесты. «Побывав всюду, но не найдя достойной девушки, они пришли в пределы Понта, в самое сердце Пафлагонии, деревню, где жил Филарет Милостивый… Посланцы императора издали заметили старинный, красивый и очень большой дом Филарета Милостивого и, считая, что его занимает какой-нибудь вельможа, велели слугам остановиться там…

Они сказали хозяину дома: „Есть ли у тебя, почтенный старец, жена?“. Он сказал: „Да, господа, есть, а это — мои дети и внуки“. Тогда они сказали ему: „Пусть войдет твоя жена и тоже принимает нас“. Когда она вошла и посланцы увидели, какой она блистает красотой, хотя женщина была уже в преклонных летах, они спросили:

„А дочери у вас есть?“. — „Да, две дочери; юноши, которых вы видите, — их сыновья“. — „Не правда ли, у них есть сестры?“. Старец отвечал: „У моей старшей дочери три дочери“.

Императорские послы сказали: „Пусть девушки войдут, чтобы по воле боговенчанных наших императоров мы взглянули на них. Ведь они повелели нам, недостойным слугам своим, чтобы по всей ромейской земле не осталось ни одной девушки, на которую бы мы не взглянули“.

…Старец сказал им: „Господа, хотя мы и нищи, но дочери никогда не выходят из нашей скромной хижины. Если угодно, господа, войдите во внутренние покои и увидите их“. Те поспешили во внутренние покои. Послов с должным почетом встретили и приветствовали две дочери старца со своими дочерьми. Увидев красоту женщин и необыкновенную прелесть лиц их, и то, с каким достоинством они держатся, послы от изумления не могли говорить. В радости, не отличая девушек от их матерей из-за редкой красоты матерей и, казалось, одинакового возраста тех и других, они сказали старцу: „Отец, которые тут твои дочери, матери девушек, а которые внуки?“. Старец показал. И когда послы императорской мерой стали мерить рост первой девушки, он оказался точь-в-точь, и размер ее головы тоже, и длину стопы они нашли такой, как нужно»[5].

Отправив семейство в полном составе в Константинополь, послы представили внучку Филарета Милостивого Марию фавориту императрицы Ставракию, который проводил предварительный отбор. Многие девушки были отвергнуты, последней оказалась Мария, введенная в покои вместе с матерью, сестрами и дедом. «Император Константин, императрица Ирина и первый при дворе человек Ставракий, увидев поразительную красоту женщин, дивились их скромности и стыдливости, а также благородной осанке, и потому император выбрал Марию, внучку праведника, вторую внучку взял в жены один из его вельмож, по имени Константинакий, почтенный титулом патрикия, а третью вместе с богатыми дарами отправили в жены славному лонгобардскому королю Аргусу[6], ибо Аргус этот хотел, чтобы ему сосватали девушку из Константинополя, пусть бедную, но красивую»[7].

Из брачных чертогов переместимся в порфировый роддом. Стены и пол палаты на женской половине Большого дворца были облицованы редчайшим египетским порфиром, покои украшали пурпурные шелковые занавеси. Дитя, появившееся на свет в «Порфирном

Ил. 2. Военачальник предлагает своих дочерей в жены гостям во время пира. Миниатюра из манускрипта: Иоанн Скилица. Обозрение истории («Мадридский Скилица») Палермо. Середина XII в. Национальная библиотека Испании

зале», называлось «порфирородным» или «багрянородным», и даже пеленки его были оторочены пурпуром, ибо рождение ребенка в семье василевса — дело государственной важности.

Знаменитая Анна Комнина, дочь Алексея I, напоминая о своем высоком статусе, пишет на страницах «Алексиады»: «Император… первого декабря седьмого индикта (1083 г. — *И. Ф., Е. Щ.*) победителем возвращается в столицу и застает императрицу, страдающую от родовых мук в том здании дворца, которое издавна было предназначено для рожениц-императриц. Это здание было названо «Порфира», благодаря чему по всему миру получило распространение слово «порфирородный». Ранним утром в субботу у них родилась девочка, как утверждали, очень похожая на отца. Это была я (принцесса Анна Комнина)…

С чрезвычайной пышностью были исполнены все церемонии, полагающиеся при рождении детей в императорской семье. Вожди синклита и войска совершили, разумеется, славословие, принесли дары и оказали почести, все выражали самую большую радость…»[8]. Через восемь дней по рождении ребенка весь двор торжественно проходил перед молодой матерью, лежащей в опочивальне, обтянутой златотканными материями. Подле нее стояла колыбель, где покоился императорский отпрыск, и каждый, принося ей свои поздравления, клал около постели какой-нибудь подарок для новорожденного[9].

Ил. 3. Дионисий. Константин VI и Ирина
Фрагмент фрески из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. 1502

Первым известным ребенком, рожденным в порфировой палате, стал сын Константина V Копронима и его супруги хазарской принцессы Ирины Чичак (с тюркского — «цветок») будущий император Лев IV (750–780), по прозвищу «Хазар». Он по праву именовался «Порфирогенетом», заметим, что далеко не все византийские императоры могли этим похвастаться. Последняя династия византийских правителей — Палеологи — использовала эпитет «порфирородный» уже в качестве титула.

Ребенок родился, он нуждается в воспитании и образовании. К несчастью, информация о взрослении царских детей осталась за глухими стенами дворцов. Мы знаем, что в Византии существовал обычай, согласно которому дети из знатных семей воспитывались в доме обрученных с ними невесты или жениха. Анна Комнина до восьми лет жила во дворце бывшей императрицы Марии Аланской и воспитывалась вместе с ее сыном от Михаила VII Дуки — Константином, с которым она была обручена в младенчестве. Нередко мальчики из аристократических родов жили в императорском дворце и воспитывались вместе с наследником престола, впоследствии входили в его свиту и имели привилегию высказываться в присутствии василевса и все шансы сделать успешную карьеру. Ярчайшим примером может послужить судьба патриарха Николая Мистика (мистик здесь — придворная должность, личный секретарь императора), который был названным братом и совоспитанником Льва VI.

Об основных целях воспитательного процесса свидетельствуют поучения византийского полководца и писателя Кекавмена (около 1020 — после 1081). Приведем выдержку из его «Домостроя» — составной части сочинения «Советы и рассказы»: «§ 45. О воспитании

детей. Сыновья и дочери твои пусть чтут тебя. А ты уважай их и не пренебрегай ими, хоть они еще малы, ибо чему они у тебя научатся, так и будут поступать. Но уважай и себя, так как себя не уважающий не будет уважать и других. Не будь дерзок, ибо всякий, кто дерзит в неразумии, впоследствии раскается. Чти старца и юношу, и будешь чтим и ими и их Создателем. § 46. О пользе чтения и учения. Читай много — и узнаешь много. Если не понимаешь, не отчаивайся. Не один раз прочтя книгу, обретешь знание от Бога и поймешь ее. А чего не знаешь, спроси у знающих и не гордись. Именно потому людям и не хватает знаний, что они не хотят спрашивать и учиться. Когда кто-нибудь говорит, не мешай ему закончить свою речь. И если добра его мудрость, ты воспользуешься ею, а если негодна, то и тогда извлеки пользу, порицая ее»[10].

Образование было сосредоточено в дисциплинах практической и теоретической «философии». К практической философии относились музыка, медицина, арифметика, геометрия, астрономия и богословие. Теоретическая философия включала в себя историю, этику и политику[11]. Вся эта премудрость предназначалась, конечно же, для мужчин. Хотя встречались и редкие исключения.

В эпоху династии Комнинов, прославившихся интересом к науке и искусству, придворная атмосфера способствовала приобщению к образованию представительниц женского пола. «При таком возрождении классической культуры, — пишет Шарль Диль, — царевна императорского дома, особенно если она была, как Анна Комнина, исключительно умна, не могла больше довольствоваться скудным образованием, дававшимся раньше византийским женщинам. У нее были лучшие учителя, и она воспользовалась их уроками. Она училась всему, чему только можно было учиться в ее время, риторике и философии, истории и литературе, географии и мифологии, медицине и естественным наукам. Она читала великих поэтов древности, Гомера и лириков, трагиков и Аристофана, таких историков, как Фукидид и Полибий, таких ораторов, как Исократ и Демосфен; она читала трактаты Аристотеля и диалоги Платона, и знакомство с этими знаменитыми писателями научило ее искусству хорошо говорить и „утонченнейшему эллинизму“. Она была способна легко цитировать Орфея и Тимофея, Сафо и Пиндара, Порфирия и Прокла, стоиков и академиков. Quadrivium (четыре науки) не составлял для нее тайны: она знала геометрию, математику, музыку и астрологию. Великие боги языческого мира и прекрасные

Ил. 4. Константин Мономах и императрица Зоя перед Христом
Мозаика из собора Святой Софии в Константинополе. Середина XI в.

легенды Эллады были близки ее душе; естественно, что она приводит в своих произведениях Геракла и Афину, Кадма и Ниобею. Она знала также историю Византии и географию, и до известной степени интересовалась античными памятниками: более того, она умела при случае рассуждать о военных делах и обсуждать с врачами лучшие способы лечения. Наконец, эта византийка, как кажется, довольно еще редкое явление на Востоке того времени, знала даже по латыни»[12].

Здоровый дух, как известно, пребывает в здоровом теле, а здоровое тело должно быть чистым. Банные традиции ромеев сложились еще в римских термах. Об их пользе свидетельствуют рекомендации византийского медицинского трактата XI–XIV вв.: «Что касается бани, то она весьма оберегает здоровье и укрепляет тело. Мыться нужно натощак, прежде чем явится голод и аппетит. Опасным является промедление в бане. Однако тот, кто является влажным по темпераменту и имеет тучные и липкие излишки, пусть сидит

в бане до тех пор, пока не выступит пот. Не следует его смывать, пока не наступит облегчение тела… Тот же, кто горяч и сух по темпераменту, пусть моется пресной водой…»[13]. Банями были снабжены все без исключения императорские дворцы.

Кроме того, высокородные и состоятельные византийцы имели возможность для дорогостоящих косметических процедур. Императрица Зоя Порфирородная (около 978–1050), несколько десятилетий дававшая пищу для константинопольских зубоскалов своими скандальными похождениями и менявшая мужей, как перчатки (Роман III Аргир, Михаил IV Пафлагон, Константин IX Мономах), молодилась изо всех сил, лицо ее «сияло свежестью и красотой» до конца дней. Она превратила изготовление косметических средств в царственное хобби: «Зоя терпеть не могла женских занятий, не притрагивалась руками к веретену, не касалась ткацкого станка и ничего другого в этом роде. В то же время пренебрегала она и царскими украшениями, не знаю уж, как было дело в молодые годы, но в пожилом возрасте она потеряла к ним всякий интерес. Одно только увлекало ее и поглощало все внимание: изменять природу ароматических веществ, приготовлять благовонные мази, изобретать и составлять одни смеси, переделывать другие, и покои, отведенные под ее спальню, выглядели не лучше рыночных лавок, в которых хлопочут ремесленники и приставленные к ним слуги. Перед спальней горело обычно множество горнов, одни служанки раскладывали кучи ароматических веществ, другие их смешивали, третьи делали еще что-нибудь»[14].

Здоровое тело не должно, конечно же, страдать от голода и жажды. Большую роль в пищевом рационе византийцев, особенно за императорской трапезой, играло вино. Во дворец поставлялись лучшие сорта, которые непременно должны были быть ароматными. Высококачественным вином император мог даже одарить находящегося в милости подданного, что высоко ценилось [15]. Обратимся к уже знакомому нам медицинскому трактату: «Вино… следует пить в середине еды, а лучше всего выпивать вино после еды — столько, сколько необходимо для увлажнения пищи в желудке и для прекращения жажды, чтобы не случилось горения и засыхания пищи в желудке. После окончательного приема пищи пусть выпьет вина, сколько необходимо». Питаться тоже следовало правильно, не допуская переедания. «Сначала следует принимать все самое легкое из пищи, всякие увлажняющие фрукты, затем есть добрую свежую

рыбу и легкое и молодое мясо, а после всего этого следует принимать тучную по природе и жесткую пищу, как, например, говядину и мясо, жареное на огне: утиное, гусиное, журавлиное, павлинье и всякое, подобное этому»[16].

Вряд ли всем этим рекомендациям следовали при византийском дворе. Неумеренностью отличались и императоры Рима первого, и европейские владыки, пришедшие им на смену, этим никого нельзя было удивить. Удивлялись европейские аристократы византийским застольным обычаям — использованию столовых приборов, чаш для омовения пальцев, салфеток для отирания рук[17].

Вспомним, при каких обстоятельствах цвет Венецианской республики познакомился с двузубой вилкой. В знак благодарности за военную помощь против арабов в жены сыну венецианского дожа Пьетро II Орсело (правил с 991 по 1008 г.) Джованни отдали Марию Аргирополину, дочь будущего византийского императора Романа III Аргира (правил с 1028 по 1034 г.). Свадьбу сыграли в 1004 г. в Константинополе, а затем молодые отправились в Венецию, где вкушение пищи с помощью вилки произвело такое впечатление, что вошло в исторические хроники: «К пище она не прикасалась руками, а распорядилась, чтобы первоначально евнухи нарезали еду на мелкие части. После того, когда слуги все подготовили, Мария стала брать кусочки пищи специальным прибором с двумя зубцами, изготовленным из золота, и не спеша отправлять их в рот»[18].

В византийской провинции уже в VIII в. трапезничали, сидя за столом, но в Константинополе, особенно в императорском дворце, блюли старинный римский обычай и за столом возлежали[19].

Жители дворца и досуг обычно проводили за его стенами. О дворцовых развлечениях мы знаем немного, они упоминались хронистами, в основном тогда, когда мешали императорам заниматься государственными делами или опустошали казну. Например, по словам чрезвычайно осведомленного автора Михаила Пселла, ученого монаха, служившего при дворе девяти императоров, Константин VIII (правил с 1025 по 1028 г.) «пренебрегал своими царскими обязанностями, настолько был увлечен игрой в кости и шашки. Эта забава его увлекала, и он так ею бредил, что во время игры не обращал внимания на ожидавших его послов и отказывался разбирать самые неотложные дела, не отличал ночи от дня и при огромном своем аппетите вовсе воздерживался от пищи, если только хотел бросать кости»[20].

Ил. 5. Императрица Феодора со свитой и безбородыми евнухами
Мозаика из базилики Сан-Витале. Равенна. 547

Михаил III (правил с 842 по 867 г.) предпочитал еще менее интеллектуальные развлечения, увлекаясь конными ристаниями, в которых лично принимал участие. «Некоему патрикию (звали его Имерий Свинья, прозван же так был из-за своего отвратительного облика), сквернослову, который в присутствии царя и сотрапезников испускал грохот из своего поганого брюха и этим грохотом гасил зажженную свечу, Михаил за сие необыкновенное чудо пожаловал сто литр золота[21]. И когда воспринял из божественной купели сына, выступавшего вместе с ним Хилы, тоже пожаловал сто литр золота. Так растратил он казну на сущие пустяки»[22]. А еще компания его приближенных — «все сатиры, гнусные и разнузданные сквернословы» — веселилась, пародируя священные обряды, издеваясь над патриархом и клиром. Это очень напоминаем всем известный «Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор» «протодиакона Петра Михайлова». Может быть, молодой Петр читал «Продолжателя Феофана»? Теоретически мог, так как это произведение, рукопись которого хранится в библиотеке Ватикана, попало в сборник «Византийский Лувр», издававшийся в Париже с 1648 г.

Совершенно очевидно, что дворцовую повседневность во всех ее проявлениях должен был обеспечивать целый штат придворных чинов и слуг. Византийская табель о рангах — тактикон IX–X вв., времени, когда административная система империи приобрела

Ил. 6. Порфировые саркофаги византийских императоров. Археологический музей Стамбула

классические черты, включал 18 позиций. В сочинении «О церемониях византийского двора» упомянуты истопники и мыльщики, ламповщики и часовщики (заметьте, это X в.!), веститоры, в обязанности которых входило облачение императора в парадные одежды и пр.

Многочисленными дворцовыми службами заведовал папий, эту должность традиционно занимали евнухи, о роли которых надо поговорить особо. Правой рукой папия был девтер, тоже евнух, надзиравший за «стульями из дворца», помимо царской мебели, он отвечал за ризницу, где хранились многочисленные завесы и пелены, знаки отличия разных чинов, а также императорский гардероб с церемониальным облачением [23]. Евнухи могли быть стражами дворца или служить в императорской канцелярии. Например, каниклий был хранителем императорской чернильницы с пурпурными чернилами; мистик исполнял должность личного секретаря государя; начальник жалоб подготовлял судебные решения василевса [24].

Слово «евнух» (εὐνοῦχος) с древнегреческого языка переводится как «охраняющий ложе». И на половине императрицы, в гинекее, среди внушительного штата прислуги мужчины могли быть только

евнухами. Препозит священной опочивальни заведовал дворцовым хозяйством василиссы, он же набирал штат кравчих, стольников, камергеров и проч. Придворных дам возглавляла патрикия, руководившая ими с помощью протовестиария — начальника императорской гардеробной.

Евнухом же мог быть не только мелкий слуга, но и командующий армией или активный участник государственного управления. Константин VII Багрянородный предавался ламентациям о засилье евнухов во дворце, подобном количеству мух в овчарне по весне, хотя подлинный расцвет придворного владычества евнухов наступил только в середине XI в.

Византийский дворцовый механизм в значительной степени был унаследован османами после 1453 г. И раз уж мы упомянули о конце Византийской империи, вспомним о конце жизни ее правителей. После смерти, как и при рождении, многих из них сопровождал порфир. Считается, что первым императором, погребенным в порфировом саркофаге, был Нерон. И здесь мы снова видим традицию, ведущую начало от Рима первого и багряной нитью проходящую сквозь всю историю Византии.

Минерал порфир чрезвычайно прочный, кроме того, он имеет уникальное свойство — способность к самоочищению, загрязнение с поверхности камня исчезает в течение трех недель. Для христианского правителя это свойство могло иметь важное символическое значение. Порфировый саркофаг императора — такой же знак царского величия, как пурпурные пеленки порфирородного младенца или красные кампаги василевса, только гораздо более долговечный.

---

[1] Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Пер. с древнегреч., ст., коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1992. С. 137.

[2] *Гордлевский В.* Османские исторические сказания. М., 1915. С. 11.

[3] *Talbot Rice T.* Everyday life in Byzantium. N. Y., 1967. P. 159.

[4] *Курц Э.* Два греческих текста о св. Феофании, супруге императора Льва VI // Записки Императорской Академии наук. VIII серия. Т. 3. Вып. 2. 1898. С. 5–6.

[5] Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Репринт изд. 1972 г. М., 1994. С. 105–107.

[6] Возможно, имеется в виду беневентский герцог Арихис.

[7] Византийские легенды. С. 108.

[8] *Анна Комнина*. Алексиада / Пер. с греч., ст. и коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1996. С. 188.

[9] *Диль Ш.* Византийские портреты / Пер. с фр. М. В. Безобразовой. М., 2011. С. 34.

[10] *Кекавмен.* Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века / Подг. текста, введение, пер. с греч., коммент. Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 229.
[11] *Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. СПб., 2006. С. 197.
[12] *Диль Ш.* Византийские портреты. С. 404–405.
[13] Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. / Пер. с древнегреч., вступ. ст., коммент., указатели Г. Г. Литаврина. СПб., 1997. С. 39–40.
[14] *Пселл, М.* Хронография / Пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. СПб., 2003. С. 91.
[15] Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaelogis libri tredecim. Rec. I. Bekkerus. Bonnae. 1835. T. I–II. T. I. P. 374. 14–15.
[16] Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. С. 36–37.
[17] *Калделлис Э.* Византийская кунсткамера. Неортодоксальные факты из жизни православной империи. М., 2020. С. 59.
[18] *Pier S. Damiani*. Institutio monialis. Cap. XI // Migne Jacques Paul. Patrologia Latina. V. CXLV. Paris, 1844–1855. Col. 744.
[19] *Psellus, M.* Oratoria minora. Ed. by Littlewood, A. R. Leipzig, 1985. P. 11, 46.
[20] *Пселл, М.* Хронография. С. 24.
[21] Литра — единица веса, которая составляла 327,45 г.
[22] Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. С. 76, 86–87.
[23] Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis aulae Byzantinae libri II. Ed. J. J. Reiske. Leipzig, 1751–1766. I. 1, 9, 62, II. 52, 40, 640, 724.
[24] *Каждан А. П.* Византийская культура (X–XII вв.). СПб., 1997. С. 117–118.

Шамедько Анастасия Александровна

ГЛАВНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ИМЕНИЕМ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦЕССЫ Е. М. ОЛЬДЕНБУРГСКОЙ — И. Н. КЛИНГЕН

Как мы понимаем, сама трактовка тематики предполагает многогранность жизни во дворце. Дворцовый комплекс Ольденбургских — это целостный ландшафтно-архитектурный памятник, один из немногих в Центрально-Черноземном регионе, владельцы которого были связаны родством с императорской семьей. Создание дворца связано, прежде всего, с деятельностью представителей рода Ольденбургских. Имение в поселке Рамонь в 1878 г. было куплено ее императорским высочеством принцессой Евгенией Максимилиановной Ольденбургской, супругой принца Александра Петровича, герцога Ольденбургского.

Имение Рамонь известно не только сохранившимся дворцом, возведенным к 1887 г., но и налаженным при Е. М. Ольденбургской сахарным производством, кондитерской фабрикой (Рамонская паровая фабрика конфет и шоколада Е. И. В. принцессы Е. М. Ольденбургской).

Введение 8-польного севооборота, характерного для северных животноводческих областей России, в имении Рамонь объяснялось спецификой хозяйства, подчиненного интересам сахарного производства. Сахарную свеклу нельзя возделывать как монокультуру, производить повторные посевы. Для нее в севообороте рекомендуются звенья: черный пар — озимые — сахарная свекла — однолетние травы на зеленый корм — бобовые на сено — озимые — сахарная свекла — удобренный пар.

Разумеется, за любыми свершениями, любыми переменами стоят люди, благодаря которым они стали возможны. При всем уважении к ее императорскому высочеству трудно заподозрить принцессу в глубоких сельскохозяйственных познаниях. Поэтому понятен особый интерес к личности ее «правой руки» — главного управляющего и агронома, советчика и вдохновителя И. Н. Клингена.

Возникновение вопроса о его причастности к жизни во дворце кажется логичным: слишком далека жизнь дворцов, с их балами, обедами, строгим регламентом, от сельской агрономии. Однако не стоит забывать, что вся жизнь принцессы Е. М. Ольденбургской была подчинена служению делу, что и отличает рамонскую дворцовую жизнь от многих других: «Я замечаю разницу в умении здешних обывателей и препровождением времени в Ильинском [1]: и здесь, и там живется тихо, беззаботно. Но в Ильинском живут только в свое удовольствие, нисколько не вникая в существование местного населения. А в Рамони сочувственно относятся к быту крестьян и участливо думают и говорят о нуждах края»[2].

Также можно упомянуть и о способах времяпрепровождения во дворце, демонстрирующих «демократичность» сложившегося уклада: «К обеду были гости: временно управляющий губернией [3] (за отсутствием губернатора), управляющий Государственным Имуществом Вараввин, губернский предводитель дворянства изящный помещик Сомов [4], уездный, бывший желтый кирасир Алесов [5], управляющий губернской земской управой д-р Кулебякин, уездной Стрижевский [6] и здешний земской начальник Корнеев.

Гуляли при лунном свете. Потом играли с Евгенией, Графиней Любой и Павлом Павловичем Хижиным в кабалу — карточную игру, которой я здесь выучился. — жену доктора Хижина мы прозвали „Хижина дяди Тома“»[7].

Так и семья Ивана Николаевича по приезде в Рамонь с большой симпатией отнеслась к здешним порядкам. По воспоминаниям Евгении Ивановны Пагануцци (урожденной Клинген) и ее матери Евгении Павловны Клинген, Евгения Максимилиановна приезжала в Рамонь надолго, доходило даже до четырех месяцев, но она была так деликатна, что ее присутствие никого не стесняло.

Главному управляющему имения И. Н. Клингену и посвящена данная статья. Обо всем по порядку.

Иван Николаевич Клинген — человек, что называется, «широко известный в узких кругах». Справочная литература по сельскохозяйственной тематике, отмечая его неоспоримый вклад в развитие сельскохозяйственной науки, дает, тем не менее, весьма скудные сведения о его богатом на события жизненном пути. Итак, что известно о Клингене?

«Иван Николаевич Клинген (6 (18) июня 1851–1922) — российский ученый, агроном, специалист по субтропическим культурам, действительный член Русского географического общества, награжден серебряной медалью. Внес научно-практический вклад в развитие методов травосеяния, пчеловодства и опыления клевера»[8].

Большая биографическая энциклопедия, энциклопедический справочник «Африка», сельскохозяйственные словари и справочники отмечают еще и то, что он окончил физико-математический факультет Московского университета (1873), Петровскую земледельческую и лесную академию (1876). С 1891 г. — инспектор кавказских удельных имений. В 1895–1896 гг. участник экспедиций по Египту, Индии, Цейлону, Китаю, Японии для изучения субтропических растений с целью распространения их в России. Обосновал возможность разведения чайного куста в Закавказье и на Северном Кавказе.

Некоторые воронежские источники отмечают, что Клинген был членом Воронежского отделения Императорского московского общества сельского хозяйства, а также являлся главным управляющим имением принцессы Ольденбургской Рамонь и организовал там в 1891 г. съезд агрономов с участием И. А. Стебута и Д. Н. Прянишникова.

То есть в Рамонь приехал работать специалист, уже являвшийся заметной фигурой в русской агрономической науке. Желание принцессы коренным образом изменить жизнь имения отныне было поддержано знаниями и опытом профессионала. Судя по тому факту, что в 1888 г. Евгения Максимилиановна стала крестной матерью его дочери Марии, а рожденный в 1893 г. (Иван Николаевич в это время уже служит в Закавказье) сын Иван появился на свет в селе Рамонь (т. е. супруга Клингена гостила на тот момент в имении), управляющего и его высокопоставленного работодателя связывали очень добрые отношения — Ольденбургские всегда ценили хороших, преданных делу специалистов.

В Рамони в непосредственной близости от дворца обустраивается «метеостанция 1 разряда… Высота термометра: 3,5 метра, высота дождемера: 4 метра, высота флюгера 7 сажень над поверхностью земли. Наблюдатель: студент Петровской земледельческой и лесной академии, прапорщик запаса армии Алексей Михайлович Зиновьев»[9]. В 1890 г., будучи управляющим имением Рамонь, Иван Николаевич был награжден Малой серебряной медалью Русского географического общества. Медаль была выдана «за полезные труды на пользу общества и науки»[10], а именно за создание сети дождемерных станций в Харьковской и Воронежской губерниях.

Развитие сахарной и кондитерской промышленности в России настоятельно диктовало необходимость в выработке собственной, актуальной для именно той местности, где выращивают свекловицу, агротехники; дороговизна заграничных семян сахарной свеклы диктовала необходимость «импортозамещения», т. е. создание собственного семенного фонда, в идеале — своих, русских сортов свекловицы. И здесь пригодился опыт Клингена по созданию опытных полей. Основанное им для экспериментов по сахарной свекле опытное поле имения Рамонь уже в 1912 г. получает статус опытно-селекционной станции, а та впоследствии перерастает во Всесоюзный (ныне Всероссийский) научно-исследовательский институт сахарной свеклы.

«Изучение смены дикой растительности из года в год дает основу для выработки разумного порядка или системы травосеяния и севооборотов»[11] — для повышения урожайности рамонских полей И. Н. Клинген разрабатывает и применяет систему 8-польных севооборотов, чередуя посадки свекловицы, зерновых и бобовых культур с травосеянием.

В период работы Ивана Николаевича в рамонском имении принцессы Ольденбургской им были опубликованы научные работы: «Материалы для решения некоторых вопросов по культуре сахарной свеклы. Подбор свеклы» (1888), «О снежном покрове» (1891), начата работа над книгой «Кормовые растения и польза от них». Как никогда пригодились знания, опыт, энергия ученого в голодные 1890–1891 гг.

Клинген проводит серию испытаний различных примесей к ржаному тесту, апробируя рецепты на контрольных группах добровольцев — рабочих сахарного завода. Проводится контрольное взвешивание (утром и вечером), внимательно отслеживается состояние организма, работоспособность, оцениваются вкусовые качества предлагаемых образцов, во внимание принимаются и такие трудноуловимые аспекты, как «бытовые особенности». Заметим, что все это время при сахарном заводе работают «дешевая столовая» и собственная «дешевая пекарня», организованные по приказу принца А. П. Ольденбургского.

Лучшим решением оказался хлеб с добавлением отходов сахарного производства — «диффузионной резки» (свекловичный жом) и патоки. По заключению рамонского доктора П. П. Хижина и приглашенных из Воронежа специалистов, такой хлеб был вкусен, безвреден[12].

Голодные годы жители Рамони и ее окрестностей пережили с наименьшими потерями, не было смертей от голода и самоубийств от отчаяния. Работники сахарного завода даже помогали голодающим — была собрана сумма в 400 руб. Съезд сельскохозяйственных деятелей в Рамони, посвященный вопросам борьбы с засухой, прошел в 1891 г. — и это, судя по всему, последняя инициатива Ивана Николаевича в бытность его в Рамони.

В 1892 г. Клинген покидает имение ее императорского высочества. Его ждет «обширная пустыня с населением более редким, чем Сибирь», где «природа… роскошна, как нигде в Европе, а климат по мягкости подобен климату Ривьеры»[13], а именно Черноморское побережье Кавказа. Будут в его дальнейшей биографии и чаеводческое хозяйство Чаква, и мандариновые плантации, и научные экспедиции в юго-восточную Азию. Будет чин действительного статского советника, Безенчукская опытная станция и очень престижная должность главного управляющего имениями Брасово и Дерюгино великого князя Михаила Николаевича — должность, которую он не задумываясь оставит, ибо она не оставляет времени для занятий наукой.

Однако рассказ был бы неполным без упоминаний включений И. Н. Клингена в дворцовую жизнь, его контактов с четой Ольденбургских, а также досуга, возможного во дворце и его округе.

Так, по сведениям, предоставленным потомком Клингена, можно говорить о том, что Евгения Максимилиановна приблизила Ивана Николаевича к своей особе, выказывала ему большое доверие и уважение, очень часто приглашала его к обеду. Забавно, что отдельно отмечается тот факт, что такое расположение владелицы имения вызывало изначально зависть и неприязнь других служащих, однако спустя некоторое время отношения наладились.

Важно, что на момент прибытия в Рамонь И. Н. Клингена имение состояло из 3000 десятин, дворец достраивался, дохода почти не было, с течением времени именно он в два раза «увеличил» имение (6000 десятин).

Это было под стать «кипучей» природе Ивана Николаевича, он смог изменить и дворцовую жизнь в частности, и жизнь всего имения Рамонь.

[1] Имение великого князя Сергея Александровича, в настоящее время — село Ильинское, расположенное недалеко от города Одинцово Московской области.
[2] ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 29. Дневник великого князя Константина Константиновича. 3 сентября 1904 г. Л. 114.
[3] Вице-губернатор камер-юнкер граф Оттон Людвигович Медем.
[4] Камер-юнкер высочайшего двора Сергей Михайлович Сомов.
[5] Воронежский уездный предводитель дворянства статский советник И. Т. Алисов.
[6] Председатель Воронежской уездной земской управы А. В. Стрижевский.
[7] ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 29. Дневник великого князя Константина Константиновича. Суббота. 7 [сентября]. 1904 г. Л. 115 об.
[8] Клинген, Иван Николаевич // Большая советская энциклопедия: [В 30 т.] / главн. ред. А. М. Прохоров. Т. 12. М., 1973. С. 190.
[9] Памятная книжка Воронежской губернии на 1891 год. Воронеж, 1891. С. 92.
[10] Перечень награжденных знаками отличия Русского географического общества (1845–2012). М., 2012. С. 27.
[11] *Клинген И. Н.* Кормовые растения и польза от них: Руководство для удельных арендаторов. Ч. 1. Возделывание кормовых растений и польза от них. СПб., 1906. С. 146.
[12] Там же. С. 174.
[13] *Клинген И. Н.* Основы хозяйства в Сочинском округе // Старые черкесские сады. Т. 1. М., 2005. С. 6.

Эльман Виктория Евгеньевна

ДВОР ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

ДЕТСКАЯ ПОЛОВИНА: НЯНИ И КОМНАТНЫЕ ДЕВУШКИ

Члены семьи последнего российского императора, включая детей, остались в воспоминаниях родственников, фрейлин, государственных вельмож, в частности С. И. Буксгевден, Ю. Ден, А. А. Мосолова и других. Вместе с тем первые годы жизни детей, находившихся в окружении нянь и их помощниц, не нашли отражения (за редким исключением) в мемуарной литературе, а сами няни и комнатные девушки [1] практически не оставили следа в памяти своих современников, несмотря на то, что некоторые из них находились рядом с детьми много лет. Однако архивы сохранили информацию о жизни на детской половине. Об этом и пойдет речь в данной статье.

После рождения великой княжны Ольги Николаевны Александра Федоровна приняла решение о формировании штата прислуги при комнатах дочери, о чем свидетельствует выписка одного документа по Канцелярии императрицы: «Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Александре Федоровне благоугодно было признать справедливым, чтобы при комнатах Ее Императорского Высочества великой княжны Ольги Николаевны была назначена прислуга из лиц, состоящих на должностях, тождественных с теми, которые образовали в 1875 и в 1882 годах первоначальный штат комнатной прислуги Их Императорских Высочеств великих княжон Ксении Александровны и Ольги Александровны. Вследствие сего, с соизволения Ея Величества приглашены на должность няни англичанка Эмилия Инман [2], на должность помощницы няни дочь умершего кучера Мария Кузнецова [3] и на должность комнатной женщины Любовь Мальская [4] и переведены из Гофмаршальской части лакей II разряда Сипович [5] и чернорабочий Карпов [6]. Все вольнонаемные»[7].

Первая няня Э. Инман не смогла найти взаимопонимания с Александрой Федоровной и через пять месяцев вернулась в Англию. Николай II записал в дневнике: «Сегодня нас покинула несносная няня-англичанка; радовались, что, наконец, отделались от нее»[8]. Инман сменила мисс Фрэнсис Костер [9], а с 1899 по 1904 г. няней была

Маргарэт Игер, оставившая воспоминания о службе при русском дворе. Об этой няне Николай II также записал в дневнике 29 сентября 1904 г.: «Сегодня после многих недель колебаний Аликс, сильно поддержанная мною и княгиней Голицыной [10], наконец-то решила уволить англичанку — няню детей мисс Игер, что и было ей объявлено Марией Михайловной!»[11]. В своих воспоминаниях М. Игер указала причиной увольнения «личные обстоятельства».

После отъезда мисс Игер на родину старшей няней стала Мария Вишнякова [12], ее помощницей — Александра Теглева [13], так как императрица изъявила желание иметь при детях русскую няню. Мария Кузнецова и Любовь Мальская, не прослужив при великой княжне Ольге и года, вышли замуж и были освобождены от занимаемых должностей.

С 1895 по 1918 г. помощницами нянь, комнатными девушками при великих княжнах состояли Л. С. Мальская, М. В. Кузнецова, М. И. Вишнякова, М. Г. Никитина [14], М. П. Муранова [15], О. А. Теглева [16], А. Г. Макарова [17], А. А. Теглева, А. А. Доронина [18], Н. А. Теглева [19], А. Я. Уткина [20], Е. Н. Эрсберг [21].

Интересно понять, кто такие «комнатные девушки»? По сути это горничные, об обязанностях которых подруга императрицы Ю. Ден писала: «Горничные их высочеств представляли собой нечто среднее между камеристками, служанками и нянями… Их высочества любили своих горничных и часто помогали им убирать комнаты и стелить постели»[22]. Капитан 2-го ранга Гвардейского экипажа Н. В. Саблин писал: «При великих княжнах десять лет проплавали, состоя при них исключительно, чрезвычайно милые барышни, с институтским образованием, носившие весьма странные, давно устаревшие придворные звания, как говорят заведенные еще во времена Екатерины Второй — комнатных девушек и женщин»[23].

Описание своих обязанностей оставила А. А. Теглева, принятая в 1901 г. на службу комнатной девушкой: «В нескольких словах императрица объяснила, чего она ждет от меня: быть в полном ее распоряжении и постоянно находиться около детей. Я должна сопровождать их везде: и во дворце, и за его пределами, принимать участие в их играх и развлечениях. Я поняла, что моя должность была совсем не официальной, скорее, это была роль старшей сестры — ответственной, внимательной и ласковой»[24].

Как правило, это были юные девушки из небогатых семей разных сословий, с отличием окончившие училище нянь

Ил. 1. А. А. Теглева с великими княжнами Марией, Анастасией и Ольгой. 1907

при Императорском Санкт-Петербургском воспитательном доме или школы при Императорском женском патриотическом обществе, председательницей и покровительницей которого в 1896 г. стала императрица Александра Федоровна.

Выбор девушек из воспитанниц заведений при Императорском женском патриотическом обществе, вероятнее всего, не случаен. Сразу после принятия на себя обязанностей председательницы Александра Федоровна стала подробно изучать воспитательную и учебную программы. «Не ограничиваясь одними распоряжениями и указаниями Совету Общества, Государыня Императрица неоднократно удостаивала школы Своим посещением и лично знакомилась с их положением и особенностями. Путем этого знакомства был выработан ряд мер, послуживших к усовершенствованию учреждений Общества, а также к количественному их расширению»[25], при этом основной целью институции было «не терять из виду, что забота о беднейших обязательна для нашего Общества»[26]. Будучи искусной рукодельницей и не любившая сидеть без дела, особое внимание императрица уделяла развитию

женских ремесел в учебных заведениях Императорского женского патриотического общества.

Попечительницами школ были обер-гофмейстерина императрицы М. М. Голицына, графиня М. Ф. Шереметева[27], великая княгиня Елизавета Федоровна и другие дамы двора. Именно они могли рекомендовать девушек. Подтверждением этого является письмо А. Н. Теглева от 12 декабря 1897 г. на имя секретаря дворянства Санкт-Петербургской губернии Ф. И. Григоровского: «Дочь моя Ольга Теглева поступает на службу к дочери Ея Императорского Величества Великой Княжне Ольге Николаевне по 56 рублей в месяц по выбору графини Шереметевой из Патриотической школы, где дочь моя воспитывается»[28].

Комнатные девушки — О. А. Теглева и А. Г. Макарова, а также А. С. Демидова[29] — были воспитанницами Ремесленной школы императора Александра II «В память 19 февраля 1880 г.»[30], при этом первые две девушки обучались на средства Патриотического общества, а Демидова — за счет родителей. О том, что О. А. Теглева училась в Ремесленной школе, говорится и в письме ее отца в Санкт-Петербургское дворянское собрание: «Дочь моя О. А. Теглева вследствие моего прошения была внесена в число кандидатов на поступление в Санкт-Петербургское Елизаветинское училище (ныне институт) на стипендию Г. Г. Педита [нрзб.] или Калинина. В институт моя дочь Ольга по неимению вакансии определена не была и поступила в 1893 г. в женскую патриотическую ремесленную школу в память 25-летнего царствования покойного императора Александра II»[31].

При выпуске из школы Макарова показала особые успехи в кройке платья и вышивании, Демидова — в рисовании, кройке, шитье белья и платья. Все три ученицы упоминаются в очерке, посвященном 50-летию школы: «Оттого мы видим, что они, при выходе из школы, одинаково охотно принимаются и дома и в разные хорошие семейства и учреждения, — одни в качестве простых домашних рукодельниц, другие — в качестве специалистов-мастериц, третьи — в звании помощниц надзирательниц, учительниц и пр. Иные выходят замуж, а некоторые даже призываются в услужение к Высочайшим Особам. Так, из прошлого, 1897 года, выпуска две (Теглева и Макарова) поступили в подняни[32] к Великим Княжнам Ольге и Татьяне Николаевнам, а третья (Демидова) — в комнатные девушки к Государыне Императрице, где и до сих пор с честью

и усердием проходят свою нелегкую, но очень лестную для них службу»[33].

Ремесленная школа имени Александра II, благодаря стараниям своих попечительниц и преподавателей, в 1880–1890-х гг. пользовалась репутацией одной из лучших школ рукоделия в Санкт-Петербурге. В школе преподавали Закон Божий, русский язык, арифметику, рисование, пение, однако важное место в программе занимало обучение практическим навыкам, включая белошвейные работы и кройку белья (в младших классах), вышивку, портной класс, кройку платьев, «кройку платья для белошвеек», штопку, цветочное мастерство, кружевное и шляпное дело. Особое внимание уделялось нравственному воспитанию учениц: «…ничего выходящего из пределов их возраста и состояния, но еще явно во многих из них наблюдались черты их детского, неиспорченного характера, а в некоторых и сознательное нравственно-доброе направление, чему весьма много способствовали: во-первых, довольно строгие правила внутренней дисциплины школьной; во-вторых, мягкое и ласковое обращение с ними их воспитательниц; в третьих, внимательное отношение к Закону Божию и молитве, и наконец, в-четвертых, усердное посещение ими церкви и соблюдение всех церковных обрядов и постановлений»[34]. Воспитанницам строго воспрещалось держать при себе деньги, во время отпуска посещать публичные танцевальные вечера, публичные сады и гулянья. Замеченные в неисполнении этого предписания исключались из школы.

Стоит отметить, что в книге М.-К. Жильяр[35] «Сундук из России» упоминается обучение сестер Теглевых в Смольном институте. Воспоминания А. А. Теглевой, приведенные в книге, безусловно, бесценны, однако при сопоставлении с архивными материалами имеют разночтения. Вот одно из них: «Мне должно было исполниться семнадцать лет, когда директриса сообщила нам о предстоящем визите царицы, которая искала няню для своих старших дочерей — Ольги и Татьяны — и надеялась найти ее среди воспитанниц Смольного… Такой визит был честью для Смольного института, поэтому все должно было быть точно предусмотрено»[36]. Однако в историческом очерке Н. П. Черепнина «Императорское воспитательное общество благородных девиц: исторический очерк 1764–1914» приведен полный список всех выпускниц Смольного института. Ольги и Александры Теглевых в списке нет.

Далее в книге приведены воспоминания Александры Александровны: «В августе от директрисы пришло письмо. Она сообщала моим родителям, что императрица выбрала меня в качестве комнатной девушки для дочерей… Всю семью охватило сильное волнение. Я была одновременно и восхищена, и встревожена, мне было и радостно, и грустно. Я расставалась со своим детским гнездышком, с моей дорогой Ольгой, с семьей и институтом ради жизни, о которой я ничего не знала… Ольга должна была остаться в институте, чтобы закончить обучение, а я вернулась туда всего на несколько дней»[37]. Однако, согласно архивным данным, в 1901 г., когда Александра была принята на службу в должности комнатной девушки, Ольга уже служила при дворе четыре года (с февраля 1897 г.) и не могла оставаться в учебном заведении.

Трудно сказать, когда закрались разночтения о времени и месте обучения А. А. Теглевой, что услышала, а что домыслила автор, очень любившая свою русскую «тетю Аликс»… До настоящего времени мною не найдены документы, уточняющие место обучения А. А. Теглевой. Вероятнее всего, она, как и ее старшая сестра, окончила Ремесленную школу.

Помимо Ремесленной школы Александра II, при императорских детях служили выпускницы Екатерининской, Васильевской школ Императорского женского патриотического общества. Навыки, полученные в школах этого общества, были необходимы комнатным девушкам и помощницам нянь и позволяли им с легкостью следить за гардеробом великих княжон, обучать рукоделию, быть участницами игр.

О. А. Теглева, как и многие другие, покинула дворец после замужества, о чем упомянуто в воспоминаниях М. Игер: «Одна из помощниц няни вышла замуж в прошлом году. Она приехала во дворец сразу после школы, в семнадцать лет, и пробыла там почти семь лет. Она, естественно, была очень привязана к детям и, когда наступил ее последний день службы, весь день провела в слезах, и дети были ужасно огорчены. Увидев ее в таком состоянии, маленькая великая княжна Татьяна сказала ей, что она может остаться, если захочет, она знает, что мы все любим ее и будем скучать по ней, а потом прибежала ко мне умолять не отсылать милую „Теглю“»[38].

К свадьбе О. А. Теглевой, прослужившей при детях семь лет и два месяца, из средств великих княжон под руководством камер-юнгферы М. Ф. Занотти[39] в Дармштадте было приобретено приданое

на сумму 900 руб., в Торговом доме «И. Е. Морозов» заказан подарок за 185 руб., и выдано пособие в размере годового содержания (900 руб.)[40]. Александра Федоровна благословила ее образом Владимирской Божией Матери из личных покоев.

О. А. Теглева, как и другие женщины, служившие при августейших детях, во время службы и после замужества неоднократно обращалась к императрице[41] за материальной помощью в связи с бедственным положением семьи, и эта помощь за редким исключением была оказана. В личном деле Теглевой сохранилось письмо (вероятнее всего, последнее) к камер-фрау М. Ф. Герингер[42], датированное 23 ноября 1916 г., в котором Ольга Александровна писала: «Глубокоуважаемая и дорогая Мария Федоровна! Опять должна просить Вас ходатайствовать перед Ее Величеством помочь мне деньгами, сколько будет милости. Нам все обещают прибавку на дороговизну <…>, а жизнь вздорожала в 5 раз. А сейчас самые трудные месяцы, когда надо основательно топить и дрова уже 40 рублей сажень[43], а их надо 2½ сажени в месяц. Скажу Вам, такая малость, как молоко, раньше стоило нам в месяц 8 рублей, а теперь 35 рублей. И, конечно, может хватить только детям, а все остальное, уже не говоря об одежде и обуви… Боюсь теперь, только чтобы не взяли моего мужа, хотя наш управляющий усиленно за него хлопочет и может быть его освободят, как необходимого инженера для завода, который у нас в Костроме вырабатывает древесный спирт для обороны. Тяжелей всего для нас сейчас дрова. Буду ждать от Вас доброго ответа и еще раз извиняюсь. Будьте здоровы, позвольте поцеловать Вас, глубокоуважающая и любящая Вас Ольга»[44].

М. И. Вишнякова, как и первая комнатная девушка Л. С. Мальская, окончили училище русских нянь при Императорском воспитательном доме, ставившем одной из задач подготовку русских нянь взамен иностранным гувернанткам. В училище принимались девушки в возрасте от 15 до 18 лет, исключительно из питомиц Воспитательного дома. Им преподавали Закон Божий, русский язык, арифметику, рисование, чистописание, пение, гимнастику, рисование, кройку и рукоделие. Воспитанницы получали краткие сведения по географии, отечественной истории, естествознанию, их знакомили с устройством человеческого организма, учили уходу за здоровыми и больными детьми, правилам нравственного воспитания детей, теории занятий детского сада по методу Фребеля. Практические занятия включали уход за грудными детьми, находящимися

на попечении Воспитательного дома. Для изучения методов Фребеля при училище был открыт детский сад, который посещали содержащиеся в Воспитательном доме сироты и дети служащих при доме, а также посторонние дети, допускавшиеся за небольшую плату. Воспитанницы поочередно исполняли ночное дежурство и наблюдали за исполнением кормилицами их обязанностей — кормление детей и уход за ними. Окончившие с успехом полный курс училища удостаивались звания нянь и получали за подписью почетного опекуна, управляющего Воспитательным домом, директора и заведующего учебной частью дипломы двух разрядов, в зависимости от успехов в науках и практическом уходе за детьми.

Надо отметить, что девушки могли не пройти испытательного срока, как случилось с М. Никитиной в 1896 г., временно переведенной из комнат императрицы помощницей няни великой княжны Ольги Николаевны. 3 июля 1896 г. М. Ф. Герингер написала в Канцелярию императрицы: «Если Никитина окажется хороша, то останется на занимаемой должности, в противном случае получит опять свое первое место, а к великой княжне будет взята другая»[45]. Согласно личному делу М. Никитина прослужила комнатной девушкой Александры Федоровны до выхода замуж в 1912 г.

Известны также случаи отказа девушек от пребывания при дворе. Например, Надежде Теглевой, принятой в 1902 г. комнатной девушкой на время отпуска английской няни, после истечения означенного срока было предложено остаться при августейших детях на постоянной основе. Герингер в ходатайстве писала о Надежде: «Имеет прекрасный характер и отлично и добросовестно исполняла свои обязанности, за что при уходе получила подарок от Ее Императорского Величества»[46]. Несмотря на личные симпатии императрицы, Надежда вернулась на прежнее место конторщицы в службу сборов Петербургско-Варшавской железной дороги.

Так сложилось, что великие княжны, дочери последнего русского императора, не имели подруг-сверстниц, и круг их общения ограничивался родней, свитой и служащими при дворе, о чем писали многие мемуаристы, включая баронессу С. И. Буксгевден: «Великие княжны редко видели других детей. Иногда их навещали кузины, дети великой княгини Ксении, иногда чаепитие у мадам Вырубовой или воскресные вечеринки у «тети Ольги». Они привыкли к спокойной жизни, никогда не жаловались и не казались скучающими в обществе друг друга. Они проявляли огромный интерес ко всем

придворным, занимающих как высокие, так и самые низкие посты; были внимательны в мелочах часто делая какие-то вещи самостоятельно, чтобы позволить служанкам оставаться свободными»[47].

Как видно по открыткам, которые великие княжны присылали А. А. Теглевой в Старую Ладогу, когда она находилась во время отпуска у родителей, роль «старшей сестры» ей удалась: между ней и девочками сложились добрые и доверительные отношения. Великая княжна Ольга писала Теглевой: «Милая Шура, очень Вас благодарю за открытку. Мари и я тоже делаем гимнастику, и я это очень люблю. У меня сейчас французский урок. Когда вы приезжаете? Как ваша мама? Кланяюсь Вам и обнимаю Вас, Ваша Ольга»[48]. Об отношении детей к Теглевой существует и свидетельство Ю. Ден, которая отметила: «Самой любимой из них была мадмуазель Теглева, которую обычно называли Шурой»[49].

Уважительному отношению к слугам приучала девочек и императрица, предостерегавшая их от конфликтов. В своих письмах к дочерям она часто просит их быть терпимее и добрее к няням и другим слугам. В письме к Ольге Николаевне от 6 февраля 1909 г. Александра Федоровна писала: «У меня было столько всяких историй с моей гувернанткой, и я всегда считала, что лучше всего извиниться, даже если я была права, только потому, что, я младше и быстрее могла подавить свой гнев. М (М. И. Вишнякова. — *В. Э.*) такая хорошая и преданная, но сейчас она очень нервничает: она четыре года не была в отпуске, у нее болит голова, она простудилась и очень переживает, когда нездоров Бэби. И целый день находиться с детьми (не всегда послушными) для нее тяжело. Старайся ей сочувствовать и не думай о себе»[50].

Простоту в общении с прислугой девочки могли видеть на примере Александры Федоровны. Так, в 1919 г. давая показания по делу об убийстве царской семьи, Теглева и Эрсберг характеризовали императрицу как властную, с сильным характером, при этом Эрсберг говорила: «…для нас Она была весьма доступна и простая»[51]. Теглева, отвечая на вопросы следователя Соколова, уточняла: «…она была добра и весьма доступна. К ней можно было пойти всегда и ей можно было сказать все. Она была сердечна. Она всегда казалась Императрицей. Только в Детской она была проста»[52].

К 1918 г. при детях оставались А. А. Теглева, Е. Н. Эрсберг и А. Я. Уткина. Все они пожелали отправиться с царской семьей в сибирскую ссылку. Насильно разделенные, они переживали

гибель императорской семьи, как личную трагедию. Всем троим удалось выжить и выстоять в это страшное время. Эрсберг и Уткина погибнут в блокадном Ленинграде в 1942 г.; Теглева, став женой П. Жильяра, всю оставшуюся жизнь проживет в благополучной Швейцарии и так никогда не побывает в России. Боль и память об императорской семье она пронесет через всю жизнь. Ее мечту о возвращении осуществит племянница супруга — М.-К. Жильяр, побывавшая в Царском Селе и передавшая в дар нашему музею вещи, принадлежавшие А. А. Теглевой, в память о своей любимой русской крестной — «комнатной девушке Александре Теглевой».

[1] В документах, хранящихся в РГИА, встречается обозначение данной должности в двух вариантах — комнатная женщина и комнатная девушка.

[2] Инман Эмилия (Miss Emily Inman) — английская няня великой княжны Ольги Николаевны. В апреле 1896 г. отбыла в Лондон; получила единовременное пособие в размере 2000 руб. и оплату транспортных расходов.

[3] Кузнецова Мария Васильевна (20 июля 1874 — ?) — помощница няни с 1 октября 1895 г.; дочь старшего кучера Придворной конюшенной части, племянница камердинера Е. В. Катова. Окончила курс училища придворно-служительских детей в 1891 г. (данных об училище на указанный период не найдено). Уволена 25 июня 1896 г. в связи с замужеством. Супруг — мелкопоместный потомственный дворянин Витебской губернии А. П. Михайлов, вдовец. Владел имением Малеевка в Витебской губернии. В 1906 г., устав от побоев, вместе с детьми уехала в Гатчину, к родному дяде, камердинеру Е. В. Катову. Обращалась в Канцелярию императрицы Александры Федоровны с просьбой об оказании материальной помощи и определении детей в приюты. В 1909 г. вернулась к мужу, а в 1910 г. овдовела. В 1909 г. дочь Нина определена в Николаевскую школу на средства августейших детей. В 1909 г. сын Евгений определен в приют П. Г. Ольденбургского на средства великой княжны Ольги Николаевны. Дочь Ираида (от первого брака мужа) нигде не училась. Сын Георгий (от первого брака мужа) окончил городское 4-классное училище. В Первую мировую войну ушел на фронт добровольцем, погиб под Перемышем. Неоднократно обращалась в Канцелярию императрицы с просьбой о трудоустройстве и оказании материальной помощи. В 1916 г. вышла замуж за потомственного почетного гражданина А. Б. Кильгаста, «чтобы вместе с мужем облегчить тягости жизни».

[4] Мальская Любовь Семеновна (7 марта 1875 — ?) — питомица училища русских нянь при Императорском воспитательном доме. С 7 октября 1895 г. по 22 августа 1896 г. состояла комнатной женщиной при великой княжне Ольге. В 1896 г. получила медаль в память о коронации Николая II. К свадьбе было выдано 60 руб. из сумм великой княжны. После замужества и переезда к мужу неоднократно обращалась в Канцелярию двора Александры Федоровны с просьбами о переводе мужа-врача в Санкт-Петербург.

[5] Сипович Александр Антонович (8 декабря 1843 — 1914) — санкт-петербургский ремесленник. В 1893 г. определен к высочайшему двору лакеем II разряда по вольному найму, с 1 января 1896 г. переведен в штат прислуги при комнатах великой княжны Ольги. В 1898 г. переведен в лакеи I разряда. 23 апреля 1903 г. получил личное почетное гражданство по «разряду не торгующих, с исключением из санкт-петербургского ремесленного общества». 23 апреля 1911 г. получил потомственное почетное гражданство.

В 1914 г. вышел на пенсию по болезни с содержанием 490 руб. из средств императорских детей и 150 руб. из Кабинета Е. И. В. Получил на память 12 столовых и 12 чайных серебряных ложек с изображением государственного герба (на сумму 90 руб.) Умер в 1914 г.

[6] Карпов Михаил Карпович — чернорабочий, «буфетный мужик». Крестьянин Тверской губернии, Старицкого уезда, Павликовской волости, деревни Крутук. Первоначально поступил на службу в Зимний дворец чернорабочим камер-юнгферы императрицы Марии Александровны Михельсон. В 1878 г. определен ко двору буфетным чернорабочим, с 1 января 1896 г. в штате прислуги великой княжны Ольги. В 1911 г. был оштрафован за невозвращенный в Сервизную кладовую поднос. В 1914 г. за 35-летнюю службу при дворе награжден золотыми часами с цепочкой с изображением государственного герба. 1 августа 1917 г. отправился в добровольную ссылку с императорской семьей. Согласно письму на имя графа Ростовцева от 20 января 1918 г. просил сохранить за ним квартиру до возвращения из «командировки». Дальнейшая судьба неизвестна.

[7] РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 154. Л. 7. Всем полагалась выплата содержания: оклад няни — 1800 руб., помощницы няни — 1200 руб., комнатной женщины — 540 руб., лакея — 360 руб., чернорабочего — 240 руб.; помимо оклада выплачивались наградные деньги на праздники Рождества Христова, Пасхи в размере ½ месячного содержания. В декабре 1895 г. в штат прислуги при комнатах Ольги Николаевны дополнительно был принят из Зимнего дворца лакей II разряда Я. Шамов (с окладом 360 руб. в год).

[8] Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. Т. 1 / отв. ред. С. В. Мироненко. М., 2011. С. 269.

[9] Костер Фрэнсис (Франциска, Фанни) (1849–?) — английская поданная. С 30 апреля 1896 г. принята на службу няней великой княжны Ольги Николаевны. 26 мая 1896 г. ей пожалована медаль в память коронации императора Николая II. Уволена 1 февраля 1899 г.

[10] Голицына Мария Михайловна (1836–1910) — урожденная Пашкова; светлейшая княгиня, обер-гофмейстерина двора императрицы Александры Федоровны.

[11] Дневники императора Николая II (1894–1918). С. 828.

[12] Вишнякова Мария Ивановна, из петербургских мещан. Окончила курсы школы нянь при Санкт-Петербургском воспитательном доме. До высочайшего двора служила у графини Мусиной-Пушкиной из Воспитательного дома. С мая 1897 г. состояла в должности помощницы няни при великой княжне Ольге. После увольнения М. Игер назначена няней «августейших детей». В 1911 г. за отличное исполнение обязанностей получила личное почетное гражданство. Уволена со службы в 1913 г. с пожизненной пенсией и предоставлением казенной квартиры.

[13] Теглева Александра Александровна (1884–1955) — дочь потомственного дворянина, губернского секретаря А. Н. Теглева, младшая сестра Ольги и Надежды Теглевых. С ноября 1901 г. была назначена комнатной девушкой при императорских детях. С 1 мая 1904 г., после замужества сестры Ольги, Александра заняла ее место второй помощницы няни мисс Игер с окладом 600 руб. в год. По случаю рождения цесаревича Алексея, с соизволения императрицы Александры Федоровны, содержание было увеличено до 900 руб. в год. С 20 марта 1907 г. жалование Теглевой увеличено до 1200 руб. в год. После увольнения мисс Игер и назначения няней М. Вишняковой Теглева заняла место помощницы няни. В 1912 г. Теглевой была пожалована светло-бронзовая медаль для ношения на Владимирской ленте в память 100-летия Отечественной войны 1812 г., в 1913 г. — медаль в память празднования 300-летия Дома Романовых. После увольнения Вишняковой Теглева стала старшей няней.

[14] Никитина Мария Гавриловна (11 июля 1871 — ?) — комнатная девушка при императрице Александре Федоровне с 13 января 1896 г. С 1 августа 1896 г. по 1 января 1897 г. временно исполняла обязанности помощницы няни великой княжны Ольги. Уволена в связи с замужеством. Мещанка из Колпино.

[15] Муранова Мария Петровна (18 октября 1879 — ?) — комнатная девушка при великой княжне Ольге с 25 октября 1896 г., с 20 февраля 1897 г. — помощница няни. Уволена 9 мая 1897 г. по болезни. Мещанка из Кронштадта, воспитанница I Васильевской школы Императорского женского патриотического общества. При выпуске из школы экзаменовалась по шитью, кройке белья и вышиванию, удостоена права на получение из Санкт-Петербургской ремесленной управы свидетельства подмастерицы. В 1898 г. по ходатайству Н. А. Ламздорфа определена на классную должность в Санкт-Петербургское городское управление. Вышла замуж за И. И. Станкевича. Обращалась в Канцелярию императрицы Александры Федоровны с просьбой определить дочь Марию в школу нянь в Царском Селе. Овдовела, дочь умерла.

[16] Теглева Ольга Александровна (26 мая 1878 — ?) — комнатная девушка с 20 февраля 1897 г. по 20 февраля 1902 г., с 21 февраля 1902 г. по 25 апреля 1904 г. — вторая помощница няни. Воспитанница Ремесленной школы Александра II при Императорском женском патриотическом обществе. Уволена в связи с замужеством. После свадьбы переехала жить в Кострому, где ее муж — В. В. Дашкевич, инженер-технолог — служил химиком в Костромском акцизном управлении и изучал сахарные и винокуренные производства. 10 февраля 1905 г. в семье Дашкевичей родился сын Александр, восприемником от купели которого был Николай II. Крестной сына Юрия, родившегося 27 октября 1906 г., была императрица Александра Федоровна. Крестной сына Алексея, родившегося 27 января 1914 г., по просьбе О. Дашкевич стала великая княжна Ольга Николаевна. По ходатайству О. Дашкевич дети сестры ее мужа — Сигизмунд и Антон Родзевичи — были определены за казенный счет в Гатчинский сиротский институт имени императора Николая I. Также она неоднократно обращалась в Канцелярию императрицы Александры Федоровны за содействием по продвижению ее мужа по карьерной лестнице. Судя по переписке, семья пребывала в тяжелом финансовом положении, в связи с чем императрица несколько раз оказывала ей финансовую помощь.

[17] Макарова Александра Григорьевна (18 апреля 1878 — ?) — комнатная девушка с 12 апреля 1898 г. по 7 ноября 1901 г. Дочь губернского секретаря. По окончании курса в отделении I класса городской школы поступила пансионеркой (за счет Патриотического общества) в Ремесленную школу Александра II при Императорском женском патриотическом обществе. Уволена в связи с замужеством. Супруг — титулярный советник П. И. Росновский, римско-католического вероисповедания. Сыновья — Бронислав (1906) и Владислав (1907). Восприемницей при крещении обоих сыновей была императрица Александра Федоровна. В 1913 г. обратилась с просьбой окрестить дочь Елену в православную веру — Александра Федоровна согласилась быть восприемницей от купели. В 1914 г. обратилась в Канцелярию императрицы Александры Федоровны с просьбой определить дочь в Николаевский сиротский институт на Куракину (Александровскую) дачу для малолетних. В 1916 г. Елена была определена пансионеркой за счет средств императрицы. Овдовев, в 1917 г. вышла замуж во второй раз.

[18] Доронина Анна Александровна — помощница няни с 5 февраля 1905 г. по 1 января 1907 г. Из мещанского сословия. После увольнения работала массажисткой в Ортопедическом институте Санкт-Петербурга.

[19] Теглева Надежда Александровна (1 октября 1866 — ?) — старшая сестра Ольги и Александры Теглевых.

[20] Уткина Анна Яковлевна (15 декабря 1873 — 1942 (?)) — третья комнатная девушка , помощница няни у великих княжон (с 22 января 1904 г.). Из крестьянок Нижегородской губернии Ардатского уезда, Илевской волости, села Илева. В 1911 г. отец получил потомственное почетное гражданство. Умерла в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г. (?).

[21] Эрсберг Елизавета Николаевна (18 сентября 1882 — 1942) — комнатная девушка , помощница няни при августейших детях. Племянница лакея I разряда Зимнего дворца А. Х. Эрсберга, прослужившего при дворе 56 лет и имевшего на попечении пять племянниц. Проживал с племянницами в казенной квартире по адресу: Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, д. 46, кв. 37. В 1899 г. окончила Екатерининскую школу при Императорском женском патриотическом обществе. При выпуске из школы экзаменовалась по вышиванию, кройке, шитью белья и платья, в которых комиссия признала ее наиболее способной. После отречения Николая II вместе с другими слугами добровольно поехала за царской семьей. Сопровождала августейших детей при переезде из Тобольска в Екатеринбург, где 23 мая 1918 г. была отделена от них и оправлена в Тюмень. В 1919 г. была опрошена судебным следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколовым как свидетельница по делу об убийстве царской семьи. Вероятнее всего покинула Россию, но в 1920-е гг. вернулась в Ленинград, где проживала с сестрами Ольгой и Анной по адресу: Васильевский остров, 9-я линия, д. 46, кв. 9. Погибла в блокадном Ленинграде в марте 1942 г., похоронена на острове Декабристов.

[22] *Ден Ю. А.* Подлинная царица / Лили Ден / Последняя Великая Княгиня / Йен Воррес / [Пер. с англ. В. В. Кузнецова] М., 1998. С. 48.

[23] *Саблин Н.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 28.

[24] *Жильяр М.-К.* Сундук из России. Воспоминания об Александре Теглевой-Жильяр — няне детей императора Николая II. М., 2015. С. 55.

[25] *Шумигорский Е. С.* Императорское женское патриотическое общество (1812–1912). СПб., 1912. С. 176, 177.

[26] Там же. С. 177.

[27] Шереметева Мария Федоровна (1863–1939) — графиня, с 15 мая 1883 г. фрейлина императрицы Марии Федоровны. В браке за графом А. Д. Шереметевым.

[28] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 11. Д. 363. Л. 4.

[29] Демидова Анна Степановна (1872–1918) — комнатная девушка при императрице Александре Федоровне, купеческого сословия. Окончила Череповецкую Мариинскую гимназию, в 1892 г. поступила в Ремесленную школу Александра II при Императорском женском патриотическом обществе. С 13 января 1898 г. поступила комнатной девушкой при императрице Александре Федоровне. Добровольно поехала за царской семьей в Тобольск, а затем в Екатеринбург. Была убита в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в подвале дома Ипатьева. В 1981 г. канонизирована Русской православной церковью за рубежом.

[30] С 1848 по 1873 г. — Отделение 2-й Адмиралтейской школы; в 1873 г. преобразована в Ремесленную школу; в 1880 г., по случаю 25-летия царствования императора Александра II, школе присвоено наименование «Школа императора Александра II».

[31] ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 11. Д. 363. Л. 5.

[32] Согласно личным делам обе были приняты на службу комнатными девушками.

[33] *Белявский К. В.* 50-летие Ремесленной школы императора Александра II Императорского Женского патриотического общества. СПб., 1899. С. 45, 46.

[34] Там же. С. 44.

[35] Мари-Клод Жильяр (1930–2018) — племянница учителя французского языка детей Николая II и гувернера цесаревича Алексея П. Жильяра и крестница его супруги А. А. Теглевой. В книге представлены воспоминания А. А. Теглевой, записанные М.-К. Жильяр.

[36] *Жильяр М.-К.* Сундук из России… С. 50.

[37] Там же. С. 53.

[38] *Eagar M.* Six Years at the Russian Court. New York, [1906]. P. 267–269. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/sixyearsatrussia00eagaiala/page/266/mode/2up (дата обращения 23.09.2022).

[39] Занотти Магдалина Францевна с 14 ноября 1894 г. находилась на службе при дворе в должности младшей камер-юнгферы комнат Александры Федоровны. В 1908 г.

назначена старшей камер-юнгферой. В 1915 г. удостоена звания личной почетной гражданки. Награждена медалями «В память коронования императора Николая II», «В память 300-летия Дома Романовых». Летом 1917 г. вместе с императорской семьей выехала в Тобольск, затем в Екатеринбург.

[40] Комнатная девушка А. Е. Макарова, прослужившая при детях три года и семь месяцев, получила к свадьбе 270 руб. (½ годового содержания), помощница няни М. Кузнецова — 400 руб., комнатная девушка Л. Мальская — 60 руб.

[41] Все прошения комнатной прислуги поступали в Канцелярию Александры Федоровны вместе с запиской камер-фрау и докладывались императрице ее секретарем.

[42] Герингер Мария Федоровна (4 февраля 1850 — ?) — камер-фрау императрицы Александры Федоровны. Вдова. Муж — Николай Людвигович Герингер. Дети: Федор, Николай, Лидия. Имела квартиру в Зимнем дворце, во Фрейлинском корпусе. До поступления ко двору два года служила классной дамой в Воспитательном обществе Смольного института с 15 августа 1892 г. по 1 октября 1894 г. Уволена 25 января 1918 г. с назначением пособия в размере 950 руб. в год.

[43] В 1906 г. сажень дров стоила 5 руб.

[44] РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 48. Л. 169.

[45] Ф. 525. Оп. 1. Д. 117. Л. 3.

[46] Ф. 525. Оп. 1. Д. 84. Л. 5.

[47] *Буксгевден С. К.* Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России: воспоминания фрейлины. М., 2012. С. 171.

[48] *Жильяр М.-К.* Сундук из России… С. 60.

[49] *Ден Ю. А.* Подлинная царица. С. 48.

[50] Царские дети: [сборник] / [ред.-сост. Н. К. Бонецкая]. М., 2015. С. 409.

[51] [Протокол допроса Е. Н. Эрсберг, 6 июля 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. М., 1998. С. 135–148. [Электронный ресурс]. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=150759 (дата обращения 20.08.2022).

[52] [Протокол допроса А. А. Теглевой, 5–6 июля 1919 г.] // Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. М., 1998. С. 118–135. [Электронный ресурс]. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=150758 (дата обращения 20.08.2022).

СОДЕРЖАНИЕ

Андреева Татьяна Сергеевна,
Кудряшова Александра Анатольевна
Придворные служители Александровского дворца: должность араба *4*

Аронова Алла Александровна
Царские дворцы Москвы и Санкт-Петербурга в церемониальной практике двора Петра I *20*

Астаховская Светлана Анатольевна
Мебель столярного мастера А. Ф. Вунша в Гатчинском дворце *29*

Баженова Ольга Константиновна
Подарки императрице Марии Федоровне от фрейлин в собрании ГМЗ «Павловск» *36*

Бахарева Наталья Юрьевна
Анна Паликучи — камер-юнгфера Екатерины II. Реконструкция биографии *48*

Белковская Валентина Михайловна
Мраморный дом князя Григория Григорьевича Орлова. 1768–1783 . . . *58*

Борушко Елена Александровна
Несколько эпизодов из жизни Царского Села в годы Первой мировой войны. По материалам архива Дворцовой полиции *69*

Ботт Ираида Куртовна
Пьер Жильяр и семья Николая II *78*

Бредихина Ирина Игоревна
Конюшни Придворного ведомства в Царском Селе в XIX в. *99*

Векшин Владимир Алексеевич
Владимир Николаевич Деревенко — личный врач и учитель цесаревича Алексея Николаевича *123*

Вершевская Марина Виловна
«Старанием и усердием плац-майора Подушкина…». К истории икон в воротах Петропавловской крепости *134*

Гарманов Иван Александрович
От идеи до предмета. Процесс создания О. Монферраном мебели для Зимнего дворца. 1827–1828 гг. *151*

Герасимов Владимир Валентинович
Об организации хозяйственных помещений и служб при дворцовых постройках архитектора М. Е. Месмахера. На примере императорского имения в Верхней Массандре в Крыму *160*

Гертнер Елена Ивановна
Служители для охраны дворцов и павильонов Петергофа *176*

Горбовская Светлана Глебовна
Здание Филологического и Восточного факультетов СПбГУ. Метаморфозы дворца императора Петра II *184*

Данилов Андрей Николаевич
Софья Андреевна Толстая — графиня, мать, садовница *190*

Дроздов Андрей Анатольевич,
Андреев Максим Николаевич
Стеклянная посуда в повседневном обиходе русской аристократии с древности до середины XVIII в. *200*

Епатко Андрей Юрьевич
Дворец Анны Иоанновны и Бирона в Летнем саду *212*

Ефремова Ирина Константиновна
За кулисами останкинских празднеств: подготовка к парадному застолью в XVIII в. *225*

Ефремова Ирина Константиновна,
Кондакова Мария Дмитриевна
Ложка к обеду… Приготовления к застольям в усадьбе графа Н. П. Шереметева Останкино *239*

Жерихина Елена Игоревна
Жизнь царскосельской резиденции в 1847–1851 гг. в дневниках великого князя Николая Николаевича *250*

Зеленянская Юлия Валентиновна
К вопросу изучения структуры и функционирования петергофских дворцовых кухонь в период правления императрицы Екатерины II *263*

Зимин Игорь Викторович
Новации в системе водоснабжения императорских резиденций в XVIII–XIX вв. *277*

Зурабян Нина Михайловна
Голштинцы при императорском дворе в России XVIII в. и их петербургские адреса *283*

Иванова Наталья Ивановна
Деятельность Придворной медицинской части императорского двора по отчетам 1906–1907 гг. *302*

Исаченко Татьяна Александровна
«Книга эта — в высшей степени изящный настольный альбом…». Памятная антология графини А. А. Толстой как атрибут досуга и быта императорской семьи *310*

Казанина Наталия Валентиновна
Жизнь двора великого князя Константина Павловича по финансовым документам начала XIX в. *324*

Карпенко Ирина Александровна
«Желающим вновь поступить на службу в названный дворец…». Служители Аничкова дворца в 1917 и 1918 гг. *332*

Кащенко Елена Сергеевна
Жизнь и обычаи королевского двора эпохи Людовика XVI в фильмах П. Леконта «Насмешка» (1996) и Б. Жако «Прощай, моя королева» (2012) *341*

Кислицына Ольга Сергеевна
Камерцалмейстерская часть Петергофского дворцового правления *347*

Клобукова (Голубинская) Наталья Федоровна
Музыка на службе японских императоров: история церемоний и развлечений *356*

Клочков Дмитрий Алексеевич
Придворные служители Царскосельского дворцового правления в царствование императора Александра I *366*

Лансере Наталья Николаевна
Пенсионерная конюшня и некрополь императорских лошадей в Царском Селе: бытование комплекса при Николае I и Александре II *389*

Маньков Сергей Александрович
Кражи из Царскосельской придворной церкви *406*

Метелкина Анна Геннадьевна
Контакты членов Российского императорского дома с однофамильцами «совершенно модного живописца» Ф. Крюгера . . . *418*

Муравьева Ирина Борисовна
Педагоги Технологического института и обучение царских детей . . . *430*

Новиков Александр Юрьевич
Ботаническая жизнь во дворце *438*

Новикова Ольга Валерьевна
Управляющий Придворной его высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича канцелярией М. М. Томсен. Жизнь Мраморного дворца в начале XIX в. *449*

Павлова Марина Анатольевна
Дворец А. Д. Меншикова в Ораниенбауме: службы и мастерские *458*

Платонова Мария Анатольевна
Коллекция посмертных изображений членов семьи великого князя Михаила Павловича в Ораниенбауме. Попытка интерпретации *472*

Платонова Мария Анатольевна
Протоиерей великокняжеской придворной церкви в Ораниенбауме Гавриил Любимов: служба Богу, великокняжеской семье и в собственных интересах *486*

Распопова Ирина Петровна,
Ушенина Ольга Сергеевна
Аренсы в царскосельском Адмиралтействе *501*

Рогатнев Алексей Сергеевич
Гвардейское озорство. Бытовые зарисовки первой половины XIX в. *527*

Саламатова Елена Александровна
«Милая, дорогая Настенька…». Будни и праздники Анастасии Петровны Орловой, учительницы детей великого князя Константина Константиновича *538*

Сафонов Михаил Михайлович
Опочивальня Павла I 11 марта 1801 г. *554*

Сидорова Анна Николаевна,
Эдельман Ольга Валериановна
Новые страницы дневника Елизаветы Алексеевны. Любовная история императрицы *570*

Сидорова Марина Викторовна
Дворец Коттедж в Петергофе. Неизвестный проект архитектора В. П. Стасова *579*

Скурлов Валентин Васильевич
Подарки из Кабинета Его Величества придворнослужителям *589*

Слюнькова Инесса Николаевна
Истории уволенных со службы в Ливадии по сокращению штатов 1882 г.: ученый садовник Ф. Д. Ланг, боцман Н. Макаров, протодиакон О. Кильчевский и другие *598*

Спащанский Андрей Николаевич
Врачебные тайны елизаветинского дворца. О чем молчит «Камер-фурьерский журнал» *612*

Тарханова Анна Викторовна
«Присутствие» в Баболовском дворце и его содержание «в надлежащем виде» (1780–1790-е) *620*

Трофимова Елена Ивановна
Великая княжна, мичман яхты «Штандарт» и Лидия Чарская: неслучайные связи *637*

Фоменко Игорь Константинович,
Щербакова Екатерина Игоревна
Жизнь в порфире: от рождения до смерти *649*

Шамедько Анастасия Александровна
Главный управляющий имением ее императорского высочества принцессы Е. М. Ольденбургской — И. Н. Клинген *663*

Эльман Виктория Евгеньевна
Двор последнего российского императора. Детская половина: няни и комнатные девушки *669*

ЖИЗНЬ ВО ДВОРЦЕ.
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Сборник научных статей
XXVIII Царскосельской конференции

Иллюстрации, опубликованные в сборнике,
предоставлены и атрибутированы авторами статей.
Написание имен и наименований воспроизводится по авторскому тексту.

ООО «Русская коллекция СПб»
199178, Санкт-Петербург, В. О., 13-я линия, д. 30, оф. 4
Тел./факс: (812) 327-73-01, 327-73-00
www.kniga-nazakaz.ru
Директор издательства Е. В. Цветкова
Главный редактор В. И. Боковня
Редактор Е. А. Рипак
Выпускающий редактор Ю. В. Зубач
Корректор Л. С. Колиушко

ISBN 978-5-00067-117-7

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, дом 8, офис 14
Тираж 450 экз. Заказ № 165